

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

Санкт-Петербургский Центр девиантологии

Я.И. Гилинский

**КРИМИНОЛОГИЯ:
теория, история, эмпирическая база,
социальный контроль**

Авторский курс

4-е издание, переработанное и дополненное

УДК 343.98
ББК 67.51
Г 47

Предисловие к четвертому изданию

Г 47 Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб и доп. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. — 517 с.

ISBN 978-5-905966-55-2

Предлагаемая книга — четвертое, переработанное, значительно дополненное и исправленное

Монографическое издание известного ученого, которая может служить как учебником криминологии для студентов и аспирантов, так и справочным руководством для всех интересующихся проблемой «преступление и наказание». Автор излагает, кроме общепринятых, свои собственные представления о науке криминологии, преступности, ее видах, а также о реакции общества и государства на преступность (социальный контроль над преступностью). Издание отличается как широкий кругозор автора, оригинальное видение и глубокое видение рассматриваемых проблем. Предыдущие издания данной монографии заслуженно пользовались спросом у юридической общественности и стали библиографической редкостью. Важной отличительной особенностью издания является актуальность представленного статистического материала на 2017 г.

Может быть рекомендована студентам всех форм обучения, аспирантам, преподавателям по специальности уголовное право и криминология, практикующим юристам.

ББК 67.51

Первое издание моей «Криминологии» было опубликовано Издательским домом «Питер» в 2002 г. Второе издание — в 2009 г. Издательством Р. Асланова «Юридический центр Пресс». Третье издание — в 2014 г. издательством «Алеф-Пресс». С тех пор произошел ряд принципиальных изменений в тенденциях мировой и отечественной преступности, приводимые в книге статистические тренды ограничивались 2013 г., а в отечественной и мировой литературе за последние годы было опубликовано немало новых интересных трудов. Кроме того, все более явно на динамику и структуру преступности и методы социального контроля оказывают новеллы мира *постмодерна*, в котором сегодня живет все современное человечество. Этим объясняется подготовка четвертого — существенно дополненного издания. Помимо продления трендов преступности, расширено содержание многих глав и параграфов, уделено внимание особенностям общества постмодерна, влияющим на состояние преступности и других девиантных проявлений, значительно увеличен объем использованной и рекомендуемой литературы. Одновременно удалены некоторые устаревшие данные.

Я выражаю искреннюю благодарность Издательству «Питер», осуществившему первое издание «Криминологии», Санкт-Петербургскому Издательству Р. Асланова «Юридический центр Пресс», опубликовавшему второе издание книги и, конечно же, Издательскому дому «Алеф-Пресс», взявшему на себя труд по подготовке третьего и предлагаемого — четвертого — издания.

ISBN 978-5-905966-55-2

© Гилинский Я.И., 2018
© ИД «Алеф-Пресс» СПб., 2018

Введение

*Каждое высказанное мною
суждение надо понимать не как
утверждение, а как вопрос.*

Нильс Бор

Предлагаемое читателю произведение относится к смешанному жанру: с одной стороны, это — монография, в которой автор пытается изложить собственные представления как о науке криминологии, так и о ее предмете; с другой стороны — это учебник, предназначенный в первую очередь для студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих (и развивающих) криминологию. Иногда подобное смешение жанров называют «авторским курсом».

Важнее, чем определение жанра, некоторые исходные предпосылки («импульсы») создания этого труда.

- Во второй половине XX столетия тема преступности, всегда безразличная для обществоведов и населения, начинает превалировать в общественном сознании. Объясняется ли это реальным ростом преступности (точнее, *зарегистрированной* ее части) во всем мире или же «страхом перед преступностью» и «моральной паникой», нагнетаемыми mass media (средствами массовой информации) и популистскими политиками¹ — не столь уж существенно. Этот общемировой процесс в силу ряда исторических причин особенно ярко проявился в современной России. Телевизионные передачи, кинофильмы, газетные сообщения, бытовые разговоры во всем мире заполнены преступлениями, вращаются вокруг преступлений. Проблема образно сформулирована современными зарубежными авторами: «Преступления возбуждают, захватывают (exciting), а что же криминология?»².

¹ Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans: Paladin, 1973.

² Peelo M., Soothill K. (Eds.) Questioning Crime and Criminology. Willan Publishing, 2005, p. IX (здесь и далее перевод автора, если не оговорено иное — Я.Г.).

- Мировой и отечественной криминологией накоплен огромный теоретический и эмпирический материал, характеризующий преступность, отдельные ее виды, преступление, преступника, жертву преступления, а также социальную реакцию на преступность. Между тем, чем больше мы узнаем о преступности, тем меньше ее понимаем... Распространенным является мнение о «кризисе криминологии», о значительной мифологизации темы преступности и контроля над ней³.
- Фактический запрет на существование в годы советского тоталитаризма, а затем и длительная изоляция «реабилитированной» в годы хрущевской «оттепели» отечественной криминологии вырвали ее, наряду с другими социальными науками, из мирового научного сообщества, а вынужденная идеологизация скомпрометировала даже реальные достижения. Возврат в мировое сообщество — путь не легкий, но совершенно необходимый для любой науки.
- Как показывает мировой и отечественный опыт, уголовная политика, средства и методы социального контроля над преступностью, пенитенциарная политика и практика существенно зависят от криминологических воззрений, распространенных в обществе и разделяемых властными структурами. Отсюда — практическая значимость криминологии. К сожалению, мировая и особенно отечественная практика свидетельствуют о неадекватности традиционных форм и средств социального контроля над преступностью ее генезису и природе.

Все явственнее ощущается «кризис наказания» (Т. Mathiesen, N. Christie, L. Hulsmann и др.)⁴.

Все это, наряду с личными научными амбициями, подвигло автора на создание лежащего перед читателем труда.

Несколько замечаний, необходимых для лучшего понимания того, что содержится в книге.

³ Pepinsky H., Jesilov P. Myths that Cause Crime. Seven Locks Press, 1984; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing Co., 1990.

⁴ Mathiesen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory. In: Scandinavian Studies in Criminology. Oslo / London, 1974; Christie N. Limits to Pain. Oxford: Martin Robertson, 1981 (русский перевод: Кристи Н. Пределы наказания. М.: Наука, 1985; 2-е изд. Кристи Н. Причина боли. Роль наказания в уголовной политике. СПб.: Алетейя, 2011); Christie N. A Suitable Amount of Crime. NY-L.: Routledge, 2004 (русский перевод: Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб.: Алетейя, 2006).

- Цитата из Н. Бора, приводимая в эпиграфе, имеет для меня принципиальное значение. «*Есть много истин, но нет Истины*». Никто не может претендовать на «единственно верную» теорию, концепцию⁵. Это лишний раз наглядно подтвердила судьба научных (да и любых иных) знаний в эпоху постмодерна. Один из принципов постмодерна — относительность, релятивность любого знания, *полипарадигмальность* в науке.
- Развитие науки во второй половине XX в. продемонстрировало неизбежную *поликонцептуальность* во всех областях знаний и, прежде всего — в общественных науках. Соответственно мною излагаются мои личные взгляды и представления по рассматриваемым проблемам криминологии. Разумеется, сами эти взгляды и представления родились и развивались под воздействием трудов предшественников и коллег, но ни те, ни другие не ответственны за результат, возникший в моей голове.
- Ни в одном труде невозможно рассмотреть всю криминологическую тематику. Отбор тем отражает обычно личные пристрастия автора. Не представляет исключения и эта книга. Я постарался остановиться на наиболее сложных и дискуссионных проблемах криминологии, собрать и проанализировать эмпирические (прежде всего — статистические) данные по различным видам преступности в России и в мире, познать читателя с некоторыми современными зарубежными авторами, а также уделил повышенное внимание проблемам социального контроля над преступностью, поскольку это непосредственно затрагивает вечный для соотечественников вопрос «что делать?». В меньшей степени освещена история криминологии, поскольку эта тема традиционна для отечественных и особенно зарубежных курсов криминологии, а потому более доступна. Насколько удачны выбор тем и их раскрытие — судить читателю.

Наконец, пользуюсь случаем принести искреннюю благодарность моим друзьям и коллегам, деловое общение и полемика с которыми способствовали как выработке моих криминологических взглядов, так и созданию этой книги. Мою искреннюю признатель-

⁵ Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985; Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984; Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986; Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981; Milovanovic D. Postmodern Criminology. NY L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

ность заслуживает коллектив Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (г. Фрайбург, Германия), благодаря которому я в течение нескольких лет имел прекрасную возможность время от времени работать в библиотеке этого института — одной из лучших в мире по уголовно-правовой и криминологической тематике. Ряду последних дополнений к настоящему изданию способствовала предоставленная мне директором Max-Planck-Institut профессором Х.-Й. Альбрехтом возможность поработать в библиотеке в 2012 г. и 2016 г. Не могу также не выразить глубокую благодарность моему ближайшему помощнику, другу и доброжелательному критику — Наталии Проскурниной, чья поддержка в течение многих лет обеспечивает мою профессиональную деятельность. Ей же я обязан тщательному оформлению библиографии ко всем предыдущим и настоящему — существенно расширенному — изданию книги.

Часть I. Теория и методология

Глава I. Криминология как наука

*There are many criminologies
and many criminologists⁶.
Ray Michalovskij*

§ 1. Понятие и предмет криминологии

Криминология (лат. *crimen* — преступление, греч. *λογος* — учение) в буквальном переводе — наука о *преступлении*. Однако с самого зарождения она интересовалась преимущественно *преступностью* как сложным социальным явлением.

Возникновение и развитие криминологии связывают обычно с тремя именами и датами: в 1761 г. вышла книга Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в которой содержались многие взгляды и положения относительно природы преступности и социального контроля над ней, хотя само слово «криминология» тогда еще не употреблялось. Этот термин был введен в научный оборот антропологом Топинаром в 1879 г. А уже в 1885 г. вышла книга Р. Гарофало под названием «Криминология». Разумеется, привязка возникновения той или иной науки, научного направления к конкретным датам и именам достаточно условна. Отдельные идеи и рассуждения по поводу преступлений, преступности, наказания встречаются у мыслителей Древней Греции, Рима, Древнего Китая, Индии, европейского Средневековья и т.д.

Однако, более или менее систематическое, профессиональное изучение преступности и связанных с ней объектов началось в XIX в. Во всяком случае, *позитивное* исследование криминологических проблем, основанное на применении методов естественных наук (измерение, эксперимент, наблюдение, статистический анализ и др.) относится именно к этому периоду: доклад российского академика

⁶ Есть много криминологий и много криминологов.

К. Германа «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819–1820 гг.» 17.12.1823 г. на заседании Российской императорской Академии наук, доклад А. Кетле 09.07.1831 г. на заседании Бельгийской Королевской академии наук, работа Ч. Ломброзо «О преступном человеке», 1876 г. и др.

По мере развития криминологических знаний складывался круг «подведомственных» криминологии проблем, ее *предмет*. Сегодня предметом криминологии служат:

- *преступность* как сложный социальный феномен;
- *генезис* («причины») преступности;
- *преступление* как индивидуальный поведенческий акт;
- *механизм индивидуального преступного поведения* (преступления);
- отдельные *виды преступности*, выделяемые по содержательному (преступность насильственная, корыстная, экономическая, связанная с наркотиками и т.п.) или иному критерию (например, по социально-демографическим характеристикам субъектов преступлений: преступность женщин, несовершеннолетних, должностных лиц);
- *личность* преступника;
- *жертва* преступлений; изучается относительно самостоятельным направлением (подотраслью) криминологии — *виктимологией* (лат. *victim* — жертва);
- социальная реакция на преступность, *социальный контроль* над ней, включая *наказание* (отсюда становление и развитие еще одной подотрасли — криминологии наказания, пенитенциарной криминологии) и *превенцию* (профилактику, предупреждение преступлений);
- *история* криминологии и история преступности;
- *методология* криминологии и *методика* криминологических исследований.

Приведенный перечень тем, входящих в предмет криминологии, не является исчерпывающим и может быть расширен, исходя из личных пристрастий исследователя или же в процессе развития криминологии как науки.

Криминология является «неприятной» наукой для властей и политиков, поскольку пытается вскрыть пороки действующей экономической, социальной, политической системы, влекущие такие последствия как преступность и сопутствующие ей пьянство, наркотизм, коррупция, терроризм, подростковая делинквентность и т.п.

Неслучайно тоталитарные режимы не допускали существование и развитие независимой криминологической науки.

По мнению некоторых зарубежных коллег, «Имеется тенденция рассматривать криминологию населением как низкопробную дисциплину в отличие от других общественных наук. Возможно, это вызвано тем, что интеллектуальные стандарты были когда-то ниже в криминологии, чем те, которые достигнуты сегодня. Может быть это также потому, что другие социальные науки рассматривают криминологию как популистскую...»⁷. Криминология развивается сегодня в «горячем климате» (*Criminology in a Hot Climate*): политизация преступности влияет и на политизацию науки, ее изучающей — криминологии⁸.

Нередки споры о характере криминологических знаний, к каким отраслям естественных или социальных наук относится криминология. Ответ на этот вопрос в значительной степени зависит от принадлежности криминолога к одному из трех основных направлений: биологическому (антропологическому), психологическому или же социологическому. Исторически, «по происхождению» криминология связана либо с биологией или антропологией («клиническая криминология»), либо с психологией (и тогда это «поведенческая наука») или же с социальными науками — социологией (криминология как «социология преступности») и юриспруденцией (криминология как юридическая или социально-правовая наука). Развитие того или иного направления характерно для различных стран. Так, в Германии основательно развивались клиническая криминология и социология преступности. В США господствует социологический взгляд на преступность и активно развивается криминология как социология преступности. И преподают криминологию на социологических факультетах. В России криминология выросла из уголовно-правовой науки и до сих пор преобладает взгляд на преступность как «социально-правовое» явление⁹. Соответственно криминология преподается в основном на юридических факультетах. Автор этих строк придерживается понимания криминологии как *социологической* науки (другое дело, что правовой элемент играет существенную роль в определении самой преступности).

⁷ Braithwaite J. Foreword. In: Bosworth M., Hoyle C. (Eds.) What is Criminology? Oxford University Press, 2011, p. VII.

⁸ Bosworth M., Hoyle C. (Eds.) What is Criminology? Oxford University Press, 2011, p. 17–18.

⁹ Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1997. С. 22; Хохряков Г.Ф. Криминология. М.: Юрист, 1999. С. 29.

Иногда возникает дискуссия на тему теоретическая или прикладная наука криминология. Мне не представляется этот спор плодотворным. Если наука не теоретическая, то это не наука (а, скажем, ремесло). Прикладной же аспект имеют если не все, то большинство наук. Тем не менее, можно согласиться с теми из авторов, которые рассматривают криминологию, прежде всего, как *теоретическую науку о преступности*¹⁰.

§ 2. Криминология в системе наук

Для сторонников социологического направления, к которым принадлежит и автор, криминология — *социологическая наука*, поскольку ее главный предмет — преступность — является сложным социальным феноменом, порождением общества, его частью, неотъемлемой составляющей. Преступность, наряду с наркотизмом, пьянством, проституцией, коррупцией и другими нежелательными для общества явлениями, относится к так называемым социальным *девиациям* (отклонениям), а преступление — разновидность *девиантного* (отклоняющегося) поведения.

С моей точки зрения, социальные девиации, *девиантность* (*deviance*) можно определить как социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям. А *девиантное поведение* (*deviant behavior*) — поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.

Все виды *негативных* социальных девиаций, а также социальное творчество (научное, техническое, художественное и др.), как *позитивная девиантность*¹¹, — служат предметом социологии девиантности и социального контроля (девиантологии)¹². Преступность —

¹⁰ Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. Указ. соч. С. 16.

¹¹ Творчество как позитивная девиантность / Под ред. Я. Гилинского и Н. Исаева. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.

¹² См.: Гилинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2013; Гилинский Я. Девиантология как социология девиантности. В: Современ-

лишь одно из проявлений *девиантности*. Рассмотрение преступности как разновидности социальных девиаций — общее место в современной зарубежной криминологии, разделяют такую позицию и некоторые отечественные криминологи¹³. Во избежание недоразумений следует подчеркнуть: социология девиантности (девиантология) не подменяет криминологию и не заменяет ее. У каждой из этих наук — свой предмет, и та, и другая — социальные, *социологические науки*. Социология девиантности и социального контроля, наряду с преступностью, изучает многочисленные виды «негативных» девиаций — пьянство и алкоголизм, наркотизм, проституция, самоубийства, аморализм и др., «позитивные» девиации — различные виды творчества, а также взаимосвязи между видами девиантности, их общий генезис, общую теорию социального контроля.

Таким образом, с нашей точки зрения, выстраивается следующая иерархия наук: *социология — социология девиантности и социального контроля (девиантология) — криминология (а также суицидология, аддиктология и другие науки, изучающие иные — кроме преступности — проявления девиантности)*.

Это не исключает взаимосвязи криминологии со многими другими науками и научными направлениями. Конечно, криминология теснейшим образом связана с науками *криминального* цикла: уголовным правом (которое определяет круг того, что входит в предмет криминологии), уголовным процессом и уголовно-исполнительным правом (особенно в части криминологии наказания). Я думаю, что криминология выступает своего рода *базовой наукой* для них,

ная девиантология: методология, теория, практика / ред. Ю.А. Клейберг, Kwami S. Dartey. London: UK Academy of Education, 2016. С. 9–34; Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Ред. Я. Гилинский. СПб.: Алетей, 2000; Hagan J. Introduction to Criminology: Theories, Methods, and Criminal Behavior. Nelson-Hall, 1986, p. 6; Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998, pp. 8, 22; Siegel L. Criminology. 4th Ed. West Publishing Co., 1992, p. 8; Walters R. Deviant Knowledge. Criminology, politics and policy. Willan Publishing, 2003.

¹³ Hall S. Theorizing Crime and Deviance: A New Perspective. SAGE, 2012; Humphrey J. Deviant Behavior. NJ: Prentice Hall, 2006; Lanier M., Henry S., Anastasia D. Essential Criminology. Fourth Edition. Avalon Publishing, 2014; Muncie E., Mc Laughlin (Eds.) The Problem of Crime. SAGE Publications, 1996, p. 12; Schmallegger F. Criminology Today. New Jersey, 1996, p. 8; Tierney J. Criminology: Theory and Context. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996; Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998, p. 22; Lanier M., Henry S. Ibid., p. 8, 22; Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NY: Pearson. Prentice Hall, 2004; Walters R. Deviant Knowledge: Criminology, politics and policy. Willan Publishing, 2003; Хохряков Г.Ф. Криминология. Указ. соч. С. 82.

поскольку призвана объяснить природу преступлений и преступности, их обусловленность определенными факторами, охарактеризовать субъектов индивидуального преступного поведения (преступлений) и вскрыть его механизм, показать оптимальные пути и методы социального контроля над преступностью.

Строго говоря, уголовное и уголовно-исполнительное право, а также правоприменительная деятельность должны основываться на выводах криминологии о допустимых рамках криминализации деяний (признании их преступлением), реальных возможностях наказания и профилактики преступлений. К сожалению, в действительности широко распространены криминологически не обоснованные законодательные решения и правоприменительные действия.

Бесспорна связь криминологии с *психологией*, поскольку в причинный комплекс (механизм) преступления как индивидуального поведенческого акта входят психологические составляющие: интеллект, воля, эмоциональная сфера, характерологические особенности, психопатология лиц, совершивших преступления. В связи с ролью психических отклонений в механизме некоторых криминологически значимых деяний, криминология нередко прибегает к помощи *психиатрии*.

Достижения современной *биологии* (прежде всего генетики) способны пролить свет на некоторые индивидуальные особенности субъектов преступления.

Традиционно (начиная с К. Маркса, В. Бонгера и др.) социологическое направление в криминологии включает изучение *экономической* составляющей генезиса преступности. В настоящее время экономический подход к предмету криминологии активно развивается «экономической теорией преступности», начиная с работ лауреата Нобелевской премии Г. Беккера¹⁴.

Не менее традиционно обращение к *демографическим* характеристикам субъектов преступлений. В современной англоязычной литературе «гендер (пол), возраст, раса, класс» — постоянный предмет криминологических исследований¹⁵.

¹⁴ Подробнее см.: Калягин Н.В. Экономический анализ криминального поведения // Экономическая школа. Аналитическое приложение 3. СПб., 2006. С. 91–124; Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности / Под ред. Л. Тимофеева и Ю. Латова. М.: РГГУ, 1999.

¹⁵ Forst B. (Ed.). The Socio-Economics of Crime and Justice. M.E. Sharpe, Inc. 1993; Grover Ch. Crime and Inequality. Willan Publishing, 2008; Hagan J. Structural Criminology. NJ: Rutgers, The State University, 1989; Messerschmidt J. Crime as Structured Action: Gender, Race, Class, and Crime in the Making. SAGE, Inc. 1997; White R., Habibis D. Crime and Society. Oxford University Press, 2005.

Криминология все больше тяготеет к *культурологии*, поскольку преступность — элемент культуры, равно как криминальная, делинквентная, тюремная субкультуры, о чем еще будет говориться. Неудивительно, что в зарубежной криминологии зародилось новое направление — «культуральная криминология»¹⁶. Развивается оно и в отечественной литературе¹⁷.

Как ни странным это может показаться на первый взгляд, криминология сотрудничает с *географией*. Более того, можно говорить о *географии преступности*, как относительно самостоятельном направлении в криминологии (ее подотрасли), активно развиваемом отечественными специалистами еще со времен СССР¹⁸. Территориальное распространение преступности представляет не только практический интерес (для оптимизации дислокации сил полиции, профилактики преступлений и т.п.), но и теоретический, т.к. позволяет лучше понять влияние различных факторов, включая географические, на состояние и динамику преступности.

Не менее удивительна связь криминологических знаний с... *архитектурой*. Как показывают исследования, начиная с работ Чикагской школы, уровень и структура преступности зависят от экологии города, типа застройки, организации пространственной застройки, этажности жилых зданий (в США «особенно подвержены преступности жилые башни выше семи этажей... Дома выше семи этажей в четыре раза чаще подвергаются разбойным нападениям и ограблениям, чем дома с шестью и меньше этажами»¹⁹) и т.п.

¹⁶ Ferrell J., Sanders C. Cultural Criminology. Boston: Northeastern University Press, 1995; Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008; Presdee M. Cultural Criminology and Carnival of Crime. L.-NY: Routledge, 2000.

¹⁷ Бибик О.Н. Преступления, обусловленные особенностями культуры, в российском и зарубежном уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2014; Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований. М.: Юрлитинформ, 2017.

¹⁸ Табиани А.А., Гачечиладзе Р.Г. Некоторые вопросы география преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1982; Лепс А., Павельсон М., Раска Э., Блунапуу Э. Социально-территориальные различия и преступность в условиях крупного города (на материалах г. Таллинна). Таллинн, 1981; Бахарев Д.В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности. СПб.: Юридический центр, 2016; Ростов К.Т. Преступность в регионах России (социально-криминологический анализ). СПб.: СПб академия МВД РФ, 1998; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор Бук, 2005.

¹⁹ Шнайдер Г.И. Криминология. М.: Прогресс Универс, 1994. С. 219; Schneider H.J. Kriminologie. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1987. Ss. 327–358.

При изучении преступности активно используются данные *статистики*, как уголовной, так и экономической, демографической, медицинской. А при обработке статистической информации и результатов иных эмпирических криминологических исследований (например, опросов) широко применяются современные *математические* методы²⁰.

Можно было бы продолжить перечень наук и дисциплин, сопряженных с криминологией. Но и сказанного достаточно, чтобы продемонстрировать мультидисциплинарный характер криминологических знаний и исследовательского поля. Интегративные тенденции современной криминологии (подробнее об этом будет говориться в гл. 4) лишней раз свидетельствуют о значении кооперации наук и научных дисциплин в исследовании и объяснении феномена преступности, о междисциплинарном характере криминологии²¹.

§ 3. Структура криминологических знаний

Структура криминологии как науки не есть что-то раз и навсегда заданное. Построение, структуризация криминологических знаний в значительной степени зависит от пристрастий криминологов.

«Джентльменский набор» отечественных и зарубежных учебников и курсов криминологии включает, как правило, совокупность разделов, отражающих все основные составляющие (элементы) предмета криминологии.

Между тем в отечественной криминологии принято выделять Общую и Особенную части. *Общая часть* включает все теоретические проблемы криминологии, а также ее историю. *Особенная часть* посвящается криминологическому анализу отдельных видов преступлений и их профилактике. Думается, что такое деление явилось следствием генетических — уголовно-правовых — корней нашей криминологии. Неудивительно, что ни зарубежная криминология, ни отечественные работы последних лет²² не знают разделения на общую и особенную части.

Зато все большую распространенность приобретает выделение *частных* криминологических теорий (дисциплин), сформировавшихся в про-

цессе исторического развития криминологии: виктимология, пенитенциарная криминология, география преступности, семейная криминология, криминология политической преступности, криминотеология и др.

Оригинальная концепция структуры криминологии, включая частные криминологические теории, представлена в трудах Д.А. Шестакова, обосновывающего наличие «преступных подсистем» и соответствующих им частных криминологий²³.

Виктимология. Признанным родоначальником виктимологии — науки о жертве — считается Г. фон Гентиг, выпустивший в 1948 г. книгу «Преступник и его жертва»²⁴. Еще раньше (1941 г.) появилась его работа «Замечания по взаимодействию преступника и жертвы». Практически одновременно с Гентигом виктимологическую тематику разрабатывает Б. Мендельсон, представивший в марте 1947 г. на международном конгрессе психиатров в Бухаресте доклад «Новые биопсихосоциальные горизонты: виктимология». В числе известных зарубежных виктимологов следует назвать Г. Элленбергера, Г. Шнайдера, С. Шафера, Э. Фаттаха, Э. Виано, К. Миядзаву и др.²⁵ С 1979 г. существует Международное виктимологическое общество (*the World Society of Victimology*). Под его эгидой проводятся Международные виктимологические симпозиумы.

Отечественная виктимология зарождается в середине 1960-х гг. «Отцом» ее заслуженно считается Л.В. Франк²⁶. Известными виктимологами являются П.С. Дагель, В.Е. Квашиш, В.И. Полубинский, В.Д. Ривман, В.Я. Рыбальская и др.²⁷

²³ Шестаков Д.А. Криминология: учебник для вузов. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 28–32, 98–102; Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д.А. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.

²⁴ von Hentig H. The Criminal and his Victim. Studies in the Sociology of Crime. New Haven, CT, 1948.

²⁵ Fattah E. Towards a Critical Victimology. Macmillan Press, 1992; Viano E. (Ed.) Crime and its Victims: International Research and Public Policy Issues. Hemisphere Publishing Co, 1989; van Dijk J., van Kaam R., Wemmers J.-A. (Eds.) Caring for Crime Victims: Selected Proceedings of the Ninth International Symposium on Victimology. Criminal Justice Press, Monsey, NY, 1999; Sgarzi J., McDevitt J. (Eds.) Victimology: A Study of Crime Victims and Their Roles. — NJ: Prentice Hall, 2003; Irk F. (Ed.) Victims and Opinions. Vol. 1, 2. Budapest, OKRI, 2004.

²⁶ Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972; он же. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.

²⁷ Подробнее см.: Квашиш В.Е. Основы виктимологии. М.: Nota Bene, 1999; Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000; Gilinskiy Y., Ivanov L. Victimology in the USSR: Theoretical Approach and Empirical Research. In: Kaiser G., Kury H., Albrecht H.-J. (Eds.) Victims and Criminal Justice. Freiburg in Br.: Max Planck Institute, 1991, pp. 157–178.

²⁰ Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006.

²¹ Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998, pp. 7, 298.

²² См., напр.: Хохлаков Г.А. Криминология. Указ. соч.; Криминология. Учебник / ред. Г. Касторский. СПб.: МИЭП, 2007.

Пенитенциарная криминология. Предмет пенитенциарной криминологии по-разному понимается различными авторами. Некоторые из них ограничивают это направление изучением преступлений, совершенных в пенитенциарных учреждениях. С моей точки зрения, пенитенциарная криминология есть «социология наказания» и включает знания о *реальном* отбывании наказания, прежде всего в виде лишения свободы, — условия отбывания наказания, контингент отбывающих наказание (заключенных), взаимоотношения между ними, а также между ними и персоналом пенитенциарных учреждений, быт (традиции, нормы поведения, досуг, сленг заключенных), преступления, совершаемые отбывающими наказание и т.п.

Российская криминология богата исследованиями такого рода. Прежде всего следует назвать труды М.Н. Гернета (1874–1953), начиная с его книги «В тюрьме: очерки тюремной психологии» (1930) и заканчивая пятитомной «Историей царской тюрьмы» (1941–1948, 1960–1963). Позднее пенитенциарной криминологии посвящены работы Н.А. Стручкова, В.Е. Квашиса, А.С. Михлина, В.Ф. Пирожкова, О.В. Старкова, Г.Ф. Хохрякова, И.В. Шмарова и др.²⁸

География преступности. О ней кратко уже говорилось выше. Подробнее мы неоднократно будем сталкиваться с этой темой в дальнейшем изложении.

Семейная криминология зарождается в 70-е гг. прошедшего XX столетия. Очевидно, стимулом ее развития послужили поражающие факты множественных проявлений насилия в семье, между родственниками и супругами — от вербального до физических истязаний и убийств. Во всяком случае, эта частная криминологическая теория активно развивается в России (прежде всего, благодаря трудам Д.А. Шестакова) и за рубежом²⁹.

²⁸ Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Михлин А.С. Общая характеристика осужденных. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991; Осинский И.И., Гайдай М.К. Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского общества. Социологический анализ. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006; Пенитенциарная криминология / Ред. Ю.М. Антонян, А.Я. Гришко. А.П. Фильченко. Рязань: Академия ФСИН, 2009; Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи: Криминальная субкультура. Тверь: Приз, 1994; Старков О.В. Криминальная субкультура. Спецкурс. М.: Wolters Kluwer, 2010; Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юрид. лит-ра, 1991; и др.

²⁹ Шестаков Д.А. Семейная криминология. СПб.: Изд-во СПб ГУ, 1996; Он же. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Gondolf E. Psychiatry Response to Family Violence. D.C. Toronto, 1991; Wallace H. Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. Allyn & Bacon, 1996.

В последнее время появился ряд трудов, закладывающих основы криминологии *политической преступности* (П.А. Кабанов, В.В. Лунеев, Д.А. Шестаков)³⁰.

Формируется *экономическая криминология* (Б.В. Волженкин, В.В. Колесников, А.М. Яковлев и др.).

Конфликтность, а то и криминогенность межконфессиональных отношений в современном мире и в России порождает труды по *криминотеологии* (Е.В. Касторская, Г.Л. Касторский, О.В. Старков)³¹.

Объективности ради следует заметить, что далеко не все криминологи позитивно оценивают такое «размножение» частных криминологических теорий. Очевидно, лишь будущее развитие покажет жизнеспособность некоторых из них.

§ 4. Методология криминологии

Само понятие *методологии* (греч. μέθοδος — верный путь, путь исследования) неоднозначно понимается в науке.

В самом *широком* смысле слова методология — это теория человеческой деятельности, «это деятельность познания, мышления или, если говорить точнее, вся деятельность человечества, включая сюда не только собственно познание, но и производство. Можно сказать, что методология... есть теория человеческой деятельности»³². В самом *узком* смысле слова под методологией понимается совокупность методов, приемов, процедур научного исследования³³. Именно такое отношение к методологии преобладает, например, в американской литературе.

Своеобразным компромиссом между очень широким и очень узким пониманием *методологии как пути познания* является многоуровневый подход, когда различаются:

³⁰ Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000; Он же. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань, 2006.

³¹ Касторский Г.Л. Мировые религии и преступность. СПб.: Университет МВД РФ, 2001; Он же. Мировые религии и общественно опасное поведение. СПб.: Университет МВД РФ, 2002; Он же. Основы криминологии: монография. СПб.: РТА, 2012; Бажан Т.А., Старков О.В. Религиоведение для юристов. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.

³² Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М.: Наука, 1964. С. 6.

³³ Попов Г.Х. Проблемы теории управления. М., 1970. С. 5–6.

- самые общие методы научного познания — анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному и др. (философская методология);
- общие для многих наук, междисциплинарные методы познания — системный и организационный анализ, кибернетический, синергетический подходы и др. (общенаучная методология);
- теория и методы конкретной науки, области знания;
- методика, совокупность операций и процедур, применяемых в конкретных исследованиях.

Не углубляясь в дискуссию о понятии и предмете методологии, отметим некоторые принципы научного познания, существенные для лучшего понимания предмета криминологии как социальной науки. Поскольку по каждому из рассматриваемых ниже принципов имеются полярные суждения, напомним, что излагается моя личная точка зрения, зачастую не самая распространенная³⁴.

- *Принцип универсальности законов мироздания* (универсальный эволюционизм, по Н. Моисееву).

Развитие науки в целом характеризуется единством противоположных тенденций — дифференциации и интеграции научных знаний. Ведущими на современном этапе являются интеграционные процессы. Складывающаяся в процессе интеграции научных дисциплин и направлений «инфранаука» (Н.Н. Моисеев), или «меганаука» (Б.Г. Кузнецов) исходит из необходимости объединения исследований неживой и живой природы и общества, изучения их с точки зрения универсальных законов мироздания. При этом основные закономерности социального бытия (включая преступность как социальный феномен) предстают как *иногобытие* всеобщих закономерностей самодвижения (самоорганизации) материи, мира, мироздания, как *модификация, доразвитие* их фундаментальных свойств (Э.С. Маркарян, Е.Х. Нерсесова). Ибо «сама Земля и все, что на ней происходило вчера и будет происходить завтра, суть частные проявления единого, общего процесса саморазвития (самоорганизации) материи, подчиняющегося единой системе законов (правил), действующих в Универсуме»³⁵. Для криминолога этот принцип озна-

³⁴ Подробнее см.: Гишинский Я. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1988. С. 102–110.

³⁵ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С.86.

чает необходимость отказаться от представлений об уникальности преступности и ее закономерностей, посмотреть на свой предмет с более широких позиций, преодолевая антропоцентризм и аксиологизм (ценностный подход к предмету исследования)³⁶.

- *Принцип универсальности общенаучных методов познания действительности*. Исходя из принципа универсальности законов мироздания, можно предположить универсальность общенаучных методов познания действительности (включая преступность).

Это означает для нас возможность применения в криминологии не только системного и организационного анализа³⁷, но и синергетики, теории хаоса, теории катастроф, понятия бифуркации, следствий второго закона термодинамики с понятиями энтропии и негэнтропии и иных современных общенаучных концепций. Это осознается отечественными учеными (так, синергетическая модель детерминации преступления предлагается В.А. Бачининым³⁸) и зарубежными, прежде всего — представителями постмодернизма в криминологии³⁹. В современную эпоху постмодерна обращение к синергетике, бифуркации особенно актуально.

- *Принцип относительности знаний (релятивизм)*. Всякое знание о любом предмете действительности — относительно, неполно, ограничено.

Никогда нельзя достичь «полного и окончательного» знания об исследуемом объекте. Это связано, прежде всего, с тем, что все объекты действительности находятся в постоянном изменении. И «фактически нет ни предложений, ни слов со значениями, которые были бы независимы от обстоятельств произнесения»⁴⁰. Кроме того, возможности человеческого познания всегда ограничены имеющимися на каждый данный момент времени средствами. Представители

³⁶ Прекрасной иллюстрацией этого положения служит упоминавшаяся монография Christie N. A Suitable Amount of Crime.

³⁷ Вицин С.Е. Системный подход и преступность. М.: Академия МВД СССР, 1980; Гишинский Я.И. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. № 5. С. 49–56; Айдинян Р., Гишинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // Организованная преступность в России: теория и реальность / Ред. Я. Гишинский. СПб.: СПб ФИС РАН, 1996. С. 1–15.

³⁸ Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999. С. 518–525.

³⁹ Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism. SAGE, 1996; Milovanovic D. Postmodern Criminology, 1997. Ibid.

⁴⁰ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 321.

естественных наук в процессе познания так или иначе взаимодействуют с объектом и «нарушают» условия его существования (проблема: субъект — прибор — объект). Представители социальных наук «встроены» в изучаемый объект (общество, его сферы и сегменты), подвержены влиянию с его стороны. Марксово «нельзя жить в обществе и быть независимым от него», увы, факт. Сказанное — не призыв к отказу от познания действительности (включая преступность), а предостережение от абсолютизации достигнутых знаний. «Следует признать, что в каждый момент времени наши научные теории зависят не только от экспериментов и т.п., проведенных к этому моменту, но также от предпосылок, которые мы принимаем без доказательств, т.е. принимаем, не осознавая их... Научные результаты «относительны»... лишь постольку, поскольку они являются результатами определенной стадии научного развития и подлежат смещению в ходе научного прогресса»⁴¹.

- *Принцип дополнительности* (Н. Бор). Вышеизложенное плюс необычайная сложность даже самых «простых» («элементарных») объектов приводит к тому, что Н. Бором сформулировано как принцип дополнительности — *contraria sunt complementa* (противоположности дополнительные): лишь противоречивые, взаимоисключающие концепции в совокупности могут достаточно полно описать изучаемый объект.

Иными словами, не «преодоление» противоречивых суждений об объекте, а их взаимодополнительность. Хотя принцип дополнительности был сформулирован применительно к физическому явлению — двойственной природе света (волновой и корпускулярной), однако уже для Н. Бора был ясен его универсальный характер. Н. Бор писал: «мы и в других областях человеческого познания сталкиваемся с видимыми противоречиями, которые могут быть устранены только с помощью принципа дополнительности»⁴². И как будто специально для криминологов: «в описании положения отдельного лица внутри общества имеются типично дополнительные стороны, связанные с подвижной границей между оценкой человеческих ценностей и общими положениями, на основании которых о них судят... Общую цель всех культур составляет самое теснейшее сочетание справедливости и милосердия; тем не менее следует признать, что в каждом случае, где нужно строго применить закон, не остается

⁴¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 2. С. 255–256.

⁴² Бор Н. Избранные научные труды. М.: Наука, 1971. Т. 2. С. 209.

места для проявления милосердия, и наоборот, доброжелательство и сострадание могут вступить в конфликт с самыми принципами правосудия»⁴³.

Забвение принципов относительности знаний, дополнительно приводит к абсолютизации отдельных теорий, концепций, суждений, к догматизации науки. А, как говорил другой выдающийся физик — Макс Борн, «Вера в то, что существует только одна истина и что она уже постигнута, кажется мне главной причиной всех зол на Земле»⁴⁴.

Итак, криминологи могут применять все возможные методы научных исследований: философские, логические⁴⁵, исторические, общенаучные (системный анализ, организационный анализ, синергетика), социологические методы сбора первичной информации (наблюдение, опрос, анализ документов, эксперимент), психологические методы (тесты) исследования свойств личности и т.д. О некоторых из них мы поговорим чуть позже; некоторую литературу назовем сейчас⁴⁶.

Наконец, нельзя не отметить роль *сравнительного* метода в изучении преступности. Сравнительные (компаративистские) исследования преступности различных государств и регионов приобретают все большее значение в условиях интернационализации, глобализации всех социальных процессов, включая преступность⁴⁷. Нередко именно сравнительные исследования позволяют выявить тенденции, неявные при рассмотрении на примере одной страны.

⁴³ Бор Н. Там же. С. 495.

⁴⁴ Цит. по: Коул К. Естественность принципа дополнительности // Импакт. Наука и общество, 1986. № 1. С. 55.

⁴⁵ См.: Бачинин В.А. Указ. соч.; Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск: Университетское, 1990.

⁴⁶ Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика. М.: Юрид. лит., 1974; Блувштейн Ю.Д. Криминологическая статистика. Минск: ВШ МВД, 1981; Забрянский Г.И. Методика статистического изучения преступности. М.: РААиН, 2010; Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008; Методика анализа преступности: метод. пособие. М.: Всесоюзный институт по изучению причин преступности, 1986; Панкратов В.В. Методология и методика криминологических исследований. М.: Юрид. лит., 1972.

⁴⁷ Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005; Кури Х., Обергфельд-Фукс Й. Общественные изменения и развитие преступности: Сравнение в международном аспекте. В: Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. С. 115–176; Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гилинский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

Завершая этот параграф, отметим роль *моделирования* в современном научном познании вообще, криминологии в особенности.

Моделирование — это то, чем *всегда* занималась и занимается каждая наука, независимо от осознания того, что она «говорит моделями». Ибо в самом широком смысле слова *модель* — это *отражение, образ* изучаемого, исследуемого, рассматриваемого объекта реальной действительности (или ирреальности: образ русалки, лешего, бабы-яги...). Говоря более научно, модель — это «представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает новую информацию об этом объекте»⁴⁸. Существует множество других определений. Но для нас важно, что *моделирование предполагает некоторые теоретические (мысленные) представления об изучаемом объекте и системное описание (изложение) этих представлений, отражающих (неполно, схематично) наиболее существенные, «системообразующие» признаки, параметры объекта изучения.*

Содержательная модель, всегда присущая научным исследованиям, формулируется на естественном языке.

Формальная модель выражается с помощью формальных языков (логического, математического) и свойственна раньше всего естественным наукам, а позднее — и социальным, достигшим определенного уровня развития, зрелости⁴⁹. Не представляет исключения и криминология⁵⁰.

Модели позволяют «проигрывать» различные ситуации, которые невозможно воспроизвести в действительности, исследовать возможные изменения объекта исследования при изменении отдельных его параметров или же условий среды, прогнозировать развитие объекта при заданных параметрах и т.п. Эвристические возможности моделирования становятся поистине безграничными при использовании современной компьютерной техники.

⁴⁸ Штофф В.А. Моделирование и философия. М.-Л., 1965. С.16.

⁴⁹ Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов: учеб. пособие. М.: Логос, 1998.

⁵⁰ Антонян Ю.М., Блувштейн Ю.Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М.: Академия МВД СССР, 1974; Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. М.: Академия МВД СССР, 1973; Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. М.: Форум, 1998; Ли Д.А. Преступность в России: Системный анализ. М.: Гелва, 1997; Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005.

§ 5. Эмпирические криминологические исследования

С середины XIX в. под влиянием *позитивизма* в философии и социологии (труды О. Конта, Г. Спенсера и др.) социальные науки начинают активно применять «позитивные», естественно-научные методы исследования своего объекта. В криминологии это антропологические измерения Ч. Ломброзо, статистический анализ А. Кетле, социально-экономические исследования Ф. Энгельса («Положение рабочего класса в Англии») и др.

Постепенно криминологи начинают все активнее использовать весь арсенал *социологических* методов сбора и анализа эмпирических данных о своем объекте. В литературе — как социологической, так и криминологической — достаточно подробно изложены методика и техника эмпирических исследований преступности, ее отдельных видов, факторов, влияющих на преступность⁵¹. Поэтому ниже будет представлена лишь некоторая схема таких исследований.

Проведению исследования предшествует разработка его *программы*, включая определение целей, задач исследования, выработку гипотез (предположения, проверяемые в процессе исследования), анализ необходимой литературы, а также разработанный инструментарий — те конкретные методики, которые будут применяться в процессе сбора информации (анкеты, опросные листы, тесты и т.п.).

Невозможно перечислить все случаи, когда целесообразно проведение эмпирических криминологических исследований, указать все решаемые при этом задачи. Лишь в качестве примера назовем некоторые типичные задачи *регионального* криминологического исследования.

1. Определение *состояния* (объем, уровень, структура, динамика) *преступности* в регионе. Обычно достигается сбором и анализом официальных статистических данных, результатов виктимологических опросов.

⁵¹ Аврутин Ю.Е., Гишинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л.: ЛВШ МВД, 1991; Безруков С.И., Денисенко О.А., Ольков С.Г., Юзиханова Э.Г. Фундаментальное и прикладное криминологическое исследование преступности и управление органами внутренних дел. Тюмень: Вектор Бук, 2004; Блувштейн Ю.Д. Криминологическая статистика. Минск, 1981; Божков О.Б. Технология социологического исследования: как все это варится: курс лекций. СПб.: Эйдос, 2016; Методика анализа преступности: метод. пособие. М.: ВНИИ Ген. прокуратуры, 1986; Методы сбора информации в социологических исследованиях: в 2-х кн., М.: Наука, 1990; Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара: Самарский ун-т, 1995.

2. Уточнение *социально-демографического* (пол, возраст, образовательный уровень, социальное и семейное положение и т.п.) состава лиц, совершающих различные преступления. Проводится путем анализа статистических данных, а также в результате опроса. На основе полученных данных, рассчитываются *коэффициенты* (индексы) *криминальной активности* различных социально-демографических групп по формуле:

$$K \text{ кр. акт.} = \frac{n}{N}, \text{ где:}$$

n — доля социально-демографической группы среди лиц, виновных в совершении преступлений (в %);

N — доля той же группы в населении (в %).

Коэффициент криминальной активности показывает *вклад* группы в преступность. При $K \text{ кр. акт.} > 1$ можно говорить о *повышенной* криминальной активности, при $K \text{ кр. акт.} < 1$ — о *пониженной*. Подробнее о методике и возможностях использования этого коэффициента см. статью Н. Проскурниной⁵².

3. Установление *пространственного* (территориального) *распределения* преступности и отдельных ее видов в регионе: по районам и микрорайонам города; по районам, населенным пунктам области и т.п. Одновременно выявляются *экспортно-импортные* потоки преступлений: жители каких территориальных единиц совершают преступления (и какие именно) на изучаемой территории. Так, при исследовании пространственного распределения преступности в Санкт-Петербурге наиболее «криминальными» оказались центральные районы и были зафиксированы районы «импортеры» — в основном центральные районы города и «экспортеры» — как правило, «спальные» районы.

4. Выявление *временного* (по дням недели, часам суток, месяцам — «сезонная волна») *распределения* преступности и ее видов. Так, например, в Санкт-Петербурге уровень преступности ежедневно увеличивался, начиная с понедельника, достигал максимума в пятницу, несколько снижался в субботу и падал до минимума в воскресенье (преступники тоже отдыхают...). Квартирные кражи

⁵² Проскурнина Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения. В: Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1985. С. 84–91.

преобладали от 12 до 16 час. (что легко объяснимо — время, когда владельцы жилья на работе), а вот уличные преступления — с 18 до 24 час. Для различных видов преступлений наблюдалась и своя «сезонная волна»⁵³.

5. Установление *взаимосвязей* между *преступностью*, ее составом и социальными, экономическими, политическими, культурологическими и прочими *факторами*, влияющими на преступность. Это наиболее сложная из задач эмпирического криминологического исследования. Она решается средствами корреляционного, факторного, регрессионного анализа, т.е. специальными математическими методами, описание которых выходит за рамки данной работы и требует обращения к соответствующей литературе⁵⁴.

6. Выявление *взаимоотношений* между населением и правоохранительными органами в связи с преступностью, а также роли средств массовой информации (СМИ) в освещении проблем преступности и формировании «образа преступника», «страха перед преступностью» и т.п. Эта задача решается с помощью контент-анализа прессы и массовых опросов населения⁵⁵.

Напомним основные методы сбора первичной информации.

Наблюдение в криминологии по понятным причинам применяется реже, чем в социологии. Вместе с тем оно вполне возможно, например, при изучении режима в пенитенциарных учреждениях (пенитенциарная криминология). Так, автору этих строк приходилось неоднократно изучать и сравнивать — по определенной программе — условия содержания, быта, взаимоотношения между заключенными и персоналом в пенитенциарных учреждениях бывшего СССР, современной России, а также Венгрии (Будапешт), Германии (Фрайбург), Ирландии (Дублин), Кореи (Сеул), Польши (Варшава,

⁵³ Подробнее см.: Аврутин Ю., Гишинский Я. Указ. соч.

⁵⁴ Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень: Вектор Бук, 2007; Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации. Тюмень: ТЮИ МВД, 2007.

⁵⁵ Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет 4). СПб., 2002; Afanasyev V., Gilinskiy Y. Alcohol, Drugs and Crime in the St. Petersburg Press. In: Social Problems in Newspaper. Studies around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication, 1994, pp. 55–70; Gilinskiy Y. Police and the Community in Russia // Police Practice and Research. An International Journal. 2005, Vol. 6. No 4, pp. 331–346.

Белосток), США (Нью-Йорк, Блумингтон), Таиланда (Бангкок), Финляндии (Хельсинки, Турку) и др. стран. Конечно, наблюдение как научный метод предполагает наличие предварительного плана, подлежащих изучению вопросов и т.п.

Анализ документов — один из основных методов получения криминологической информации. Наиболее часто используются официальные (формальные) документы — материалы уголовных дел, нормативные документы, справки, отчеты и др., а также официальные статистические материалы и документы первичного учета (статистические карточки МВД РФ и МЮ РФ на преступление, на лицо, совершившее преступление, на подсудимого, на потерпевшего и др.). Приходится обращаться и к неофициальным (неформальным) документам — письмам, дневникам и др. Так, «письма из тюрьмы» активно используются в качестве источника информации отечественными и зарубежными авторами⁵⁶.

Опросы также часто применяются в криминологических исследованиях. Используются оба основных вида опроса: анкетный и интервью. Каждый из них обладает определенными достоинствами и имеет свои недостатки.

Интервью, т.е. личная беседа интервьюера (исследователя) и респондента (опрашиваемого) позволяет при необходимости уточнить вопросы, предусмотренные «опросным листом» (анкетой, «путеводителем интервью»), задавать дополнительные вопросы, гарантирует ответы на все вопросы и т.п. Но при этом исключается анонимность опроса (что может повлиять на степень правдивости ответов), а также ограничивается число респондентов (лично опросить можно десятки человек, но не тысячи).

Анкетный опрос обеспечивает анонимность, позволяет опросить сколь угодно большое число респондентов, но при этом нельзя разъяснить неясный для респондента вопрос, возможно неполное заполнение анкеты или ее невозврат.

По форме проведения опрос может быть личным (интервью, *face of face*), почтовым, телефонным.

К числу массовых анкетных опросов относятся виктимологические опросы населения (подробнее о них см. § 2 гл. 2). Нередко проводятся как интервью, так и анкетный опрос лиц, обвиняемых или

⁵⁶ Письма из зоны — 87 / Ред. В. Абрамкин. М.: Общественный Центр «Содействие», 1993; Palermo G., White M. Letters from Prison: A Cry for Justice. Charles C Thomas Publisher Ltd., 1998.

осужденных за совершение изучаемого вида преступлений, заключенных, представителей делинквентных и криминальных групп⁵⁷.

Опрос экспертов — разновидность опроса, рассматриваемая нередко как самостоятельный метод. Применяется обычно тогда, когда необходимо получить мнение специалистов по какому-либо вопросу. Часто экспертный опрос применяется наряду с опросом населения или какой-то группы (осужденных, подростков). Это дает возможность сравнить, сопоставить мнение специалистов и «несведущих» людей. Так, при изучении деятельности преступных организаций могут опрашиваться их члены, предприниматели, а также специалисты (эксперты) — руководители соответствующих подразделений МВД, ФСБ, следственных управлений.

Эксперимент редко возможен в криминологических исследованиях. Исключение представляют эксперименты, связанные с программами реадaptации, ресоциализации осужденных, лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях. Устанавливая в некоторых из них («экспериментальных») новые условия отбывания наказания (например, предоставление отпусков в женских колониях), осуществляя новые психолого-педагогические методы коррекции поведения, и сопоставляя с ситуацией в других учреждениях, выявляются достоинства и недостатки нововведений.

Это неполный перечень социологических методов, используемых в криминологии. Все большую роль играют так называемые «качественные методы», включая *case study* (анализ конкретных случаев, уголовных дел), метод фокус-групп и др.⁵⁸

Наряду с социологическими методами, при изучении лиц, совершивших преступления, осужденных, заключенных могут применяться и психологические методы — *тестирование*, которое проводят профессиональные психологи.

⁵⁷ Тюремный мир глазами политзаключенных / ред. В. Абрамкин. М.: Общественный Центр «Содействие», 1993; Morris R., Heffren C. Street People Speak. Mosaic Press, 1988.

⁵⁸ См.: Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993; Afanasyev V. Views on Social Problems among Influential Groups in St. Petersburg. In: Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. Helsinki: NAD Publication, 1998.

Глава II. Преступность

Преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно.

Э. Дюркгейм

§ 1. Понятие преступности

Преступность — центральное понятие криминологии. Но, как нередко бывает в науке, — наименее ясное и определенное.

Зарубежные криминологи уходят от определения этого понятия, ограничиваясь описанием *преступления* как поведенческого акта, нарушающего уголовно-правовой запрет («*behavior which is prohibited by the criminal code*»), или же констатируют три основных подхода к пониманию преступности (преступления): легалистский (преступно то, что запрещено законом), социальной реакции (преступно то, что осуждается обществом, государством, за что назначается наказание) и критический (не согласный с двумя названными)⁵⁹.

Вот некоторые из «интегративных» определений: «Преступления — такие акты, которые юридически осуждены государством и считаются заслуживающими наказания и контроля»⁶⁰. Еще одно: «Преступления — как всякое поведение и действия, для которых общество предусматривает формально санкционированное наказание»⁶¹. И еще: «Преступление — акт нарушения моральных правил, определенных в уголовном законе»⁶².

Кроме того, в современной криминологии подчеркивается неопределенность и многозначность понятия «преступление». Так,

⁵⁹ Brown S., Esbensen F.-A., Geis G. *Criminology: Explaining Crime and its Context*. Third Edition. Anderson Publishing Co., 1998, pp. 17–23; Burke R.H. *An introduction to Criminological Theory*. Third Edition. Willan Publishing, 2009, pp. 5–7; De Keseredy W., Schwartz M. *Contemporary Criminology*. Wadsworth Publishing Co., 1996, pp. 31–63; Lanier M., Henry S. *Essential Criminology*. Ibid., 1998, pp. 13–35.

⁶⁰ White R., Habibis D. *Crime and Society*. Ibid., p. 17.

⁶¹ Hagan F. *Introduction to Criminology: Theories, Methods, and Criminal Behavior*. 6th Edition. SAGE, 2008, p. 15.

⁶² Bosworth M., Hoyle C. (Eds.) *What is Criminology?* Oxford University Press, 2011, p. 36.

преступление может рассматриваться как: форма нормального поведения; нарушение поведенческих норм; нарушение уголовного закона; форма девиантного поведения; поведение, определяемое законом; всеми осуждаемое поведение; идеологическое осуждение; нарушение прав человека; социальный вред; форма неравенства; ограничение возможности инакодействия; историческое изобретение; социальный конструкт⁶³.

В отечественной литературе долгие годы господствовало понимание преступности как «исторически преходящего социально-правового явления классового общества, представляющего собой совокупность всех преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени»⁶⁴. В таком определении все вызывает сомнения: и «преходящий» характер преступности, и привязанность к классовому обществу, и определение социального явления через совокупность индивидуальных поведенческих актов (нельзя определять туберкулез, как «совокупность больных туберкулезом на определенной территории за определенный период времени»). За последние годы появились более корректные подходы: «преступность — отрицательное социально-правовое явление, существующее в человеческом обществе, имеющее свои закономерности, количественные и качественные характеристики, влекущие негативные для общества и людей последствия, и требующее специфических государственных и общественных мер контроля за ней»⁶⁵. В целом это вполне приемлемое определение, если бы не одно «но»: попробуйте подставить в это определение вместо слова «преступность» слова «пьянство», или «наркотизм», или «коррупция»... Подходят? Подходит? Но тогда такое определение не специфично именно для преступности.

Более социологичны определения представителей ленинградской — санкт-петербургской криминологической школы: «Преступность — это момент, состояние социального организма... Преступность как социальное явление представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма»⁶⁶. И: «свойство человека, социального

⁶³ Barak G. (1998). Ibid., p. 22; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) (1996) Ibid. Pp. 12–17.

⁶⁴ См., напр.: Криминология / Ред. Б.В. Коробейников, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. М.: Юрид. лит.-ра, 1988. С. 63.

⁶⁵ Криминология / ред. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Указ. соч., 1997. С. 22.

⁶⁶ Спиридонов Л.И. Криминологический факт и его оценка. В: Криминология

института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов»⁶⁷. Однако, как мне кажется, и в названных определениях, правильно отражающих социальную природу преступности, отсутствует указание на ее *специфичность*.

Вполне оригинально и достаточно корректно определение, предложенное А.И. Долговой: «Преступность — это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета»⁶⁸.

Случайно ли ни отечественные, ни зарубежные криминологи не «додумались» до «правильного» определения главного предмета своих исследований? Конечно же, нет. Преступность — сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ (в отличие, например, от наркотизма, пьянства, самоубийств) и определяемое с помощью двух разнопорядковых критериев: 1) общественной опасности, реального вреда и 2) предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* — нет преступлений без указания о том в законе). Порассуждаем на эту тему.

Очевидно, что в различных странах и в разное время существенно различен круг деяний, признаваемых преступными. То, что в одной стране — преступление, в другой не признается таковым. То, что преступным было вчера (например, добровольное мужеложство — ст. 121 УК РСФСР 1960 г., бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни — ст. 209 УК РСФСР) — не преступно (декриминализовано) сегодня, и наоборот (легализация денежных средств, приобретенных преступным путем — ст. 174 УК РФ 1996 г., фиктивное банкротство — ст. 197 УК РФ).

В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам, sui generis, per se. Преступление и преступность — понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные*

и уголовная политика. М.: ИГиПАН СССР, 1985. С. 21; Он же. В русле социологического подхода. В: Отклоняющееся поведение молодежи. Таллин: Институт истории АН Эст. ССР, 1979. С. 3–4.

⁶⁷ Шестаков Д.А. Криминология: учебник для вузов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 136.

⁶⁸ Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 7.

(«договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть — социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т.п.

Осознание того, что многие привычные общественные явления ни что иное как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия⁶⁹. «Рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно различные «реальности»»⁷⁰.

Есть два подхода в социальных науках: (1) *объективистский* (социальные феномены и соответствующие социальные проблемы — преступность, наркотизм, проституция, коррупция и др. — существуют объективно, составляют онтологическую реальность) и (2) *интеракционистский* (социальные проблемы конструируются обществом — властью, общественным мнением, СМИ)⁷¹. «Внутри» интеракционистского (=конструктивистского, конструкционистского) подхода существуют два направления. Согласно одному (*строгому, феноменологическому*), в обществе имеется нечто («*предполагаемое*», всего лишь предположительно существующее⁷²) — люди убивают друг друга, воруют друг у друга, потребляют наркотики, кончают жизнь самоубийством, но *это* становится *проблемой* в результате конструирования *этого* как *проблемы*. Как верно заметил В.А. Ядов⁷³, конструктивисты-радикалы мыслят в соответствии с «теоремой Томаса»: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям»⁷⁴. Согласно другому направлению, мягкому (*контекстуальный конструкционизм*), конструи-

⁶⁹ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.

⁷⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С.11.

⁷¹ Из русскоязычной литературы подробнее см.: Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004. С. 37–72. Ниже мною частично используется материал этой книги.

⁷² Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. Menlo Park, 1977.

⁷³ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. 2-е изд. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 18.

⁷⁴ Thomas W. Das Kund in Amerika // Person und Sozialverhalten. Neuwild, 1965. S. 114.

ируется проблема с учетом *социальных условий*. «Каждая социальная проблема состоит из объективного условия и субъективного определения... Социальные проблемы — это то, что люди считают социальными проблемами»⁷⁵.

Я полагаю, что конструируются (определяются индикаторы, признаки, границы) как сами социальные феномены («преступность», «наркотизм», «проституция», «терроризм», «коррупция» и др.), так и результат их осознания как проблемы («*проблематизация*» феномена). Так, в СССР были такие явления, как торговля и потребление наркотиков («наркотизм» как конструкт), и проституция (конструкт «проституция»), и весьма развитая коррупция (конструкт «коррупция»), но по идеологическим причинам их *как бы* не было, они были якобы только в «капиталистическом обществе». Следовательно, ни проституция, ни наркотизм, ни коррупция не были *проблемами* в СССР, что усвоило общество вслед за государством и его пропагандой. Эти феномены-конструкты не были *проблематизированы*. И так — вплоть до реально-анекдотического: «У нас секса нет!». С другой стороны, теперь «Нам непрерывно навязывают многообразные конструкции российской действительности, равно как и образы врага»⁷⁶.

Необходимо отметить, что конструктивистский подход (парадигма), равно как понятие «конструктивизм», распространены в различных сферах человеческой жизнедеятельности и ее понимания — от философии (гносеологии, эпистемологии) до искусства. И понимается «конструктивизм» по-разному в философии (теории познания), математике, социальных науках, искусстве, архитектуре⁷⁷.

В *философии* «главная мысль подхода, который сегодня именуется эпистемологическим конструктивизмом, — тезис о том, что реальность, с которой имеет дело познание (как научное, так и обыденное), и в которой мы живем, — это не что иное, как конструкция самого субъекта — иногда сознательная, но чаще всего неосознаваемая. Никакой другой реальности, действительности, помимо кон-

струируемой субъектом... нет и быть не может»⁷⁸. И еще, с точки зрения Х. фон Фёрстера: «То, что мы называем объективностью, реальностью — не что иное, как наша конструкция, которая в принципиальном отношении не отличается от иллюзии»⁷⁹. Оговоримся. С нашей точки зрения, объективная реальность, безусловно, существует. Мы в ней пребываем всю жизнь. Она существует и *до*, и *после* нашей жизни. Другое дело, как она нам видится, как мы ее оцениваем, как реагируем на нее. Мы постоянно натываемся на объективную реальность, как на конструкты: «родители», «школа», «любовь», «измена», «семья», «армия», «спорт» и т.п.

В нашем — криминологическом — случае, субъект конструирования это — власть, режим, законодатель, «общество». Подозреваю, что в обществе, с точки зрения самого общества, действительно «нет и быть не может» иной реальности, кроме конструктов — общественных (социальных) творений. Да и «само понятие общества есть, таким образом, социальный конструкт, происхождение которого нельзя объяснить никак иначе, чем из самого себя»⁸⁰.

Вообще «социальные феномены конституируются (то есть становятся объектами, превращаясь в нечто «реальное») посредством интерпретирующей деятельности членов общества. Социальное отклонение являет собой пример выработки социального порядка в ходе интерпретации»⁸¹.

Любопытное наблюдение встречается у Т. Кампанеллы. В «Городе Солнца» (1623) Томмазо Кампанеллы (1568–1639) нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации. «Поэтому, так как нельзя среди них (жителей Города Солнца — Я.Г.) встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, — они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой

⁷⁵ Fuller R., Myers R. Some Aspects of a Theory of Social Problems / American Sociological Review, 1941. Vol. 6. February, pp. 24–32. См. также: Tibbetts P. The Sociology of Scientific Knowledge: The Constructivism Thesis and Relativism // Philosophy of the Social Science. 1986. Vol. 16. Pp. 39–57.

⁷⁶ Ядов В. А. Там же. С. 17.

⁷⁷ Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология & Философия науки. 2009. Т. XX. № 2. С. 142–156; Когнитивный подход: Философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины / Ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+», 2007. С. 202–271.

⁷⁸ Лекторский В.А. Кант, радикальный конструктивизм и когнитивная наука. В: Когнитивный подход: Философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины / Ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+», 2007. С. 202–203.

⁷⁹ Лекторский В.А. Указ. соч. С. 215.

⁸⁰ Обсуждаем статьи о конструктивизме. Указ соч. С. 150.

⁸¹ Новые направления в социологической теории. Указ. соч. С. 36.

судья найдет нужным для искупления проступка»⁸². Итак, в «переводе» на язык современной криминологии: определенные социально-экономические условия позволяют избавиться от деяний, ныне признаваемых преступными, но тогда общество *конструирует* новый набор проступков, подлежащих наказанию; при этом меры «наказания» достаточно либеральны и не связаны ни с отнятием жизни, ни с лишением свободы. Впрочем, утопия она и есть утопия...

Преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт, и по мнению Бенедикта Спинозы (1632–1677). «В естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию... В естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в заслугу»⁸³.

Сегодня *конструктивизм* в девиантологии и криминологии завоевывает все больше сторонников, но уже П. Сорокин пишет: «Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением; и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнужданности и воздержания и т.д. — все эти акты могли быть и были и преступлением и не преступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались, при каких условиях они происходили. Поэтому *причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадежная...*»⁸⁴.

И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* — преступления возникают из сенатских и народных решений), однако в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется большинством зарубежных криминологов⁸⁵. Это четко формулируют германские криминологи Х. Хесс и

⁸² Кампанелла. Город Солнца. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 40.

⁸³ Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 554.

⁸⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 62.

⁸⁵ Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and

С. Шеерер⁸⁶: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность — социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»⁸⁷.

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов⁸⁸. А отсюда казалось бы парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*)⁸⁹.

Каковы же основные положения конструктивистских представлений о преступлении, преступности и криминологии?⁹⁰

Во-первых, «преступление не онтологическая реальность» (с. 11 вышеназванной книги P. Hilliard, Ch. Pantazis, S. Tombs, D. Gordon).

Во-вторых, «криминология увековечивает миф о преступности» (с. 11 той же книги).

В-третьих, ««преступность» включает много мелких проступков» (с. 12). Дело в том, что «преступление» — это всегда очень серьезное деяние, причиняющее значительный вред. Между тем уголовный закон включает множество незначительных проступков, но их субъекты подвергаются последствиям признания их проступков «преступлением». В современной России многие из таких проступков криминализируются законодателем (Госдумой), превращая каждого жителя страны в потенциального, а то и реального «преступни-

Deviance. Greenwich University Press, 1995; De Keseredy W., Schwartz M. Ibid. 1996. Pp. 45–51; Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. Palgrave Macmillan, 2012; Hester S., Eglin P. (1992). Ibid. Pp. 27–46; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. SAGE, 1996, p. 13.

⁸⁶ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

⁸⁷ Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. No 10, pp. 63–80.

⁸⁸ Christie N. A suitable Amount of Crime, pp. 10–11.

⁸⁹ Christie N. Ibid. P. 1.

⁹⁰ См.: Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D. Beyond Criminology: Taking Harm Seriously. Pluto Press. Fernwood Publishing, 2004, pp. 11–18.

ка». Это, с моей точки зрения, относится и к «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений», и к «оскорблению религиозных чувств верующих» (я — атеист, заявляю, что никакого бога нет; это «оскорбляет чувства верующих»; меня надо осуждать и лишать свободы?), и т.п.

В-четвертых, ««преступность» исключает (не включает — Я.Г.) многие серьезные деяния, причиняющие тяжелый вред» (с. 13). В качестве примера авторы приводят многочисленные корпоративные преступления, домашнее насилие, преступления полиции и т.п., которые оказываются *de jure* или *de facto* вне уголовной ответственности.

В-пятых, «сконструированность «преступлений»» (с. 14). Отсутствие четких (онтологических!) критериев того, что же по своему содержанию является «преступлением», приводит к тому, что оно оказывается всего-навсего «конструктом», более или менее искусственным.

В-шестых, «криминализация и наказание причиняют боль» (с. 15). Это известное положение Нильса Кристи (мы еще не раз будем возвращаться к этому имени — известному норвежскому профессору — гуманисту) о том, что уголовное правосудие есть процесс причинения боли, и пользоваться этим необходимо лишь в крайних случаях.

В-седьмых, ««контроль над преступностью» не эффективен» (с. 16). Проблеме социального контроля над преступностью посвящена ч. IV монографии, и мы подробно будем рассматривать эту проблему.

В-восьмых, «легитимизация «преступности» ведет к экспансии контроля над преступностью» (с. 17). Смысл этого тезиса состоит в том, что все большая *криминализация* различных деяний (признание их преступными) и нагнетаемый популистскими политиками и СМИ «страх перед преступностью» приводят ко все большей *репрессивности* полиции и уголовной юстиции, расширению их деятельности, нередко за счет ограничения прав человека, ко все большему вовлечению людей в жернова уголовной юстиции, к росту тюремного населения, к «призонизации» («отюрьмовлению») поведения и сознания масс населения. И об этом мы подробнее поговорим в ч. IV книги.

Наконец, в-девятых, ««преступность» служит поддержанию (сохранению) властных отношений» (с.17). Так, уголовное право ведет к сохранению коллективной безответственности в коридорах власти при пренебрежении к индивидуальным поступкам и поведению «улицы». Это увековечивает такие структурные детерминанты нежелательного поведения, как бедность, социальная депривация (неравенство доступа к социальным благам; психологический дискомфорт, вызванный пониманием этого), огромное неравенство между

богатыми и бедными. При этом растет заинтересованность «индустрии контроля над преступностью» в криминализации деяний. Политики используют «преступность» в целях мобилизации электората для поддержки своих партий. В целом «преступность» способствует сохранению властных отношений.

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в Оксфордском справочнике (руководстве) по криминологии⁹¹.

Итак, «термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт — это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей»⁹².

Как происходит конструирование одной из современных (начиная с середины 80-х гг. XX в.) разновидностей преступности — «преступлений ненависти» («*Hate crimes*»), т.е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств (афро-, испано-, арабо- и азиатско-американцев, евреев, геев и лесбиянок и т.п.), показано в книге американских криминологов⁹³. В этом конструировании (««*Hate crime*» is a social construct») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Роль политического режима в конструировании преступности и иных социальных девиаций показана в одной из моих работ⁹⁴. А участие СМИ в конструировании преступности и иных девиантных проявлений рассмотрена в монографии И.Г. Ясавеева⁹⁵.

С моей точки зрения, *вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей*. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю

⁹¹ Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 179–337. См. также: Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007.

⁹² Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ: Pearson. Prentice Hall, 2004, p. 2.

⁹³ Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

⁹⁴ Гилинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 39–65.

⁹⁵ Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы — есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей «здесь и сейчас» (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Нидерландах, Чехии, некоторых штатах США, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т.д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека — пламя, огонь, некоторые языки которого признаются — обоснованно или не очень — опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов).

Но тогда основными вопросами криминологии окажутся:

1. Какие потребности существуют у современных людей?
2. Какие легальные возможности удовлетворения потребностей предоставляет современное общество современным людям?
3. Какие средства и способы удовлетворения потребностей признаются современным государством недопустимыми, в том числе — преступными, и почему?

Как заметил в 1983 г. В. Коган, «преступление, независимо от его вида, образуется соединением побуждения, которое само по себе не преступно, с операцией, которая сама по себе не преступна, если такое соединение причиняет вред либо создает угрозу объектам, поставленным в связи с их социальной ценностью под уголовно-правовую охрану, и при этом запрещено уголовным правом»⁹⁶.

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, преступности в частности, совершенно произвольно⁹⁷. Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний не причиняют вреда другим, или причиняют вред незначительный, а потому криминализированы

⁹⁶ Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983. С. 89.

⁹⁷ См., напр.: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория общества: Фундаментальные проблемы. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. С. 292–306.

без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта⁹⁸. А какие реальные обстоятельства стоят за действиями современной российской Госдумы — «взбесившегося принтера», печатающего все новые и новые уголовно-правовые запреты и превращающие каждого жителя страны в потенциального преступника?

Канадский криминолог John Hagan рассматривает преступления и девиации как «континуум (протяженность) вариаций» («*continuous variable*»). Он, на основании опроса, попытался проранжировать степень воспринимаемой населением опасности, тяжести различных видов «отклонений» и получил шкалу от «прогулов 16-летних школьников» (0,2 балла) и «бродяжничества» (0,3 балла) до «изнасилования» (52,8 балла) и «закладывания бомбы в общественное здание, в результате взрыва которой погибло 20 человек» (72,1 балла)⁹⁹. Сколько баллов «достаточно», чтобы признать отклонение преступлением?

О том, что законодатель грешит расширительным толкованием вреда, заслуживающего криминализации, свидетельствует тот факт, что, согласно букве уголовного закона большинства современных государств, включая Россию, 100% взрослого населения — уголовные преступники (кто, например, в России ни разу не ударил кого либо, причинив физическую боль — ст. 116 УК РФ, или не уклонился от уплаты налога — ст. 198 УК РФ и т.п.? Я уже не говорю о вновь испеченных Госдумой законов об уголовно-правовом запрете «оскорбления религиозных чувств верующих» и «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений»). Но и в других странах ситуация не лучше. Так, по результатам нескольких опросов населения в США, от 91% до 100% респондентов подтвердили, что им приходилось совершать то, что уголовный закон признает преступлением (данные Уоллестайна и Уайля, Мартина и Фицпатрика, Портфельда, и др.).

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть.

⁹⁸ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965.

⁹⁹ Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and Its Control. NY: McGraw Hill, 1985.

Ясно, что правовые (в том числе — уголовно-правовые) нормы и их реализация (что не всегда одно и то же) непосредственно зависят от *политического режима*¹⁰⁰. Рассмотрим это на примере трансформации политического режима в советском государстве.

После октября 1917 г. новая российская власть, для утверждения которой немало сделала демократическая, революционно настроенная студенческая молодежь и интеллигенция, пыталась какое-то время сохранить имидж прогрессивности, либерализма, демократичности. В Руководящих началах 1919 г. и в первом Уголовном кодексе (УК) 1922 г. наказание признавалось мерой «оборонительной», санкции были не очень строгие, в УК РСФСР 1926 г. термин наказание был заменен «мерами социальной защиты». Тюремь пытались заменить трудовыми лагерями (что творилось нередко на практике — другое дело). Руководство страны и его идеологическое обеспечение на первых порах отнеслись либерально-аболиционистски к тому, что позднее, при сталинском тоталитарном режиме, трактовалось как явления чуждые и враждебные советскому народу. Так, в 1920-е гг. вполне терпимо воспринимали *проституцию*. Меры социального контроля сводились в основном к попыткам реабилитации женщин, вовлекаемых в сексуальную коммерцию, путем привлечения их к труду и повышения образовательного и профессионального уровня. В декабре 1917 г. была отменена уголовная ответственность за гомосексуальную связь, не предусматривалась уголовная ответственность за *гомосексуализм* и в Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. В первом издании Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) 1930 г. говорилось: «Понимая неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину... на носителей этих особенностей... Наше общество... создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее»¹⁰¹. До мая 1928 г. не было запрета на оборот *наркотиков*. Фактически существовало индифферентное отношение к наркопотреблению и наркотизму как социальному явлению.

С постепенным утверждением в стране тоталитарного режима принципиально меняется отношение ко всем «пережиткам капитализма», «чуждым советскому народу». В 1930-е гг. сворачивается

¹⁰⁰ Подробнее см.: Гишинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 39–65.

¹⁰¹ Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 17. М., 1930. С. 594–598.

система социальной реабилитации женщин, занимавшихся *проституцией*, на смену приходит репрессивная политика по отношению к ним. Резко меняется отношение к *гомосексуализму*. В 1934 г. вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм — мужеложство (с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет). В 1936 г. народный комиссар юстиции РСФСР Н. Крыленко сравнил гомосексуалистов с фашистами и иными врагами большевистского строя (напомним, что в гитлеровской фашистской Германии гомосексуалистов уничтожали физически). Во втором издании БСЭ мы можем прочитать: «В советском обществе с его здоровой нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным... В буржуазных странах, где гомосексуализм представляет собой выражение морального разложения правящих классов, гомосексуализм фактически ненаказуем»¹⁰². В 1934 г. устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индийской конопли. Из приведенных примеров наглядно видно, как режим *конструирует* различные виды девиантности и преступности. Или — создает «козлов отпущения», на которых так удобно списывать просчеты и неудачи собственной социальной политики (о преступниках как «козлах отпущения» см. подробнее в книге А.М. Яковлева «Теория криминологии и социальная практика»¹⁰³).

Объективная сложность логического определения преступности и состоит, очевидно, в том, что она «конструируется» по двум разным основаниям, лежащим в разных плоскостях: реальный (онтологический, объективный) *вред* и — «указание о том в законе», криминализированность, которая всегда является результатом *субъективной воли* законодателя. На это обстоятельство обратил внимание В.Е. Жеребкин еще в 1976 г. Он заметил, что одни признаки понятия «преступление» являются материальными, субстанциальными (общественная опасность или, более корректно — вред), тогда как другие — формальные, несубстанциальны (противоправность, указание в уголовном законе). Сам В.Е. Жеребкин так определяет эти два признака: «*Материальный признак* — это такой признак, который присущ предмету как таковому, является субстанциальным, имманентным его свойством. Это признак объективный, существующий *независимо* от субъекта познания (законодателя) и до него.

¹⁰² Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 12. М., 1952. С. 35.

¹⁰³ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. С. 17–29 и др.

Формальный признак — это признак не субстанциальный, он не принадлежит предмету действительности, не является его имманентным свойством. Этим признаком реальный предмет наделяется субъектом познания (законодателем)¹⁰⁴.

Исходя из представлений о преступности как частном случае девиантности, нами под *преступностью* понимается *относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе*¹⁰⁵. Аналогичное определение преступлений было предложено Джоном Хаганом: «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом»¹⁰⁶. Разумеется, наше определение тоже «хромает», носит рабочий характер и не претендует на «правильность».

К сожалению, эта ясная позиция, не будучи понята, подвергается иногда огульной критике. Так, в учебнике под редакцией Н.Ф. Кузнецовой утверждается, что в зарубежной криминологии, а также в трудах Я.И. Гилянского и Д.А. Шестакова подменяется понятие преступности «отклоняющимся поведением», что отвергается уголовно-правовое свойство преступности, а криминология превращается в «королеву без королевства»¹⁰⁷. Более или менее внимательное прочтение текстов и зарубежных криминологов, и упомянутых российский авторов свидетельствует о полном непонимании критиком их позиции. Никто не отождествляет преступность с девиантностью, а преступление с девиантным поведением. Речь идет лишь об их взаимоотношениях, «соподчиненности» (преступность — разновидность девиантности, преступление — одна из форм девиантного поведения). И «королева» — криминология полностью сохраняет свое «королевство» — науку о *преступности*.

Преступность как социальный феномен характеризуется рядом свойств:

- *массовость*, распространенность;
- относительная статистическая *устойчивость*; изменения носят «плавный» и закономерный характер;

¹⁰⁴ Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976. С. 37.

¹⁰⁵ Гилянский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Питер, 2002. С. 37.

¹⁰⁶ Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. NY: McGraw-Hill. 1985. P. 49.

¹⁰⁷ Криминология: учеб. пособие / Ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 2006. С. 48–49.

- историческая *изменчивость* — при этом речь идет не только (не столько) о зависимости конструкта «преступность» от воли законодателя, сколько о закономерных изменениях структуры преступности, ее качественных особенностей (например, групповая преступность была всегда, организованная — продукт XX в., заказные убийства были всегда, появление профессии киллера — одно из «новшеств»);
- *иррегулярность* — отдельные преступления, как элементы статистической совокупности, совершаются независимо друг от друга.

Релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость — все эти свойства преступности заставляют думать о *преступности как культурном феномене*, как элементе культуры.

Имеется множество определений культуры. Нам представляется наиболее общим и отвечающим своему предмету понимание *культуры как способа человеческого существования, способа человеческой деятельности*¹⁰⁸. Культура включает также объективированные *результаты* этой деятельности. Культура служит наиболее общим внебиологическим («надбиологическим») механизмом накопления (аккумуляции), хранения и передачи (трансляции) информации, выполняя тем самым функцию социального наследования.

Для нашей темы важно, что при таком — не аксиологическом — понимании культура включает не только «позитивные», одобряемые способы деятельности, но и «негативные», порицаемые, не только «образцы культуры» со знаком «+», но и со знаком «-». В культуру входят способы технического, научного, художественного творчества, но и способы взлома квартиры (с помощью «фомки», или «слоника», или путем отжима ригеля), нормы христианской морали, но и нормы воровской культуры (субкультуры), не только лучшие образцы мирового зодчества, но и надписи на заборах...

Каждое общество имеет ту преступность (виды преступлений, их качественное своеобразие), которая соответствует культуре данного общества, является ее элементом. В современных странах Западной Европы вряд ли кто из психически нормальных людей воспользуется таким способом убийства, как колдовство, или таким

¹⁰⁸ Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван: АН Армянской ССР, 1969. С. 66; Он же. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М., 1983.

способом причинения вреда здоровью, как «сглаз». Компьютерные преступления возможны только в обществах соответствующей «информационной» культуры. В российскую культуру традиционно интегрирована культура «блатная», тюремная (начиная от знаменитых «Гоп-со-смыком» и «Мурки» и кончая творчеством С. Есенина, В. Высоцкого, А. Галича и др.). Культура «подсказывает» образцы поведения, образцы разрешения конфликтов, жизненных коллизий (перестать встречаться, «выяснить отношения», вызвать на дуэль, покончить жизнь самоубийством, запить «горькую», украсть, поменять место работы и др.). Культурой обусловлены не только характер и способы совершения *преступлений*, но и применяемые обществом *меры социального контроля*, включая наказание, на что обращает внимание современная «культуральная криминология» (подробнее об этом в § 4 гл. 4).

§ 2. Основные характеристики (показатели) преступности

Любое изучение и описание преступности или же ее отдельных видов требует количественных показателей. *Измерение преступности* — одна из главных исследовательских задач криминологии¹⁰⁹. Проблемность этой задачи объясняется рядом факторов.

- Как было замечено выше, уголовное законодательство большинства современных государств сконструировано таким образом, что практически все или почти все взрослые граждане в течение жизни совершали преступления, да и не единожды (все граждане — преступники-рецидивисты...). Этот феномен можно обозначить как *избыточность уголовного закона*. Понятно, что регистрируется лишь незначительная часть всех совершаемых «преступлений» (привычный образ — «надводная часть айсберга»). Незарегистрированное большинство преступлений носит название *латентной* преступности и о ней речь пойдет ниже. Ясно, что выявление и оценка масштабов латентной преступности — задача не из легких.

¹⁰⁹ Barkan S. (1997). Ibid. Pp. 51–83; Brown S., Esbensen F.-A., Geis G. (1998). Ibid. Pp. 79–124; De Keseredy W., Schwartz M. (1996). Ibid. Pp. 109–150; Lanier M., Henry S. (1998). Ibid. Pp. 36–62; Muncie J., McLaughlin E. (1996). Ibid. Pp. 19–41; Sheley J. (Ed.) *Criminology: A Contemporary Handbook*. Third Edition. Wadsworth, Thomson Learning, 2000, pp. 56–83; Tierney J. *Criminology: Theory and Context*. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996, pp. 24–43.

- Иногда утверждают, что зарегистрированная (учтенная) преступность «представительна» для всей совокупности. И в зарегистрированной преступности отражается целое как в капле воды. Но насколько мы можем доверять представительности (репрезентативности) учтенной преступности? Ведь *что и как* регистрируется зависит от активности населения (насколько оно, включая жертв преступлений, сообщает в органы, регистрирующие преступления, о таковых), от активности полиции (насколько она полно и точно регистрирует все факты преступлений, ставших ей известными), от государственной политики (что именно, с точки зрения властей, является главным объектом «борьбы с преступностью»), от характера преступлений (всегда ли населению и полиции становятся известны факты мошенничества, экологических преступлений, фальсификации товаров и услуг?). Во всем мире хорошо известна *селективность* (избирательность) полиции и уголовной юстиции при выявлении, регистрации и раскрытии преступлений: наиболее полно учитываются так называемые «*street crimes*» (уличные или «общеуголовные» преступления) и «не замечается» преступность «респектабельная», «элитарная», «беловоротничковая» (*white-collar crime*). По образному выражению A. Liazos, «борьба» ведется преимущественно с «*nuts, sluts and perverts*» (с пьяницами, опустившимися, извращенцами). И тогда пойманные полицией и осужденные судом «*nuts, sluts and perverts*» — лишь «козлы отпущения», призванные демонстрировать успехи борьбы с преступностью. Заметим, забегая вперед, что свыше 60–70% всех лиц, выявленных в России в совершении преступлений, — «без постоянного источника доходов», т.е. «униженные и оскорбленные» (Ф.М. Достоевский), «исключенные» (по современной терминологии, о чем речь впереди).
- Уголовное законодательство различных стран и в разное время признает преступными существенно различные деяния. Как сравнивать, сопоставлять при этом криминальную ситуацию и ее динамику?

В современных развитых странах существует несколько взаимодополняющих систем учета совершаемых преступлений.

Прежде всего, это *официальная* полицейская (прокурорская, судебная) *статистика*. Используемая во всех странах, она формируется по разным критериям: по числу арестов подозреваемых, по числу

возбужденных уголовных дел, по числу зарегистрированных преступлений (последний вариант был принят в СССР и в современной России). Иногда за основу берутся не все зарегистрированные преступления, а наиболее опасные или распространенные. Так, в США публикуются сведения ФБР об «индексной преступности» (*Uniform Crime Reports — UCR*), в состав которой входят убийства, изнасилования, разбойные нападения, грабежи, берглэри (*burglary* — вторжение в чужое жилище с преступными намерениями), кражи автомобилей. Пожалуй, наиболее полные сведения о преступности (в целом и по видам, по федеральным землям, по городам с населением свыше 200 тыс. жителей, о лицах, совершивших преступления, о жертвах и многое другое) публикуются в ФРГ¹¹⁰. Впрочем, и во многих других западноевропейских странах сведения о преступности публикуются полно, открыто и «красочно» (цветные графики, диаграммы и т.п.)¹¹¹. Сравнительные статистические данные по десяткам стран имеются в отчетах ООН¹¹² и публикуются МВД Великобритании (Home Office)¹¹³. Мировые статистические сведения собирает и публикует European Institute for Crime Prevention and Control под эгидой ООН в Хельсинки (HEUNI)¹¹⁴.

В СССР вся уголовная статистика была засекречена. Первые, крайне убогие сведения начали публиковаться с 1987 г. в ежегодных статистических сборниках «СССР в цифрах». Первый относительно полный статистический сборник «Преступность и правонарушения в СССР» вышел в 1990 г. и содержал наиболее общие сведения с 1961 г., а по отдельным преступлениям с 1980 г.¹¹⁵ По понятным причинам общесоюзные сборники прекратили свое существование уже в 1991 г., но с 1992 г. стали публиковаться российские ежегодные статистиче-

¹¹⁰ См.: Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2014. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2015.

¹¹¹ См.: The 2000 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin. London, 2000. 18/00; Recorder Crime England and Wales, 12 months // Home Office Statistical Bulletin, 2001.

¹¹² Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY: Oxford University Press, 1999.

¹¹³ Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, Issue 12/03, 2003.

¹¹⁴ Aromaa K., Heiskanen M. (Eds.) Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004. Helsinki, HEUNI, 2008; Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010.

¹¹⁵ Преступность и правонарушения в СССР. 1989. М.: Юрид. лит.-ра, 1990.

ские сборники «Преступность и правонарушения»¹¹⁶. Если выпуски до 1992 г. включительно поступали в открытую продажу, то уже с 1993 г. их приходится «доставать». Некоторые из них можно найти в Интернете, но с известным запаздыванием. То же самое относится к кратким ежемесячным и ежегодным справочникам МВД РФ «Состояние преступности в России». В настоящее время более или менее полные сведения о преступности имеются на сайтах МВД РФ (<https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>) и Генеральной прокуратуры РФ (<http://crimestat.ru/>). Есть и другие источники статистической информации, в частности, публикуемые в изданиях Российской криминологической ассоциации, в трудах отечественных криминологов, но они (данные) носят, как правило, вторичный, производный характер.

Поскольку официальные полицейские статистические данные заведомо страдают существенной неполнотой, они дополняются проводимыми во многих странах *виктимологическими опросами населения (victimological survey)*. Суть последних — анонимный репрезентативный (представительный) опрос жителей о том, были ли они лично или члены их семьи жертвами преступлений за определенный предшествующий опросу промежуток времени (за год, полугодие, квартал) и если — да, то каких именно. В США результаты такого рода опросов (*National Crime Victimization Survey — NCVS*) образуют второй важнейший источник сведений о преступности, наряду со статистикой ФБР, а сравнения данных UCR и NCVS — предмет криминологических исследований¹¹⁷.

К сожалению, в России никогда не проводились национальные (федеральные) виктимологические опросы, а региональные — лишь в небольшом количестве регионов и нерегулярно (что существенно снижает их познавательные возможности). И, пожалуй, самое главное — региональные виктимологические опросы если и проводятся, то по различным методикам, а потому их результаты не сопоставимы. Мы можем сослаться лишь на относительно систематические виктимологические опросы населения Санкт-Петербурга, проводимые с нашим участием начиная с 1989 г., причем с 1999 г. по единым методикам, принятым в США¹¹⁸.

¹¹⁶ См., напр.: Преступность и правонарушения (2009–2013). Статистический сборник. М.: МВД РФ, МЮ РФ, 2014.

¹¹⁷ Sheley J. Criminology. A Contemporary Handbook. Wadsworth, 2000, pp. 60–79.

¹¹⁸ Результаты частично опубликованы в: Afanasyev V., Gilinskij Y., Golbert V. Social Changes and Crime in St. Petersburg. In: Ewald U. (Ed.) Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries. Bonn: Forum Verlag

Третьим способом измерения масштабов преступности является метод *самоотчета* (*Self-Report Survey*). Он заключается в анонимном анкетном репрезентативном опросе населения с целью выяснить: совершал ли опрошиваемый (респондент) какие-либо уголовно-наказуемые деяния за определенный прошедший период времени. Достаточно распространенный за рубежом, этот метод почти не применяется в России (нам известен лишь один такой опрос, проведенный с нашим участием в Санкт-Петербурге в середине 1990-х гг.).

Существуют и иные национальные или региональные исследования, направленные на решение частных задач (определение уровня насильственных преступлений в регионе, степени латентности тех или иных преступлений и т.п.). Так, в США хорошо известны национальные исследования молодежи (*National Survey of Youth*), позволяющие уточнить состояние молодежной преступности. В Великобритании выходят статистические сборники, посвященные женской преступности¹¹⁹, расово-этническим характеристикам преступников¹²⁰ и т.п.

Какие же основные *показатели* характеризуют ситуацию с преступностью?

- *Объем* преступности — абсолютное количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени.

Например, объем зарегистрированной преступности в России в 2016 г. составил 2 160 063 преступлений¹²¹.

- *Уровень* преступности — количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени, в расчете на какое-либо количество жителей этой же территории (обычно — в расчете на 100 000 чел., хотя

Godesberg. 1997, pp. 162–181; Gilinskiy Y. Police and the Community in Russia // Police Practice and Research. An International Journal. Vol. 6. No 4. 2005. Pp. 331–346; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб.: СПб Ф ИС РАН, 1999; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет 2). СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2000; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет 3). СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2001; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет 4). СПб., 2002.

¹¹⁹ Statistics of Woman and the Criminal Justice System. Home Office, 2000.

¹²⁰ Statistics on Race and the Criminal Justice System. Home Office, 2000.

¹²¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 г. М.: МВД, 2017 // URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 20.03.2017).

возможен расчет и на 10 000, и на 1000 чел.). Нередко уровень преступности рассчитывается на 100 000 жителей, достигших возраста наступления уголовной ответственности (в России — с 14 лет).

Уровень преступности на 100 000 чел. населения рассчитывается по формуле:

$$K = \frac{n \times 10^5}{N}, \text{ где:}$$

K — коэффициент преступности,

n — количество зарегистрированных на определенной территории за определенное время преступлений,

N — численность населения (или численность населения в возрасте с 14 лет) на этой же территории.

Например, мы уже знаем, что объем преступности в России в 2016 г. составил 2 160 063 преступлений. В этом же году население России составило ориентировочно 146 544 000 чел. Тогда коэффициент преступности (K) в 2016 г. составит в России (на 100 000 всего населения):

$$2\,160\,063 \times 100\,000 : 146\,544\,000 = 1473,9.$$

Коэффициент преступности (как показатель ее *уровня*) является важнейшим показателем и позволяет сравнивать состояние преступности в различных странах и регионах.

- *Структура* преступности — внутренний состав преступности по видам преступлений (в 2016 г. краж в России было зарегистрировано 40,3% от всех зарегистрированных преступлений, мошенничества — 9,7%, разбоев и грабежей — 3,4%, фактов хулиганства — 0,1%, тяжких насильственных преступлений — 1,9%, фактов присвоения и растрат — 0,8%, иных преступлений — 43,8%¹²²), или по социально-демографическому составу лиц, совершивших преступления (в 2016 г. в России женская преступность составила 14,6%, мужская — 85,4%; преступность несовершеннолетних — 4,8%, учащихся и студентов — 4,9%, лиц без постоянного источника доходов — 65,4%, безработных — 0,6%¹²³), или по иному основанию.

¹²² Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 г. М.: МВД, 2017 // URL: <https://мвд.рф/reports/item/9338947/> (дата обращения: 20.03.2017).

¹²³ Там же.

Доля каждого структурного элемента преступности исчисляется в процентах и обычно называется *удельным весом* (так, в наших примерах удельный вес краж был 40,3%, удельный вес женской преступности — 14,6%).

- *Динамика преступности* — изменение вышеназванных показателей (объем, уровень, структура) во времени. Например, динамика уровня преступности (на 100000 человек населения) в России с 1999 по 2016 г.: 1999 — 2026,0; 2000 — 2028,3; 2001 — 2039,2; 2002 — 1754,9; 2003 — 1926,2; 2004 — 2007,2; 2005 — 2499,8; 2006 — 2700,7; 2007 — 2519,0; 2008 — 2260,5; 2009 — 2112,0; 2010 — 1852,6; 2011 — 1682,9; 2012 — 1607,8; 2013 — 1539,6; 2014 — 1500,4; 2015 — 1608,1; 2016 — 1473,9.
- *Иные* показатели. Помимо четырех вышеназванных основных показателей в криминологии применяются многочисленные другие количественные характеристики преступности, отдельных видов преступлений, лиц, совершивших преступления: индекс *судимости* (число лиц, осужденных к уголовным наказаниям по вступившим в законную силу приговорам, на определенной территории за определенный промежуток времени в расчете на 100 000 жителей); индекс *латентности* преступности (отношение незарегистрированного объема преступности к зарегистрированной ее части); коэффициент *криминальной активности* (отношение определенной социально-демографической группы населения в числе лиц, совершивших преступления, к доле этой же группы в населении); уровень *раскрываемости* преступлений (отношение раскрытых преступлений к зарегистрированным); уровень *виктимности* (отношение доли определенной социально-демографической группы населения в числе жертв преступлений к доле этой группы в населении) и другие, а также интегративные показатели, учитывающие одновременно количество преступлений, их тяжесть и другие характеристики¹²⁴. Некоторые из этих показателей подробнее рассматриваются в соответствующих разделах книги.

¹²⁴ Подробнее см.: Забрянский Г.И. Криминологические проблемы села. Ростов н/Д: Ростовский ун-т, 1990. С. 58–74; Забрянский Г.И. Методика статистического изучения преступности (введение в криминологическую статистику). М.: РААиН, 2010; Коган В.М. Социальные свойства преступности. М.: Академия МВД СССР, 1977. С. 37–44; Криминология: учеб. пособие. М.: ИНФРА. М-НОРМА, 1997. С. 23–26, 47–99; Максимов С.В. Краткий криминологический словарь. М.: Юрист, 1995.

- Наконец еще одно понятие, характеризующее преступность. Это — ее *состояние*. Обычно под состоянием преступности понимается ее обобщенная характеристика, включающая объем, уровень, структуру, динамику, латентность, причиненный ущерб и т.п., то есть общая характеристика криминальной *ситуации* на определенной территории в определенное время, место, а также значение преступности в числе социальных проблем. Однако в отечественной криминологической литературе прошлых лет под *состоянием* преступности нередко понималось то, что сегодня чаще называется *объемом*.

§ 3. Латентная преступность

Выше упоминалось, что под латентной преступностью (англ. «dark number», нем. «dunkel Ziffer», «темное число») понимается ее незарегистрированная часть. Рассмотрим эту проблему подробнее.

В связи с распространенной избыточностью уголовно-правового закона (криминализация деяний, не представляющих серьезной общественной опасности, «преступлений без жертв»), а также с учетом реальных возможностей полиции и уголовной юстиции, подавляющее большинство деяний, формально подпадающих под действие уголовного закона, остаются неучтенными, незарегистрированными. Более того, известно, что из числа зарегистрированных раскрывается не более половины, из которых доходят до суда еще меньше, а осуждается меньшее число лиц, нежели предстает перед судом. Это — так называемая «воронка уголовной юстиции», которая не может «переварить» даже все зарегистрированные преступления (так, например, в 2013 г. в России было рассмотрено 11 671 978 заявлений о совершенных преступлениях, зарегистрировано 2 206 249 преступление, выявлено лиц, совершивших преступления — 1 012 563, осуждены по приговорам, вступившим в законную силу — 735 605 человек).

Различают несколько видов латентности преступлений, из них основные:

- *Естественная* латентность, когда органам, регистрирующим преступления, не известно о них.

Чаще всего это бывает потому, что потерпевшие от преступлений не сообщают о них. Так, по результатам нашего опроса населения Санкт-Петербурга, в 2000 г. не обратились в милицию свыше 73% жертв преступлений. Причины отказа от обращения: «милиция

ничего не стала бы делать» и «бессилие милиции» — свыше 52% (от числа не обратившихся), отсутствие или незначительность ущерба — 32%, отсутствие доказательств и неизвестность подозреваемого — 31%, иные причины — свыше 34% (сумма ответов свыше 100%, поскольку опрашиваемые могли назвать несколько причин). Нередко потерпевшие не знают, о том, что они стали жертвами преступления (при экологических преступлениях, в результате фальсификации продуктов питания и др.).

- *Искусственная латентность* — когда правоохранительным органам стало известно о факте преступления, но они его не регистрируют.

Искусственная латентность приобретает массовый характер в тоталитарных и авторитарных государствах. Причины — скрыть от населения истинные масштабы преступности, борьба за «честь мундира», желание «выслужиться» (чем «меньше» преступлений, тем «лучше» работает милиция/полиция), а то и выполнение прямого приказа «сверху». Так, очень высокая искусственная латентность была в СССР до 1983 г. В 1983 г. одним из поводов для снятия Н. Щелокова с поста министра внутренних дел послужили «вскрытые» Генеральной прокуратурой (как будто об этом раньше не было известно!) массовые случаи сокрытия преступлений от регистрации. Навели «порядок», снимали с постов ряд ответственных работников МВД, преступность в 1983 г. «выросла» в результате регистрации ранее сокрытых преступлений на 21,8% по сравнению с 1982 г. (это — огромный прирост преступности, до 1983 г. максимальный годовой прирост в 1966 г. составил 18,1%, средние же колебания преступности были ±5%). С начала 1990-х по 1994 г. искусственная латентность в России находилась на «приемлемом» уровне. Затем вновь начался ее рост. Об этом свидетельствуют несколько обстоятельств.

Во-первых, уровень раскрываемости преступлений. Средний для европейских стран уровень раскрываемости — 40–46% (1988 г.: во Франции — 40,3%, в Великобритании — 32,0%, в ФРГ — 45,8%). Уровень раскрываемости в СССР свыше 90–95% (1980 г. — 95,4%, 1982 г. — 95,9%, 1984 г. — 90,2%) был заведомо нереален, «липовый». Впервые правдоподобный показатель 46,9% достигнут в России в 1992 г., что свидетельствовало об относительно достоверной регистрации преступлений. «Рост» раскрываемости, начавшийся в 1993 г. (50,6%), до 75,6% в 2000 г. мог быть достигнут только за счет массового сокрытия от регистрации «глухарей», «неочевидных», за-

ведомо неперспективных для раскрытия преступлений. В 2016 г. раскрыто, по данным МВД РФ, 54,5% преступлений.

Во-вторых, как показали результаты виктимологических исследований в Санкт-Петербурге, при «сокращении» статистических показателей преступности в 1994–1997 гг., количество жертв преступлений в городе не сокращалось, а возрастало (в 1991 г. — 12% опрошенных, в 1994 г. — 26%, в 1999 г. — 27%).

В-третьих, по мировым данным, умышленные убийства как преступления с относительно низкой латентностью и относительно стабильной динамикой, являются важнейшими индикаторами криминальной ситуации, репрезентируя (представляя) состояние преступности в целом. Например, удельный вес (доля в %) умышленных убийств в структуре преступности в течение многих лет составлял: в Дании, Норвегии, Швеции — 0,01–0,03%, в Канаде, Финляндии, Франции, ФРГ — 0,06–0,07%, в Венгрии, Италии, США, Японии — 0,12–0,23% и т.д. В России в течение 1985–1992 гг. умышленные убийства составляли 0,70–0,85% и лишь в 1993 г. этот показатель вырос до 1,04%, а в 1994 г. до 1,2%, т.е. в 1,6 раза (в последующие годы удельный вес убийств также выше или около 1%). Отмеченные «отклонения» могут быть объяснены как результат значительного увеличения латентной массы преступлений¹²⁵.

- *Пограничная латентность* — следствие юридической ошибки, добросовестного заблуждения. Правоохранительным органам известно о событии, но оно ошибочно воспринимается как не-преступное. Например, в результате ошибочного заключения пожарной инспекции факт пожара расценивается как самовозгорание, а в действительности имел место поджог. Или хорошо замаскированное убийство воспринимается как самоубийство или несчастный случай.

Латентность существует во всех странах, но ее масштабы и соотношение видов существенно зависят от профессионализма и добросовестности работы полиции, а также от уголовной политики государства.

Существует несколько способов и методик определения уровня латентности различных видов преступности¹²⁶. Выше уже называ-

¹²⁵ Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2001. № 1. С. 47–62; Лунеев В.В. (2005). Указ. соч. С. 280–293.

¹²⁶ Горяинов К.К. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994; Шнайдер Г.И. Криминология. Указ. соч. С. 124–146.

лись виктимологические опросы и «самоотчеты». Нередко используется метод *экспертных оценок*, когда специалисты в той или иной области на основе профессиональных знаний отвечают на вопрос о предполагаемом уровне латентности определенного вида преступлений. Так, в результате исследований были установлены в России такие, например, коэффициенты латентности по некоторым составам преступлений: убийство — в 2002 г. — 1,17, в 2009 г. — 2,3; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — в 2002 г. — 1,18, в 2009 г. — 2,2; истязание — в 2002 г. — 2,45, в 2009 г. — 2,5; изнасилование — в 2002 г. — 4,08, в 2009 г. — 7,5; кража — в 2002 г. — 4,21, в 2009 г. — 10,1; грабеж — в 2002 г. — 1,52, в 2009 г. — 4,0; разбой — в 2002 г. — 1,36, в 2009 г. — 3,0; хулиганство — в 2002 г. — 3,81, в 2009 г. — 22,2; бандитизм — в 2002 г. — 3,45, в 2009 г. — 2,2; вовлечение в занятие проституцией — в 2002 г. — 17,82, в 2009 г. — 15,0; получение взятки — в 2002 г. — 10,13, в 2009 г. — 75,0; принуждение к даче показаний — в 2002 г. — 70,73, в 2009 г. — 60,0¹²⁷. Причем, с нашей точки зрения, это *минимальные* показатели латентности. Так, по нашему мнению, убийств совершается как минимум в 2–3 раза больше, нежели регистрируется, а, по мнению В.В. Лунеева, — в 4 раза больше.

Возможно уточнение латентной преступности в результате специальных экономических, бухгалтерских, технологических исследований. Так, изучая расход электроэнергии, сырья, промышленных вод на предприятии и сравнивая эти данные с выпущенной продукцией, можно определить размер хищений готовой продукции.

Проблема латентной преступности тесно связана с задачей определения реального состояния преступности в стране, регионе.

Глава III. Состояние преступности в современном мире

*Everybody does it!*¹²⁸

Thomas Gabor

§ 1. Основные мировые тенденции преступности

Начиная обзор состояния преступности и основных тенденций ее изменений, необходимо напомнить, что мы можем судить только о *зарегистрированной* ее части, а потому любые наши суждения будут носить *относительный*, ориентировочный характер, лишь более или менее приближенный к реальной ситуации. С другой стороны, нельзя совсем пренебречь имеющимися данными уголовной статистики и, по возможности, результатами исследований, ибо они составляют необходимую эмпирическую базу для теоретических рассуждений. Кроме того, даже относительно неполные данные, проанализированные за ряд лет, позволяют выявить *тенденции* преступности.

Криминологический анализ мировых и отечественных тенденций преступности достаточно полно отражен в работах В.В. Лунеева — в серии статей и монографий¹²⁹. Поэтому мы ограничимся лишь самыми общими сведениями и комментариями.

Как отмечено в монографии В.В. Лунеева, основной мировой тенденцией с середины XX столетия является *абсолютный и относительный* (в расчете на 100 тыс. жителей) *рост* регистрируемой преступности. Этот вывод основывается, прежде всего, на анализе четырех обзоров ООН, обобщенных в виде таблицы, которая воспроизводится ниже (табл. 3.1).

Итак, наблюдается устойчивый рост зарегистрированной преступности при значительно *более высоком уровне преступности в развитых странах* по сравнению с развивающимися. Но что это: реальный рост

¹²⁷ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001–2002 гг. (статистический сборник). М., 2004; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / Ред. С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

¹²⁸ Каждый делает это!

¹²⁹ Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005; Он же. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть. Т. I. М.: Юрайт, 2011. С. 328–353.

криминальности населения или же результат повышения активности полиции и большей нетерпимости населения к преступности?

Другая тенденция, отмеченная В.В. Лунеевым — «гуманизация» преступности, т.е. сокращение доли насильственных преступлений в общем ее объеме.

Таблица 3.1

Усредненные и оценочные данные о преступности в мире

Номера обзоров и годы	Число стран, приславших ответы	Уровень преступности (на 100 тыс. населения)		
		Развитые страны	Развивающиеся страны	Всего
Первый, 1975	64	4200	800	1600
Второй, 1980	70	5200	1000	3200
Третий, 1985	78	6800	1300	4100
Четвертый, 1990	95	8000		5500
Прогноз, 1995	100	Свыше 8000	Свыше 1500	Свыше 7000

Однако с конца 1990-х — начала 2000-х гг. наметилась тенденция замедления темпов роста, а то и сокращения уровня преступности в целом и отдельных ее видов в большинстве регионов мира¹³⁰.

Так, в странах Европы в 2000–2001 гг. снижался уровень общей преступности в Австрии (–7%), Болгарии (–3%), Дании (–6%), Италии (–2%), Литве (–4%), Румынии (–4%), Финляндии (–6%), Чехии (–8%), Швеции (–2%). «Реперными» точками могут служить 1980, 1993, 2000 гг. Так, например, в эти годы уровень преступности составлял: в Дании — 8282, 12 084, 9451; в Германии — 4873, 8337, 7621; в Канаде — 8804, 11 447, 8041. В Венгрии в 2001 г. были зарегистрированы 465 694 преступления, а в 2009 г. — 394 034, убийств было зарегистрировано в 2001 г. — 250, в 2009 г. — 138¹³¹.

¹³⁰ Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005. С. 35–46; Aromaa K., Heiskanen M. (Eds.) Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004. Helsinki: HEUNI, 2008; Barclay G., Tavares C. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003, Issue 12/03; Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010; Shaw M., van Dijk J., Rhombert W. Determining Trends in Global Crime and Justice: An Overview of Results from the United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice System // Forum on Crime and Society. Vol. 3. No 1–2. 2003. NY, 2004, pp. 35–63.

¹³¹ Hack P., Fleck Z. Tough on crime: soft on constitutional guarantees. The case of Hungary // Criminology in Europe. ESC, 2013, No 2, p. 12.

Эта тенденция характерна для большинства стран Европы, Южной и Северной Америки, а также Азии, Австралии и Африки. Только в некоторых странах Центральной Америки не наблюдается сокращение уровня преступности.

Если с 1989 по 1999 г. преступность по странам — членам Европейского союза выросла на 6%, то за 1995–1999 гг. — снизилась на 1%, а за 1991–2001 гг. — на 0,1%¹³². «Переломными» явились для Австрии — 1994/95 гг., для Англии — 1992/93 гг., Германии — 1993/94 гг., Дании — 1997/98 гг., Канады — 1992/93 гг., Нидерландов — 1993/94 гг., США — 1991/92 гг., Франции — 1994/95 гг. Тенденция к сокращению объема и уровня преступности, прежде всего, убийств в странах Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки, Австралии и Новой Зеландии четко проявилась в XXI в. Исключения составляют некоторые страны Центральной Америки¹³³. Если учесть сокращение объема и уровня преступности в России с 2007 г., а убийств с 2002 г. то мы сталкиваемся с новой, еще не до конца осознанной, тенденцией.

Действительно, после окончания Второй Мировой войны и до конца 1990-х — начала 2000-х гг. во всем мире наблюдался *рост* объема и уровня преступности, а с конца 1990-х — начала 2000-х гг. — *снижение*. Имеется несколько гипотез объяснения происходящего.

По мнению автора этих строк, во-первых, преступность, как сложное социальное явление развивается по своим собственным законам, не очень реагируя на полицию и уголовную юстицию, и, как большинство социальных процессов, — волнообразно¹³⁴.

Во-вторых, большую часть зарегистрированной преступности составляет «уличная преступность» (*street crime*) — преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, собственности. «Беловоротничковая преступность» (*white-collar crime*) занимает сравнительно небольшую часть всей зарегистрированной преступности. А основные субъекты «уличной преступности» — подростки и моло-

¹³² Barclay G., Tavares C., Siddique A. International comparisons of criminal statistics 1999 // Home Office Statistical Bulletin, 2001. Issue 6/01. P. 7; Barclay G., Tavares C. et al. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003. Issue 12/03. P. 3

¹³³ Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki, HEUNI, 2010, pp. 11–17; Мировые тенденции в области преступности и новые проблемы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия и способы их решения. Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию ООН. Двадцать вторая сессия. Вена, 22–26 апреля 2013.

¹³⁴ Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992.

дежь, которые в последние десятилетия, в мире постмодерна «ушли» в виртуальный мир Интернета. И там они встречаются, любят, ненавидят, стреляют («стрелялки»), «убивают», вскрывают чужие сейфы, совершают мошеннические действия и т.п., удовлетворяя — осознанно или нет — потребность в самоутверждении, самореализации. Вообще *виртуализация* действительности — одна из характеристик общества постмодерна, существенно влияющая на состояние преступности¹³⁵.

В-третьих, имеет место «переструктуризация» преступности, когда «обычную», «привычную» преступность теснят малоизученные, почти не регистрируемые, высоколатентные виды преступлений эпохи постмодерна, в частности, *киберпреступность*.

Обычно взрослые негативно относятся к «стрелялкам», пытаясь запретить их размещение в сети или же ограничить к ним доступ. Между тем университеты в Вилланове и Ратгерсе опубликовали результаты своих исследований связи между преступлениями и видеоиграми в США¹³⁶. Исследователи пришли к выводу, что во время пика продаж видеоигр количество преступлений существенно снижается. «Различные измерения использования видеоигр прямо сказываются на снижении таких преступлений, как убийств», — заявил Патрик Марки (Patrick Markey). Дело в том, что люди, которым нравятся жестокость и насилие, больше играют в видеоигры с явной демонстрацией жестокости. Таким образом, они «оздоравливаются» с помощью игр. Кроме того, люди предпочитают больше времени проводить за игрой, снижая, таким образом, количество преступлений на улицах.

В-третьих, по мнению участников сессии «*The Crime Drop*» 12-ой ежегодной конференции Европейского общества криминологов (Бильбао, 2012)¹³⁷, главная причина глобального сокращения преступности — секьюритизация (*securitization*), повышение защищенности населения и юридических лиц, благодаря достижениям охранной техники.

В-четвертых, В.И. Поклад (Украина) полагает, что причиной общемирового спада преступности может служить снижение дюркгеймовской аномии (подробнее об этом в гл. 4) с окончанием бурного перехода от общества модерна к постмодерну.

¹³⁵ Подробнее см.: Гилинский Я.И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалист. № 1 (18). 2016. С. 3–8.

¹³⁶ Как игры влияют на преступность // URL: <http://hronika.info/igry/33627-kak-igry-vliuyut-na-prestupnost.html> (дата обращения: 27.11.2015).

¹³⁷ Criminology in the 21st Century: a Necessary Balance between Freedom and Security. Book of Abstracts. Bilbao, 2012, pp. 236, 268, 373.

Криминологи США объясняют сокращение уровня преступности в два раза за последние 20 лет повышением технической защищенности потенциальных объектов преступлений (высокая степень секьюритизации) и сокращением доли молодежи — наиболее криминальной демографической группы — в населении страны.

Как бы то ни было, дискуссия о современных тенденциях глобальной преступности не закончена и ждет новых гипотез и их подтверждений/опровержений.

Наиболее достоверна, изучена и наиболее показательна динамика уровня убийств (на 100 тыс. населения) в разных странах. В целом уровень убийств в мире и в большинстве регионов был относительно стабилен. Так, общемировой показатель в течение 1980–2000 гг. держался примерно между 6–8 убийствами в год на 100 тыс. населения с небольшим возрастанием в 1989 г. и 1992–1994 гг. Самые высокие средние показатели убийств — 23–26 — в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Высокий уровень убийств в странах Африки к югу от Сахары — 17–21 с тенденцией к снижению. Самые низкие показатели — в арабских государствах (2–3) и в странах Европейского Союза (1–1,5). Высокий уровень убийств в России. Более подробные сведения о динамике убийств в различных государствах представлены в табл. 3.2.

Значительный интерес представляет мировой сравнительный анализ *виктимизации* населения. Для начала заметим, что по результатам наших исследований 1999–2002 гг. в Санкт-Петербурге доля жертв преступлений среди населения составляла свыше 26%, в Волгограде в 2000 г. — 18%, в Боровичах в 2000 г. — 20,5%¹³⁸. Сравнительные международные исследования по 17 странам (2000 г.) показали, что удельный вес жертв среди населения свыше 24% был в Австралии, Англии с Уэльсом, Нидерландах и Швеции, 20–24% — в Канаде, Шотландии, Дании, Польше, Бельгии, Франции и США, ниже 20% — в Финляндии, Каталонии (Испания), Швейцарии, Португалии, Японии и Северной Ирландии¹³⁹. Это же исследование позволило выделить страны различной степени риска по отдельным видам преступлений. Так, например, наибольший риск стать жертвой грабежей был в Польше (1,8%), Англии с Уэльсом и в Австралии (по 1,2%), наименьший —

¹³⁸ Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб., 2002.

¹³⁹ Bondeson U. (Ed.) Crime and Justice in Scandinavia. Copenhagen: Forlaget Thomson A/S, 2005, p. 146.

в Японии и Северной Ирландии (0,1%); наибольший риск нападений — в Австралии, Шотландии, Англии с Уэльсом (свыше 6%), наименьший — в Японии, Португалии (меньше 1%).

Наибольший риск стать жертвой сексуального насилия был у женщин Швеции, Финляндии, Австралии и Англии с Уэльсом, наименьший — у женщин Японии, Северной Ирландии, Польши и Португалии.

Рассмотрим в качестве примера динамику преступности в ряде стран, основываясь на данных официальной статистики.

В ФРГ уровень общей преступности (на 100 тыс. населения) составил: 1955 г. — 3018; 1960 г. — 3660; 1965 г. — 3031; 1970 г. — 3924; 1975 г. — 4721; 1980 г. — 6198; 1985 г. — 6909; 1990 г. — 7108; 1992 г. — 7921; 1993 г. — 8337; 1994 г. — 8038; 1995 г. — 8179; 1996 г. — 8125; 1997 г. — 8031; 1998 г. — 7869; 1999 г. — 7682; 2000 г. — 7625; 2001 г. — 7736; 2002 г. — 7893; 2003 г. — 7963; 2004 г. — 8037; 2005 г. — 7747; 2006 г. — 7647; 2007 г. — 7635; 2008 г. — 7436; 2009 г. — 7383; 2010 г. — 7253¹⁴⁰. Итак, с 1955 по 1993 г. уровень преступности вырос почти в 2,8 раза. С 1993 г. уровень преступности стабилизировался с тенденцией к снижению до 7625 в 2000 г. Однако затем наступил некоторый рост преступности, уровень которой в 2004 г. достиг 8037 с последующим снижением до 7253 в 2010 г. Таким образом, наблюдается устойчивое снижение уровня преступности с 2005 г., что полностью вписывается в общемировую картину.

Уровень убийств и «смертельных повреждений» (*Totschlag*) также возрастал в ФРГ (хотя этот уровень ничтожен, по сравнению с Россией): 1953 г. — 1,6, 1963 г. — 2,3, 1973 г. — 4,3, 1983 г. — 4,4, 1985 г. — 4,6. С 1986 г. этот показатель несколько снизился (1988 г. — 4,1, 1990 г. — 3,8), но с 1991 г. вновь увеличивается до 5,2 в 1993 г. с последующим снижением до 3,0 к 2004 г.¹⁴¹ Уровень убийств (без «смертельных повреждений») в среднем за 1999–2001 гг. в ФРГ составил 1,15¹⁴², со снижением до 0,8 в 2010, 2011, 2013 гг., как было показано выше (табл. 3.2).

¹⁴⁰ Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2004. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2005. S. 28; Police Crime Statistics 2006. Federal Republic of Germany. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 2007; Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2010. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2011. Ss. 7, 16.

¹⁴¹ Polizeiliche Kriminalstatistik. Ibid. S. 49.

¹⁴² Barclay G., Tavares C. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001. October 2003. Issue 12/03. P. 10; Zweiter Periodischer Sicherheitsbericht. Kurzfassung. Berlin: Bundesministerium des Innern. 2006. S.13.

Таблица 3.2

**Уровень на (100 тыс. населения) смертности от убийств
в некоторых государствах (1984–2013)**

	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Австралия				1,9	2,4	1,8	2,2	2,5	1,6	1,8	1,8	1,8	1,7	1,7
Австрия				1,3	1,2	1,1	1,6		1,5	1,3		1,0	1,2	0,8
Аргентина	4,5	4,9		5,4			5,0	4,3	4,6	4,4		7,8	8,5	9,1
Венгрия				2,5	2,7	2,9	3,1		4,0	4,5	3,5	2,9	2,6	2,8
Германия				1,1	1,1	1,0		1,1	1,2	1,2	1,2	1,7	1,7	1,5
Дания			1,2	1,0	1,1	1,2	1,0		1,3	1,2	1,3	1,1	1,3	1,7
Израиль			1,8	1,3	1,3		1,7	1,2	1,4	2,3	2,7	2,1	2,1	2,8
Испания	0,9	1,0	1,0	1,2			0,9	0,9	1,2	0,9	0,9	1,0	1,0	1,2
Италия	1,6	1,5	1,3	1,6	1,9		2,6	2,8	2,2	1,7		1,8	1,7	1,5
Канада			2,0	2,2	2,1		2,3	2,1	1,8	1,7	1,8	1,9	1,9	1,8
Колумбия	33,3							89,5	88,5	88,5	78,7	69,7	71,8	67,2
Мексика		18,6	19,4					17,5	18,8	17,8	17,7	16,9	15,5	14,2
Нидерланды			1,0	0,9	0,9	0,9		1,2	1,3	1,2	1,1	1,9	1,4	1,3
Норвегия			1,5	1,4	1,1	1,3		1,5	1,1	0,9	0,8	1,0	1,0	0,9
Польша			1,7		1,7	2,1	2,9		2,9	2,7	2,9	2,2	2,3	2,1
Россия		8,5	6,6	6,3	7,2	9,2	10,5	10,9	15,5	19,6	21,8	21,4	19,9	
США	8,2	8,9	8,5	8,9		9,9	10,4	9,8	9,9	9,1	9,1	8,1	7,3	6,7
Финляндия				3,1	2,8	3,2			3,4	3,3	3,2	2,9	3,0	2,7
Франция			1,2	1,1	1,0	1,1		1,1	1,0	1,1	1,1	2,3	2,0	1,7
Швейцария				1,2	1,2	1,3	1,5		1,5	1,5	1,3	1,2	1,2	1,2
Швеция			1,4	1,2	1,4		1,3	1,4	1,3	1,3	1,2	0,9	1,1	1,0
Южная Африка												64,9	60,4	57,1
Япония				0,7	0,7	0,6	0,6		0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5

Таблица 3.2 (продолжение)
Уровень на (100 тыс. населения) смертности от убийств в некоторых государствах (1984–2013)

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2013
Австралия	1,5	1,8	1,6	1,6	1,6	1,5	1,3	1,3	1,4	1,2	1,2	1,2	1,0	1,1	1,1
Австрия	1,0	0,8	1,0	0,9	0,8	0,6	0,7	0,7	0,7	0,5	0,5	0,5	0,6	0,8	0,9
Аргентина	7,2	7,3	7,2	8,2	9,2	7,6	5,9	5,5	5,3	5,3	5,8	5,5	5,5	5,5	5,5
Венгрия	2,8	2,5	2,0	2,5	2,0	2,3	2,1	1,6	1,7	1,5	1,5	1,4	1,3	1,4	1,3
Германия	1,2	1,2	1,2	1,1	1,2	1,0	1,1	1,1	1,0	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8	0,8
Дания	0,9	1,0	1,1	1,0	1,0	1,2	0,8	1,0	0,5	0,7	1,0	0,9	0,8	0,8	0,8
Израиль	2,5	2,3	2,4	3,6	3,6	3,1	2,7	2,5	2,7	1,8	1,9	1,8	2,0	2,0	1,8
Испания	1,3	1,2	1,4	1,4	1,4	1,4	1,2	1,2	1,1	1,1	0,9	0,9	0,8	0,8	0,8
Италия	1,5	1,4	1,3	1,2	1,1	1,2	1,2	1,0	1,1	1,1	1,0	1,0	0,9	0,9	0,9
Канада	1,7	1,6	1,6	1,8	1,7	1,7	1,7	1,8	1,7	1,6	1,7	1,6	1,4	1,5	1,6
Колумбия	60,1	62,3	66,7	68,9	70,2	56,4	47,7	42,1	40,0	38,8	35,9	34,6	33,4	33,2	30,8
Мексика	14,1	12,4	10,7	10,2	9,8	9,7	8,9	9,3	9,7	8,1	12,7	14,7	22,7	23,7	21,5
Нидерланды	1,1	1,3	1,1	1,3	1,2	1,3	1,2	1,1	0,8	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9
Норвегия	0,9	0,8	1,1	0,8	1,0	1,1	0,8	0,7	0,7	0,6	0,7	0,6	0,6	2,3	2,2
Польша	4,9	4,7	5,7	2,0	1,9	1,7	1,7	1,5	1,3	1,4	1,2	1,3	1,1	1,2	1,2
Россия	20,1	21,3	21,9	23,1	22,5	22,1	21,9	21,5	19,2	15,6	14,5	12,6	10,8	10,2	9,2
США	6,2	5,6	5,5	5,6	5,6	5,7	5,5	5,6	5,8	5,7	5,4	5,0	4,7	4,7	4,7
Финляндия	2,2	2,8	2,9	3,0	2,5	2,0	2,8	2,3	2,3	2,4	2,5	2,3	2,2	2,2	1,6
Франция	1,6	1,6	1,8	1,8	1,9	1,6	1,6	1,6	1,4	1,3	1,4	1,1	1,1	1,2	1,0
Швейцария	1,1	1,2	1,0	1,2	1,2	1,0	1,1	1,0	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6
Швеция	1,5	1,5	1,6	0,9	1,1	0,9	1,2	0,9	1,0	1,2	1,0	0,9	0,9	1,0	0,7
Южная Африка	57,7	51,2	48,6	47,2	46,8	42,5	39,8	38,8	39,7	37,9	36,8	33,8	31,8	30,9	31,0
Япония	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3

Источник: Ежегодник World Health Statistics. Geneva; Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal Justice statistics, 2001 // Home Office, 2003; UNODC: Intentional homicide (1995–2011).

Вообще в ФРГ фиксируется «всплеск» преступлений в 1993 г., а затем наблюдается их сокращение. Не есть ли это «эхо» социально-политических изменений, связанных с объединением двух Германий? В связи с этим интересно и другое: если общий уровень преступности и уровни отдельных видов преступлений на территории бывшей ГДР (Восточные или «новые» земли) к началу объединения был ниже, чем в ФРГ, то постепенно эти показатели по ряду преступлений догнали и перегнали «старые» земли. Так, уровень убийств и «смертельных повреждений» в старых землях был в 1993 г. — 5,1, в 1996 г. — 4,2, тогда как в новых землях соответственно 5,6 и 4,7, уровень грабежей в эти же годы в старых землях 73 и 81, в новых землях — 92 и 89 и т.п. К 2004 г. в целом по ФРГ уровень грабежей составил 72, тяжких и опасных телесных повреждений — 169, изнасилований и сексуальных принуждений — 11, краж без отягчающих обстоятельств — 1838, краж с отягчающими обстоятельствами — 1750, растрат и присвоений — 60, преступлений, связанных с наркотиками — 344.

Новеллой является значительное число Интернет-преступлений, в 2010 г. их было зарегистрировано 246 607 (при высокой латентности), что типично для современного общества постмодерна с его виртуализацией.

Среди городов с населением свыше 200 тыс. жителей самые высокие показатели преступности в 2006 г. были во Франкфурте-на-Майне — 16 378 (на 100 тыс. жителей), Ганновере — 16 163, Дюссельдорфе — 15 181, Бремене — 14 719, Берлине — 14 632, самые низкие в Гладбахе (5704), Ремшайде (5840), Золингене (6124)¹⁴³. В 2010 г. самый высокий уровень преступности был во Франкфурте-на-Майне — 15 977, Ганновере — 14 653, Берлине — 13 798, самый низкий — в Мюнхене — 7684, Билефельде — 8633¹⁴⁴.

Последовательное снижение уровня преступлений по всем основным видам, начиная с 1994 г., относится, очевидно, и к деяниям, связанным с наркотиками. Максимальное количество героина (свыше 1 тыс. кг) изымалось в 1991–1994 гг., кокаина в 1990 г. (2474 кг) и 1995 г. (1846 кг.), каннабиса в 1994 г. (25 694 кг). Правда, с середины 1990-х гг. возрастает количество изъятых амфетамина и экстази. Ко-

¹⁴³ Police Crime Statistics 2006. Federal Republic of Germany. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 2007, pp. 36–37.

¹⁴⁴ Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2010. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2011.

личество смертей от приема наркотиков сократилось с 1991–1992 гг. (свыше 2 тыс. ежегодно) до 1,5 тыс. в 1997 г. После некоторого роста этого показателя к 2000 г., начинается резкое снижение вплоть до 2006 г. Уровень преступлений, связанных с потреблением героина сокращается с 1997 г., связанных с потреблением производных каннабиса — с 2004 г. К 2010 г. количество изъятых наркотиков (героин, кокаин, амфетамин) сократилось в разы.

Структура преступности в ФРГ в 2010 г. выглядела следующим образом: преступления против жизни — 0,1%, сексуальные преступления — 0,8%, кражи — 38,8%, мошенничество — 16,3%, повреждение имущества — 11,8%, телесные повреждения — 9,2%, преступления, связанные с наркотиками — 3,9%, иные преступления — 19,1%¹⁴⁵.

Для Германии, как и для многих других стран, был характерен преимущественный рост преступности подростков и молодежи. Так, если коэффициент преступлений в расчете на 100 тыс. человек соответствующей возрастной группы для взрослого населения вырос за 1984–1997 гг. с 1700 до 2000, то для подростков (14–18 лет) за те же годы с 4200 до 7000, а для молодежи (18–21 год) с 3600 до 7100. В 2010 г. коэффициент преступлений взрослых оставался достаточно высоким — 2077, у подростков он снизился до 6511, у молодежи — до 6866. В 2006 г. среди подозреваемых (всего — 2 283 127 чел.) было: женщин — 24,1%, подростков — 12,2%, молодежи (до 21 года) — 10,6%. Представители некоренной национальности (не немцы) составили 22,0% подозреваемых (максимум — 33,6% в 1993 г.), что свидетельствует об относительно высокой криминальной активности мигрантов. К 2009–2010 гг. доля преступников иностранцев несколько сократилась — до 19–20%. Среди «не-немцев» первое место составляют мигранты из Турции (21,5%), далее следуют мигранты из республик бывшей Югославии (Сербии, Косово, Боснии, Герцеговины, Хорватии, Македонии) — 10,7% (в 1999 г. — 16,0%), из Польши (6,7%), Италии (5,0%), Румынии (4,6%) и России (2,5%, в 2004 г. — 3,2%).

В 2010 г. в состоянии алкогольного опьянения совершено 13,2% всех преступлений, а насильственных преступлений — 31,8%.

В Германии, как и в ряде других развитых стран, большое внимание уделяется жертвам преступлений. Это находит отражение и в полноте статистических сведений о потерпевших. Так, в 2004 г. среди жертв завершенных убийств (всего 868 чел.) оказались: мужчин —

54,1%, женщин — 45,9%, детей (до 14 лет) — 11,4%, подростков (14–18 лет) — 2,2%, молодежи (18–21 год) — 3,2%, лиц в возрасте 21–60 лет — 64,4%, от 60 лет и старше — 18,8%. В числе жертв завершенных преступлений против половой неприкосновенности (15 371) были: мужчины — 8%, женщины — 92%, дети — 11,2%, подростки — 30,62%, молодежь — 13,7%, лица в возрасте 21–60 лет — 43,3%, 60 лет и старше — 1,3%¹⁴⁶.

В 2010 г. среди жертв убийств и «смертельных повреждений» было 35,9% женщин, 4,9% детей, 4,2% подростков, 7,7% молодежи, 12,4% лиц старше 60 лет. Жертвами сексуальных преступлений оказались 92,2% женщин, 9,9% детей, 25,2% подростков, 15,1% молодежи, 1,6% лиц старше 60 лет. Среди жертв грабежей и разбоев было 33,8% женщин, 5,4% детей, 13,4% подростков, 12,3% молодежи, 10,3% лиц старше 60 лет.

В **Англии с Уэльсом** наблюдался последовательный рост общей преступности с максимумом в 1993–1995 гг. и последующим значительным сокращением к 2000 г. В 2001 г. происходит некоторый рост зарегистрированной преступности. При этом имеются различия между данными полицейской статистики (максимум в 1993 г.) и результатами исследований (British Crime Survey — BCS, максимум в 1995 г.). Так, по результатам BCS, уровень (в расчете на 100 тыс. взрослого населения) берглэри вырос с 409 в 1981 г. до 829 в 1995 г. со снижением к 1999 г. до 585, уровень вандализма за те же годы колебался от 1481 до 1614 и 1300, а уровень насильственных преступлений — 558 — 989 — 773¹⁴⁷. Удельный вес женщин среди всех виновных составил: 1990 г. — 12,9%, 1992 г. — 12,4%, 1994 г. — 12,6%, 1996 г. — 12,7%, 1998 г. — 13,9%, 1999 г. — 14,4%, т.е. наблюдается тенденция возрастания доли женщин. Наиболее высокий показатель женских преступлений за 1990–1999 гг. — кражи, включая кражи продуктов — 55–71 тыс. ежегодно, наименьшие показатели — сексуальные преступления (0,1 тыс. в год) и грабежи и разбои (0,3–0,6 тыс. ежегодно). Но кое в чем женщины лидируют, так среди совершивших преступления, связанные с наркотиками, в возрастных

¹⁴⁶ Polizeiliche Kriminalstatistik. Ibid. S. 57.

¹⁴⁷ Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2000 // Home Office Statistical Bulletin, 2002, Issue 05/02; Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, 2003 Issue 12/03; The 2001 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin, 2001, Issue 18/01, pp. 11, 111, 63; Information on the Criminal Justice System in England and Wales. Digest 4, October 1999, pp. 7, 12.

¹⁴⁵ Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2010. Bundeskriminalamt. Wiesbaden, 2011. S.14.

группах 21–24 года, 30–39 лет и 40–49 лет, доля женщин выше, чем мужчин¹⁴⁸. Интересен этнический состав лиц, совершивших преступления (уровень на 1000 населения старше 10 лет): при среднем уровне в Англии и Уэльсе в 1998/99 г. — 22, в 1999/2000 — 18 было соответственно белых — 20 и 16; африканцев — 118 и 81; азиатов — 42 и 26; иных (включая не установленной расы) — 21 и 15. Из 2003 убийств за 1997–2000 (на 20 октября) гг. были совершены белыми — 1584, африканцами — 200, азиатами — 111, иными (включая не установленной расы) — 108¹⁴⁹.

В странах **Скандинавии** с 1950-х до конца 1980-х гг. наблюдался устойчивый рост преступлений против собственности. Так, уровень (на 100 тыс. населения в возрасте с 15 до 67 лет) разбойных нападений вырос в Дании с 57 в 1950 г. до 171 в 1986 г. (в три раза), в Финляндии за те же годы с 226 до 482 (в 2,1 раза), в Швеции со 153 до 577 (в 3,8 раза), в Норвегии с 75 в 1960 г. до 187 в 1986 г. (в 2,5 раза). Уровень краж за те же годы (1950–1986 гг., для Норвегии — с 1960 г.) вырос в Дании с 2901 до 11 536 (почти в 4 раза), в Финляндии с 775 до 3982 (в 5,1 раза), в Швеции с 2282 до 11 727 (в 5,1 раза), в Норвегии с 1110 до 4352 (в 3,9 раза)¹⁵⁰. Уровень убийств (на 100 тыс. жителей) в течение 1960–2011 гг. колебался: в Дании от 0,3 в 1961 г. до 1,7 в 1997 г. (в 2011 г. — 0,8); в Финляндии от 1,2 в 1970 г. до 3,4 в 1992 г. (в 2011 г. — 2,2); в Норвегии от 0,1 в 1965 и 1968 гг. до 2,3 в 2011 г.; в Швеции от 0,8 в 1962 г. до 2,0 в 1979 г. (в 2011 г. — 1,0)¹⁵¹. Уровень грабежей за те же годы колебался: от 2,5 до 59,0 в Дании (существенный рост с 1988 г.); от 5,6 до 53 в Финляндии (максимум в 1990–1991 гг.); от 1,8 до 38,0 в Норвегии (существенный рост с 1988 г.); от 6,3 до 101,0 в Швеции (существенный рост с 1988 г.)¹⁵². В 2000-е гг. уровень преступности, включая уровень убийств, сокращается, как во всем мире.

Япония — одна из самых благополучных в криминальном отношении стран¹⁵³. Тем не менее, и в ней прослеживалась тенденция

¹⁴⁸ Statistics on Women and the Criminal Justice System. Home Office, 2000, pp. 6, 7, 30.

¹⁴⁹ Statistics on Race and the Criminal Justice System. Home Office, 2000, pp. 10, 16.

¹⁵⁰ Joutsen M. The Criminal Justice System in Finland: A General Introduction. Helsinki, 1990, p. 24.

¹⁵¹ Falck S., von Hofer H., Storgaard A. (Eds.). Nordic Criminal Statistics 1950–2000. Stockholm, 2003, p. 29.

¹⁵² Ibid. P. 35.

¹⁵³ Подробнее см.: Уэда К. Преступность и криминология в Японии. — М.: Прогресс, 1989; Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

некоторого возрастания преступности с 1976 г., хотя и очень невысокими темпами. Так, уровень общей преступности в Японии составлял: 1948 г. — 2000 (максимальный уровень за последние 50 лет), 1950 г. — 1756; 1960 г. — 1476; 1970 г. — 1234; 1975 г. — 1103; 1980 г. — 1160; 1985 г. — 1328; 1989 г. — 1358; 1991 г. — 1377; 1992 г. — 1400; 1995 г. — 1420. Количество убийств выросло с 1215 в 1991 г. до 1281 в 1995 г., грабежей и разбоев за то же время с 1848 до 2777¹⁵⁴. При этом по некоторым видам преступлений наблюдается снижение объема и уровня. Своеобразна (и «гуманна») структура японской преступности (1995 г., всего зарегистрировано 2 435 983 преступления): фальшивомонетничество и подделка денег — 0,4%, вымогательство — 0,5%, преступления против личности — 0,7%, уничтожение (повреждение) собственности — 1,3%, мошенничество — 1,9%, растраты — 2,5%, ДТП («профессиональная небрежность» — *traffic professional negligence*) — 26,8%, кражи — 64,5%. Два последних вида преступлений составляют 91,3%. При этом значительная часть ДТП представляют собой по существу административные правонарушения, а не уголовные преступления. Обращает на себя внимание незначительный удельный вес преступлений против личности, уровень убийств в 2011–2013 г., как было показано выше, всего 0,3.

Характерно, что за природной катастрофой (разрушительные землетрясение и цунами) 2011 г. не последовало ни единого случая мародерства (в отличие от ряда других стран, подвергшихся аналогичным природным бедствиям). А японская преступная организация — якудза мирно сосуществует с населением и полицией...

США. Согласно доклада ФБР (UCR) за 2001 г., основные показатели преступности в стране за 1981–2000 гг. характеризуются следующими данными¹⁵⁵. Уровень общей преступности (на 100 тыс. жителей) с 1981 по 1996 г. колебался от 5038 в 1984 г. до 5898 в 1991 г. Начиная с 1997 г. этот показатель снизился до 4927,3 в 1997 г. и продолжал снижаться до 4124,0 в 2000 г. Уровень убийств был максимальным в 1990 г. — 10,4 и снизился к 2011 г. до 4,7. Наиболее высокий уровень изнасилований составил 42,8 в 1992 г., снизившись к 2000 г. до 32,0. Максимальный и минимальный уровни грабежей — 263,7 в 1992 г. и 149,9 в 2000 г., разбойных нападений — 441,9 в 1992 г. и 323,6 в 2000 г.;

¹⁵⁴ Summary of the White Paper on Crime. 1996. Research and Training Institute Ministry of Justice / Japan. 1997. P. 43, 46.

¹⁵⁵ Crime in United States 2000. Uniform Crime Reports. Washington, D.C.: US Department of Justice Federal Bureau of Investigation, 2001.

бергзери — 1647,2 в 1981 г. и 728,4 в 2000 г.; хищения (кражи) 3229,1 в 1991 г. и 2475,3 в 2000 г.

В этом же докладе ФБР приводятся подробные данные распространенности названных видов преступлений за 1996–2000 гг. по месяцам года. Так, например, максимальное количество убийств приходилось на июль-август, минимальное — на декабрь, январь, февраль; максимум разбойных нападений совершалось в мае-июле, минимум — в ноябре-декабре, январе-феврале.

Распространенность преступлений по регионам США характеризовалась следующим образом: уровень (на 100 тыс. населения) насильственных преступлений — Запад — 520,9; Средний Запад — 427,8; Северо-Восток — 448,4; Юг — 580,6. Уровень преступлений против собственности: Запад — 3701,5; Средний Запад — 3517,2; Северо-Восток — 2620,9; Юг — 4162,8. Таким образом, наиболее благополучным предстает Северо-Восток, наименее благополучный — Юг.

Наконец, в докладе ФБР, также как в большинстве других развитых стран, уделяется значительное внимание характеристике жертв преступлений.

Если общий уровень преступности существенно зависит от уголовного закона (процессов криминализации / декриминализации), уровня латентности различных видов преступлений, активности полиции и т.п., то уровень смертности от убийств служит относительно надежным показателем реальной криминальной ситуации. Из данных, приведенных в табл. 3.2, явствует, что в большинстве стран уровень смертей от убийств относительно стабилен. Для стран Западной Европы характерен низкий уровень смертности от убийств, в странах Центральной Европы (Венгрия, Польша) он несколько выше, еще выше — в США (справедливости ради заметим, что, как было показано выше, с 1992–1993 гг. этот показатель стал снижаться и достиг в 2011 г. — 4,7) и чрезвычайно высок в некоторых странах Латинской Америки. Добавим к данным табл. 3.2, что уровень смертей от убийств в Гондурасе в 2011 г. достиг 91,6 (абсолютный рекорд!), в Сальвадоре в 2009 г. — 71,1, на Ямайке в 2009 г. — 61,6.

§ 2. Состояние преступности в России

Помимо вышеназванных монографий В.В. Лунеева, анализ состояния и динамики преступности в России за два минувших столетия представлен в коллективной монографии «Девиантность и соци-

альный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление»¹⁵⁶. Поэтому мы остановимся лишь на некоторых важнейших, с нашей точки зрения, тенденциях. При этом следует учитывать, что на протяжении XIX–XXI вв. неоднократно менялись границы государства, уголовное законодательство, система показателей уголовного статистики (в царской России — это, как правило, судебная статистика, в СССР и современной России — милициска/полицейская), что существенно затрудняет сопоставление данных. Заведомая неполнота статистики объясняется отсутствием сведений об осужденных волостными, инородческими и военными судами Российской Империи, а также данных военной юстиции СССР и постсоветской России, «белыми пятнами» сталинского периода и т.п. И все же некоторые тенденции просвечивают сквозь туман отечественной уголовной статистики...

2.1. Преступность в Российской Империи

Основным источником сведений об осужденных являются «Своды статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г. за ...год». В табл. 3.3 представлена динамика количества осужденных в России за 1874–1912 гг. Мы наблюдаем постепенное возрастание числа осужденных; относительно устойчивый удельный вес женской преступности (в среднем 10–12% от общего числа осужденных), преступности несовершеннолетних (в среднем 16–17% с некоторым возрастанием к концу периода до 20–22%) и рецидивной преступности (в среднем 17–19% с максимальным разрывом от 15,2 до 22,5%). Относительная стабильность демографических показателей и уровня рецидива на протяжении 38 лет позапрошлого столетия лишний раз свидетельствует о внутренних закономерностях развития преступности как социального феномена. Более того, и в современной России, спустя столетие и при совершенно изменившихся социальных, политических, экономических условиях, сохраняются на том же уровне доля женской (11–13% в 1991–1994 гг.) и подростковой (14–17% за те же годы) преступности при значительном увеличении рецидивной (21–24%), особенно последние годы (44–48%), что лишний раз свидетельствует о неэффективности специального

¹⁵⁶ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Ред. Я.И. Гилинский. СПб.: Алетей, 2000.

предупреждения¹⁵⁷. В 2000-е гг. доля женской преступности колеблется от 15 до 17%, подростковая снижается до 10–11%, рецидивная возрастает до 28–29%.

Более показательными являются данные об *убийствах*. Сведения за 1909–1913 гг. свидетельствуют об их росте и высоких для своего времени показателях: число следствий по делам об убийствах в 1909 г. — 30 942 (осуждено по законченным делам около 7 тыс. чел.), в 1910 г. — 31 113 (осуждено 7517 чел.), в 1912 — 33 879 (осуждено 8134 чел.), в 1913 г. — 34 438¹⁵⁸.

Приведем некоторые данные о *структуре преступности* за 1909–1913 гг.¹⁵⁹. Среди 25 учитываемых видов преступлений первое место (по показателю «возникло следствие») занимают кражи — свыше 125 тыс. (1909 г.) — 167 тыс. (1913 г.), или 31–36% от общего числа учитываемых статистикой преступлений. На втором месте со значительным отрывом от краж преступления против телесной неприкосновенности — свыше 45,5 тыс. (1909 г.) — 43 тыс. (1911 г.), или 10–12%. Далее следуют: насильственное похищение имущества (в отличие от краж — тайного похищения) — свыше 40–43 тыс., или 9–11%; оскорбление чести — около 8%; убийства — 7,3–7,7% (очень высокий удельный вес для такого тяжкого преступления); поджоги, истребление имущества — 6,4–8%, служебные преступления — около 3%; против женской чести — также около 3%; присвоение и растраты — чуть больше 1%; мошенничество — 1%; религиозные преступления — 0,6–0,7%; государственные преступления (свыше 2 тыс. следствий) — 0,4–0,5%.

Уровень преступности, по не очень полным и трудно проверяемым сведениям, составлял: 1846–1857 гг. — 239; 1874–1883 гг. — 177; 1884–1893 гг. — 149; 1899–1905 г. 229; 1906–1908 гг. — 271; 1909–1913 гг. — 274. Эти цифры нам еще пригодятся для оценки ситуации в советский и постсоветский периоды.

¹⁵⁷ Преступность и правонарушения (2009–2013). М.: МВД РФ, МЮ РФ, 2014 С. 20, а также URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf

¹⁵⁸ Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юрид. лит., 1974. С. 549–550.

¹⁵⁹ Гернет М.Н. Там же. С. 549–550; Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник). СПб., 1995. С. 393–394.

Таблица 3.3

Количество осужденных в Российской империи (1874–1912)

Годы	Всего осужденных	В том числе, %		
		женщин	несовершеннолетних	рецидивистов
1874	54 934	10,8	16,5	7,4
1875	52 548	10,6	16,2	15,2
1876	55 241	10,4	15,7	16,7
1877	55 787	10,5	16,8	17,6
1878	57 911	10,9	17,4	17,4
1879	64 139	10,7	17,4	16,8
1880	69 867	10,9	17,1	16,1
1881	75 069	10,4	17,4	17,3
1882	73 509	10,8	17,0	17,9
1883	72 706	10,5	17,1	19,3
1884	78 164	10,6	16,6	20,1
1885	82 277	10,8	16,0	19,7
1886	91 315	10,7	15,5	19,7
1887	97 522	11,6	15,9	19,6
1888	93 045	11,7	16,3	19,9
1889	94 783	11,9	16,1	20,0
1890	110 792	12,2	16,7	19,7
1891	102 993	12,2	17,1	20,4
1892	112 878	12,4	16,9	19,2
1893	105 085	13,0	17,5	18,6
1894	92 927	13,2	17,8	19,8
1895	101 161	13,8	-	22,5
1896	99 495	13,7	19,8	19,8
1897	106 387	14,2	18,6	19,6
1898	115 257	13,8	13,6	19,3
1899	126 452	13,9	17,4	19,5
1900	118 123	13,9	18,2	19,6
1901	118 754	13,4	18,1	20,5
1902	119 902	13,5	13,0	20,9
1903	120 195	13,0	18,5	21,1
1904	111 389	11,8	20,5	20,9

Таблица 3.3 (окончание)

Годы	Всего осужденных	В том числе, %		
		женщин	несовершеннолетних	рецидивистов
1905	101 663	11,6	22,1	22,0
1906	114 265	9,9	21,1	16,8
1907	144 143	9,3	20,9	16,5
1908	150 546	10,4	–	15,8
1909	175 040	10,8	20,2	17,6
1910	158 825	12,2	–	18,1
1911	176 343	10,1	20,5	20,4
1912	176 898	11,8	21,4	21,4

Некоторые данные о *социально-демографическом* составе осужденных приводились выше. Добавим к этому, что в 1913–1916 гг. отмечается резкий рост преступности несовершеннолетних в крупных городах: в Петербурге (Петрограде) количество дел в судах о малолетних выросло за эти годы с 1640 до 3217, в Москве с 1514 до 3684, в Киеве с 1132 в 1916 г. до 1703 в 1916 г. Доля 10–16-летних в общем количестве дел о государственных преступлениях составляла в 1883–1890 гг. 0,8%, 17–20-летних — 18,8%, 21–25-летних — 35,4%. По данным Е. Тарновского, различается вклад различных социальных групп в разные преступления. По кражам коэффициент криминальной активности рабочих в 250 раз превышал показатель хозяев, а по изнасилованиям и растлениям — сближался до 1:1. Высокий уровень преступности рабочих «против женской чести» (14 на 1000 чел. рабочих) уступает преступности священно- и церковнослужителей (15 на 1000 церковников). Для купцов и приказчиков очень высок уровень мошенничества, подлогов и присвоений¹⁶⁰.

Как и в современной России, уровень городской преступности в целом был выше сельской. Так, в 1897–1914 гг. на 100 тыс. населения приходилось осужденных в городах — 97, в столицах — 72, в сельской местности — 37. Однако по тяжким насильственным преступлениям лидировало село. Эта закономерность сохранилась столетие спустя: и в наши дни уровень убийств и тяжких телесных повреждений (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) в сельской местности в 1,5–2 раза выше, чем в городах.

¹⁶⁰ Гернет М.Н. Указ. соч. С. 281–283.

2.2. Преступность в России после 1917 г.

Понятно, что сведения за первые годы советской власти неполны и отрывочны (по отдельным губерниям). Так, в 1920 г. по 46 губерниям в народные суды (без трибуналов) поступило 1 248 862 уголовных дела, по ним было выявлено 881 933 обвиняемых, из коих осуждено 582 571 человек. Лишение свободы применяется пока еще ограничено и преимущественно к лицам бывших «эксплуататорских классов». В 1921 г. по 63 губерниям рассмотрено всеми судами 1,7 млн дел, осуждены 0,8 млн чел. В 1922 г. соответственно 1,8 млн дел, осуждены 1,1 млн чел.¹⁶¹ В 1924 г. — 20 18 246 дел. С 1925 по 1928 г. имеются данные в целом по СССР. За эти годы были осуждены 3 739 196 человек. Всего же за первые 10 лет советской власти число осужденных приблизилось к 10 млн чел. Иначе говоря, уже был осужден каждый 15-й житель страны. И это — при еще минимальном количестве так называемых «контрреволюционных преступлений». Вот когда началась *призонизация* (от англ. *Prison* — тюрьма, т.е. «отюрьмовление») всей страны, приведшая с учетом последующих репрессий и не очень то либеральной уголовной политики в постсталинские времена к тому, что сегодня не менее 15–20% взрослого населения страны прошло через тюрьмы, лагеря, колонии...

Важно и другое — для сохранившихся любителей советского «порядка»: «С первых лет Октября появилась реальная опасность срачивания интересов преступности и правоохранительных органов на базе тотального расхищения формально обобществленной экономики»¹⁶². Только в 1920 г. по 79 губерниям сотрудниками милиции было совершено не менее 8 тыс. различных преступлений. Нелучайно уже 30 ноября 1922 г. ЦК РКП(б) издает циркуляр «О борьбе со взяточничеством».

В те же годы быстро растет и профессиональная преступность, закладывается фундамент организованной преступности (в 20-е гг. в виде банд, с начала 30-х гг. формируется сообщество «воров в законе»). «Группа профессиональных преступников увеличивается более, чем какая-либо другая категория, преступность становится уделом более или менее стойкой группы деклассированных элементов»¹⁶³.

¹⁶¹ Золин П.М. Преступность в стране в 1909–1928 гг.: Сравнительная статистика // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 112–118.

¹⁶² Там же. С. 117.

¹⁶³ Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931. С. 85, 160.

Статистические данные о преступности в сталинский период никогда не публиковались. Лишь в последние годы мы получили возможность ориентировочно судить о «контрреволюционных преступлениях» и репрессиях органов НКВД и уголовной юстиции по отношению к «врагам народа». Однако даже после «открытия архивов» сведения о количестве репрессированных противоречивы и неточны. По некоторым, заведомо неполным данным, с 1918 по 1958 г. были осуждены за «контрреволюционные» («государственные») преступления 3 785 052 чел., в том числе к высшей мере наказания (расстрелу) приговорены 826 933 чел. (не считая осужденных к иезуитским «10 годам лишения свободы без права переписки», что фактически означало — расстрел, и 16 009 чел. — «разницы» между различными отчетами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ)¹⁶⁴. Только за страшные 1937–1938 гг. были осуждены как «враги народа» (и члены их семей) 1 344 923 чел., из них 681 692 — к расстрелу. Кроме того, значительное число лиц было уничтожено «без суда и следствия» (они, конечно же, не попали в статистические сведения). Наконец, огромное количество людей были высланы «в административном порядке» и погибли в нечеловеческих условиях мест поселения. Так, только в 1930–1931 гг. было выселено «кулаков» 1 803 392 чел. Всего же «борьба с кулачеством» затронула более 20 млн чел. На 15 июля 1949 г. значилось 2 552 037 переселенцев, на 1 января 1953 г. — 2 753 356 чел.¹⁶⁵.

При переписи населения 1937 г. «не хватило» 18 млн чел. Разумеется, организаторы переписи дополнили список расстрелянных¹⁶⁶. По данным А. Антонова-Овсеенко, только с января 1935 г. по июнь 1941 г. было репрессировано свыше 19 млн чел., из них в первый же год после ареста погибло (казнено, умерло, в том числе под пытками) около 7 млн чел. По мнению А.И. Солженицына, с 1917 по 1959 г. жертвами государственного терроризма стали 66,7 млн чел. Близкая к этому цифра — 61,9 млн чел. (с 1917 по 1987 г.) названа в книге Н. Крессела¹⁶⁷. Во всяком случае, в СССР были уничтожены десятки

¹⁶⁴ Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997. С. 180; Лунеев В.В. «Политическая преступность» // Государство и право. 1994. № 7. С. 107–121.

¹⁶⁵ Земсков В.Н. Спецпоселенцы (По документации НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.

¹⁶⁶ Лунеев В.В. (1994). Указ. соч. С. 120.

¹⁶⁷ Kressel N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996, pp. 252–253.

миллионов невинных жертв, что фактически означает *геноцид* правящей верхушки против своего народа.

Значительно более полные, сопоставимые и интересные для нас, современников, сведения о зарегистрированной преступности в России имеются с 1961 г. Некоторые из них представлены в табл. 3.4. На основании этих данных, тоже далеко не полных, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, явно выражено постепенное повышение объема и уровня преступности после Второй Мировой войны, что вполне отвечает общемировым тенденциям эпохи модерна.

Во-вторых, отмечается снижение объема и уровня преступности в периоды хрущевской «оттепели» (1963–1965 гг.) и горбачевской «перестройки» (1986–1988 гг.). То, что это не случайность, подтверждается позитивной динамикой в те же годы других социальных показателей (снижение уровня самоубийств, смертности, рост рождаемости и т.п.). Очевидно прогрессивные реформы, направленные более (М. Горбачев) или менее (Н. Хрущев) на демократизацию общества, либерализацию экономики, приоткрывающие форточку или окно гласности, вселяют в людей надежду и свидетельствуют об их действительных чаяниях лучше, чем цены на колбасу и водку.

В-третьих, наблюдается резкий всплеск зарегистрированной преступности в 1989–1994 гг. (абсолютное количество преступлений и уровень по отношению к 1988 г. увеличились в 2,3 раза!). Это вполне объяснимо для периода бурных социальных, экономических, политических перемен (дюркгеймовская аномия) при сохранении глубокого и всестороннего (тотального) кризиса в стране.

В-четвертых, социальный контроль над преступностью, деятельность системы уголовной юстиции все больше «не поспевают» за ростом зарегистрированной преступности. Об этом свидетельствует хотя бы то, что при росте числа преступлений с 1970 по 2006 г. — в 5,6 раза, число выявленных лиц возросло всего в 1,9 раза, а число осужденных с 1970 по 2005 г. — лишь в 1,6 раза. Если же учесть высокую и все возрастающую латентность преступности, то разрыв между темпами ее роста и роста активности правоохранительных органов увеличивается многократно.

Таблица 3.4

Зарегистрированная преступность, число выявленных лиц и осужденных в России (1961–2016)

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс. населения)	Число выявленных лиц	Число осужденных
1961	534 866	446,5	–	–
1962	539 302	446,1	–	–
1963	485 656	397,7	–	–
1964	483 229	392,2	–	–
1965	483 550	388,7	–	–
1966	582 965	464,5	596 764	–
1967	572 884	452,5	628 463	–
1968	618 014	483,6	626 129	–
1969	641 385	497,6	659 607	–
1970	693 552	533,1	700 685	554 589
1971	702 358	536,6	652 763	574 350
1972	706 294	536,3	698 964	575 056
1973	695 647	524,6	682 399	538 156
1974	760 943	570,4	718 161	579 642
1975	809 819	603,4	753 005	581 035
1976	834 998	618,0	770 473	599 652
1977	824 243	606,5	746 354	525 984
1978	889 599	650,7	782 099	557 564
1979	970 514	705,8	818 746	590 538
1980	1 028 284	742,2	880 908	645 544
1981	1 087 908	779,7	919 001	682 506
1982	1 128 558	803,1	988 946	747 865
1983	1 398 239	988,1	1 077 802	809 147
1984	1 402 694	984,4	1 123 351	863 194
1985	1 416 935	987,5	1 154 496	837 310
1986	1 338 424	929,9	1 128 439	797 286
1987	1 185 914	816,9	969 388	580 074
1988	1 220 861	833,9	834 673	427 039
1989	1 619 181	1098,5	847 577	436 988

Таблица 3.4 (окончание)

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс. населения)	Число выявленных лиц	Число осужденных
1990	1 839 451	1242,5	897 299	537 643
1991	2 173 074	1463,2	956 258	593 823
1992	2 760 652	1856,5	1 148 962	661 392
1993	2 799 614	1887,8	1 262 737	792 410
1994	2 632 708	1778,9	1 441 568	924 754
1995	2 755 669	1862,7	1 595 501	1 035 807
1996	2 625 081	1778,4	1 618 394	1 111 097
1997	2 397 311	1629,3	1 372 161	1 013 431
1998	2 581 940	1759,5	1 481 503	1 071 051
1999	3 001 748	2026,0	1 716 679	1223255
2000	2 952 367	2028,3	1 741 439	1183631
2001	2 968 255	2039,2	1 644 242	1244211
2002	2 526 305	1754,9	1 257 700	859318
2003	2 756 398	1926,2	1 236 733	773920
2004	2 893 810	2007,2	1 222 504	793918
2005	3 554 738	2499,8	1 297 123	878893
2006	3 855 373	2700,7	1 360 860	909921
2007	3 582 541	2519,0	1 317 582	916479
2008	3 209 862	2260,5	1 256 199	914 541
2009	2 994 820	2112,0	1 219 789	882 291
2010	2 628 799	1852,6	1 111 145	845 071
2011	2 404 807	1682,9	1 041 300	782 274
2012	2 302 168	1607,8	1 010 900	739 278
2013	2 206 249	1539,6	1 012 563	735 605
2014	2 190 578	1524,7	1 006 003	-
2015	2 388 476	1600,8	1 063 030	-
2016	2 160 063	1473,9	1 015 875	-

Источник: «Преступность и правонарушения. Статистический сборник». Ежегодники М.: МВД РФ, МЮ РФ; «Состояние преступности в России». Ежегодники М.: МВД РФ.

В-пятых, отмечается снижение показателей зарегистрированной преступности в 1994–1997 гг. Возможно, что в 1994–1997 гг. наступила некоторая стабилизация в динамике преступности, вызванная, в частности, достижением «порога насыщения» в предшествующие годы. Вместе с тем, есть серьезные основания полагать, что с 1993–1994 гг. началось массовое противозаконное сокрытие преступлений от регистрации. О росте искусственной латентности уже говорилось выше. Большинство отечественных криминологов также констатируют массовое сокрытие преступлений, начавшееся в 1993–1994 гг. Так, Л. Волошина пишет: «Из приведенных выше фактов вытекает очень опасное социальное следствие: чем шире разрастается латентность, тем легче манипулировать преступностью в ведомственных интересах, так как выборочно работая... с резервом латентных преступлений, проще повысить или понизить показатели... Современная уголовная статистика не дает государству и обществу адекватного представления о положении дел»¹⁶⁸. О массовом сокрытии преступлений от регистрации («соцсоревновательном методе») подробно пишет В.В. Лунеев¹⁶⁹. Но даже сокрытие преступлений от учета не смогло надолго приостановить рост преступности.

Поэтому, в-шестых, в 1998–1999 гг. вновь отмечается рост преступности, так что в 1999 г. количество зарегистрированных преступлений впервые превысило 3 млн., а уровень впервые (после 20-х годов) превзошел 2 тыс. (на 100 тыс. жителей). Некоторое сокращение показателей преступности в 2000–2004 гг. вновь «компенсировалось» ростом в 2005–2006 гг.

И, наконец, в-седьмых, наблюдается *устойчивое сокращение* объема и уровня преступности с 2007 г., а по отдельным видам преступлений, как видно из следующей таблицы, несколько раньше или позже. Объяснительные гипотезы общемирового сокращения объема и уровня преступности в наступившем столетии были представлены выше.

Возникает вопрос: можем ли мы на основе вышеприведенных данных прогнозировать дальнейшую динамику преступности и ее отдельных видов в мире и в России? К сожалению — нет. Как утверждают все специалисты, изучающие специфику современного общества постмодерна, для него характерна *неопределенность* раз-

¹⁶⁸ Волошина Л.А. Тяжкие насильственные преступления: статистика и реальность // Тяжкая насильственная преступность в России начале 90-х годов. М., 1996. С. 3–9.

¹⁶⁹ Лунеев В.В. (2005). Указ. соч.; Лунеев В.В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право, 1998. № 5. С. 47–58.

вития всех процессов. Мы, очевидно, находимся в «точке» (точнее, временном интервале) *бифуркации*, когда принципиально невозможно спрогнозировать развитие какого-либо социального явления (включая преступность).

Как уже отмечалось, более точную картину дает динамика относительно менее латентных тяжких преступлений, таких как убийство, тяжкие телесные повреждения, разбойные нападения. Сведения о них представлены в табл. 3.5 и позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, наблюдался интенсивный рост тяжких преступлений в 1989–1994 гг. Так, по сравнению с 1987 г. (наименьшие показатели эпохи «перестройки») уровень умышленных убийств (с покушениями) к 1994 г. вырос в 3,5 раза, причинение тяжкого вреда здоровью — в 3,3 раза (при росте общей преступности за те же годы в 2,2 раза). Уровень грабежей за 1987–1993 гг. вырос в 5,9 раза, разбойных нападений — в 6,9 раза (при росте общей преступности за те же годы в 2,3 раза).

Во-вторых, после непродолжительного «затишья» 1995–1997 гг. возобновился рост тяжких преступлений в 1998–2005 гг.

В-третьих, сам уровень (на 100 тыс. населения) умышленных убийств (около 20 в 1993, 1996, 1997, 2006 гг. и свыше 20 в 1994–1995, 1998–2005 гг.) чрезвычайно высок по сравнению с мировыми и особенно — западноевропейскими данными (ср. с табл. 3.2). При этом, сведения *милицейской* статистики, приведенные выше, далеко не полны: в ней не учитываются преступления, квалифицированные по иным статьям УК, кроме «умышленные убийства» (ст. 102, 103 УК РСФСР 1960 г., ст. 105 УК РФ 1996 г.). Неудивительно, что по данным *медицинской* статистики (она же — официальная государственная статистика, передаваемая в международные организации — ООН, ВОЗ), уровень смертей от убийств значительно выше. Так, по данным *медицинской* статистики¹⁷⁰, уровень смертей от убийств составил: в 1992 г. — 22,9 (по милицейской статистике уровень убийств — 15,5), в 1993 г. — 30,4 (по милицейской статистике — 19,6), в 1994 г. — 32,3 (вместо 21,8), в 2002 г. — 30,8 (вместо 22,4), в 2003 г. — 29,5 (вместо 22,1). Наконец, не учитывается количество убитых среди «пропавших без вести» и не обнаруженных, а эта цифра составляла во второй половине 90-х гг. свыше 25 тыс. чел. ежегодно (конечно, не все они убиты, но, вероятно, значительная часть).

¹⁷⁰ World Health Statistics. Annual. Geneva: World Health Organization, 1997; Российский статистический ежегодник. М.: Госкомиздат, 1995.

Таблица 3.5

Динамика некоторых преступлений в России (1985–2016)

Годы	Умышленные убийства (с покушениями)		Причинение тяжкого вреда здоровью		Грабежи		Разбойные нападения		Кражи	
	Абсол. кол-во	Уровень	Абсол. кол-во	Уровень	Абсол. кол-во	Уровень	Абсол. кол-во	Уровень	Абсол. кол-во	Уровень
1985	12 160	8,5	28 381	19,9	42 794	29,9	8 264	5,8	464 141	324,7
1986	9 437	6,6	21 185	14,7	31 441	21,8	6 018	4,2	380 582	264,4
1987	9 199	6,3	20 100	13,9	30 441	21,0	5 656	3,9	364 510	251,1
1988	10 572	7,2	26 639	18,2	43 822	29,9	8 118	5,5	478 913	327,2
1989	13 543	9,2	36 872	25,0	75 220	51,0	14 551	9,9	754 824	512,1
1990	15 566	10,5	40 962	27,7	83 306	56,3	16 514	11,2	913 076	616,8
1991	16 122	10,9	41 195	27,8	101 956	68,8	18 311	12,4	1 240 636	237,3
1992	23 006	15,5	53 873	36,2	164 895	110,9	30 407	20,4	1 650 852	1110,2
1993	29 213	19,6	66 902	45,1	184 410	124,3	40 180	27,0	1 579 600	1065,2
1994	32 286	21,8	67 706	45,7	148 546	100,4	37 904	25,6	1 314 788	888,4
1995	31 703	21,4	61 734	41,6	140 597	95,0	37 651	25,5	1 367 866	924,6
1996	29 406	19,9	53 417	36,2	121 356	82,2	34 584	23,4	1 207 478	818,0
1997	28 285	19,9	46 131	31,4	112 051	76,2	34 318	23,3	969 800	716,3
1998	29 551	20,1	45 170	30,8	122 366	83,4	38 513	26,2	1 143 364	779,2
1999	31 140	21,3	47 669	32,6	138 973	95,0	41 138	28,1	1 413 810	966,2
2000	31 829	21,9	49 784	34,2	132 243	91,0	39 437	27,1	1 310 079	900,0

Таблица 3.5 (окончание)

Годы	Умышленные убийства (с покушениями)		Причинение тяжкого вреда здоровью		Грабежи		Разбойные нападения		Кражи	
	Абсол. кол-во	Уровень	Абсол. кол-во	Уровень	Абсол. кол-во	Уровень	Абсол. кол-во	Уровень	Абсол. кол-во	Уровень
2001	33 583	23,1	55 739	38,4	148 814	102,5	44 806	30,9	1 273 198	879,2
2002	32 285	22,5	58 469	40,7	167 267	116,5	47 052	32,8	926 815	645,8
2003	31 630	22,1	57 087	39,9	198 036	138,3	48 673	33,9	1 150 772	803,6
2004	31 553	22,1	57 352	40,1	251 433	175,7	55 448	38,7	1 276 880	892,3
2005	30 849	21,7	57 863	40,3	344 440	242,2	63 671	44,8	1 572 996	1106,2
2006	27 462	19,2	51 429	35,0	357 302	250,3	59 763	41,9	1 676 983	1174,7
2007	22 227	15,6	47 348	33,3	295 071	207,5	45 318	31,9	1 566 970	1101,8
2008	29 556	14,5	45 436	31,9	243 957	171,8	35 366	24,9	1 326 342	934,0
2009	17 861	12,6	43 112	30,4	205 379	144,8	30 085	21,2	1 188 574	838,2
2010	15 563	10,8	39 745	28,0	164 547	115,9	24 537	17,3	1 108 369	781,1
2011	14 305	10,2	38 512	26,9	122 772	85,9	20 080	14,1	1 038 566	727,3
2012	13 265	9,3	37 091	25,9	110 100	76,9	18 622	13,0	999 200	698
2013	12 361	8,6	34 786	24,2	92 069	64,1	16 416	11,4	922 562	642,5
2014	11 933	8,3	32 899	22,9	77 725	54,1	14 340	9,9	908 901	632,6
2015	11 496	7,8	30 167	20,6	72 739	49,7	13 642	9,3	1 018 451	696,3
2016	10 444	7,1	27 442	18,7	61 524	41,9	11 416	7,8	871 084	594,4

В-четвертых, ранее неоднократно упоминаемое снижение уровня преступности в наступившем XXI в. наблюдается по убийствам с 2002 г., по причинению тяжких телесных повреждений — с 2006 г., по разбойным нападениям — с 2006 г., по грабежам — с 2007 г.

В-пятых, я бы отметил еще одно обстоятельство. Наряду с уровнем убийств, важным (и печальным) индикатором социального благополучия / неблагополучия служит уровень самоубийств. При этом объемы и уровни убийств (результат агрессии вовне) и самоубийств (агрессия против себя) находятся в определенных взаимосвязях¹⁷¹. Предлагалось рассматривать сумму уровней убийств и самоубийств как интегральный индикатор уровня социальной патологии¹⁷². Тогда, например, уровень социальной патологии увеличился в России с 1988 по 1995 г. с 34,1 (9,7+24,4) до 72,2 (30,8+41,4), т.е. более чем в 2,1 раза за 7 лет. За те же годы этот показатель уменьшился в Австрии с 25,6 (1,2+24,4) до 23,3 (1,0+22,3), в Дании с 26,8 (1,1+25,7) до 18,9 (1,2+17,7), в Канаде с 15,6 (2,1+13,5) до 15,0 (1,6+13,4), в Швеции с 20,3 (1,4+18,9) до 16,2 (0,9+15,3) и т.п. Мною был применен «индекс насилия» — частное от деления уровня убийств на уровень самоубийств в качестве одного из возможных показателей социального благополучия/неблагополучия, а также степени «цивилизованности/социальности», заимствуя терминологию А. Зиновьева¹⁷³. При этом я исходил из того, что, во-первых, убийство и самоубийство — два проявления агрессии. Во-вторых, оба эти явления социально обусловлены и имеют относительно низкую латентность. В-третьих, оба социальных феномена представляются наиболее экстремальными способами «разрешения» социальных и личностных конфликтов. В-четвертых, самоубийство служит более «цивилизованной» и достойной человека реакцией, нежели убийство. В результате оказалось возможным эмпирически (по многолетним данным, публикуемым Всемирной Организацией Здравоохранения — ВОЗ¹⁷⁴) выделить, конечно же условно, четыре группы стран: с низким показателем соотношения уровней убийств и самоубийств (0,03-0,10)

¹⁷¹ Подробнее см.: Гишинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: учеб. пособие. СПб.: Северо-Западный лечебно-диагностический центр, 1999. С. 49–52.

¹⁷² Смидович С.Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования, 1990. № 4. С. 74–79.

¹⁷³ Подробнее см.: Социальная философия Александра Зиновьева // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 34–70.

¹⁷⁴ Ежегодники: World Health Statistics. Annual. World Health Organizations. Geneva.

и, соответственно, высокой степенью «цивилизованности» при низкой «социальности» (Австрия, Венгрия, Дания, Норвегия, Франция, ФРГ, Швейцария, Япония и др.); со средним показателем рассматриваемого индекса (0,11–0,39) и средней «цивилизованностью/ социальностью» (Болгария, Греция, Канада, Польша и др.); с высоким показателем этого индекса (0,40–0,99) — низкая «цивилизованность», высокая «социальность» (Аргентина, Россия, США, Уругвай и др.); с очень высоким, экстремальным значением индекса (>1). Последний случай означает наличие экстремальных социально-политических условий, включая состояние войны (Мексика, Пуэрто-Рико, Эквадор и др.). Динамика рассмотренного показателя в России представлена в табл. 3.6.

Приведенные в ней данные показывают, как Россия после 1988 г. перешла из группы стран со средним значением «индекса насилия» в группу стран с высоким показателем. Следует особенно отметить нарастание этого «индекса насилия» с 2000 г. В отдельных регионах, например, в Санкт-Петербурге, начиная с 1993 г. этот показатель превысил 1 (1985 г. — 0,32; 1990 г. — 0,45; 1992 г. — 0,81; 1993 г. — 1,15; 1994 г. — 1,25; 1995 г. — 1,14; 1998 г. — 1,11).

Рост уровней убийств и самоубийств в России, резкое увеличение интегрального показателя социальной патологии и «индекса насилия» свидетельствуют, очевидно, о глубоком социально-экономическом кризисе страны.

Данные о некоторых социально-демографических характеристиках лиц, совершивших преступления, представлены в табл. 3.7.

Эти самые общие сведения нуждаются в конкретизации по отдельным видам преступлений.

Доля *женщин* в целом сокращалась с 1987 г. (21,3%) до 1993 г. (11,2%) с последующим возрастанием до 17,8% в 2002 г. и вновь некоторым сокращением до 15,3–15,9%. Разумеется, вклад женщин в преступность неодинаков для различных преступлений. Так, за рассматриваемый период женщины совершили убийств — 9,9% — 13,4%; причинение тяжкого вреда здоровью — 7,2% — 15,4%; 4–9% хулиганских действий; 4–6% разбойных нападений; 6–8% грабежей; 9–13% краж; 38–47% присвоений (растрат) вверенного имущества; 25–34% дачи или получения взятки; 7–17% преступлений, связанных с наркотиками.

Таблица 3.6

Уровень смертности от убийств и самоубийств в России (1988–2016)

	Уровень смертности от убийств	Уровень смертности от самоубийств	Соотношение уровней смертности
1988	9,7	24,4	0,39
1989	12,6	25,8	0,49
1990	14,3	26,4	0,54
1991	15,2	26,5	0,57
1992	22,8	31,0	0,74
1993	30,6	38,1	0,80
1994	32,3	41,8	0,77
1995	30,8	41,4	0,74
1996	26,6	39,4	0,67
1997	23,9	37,6	0,63
1998	23,0	35,4	0,65
1999	26,2	39,3	0,67
2000	28,3	39,3	0,72
2001	29,8	39,7	0,75
2002	30,8	39,5	0,78
2003	29,5	36,5	0,80
2004*	21,9	34,3	0,67
2005	21,5	32,2	0,67
2006	19,2	31,0	0,62
2007	15,6	28,8	0,54
2008	14,5	27,0	0,54
2009	12,6	26,5	0,47
2010	10,8	23,6	0,46
2011	10,2	21,8	0,47
2012	9,3	19,5	0,48
2013	8,6	19,5	0,44
2014	8,3	18,5	0,45
2015	7,8	17,1	0,46
2016	7,1	15,4	0,46

Источники: Демографические ежегодники России; Вопросы статистики. 2004. № 2. С. 33.

* С 2004 г. — уровень убийств

Таблица 3.7

Социально-демографический состав выявленных лиц, совершивших преступления в 1987–2013 гг. в России, в %

Годы	Всего (абс. кол-во)	В том числе														
		мужчины	женщины	14–17 лет	18–29 лет	рабочие	служащие	Работники с-х-хозяйства	учащиеся	студенты	предприниматели	без постоянного источника дохода	безработные	ранее совершавшие преступления	в сост.-и алкогольного опьянения	в сост.-и наркот. возбуждения*
1987	969 388	78,7	21,3	12,1	38,5	53,5	12,9	5,2	10,0	–	–	11,8	–	21,3	28,1	0,3
1988	834 673	83,3	16,7	15,6	40,3	55,1	10,5	4,9	11,2	–	–	13,8	–	23,9	33,0	0,2
1989	847 577	85,6	14,4	17,7	40,2	54,1	8,4	4,8	11,4	–	–	16,5	–	25,3	37,2	0,2
1990	897 299	86,3	13,7	17,1	39,2	53,7	7,5	4,8	10,4	–	–	17,8	–	24,2	38,0	0,2
1991	956 258	87,2	12,8	16,7	38,3	52,3	6,5	5,0	9,7	–	–	20,2	–	23,7	37,9	0,2
1992	1 148 962	88,6	11,4	16,4	38,1	47,5	5,3	4,8	7,2	1,1	–	27,0	–	22,6	39,1	0,2
1993	1 262 737	88,8	11,2	16,1	38,9	31,6	4,2	4,4	6,9	1,0	2,5	35,9	2,9	22,7	41,4	0,7
1994	1 441 568	87,0	13,0	13,9	37,9	30,1	4,1	3,0	5,8	0,9	1,9	42,1	3,5	20,9	41,2	0,5
1995	1 595 501	85,1	14,9	13,0	37,3	31,3	3,7	1,5	5,7	0,8	1,9	47,2	4,6	22,0	39,0	0,4
1996	1 618 394	84,1	15,9	11,9	37,8	29,8	3,5	1,2	5,6	0,8	2,3	50,0	4,7	22,7	36,4	0,4
1997	1 372 161	86,4	13,6	11,8	41,1	26,7	3,4	2,7	6,0	1,0	1,7	54,2	5,9	28,9	33,8	0,8
1998	1 481 503	85,3	14,7	11,1	42,1	25,8	3,8	2,2	6,0	1,0	1,7	55,6	5,7	27,9	29,8	0,8
1999	1 716 679	84,8	15,2	10,7	43,3	25,1	3,4	1,9	6,1	1,2	1,7	55,6	5,5	27,0	25,8	0,9
2000	1 741 439	83,7	16,3	10,2	43,3	25,9	3,7	1,8	5,8	1,1	1,8	54,8	5,3	25,4	23,1	0,9
2001	1 644 242	83,0	17,0	10,5	43,4	25,9	3,7	1,5	5,7	1,2	1,7	55,1	5,4	26,1	22,6	0,8
2002	1 257 700	82,2	17,8	11,2	43,5	26,6	5,2	1,1	6,2	1,4	1,6	52,4	5,0	24,4	24,2	0,6
2003	1 236 733	83,4	16,6	11,8	45,2	26,0	4,6	1,0	6,6	1,6	1,3	53,7	5,3	24,4	24,0	0,6
2004	1 222 504	86,6	13,4	12,4	44,9	21,1	4,4	0,9	7,0	1,6	1,1	58,8	6,0	25,9	22,5	0,5
2005	1 297 123	86,2	13,8	11,6	45,3	20,2	4,4	0,7	6,7	1,6	0,5	60,3	6,3	28,8	21,3	0,4
2006	1 360 860	84,9	15,1	10,9	45,5	20,3	4,7	0,6	6,6	1,7	0,6	59,6	6,2	28,8	19,5	0,6
2007	1 317 582	84,8	15,2	10,0	45,6	21,0	4,6	0,5	6,4	1,7	1,0	59,6	5,6	29,1	17,4	0,7
2008	1 256 199	84,1	15,9	8,6	–	–	–	–	7,2**	–	–	60,8	–	30,0	16,0	0,7
2009	1 219 789	84,1	15,9	7,0	44,3	18,7	4,3	0,4	6,4	–	1,3	64,4	4,5	32,0	15,3	0,9
2010	1 111 145	84,5	15,5	6,5	43,8	18,0	4,1	0,4	6,5	–	1,2	65,7	5,0	35,8	18,1	1,1
2011	1 041 300	84,7	15,3	6,3	43,0	18,2	3,6	0,3	6,2	–	1,1	64,3	4,6	38,6	21,3	1,5
2012	1 010 900	84,7	15,3	5,9	42,1	18,8	3,3	0,3	5,0	–	1,1	66,7	4,6	44,7	27,0	2,1
2013	1 006 003	84,6	15,4	6,0	40,9	19,6	3,4	0,3	6,0	–	1,1	65,7	3,7	47,7	29,5	2,5

* С 1993 г. — наркотического и токсического возбуждения.

** С 2008 г. — учащиеся и студенты представлены одной строкой.

По *возрасту* прослеживается отчетливая тенденция сокращения доли несовершеннолетних в общей массе лиц, выявленных как совершивших преступления, с 17,7% в 1989 г. до 10,2% в 2000 г. с последующим незначительным ростом и вновь сокращением (до 5,9–6,5% с 2010 г.). Отмечаются пониженные темпы роста преступности несовершеннолетних по сравнению с темпами роста общей преступности. Если учесть, что та же тенденция просматривается по отдельным видам преступлений, то можно сделать гипотетический вывод об относительно лучшей адаптации подростков к резко меняющимся условиям социального бытия. Другой вопрос — каковы способы адаптации? Известно, например, что подростки и молодежь составляют главный резерв и действующие кадры организованной преступности, которая благодаря очень высокой латентности не находит отражения в статистике. Остается гипотетическое объяснение снижения уровня и удельного веса преступлений несовершеннолетних их «уходом» и самоутверждением в Интернет.

По *социальному* составу наблюдается резкое сокращение доли рабочих (от 53,5 до 18–19%). Очевидно это, как и сведение на нет доли колхозников — работников сельского хозяйства (от 5,2 до 0,3%), объясняется размыванием и сокращением этих классов бывшего социалистического общества. Столь же объяснимо резкое увеличение удельного веса лиц, не имеющих постоянного источника доходов (от 11,8 до 65–66%). Динамика предпринимателей незначительна, без выраженных тенденций. Доля учащихся сокращается и в силу уменьшения их числа в популяции и по причинам, общим для подростков. Стабильно низка с тенденцией к сокращению доля служащих. Однако при этом следует делать поправку на очень высокую латентность должностной и коррупционной преступности.

Как всегда, во все времена и во всех странах, была относительно устойчива доля *рецидивной* преступности (22–25%). Это удивительное постоянство при всех изменениях уголовной юстиции послужило одним из доводов при обосновании «кризиса наказания». Подробнее об этом — в заключительной (IV) части нашей монографии. Однако, с 1996 г. (22,7%) начался небывалый рост рецидивной преступности — до 47,7% к 2013 г. и далее до 49%. Такого не было ни в царской, ни в советской, ни в первые годы постсоветской России. Это показатель неэффективности наказания и недостижения цели специальной превенции.

Относительно стабильна доля *«пьяной»* преступности с колебаниями: от повышения (с 28 до 41%) до снижения к 2009 г. (15%) и

вновь незначительному росту до 29,5%. Особенно высок удельный вес убийств (71–78%), причинения тяжкого вреда здоровью (74–80%), изнасилований (70–78%), хулиганства (72–75%), совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Заметим, что до 1917 г. удельный вес «пьяной» преступности был значительно ниже (в среднем 11%, по данным М.Н. Гернета), равно как и в 20-е гг. XX столетия (6–15%). Незначительна доля лиц, совершивших преступления в состоянии *наркотического и токсического* опьянения (0,2–2,5%) или же наркоманами (в среднем 0,2%). Только привычной толерантностью (терпимостью) к потребителям алкогольных напитков и официальной идеологией «войны с наркотиками» можно объяснить столь «несправедливое» отношение официоза и mass media к потребителям наркотиков (образ хищного преступника) по сравнению с традиционными для России пьяницами и алкоголиками.

Часть II. Объяснение преступности

Проблема «причин» возникновения (генезиса), функционирования и изменений объектов исследования — основная и сложнейшая для каждой науки. Не представляет исключения и криминология. Однако в последнее время ученые различных специальностей все чаще отказываются от самого термина «причина» и причинного объяснения своего объекта, предпочитая выявлять *факторы*, воздействующие на объект исследования, и устанавливать *корреляционные зависимости* между ними. Это обусловлено рядом обстоятельств. Мир очень сложен, взаимосвязи между системами и их элементами чрезвычайно сложны и многообразны. Очень трудно (а чаще невозможно) выделить *причинно-следственную* связь из всей совокупности взаимодействий даже в физических и биологических системах, не говоря уже о социальных, тем более, когда сам объект — как преступность — не имеет естественных границ в реальности, а суть социальный конструкт.

Неудивительно, что большинство современных зарубежных криминологов отказываются от бесконечного поиска «причин» преступности и их умножения, обосновывая тезис «корреляции против причинности» (*correlation versus causation*)¹⁷⁵.

Вместе с тем, во-первых, выявление факторов, влияющих на объем, структуру, динамику преступности и ее видов действительно представляет собой важную задачу криминологии. Во-вторых, вся история криминологии есть поиск причин, факторов, обстоятельств, обуславливающих возникновение и изменение преступности и ее видов. В-третьих, именно в процессе такого поиска рождались криминологические концепции и теории, добывался огромный фактографический материал, подтверждающий или же опровергающий те или иные научные гипотезы. В-четвертых, без

¹⁷⁵ Winfree L., Abadinsky H. *Understanding Crime. Theory and Practice*. Chicago, 1996, pp. 9–11.

знания факторов, так или иначе влияющих на «преступность» и ее отдельные виды, корреляционных связей между этими факторами и показателями преступности, невозможна адекватная социальная реакция общества на преступность, более или менее эффективный социальный контроль.

Эта часть работы и посвящается проблемам объяснения преступности. Прежде всего, будет представлен обзор основных направлений зарубежной и отечественной криминологической мысли (гл. 4). Это непростая задача, поскольку, во-первых, имеется огромная литература по истории криминологии (не говоря уже о первоисточниках — трудах виднейших криминологов), во-вторых, нет единства в периодизации истории криминологии и классификации различных криминологических направлений, школ, концепций. Нередко взгляды одного и того же криминолога рассматриваются различными авторами в рамках различных школ. Заинтересованный читатель может подробнее познакомиться с историей криминологии в работах отечественных и зарубежных авторов¹⁷⁶.

Далее, мы попытаемся изложить наши представления о генезисе преступности (гл. 5).

*При этом следует постоянно иметь в виду некоторую двусмысленность, «шизофреничность» объяснения преступности. С одной стороны, рассматривая преступность как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности властей, режима, законодателя по **конструированию** «преступности». С другой стороны, пока и поскольку за этой относительно искусственной конструкцией скрываются реальные виды человеческой жизнедеятельности (убить или ранить другого, завладеть имуществом другого, обмануть другого с выгодой для себя и т.д.), возможно выявление факторов, условий, обстоятельств, при которых эти*

¹⁷⁶ Помимо соответствующих разделов всех отечественных и зарубежных учебников криминологии см.: Социология преступности. М., 1966; Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980; Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015; Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: Девиантологический очерк. Казань, 2016; Schmallegger F. *Criminology Today*. NJ: Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1996 (с отличными схемами! — Я.Г.); Vold G., Bernard T., Snipes J. (Eds.) *Theoretical Criminology*. Fourth Ed. Oxford University Press, 1998; Williams III F., McShane M. (Eds.) *Criminology Theory. Selected Classic Readings*. Second Ed. Cincinnati: Anderson Publishing Co., 1998; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) *The Oxford Handbook of Criminology*. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007; Hagan F. *Introduction to Criminology. Theories, Methods, and Criminal Behavior*. 6th Edition. SAGE Publication, 2008; Hall S. *Theorizing Crime and Deviance: A New Perspective*. SAGE, 2012.

виды деятельности будут проявляться с большей или меньшей вероятностью, в большем или меньшем объеме.

Поскольку большинство криминологов в прошлом искренне надеялись найти причины преступности как реально существующего феномена, постольку вся (или почти вся) история криминологии есть история попыток установления объективных «причин» искусственного социального конструкта.

Наконец, в гл. 6 будет рассмотрен механизм индивидуального преступного поведения — преступления.

Глава IV. История криминологической мысли

*«Сегодня» началось одновременно
вчера, позавчера и «некогда».*

Фернан Бродель

А. История зарубежной криминологии

§ 1. Зарождение криминологических идей

Хотя, как упоминалось в гл. 1, криминология как наука формируется в XVIII в., однако различного рода взгляды относительно преступности и преступлений существовали с того далекого времени, когда общество стало различать, выделять и «конструировать» из всех видов человеческой жизнедеятельности «преступления», наносящие ущерб людям, обществу, государству.

«Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она... И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицаний или только похвалы... Нельзя ударить брахмана, но и брахман пусть не изливает свой гнев на обидчика. Позор тому, кто ударил брахмана, и еще больший позор излившему гнев на обидчика»¹⁷⁷, утверждает в «Дхаммападе» (Индия, III в. до н.э.). Мысли, полезные и в наши дни.

А вот рассуждения *Мо-цзы* (Китай, 480–400 гг. до н.э.) по поводу «экономических причин» преступности: «Причина в том, хороший год или плохой. Если год урожайный, то люди становятся отзывчивыми и добрыми. Если же год неурожайный, то люди становятся черствыми и злыми»¹⁷⁸.

Кто бы мог подумать, что суть известной американской поговорки «Того, кто украл буханку хлеба, сажают в тюрьму; того, кто украл железную дорогу, — избирают в сенат» была высказана иными словами еще *Чжуан-цзы* (Китай, 369–286 гг. до н.э.): «Того, кто крадет крючок с пояса, казнят, а тот, кто крадет царство, становится правителем»? Его же рассуждение о двойственной роли, «балансе» девиа-

¹⁷⁷ Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. С. 129, 132, 133.

¹⁷⁸ Там же. С. 203.

ций — позитивных и негативных: «Если мудрецы не умрут, то большие разбойники не исчезнут»¹⁷⁹.

Одним из первых философов-энциклопедистов был *Аристотель* (384–322 гг. до н.э.), оставивший после себя систему знаний, накопленных человечеством и развитых самим Аристотелем. В его огромном творческом наследии мы находим мысли, интересные и в криминологическом отношении. Одно из принципиальных положений: «Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда»¹⁸⁰.

Аристотель понимал, что «люди вступают в распри не только вследствие имущественного неравенства, но и вследствие неравенства в получаемых почестях... Люди поступают несправедливо по отношению друг к другу не только ради предметов первой необходимости, ... но также и потому, что они хотят жить в радости и удовлетворять свои желания... Величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости»¹⁸¹. Тем самым, в частности, неосновательны надежды на «имущественное равенство» как панацею от преступности. Мы еще вернемся к этой проблеме в гл. 5. Видя одну из причин преступлений в испорченных привычках и вкусах людей, а также в страстях, затмевающих разум, Аристотель придавал большое значение семейному воспитанию — основе добродетельного поведения.

Мы не ставим перед собой невыполнимую задачу хотя бы назвать всех предтеч криминологии. Важно показать, что мыслители разных народов во все времена так или иначе касались извечной проблемы преступлений и наказания. Но, пожалуй, нельзя пройти мимо авторов социальных утопий.

Томас Мор (1478–1535) в своей «Утопии» (полное название его труда — «Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», 1516) высказал необычайно смелые для своего времени идеи относительно причин преступлений и целесообразности наказаний. Приведем обширную цитату. «Простая кража не такой огромный проступок, чтобы за него рубить голову, а с другой стороны, ни одно наказание не является настолько сильным, чтобы удержать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание... Вору назначают тяжкие и

¹⁷⁹ Там же. С. 214.

¹⁸⁰ Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 389.

¹⁸¹ Там же. С. 421.

жестокие муки, тогда как гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать... По моему мнению, совершенно несправедливо отнимать жизнь у человека за отнятие денег. Я считаю, что человеческую жизнь по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира. А если мне говорят, что это наказание есть возмездие не за деньги, а за попрание справедливости, за нарушение законов, то почему тогда не назвать с полным основанием это высшее право высшей несправедливостью?»¹⁸². Т. Мор рассчитывал на предупреждение преступлений в результате радикального переустройства общества.

В гл. 2 уже говорилось о «Городе Солнца» (1623) *Томмазо Кампанеллы* (1568–1639), где нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации и тем не менее общество конструирует «преступления».

§ 2. Классическая школа уголовного права и криминологии

Классическая школа уголовного права сформировалась в XVIII в. Ее идеи основывались на религиозном понимании свободы воли и греховности человека. Если благодаря свободе воли индивид выбирал путь греха, совершал преступление, он подлежал каре за содеянное. Чем тяжелее был грех, тем более жестоким должно было быть воздаяние. В рамках классической школы вызревали и криминологические представления о преступности, преступлении, их причинах и мерах социального контроля.

Но взгляды крупнейших представителей классической школы криминологии (Ч. Беккариа, И. Бентам) существенно отличались от современных им уголовно-правовых воззрений.

Наибольшую известность приобрел труд *Ч. Беккариа* (1738–1794) «О преступлениях и наказаниях» (1764). Написанный совсем молодым ученым, он стал своего рода «бестселлером», переведенным с французского языка на десятки других языков. Принимая возмездный характер уголовной юстиции, пропорциональность воздаяния, Ч. Беккариа прежде всего ограничивает понятие преступления. Преступлением может считаться только такое деяние, которое причиняет реальный вред; прямо и ясно указано в законе; при этом

¹⁸² Мор Т. Утопия. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 52–63.

закон обязателен для граждан и правителей. Эти требования были направлены против осуждения по аналогии, против неравенства перед законом.

Причины преступлений Ч. Беккариа видит во всеобщей борьбе человеческих страстей, и, прежде всего — в наслаждении и страдании¹⁸³. При этом борьба человеческих страстей служит источником не только преступлений, но и полезных деяний. Наряду с психологическими основаниями преступлений, ученый не обошел вниманием и социально-экономические факторы. Так, в кражах он усматривал преступления нищеты и отчаяния.

Особенно важны взгляды Ч. Беккариа по проблеме наказания. Его целью он считает удержание людей от совершения преступлений, а не мечь. Ученый выступает против жестокости наказания. Жестокие наказания не только не выполняют функции предупреждения преступлений, но напротив: «В те времена и в тех странах, где были наиболее жестокие наказания, совершались и наиболее кровавые и бесчеловечные действия, ибо тот же самый дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял рукой и отцеубийцы и разбойника»¹⁸⁴. Неудивительно, что Ч. Беккариа, вопреки распространенным в то время (да, к сожалению, нередко и в наши дни) взглядам, выступал против смертной казни: «Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подает пример жестокости... Мне кажется нелепым, что законы, которые запрещают и карают убийство, сами совершают его и для отращения граждан от убийства сами предписывают совершение его».

Ч. Беккариа впервые сформулировал принцип неотвратимости наказания: «Одно из самых действенных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности»¹⁸⁵.

Наконец, Ч. Беккариа, вслед за Монтескье, провозглашал приоритет предупреждения преступлений перед наказанием за них. При этом он понимал, что возможности государства по противодействию преступности ограничены, ибо «невозможно предупредить все зло».

И. Бентам (1748–1832) в известной степени разделял взгляды Ч. Беккариа. Кроме того, он еще в 1778 г. обратил внимание на статистические закономерности и устойчивость преступности. А его мысль о том, что человек стремится получить максимальное удо-

вольствие и испытать минимальные страдания надолго завладела умами специалистов в области уголовного права.

В целом, зародившись в недрах классической школы уголовного права, классическая криминология сделала первые важные шаги в становлении криминологии как науки. Вместе с тем, прогрессивные для своего времени взгляды Ч. Беккариа и И. Бентама носили все еще умозрительный характер. Преодолеть этот недостаток стало возможным на основе позитивистских воззрений следующего — XIX столетия.

§ 3. Позитивизм в философии, науке, криминологии

Зарождение позитивизма заслуженно связывают с именем О. Конта (1798–1857). К числу первых теоретиков позитивизма относят также Г. Спенсера (1820–1903) и К. Маркса (1818–1883).

О. Конт, будучи социальным философом (термин «социология» им впервые был использован в «Курсе позитивной философии», 1838) полагал, что существующие социальные науки не могут считаться таковыми (науками), пока и поскольку они метафизичны, носят умозрительный характер, не основываются на методах естественных наук — измерении, наблюдении, эксперименте и т.п. Наука должна основываться на фактах, а не догмах, воображение должно быть подчинено наблюдению. «Теологическое и метафизическое состояние какой-либо науки отличаются одной общей чертой: господством воображения над наблюдением... Чтобы сделать... науку позитивной, нужно установить в ней... преобладание наблюдения над воображением»¹⁸⁶.

Идеи позитивизма нашли отражение в трех основных направлениях криминологии: биологическом или антропологическом, психологическом и социологическом. Возникновение каждого из этих трех направлений связывают обычно (более или менее справедливо) соответственно с именами Ч. Ломброзо, Г. Тарда и А. Кетле. И хотя позитивизм в «чистом виде» давно сменился и плюралистическими концепциями, и неомарксистской криминологией, и «радикальной криминологией», и постмодернистской, однако с момента возникновения этих трех направлений и до сегодняшних дней мы почти безошибочно можем отнести к тому или иному из них любую криминологическую школу, теорию, концепцию.

¹⁸³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 222.

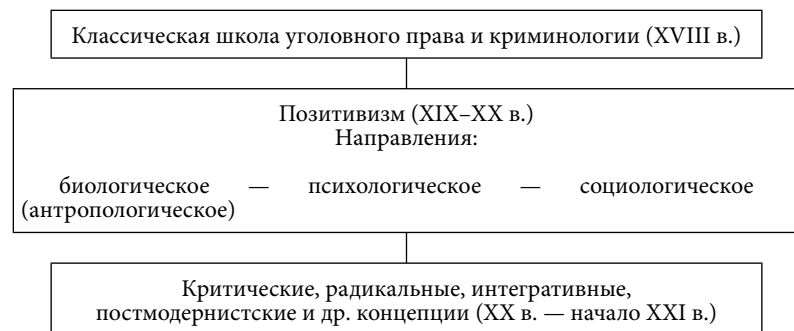
¹⁸⁴ Там же. С. 310.

¹⁸⁵ Там же. С. 308–309.

¹⁸⁶ Конт О. Система позитивной политики. В: Родоначальники позитивизма. Выпуск второй. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. С. 108, 111.

Прежде чем перейти к более подробному изложению каждого из этих направлений и входящих в них школ, представим изложенное в виде схемы 4.1.

Схема 4.1

Разумеется, названия направлений и школ и их временные рамки достаточно условны и приведенная схема, как и последующая классификация криминологических теорий, служат в основном дидактическим целям.

Биологическое (антропологическое) направление криминологии

Бесспорным родоначальником этого направления считается Ч. Ломброзо (1835–1909) — тюремный врач в Турине. С помощью антропологических методов он измерял различные параметры строения черепа многочисленных заключенных, их вес, рост, длину рук, ног, туловища, строение ушей и носов, а при вскрытии умерших — строение и вес внутренних органов. Всего за свою многолетнюю практику он исследовал свыше одиннадцати тысяч лиц, осужденных за совершение преступлений. Свое главное открытие Ч. Ломброзо описывает вполне поэтически: «Внезапно однажды утром мрачного декабрьского дня я обнаружил на черепе каторжника целую серию атавистических ненормальностей... аналогичную тем, которые имеются у низших животных. При виде этих странных ненормальностей — как будто бы ясный свет озарил темную равнину до самого горизонта — я осознал, что проблема сущности и происхождения преступников была разрешена для меня»¹⁸⁷.

¹⁸⁷ Цит. по: Яковлев А.М. Преступность и социальная психология: Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М.: Юрид. лит., 1971. С. 20.

Результаты исследований и выводы о «прирожденном» преступнике, отличающемся от других людей чертами «вырождения» («преступник — это атавистическое существо, которое воспроизводит в своей личности яростные инстинкты первобытного человечества и низших животных») нашли отражение в труде «Преступный человек» (1876). Признаки «вырождения» проявляются в многочисленных «стигматах»: «ненормальности» в строении черепа, низкий или скошенный лоб, огромные челюсти, высокие скулы, приросшие мочки ушей и т.п. Ч. Ломброзо создал целую серию «портретов» различных преступников — убийц, грабителей, воров, насильников, поджигателей и др. Разработанная им классификация преступников включала четыре типа: прирожденные, душевнобольные, по страсти (включая политических маньяков), случайные.

Со временем, под давлением обоснованной критики, Ч. Ломброзо стал уделять внимание и иным — социальным, демографическим, климатическим факторам¹⁸⁸. Однако он навсегда вошел в историю криминологии как автор теории врожденного преступника.

Результаты антропологических исследований Ч. Ломброзо не выдержали проверки. Им было нарушено хорошо известное современной социологии требование: наряду со специальным контингентом исследуемых, необходимо изучить по тем же методикам контрольную группу. В данном случае — не-преступников. Так, еще при его жизни Ч. Горинг (1870–1919) осуществил сравнительное исследование трех тысяч человек — заключенных (основная группа) и контрольная группа — учащиеся Оксфорда, Кембриджа, колледжей, военнослужащие. Результаты не выявили значимых различий между группами и были опубликованы в книге «Заключенный в Англии» (1913). Позднее аналогичные исследования проводились и другими авторами (Н. Ист, В. Хиле, Д. Зернов и др.) с теми же результатами. Миф о «врожденном преступнике» был развеян, хотя иногда возникали его рецидивы...

Ученики Ч. Ломброзо и его соотечественники Э. Ферри (1856–1929) и Р. Гарофало (1852–1934) вслед за учителем признавали роль биологических, наследственных факторов. Вместе с тем они уделяли внимание психологическим (особенно Р. Гарофало) и социальным факторам в обусловленности преступлений. Они оба отрицали идею свободы воли, занимаясь поиском причин преступлений.

Э. Ферри выделял антропологические (телесная и духовная природа индивидов), физические (естественная среда) и социальные

¹⁸⁸ Ломброзо Ч. Преступление. СПб., 1900.

детерминанты преступлений. Наказание должно выполнять чисто предупредительную, оборонительную функцию. В «Криминальной социологии» (в русском издании — «Уголовная социология»¹⁸⁹) Э. Ферри писал, обосновывая принципы позитивизма: «Раньше наука о преступлениях и наказаниях являлась по существу лишь изложением теоретических выводов, к которым теоретики пришли только с помощью логической фантазии. Наша школа превратила ее в науку позитивного наблюдения. Основываясь на антропологии, психологии и статистике преступности, а также на уголовном праве и исследовании тюремного заключения, эта наука превращается в синтетическую науку, которую я сам назвал “Криминальной социологией”». Э. Ферри придавал большое значение превентивным мерам (улучшение условий труда, быта и досуга, освещение улиц и подъездов, условий воспитания и т.п.), он считал, что государство должно стать инструментом улучшения социально-экономических условий.

Р. Гарофало попытался отойти от уголовно-правового понимания преступления. Он считал, что преступными являются те деяния, которые ни одно цивилизованное общество не может расценить иначе и которые караются уголовным наказанием. «Естественные» преступления нарушают чувства сострадания и честности. «Полицейские» преступления нарушают лишь закон.

Таким образом «Туринская школа» в какой-то степени предвосхитила развитие всех трех основных направлений позитивистской криминологии.

Антропологическое или биологическое направление отнюдь не исчерпывается ломброзианством.

По мнению немецкого психиатра Э. Кречмера (1888-1964) и его последователей (прежде всего — американского криминолога У. Шелдона), прослеживается связь между типом строения тела, характером человека, а, следовательно, и его поведенческими реакциями, включая преступные. Согласно их теории «конституциональной предрасположенности», высокие и худые люди — эктоморфы («церебротоники», по У. Шелдону, или астеники) — чаще будут робкими, заторможенными, склонными к одиночеству, интеллектуальной деятельности. Сильные, мускулистые мезоморфы («соматотоники» или атлеты) отличаются динамичностью, стремлением к господству. Именно они более других «склонны» к совершению преступлений. Невысокие,

¹⁸⁹ Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908.

полные эндоморфы («висцеротоники» или пикники) — общительны, спокойны, веселы.

Связь между физической конституцией, чертами характера и поведенческими реакциями действительно существует, но представители всех типов физической конституции и различных типов характера (со времен И.П. Павлова хорошо известны холерики, сангвиники, флегматики и меланхолики, хотя современные классификации характера намного сложнее и разнообразнее) могут отличаться как законопослушным поведением, так и девиантным — позитивным и негативным, включая преступное. Строение тела и характер не являются дифференцирующими факторами по отношению к преступности.

Эти замечания относятся и к различию К. Юнгом (1923) двух основных типов личности — экстравертов, ориентированных на общение, склонных к новаторству (иногда с элементами авантюризма), и интровертов — ориентированных на себя, замкнутых, избегающих риска, настроенных консервативно. Г. Айзенк (1963) для более полной характеристики типов личности дополнил экстравертов (открытость) / интровертов (замкнутость) характеристиками стабильности / нестабильности (уровень тревожности). И также пытался связать криминальное поведение с личностными особенностями.

Идеи ломброзианства с расистским акцентом пытался реанимировать и Э. Хутен (1887–1954). В течение 12 лет он обследовал свыше 13 тысяч заключенных и более 3 тысяч человек контрольной группы (не заключенных). Им были выделены 9 расовых типов. Как оказалось, в каждой расе есть «неполноценные» представители, отклоняющиеся от средних для расы показателей. Его предложения сводились к изоляции или уничтожению «неприспособленных» индивидов¹⁹⁰ ...

По мере развития современной биологии и генетики в рамках биологического направления возникают все новые и новые теории. Назовем лишь некоторые из них. Подробное же их освещение можно найти в современной книге Д. Фишбайн¹⁹¹.

Концепция близнецов. В ряде исследований (Loehlin, Nichols, 1976 и др.) было установлено, что одинаковое (в том числе криминальное) поведение взрослых пар однойцовых (монозиготных) близ-

¹⁹⁰ Hooton E. The American Criminal. An anthropological study. Cambridge, 1939.

¹⁹¹ Fishbein D. Biobehavioral Perspectives in Criminology. Wadsworth, Thomson Learning, 2001. См. также: Криминология / Ред. Дж. Шелли. СПб.: Питер, 2003. С. 384–403; De Lisi M., Vaughn M.G. (Eds.) Biosocial Criminology. Critical concepts in Criminology. Vol. I–IV. L., NY: Routledge, 2016.

нецов наблюдается относительно чаще, нежели у пар двуйайцовых (дизиготных) близнецов. В одном из исследований, например, такое совпадение было в 77% случаев однойайцовых и в 12% случаев двуйайцовых близнецов. Отсюда делался вывод о роли генетической предрасположенности к тем или иным поведенческим формам. Однако различные исследователи получали неодинаковые результаты, не всегда изучались условия воспитания обоих близнецов, так что сторонников «близнецового» объяснения преступного поведения не так уж много.

Хромосомная теория. П. Джекобс (1966) на основе изучения заключенных в шведских тюрьмах выдвинул гипотезу о зависимости повышенной агрессивности и, соответственно, высокого уровня насильственных преступлений у мужчин с лишней Y хромосомой (XYY вместо XY). Позднее Т. Поуледж опроверг это предположение. Если мужчины с лишней Y хромосомой и отличаются повышенной агрессивностью, то их удельный вес в популяции крайне невысок (1 из 1000) и постоянен, а уровень насильственной преступности существенно меняется во времени и пространстве. По данным Р. Фокса (1971), заключенные с хромосомным набором XYY не более склонны к насилию, чем другие заключенные, но относительно чаще совершают имущественные преступления. Кроме того, повышенная агрессивность может проявляться и в общественно полезном или допустимом поведении (спортсмены, полицейские, военнослужащие).

Частота пульса. Кембриджское лонгитюдное (изучение одних и тех же лиц на протяжении значительного периода времени) исследование свыше 400 мужчин показало, что те из них, у кого частота пульса в состоянии покоя была ниже (66 ударов в секунду), чем в среднем (68 ударов в секунду), относительно чаще оказались осужденными за насильственные преступления (D. Farrington, 1997). Аналогичные результаты были получены в исследованиях M. Wadsworth (1976) и A. Raine (1993). Но вероятнее всего такой одиночный фактор как частота пульса является лишь одним из показателей общего состояния нервной системы, так или иначе влияющего на поведение, в том числе, — агрессивное.

Уровень серотонина в крови. На основе многочисленных исследований предполагается, что повышенный уровень серотонина в крови свидетельствует о более высокой вероятности агрессивного, в том числе преступного, поведения.

Роль тестостерона. Точно также считается, что повышенный уровень тестостерона (мужской половой гормон) может увеличи-

вать агрессивность поведения. Некоторые исследователи полагают, что аналогичную роль в женском агрессивном поведении играют женские гормоны.

Социобиология Э. Уилсона (р. 1929) пытается объединить биологические (генетические) и культуральные факторы в объяснении преступного поведения, прежде всего, агрессивного, насильственного.

При этом, во-первых, результаты различных исследований нередко противоречивы. Во-вторых, ряд исследований показал, что уровень гормонов весьма чувствителен к внешним условиям. В-третьих, и это главное — нет никаких доказательств специфического влияния всех вышеназванных биологических факторов (лишняя Y хромосома, частота пульса, уровень серотонина или гормонов и др.) именно на криминальное поведение. Это не исключает того, что при прочих равных условиях генетическая составляющая может играть определенную роль в большей или меньшей вероятности той или иной поведенческой реакции конкретного индивида (достаточно, например, напомнить, что в генезисе алкоголизма роль наследственности велика, а в состоянии алкогольного опьянения совершается немало преступлений). Как заметил в одной из своих книг российский психолог В. Леви, «Социум выбирает из психогенофонда». Иначе говоря, социальные факторы влияют на поведение опосредствованно — через генетические и психологические особенности свойств личности. Наконец, в-четвертых, все эти рассуждения, равно как и иные идеи сторонников биологического и психологического направлений, имеют отношение к индивидуальному преступному поведению — преступлению, но никак не объясняют преступность как социальный феномен.

Психологическое направление в криминологии

Становление психологического направления связывают с двумя именами: Р. Гарофало и Г. Тарда. О первом из них уже говорилось выше. Его работа «Критерии опасного состояния» (1880) обосновывает, в частности, так называемый клинический подход в изучении личности преступника. Идеи «опасного состояния» позднее, во второй половине XX в., активно развивались Ж. Пинателем.

Г. Тард (1843–1904) в своих книгах «Законы подражания» и «Философия наказания» (обе вышли в 1890 г.) объяснял преступное поведение подражанием и обучением. Поскольку в основе преступного акта лежат психологические механизмы, постольку, с точки зрения Г. Тарда, суд должен решать вопрос лишь о виновности / невиновности

сти обвиняемого, тогда как меры воздействия на виновного определяет медицинская комиссия.

Вполне обоснованно обращаясь к психологическим факторам индивидуального преступного поведения, Г. Тард излишне абсолютизирует роль подражания, усматривая в «законе подражания» едва ли не основной закон развития общества и цивилизации.

Склонность к психологизации социальных явлений не помешала Г. Тарду в ряде вопросов стоять на социологических позициях. Так, он социологически верно отмечает относительность самого понятия преступления: «Система добродетелей, также как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом истории»¹⁹². Отношение ученого к преступности как социальному феномену позволило ему сделать вполне социологический вывод: «Если бы дерево преступности со всеми своими корнями и корешками могло бы быть когда-нибудь вырвано из нашего общества, оно оставило бы в нем зияющую бездну»¹⁹³.

Г. Тард один из первых обратил внимание на то, что повышение благосостояния, уровня жизни, образования не влечет за собой сокращение преступности. Скорее — наоборот! «Рост трудовой деятельности и богатства делает естественным рост преступлений и преступников! А где же, следовательно, нравственная сила труда, нравственная добродетель богатства, о которых столько говорили? Образование сделало большие успехи. Где же благотворное, столь прославленное действие просвещения на нравы?... Три великих предупредительных лекарства от социальной болезни: труд, общее довольство и образование — усиленно действовали не раз, а поток преступности, вместо того, чтобы пересохнуть, вдруг вышел из берегов»¹⁹⁴. Г. Тард увидел также широчайшую распространенность преступлений «людей богатых и признаваемых честными» (позднее такие преступления будут названы «беловоротничковыми» — *white-collar crimes*).

Наконец, заметим, что на примере Р. Гарофало и Г. Тарда мы лишний раз убеждаемся в относительности любой схемы, любой классификации. Так, взгляды Р. Гарофало в равной степени относятся к антропологическому и психологическому направлениям, а работы Г. Тарда иллюстрируют и психологический, и социологический подхо-

ды к проблеме преступности, преступления и наказания. Впрочем, еще Э. Ферри обосновывал правильность и научную совместимость своих антропологических и социологических воззрений¹⁹⁵.

К психологическому направлению относится и фрейдизм. Сам З. Фрейд (1856–1939) не обращался к криминологической тематике (если не считать психоаналитического разбора произведений Ф.М. Достоевского; в этой своей работе З. Фрейд сформулировал небезынтересное для нас утверждение: «Для преступника существенны две черты — безграничное себялюбие и сильная деструктивная склонность; общим для обеих черт и предпосылкой для их проявлений является безлюбивость, нехватка эмоционально-оценочного отношения к человеку»¹⁹⁶). Однако его теория не могла не отразиться на психологических подходах к проблеме преступности.

Напомним, что З. Фрейд выделял в структуре личности три составляющие: «Я» (Ego), «Оно» (Id) и «Сверх-Я» (Super-Ego). «Оно» — глубинный слой бессознательных влечений. Не будь других составляющих личности, человек всегда действовал бы по велению «Id». «Я» — сфера сознательного, посредник между бессознательным, внутренним миром человека и внешней реальностью — природной и социальной. «Сверх-Я» — внутриличностная совесть, своего рода моральная цензура, представляющая собой установки общества. «Super-Ego» — посредник между бессознательным и сознанием в их непримиримом конфликте, ибо сознание само по себе не способно обуздать веления бессознательного. Другим важнейшим положением З. Фрейда является учение о «либидо» — половом влечении, которое, начиная с раннего детства, на бессознательном уровне определяет большинство намерений и поступков человека.

Легко представить, сколь обширное поле открывается для криминологической интерпретации этих положений. Это и «победа» бессознательного, проявившаяся в конкретном преступном деянии, и «либидо», выплеснувшееся в криминальном насилии, и роль невротических реакций в механизме индивидуального преступного акта, и сублимация (переключение) либидо в криминальное русло.

Еще пара ключевых понятий З. Фрейда — инстинкт жизни (Эрос) и инстинкт смерти (Танатос). Агрессивность, включая криминаль-

¹⁹² Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907. С. 33.

¹⁹³ Тард Г. Преступник и преступления. М., 1906. С. 62.

¹⁹⁴ Тард Г. Сравнительная преступность. Указ. соч. С. 95.

¹⁹⁵ Ферри Э. Уголовная антропология и социализм. В: Уголовное право и социализм / ред. М.Н. Гернет. М., 1908. С. 204–215; Он же. Уголовная социология. М., 1908.

¹⁹⁶ Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. В: Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет: в 2-х кн. Тбилиси: «Мирани», 1991. Кн. 2. С. 408.

ное поведение, — проявление инстинкта смерти, переносимого с себя на другого. Действительно, имеется определенная связь между убийствами, как актами агрессии, и самоубийствами, как аутоагрессией, о чем уже говорилось в гл. 3. Однако возможные объяснения тому могут находиться не только во фрейдовской концепции.

Разумеется, учение самого З. Фрейда и его учеников и последователей — К. Юнга, о котором речь шла выше, А. Адлера (для Адлера не столь важно было либидо, сколько «воля к власти», определяющая поведение индивида), В. Рейха (по Рейху, неизрасходованная из-за многочисленных социальных запретов жизненная энергия прорывается в виде агрессии) было неизмеримо сложнее и глубже, чем описанная выше схема. Психоаналитический подход позволяет вскрывать глубинные психологические особенности различных поведенческих актов, включая преступные. Интересное исследование этой темы было предпринято украинским криминологом А.Ф. Зелинским¹⁹⁷ и представителями грузинской психологической школы¹⁹⁸.

Неофрейдизм, характеризующийся большей «социологизацией» изучаемых процессов, сделал еще один шаг в интересующем криминологию направлении. Так, К. Хорни (1885–1952) подробно исследует проблему невротизации личности, а ведь среди лиц, находящихся в местах лишения свободы наблюдается высокий удельный вес лиц с невротическими расстройствами. Многие ее идеи о механизмах развития личности, роли детства в формировании личности представляют несомненный интерес для криминологии (в частности, при изучении механизма индивидуального преступного поведения)¹⁹⁹.

Труды другого крупнейшего представителя неофрейдизма — Э. Фромма (1900–1980) косвенно или непосредственно посвящены криминологической тематике. Косвенно — когда обсуждаются проблемы этики, смысла жизни, «иметь или быть»²⁰⁰. Непосредственно — когда ученый один из главных своих трудов посвящает исследованию агрессии и насилия как психологического, социального, по-

¹⁹⁷ Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков: Вища школа, 1986.

¹⁹⁸ Например: Бессознательное. Природа, функции, методы исследования / Ред. А.С. Прангишвили и др. Тбилиси: Мецниереба, 1985.

¹⁹⁹ См.: Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс-Универс, 1993.

²⁰⁰ Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993; Он же. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.

литического феномена²⁰¹. Мы еще вернемся к Э. Фромму в гл. 7 при обсуждении проблем социального насилия.

Подводя краткий итог психологическому направлению в криминологии, можно отметить бесспорный интерес представленным этим направлением исследований психологической составляющей индивидуального преступного поведения и бесплодность попыток ответить на вопрос о причинах преступности как социального феномена.

Социологическое направление в криминологии

Описание многочисленных социологических школ и концепций в криминологии существенно затруднено не только их изобилием, но и многочисленностью их классификаций. Почти каждый известный криминолог социологического направления относится исследователями к разным школам, течениям, теориям. В этом легко убедиться, полистав как отечественные, так и зарубежные учебники криминологии и монографии по теоретической криминологии²⁰².

Рождение социологического направления позитивистской криминологии датируется с точностью до дня. 9 июля 1831 г. статистик А. Кетле, выступая на заседании Бельгийской королевской академии наук в Брюсселе, в своем докладе заявил: «Мы можем рассчитать заранее, сколько индивидуумов обогреть руки в крови своих сограждан, сколько человек станут мошенниками, сколько станут отравителями, почти так же как мы заранее можем подсчитать, сколько человек родится и сколько человек умрет... Здесь перед нами счет, по которому мы платим с ужасающей регулярностью, — мы платим тюрьмами, цепями и виселицами»²⁰³. Статистические исследования свидетельствуют об относительной стабильности преступности и отдельных ее видов в прошлом и настоящем. Эта стабильность может использоваться для «предсказания» (прогноза) преступности в будущем. Относительно устойчиво не только число преступлений, но и использованных при этом орудий. «Во всем, что касается преступлений, числа повторяются с таким постоянством, что этого

²⁰¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

²⁰² См. об этом также: Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980. С. 166–169.

²⁰³ Цит. по: Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. Указ. соч. С. 39. См. также: Кетле А. Человек, развитие его способностей или опыт социальной физики. Киев, 1965.

нельзя не заметить»²⁰⁴. Аналогичных взглядов придерживался и А. Герри — автор первых работ (1827, 1833) по уголовной и моральной статистике.

Если для Ч. Ломброзо «преступниками рождаются», то для А. Кетле «преступниками не рождаются, ими становятся». Становятся — под влиянием социальных условий, социальных факторов. По А. Кетле, «общество заключает в себе зародыш всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно... подготавливает преступление, а преступник есть только орудие». К факторам, влияющим на совершение преступлений, А. Кетле относит демографические, социальные (профессия, образование), природные (климат, сезонность).

Основные идеи А. Кетле, в той или иной степени разделяемые и развиваемые всеми представителями социологического направления, сводятся к следующему:

- преступность порождена обществом;
- она развивается по определенным законам под воздействием социальных и иных объективных факторов;
- ей присуща статистическая устойчивость;
- повлиять на преступность (с целью сокращения) можно только путем изменения (улучшения) социальных условий.

Исходя из социологических представлений о природе преступности, А. Лакассань, выступая в 1885 г. на 1 Международном конгрессе антропологов в Риме, произнес знаменитую фразу: «Каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает». Позднее, воспроизводя ее, Г. Манхейм добавляет: «Каждое общество обладает таким типом преступности и преступников, которые соответствуют его культурным, моральным, социальным, религиозным и экономическим условиям»²⁰⁵.

Экономические теории

Обычно экономические теории в криминологии вполне обоснованно связывают с именами К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса (1820–1895). По утверждению западных криминологов, именно в их «Манифесте Коммунистической партии» (1848) были заложены основы экономического детерминизма, а преступность выступала побочным продуктом экономических условий.

²⁰⁴ Кетле А. Указ. соч. С. 5.

²⁰⁵ Manheim H. Comparative Criminology. L., 1973. Vol. 2. P. 422.

Концепция марксистской криминологии достаточно полно разрабатывалась в бывшем СССР, и у соотечественников нет недостатка в литературе по этому вопросу. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что значение марксизма для криминологии выходит, с нашей точки зрения, за рамки узкого «экономического детерминизма». Разрабатываемая ранним К. Марксом концепция отчуждения, значение противоречий и конфликтов как «двигателей истории», роль классовых различий и социально-экономического статуса в детерминации человеческого поведения и т.п. имеют криминологическое значение и активно используются в современной западной (прежде всего — «критической») криминологии.

У К. Маркса есть несколько небольших по объему работ, посвященных непосредственно криминологической тематике. Одна из них — «Население, преступность и пауперизм» (1859), в которой автор на основании анализа некоторых демографических, экономических показателей и данных уголовной статистики делает ряд принципиальных выводов: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения... Нарушение закона является обычно результатом экономических факторов, не зависящих от законодателя; однако... от официального общества до некоторой степени зависит квалификация некоторых нарушений установленных им законов как преступлений или только как проступков... Само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их»²⁰⁶.

Говоря о позитивизме в социальных науках вообще и криминологии в частности, не следует забывать о весьма обширном эмпирическом исследовании положения рабочего класса в Англии, проделанном Ф. Энгельсом и содержащем огромный фактический материал, в том числе о преступности, пьянстве, проституции как следствии условий жизни английских рабочих²⁰⁷. Современный социологический словарь (1986, издательство Penguin Books), так характеризует эту работу: «“Положение рабочего класса в Англии” (1845), основанная, главным образом, на данных непосредственно наблюдения, проведенного в Манчестере и Солфорде, является

²⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 515–516.

²⁰⁷ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 231–517.

классическим описанием жизни рабочего класса в этой стране в период индустриализации»²⁰⁸. Очевидно, неслучайно уже в наши дни английский криминолог Я. Тэйлор с коллегами провели «по стопам Энгельса» обследование условий жизни рабочих Манчестера и Шеффилда²⁰⁹.

Последователем экономической теории в криминологии является В. Бонгер. В книге «Преступность и экономические условия»²¹⁰ он обосновывает роль капиталистической экономической системы в генезисе преступности. Преступность сосредоточена в низших слоях общества, поскольку законодатель криминализирует деяния, порожденные бедностью и нищетой. В. Бонгер приводит статистические данные по ряду стран, доказывая связь таких преступлений как бродяжничество и нищенство с безработицей²¹¹. Он возлагает надежды на социалистическое переустройство общества.

Во многих странах в конце XIX в. — начале XX в. проходят криминологические исследования динамики корыстной преступности и цен на хлеб (зерно), как основного для того времени экономического показателя. Наблюдаются устойчивые корреляционные связи: чем выше цена на хлеб, тем выше уровень преступности. Одним из первых таких исследований было проведено Г. фон Майером в Баварии за 1836–1861 гг. По данным Майера, увеличение на полпenny цены на рожь влекло рост преступности на одну пятаю на 100 тыс. жителей. О связи преступности и цен на мешок муки, а также количества банкротств (еще один экономический показатель) во Франции 1840–1886 гг. свидетельствует статья П. Лафарга²¹².

С моей точки зрения, сравнительный анализ показателей преступности и экономических показателей (децильный коэффициент, индекс Джини, уровень безработицы и др.) актуален и в наши дни, о чем пойдет речь ниже.

²⁰⁸ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Казань: Казанский ГУ, 1997. С. 368.

²⁰⁹ Taylor I., Evans K., Fraser P. A Tale of Two Cities: A Study in Manchester and Sheffield. Routledge, 1996.

²¹⁰ Bonger W. Criminality and Economic Conditions. Boston: Little, Brown, 1916.

²¹¹ См. переведенную на русский язык выдержку из раннего издания (1905) упомянутой книги: Бонгер. Бродяжничество и нищенство. В: Уголовное право и социализм / Ред. М. Гернет. М., 1908. С. 57–78.

²¹² Лафарг П. Преступность во Франции в 1840–1886 гг. В: Уголовное право и социализм / Ред. М. Гернет. М., 1908. С. 1–56.

Теория аномии

Пожалуй, первая развернутая социологическая теория девиантности, включая преступность, — теория аномии — принадлежит известному французскому социологу Э. Дюркгейму (1858–1917). Прежде всего, он утверждает «нормальность» преступности в том смысле, что она присуща всем обществам, развивается по своим закономерностям, выполняет определенные социальные функции. «Преступления совершаются... во всех обществах всех типов... Нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива... Преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно»²¹³.

Более того, «преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права... Чтобы был возможен прогресс, индивидуальность должна иметь возможность выразить себя. Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальности преступника, стоящего ниже уровня современного ему общества. Одно немыслимо без другого... Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения... Действительно, сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит!»²¹⁴. И далее Э. Дюркгейм обосновывает эту мысль на примере осуждения Сократа. Итак, девиации необходимы для развития, прогресса общества.

Но преступность нормальна при условии, что она «не превышает уровня, характерного для общества определенного типа»²¹⁵. И здесь мы подходим к сути теории аномии. По Э. Дюркгейму, в стабильном обществе стабилен и уровень девиантных проявлений (пьянство, наркотизм, самоубийства и т.п.), включая преступность. В обществах же быстро меняющихся, в условиях социальной дезорганизации наблюдается состояние аномии, когда старые социальные нормы уже

²¹³ Дюркгейм Э. Норма и патология. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 39–40.

²¹⁴ Там же. С. 42–43.

²¹⁵ Там же. С. 40.

не работают, а новые еще не освоены, когда существует «конфликт норм» — правовых и моральных, публичного права и частного права и т.п., когда некоторые социально значимые сферы жизнедеятельности остались не урегулированными («нормативный вакуум»). В таком обществе резко возрастают проявления девиантности, превышая «нормальный» для данного общества уровень. Э. Дюркгейм подробнейшим образом теоретически и эмпирически обосновывает свою концепцию на примере самоубийств²¹⁶.

Думается, хорошей иллюстрацией дюркгеймовской аномии и ее последствий может служить современная Россия. Бурные социально-экономические и политические изменения конца 80-х — 90-х гг. минувшего века сопровождалась противоречиями между советскими ценностями и менталитетом, с одной стороны, и новыми экономическими и политическими отношениями, с другой; между нормами «социалистического» права (уголовная ответственность за бродяжничество, попрошайничество, «паразитический образ жизни», за злостное нарушение паспортного режима, за частное предпринимательство и коммерческое посредничество) и новыми нормами гражданского права, разрешающими частную собственность, легализующими статус безработного (бывший «туняедец»); между нравственными ценностями старого общества (отрицательное отношение к богатым, стремление к «равенству») и новой моралью (обогащайтесь!). При этом многие сферы общественной и государственной жизни оказались без должного нормативного регулирования. Соответственно, с конца 1980-х гг. наблюдается резкий рост преступности, самоубийств, наркотизма. Все «по Дюркгейму»!

Для криминологии важны и «не криминологические» работы и суждения ученого. Так, Э. Дюркгейм один из первых развивает теорию общественного разделения труда, обращает внимание на роль социально-экономического неравенства в генезисе человеческой активности, как позитивной, так и негативной. Он понимает эволюционное значение разделения труда («чем примитивнее общество, тем больше сходств между индивидами»), его необходимость для развития общества, но видит и отрицательные последствия (овеществление личностных отношений, «анормальные формы» разделения труда — аномическое, принудительное и др.)²¹⁷. Всякое

²¹⁶ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.

²¹⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 3–389.

живое существо стремится к счастью. При этом для человека важно равновесие между стремлением к счастью и степенью удовлетворения. Если естественные потребности имеют естественные пределы (насытился и есть не хочется), то социальные потребности не имеют естественных ограничений, они безграничны. Мы еще вернемся к этой теме в следующей, 5-ой главе.

Э. Дюркгейм внес весомый вклад и в разработку проблем социального контроля, но к этому мы обратимся позднее — в ч. IV книги.

В заключение заметим, что различные авторы и по разным основаниям относят криминологические взгляды Э. Дюркгейма и к теории социальной дезорганизации, и к структурному функционализму, и в качестве самостоятельного направления — концепции аномии.

Аномия и «напряжение»

К структурному функционализму и теории аномии (в отличном от Дюркгейма варианте) относят и другого крупнейшего социолога, нашего современника — Р. Мертон (1910–2003). Он также считается родоначальником «теорий напряжения» (*Strain theories*). Р. Мертон, как и Э. Дюркгейм, рассматривает различные проявления девиантности, включая преступность, как закономерное порождение определенных социальных условий. «Мы исходим из предположения, — пишет Р. Мертон, — что определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой “нормальный” ответ на возникшую ситуацию»²¹⁸. Люди стремятся к успеху. В современном обществе богатство выступает признанным всеобщим символом успеха. Но часть населения живет в зонах трущоб, при ограниченных социальных возможностях («напряжение»). При этом возрастает жесткость классовой структуры, сокращается возможность легально изменить социальный статус в сторону его повышения. А ведь именно классовая структура обуславливает неравенство возможностей, различия в доступе к ценностям общества. «Поэтому отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями (к успеху, богатству — Я.Г.) и социально организованными средствами их удовлетворения»²¹⁹. Возникает напряжение (*strain*). Требования культуры, предъявляемые

²¹⁸ Мертон Р. Социальная структура и аномия. В: Социология преступности. Указ. соч. С. 299.

²¹⁹ Там же. С. 302.

конкретному лицу, оказываются несовместимыми. «С одной стороны, от него требуют, чтобы оно ориентировало свое поведение в направлении накопления богатства; с другой — ему почти не дают возможности сделать это институциональным способом. Результатом такой структурной непоследовательности является сформирование психопатической личности и (или) антисоциальное поведение, и (или) революционная деятельность»²²⁰.

Культура каждого конкретного общества определяет его цели и легальные, институционализованные средства их достижения. В зависимости от принятия (+) или непринятия, отрицания (-) целей и средств существует пять теоретически возможных типов поведения (способов приспособления индивидов к социальным условиям), которые Мертон сводит в виде таблицы (4.1).

Итак, индивиды, разделяющие цели общества и принимающие средства их достижения, будут вести себя законопослушно, конформно. Те, кто принимает цели, но не согласен с предоставляемыми средствами, будет предпринимать шаги по их улучшению, заниматься реформаторской, инновационной деятельностью. Не принимающие цели или, что гораздо чаще, — относящиеся к ним безразлично, но свято придерживающиеся легальных средств, будут беспрекословно следовать принятым нормам — ритуалисты.

Таблица 4.1

Типы поведения (адаптации) по Р. Мертону

Тип	Определяемые культурой цели	Институционализованные средства
1. Конформизм	+	+
2. Инновация (реформизм)	+	-
3. Ритуализм	-	+
4. Ретретизм	-	-
5. Мятёж	-	-
	+	+

Не принимающие ни целей, ни средств данного общества будут либо «бежать» из него, уходя в алкоголь, наркотики, из жизни (самоубийство) — ретретистское поведение, либо пытаться все изменить — мятежники (по Р. Мертону), революционеры.

²²⁰ Там же. С. 309.

В целом «антисоциальное поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей превозносит, фактически превыше всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения»²²¹.

Плюралистические концепции (многофакторный подход)

Ниже мы неоднократно будем встречаться с тем, что различные криминологи будут усматривать многочисленные «причины» преступности, не ограничиваясь какой-либо одной. Иногда такой подход рассматривается в качестве относительно самостоятельного («плюралистического» или «многофакторного»).

Выше уже упоминался Э. Ферри, выделявший антропологические, физические, социальные факторы.

Маннхейм утверждал, что в криминологии не существует причин преступности, которые были бы необходимы и достаточны для ее объяснения. Существуют только факторы, которые могут оказаться «необходимыми» наряду с другими факторами.

Аналогичные взгляды разделяли У. Хили (1915), С. Бэрт (1925) и др.

Многофакторный подход был широко распространен в российской криминологии, о чем пойдет речь ниже.

«Дифференцированная ассоциация»

Мертоновская концепция неплохо объясняет девиантное и преступное поведение «униженных и оскорбленных», а как быть с преступностью элитарной, лиц, находящихся на вершинах социальной структуры? Над этим вопросом задумался, в частности Э. Сазерленд (1883–1950). В 1939 г. он впервые вводит в научный оборот понятие «преступность белых воротничков» (*white-collar crime*), а в 1949 г. выходит его книга под тем же названием, в которой он подробно анализирует беловоротничковую преступность как пример криминальных действий и махинаций в сфере бизнеса²²². Первоначально под преступлениями белых воротничков Э. Сазерленд понимал лишь респектабельную преступность властной и деловой элиты.

²²¹ Там же. С. 310.

²²² Sutherland E. White-Collar Crime. NY: Holt, Rinehart & Winston, 1983 (первая публикация 1949 г.).

Позднее этот термин распространился на всю должностную и предпринимательскую преступность, независимо от ранга чиновника или бизнесмена. Свое название white-collar crime получила в связи с тем, что в США должностные лица и бизнесмены ходят в белых рубашках в отличие от синих рубашек (комбинезонов), которые обычно носят рабочие. К типичным беловоротничковым преступлениям относятся финансовые махинации корпораций, взяточничество, предоставление «за вознаграждение» выгодных контрактов, привилегий, криминальные коммерческие сделки и кредитные операции, лжебанкротства и т.п.

Э. Сазерленд изучал и профессиональную преступность²²³, но наиболее известен он как создатель теории дифференцированной ассоциации (связи). Эта концепция была впервые изложена Э. Сазерлендом в «Принципах криминологии» (1939), а затем развивалась и излагалась совместно с Д. Крэсси²²⁴. С точки зрения Э. Сазерленда, определенным поведенческим формам — как законопослушным, так и преступным — обучаются, взаимодействуя с другими людьми в процессе общения. Обычно это происходит в группах между людьми, связанными какими-то личными отношениями. Основной причиной образования дифференцированных связей (ассоциаций) служит конфликт культур, а главной причиной систематического преступного поведения — социальная дезорганизация. Д. Крэсси, цитируя Э. Сазерленда, так формулирует основные положения этой теории: «Когда люди становятся преступниками, это происходит потому, что они соприкасаются с преступным образом поведения, а также потому, что они оказываются изолированными от воздействия антипреступного образа поведения... Они становятся преступниками в силу переизбытка у них подобного рода «связей» по сравнению с теми «связями», которые у них имеются с антипреступным образом поведения»²²⁵.

Теория дифференцированной ассоциации неоднократно подвергалась модификации как самим Э. Сазерлендом, так и совместно с Д. Крэсси, а после смерти Э. Сазерленда — одним Д. Крэсси. Это была одна из наиболее плодотворных для своего времени теорий. Она позволяла объяснить как «обычную», «уличную» преступность (street

crime), так и беловоротничковую. Другое дело, что она, как и любая другая теория, не могла ответить на ряд вопросов (почему люди имеют те связи, которые у них есть; она не объясняет происхождение преступности и др.).

Наконец, следует упомянуть, что концепции Г. Тарда и Э. Сазерленда нередко рассматриваются как «теории научения» (Learning theories).

«Чикагская школа» и экология преступности

Крупным явлением в истории криминологии стала «Чикагская школа». Первые криминологические исследования в Чикаго начались в 20-е гг. прошлого столетия сотрудниками Чикагского университета под руководством Э. Бёрджесса. Наиболее известные из участников этих исследований — К. Шоу, Г. Маккей, Р. Парк, Ф. Трэшер и др. В те годы Чикаго становится «криминальной столицей» США, в нем орудуют гангстерские банды (одна из наиболее известных — Аль Капоне). В результате их кровавых столкновений в 20-е гг. было убито свыше тысячи человек.

Чикагская школа прославилась, прежде всего, изучением влияния городской экологии на преступность. В результате исследований были выделены пять концентрических зон Чикаго, отличавшихся своими функциями в масштабах города, составом населения, стилем жизни, социальными проблемами (делинквентность, преступность, детская смертность, туберкулез, психические расстройства): центральный деловой и промышленный район, промежуточная зона трущоб, рабочие кварталы, жилые городские кварталы, пригородная зона коттеджей среднего класса («владельцев сезонных билетов» на электричку). Наиболее криминогенными оказались промежуточные районы между жилыми и деловыми, деловыми и промышленными кварталами²²⁶. Это объяснялось, в частности, тем, что с развитием промышленности она и торговля вторглись в зону традиционных жилых застроек. Теперь проживание в этом районе становилось не престижным, мало желательным. Поэтому именно здесь поселялись бедняки и многочисленные иммигранты.

Аналогичный экологический анализ Балтимора не подтвердил ряд выводов по Чикаго²²⁷. Это лишний раз свидетельствовало о не-

²²³ Sutherland E. The Professional Thief: By a professional thief. Chicago: University of Chicago Press, 1937.

²²⁴ Sutherland E., Cressey D. Principles of Criminology. NY, Philadelphia, 1960.

²²⁵ Крэсси Д. Развитие теории. Теория дифференцированной связи. В: Социология преступности. С. 91–92.

²²⁶ Шоу К., Маккей Г. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго. В: Социология преступности. Указ. соч. С. 288–298.

²²⁷ Ландер Б. Экологический анализ Балтимора. В: Социология преступности. С. 250–264.

корректности распространения результатов локального исследования на все случаи жизни.

Чикагская школа провела интересные исследования подростковой делинквентности и преступности²²⁸.

Классической стала работа Ф. Трэшера по изучению чикагских банд²²⁹.

Остается добавить, что наследие Чикагской школы проявляется и в современных исследованиях экологии города, применении метода «картирования», привязки социального контроля к локальным условиям районов большого города²³⁰.

Теория субкультур

Теория субкультур возникла в результате исследований подростковой преступности и гангстеризма (бандитизма). В значительной степени она исходила из теорий аномии и напряжения. Классические работы — книга А. Коэна (род. 1918)²³¹, посвященная молодежным бандам, и исследование Р. Клаурда (род. 1926) и Л. Оулина²³² (род. 1918) различных делинквентных субкультур. Все трое подчеркивали значение конфликта между ценностями и целями «большого общества», а точнее — среднего класса и возможностями подростков из низших слоев преследовать эти цели.

На недоступность ценностей культуры общества подростки реагируют созданием субкультуры со своими ценностями, целями и нормами. «Делинквентная субкультура извлекает свои нормы из норм более широкой культуры, выворачивая их, однако, наизнанку. По стандартам этой субкультуры поведение делинквента правильно именно потому, что оно неправильно по нормам более широкой культуры»²³³. По А. Коэну, делинквентная субкультура, как протестная по отношению к культуре общества, отличается неутилитарным, злым и негативистским характером. «Здесь явно присутствует элемент зло-

²²⁸ См., напр.: Шоу К. Техника изучения отдельных дел. Значение собственного жизнеописания подростка-делинквента. В: Социология преступности. С. 114–127.

²²⁹ Thrasher F. The Gang: A Study of 1, 313 Gangs in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 1927.

²³⁰ Scogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. NY: Oxford University Press, 1997.

²³¹ Cohen A.K. Delinquent Boys. The Culture of the Gang. NY: Free Press, 1955.

²³² Cloward R., Ohlin L. Delinquency and Opportunity. NY: Free Press, 1960.

²³³ Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры. В: Социология преступности. С. 318.

умышленности, удовольствие от причинения беспокойства другим, восторг от самого факта отвержения различных табу»²³⁴.

Р. Клаурд и Л. Оулин также исходят из того, что «лица, занимающие различные положения в социальной структуре, не имеют равных шансов на успех»²³⁵. Они различают и описывают три разновидности подростковой субкультуры: преступную, конфликтную и ретретистскую. Для преступной субкультуры характерны интеграция субъектов на различных возрастных уровнях и тесная интеграция представителей общепризнанных и незаконных ценностей, т.е. взаимодействие преступников со средой, включая скупщиков краденого, старьевщиков, юристов и т.п. Конфликтная субкультура — продукт трусоб, мира неудачников. «Молодые люди в подобных зонах подвержены острому чувству разочарования, возникающему в результате того, что доступ к цели успеха блокирован отсутствием каких бы то ни было институционализированных каналов, законных или незаконных»²³⁶. Ретретистская субкультура состоит из тех, кто бежит от общества, но нуждается во взаимосвязях с себе подобными (прежде всего, это субкультура потребителей наркотиков). Ретретистский вариант приспособления возникает, по Р. Мертону, как следствие «двойной неудачи»: длительной неудачи достичь провозглашаемых обществом (культурой) целей с помощью законных средств и невозможности (в силу разных причин — от страха до сильно развитого чувства совести) прибегнуть к незаконным средствам.

Сторонники теории субкультур уделяют значительное внимание соотношению различных видов девиантного поведения и социального контроля.

Близки к теории субкультур концепции У. Миллера (1968) и Т. Фердинанда (1980). Сравнительный анализ различных вариантов этой теории предпринят в «Криминологии» Г.И. Шнайдера²³⁷.

Остается добавить, что в современном обществе постмодерна с его фрагментаризацией общества, «ускорением времени» и виртуализацией деятельности и сознания, проблема множества субкультур и существенных различий субкультуры молодежной и «взрослой», становится все более актуальной. Взрослые и молодежь, подростки

²³⁴ Там же. С. 317.

²³⁵ Клаурд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры. В: Социология преступности. С. 335.

²³⁶ Там же. С. 344.

²³⁷ Шнайдер Г.И. Криминология. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 283–290.

живут в разных мирах со своими представлениями о «правильном» и «неправильном», допустимом и недопустимом.

Конфликт культур

Т. Селлин (1896–1994) обратил внимание на криминологическое значение хорошо известных различий ценностей и норм разных культур. Когда представители одной культуры попадают в среду распространения другой культуры возникает конфликт культур, нередко «разрешающийся» путем преступлений. Конфликт норм может возникнуть уже при переселении сельского жителя в город. Намного острее конфликт культур «когда встречаются Запад и Восток или когда горный житель Корсики оказывается в нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка. Конфликт культур неизбежен, если нормы культуры или субкультуры одной зоны перемещаются в другую или сталкиваются с нормами другой зоны»²³⁸.

Конфликт между нормами различных культур может возникнуть: (1) когда эти кодексы сталкиваются на границе смежных культурных зон; (2) когда право одной культурной группы распространяется на территорию другой группы; (3) когда члены одной культурной группы переходят в другую группу.

Отечественным примером такой ситуации может служить уголовный запрет ряда «пережитков местных обычаев» (уклонение от примирения в случаях кровной мести, уплата и принятие выкупа за невесту, двоеженство или многоженство и др. — ст. 231–235 УК РСФСР 1960 г.) в советской России. Практика свидетельствовала о том, что «пережиток» (например, калым — выкуп за невесту) сохранялся вопреки уголовному закону.

В современном мире, при массовых миграционных потоках проблема конфликта культур приобретает все более острый характер²³⁹. Надо ли говорить при этом, что преступления, возникающие из конфликта норм и культур — лишь частный случай преступности?

И снова «напряжение»

Мертон считается продолжателем дюркгеймовской теории аномии и родоначальником теории напряжения. Напомним, что последняя исходит из того, что преступления совершаются в результате не-

возможности индивидов легальным путем достичь провозглашаемых обществом целей, символов успеха. Как уже отмечалось, это — общая позиция и для теории субкультур (А. Коэн, Р. Клауорд, Л. Оулин).

Позднее ряд криминологов попытались дополнить классическую теорию напряжения. Они (R. Agnew, D. Elliot, D. Greenberg, H. Voss) исходили из того, что, хотя напряжение как результат недостижимого успеха действительно является важным криминогенным фактором, однако сам успех далеко не всегда связан с целями и ценностями американского среднего класса²⁴⁰. Так, отмечали они, для подростков важнее сиюминутные ценности (популярность среди сверстников, достижения в спорте, хорошие оценки, наличие сексуального партнера и т.п.). Часть криминологов, участвовавших в дискуссии, считали, что главная потребность подростков — быть независимыми от взрослых. Некоторые критики теории напряжения обратили внимание на то, что к препятствиям в достижении целей относятся не только принадлежность к определенной социальной страте, но и личностные особенности (интеллектуальные, волевые, эмоциональные).

В результате Р. Агню (Agnew) выдвинул Общую Теорию Напряжения (*General Strain Theory*)²⁴¹, согласно которой имеется несколько типов напряжения, вызываемого негативными отношениями с другими людьми, когда с людьми обращаются не так, как им хочется. С точки зрения Р. Агню, три основных типа напряжения (негативных отношений с другими) возникают, когда другие (1) мешают или угрожают мешать индивиду достичь позитивно оцениваемых целей, (2) устраняют или угрожают устранить позитивно оцениваемые стимулы индивида (например — утрата близкого человека), (3) предоставляют или угрожают предоставить индивиду вредные или негативно оцениваемые стимулы (случаи виктимизации, стрессовые события). Р. Агню полагает, что Общая Теория Напряжения очень проста и в своей основе сводится к утверждению: если мы плохо обращаемся с людьми, они могут рассердиться и совершить преступление.

С нашей точки зрения, теория Р. Мертона более социологична, скорее объясняет преступность, тогда как дополнения теории претендуют в большей степени на объяснение индивидуального пре-

²³⁸ Селлин Т. Конфликт норм поведения. В: Социология преступности. С. 282.

²³⁹ Подробнее см.: Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гилянский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

²⁴⁰ Agnew R. Sources of Criminality: Strain and Subcultural Theories. In: Sheley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Wadsworth, 2000, pp. 349–371; Vold G., Bernard T., Snipes J. Theoretical Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, Inc., 1998, pp. 158–178.

²⁴¹ Agnew R. Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency // Criminology. 1992. No 30. Pp. 47–87.

ступного поведения, преступления. Различия в интерпретации «теории напряжения» на индивидуальном и социетальном уровнях отмечал еще F. Cullen (1983).

Теория стигматизации (этикетирования, клеймения, интеракции) — Labeling theory

Г. Беккер (род. 1928) в книге «Аутсайдеры» (1963) произнес фразу, ставшую знаменитой: «Девиянт тот, кому был прикреплен соответствующий ярлык (*label*); девиянтное поведение — это поведение, которое люди так обозначили»²⁴².

Но начнем издалека. Социальный психолог Г. Мид (1863–1931) предложил концепцию символического интеракционизма (взаимодействия). Это понятие распространяется на уникальный, присущий только человеку вид взаимодействия: способность людей «квалифицировать» («трактовать») действия, поступки, поведение других. Применить идеи интеракционизма к криминологии попытался Ф. Танненбаум. Подросток становится плохим, потому что так его называют. Процесс криминализации — процесс наклеивания ярлыков. Этот замкнутый круг есть «драматизация зла»²⁴³. Разорвать порочный круг можно лишь минимизировав навешивание ярлыков. В российском варианте это означает — «не обзывать!». Во избежание «драматизации зла» в западных обществах не принято называть других людей «алкоголиками», «наркоманами», «бандитами», «хулиганами», «проститутками», «двоешниками», «отстающими» и т.п.

Возвратимся к Г. Беккеру. Он разработал модель преступной (вообще девиянтной) карьеры. Человек, особенно молодой, может совершить какой-то неблагоприятный поступок. Если ему это «понравится», совершение аморальных или преступных действий может стать системой. А далее наступает самый существенный этап: арест, административное или судебное разбирательство, наказание, иначе говоря — официальное клеймение индивида как правонарушителя, преступника. С этого момента человек начинает отождествлять себя с присвоенным ярлыком и соответственно поступать. Он теряет статус учащегося или место работы, его начинают сторониться, не принимать в «порядочном обществе», изолировать от общества. Теперь рецидивы преступного поведения становятся ответом на реакцию общества, на давление социального контроля. И если отверженный

не найдет в себе сил выстоять и вернуться к правопослушному поведению, то последним шагом в преступной карьере является вступление заклеянного (стигматизированного) в сообщество себе подобных, в преступную организацию.

Е. Лемерт (1912–1996), развивая взгляды коллег по теории стигматизации, ввел понятия вторичной девиянтности²⁴⁴. «Первичная» — это девиянтные (в т.ч. преступные) действия до акта официального «клеяния», «стигматизации». Вторичная девиянтность развивается после клеймения и как реакция на него. В полном соответствии с идеями Г. Беккера, девиянт (преступник) становится таковым лишь тогда, когда его таким признало общество. Е. Лемерт не претендует на объяснение преступности, он пытается ответить на вопрос, как люди втягиваются в преступную карьеру, какие обстоятельства («стигматизация») способствуют рецидиву. Им выделяется ряд стадий «девиантизации» поведения: (1) первичная девиация; (2) санкция за нее; (3) следующая первичная девиация; (4) более серьезная санкция и отчуждение; (5) очередная первичная девиация с чувством обиды на тех, кто наказывает; (6) формальная акция со стороны общества (его институтов), которое потеряло терпение — официальная стигматизация девиянта; (7) усиление девиянтного поведения как реакция на стигматизацию и наказание; (8) окончательное принятие статуса девиянта и соответствующее поведение. Перефразируя В. Маяковского, «если тебе девиянт имя, имя крепи делами своими»... Для тех же читателей, которые удивятся долготерпению общества (лишь на шестом этапе — формальная стигматизация!), напомним, что девиянтное поведение — не только преступное, это может быть серия прогулов в школу или побегов из дома, неоднократное злоупотребление алкоголем или потребление наркотиков и т.п.

Еще одним приверженцем рассматриваемой теории является Э. Шур, который ввел понятие «преступления без жертв» (потребление алкоголя, наркотиков, занятие проституцией, производство абортотворителей и т.п.)²⁴⁵. Одним из способов сокращения «драматизации зла», стигматизации и «вторичной девиянтности» служит отказ от криминализации и декриминализация таких «преступлений», у ко-

²⁴² Becker H. The Outsiders. The Free Press of Glencoe, 1963, p. 9.

²⁴³ Tannenbaum F. Crime and the Community. NY: Columbia University Press, 1938.

²⁴⁴ Lemert E. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior. NY: McGraw-Hill, 1951.

²⁴⁵ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965. См. также: Шур Э. Наше преступное общество. М.: Прогресс, 1977. С. 267–309.

торых нет непосредственных жертв за исключением самих девиантов — наркоманов, алкоголиков, проституток.

Сторонником рассматриваемой теории является и известный современный немецкий криминолог Ф. Зак. Он считает, что подавляющее большинство взрослого населения современного общества хоть раз в жизни совершает преступление (с точки зрения действующего уголовного закона). Но лишь официальное признание того, что человек совершил преступление, делает его преступником²⁴⁶. Будучи раз стигматизирован как преступник, человек продолжает вести себя соответствующим образом.

В целом теория стигматизации вскрывает существенный пласт взаимоотношений преступника и общества. Страдая, как всякая теория, известной односторонностью, она заставляет задуматься над тем, всегда ли официальная санкция за первое или незначительное правонарушение есть благо. А отсюда ряд практических выводов, имеющих значение и по сей день²⁴⁷:

- необходимо отказаться от криминализации незначительных по своей опасности деяний, а также «преступлений без жертв»;
- для сокращения делинквентности и преступности подростков следует отделить их от традиционной системы уголовной юстиции, предельно сократив в отношении делинквентов формальные санкции, заменяя их неформальными или мягким формальным подходом;
- возможно большее число правонарушителей должно оставаться в своей общине, как можно меньше их должно осуждаться к лишению свободы, которое максимально заменяется альтернативными мерами воздействия.

Мы еще не раз будем возвращаться к этим проблемам, особенно в ч. IV книги.

Теории социального контроля

Сторонники теорий социального контроля (подробнее о нем см. гл. 15 настоящей книги) сосредоточивают внимание на реакции общества на преступность (вообще девиантность) и ответной реакции преступников (девиантов) на давление социального контроля.

²⁴⁶ Sack F. Neue Perspektiven in der Kriminologie. In: Sack F., König R. (Hrsg.) Kriminalsoziologie. Wiesbaden, 1968.

²⁴⁷ См.: Шнайдер Г.И. Криминология. Указ. соч. С. 343–344.

А. Рейсс (1951), Ф. Най (F. Nye, 1958), М. Гоулд (1963) исходили из роли социального контроля в противостоянии девиантному, преступному поведению. Они считали, что законопослушному, конформному поведению следует обучать. При успешной семейной социализации человек не будет совершать противоправные деяния. Внутренний контроль (самоконтроль) хорошо социализированного индивида намного эффективнее внешнего, формального контроля.

Г. Сайкс и Д. Матза (1957)²⁴⁸ обратились к реакции правонарушителя на предъявляемые требования. По их мнению, во избежание санкций девианты прибегают к различного рода самооправданию, «нейтрализации», причем средства самооправдания черпают из норм самого общества. Г. Сайкс и Д. Матза выделяют пять типов нейтрализации:

- 1) отрицание ответственности (правонарушитель сам жертва обстоятельств);
- 2) отрицание вреда (никто не пострадал — автомобильная кража лишь «позаимствование», а драка членов шайки — их личное дело);
- 3) отрицание наличия жертвы (потерпевший «сам виноват», «он такой»);
- 4) осуждение осуждающих (грибоедовское «а судьи кто?»);
- 5) ссылка на высшие соображения (деяние во имя дружбы, чтобы не быть предателем).

Кроме того, Д. Матза считает, что молодой человек из низших слоев имеет возможность лавировать, «дрейфовать» (отсюда — концепция «дрейфа») между различными социальными нормами, осуждающими и допускающими те или иные формы поведения. Большинство делинквентов, став взрослыми, перестают «дрейфовать», переходя ко вполне конформному (законопослушному) поведению²⁴⁹.

По мнению В. Реклесса и С. Шохэма (1963), нейтрализация нередко основана на эрозии социальных норм: «нормальность» потребления алкоголя, допустимость внебрачных половых связей, распространенность магазинных краж и т.п.

Т. Хирши в своей книге 1969 г. заметил «мы все животные и потому все естественно способны совершать преступления»²⁵⁰. Преступления совершаются в результате ослабления социальных связей. Противостоять этому могут тесные узы, связи социальных групп, таких как се-

²⁴⁸ Sykes G., Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review, 1957. No 22. Pp. 664–670.

²⁴⁹ Matza D. Delinquency and Drift. NY, 1964.

²⁵⁰ Hirschi T. Causes of Delinquency. Berkeley: University of California Press, 1969, p. 31.

мья. Т. Хирши называет наиболее важные элементы социальных связей: привязанность (симпатии), обязательства (ангажированность), вовлеченность, вера (убежденность). Свою концепцию социальных связей Т. Хирши обосновывает на материале проведенных им эмпирических исследований (опрос-самоотчет 5,5 тыс. учащихся городских школ в Сан-Франциско). Основным результатом опроса: чем теснее подросток связан с родителями, чем успешнее его учеба в школе, чем больше он вовлечен в конформные виды деятельности, тем меньше шансы стать правонарушителем. И наоборот.

Теории конфликта

Под этим названием объединяется значительный круг криминологических концепций, берущих начало от социологических теорий конфликта, связанных с именами К. Маркса, Г. Зиммеля (1858–1918), Р. Дарендорфа (р. 1929), Л. Козера²⁵¹. Их общая суть — вскрытие конфликтной природы социального бытия в отличие от структурно-функционального подхода (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.), тяготеющего к порядку, равновесию, устойчивости.

По определению Л. Козера, конфликт — это такое поведение, которое влечет за собой борьбу между противными сторонами из-за дефицитных ресурсов и включает в себя попытки нейтрализовать, причинить вред или устранить противника²⁵².

Криминологи, придерживающиеся теорий конфликта, также считают, что «конфликт есть естественное состояние человеческого общества»²⁵³.

Одной из первых криминологических теорий конфликта была концепция конфликта культур Т. Селлина, о чем говорилось выше.

Дж. Волд разработал теорию группового конфликта (1958). Каждый индивид и каждая социальная группа стараются сохранить или повысить свой статус. В результате возникают конфликты, нередко порождающие преступления. С точки зрения Дж. Волда, «преступность есть феномен, обязательно сопровождающий социальные и политические конфликты, ведущиеся с целью удержания или улучшения позиций групп в борьбе за власть в обществе»²⁵⁴.

²⁵¹ Подробнее см.: Тернер Дж. Структура социологической теории. М: Прогресс, 1985. С. 125–218.

²⁵² Coser L. The Functions of Social Conflict. L.: Free Press of Glencoe, 1956, p. 8.

²⁵³ Williams III F., McShane M. Criminology Theory. Ibid. P. 205.

²⁵⁴ Шнайдер Г.И. Криминология. Указ. соч. С. 296.

Более общая теория конфликта разработана О. Тэрком (р. 1934)²⁵⁵ и Р. Куинни (р. 1934)²⁵⁶. В обществе постоянно идет борьба за власть. В этой борьбе властные структуры используют криминализацию (провозглашение тех или иных действий преступными) в целях давления и подавления. «Криминализация — это скорее методика ослабления позиций противника, чем основанная на справедливости будничная работа по поддержанию контроля за преступностью»²⁵⁷. В руках властной структуры орудием борьбы выступает не только процесс криминализации нежелательных, с ее точки зрения, деяний, но и реализация уголовного запрета. И этот процесс носит избирательный характер: уголовный закон применяется против неугодных лиц и «молчит», когда дело касается «своих» («селективность» полиции и уголовной юстиции).

Теория конфликта, по Р. Куинни, базируется на представлении о человеке и обществе как процессе, конфликте, власти и социальном действии. Конфликт между людьми, социальными структурами или элементами культуры является нормальным состоянием общественной жизни. Опыт учит, что мы не можем достичь согласия по всем или большинству ценностей и норм. Конфликт выполняет вполне определенные социальные функции, он делает больше для возрастания, чем для уменьшения адаптации и упорядочения социальных связей и групп. Власть есть базовая характеристика социальной организации. Конфликт и власть тесно переплетены в общественных представлениях. Преступление, с точки зрения Р. Куинни, это определение человеческого поведения, создаваемое уполномоченными агентами политической организации общества. «Преступление есть творение» (crime is created), подчеркивает он²⁵⁸. Социальная же реальность преступления есть сконструированное путем формулирования и применения уголовное определение (состав преступления — Я.Г.), развитие поведенческих образцов (pattern), соответствующих этим определениям, и конструкция уголовных концепций.

«Ни мечты о земном рае, ни призраки земного ада не отражают адекватно социальных реалий. Напротив, реальная социальная жизнь является постоянным напряжением между утопизмом и реализмом»²⁵⁹, пишет А. Тэрк. Он трезво оценивает роль власти, кон-

²⁵⁵ Turk A. Criminality and Legal Order. Chicago: Rand McNally, 1969.

²⁵⁶ Quinney R. The Social Reality of Crime. Boston: Little, Brown & Co, 1970.

²⁵⁷ Шнайдер Г.И. Там же. С. 298.

²⁵⁸ Quinney R. The Social Reality of Crime. In: Williams III F., McShane M. Ibid. P. 217.

²⁵⁹ Turk A. Political Criminality. In: Williams III F., McShane M. Ibid. P. 261.

фликта, политической преступности. (Возможно, именно он является родоначальником криминологии политической преступности, которая в России начинает формироваться в последнее время). Ключ к пониманию процесса политической организации на социетальном уровне лежит в анализе взаимосвязей между политической преступностью и политической полицией. «Политическая преступность становится понятной как социально определяемая реальность, продуцируемая конфликтом между людьми, которые претендуют на власть, и людьми, которые сопротивляются или могут сопротивляться этим субъектам»²⁶⁰. Этими словами заканчивается цитируемая работа А. Тэрка. Заканчивается и наш краткий анализ основных направлений «модернистской», теперь уже почти «классической», криминологии.

§4. Современные криминологические теории. Постмодернизм.

Очень трудно провести границы между достаточно современными криминологическими теориями 1960-х — 1970-х гг., рассмотренными (и не рассмотренными) выше, и «самыми современными», в том числе постмодернистскими, теориями. Неслучайно авторы зарубежных учебников и специальных исследований²⁶¹ очень по-разному относят те или иные концепции к «критической» и/или «радикальной» криминологии, к постмодернизму. Здесь еще много не устоявшихся оценок.

Все же нельзя совершенно уклониться хотя бы от самого общего обзора «самого современного» состояния мировой криминологической мысли, сколь бы спорным ни оказались наши собственные оценки²⁶².

Предварительно заметим, что новейшую критическую (радикальную), а тем более постмодернистскую криминологию характеризуют:

- весьма критическое отношение ко всем предшествующим теориям;
- весьма критическое отношение к современным общественным, политическим, властным структурам и отношениям;
- социальные структуры, социально-экономическое неравенство служит источником преступности;
- радикально релятивистский подход к самим понятиям «преступность» и «преступление», как социальным (политическим) конструктам;
- нередко — обновление методологического инструментария.

Пожалуй, определенной вехой возникновения «радикальной» криминологии служит книга трех английских авторов — Я. Тэйлора, П. Уолтона и Дж. Янга — «Новая криминология» (1973)²⁶³. В ней обобщаются критические теории, отчетливо просматривается неомарксистская критика современного общества, при этом не отвергается с порога «буржуазная» криминология. Преступление определяется как причинение социального вреда. Правонарушитель сам рассматривается как двойная жертва — общества и уголовной юстиции. Последняя критикуется как отражение существующего господства. Авторы исходят из того, что важным криминогенным (вообще «девиантогенным») фактором является неравенство возможностей, присущее современному капиталистическому обществу. Неравенство возможностей в свою очередь является результатом неравенства классового, полового или этнического. Авторы называют это «политической экономикой преступности». В этих условиях люди более или менее сознательно делают выбор, который может оказаться преступным (девиантным) — «социальная психология преступности». Но возможность выбора принадлежит не только индивиду, но и обществу (государству), которое может криминализировать ту или иную поведенческую реакцию и заклеить ее автора («социальная психология общественной реакции»). Иначе говоря, Я. Тэйлор, П. Уолтон и Дж. Янг пытались объяснить преступность и преступление на различных уровнях, выстраивая систему детерминирующих факторов. По словам В. Айнштадтера и С. Генри, «вместо взгляда на некоторых людей как «плохие яблоки» или как причиняющих другим яблокам вред, критические криминологи видят в обще-

²⁶⁰ Ibid. P. 262.

²⁶¹ Nelken D. (Ed.) *The Futures of Criminology*. SAGE Publications, 1994; Swaaningen van R. *Critical Criminology. Visions from Europe*. SAGE Publications Ltd, 1997.

²⁶² См.: Гишинский Я. Некоторые тенденции мировой криминологии // *Российский ежегодник уголовного права*. № 6. 2012. СПб ГУ, 2013. С. 8–31; Комлев Ю.Ю. *Интегративная криминология: девиантологический очерк*. Казань: КЮИ МВД РФ, 2016; Сморгунова А.Л. *Современная зарубежная криминология: критическое направление*. СПб.: РГПУ, 2005.

²⁶³ Taylor I., Walton P., Young J. *The New Criminology: For a Social Theory of Deviance*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973.

стве «плохую корзину», в которой все больше яблок будет портиться... Решение — только в новой корзине»²⁶⁴.

Позднее Я. Тэйлор продолжал вскрывать экономические и политические предпосылки преступности в современном мире «свободного рынка»²⁶⁵. Он не скрывает социалистические корни своих криминологических взглядов²⁶⁶. Пользуясь случаем отдать дань светлой памяти Яна Тэйлора, много сделавшего для восстановления и упрочения научных связей между криминологами городов-побратимов — Санкт-Петербурга и Манчестера.

Имя Дж. Янга еще не раз будет упоминаться, в частности, в связи с концепцией «inclusive/exclusive» и «культуральной криминологией».

Р. Куинни (Quinney) и В. Чемблисс (Chambliss) рассматривают правопорядок в современном западном обществе как систему, созданную классом капиталистов для обеспечения своих интересов. Для финской исследовательницы И. Анттилы (равно как для А.М. Яковлева) преступники в современном обществе служат «козлами отпущения».

Достаточно радикальны и взгляды некоторых современных немецких криминологов. М. Брустен настойчиво проводит мысль о селективности уголовной юстиции и применении ею уголовных санкций, подтверждая это результатами эмпирических исследований в ГДР, ФРГ, Австралии. Иначе говоря, «Полиция в первую очередь применяет законы, направленные против бедняков и не причастных к власти, тех, кого можно подавлять, не встречая сопротивления»²⁶⁷.

Ф. Зак ставит под сомнение обоснованность имеющихся определений преступления и преступности. Он предлагает анализировать предмет криминологии с точки зрения различных дискурсов (о роли дискурсивного подхода в криминологии см. ниже). Ф. Зак усматривает значительную зависимость криминологии и ее различных теорий от политических властных структур. Он негативно относится к современным мировым тенденциям глобализации и «экономизации» жизни и сознания. «Примат экономики губителен для общества в целом и криминологии в частности... В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании

поведения»²⁶⁸. Поэтому усиливается репрессивная политика и сознание: богатым надо максимально защищать свою собственность, свои привилегии.

Авторы «Новых направлений в социологической теории» — П. Филмер, М. Филипсон, Д. Силверман, Д. Уолш, будучи сторонниками феноменологического направления в социологии, не могли не затронуть проблемы девиантности и преступности. Их основная идея — конвенциональный характер и девиантности, и преступности. С их точки зрения, отклонение «не внутренне присущее тому или иному действию качество, а следствие соотношения действий с правилами и применения санкций к нарушителю... Социальное отклонение — это в значительной степени приписываемый статус, в нем фиксируются не только поступки самого отклоняющегося индивида, но и действия окружающих его людей»²⁶⁹.

Соответственно и «преступление (и преступник) — не «объективная» категория действия (и действующего лица), причины которого могут быть изучены, а совокупность обыденных социальных значений, используемых членами общества для обозначения некоего рода действий и лиц... Штампование «преступников» — это в прямом смысле слова социальная работа, она есть продукт практической деятельности некоторых организаций, отражающий и поддерживающий представления их сотрудников о социальной структуре»²⁷⁰. Как юридическая категория, преступление — это то, что нарушает закон. «И в этом смысле единственной причиной преступления является сам закон»²⁷¹.

«Левый реализм» (left realism), как и два предыдущих течения, родился в Англии. Его сторонники (прежде всего, Дж. Мэтьюз и Дж. Янг) исходят из того, что не только среди преступников, но и в числе жертв преступлений большинство составляют представители низших классов, рабочие, те, кто также страдает от неравенства. Поэтому, именно исходя из их интересов, следует усиливать борьбу с преступностью. Преступность нарушает качество городской жизни (Matthews, 1987). Более полное представление о преступности включает взаимосвязь преступника и жертвы, а также их обоих с пред-

²⁶⁴ Einstadter W., Henry S. Criminological Theory: An Analyses of Its Underlying Assumption. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1995, p. 227.

²⁶⁵ См., напр.: Taylor I. (Ed.) The Social Effects of Free Market Policies. Harvester Wheatsheaf, 1990.

²⁶⁶ Taylor I. Crime, Capitalism and Community: Three essays in socialist criminology. Toronto: Butterworths, 1983.

²⁶⁷ Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 215.

²⁶⁸ Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. № 1. С. 98, 99.

²⁶⁹ Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. С. 98, 99, 101.

²⁷⁰ Там же. С. 98, 286.

²⁷¹ Там же. С. 97.

ставителями уголовной юстиции. И левые реалисты, и «радикалы» критикуют «административную криминологию», которая, отвлекаясь от причин преступности, сосредотачивается на мерах социального контроля над ней²⁷². Не оставляли левые реалисты и надежду на «социалистические преобразования» как предпосылку снижения преступности.

Родословная феминизма в криминологии (*Dorie Klein, Rita Simon, Freda Adler, Carol Smart*) включает феминистское движение, критическую криминологию, а также интерес к изучению женской преступности. Различают несколько направлений криминологического феминизма: либеральный, радикальный, марксистский, социалистический. Если либеральный феминизм на вопрос, в чем причина преступности, скромно отвечает — в социализации по полу (в ее особенностях), то радикальный утверждает: «преступления — мужское, не женское поведение. Это мужская биологическая природа — быть агрессивным и господствовать»²⁷³.

Если идеологическая составляющая феминизма в криминологии общая для феминистского движения вообще, то акцентирование внимания на исследовании женской преступности вносит достойный вклад в науку. Подробный анализ феминистской криминологии представлен в вышеназванной монографии А.Л. Сморгуновой²⁷⁴.

Как относительно самостоятельное течение в криминологии иногда рассматривают *аболиционизм*. Его последователи (прежде всего, норвежские криминологи *Т. Матисен, Н. Кристи*, а также голландец *Л. Хулсман*, американец *Х. Пепинский*, канадка *Р. Моррис*, поляк *М. Платек* и др.) выступают против современной пенитенциарной (тюремной) системы, за альтернативные уголовной юстиции меры социального контроля.

Конечно, наиболее здравые из них понимают, что немедленная отмена лишения свободы — утопия. Но стремиться к этому надо. Тюрма никого не исправляет, а ломает личность и способствует повышению криминальной профессионализации. Наличие значительной доли бывших заключенных в популяции приводит к «призонизации» («отюрьмовлению») сознания и поведения всего населения. Поэтому главное — поиски и реализация, внедрение на практике

²⁷² Young J. Radical Criminology in Britain: The Emergence of a Competing Paradigm // *British Journal of Criminology*. 1998. Vol. 2. No 2.

²⁷³ Lanier M., Henry S. *Essential Criminology*. Westview Press, 1998, p. 273.

²⁷⁴ Сморгунова А.Л. Указ. соч. С. 82–103.

мер, альтернативных лишению свободы. Фирменный значок аболиционистов — перечеркнутая тюремная решетка, по образцу дорожного знака «Запрещено».

Первая аболиционистская конференция — ICOPA (*International Conference On Penal Abolition*) состоялась в 1983 г. в Торонто, вторая — в Амстердаме (1985), третья — в Монреале (1987), четвертая — в Польше (Казимир Дольный, 1989), пятая в Блумингтоне (США, 1991), шестая — в Коста-Рике (1993), седьмая в Барселоне (1995), восьмая — в Окленде (Новая Зеландия, 1997). Автор этих строк принимал участие в пятой, седьмой и восьмой конференциях. На конференции в Блумингтоне я удивился (российский менталитет!) тому, что многие действующие прокуроры и судьи выступали в поддержку идей аболиционизма. А в Окленде мы познакомились с практикой *restorative justice* («восстановительная юстиция») среди маори — аборигенов Новой Зеландии²⁷⁵.

Х. Пепинский, наряду с *Р. Куинни* являются основателями «миротворческой криминологии» (*peacemaking criminology*). Их усилия направлены на то, чтобы традиционную «войну с преступностью» заменить на «мир с преступностью»²⁷⁶ (что отнюдь не означает оправдания преступлений, речь идет о выработке оптимальной стратегии противодействия преступности). Эскалация преступности, особенно насильственной, в современном мире связана с эскалацией насилия со стороны государства, с институтом смертной казни и жесткими условиями пенитенциарных учреждений. Да, преступники причиняют зло, но если мы хотим изменить мир, мы должны начать с изменения самих себя.

«Система уголовной юстиции основана на насилии. Эта система предполагает, что насилие может оборачиваться насилием, зло влечет зло»²⁷⁷.

Миروتворческую криминологию нередко обвиняют в нереалистичности, утопичности. Однако ее идеи приобретают все больше сторонников, причем не только среди ученых, но и практических работников (судей, прокуроров, полицейских). Неслучайно в официальном докладе Американской национальной комиссии по уголовной юстиции (1996)

²⁷⁵ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Судебно-правовая реформа, 1998; Considine J. *Restorative Justice. Healing the Effects of Crime*. Lyttelton (NZ): Ploughshares Publications, 1993.

²⁷⁶ Pepinsky H., Quinney R. (Eds.) *Criminology as Peacemaking*. Bloomington: Indiana University Press, 1991.

²⁷⁷ Ibid. P. 12.

предлагается перейти от стратегии «войны с преступностью» (*war on crime*) к стратегии «меньшего вреда» (*harm reduction*).

Постмодернизм

Постмодернизм в науке и искусстве — очень широкое, очень «модное» и не строго очерченное явление. «Постмодернизм и постструктурализм — сложны для определения и понимания»²⁷⁸, сетует один из их исследователей.

С моей точки зрения, принципиально важно различать *постмодерн* — как современную цивилизацию, стадию развития человечества с весьма специфическими особенностями (глобализация, виртуализация, фрагментаризация, консьюмеризация, «ускорение времени» и др.) и *постмодернизм* — как современные направления в науке и искусстве.

Постмодернизм зарождается во второй половине XX в. как реакция на крушение иллюзий и мифов относительно человеческого разума, порядка, прогресса, развеянных страшными реалиями Освенцима, Холокоста, ГУЛАГа и т.п. Основоположниками постмодернизма обычно называют Ж. Лиотара и М. Фуко, хотя последний не считал себя постмодернистом.

Постмодернизм характеризуется интенсивным скептицизмом по отношению к науке, релятивизацией всех знаний.

Релятивны (относительны) и являются социальными конструктами — ценности, нормы, то, что называют преступностью, а также само общество как источник преступлений. Преступления причиняют вред, но он порождается и всей рутинной практикой, социальными институтами, такими как труд, бюрократия, правительство, право и семья. Знания и «истина» также социальные конструкты. Одна из главных причин конфликтов и зла в обществах — результат вложения человеческой энергии в «дискурсивные различия»²⁷⁹, веры в их реальность, защиты их и навязывания их другим.

Постмодернизм отражает переход от классовой структуры к обществу фрагментарному. Но чем более фрагментарно общество, тем больше в нем нормативных субкультур (а, следовательно, и вариан-

²⁷⁸ Bohm R. A Primer on Crime and Delinquency. Belmont: Wadsworth, 1997, p. 134.

²⁷⁹ Дискурс — определенная область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих установок для многих людей. Дискурсы изменяются со временем, а также от культуры к культуре. Так, по М. Фуко, меняется дискурс безумия: сперва безумец воспринимается как мудрец, провидец, затем — как преступник, позднее — больной.

тов «отклонений»). И кто вправе судить, чьи нормы «правильнее» и что тогда есть «отклонения»?

На сегодняшний день лучшей отечественной работой, специально посвященной постмодернизму в праве, является книга И.Л. Честнова «Правопонимание в эпоху постмодерна»²⁸⁰. Обратимся к некоторым характеристикам постмодерна, представленным в ней.

«Постмодерн выступает, прежде всего, рефлексией, критической позицией относительно эпохи модерна и показывает, что индустриальное общество достигло пределов своего развития и дальнейшее экспоненциальное его развитие невозможно — оно неизбежно приведет к глобальной катастрофе. Постмодерн ставит под сомнение такое исходное основание эпохи модерна, как вера во всемогущество человеческого разума, в его возможность познать абсолютную истину и на этой основе преобразовать весь мир»²⁸¹. Критицизм постмодерна распространяется и на представления о праве, демократии, привычном правовом понимании. Главные проявления постмодернизма, по мнению И.Л. Честнова, — релятивизм как взгляд на мир, отказ от истины, новое представление о социальной реальности²⁸². Отсюда и присущая постмодернизму ироничность²⁸³. (Ироничность как необходимое условие деятельности исследователя, ученого отмечалось еще в 1975 г. В.С. Библером: «Постоянная ирония восприятия и делания пронизывает все сознание исследователя... Теоретик Нового времени встает над этой своей деятельностью, он необходимо ироничен, гиперкритичен, отстранен от своей собственной деятельности, он должен — хочет, не хочет — учить и свою роль «дурака», и роль «шута», и роль «мудреца»»²⁸⁴).

Постмодернисты рассматривают связи между человеческой активностью и языком в конструировании значений, истины, справедливости, власти, знаний.

Основная претензия постмодерна к модерну заключается в том, что последний вел скорее к угнетению, чем к освобождению. «Долж-

²⁸⁰ Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб.: ИВЭСЭИП, 2002. См. также: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алет-Пресс, 2012.

²⁸¹ Честнов И.Л. Правопонимание... С. 3.

²⁸² Там же. С.11.

²⁸³ См., напр.: Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

²⁸⁴ Библер В.С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.: Изд-во политической литературы, 1975. С. 252, 268.

на ли социология, наряду с другими типами гуманитарного знания участвовавшая в создании бентамовского Паноптикаона, — т.е., в конечном счете, всеобщей тюрьмы, — с прежним миссионерским жаром взяться за построение всеобщего постмодернистского Бедлама?», — вопрошает З. Бауман²⁸⁵.

Различают постмодернизм скептический и утверждающий. Стронники первого сосредоточены на отрицании, критике предшествующих постмодернизму представлений о социальных реалиях, включая преступность. Представители второго стремятся к «реконструкции», переоценке, «перестройке» знаний и представлений об изучаемых феноменах.

Хотя М. Фуко, как уже упоминалось, сам не относил себя к постмодернистам, его идеи явно находятся в русле постмодернистских концепций. Девиантность относительна. В Древней Греции, да и в Древнем Риме «нормальна» как гетеро-, так и гомосексуальность.

В книгах «История безумия» (1961), «Рождение клиники» (1963), «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» (1975) М. Фуко исследует преступность, проституцию, бродяжничество, нищету, безработицу, сумасшествие в контексте власти. Книги М. Фуко представляют «через посредство изучения мира отклонений, далеко идущие разоблачения условностей и механизмов в нашем совершенно нормальном обыденном обществе»²⁸⁶. В конечном счете, новая дисциплинарная общественная формация с ее всеохватывающей дисциплинарной властью ассоциируется с тюрьмой. Этот образ «общество-тюрьма» не раз будет повторяться в исследованиях современных зарубежных и отечественных авторов²⁸⁷.

М. Фуко сам был «девиантом»: творцом, разрушителем привычных догм в науке, да и «сомнительной» сексуальной ориентации. «Мы имеем дело с аутсайдером, который пошел собственным путем, который перевернул привычные представления и условности. В этом смысле его жизнь и творчество представляют единое целое»²⁸⁸. Да, пожалуй, и смерть: М. Фуко стал одной из первых жертв СПИД'а.

²⁸⁵ Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. L.: Routledge, 1992.

²⁸⁶ Линдгрэн Свен-Оке. Мишель Фуко и история истины. В: Монсон Пер. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992. С. 356.

²⁸⁷ Wacquant L. *Deadly Symbiosis. When Ghetto and Prison meet and mesh // Punishment and Society*. Vol. 3. № 1. 2001. Pp. 95–133; Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001; Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». СПб.: Алетейя, 2014.

²⁸⁸ Линдгрэн Свен-Оке. Указ. соч. С. 372.

Одной из «классических» постмодернистских работ является книга Э. Янг, название которой весьма условно можно перевести как «Образ преступления: Человек, объявленный вне закона и криминальные беседы»²⁸⁹. Автор рассматривает преступление как понятие, используемое работниками уголовной юстиции, криминологами, социологами, политиками, журналистами (различные дискурсы). К исследованию проблемы привлекается материал философский, литературоведческий, криминологический, феминистский и др. В соответствии с постмодернистским подходом, Э. Янг сосредоточивает внимание на «материальной» роли языка в изображении преступления посредством метафор, символов и т.п. Одна из ее задач — показать репрессивность понятия общности. Нарушителя («человека вне закона») следует исключить из общества. Для Дюркгейма общность двойственна — общность горожан, она же общность правонарушителей. Э. Янг интересуется структурой этой двойственности и тем, как она влияет на создание образа преступления. Другая тема — феминистическая. Автор исследует проблему семьи, одинокой матери, которая оказывается единственным лицом, ответственным за преступления детей. Казалось бы, медицинские проблемы больных СПИД'ом и ВИЧ-инфицированных Э. Янг рассматривает с юридико-криминологических позиций (их положение в пенитенциарных учреждениях, лишение их страховых полисов и др.). Одна из задач автора — «делать невидимое видимым». Это она пытается достичь и с помощью анализа детективной литературы. Для Э. Янг, как представительницы постмодернизма (в феминистическом варианте), и история, и культура — открытые тексты, позволяющие бесконечно по-разному их прочитывать. Она призывает читателя «прочитать криминологию не криминологически».

Переоценка всего и вся, «реконструкция» и «перестройка» заставляют постмодернизм существенно переосмысливать саму методологию исследования. Как уже упоминалось в гл. 1, постмодернизм в криминологии обращается к таким общенаучным концепциям, как теория хаоса, теория катастроф, синергетика, квантовая механика, к таким понятиям, как «странный аттрактор», бифуркация. Не имея возможности сколь либо подробно изложить методологические основы постмодернизма, отсылаем заинтересованного читателя к соответствующей литературе²⁹⁰.

²⁸⁹ Young A. *Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations*. SAGE Publications, 1996.

²⁹⁰ Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. NY-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

Одной из разновидностей постмодернизма является *конститутивная криминология*²⁹¹. Ее суть заключается в том, что преступление и контроль над ней не могут быть отделены от тотального (всеобщего) структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются. Это утверждение противостоит мнению традиционной криминологии о возможности самостоятельного (раздельного) анализа преступлений, независимо от контекста. Преступность — интегральная часть тотального продукта общества. Поэтому криминологический анализ преступности должен осуществляться в общей социальной картине, наравне с другими составляющими общества. И это непростая задача.

Преступление — социально сконструированная категория. «Право — это игорный дом властей, преступление — их мышеловка»²⁹².

Конститутивная криминология переосмысливает преступление как вредные последствия вложения человеческой энергии во властные отношения. Преступление — это «власть отрицать других». Такие человеческие беды как «преступления» вытекают из отношений неравенства. В современных индустриальных странах Запада зло группируется вокруг следующих различий: экономических (класс, собственность), политических (власть, коррупция), морально-этических, прав человека, социального статуса (статус, престиж, неравенство), психологического состояния (безопасность, благополучное существование), самореализации / актуализации, биологической целостности и др.²⁹³

Д. Гарланд (David Garland), не относясь, строго говоря, к постмодернистам, продолжает линию М. Фуко, исследуя роль власти в определении стратегии социального контроля²⁹⁴. Д. Гарланд увязывает социальные изменения последних десятилетий, сконцентрированные в изменяющейся культуре, новые вызовы среднего класса (middle class), обеспокоенного преступностью с противоречивой политикой властей. С одной стороны, это адаптивная стратегия приоритета превенции и партнерства (разновидностью является кон-

цепция community policing, о которой пойдет речь в ч. IV). С другой стороны, стратегия полномочного государственного контроля и «экспрессивного» (*expressive*) наказания²⁹⁵. Д. Гарланд говорит о кризисе «модернистского» наказания, продолжая и развивая тему «кризиса наказания», его неэффективности²⁹⁶. Он обосновывает «новую культуру контроля над преступностью» (*new culture of crime control*), которая предполагает, в частности, систему «благополучного наказания» (*penal-welfare system*); сокращение сферы деятельности уголовной юстиции; направление на ресоциализацию, адаптацию виновного; индивидуализацию наказания и др.²⁹⁷

Если произнесено слово «культура», нельзя не сказать о «культуральной криминологии», которую развивают, прежде всего, Дж. Янг (Jock Young)²⁹⁸, а также Дж. Феррел (J. Ferrel), К. Хейворд (K. Hayward)²⁹⁹, Д. Гарланд и др.

Культуральная криминология представляется одним из последних достижений мировой криминологической теории. Нельзя сказать, что ее положения абсолютно оригинальны. Но важно, что преступность еще и еще раз воспринимается как элемент культуры, со всеми вытекающими следствиями.

Для лучшего понимания идей культуральной криминологии, следует напомнить, что «культура» выступает здесь не в привычном для российского читателя исключительно «позитивном» смысле, как нечто положительное, включающее достижения мировой (национальной) цивилизации, науки и искусства (отсюда бытовизмы: «культурный человек», «высокая культура», «культурное поведение»), а как способ существования общественного человека³⁰⁰. Способ существования, результатами которого являются как «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, так и современные граффити или надписи на заборе, как труды А. Эйнштейна, так и школьные шпаргалки, как возвышенная любовь, так и порнография, как подвиг, так и преступление (вспомним «Преступление и кара, подвиг и награда» П. Сорокина).

²⁹⁵ Garland D. The Culture of High Crime Societies. Ibid. P. 348.

²⁹⁶ Garland D. The Culture of Control. L.c. Pp. 53–55.

²⁹⁷ Там же. С. 167–182.

²⁹⁸ Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Oxford University Press, pp. 102–121.

²⁹⁹ Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008.

³⁰⁰ Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969; Он же. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

²⁹¹ Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. SAGE Publications, 1996.

²⁹² Ibid. P. 117.

²⁹³ Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Ibid. P. 283.

²⁹⁴ Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. No 3. Pp. 347–375; Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. — Oxford University Press, 2003.

В самом общем виде «культуральная криминология» есть рассмотрение и преступности, и контроля над ней в контексте культуры, взгляд на преступность и агентов контроля как на культуральные продукты, созданные конструкции (*as creative constructs*)³⁰¹. В этом отношении культуральная криминология, с нашей точки зрения, есть дальнейшее углубленное развитие современных конструктивистских идей «сотворенности» социальных феноменов (преступности, проституции, коррупции, терроризма, наркотизма и др.). Очень важно, особенно для российского читателя, что не только преступность, но и формы, методы социального контроля суть порождение одной культуры. Это многое объясняет как в трендах российской преступности, так и в удивительной репрессивности российской уголовной политики, включая систему наказания и правоприменительную деятельность.

Тенденциями современной культуры, влекущими криминологически значимые последствия, служат фрагментаризация общества с увеличением числа субкультур, углубление социально-экономического неравенства, консьюмеризация ценностей и морали («общество потребления»)³⁰², динамичность перемещения людей в пространстве (соответственно — смешение культур), усиление репрессивного сознания (прежде всего — среднего класса), репрессивность власти.

Д. Янг является одним из тех криминологов, которые применяют социологическую концепцию дифференциации людей на «включенных» / «исключенных» (*inclusion / exclusion*) для объяснения преступности в современном мире³⁰³. Но об этом подробнее в гл. 5.

Культуральная криминология по сути является мультидисциплинарной концепцией, сочетающей исследование культуры, урбанистики, философии, постмодернистской критической теории, антропологии и др. Очевидно, это одна из интегративных теорий, к краткому анализу которых мы и перейдем.

Множество криминологических теорий и обширный эмпирический материал привели с конца 70-х гг. прошлого века к попыткам

создания обобщающих, интегративных теорий, на основе наиболее плодотворных элементов уже существующих³⁰⁴. Характерно, что практически все интегративные (да и многие другие) криминологические теории исходят из единого объяснения девиантности, включая преступность.

М. Ланье и С. Генри различают два вида интеграции: модернистскую и «холистскую» (холизм предполагает рассмотрение общества как единого целого, как системы)³⁰⁵. Теоретическая интеграция представляет собой комбинацию из двух и более уже существующих теорий. Например, интегративная теория может ориентироваться на теорию научения, используя при этом теорию социального контроля с учетом влияния классовой структуры и социальной экологии. Так, Р. Эйкерс (*Akers*) в своей концепции «поглощения» заимствует понятия теории научения и теории социального контроля, переосмысливая их по-своему. Аналогично Ф. Пирсон и Н. Вайнер на основе тех же теорий (научения и контроля) создают свою интегративную концепцию.

Д. Эллиот (1979) с коллегами, пытаясь объяснить делинквентность подростков, построил интегративную теорию на основе теории напряжения, контроля и социального научения. В конечном итоге делинквентное поведение объяснялось через напряжение и неадекватную социализацию, которые приводят к ослаблению разрешенных связей и к усилению делинквентных связей с учетом процесса социальной дезорганизации³⁰⁶.

К интегративным относится и теория «баланса контроля» Ч. Титтла (*Tittle*)³⁰⁷. Прежде всего Ч. Титтл подчеркивает взаимосвязи девиантности и преступности. Общая теория девиантности должна быть применима ко всем девиантным проявлениям. Баланс контроля предполагает соотношение (пропорции) суммарного количества того контроля, который оказывают индивиды, и того контроля, который оказывается по отношению к ним. При нарушении баланса контроля появится дефицит свободы. Для подтверждения и конкретизации теории баланса контроля требуются

³⁰¹ Maguire M., Morgan R., Reiner R. Ibid. P. 102. Presdee M. *Cultural Criminology and the Carnival of Crime*. Routledge, 2000. Из российских авторов см.: Библик О.Н. Введение в культурологию уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2012.

³⁰² Подробнее в: Девиантность в обществе потребления / Ред. Я. Гишинский, Т. Шипунова. СПб.: Алет-Пресс. 2012; Hall S., Winlow S., Angrum C. *Criminal Identities and Consumer Culture: Crime, exclusion and the new culture of narcissism*. Willan Publishing, 2008.

³⁰³ Young J. *The Exclusive Society*. SAGE, 1999.

³⁰⁴ Barak G. *Integrating Criminologies*. Allyn and Bacon, 1998; Taylor S. *Crime and Criminality. A multidisciplinary approach*. L. NY: Routledge, 2016.

³⁰⁵ Lanier M., Henry S. *Essential Criminology*. Ibid. P. 289–293.

³⁰⁶ См. подробнее: Vold G., Bernard T., Snipes J. Ibid. Pp. 301–303.

³⁰⁷ Tittle Ch. *Control Balance: Toward a General Theory of Deviance*. Boulder: Westview Press, 1995.

ся многочисленные эмпирические исследования, — утверждает Ч. Титтл. Только тогда можно будет показать, как пропорции контроля варьируют в зависимости от обстоятельств и широкого социального контекста.

Несколько амбициозно представляет Дж. Брейтуэйт свою интегративную теорию «восстановленного стыда»³⁰⁸. Он называет те концепции, которые интегрированы в его общую теорию: теория контроля, субкультур, дифференцированной ассоциации, напряжения, стигматизации.

Автор исходит из того, что общества, в которых у людей, с одной стороны, развито чувство стыда, а, с другой стороны, порицания за постыдный поступок корректны и не чрезмерны, характеризуются низким уровнем преступности (например, Япония). Дж. Брейтуэйт считает необходимым восстановить чувство стыда там, где оно утратило значение, не прибегая к позорящей стигматизации. Очень важно, чтобы общество было солидарно в оценках дозволенного и недозволенного, постыдного и не постыдного.

Один формальный контроль явно недостаточен для решения столь сложной социальной задачи. «Я уверен, — пишет Дж. Брейтуэйт, — что если к решению проблемы преступности и исправлению нравов не будет привлечена община, то власть закона сведется к бессмысленному набору процедур и санкций, которые будут иметь в глазах людей произвольный характер». Если стыд — путь к законопослушанию в результате свободного выбора, то репрессивный социальный контроль — путь к законопослушанию принудительно, т.е. ненадежному, кратковременному. Воссоединяющий стыд — средство предупреждения преступлений, клеймение же толкает правонарушителя к криминальной субкультуре. Внушение стыда, если оно не переходит в клеймение, служит наилучшим средством социального контроля.

Завершая краткий обзор зарубежных криминологических теорий, остается лишь напомнить, что за рамками сказанного остается море идей. Об этом свидетельствует и ряд современных трудов, подчеркивающих неопределенность мира постмодерна, его «текучесть» в условиях ускорения времени (понятие «текучая современность» — от известной работы З. Баумана «Liquid Modernity» —

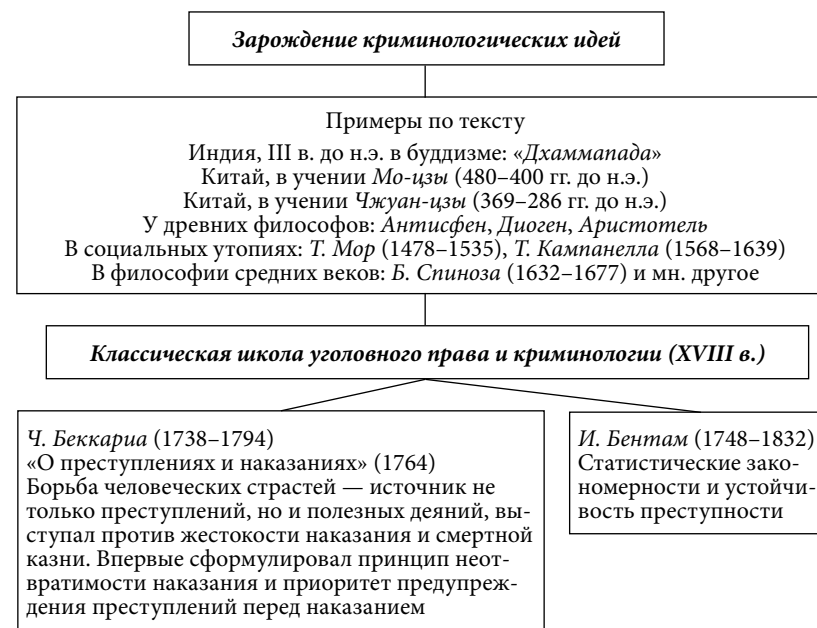
³⁰⁸ Braithwaite J. Crime, Shame, and Reintegration. Cambridge University Press, 1989 (русский перевод: Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М.: Судебно-правовая реформа, 2002).

текучая модерность), когда, по З. Бауману, изменения во времени значительно важнее пространственных перемещений. Как эта новая реальность сказывается на преступности и ее осознании криминологией³⁰⁹.

Для наглядности изобразим основные этапы развития зарубежной криминологии в виде схемы (4.2).

Схема 4.2

История зарубежной криминологической мысли

³⁰⁹ Finch E., Favinski S. Criminology Skills. Second Edition. Oxford University Press, 2016; Jacobsen M.H., Walkate S. Liquid Criminology. L.-NY: Routledge, 2017; Taylor S. Crime and Criminality. A multidisciplinary approach. L.-NY: Routledge, 2016.

Социологическое направление в период позитивизма

А. Кетле — основные его идеи разделяют все представители социологического направления: преступность порождена обществом; и т.д.
А. Терри — автор первых работ (1827, 1833) по уголовной и моральной статистике.
А. Лакассань (1885) — «Каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает».
Г. Манхейм — *подтверждает это*

Экономические теории
К. Маркс (1818–1883) — концепция отчуждения и др. используются в частности в «критической криминологии».
Ф. Энгельс (1820–1895) — «Положение рабочего класса в Англии» (1845).
В. Бонгер — выступает за социалистическое переустройство общества.
Г. фон Майер — исслед. 1836–1861 гг.
П. Лафарг — исслед. 1840–1886 гг.
Г. Беккер и его последователи — вводят децильный коэффициент, индекс Джинни, уровень безработицы и др.

Теория аномии
Э. Дюркгейм (1858–1917) — первая развернутая социологическая теория девиантности. Девиации необходимы для развития, общества. Состояние аномии возникает в условиях *социальной дезорганизации* общества. Развивает теорию общественного разделения труда. Его взгляды относят также и к *теории социальной дезорганизации*, и к *структурному функционализму*

Аномия и «напряжение»
Р. Мертон (1910–2003) — родоначальник «теории напряжения» — символы успеха общества недоступны для большей части его населения. Его взгляды относят также к *структурному функционализму* и *теории аномии* (в отличии от Дюркгейма варианте)

Теория субкультур
А. Коэн (род. 1918) — исслед. молодежные банды. Конфликт между ценностями «большого общества» и возможностями подростков из низших слоев достичь эти цели. Субкультура извлекает свои нормы из норм более широкой культуры, выворачивая их наизнанку.
Р. Клауорд (род. 1926) и Л. Оулин (род. 1918) — исслед. разные делинквентные субкультуры. Виды подростковой субкультуры: преступная, конфликтная и ретретистская.
У. Миллер (1968) и Т. Фердинанд (1980) — последователи

Снова «напряжение»
Вслед за Э. Дюркгеймом (Аномия), Р. Мертоном («напряжение») А. Коэн (теория субкультур)
R. Agnew — Общая Теория Напряжения — имеется несколько типов напряжения, вызываемого негативными отношениями с другими людьми, («если мы плохо обращаемся с людьми, они могут рассердиться и совершить преступление»). Теория менее социологична — объясняет преступное поведение скорее на индивидуальном уровне.
D. Elliot, D. Greenberg, H. Voss — последователи

«Чикагская школа» и экология преступности
Э. Бёрджесс (20-е гг.)
К. Шоу, Г. Маккей, Р. Парк, Ф. Трэшер и др. — влияние городской экологии на девиантность, подростковую делинквентность и преступность, применение разнообразных методов исследования девиантности, в т.ч. метод «картирования» большого города.
Трэшер — исслед. чикагских банд

Конфликт культур
Т. Селлин — (1896–1994) — конфликт культур возникает, когда представители одной культуры попадают в среду распространения другой культуры

Плюралистические концепции
Э. Ферри — выделял антропологические, физические, социальные факторы.
Г. Маннхейм — нет причин преступности, существует ряд факторов, объясняющих ее. Аналогичные взгляды разделяли, например, У. Хили (1915), С. Бэрт (1925), а в России — А. Жижиленко, Х. Чарыхов и др.

«Дифференцированная ассоциация» Социальное научение

Э. Сатерленд (1883–1950) — создатель теории дифференцированной ассоциации (связи). Анализирует беловоротничковую преступность. Поведенческим формам обучаются в процессе общения, причиной образования дифференцированных связей служит конфликт культур, а главной причиной девиантного поведения — *социальная дезорганизация*. Д. Кресси — последователь и продолжатель концепции Тарда и Сатерленда. Нередко рассматриваются как «теории научения»

Теории конфликта

Социологические теории конфликта — вскрытие конфликтной природы социального бытия в отличие от структурно-функционального подхода (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.), тяготеющего к порядку.

К. Маркс — конфликт — неизбежное порождение социальной системы.

Г. Зиммель (1858–1918) — конфликт также неизбежен в социальных системах, но природа конфликта — в биологической природе людей, в инстинкте враждебности.

Л. Козер — конфликт — поведение, вызывающее борьбу за дефицитные ресурсы. Р. Дарендорф (род. 1929), — основа конфликта — дифференцированное распределение власти. Правящие — за сохранение своего положения, управляемые — за перераспределение власти.

Девиантологические теории конфликта
Т. Селлин — см. конфликт культур.

Дж. Волд — теория группового конфликта (1958). Каждая социальная группа старается сохранить или повысить свой статус.

О. Тэрк (род. 1934) и Р. Куинни (род. 1934). В обществе постоянно идет борьба за власть.

«Криминализация — методика ослабления позиций противника, но не контроль за преступностью. Роль власти, конфликта, политической преступности (Тэрк)

Теория стигматизации (интеракции)

Г. Беккер (род. 1928) — модель *девиантной карьеры*. Клеймение индивида как девианта.

Ф. Танненбаум — понятие «*драматизация зла*» в процессе наклеивания ярлыков (используя концепцию символического интеракционизма соц. психолога Г. Мида (1863–1931)).

Е. Лемерт (1912–1996) — ввел понятие вторичной девиантности, выделил ряд стадий «девиантизации».

Э. Шур — ввел понятие «преступления без жертв».

Ф. Зак показал, что большинство взрослого населения хотя раз в жизни совершает преступление. Но лишь официальное признание этого факта делает его преступником

Теории социального контроля и нейтрализации

А. Рейсс (1951), Ф. Най (1958), М. Гулд (1963) — роль социального контроля в противостоянии девиантному поведению, обучение законопослушному поведению, внутренний контроль эффективнее внешнего.

Г. Сайкс и Д. Матза (1957) — реакции правонарушителя — самооправдание, пять типов «нейтрализации», концепция «дрейфа» у молодежи.

В. Реклесс и С. Шохэм (1963) — нейтрализация основана на эрозии социальных норм.

Т. Хирши в 1969 г. — концепция социальных связей: привязанность, обязательства, вовлеченность

Современные криминологические теории

Критическая (радикальная) криминология

Я. Тэйлор, П. Уолтон и Дж. Янг — «политическая экономика преступности», где «девиантогенным» фактором служит *неравенство возможностей* в капиталистическом обществе.

Р. Куинни и В. Чемблисс — правопорядок создан классом капиталистов в своих интересах.

Антилла — преступники — «козлы отпущения» современного общества.

М. Брустен — о селективности уголовной юстиции.

«Левый реализм»

Его сторонники видят взаимосвязь преступника и жертвы (представители низших классов) с представителями уголовной юстиции.

Поэтому следует усиливать борьбу с преступностью

Феноменологическое направление в социологии (противостоящее позитивизму)

П. Филмер, М. Филипсон, Д. Силверман, Д. Уолли — основная идея — конвенциональный характер и девиантности, и преступности. Штампование «преступников» и других видов девиантности

Аболиционизм

Т. Матисен, Н. Кристи, Л. Хулсман, Х. Пепинский, Р. Куинни, Р. Моррис и др. — выступают против современной пенитенциарной системы, за меры социального контроля, альтернативные уголовной юстиции.

«Миротворческая криминология». Замена стратегии «войны с преступностью» стратегией «меньшего вреда»

Феминизм

Д. Klein, R. Simon, F. Adler, C. Smart — различают либеральное, радикальное, марксистское и социалистическое направления

Постмодернизм

Ж. Лиотар и М. Фуко — основоположники постмодернизма

Постмодерн отражает «кризис детерминизма»; характеризуется скептицизмом по отношению к науке, релятивизацией всех знаний; релятивны и являются социальными конструктами — ценности, нормы, то, что называют девиантностью, преступностью, а также само общество как их источник; отражает переход от классовой структуры к обществу фрагментарному; различают постмодернизм скептический и утверждающий.

Э. Янг — одна из ее задач — показать репрессивность понятия общности, другая тема — феминистическая.

Постмодернизм существенно переосмысливает саму методологию исследования, обращается к таким общенаучным концепциям, как теория хаоса, теория катастроф, синергетика, квантовая механика, к таким понятиям, как «странный аттрактор», бифуркация.

Конститутивная криминология — одна из разновидностей постмодернизма — преступность и контроль над ней не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются, она переосмысливает преступление как вредные последствия вложения человеческой энергии во властные отношения

Интегративные теории (с конца 70-х гг. XIX в.) — теории, обобщающие наиболее плодотворные элементы существующих концепций.

Практически все интегративные (да и многие другие) исходят из единого объяснения девиантности, включая преступность.

М. Ланье и С. Генри различают два вида интеграции: модернистскую и «холистскую».

Р. Эйкерс — концепция «поглощения» — заимствованы понятия теории научения и теории социального контроля, переосмысливая их по-своему.

Г. Пирсон и Вайнер — на основе тех же теорий (научения и контроля) создают свою интегративную концепцию.

Д. Эллиот — интегративная теория делинквентности подростков — построена на основе теории напряжения, контроля и социального научения.

Ч. Титтл — теория баланса контроля — также интегративная.

Дж. Брейтуэйт — интегративная теория «восстановленного стыда» — включает теории контроля, субкультур, дифференцированной ассоциации, напряжения, стигматизации

Д. Гарланд, Дж. Янг, Дж. Феррел, К.Хейвурд — «культуральная криминология» — и преступность, и методы социального контроля — плод культуры общества.

Б. История Российской криминологии

История отечественной криминологии в соответствии с общественно-политическими условиями, влияющими на ее развитие, может быть разделена на несколько периодов:

- 1) от первых идей (начало XIX в.) до 1917 г.;
- 2) с 1917 г. до начала 30-х гг. XX в.;
- 3) с начала 60-х до конца 80-х гг. XX в.;
- 4) с конца 80-х гг. ушедшего столетия до наших дней.

Лагуна с начала 30-х до начала 60-х гг. минувшего века образовалась в годы советского тоталитарного режима, когда какие бы то ни было труды в области криминологии оказались невозможны.

§ 5. От истоков до 1917 г.³¹⁰

В истории отечественной криминологии ее предвестником называют обычно А.Н. Радищева, который в своем труде «О законоположении» (1802) поставил вопрос о необходимости изучения преступности, ее причин, представил анализ уголовно-статистических сведений. Известно также, что А. Радищев многие беды тогдашней России, включая преступность, связывал с нищетой населения и лихованием властей.

Любопытно, что один из руководителей декабристов — П.И. Пестель в своей «Русской Правде» записал: «Смертная казнь никогда не должна быть употребляема», мотивируя это, в частности, необратимостью судебных ошибок.

Результаты одного из первых эмпирических исследований убийств и самоубийств, были представлены академиком К. Германом на заседаниях Российской Императорской Академии наук 17 декабря 1823 г. и 30 июня 1824 г. в докладе «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы». Автор доклада сравнивал число убийств и самоубийств по отдельным губерниям России, сопоставляя их с пьянством, экономическим положением, социально-политическими условиями (например, последствия войны 1812 г. в Смоленской губернии, где отмечался повышенный уровень самоубийств). В результате Герман делает удивительно глубокий для своего вре-

³¹⁰ Подробнее см.: Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991.

мени вывод, усматривая главные причины исследуемых явлений в крайностях: в диких нравах или утонченной цивилизации, в анархии или политическом гнете, в нищете или чрезмерном богатстве. И еще один вывод, значимый до сегодняшнего дня: динамика числа убийств и самоубийств за ряд лет «позволяет по крайней мере частью узнать нравственное и политическое состояние народа». Доклад Германа не был опубликован на русском языке, ибо, по мнению министра народного просвещения А.С. Шишкова, «подобные статьи, неприличные к обнародованию оных, надлежало бы к тому, кто прислал их для напечатания, отослать назад с замечанием, чтобы и впредь над такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение»³¹¹. К сожалению, сам подобный подход не погрузился в вечное забвение... Лишь в 1832 г. работа Германа была опубликована во Франции³¹².

Несмотря на пионерское начинание Германа, развитие криминологической мысли в России было существенно затруднено проблемами получения, обработки, анализа и публикации данных. Плохо налажена система уголовной статистики, отсутствует социологическая школа, исследователи испытывают давление со стороны властей, для которых криминальная информация неудобна, да и не нужна.

В России, как и во многих других странах, криминология вызревает в недрах уголовно-правовой науки. Идея о «криминологическом» расширении рамок уголовного права впервые в России была высказана в работах М.В. Духовского и И.Я. Фойницкого (70-е — 90-е гг. XIX в.). Так, Духовской главной причиной преступности считал общественный строй, «дурное экономическое устройство общества, дурное воспитание». Оба автора полагали, что, согласно данным уголовной статистики, источник преступлений коренится не только в личности преступника, но и в обществе; поэтому нельзя исходить из «свободной воли» преступника (постулат классической школы уголовного права); поэтому же нельзя рассчитывать на наказание как единственное или главное средство контроля над преступностью; необходимо изучать социальные причины преступлений, расширив тем самым рамки традиционного (догматического) уголовного права.

³¹¹ Цит. по: Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юрид. лит.-ра, 1974. С. 370–371.

³¹² Herman. Recherches sur le nombre des suicides et homicides commis en Russie pendant les années 1819 et 1820 // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de S. Petersburg. 1832. Sér. 6. No 1. Pp. 3–20.

Хотя далеко не все российские криминалисты («классики») были согласны с этими положениями «социологов», в последующем уже стало невозможным не включать в курсы уголовного права разделы, посвященные индивидуальным, экономическим, социальным и даже космическим факторам преступности.

Далее отечественная криминология развивалась в русле мировой криминологии, включая различные направления (антропологическое, психологическое, социологическое).

Антропологическое направление в России было представлено, прежде всего, трудами Д.А. Дриля «Преступный человек» (1882), «Психофизические типы в их соотношении с преступностью» (1890), «Преступность и преступники» (1899)³¹³ и др. Однако, в отличие от Ч. Ломброзо (во всяком случае, раннего) он придавал большое значение и средовым, социальным факторам. В первой из вышеназванных книг он пишет: «Преступность возникает обыкновенно на почве болезненной порочности и исцеляется или медицинским лечением или благоприятным изменением жизненной обстановки. Эта болезненно-порочная природа передается далее путем унаследования различных дефектов»³¹⁴.

Во второй половине XIX в. вопросы антисоциального поведения, включая преступное, интересовали и российских психиатров. Вслед за первым курсом психопатологии для юристов А.У. Фрезе появляются лекции по судебной психопатологии В.Ф. Чижа, «Судебно-психиатрические анализы» П.И. Ковалевского. На Третьем Пироговском съезде (1888) С.Н. Данилло выступил с докладом «О помешанных преступниках», на Пятом (1893) — Чиж с докладом «Медицинское изучение преступника».

Однако в целом антропологическое направление в России было развито значительно слабее, чем за рубежом.

Социологическое направление оказалось господствующим в стране.

О дополнении юридического метода социологическим в науке уголовного права в 1912 г. пишет Н.Н. Полянский. Социологический подход в изучении и объяснении преступности последовательно отстаивает Х.М. Чарыхов³¹⁵.

³¹³ Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М.: ИНФРА-М, 2009.

³¹⁴ Дриль Д.А. Преступный человек. СПб., 1882. С. 101.

³¹⁵ Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности: (Социологическая школа в науке уголовного права). М., 1910.

В России была неплохо представлена экономическая школа. Так, Е.Н. Тарновский (1898), проанализировав динамику числа краж и хлебных цен за 20 лет (1874–1894), сделал вывод о решающем значении цены на хлеб — как показателя экономического состояния общества — на имущественные преступления. В связи с этим он усматривает в борьбе с экономической нуждой массы населения одновременно и средство против преступности. Другую ее причину он видит в пьянстве и неустроенности досуга людей.

В России получила развитие многофакторная теория преступности. И уже упоминавшиеся И.Я. Фойницкий и Х.М. Чарыхов, и А.А. Жижиленко исходят из того, что преступность, как сложное социальное явление, обусловлено многочисленными факторами различного уровня: экономическими, социальными, демографическими, психологическими, природными. И.Я. Фойницкий выделяет три группы факторов — физические, общественные и личные, отдавая приоритет общественным. По классификации А.А. Жижиленко, криминогенные факторы находятся (1) в окружающей природе, (2) в индивидуальных особенностях личности, (3) в условиях социальной среды³¹⁶.

Трудно переоценить роль М.Н. Гернета (1874–1953) в развитии отечественной криминологии вообще, социологического направления в особенности³¹⁷. В своих трудах «Социальные факторы преступности» (1905), «Общественные причины преступности» (1906), «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества» (1916) М.Н. Гернет на основе огромного эмпирического материала как по России, так и в сравнении с другими европейскими странами, обосновывает социологический подход к преступности как сложному социальному феномену, порождению общества. Позднее (1926) М.Н. Гернет напишет, что единственной причиной преступности является «весь социально-экономический строй».

Им прослеживаются корреляционные зависимости между уровнем преступности, ее отдельными видами и полом, возрастом, социальным статусом, алкоголизацией и наркотизацией населения, уровнем самоубийств. Он же, пожалуй, впервые рассматривает закономерности пространственно-временного распределения преступлений.

В генезисе преступности М.Н. Гернетом уделяется особое внимание социальному неравенству как источнику различных форм девиантности. Он солидарен с выводами Турати: «Классовые неравенства

в обществе служат источником преступлений... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений»³¹⁸.

М.Н. Гернет постоянно ставит вопрос о необходимости формирования «моральной статистики», которая учитывала бы, наряду со всеми значимыми показателями преступности, также сведения о самоубийствах, алкоголизме, наркотизме, проституции.

Им исследуются и отдельные виды преступлений. Несколько работ было посвящено аборт, автор выступает за декриминализацию этого деяния.

Нельзя не отметить либеральные взгляды тогдашней отечественной профессуры по проблемам наказания. М.Н. Гернет, М.В. Духовской, А.А. Жижиленко, Фойницкий, а также А.Ф. Кистяковский, П.И. Люблинский, Н.С. Таганцев, В.Д. Спасович и многие другие выступали против жестокости наказания, против смертной казни³¹⁹. Они отстаивали приоритет предупреждения преступлений путем решения социальных проблем.

М.Н. Гернет называет смертную казнь «институтом легального убийства», он особо подчеркивает, что только самые реакционные круги России выступают в ее поддержку. И как вывод: «Смертная казнь должна быть вычеркнута из лестницы наказаний»³²⁰. Сенатор, академик Н.С. Таганцев, выступая в Государственном Совете (1906), заявил: «Я 40 лет с кафедры говорил, учил и внушал молодежи, что смертная казнь не только не целесообразна, но и вредна... С теми же убеждениями являюсь я и ныне пред вами, защищая законопроект об отмене смертной казни»³²¹. Очень интересным и, увы, актуальным и поныне, является ответ А.Ф. Кистяковского (1896) тем сторонникам смертной казни, что ссылаются на «мнение народа»: «Особенно странным представляется то, что защитники смертной казни в этом случае опираются на воззрения народных... Отчего те же защитники не прибегнут к воззрениям народным для разрешения других, первой важности государственных, общественных и научных вопросов, например вопроса о податях, о поземельной собственности, о кредите... Отчего, например, они же не считают необходимо преследовать ведьм, в которых народ так еще крепко верит?»³²².

³¹⁸ Гернет М.Н. Избранные произведения. С. 111.

³¹⁹ См. их выступления против смертной казни в: Смертная казнь: За и против. М.: Юрид. лит., 1989.

³²⁰ Смертная казнь: За и против. Указ. соч. С. 133, 142, 150.

³²¹ Там же. С. 153.

³²² Там же. С. 193.

³¹⁶ Жижиленко А.А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922.

³¹⁷ Гернет М.Н. Избранные произведения. Указ. соч.

Социологическая школа уголовного права и криминологии своей важнейшей задачей считала исследование взаимосвязей между социальными и экономическими процессами, социально-демографическими и психологическими характеристиками преступников, пространственно-временным распределением преступлений и — преступностью как общественным феноменом. Труды прогрессивных российских юристов конца XIX — начала XX вв. в значительной мере заложили фундамент отечественной криминологии.

§ 6. От 1917 г. до наших дней³²³

Первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. российская криминология продолжала развиваться силами старой профессуры.

В 1920–1930-е гг. внимание социологически ориентированных исследователей было сосредоточено на изучении экономических, социальных, демографических и иных факторов преступности. В этом направлении работают Гернет, Жижиленко и др.

В 1918 г. по инициативе Гернета в ЦСУ был создан Отдел моральной статистики. Появилась возможность систематического изучения статистических рядов преступности и ее видов (наряду со статистикой самоубийств и иных проявлений девиантности)³²⁴.

В учебниках и монографиях по уголовному праву по старой традиции включаются криминологические разделы (М.М. Исаев, 1925; А.А. Пионтковский, 1925).

Развивается отечественная пенитенциарная криминология (М. Гернет, Е.Г. Ширвиндт, А.Я. Эстрин и др.).

Еще одно направление криминологической мысли того времени — клиническое, сосредоточившее внимание на изучении индивидуальных характеристик преступника (В.В. Браиловский, Н.П. Бруханский³²⁵, С.В. Познышев и др.). С.В. Познышев убежден, что основные причины преступности таятся в личности преступника, в значительной степени определяемой наследственностью. Правда, ученый не отрицал и роли социальных факторов: «преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается из особенностей его кон-

³²³ Подробнее см.: Криминология. Исправительно-трудовое право: История юридической науки. М.: Наука, 1977.

³²⁴ Гернет М.Н. Моральная статистика. М.: ЦСУ, 1922.

³²⁵ Бруханский Н.П. Очерки по социальной психопатологии. М., 1928.

ституции, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь»³²⁶.

На страницах журнала «Пролетарская революция и право» (1918) проходит дискуссия о причинах преступности в советском государстве.

Большую роль в исследовании преступности сыграли кабинеты по изучению преступника и преступности. Первый из кабинетов открылся в 1918 г. в Петрограде. В Москве в 1925 г. был открыт Государственный институт по изучению преступности и преступника, подчинивший ранее разобщенные кабинеты, ставшие его филиалами. Институтом были выпущены четыре сборника «Проблемы преступности» (1926–1929). Именно в те годы было проведено много прикладных, эмпирических исследований с использованием разнообразных методов: опрос, изучение материалов уголовных дел, анализ статистических данных, клинические методы обследования. В результате были созданы криминологические «портреты» детоубийц (М. Гернет), конокрадов (Н. Гедеонов, Р. Люстерник), хулиганов и поджигателей (Т. Сегалов), насильников (Н. Бруханский), убийц корыстных и из мести (И. Станкевич) и др.

Одновременно развивается антропологическое направление. Так, доктор А.П. Штесс на базе созданного им в 1922 г. в Саратове Кабинета криминальной антропологии и судебно-психиатрической экспертизы проводит соответствующие исследования. Позднее это «неоломброзианство» послужило поводом для политических обвинений.

К 1920-м гг. относятся значительные криминологические исследования М.Н. Гернета, Ф.Ф. Герцензона, В.И. Куфаева, Е.И. Тарновского, А.С. Шляпочникова и др.

Однако к концу 1920-х — началу 1930-х гг. в СССР складывается ситуация, исключающая возможность дальнейших исследований. Одни ученые были объявлены «ломброзианцами», другие (А.Н. Трайнин, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский и др.) — «псевдомарксистами». Г.И. Волков, Е.Г. Ширвиндт, А.С. Шляпочников, А.Я. Эстрин и многие другие были репрессированы. С криминологией фактически было покончено. В ограниченных размерах и исключительно с «классовых», «марксистско-ленинских» позиций можно было заниматься лишь историей (пятитомная «История царской тюрьмы» М.Н. Гернета вышла в 1941–1956 гг.) или же критикой буржуазной правовой

³²⁶ Познышев С.В. Криминальная психология. М., 1926. С. 6.

науки и практики, включая криминологическую. В отечественной же уголовной политике и практике на первое место выходит борьба с «врагами народа»...

Долгий, мучительный, полный «зигзагов» и ритуалов (обязательная ссылка на Ленина, действующего генерального секретаря ЦК КПСС, решения последнего съезда КПСС или пленума ЦК КПСС) процесс возрождения отечественной криминологии начался лишь в 1960-е гг., благодаря хрущевской «оттепели» и развенчанию «культы личности» Сталина.

Первые шаги — книги А.Б. Сахарова³²⁷, А.А. Герцензона³²⁸, В.Н. Кудрявцева³²⁹, И.И. Карпеца³³⁰, Н.Ф. Кузнецовой³³¹, А.М. Яковлева³³²; открытие Всесоюзного института по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений (1963); начало преподавания курса криминологии в МГУ и ЛГУ (1964).

В 1974 г. выходят «Избранные произведения» М.Н. Гернета, в 1975 г. — сборник материалов Всесоюзного научного семинара по проблемам криминологии «Вопросы изучения преступности и борьбы с нею». В сборнике помещены статьи-доклады, в том числе о классификации причин преступности Н.Ф. Кузнецовой и о проблемах уголовно-статистической информации Г.И. Забрянского.

Нельзя не отметить первое крупномасштабное (на базе двух областей России — Орловской и Кемеровской) эмпирическое криминологическое исследование социальных условий преступности, осуществленное в 1970-е гг. под руководством А.Б. Сахарова. Опубликованные программа (с инструментарием) и результаты исследования послужили стимулом к последующим работам³³³.

С конца 1960-х — начала 1970-х гг. криминология бурно развивается. В рамках настоящей работы можно лишь наметить некоторые ее направления.

Во-первых, это *общетеоретические труды* Г.А. Аванесова, М.М. Бабаева, Ю.Д. Блувштейна, С.Е. Вицина, В.Б. Волженкина,

³²⁷ Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.

³²⁸ Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М., 1965.

³²⁹ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968.

³³⁰ Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969.

³³¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969.

³³² Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М., 1971.

³³³ Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования. М., 1979; Методологические вопросы изучения социальных условий преступности: сб. науч. раб. М., 1979.

Я.И. Гилянского, А.И. Долговой, И.И. Карпеца, В.Е. Квашиса, М.И. Ковалева, В.М. Когана, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Д.А. Ли, В.В. Лунеева, Б.С. Никифорова, В.А. Номоконова, И.С. Ной, Г.М. Резника, А.Б. Сахарова, Л.И. Спиридонова, Д.А. Шестакова, А.М. Яковлева и др. Важно отметить разделяемый этими авторами социологический взгляд на преступность, как социальный феномен, порождаемый обществом. Чрезвычайно важно и другое. Если согласно официальной партийно-советской идеологии причинами преступности в СССР являлись «пережитки капитализма» («родимые пятна» капитализма) и «капиталистическое окружение», то вышеназванные авторы старались по возможности утверждать научные взгляды на причины и условия преступности в «социалистическом обществе» (социальные противоречия, социально-экономическое неравенство, недостатки экономической, социальной, культурной политики). И здесь надо отдать должное тем из них (криминологам), кто занимая высокие посты в научной или государственной иерархии, своими прогрессивными публикациями создавали плацдарм для деятельности остальных. Это, прежде всего, академик В.Н. Кудрявцев и генерал милиции профессор И.И. Карпец. Следует также заметить, что среди названных ученых несколько особую позицию занимал И.С. Ной. Не отрицая значения социальных факторов, он настойчиво отстаивал значимость биологических (антропологических) исследований в криминологии и их роль в генезисе преступного поведения³³⁴.

Во-вторых, развитие *методологии и методов* социологического исследования преступности и ее видов (Г.А. Аванесов, Ю.Д. Блувштейн, С.Е. Вицин, А.В. Добрынин, Н.Я. Заблоцкис, Г.И. Забрянский, Д.А. Ли, С.Г. Ольков и др.).

В-третьих, формирование и развитие *относительно самостоятельных направлений*³³⁵ — преступность несовершеннолетних (Г.И. Забрянский, Г.М. Миньковский, С.Л. Сибиряков), насильственная преступность (С.Б. Алимов, Ю.М. Антонян, А.П. Дьяченко, А.Н. Игнатов, Э.Ф. Побегайло), семейная криминология (Д.А. Шестаков), виктимология (Л.В. Франк, П.С. Дагель, В.Е. Квашис, Д.В. Ривман, В.Я. Рыбальская), пенитенциарная криминология (А.С. Михлин, О.В. Старков, Г.Ф. Хохря-

³³⁴ Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.

³³⁵ Подробнее см.: Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.

ков), экономическая преступность (Б.В. Волженкин, В.В. Колесников, Н.А. Лопашенко, А.М. Яковлев). В связи с формированием и развитием организованной преступности растет и число ее исследователей (А.И. Гуров, С.В. Дьяков, В.С. Овчинский, А.Л. Репецкая, Е.В. Топильская, Я.И. Гишинский). К началу XXI в. формируется криминология политической преступности (С.В. Дьяков, П.А. Кабанов, В.В. Лунеев, Д.А. Шестаков).

В-четвертых, теория, методология и методы *территориальных исследований* преступности, «география преступности» (Ю.Е. Аврутин, Ю.Д. Блувштейн, Я.И. Гишинский, А.А. Габиани, Р.Г. Гачечиладзе, А. Лепс, Э. Раска, К.Т. Ростов, Э.Г. Юзиханова и др.). Помимо ряда книг по этой тематике, в серии «Трудов по криминологии» Тартуского государственного университета выходили сборники «Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности» (1985, 1988, 1989, 1990, 1991).

В-пятых, исследования *уголовной политики и превенции* преступлений (Н.А. Беляев, Ю.Д. Блувштейн, С.В. Бородин, С.С. Босхолов, П.С. Дагель, А.Э. Жалинский, К.Е. Игошев, Н.А. Лопашенко, Г.М. Миньковский, В.С. Устинов, Я.И. Гишинский и др.)

После длительного перерыва возобновился интерес к исследованию роли *психических аномалий* в генезисе преступного поведения (Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, В.В. Гульдман, Н.А.Исаев).

В 1984 г. за заслуги в создании теоретических основ криминологии Государственная премия СССР была присуждена И.И. Карпецу, В.Н. Кудрявцеву, Н.Ф. Кузнецовой, А.Б. Сахарову, А.М. Яковлеву. А в 1998 г. Государственная премия Российской Федерации присуждена В.В. Лунееву за монографию «Преступность XX века: Мировой криминологический анализ».

Крах советского государства и падение господства КПСС ознаменовались небывалой дотоле возможностью свободно творить в любой области науки, включая криминологию. Впервые за много лет стала открываться уголовная статистика (ежегодники «Преступность и правонарушения», начиная с 1990 г.), появилась возможность исследований и публикаций трудов без оглядки на идеологические и цензурные ограничения, стали реальными контакты с зарубежными коллегами и знакомство с мировой криминологической литературой. Не сразу и не все воспользовались такой возможностью. Но прорыв оказался историческим и, надо надеяться, бесповоротным.

За годы советской власти и в постсоветский период в криминологии сформировался ряд научных школ (Грузинская, Эстонская, Даль-

невосточная и др.). Будучи ленинградцем-петербуржцем, отмечу лишь ленинградскую/петербургскую криминологическую школу, развивающуюся первоначально в рамках уголовно-правовой науки (М.Д. Шаргородский, Н.А. Беляев, Н.П. Грабовская, Н.С. Лейкина, П.П. Осипов и др.), а затем в качестве самостоятельной дисциплины (Б.В. Волженкин, Я.И. Гишинский, С.Ф. Милюков, В.В. Орехов, Д.В. Ривман, Л.И. Спиридонов, Д.А. Шестаков и др.).

Начиная с 1981 г. на юридическом факультете Ленинградского — Санкт-Петербургского государственного университета регулярно проводятся криминологические семинары, вначале под руководством М.Д. Шаргородского, позднее — Н.С. Лейкиной, затем — Д.А. Шестакова. Они давно приобрели характер межрегиональных и международных.

На базе петербургских учебных и исследовательских учреждений один раз в четыре года проходят Международные Балтийские криминологические семинары (1991, 1995, 1999, 2003, 2007, 2011, 2015), а криминологи Петербурга — неперенные участники этих ежегодных семинаров, традиционно проходящих также в Эстонии, Латвии, Литве. Кроме того, с середины 1990-х гг. организуются тематические Международные криминологические конференции (по криминальному насилию, семейной криминологии, девиантологии, проблемам смертной казни и др.).

С 1992 г. семинары стали проходить в рамках Санкт-Петербургского криминологического центра, а с 1999 г. — Санкт-Петербургского криминологического клуба³³⁶. В 2001 г. в Санкт-Петербурге вышел первый номер первого в России криминологического журнала «Криминология в развитии». Его судьба оказалась непростой, и с 2002 г. выходит его «наследник» — журнал «Криминология: Вчера, сегодня, завтра».

В целом Петербургскую криминологическую школу, по нашему мнению, характеризуют:

- либерально-демократические, прогрессивные инициативы как в годы советской власти (в пределах тогдашних возможностей), так и в постсоветское время;
- ориентация на мировую науку, активное сотрудничество с зарубежными коллегами, участие в международных проектах;
- сочетание теоретической направленности и эмпирических исследований (в начале 1970-х гг. — на базе Орловской об-

³³⁶ Шестаков Д.А., Дикаев С.У., Данилов А.П. Санкт-Петербургский Международный криминологический клуб: прошлое и настоящее. СПб.: Юридический центр Пресс. 2012.

ласти, а затем исследование тяжких насильственных преступлений в Ленинграде и Ленинградской области; в 1980-е гг. эмпирическое исследование делинквентности среди школьников Ленинграда; регулярные с конца 1980-х гг. виктимологические опросы в Санкт-Петербурге, а в 2001 г. также в Волгограде и Боровичах; многолетнее — с 1995 г. эмпирическое исследование организованной преступности; с середины 1990-х гг. серия эмпирических исследований наркотизма, вовлечения детей и женщин в занятие проституцией; многочисленные опросы в пенитенциарных учреждениях и др.).

Подведем некоторые итоги краткого изложения истории отечественной криминологии после 1917 г.

- Ко времени Октябрьского переворота 1917 г. российской криминологией был накоплен определенный теоретический и эмпирический багаж. Преимущественно было представлено социологическое направление. Многие исследования отечественной криминологии осуществлялись в русле мировой науки.
- Первые годы советской власти продолжалось развитие криминологии, постепенно ограничиваясь изучением личности преступника. Так было легче избежать идеологического прессинга. Однако к началу 1930-х гг. стала очевидной невозможность дальнейших исследований, многие криминологи были репрессированы. Наступил «перерыв постепенности» до середины 1960-х гг.
- В 1960–1980-е гг. постепенно реанимировалась криминология как наука и учебная дисциплина. Был накоплен значительный эмпирический материал, формируются и развиваются отдельные направления (подотрасли) криминологических знаний.
- С конца 1980-х — начала 1990-х гг., благодаря горбачевской «перестройке», впервые за много лет появилась возможность свободно, без оглядки на «партию и правительство», без цензурных ограничений проводить исследования, публиковать их результаты, отстаивать собственную научную позицию.
- Тем не менее, годы тоталитаризма, изоляционизма («железного занавеса») и фактического запрета на криминологию сделали свое дело. Мировая криминология развивалась безостановочно, мы были на многие годы, десятилетия изолированы от нее. Международные научные связи были ничтожны.

Любой «контакт» с иностранным коллегой мог оказаться роковым. Иностранная научная литература фактически не поступала в библиотеки. Такое наследие советского государства плюс слабое знание иностранных языков привели к тому, что до сих пор мы не можем в полной мере вписаться в мировую криминологическую науку, хотя многочисленные шаги в этом направлении предпринимались и предпринимаются.

- К сожалению, с середины 2000-х годов изоляционистская политика властей вновь тормозит развитие криминологии³³⁷.

Да удастся нашим ученикам то, что не успели мы.

³³⁷ См. об этом: Гишинский Я. Современное состояние и перспективы российской криминологии // Российский журнал правовых исследований. № 4 (1). 2014. С. 175–180.

Глава V. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии

Нам следует набраться мужества для того, чтобы отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же «причины», действующие на один и тот же «объект», обязательно должны породить одни и те же следствия.

Н. Моисеев

В предыдущей главе были продемонстрированы многочисленные и, конечно же, далеко не все попытки ответить на вопрос о причинах существования и функционирования в обществе преступности. В этой главе будет представлена моя авторская позиция, столь же относительная и далекая от Истины, как и все прочие.

С моей точки зрения, вообще не существует какой бы то ни было единой (пусть «интегративной») и специфической только для нее причины преступности как социального феномена в силу следующих обстоятельств.

- Как уже отмечалось, причинно-следственная связь — лишь одна из форм взаимосвязей и взаимозависимостей между элементами системы или системами, причем связь достаточно жесткая и более или менее отчетливо выделяемая лишь на уровне относительно простых, механических систем. Уже биологические, а тем более социальные системы и протекающие в них процессы столь сложны, вероятностны, нелинейны, стохастичны, что выделить «причину — следствие» оказывается принципиально невозможно. В этом отношении социальные процессы «ближе» квантовой физике, нежели классической механике.
- Преступность, о чем также уже говорилось, — искусственный социальный конструкт, не имеющий качественной определенности (*per se, sui generis*) в реальной действительности. Нельзя найти специфическую причину конструкта, причудливо меняющегося во времени и пространстве по

воле законодателя, власти. Такой поиск приводит к трюизмам: причина преступности «весь социально-экономический строй» (М.Н. Гернет³³⁸) или же — причина преступности есть уголовный закон, что вряд ли продвигает нас по пути познания объекта криминологии. При этом ясно, что «весь социально-экономический строй» порождает все социальные феномены, а не только преступность и даже не только девиантность в целом.

- Преступность проявляется в деяниях, признаваемых законодателем «здесь и сейчас» преступными. Содержательный диапазон таких деяний огромен — от убийства до надругательства над государственным гербом или флагом, от изнасилования до незаконной порубки деревьев и кустарников, от геноцида до фиктивного банкротства. Трудно себе представить, что еще может объединять все эти столь разнородные деяния кроме формального признака — нарушение уголовного запрета. Признак «общественной опасности» столь неопределен, что не может сам по себе служить критерием «преступности» без ссылки на указание в уголовном законе (ст. 14 УК РФ). Очевидно, не может быть общей причины столь разнородных и качественно не определенных, не имеющих естественных границ явлений.
- Преступность — лишь один из видов девиантности. Анализ всех криминологических теорий приводит к выводу: какие бы «причины» преступности ни выдвигались, они всегда являются одновременно и «причинами» пьянства и наркотизма, самоубийств и проституции, административных проступков и гражданско-правовых деликтов, а то и просто аморального поведения. Иначе говоря, имеются обстоятельства (факторы), наличие которых делает более или менее вероятным девиантное поведение, а уж какую оно примет форму — чаще всего зависит от случайности или индивидуальных особенностей субъекта. Вообще случайность в современной науке играет неизмеримо большую объяснительную роль, нежели причинность, жесткая детерминированность³³⁹.

³³⁸ Административный вестник. 1926. № 1. С. 30.

³³⁹ Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999; Моисеев Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998; Синергетика и методы науки / Ред. М.А. Басин. СПб.: Наука, 1998.

Вместе с тем, оставить преступность без каких бы то ни было объяснений — значит отказаться от криминологии как науки. Решение кризисной ситуации — за новой, «сумасшедшей» теорией, которая вышла бы за пределы существующих парадигм криминологии как «нормальной науки» (и потому первоначально была бы категорически отвергнута...) ³⁴⁰. Пока же таковая не появилась (это задача молодых, не отягощенных грузом накопленных знаний ³⁴¹), поразмышляем над некоторыми факторами, влияющими на состояние, уровень, структуру, динамику преступности. Впрочем, как и на иные проявления девиантности.

Как всякое социальное явление (процесс) преступность не может быть объяснена «из себя самой», а лишь с позиции социального целого — общества, чью субстанцию образует совокупность общественных отношений. Многие методологические трудности при изучении преступности, пьянства, наркотизма, самоубийств, коррупции и т.п. возникают вследствие попытки их исследовать и объяснить как самостоятельные, изолированные феномены. Между тем каждое из этих (и других) социальных явлений, будучи в конечном счете порождением общественной субстанции, социального целого, общества — вплетено в систему общественных отношений данного социума и «переплетено» с иными социальными феноменами, процессами. Это еще один — дополнительный довод в пользу невозможности выделить специфическую причину преступности и только преступности.

Конечно, можно извлечь из арсенала криминологии множество факторов, так или иначе воздействующих на состояние и динамику преступности. Это и экономические факторы (от цены на хлеб или на нефть до экономического неравенства, выраженного децильным коэффициентом и индексом Джини), и социально-демографические (пол, возраст, социальный статус, этническая принадлежность и др.), и культурологические (принадлежность к той или иной культуре, субкультуре, религиозной конфессии), и даже космические (корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств, воровства и солнечной активностью, фазами луны ³⁴²). В результате факторного анализа можно определить и относительный «вес» каж-

³⁴⁰ Подробнее см.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

³⁴¹ «Важные открытия в конкретных науках почти всегда делали посторонние люди или ученые с необычным складом мышления» (Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 135).

³⁴² Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995. С. 350–405, 623.

дого фактора в «криминогенном комплексе» отдельных видов преступлений ³⁴³.

Однако более глубоким нам представляется отыскание «ведущего звена» в «девиантогенном комплексе», объясняющем преступность наряду с другими проявлениями девиантности. Другая задача — попытаться объяснить, какие факторы при наличии этого «ведущего звена», «разводят» различные формы девиантности (почему при наличии одних и тех же социальных условий одни совершают преступления, другие спиваются, третьи кончают жизнь самоубийством, а некоторые «уходят» в научное, техническое, художественное творчество).

Преступность проявляется через определенные уголовным законом действия, поступки людей. Между тем, все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических, или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условий, сексуальных или в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); «духовных», или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей распределены относительно равномерно (в современном развитом обществе люди нуждаются в качественных продуктах питания, чистом воздухе, просторном жилище с водоснабжением и отоплением, в интересной работе, в разнообразном отдыхе и т.д.) и имеют тенденцию к возрастанию (возвышению и расширению). А возможности удовлетворения потребностей — различны, неравны. И хотя определенная степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, здоровый или инвалид, с высоким интеллектом или не очень), однако главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит социально-экономическое неравенство, занятие индивидом различных, неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или предприниматель, фермер или банкир, школьный учитель или министр). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения (можно говорить о едином социально-экономическом статусе) индивида в решающей степени зависят возможности удовлетворять (более или менее полно) те или иные потребности.

³⁴³ Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006.

Социальную структуру общества изображают обычно в виде пирамиды, верхнюю, меньшую часть которой составляет «элита» общества (властная, экономическая, финансовая, военная, религиозная и т.п.). Средняя — самая значительная по объему часть — «средний класс». В основании пирамиды, в ее нижней части располагаются низшие слои (малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники, так называемый «младший обслуживающий персонал»). За пределами официальной социальной структуры (а иногда в самом ее низу — все зависит от точки зрения исследователя) находятся аутсайдеры, изгои (бездомные, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, опустившиеся проститутки и т.п.). Совершенно очевидно, что чем ближе к верхушке пирамиды располагаются позиция и занимающий ее индивид, тем больше возможностей по удовлетворению потребностей, чем дальше от вершины и ближе к основанию, тем меньше возможностей. При этом распределение индивидов по тем или иным социальным позициям («местам») обусловлено, прежде всего, независящими от них (индивидов) факторами — социальным происхождением, принадлежностью к определенному классу, слою, группе, и лишь во вторую очередь — личными способностями, дарованием, талантом.

Со временем кастовая или средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, социальная мобильность растет («каждый простой американец может стать президентом»), однако статистически зависимость от социальной принадлежности остается. В современном обществе одним из важнейших дифференцирующих признаков является наличие высшего образования. Как заметил однажды Т. Парсонс, человечество делится на две неравные части: окончивших колледж, и тех, кто его не заканчивал. Между тем, стартовые возможности выпускника российской сельской школы и элитной московской гимназии различны, также как стартовые возможности выходца из рабочей или профессорской семьи. Относительная жесткость социальной структуры, ограниченность социальной мобильности в условиях советского государства были эмпирически показаны и количественно оценены в одном из исследований 1970-х гг. с нашим участием³⁴⁴. А все партийно-советские идеологические славословия по поводу «гегемона» рабочего класса и чинов-

³⁴⁴ См.: Человек как объект социологического исследования / Ред. Л.И. Спиридонов, Я.И. Гилинский. Л.: ЛГУ, 1977. С. 170–191.

ников — «слуг народа» меркнут перед анекдотами по поводу «гегемона» и предсмертной запиской рабочего Р., покончившего жизнь самоубийством, своему сыну: «Сашенька!.. Шагни дальше отца насколько можешь выше отца по социальной лестнице» (сохранен синтаксис подлинника — Я.Г.).

Социально-экономическое неравенство появилось как следствие общественного разделения труда, значение которого для развития общества трудно переоценить. При этом для наших целей следует отметить ряд обстоятельств.

Во-первых, одним из важнейших критериев развития системы (в нашем случае — общества), повышения уровня ее организованности служит дифференциация, усложнение структуры, повышение разнообразия составляющих ее элементов. Это особенно важно напомнить сегодня, когда советские заворачивающие стереотипы казарменного равенства, всеобщего единомыслия и единодушия не только не преодолены до конца, но и вновь оживают... Закон необходимого разнообразия У. Эшби действует и в социальном мире. Дифференциация общества как следствие углубляющегося разделения труда есть объективный и в целом прогрессивный процесс. Однако, как все в этом мире, она влечет и негативные последствия. Неодинаковое положение социальных классов, слоев (страт) и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает и социально-экономическое неравенство, различия — и весьма существенные — в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать зависть, неудовлетворенность, социальные конфликты, протестные реакции, принимающие форму различных девиаций. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»³⁴⁵.

Во-вторых, главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения витальных, социальных и идеальных потребностей, а степень различий, «разрыва» в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это в свое время обратил внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетво-

³⁴⁵ Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 375.

ряет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено»³⁴⁶. Так что по-своему правы были наследники Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего СССР и выпуская за его пределы только самых проверенных, надежных, «идейных» или зависимых.

Об этом же говорил Питирим Сорокин: «Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества... Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет вполне прилично и имеет приличные жилищные условия»³⁴⁷. Не так ли чувствуют себя многие наши соотечественники, оказавшись среди бутиков, ресторанов, иномарок в Москве или Петербурге?

Социальная неудовлетворенность, а, следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе — незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными — по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Вот почему в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности (когда происходила ломка «перед лицом смерти всех иерархических перегородок»³⁴⁸), наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств³⁴⁹.

На роль социально-экономического неравенства в генезисе девиантности, включая преступность, обращали внимание еще в XIX в. Так, по мнению Ф. Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений.... Общество со своими неравенства-

³⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 446.

³⁴⁷ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.273.

³⁴⁸ Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М.: Искусство, 1981. С. 198.

³⁴⁹ Гернет М.Н. Избранные произведения. С. 306–310, 449–459; Podgórecki A. *Patologia życia społecznego*. Warszawa, 1969.

ми само является соучастником преступлений»³⁵⁰. А. Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами»³⁵¹. С точки зрения А. Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворить всех своих потребностей ведет к преступлению»³⁵².

Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества»³⁵³.

Чрезвычайно важно, с нашей точки зрения, что современные исследователи все чаще обращаются к роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности, учитывая при этом статистические экономические показатели (в частности, индекс Джини)³⁵⁴.

Интересные результаты были получены в упомянутом выше исследовании под руководством А.Б. Сахарова социальных условий в двух регионах России: «было установлено, что более неблагоприятное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где материальный уровень жизни населения по комплексу наиболее значимых показателей (средняя заработная плата, душевой денежный и реальный доход и т.д.) лучше, но зато значительно контрастнее (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп. В то же время в регионе с меньшим уровнем преступности материальные условия жизни были хотя и несколько хуже, но более однородны и равномерны. Иными словами, состояние преступности коррелировалось не с уровнем материальной обеспеченности, а с различиями в уровне обеспеченности: с размером, остротой этого различия»³⁵⁵. Исследование преступности в динамике за ряд лет подтвердило зависимость уровня преступности от увели-

³⁵⁰ Гернет М.Н. Там же. С. 111.

³⁵¹ Там же. С. 119.

³⁵² Там же. С. 375.

³⁵³ Белл Д. Преступление как американский образ жизни. В: Социология преступности. Указ. соч. С. 267.

³⁵⁴ Grover Ch. *Inequality and Crime*. In: Peelo M., Soothill K. (Eds.) *Questing Crime and Criminology*. Willan Publishing, 2005, pp. 53–68; White R., Habibis D. (Eds.) *Crime and Society*. Ibid. Pp. 187–207.

³⁵⁵ Методологические вопросы изучения социальных условий преступности / Ред. А.Б. Сахаров. М., 1979. С. 29–30.

чения/уменьшения разрыва между потребностями населения и степенью их фактического удовлетворения³⁵⁶.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (inclusive/exclusive). Понятие «исключение» (exclusion) появилось во французской социологии в середине 1960-х гг. как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими³⁵⁷. Работа Рене Ленуара (1974) показала, что феномен «исключения» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей³⁵⁸. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «Рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может в конечном счете породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»³⁵⁹.

Процесс «inclusion / exclusion» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX в.: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (нынешнего — Я.Г.) столетия примет метакод включения / исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы,

³⁵⁶ Бахарев Д.В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности. СПб: Юридический центр, 2016; Олькова О.А. Сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский период (1960–2013 гг.). М.: Юрлитинформ, 2014.

³⁵⁷ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140–156.

³⁵⁸ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

³⁵⁹ Погам С. Указ. соч. С. 147.

что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние»³⁶⁰.

Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечает отечественный автор, академик Н. Моисеев: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь остальные страны «отстали навсегда!»... Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» — экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы — сверхжестокая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением «золотого миллиарда». «Культуры на всех» тоже не хватит. И, так же как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих «золотому миллиарду»»³⁶¹. Надо ли говорить, что Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда»?... По классификации Уоллерстайна (Центр, Периферия, Полупериферия), Россия относилась к Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии»³⁶², все быстрее откатывается на Периферию.

Совершенно очевидны социальные следствия процесса «включения / исключения». Именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.). Так, «отчаяние молодых перед будущим, которое им кажется безысходным, лежит в основе делинквентного поведения, нарушений общественного порядка, столкновений с полицией»³⁶³. Неудивительно, что мировая девиантология и криминология активно обсуждают «inclusive / exclusive», как один из источников девиантного поведения³⁶⁴. Не следует, прав-

³⁶⁰ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94–108.

³⁶¹ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 360, 447.

³⁶² Pro et Contra. Проблемы глобализации. 1999. Т. 4. № 4. С. 227

³⁶³ Погам С. Указ. соч. С. 150.

³⁶⁴ Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd., 1998; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999; Гилинский Я. Девиантология: социология

да, забывать, что и гении, прославившие человечество, нередко происходили из числа «исключенных» (по экономическому, социальному статусу, этнической принадлежности)³⁶⁵.

Степень неравенства, разрыва между элитой и аутсайдерами лишь отчасти оценивается такими экономическими показателями как фондовый или децильный коэффициент дифференциации (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения) и коэффициент концентрации доходов — индекс Джини.

Этот разрыв, экономически отражаемый децильным коэффициентом и индексом Джини, все возрастает в России, сопровождаясь ростом убийств, самоубийств, алкоголизма и других девиаций. По данным Всемирного банка, основанным на официальной российской статистике, доля населения за национальной чертой бедности в России — 30,9%³⁶⁶. Индекс Джини, показывающий степень неравенства в распределении доходов населения, к началу текущего столетия был в России 0,456, тогда как в Австрии — 0,309, в Германии — 0,283, в Бельгии — 0,250, в Японии — 0,249. Близкие же российскому были показатели в Боливии (0,447), Иране (0,430), Камеруне (0,446), Уругвае (0,446)... Не удивительно, что за десятилетие 1990–1999 гг., исследованное С. Ольковым, в год с максимальным индексом Джини (1994 г. — 0,409) в России было зарегистрировано наибольшее количество убийств — 32,3 тыс., а в год с минимальным индексом Джини (1990 г. — 0,218) — наименьшее их количество 15,6 тыс.³⁶⁷ (см. табл. 5.1). К аналогичным результатам по данным за 25 лет (1985–2004) приходит И.С. Скифский в своем диссертационном исследовании и монографии³⁶⁸. В качестве иллюстрации, приведем лишь два графика (5.1; 5.2) из его работы.

преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2013

³⁶⁵ См., напр.: Данэм Б. Герои и еретики. Политическая история западной мысли. М.: Прогресс, 1967; Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия: в 2-х т. М.: Прогресс, 1992; Творчество как позитивная девиантность / под ред. Я. Гиллинского, Н. Исаева. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.

³⁶⁶ Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. М., 2005. С. 261.

³⁶⁷ Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8. С. 73–78.

³⁶⁸ Скифский И.С. Объяснение и прогнозирование насильственной преступности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006; Он же. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007.

Те же закономерности применительно ко всем регионам Российской Федерации установлены в трудах Э. Юзихановой³⁶⁹.

Поэтому, в-третьих, все более тревожащим и криминогенным представляется наблюдающееся с конца XX в. углубление степени социально-экономического неравенства обществ и социальных групп.

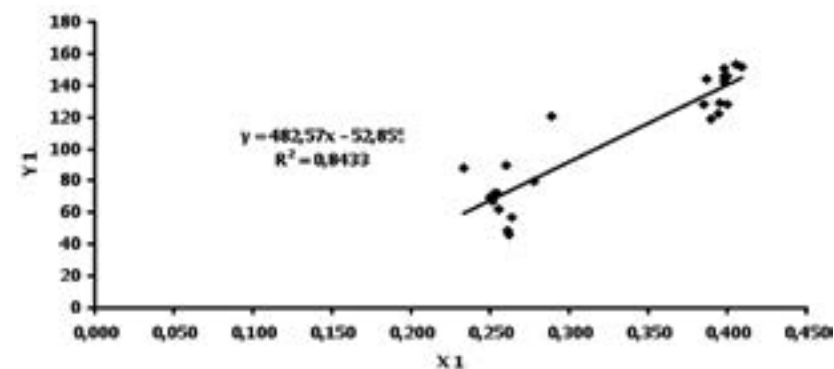
Таблица 5.1

Зависимость между показателем неравенства и количеством убийств и самоубийств (С.Г. Ольков, 2004)

Годы	Коэффициент Джини в РФ	Количество зарегистрированных убийств (тыс.)	Количество зарегистрированных самоубийств (тыс.)
1990	0,218	15,6	39,2
1991	0,260	16,2	39,4
1992	0,318	23,0	46,1
1993	0,398	29,2	56,1
1994	0,409	32,3	61,9
1995	0,381	31,7	61,0
1996	0,375	29,4	57,0
1997	0,381	29,3	55,0
1998	0,398	29,6	51,8
1999	0,394	31,3	57,3

График 5.1

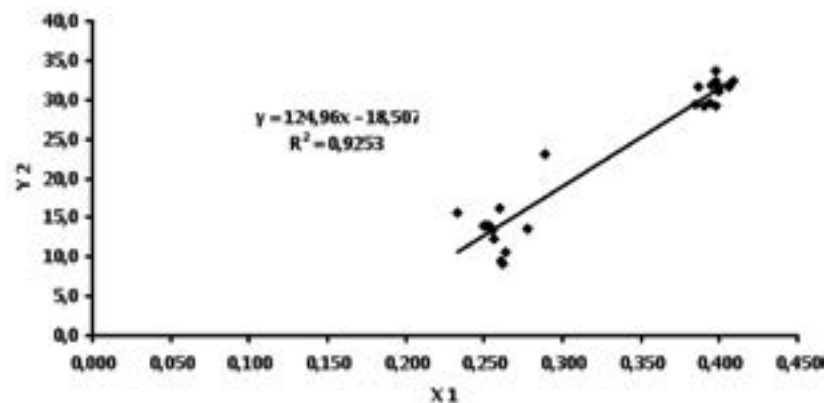
Связь между коэффициентом Джини и насильственной преступностью в России (1980–2004 гг.)

³⁶⁹ Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор-Бук, 2005.

График 5.2

Связь между коэффициентом Джини и убийствами в России (1980–2004 гг.)

(по И. Скифскому)

Известно, что в 2015 г. впервые в истории человечества 50% мирового богатства оказалось сконцентрировано в руках 1% населения Земли, а в 2016 г. 1% населения принадлежало уже 52% всех богатств³⁷⁰. Это катастрофическое неравенство неравномерно распределено по странам. Так, 1% населения России владеет 72% всех богатств страны (в Индии — 49%, в Индонезии — 46%).

Сформировался круг высокоразвитых государств, стран «золотого миллиарда» и увеличивается разрыв между этой группой стран и остальным миром. Растет пропасть между «включенными» (included) и «исключенными» (excluded) — как странами, так и социальными слоями, группами, отдельными людьми. Процесс глобализации лишь усиливает эту тенденцию³⁷¹. Ясно, что «исключенные» — социальная база девиантности³⁷².

³⁷⁰ Мануков С. Неравенство в доходах вышло из-под контроля // URL: <http://expert.ru/2015/10/14/polovina-mirovogo-bogatstva-v-rukah-odnogo-protsentan-aseleniya-planety/> (дата обращения: 14.10.2016).

³⁷¹ Проблемы глобализации // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 227–232, 254–265; Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гишинский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

³⁷² Гишинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004. № 6. С. 69–77.

Итак, с нашей точки зрения, важным (важнейшим? основным?) криминогенным и девиантогенным фактором служит *противоречие* («напряжение», strain) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества, *степень социально-экономической дифференциации и неравенства*.

Для полноты картины заметим, что социальная дифференциация, социально-экономическое неравенство и наличие аутсайдеров, «исключенных» служат... источниками прогресса и двигателями истории. Действительно, существование социальных групп разной степени удовлетворенности наличным бытием, конкуренция, рынок труда (с неизбежно присущей ему безработицей — «исключенными»), вообще разнообразие социальных слоев, групп с различными интересами (добиться большего, удержать свои позиции, переменить условия жизни к лучшему) и обеспечивают изменения, развитие производства, экономики, культуры. Всеобщее «равенство» приводит к стагнации, прекращению изменений и, в конечном итоге, к гибели общества. Всеобщее равенство достижимо лишь на кладбище (точнее, в его подземной части, а наверху могут быть или покоившиеся деревянные кресты, или мавзолеи из мрамора...).

Девиантность, порождаемая противоречием между потребностями массы людей и неравенством возможностей их удовлетворения, может проявляться как в негативных формах (преступность, наркотизм, пьянство и т.п.), так и в позитивных — социальное, научное, техническое, художественное творчество (вспомним реформаторов Р. Мертон). Ибо и те, и другие девиации служат средством («годным» или «негодным», с точки зрения общества) разрешения противоречия, изменения социальной структуры (вертикальная социальная мобильность). Другой вопрос — соотношение, пропорции негативных и позитивных девиаций. Преобладание позитивных (творчество) ведет к прогрессу общества, разгул негативных — к его деградации.

А на уровне индивидуального поведения события разворачиваются следующим образом. Противоречие между наличными потребностями индивида и реальными возможностями их удовлетворения, нередко воспринимаемое как неизбежное, оправданное («всяк сверчок знай свой шесток»), а то и неосознаваемое, может актуализироваться и усугубляться несоответствием объективных личностных свойств индивида (интеллектуальный уровень, физические, волевые и эмоциональные характеристики, образование, профессия, квалифи-

кация и т.п.) требованиям занимаемой социальной позиции — «социальной неустроенностью».

Социальная неустроенность вероятна, когда (1) индивид занимает позицию «ниже» своих объективных возможностей (примеры из недавнего прошлого: талантливый человек — художник, поэт, ученый на должности сторожа, истопника), (2) «выше» своих возможностей (посредственность в министерском кресле) или же (3) находится «вне» официальной структуры общества. Во всех этих случаях наблюдается, очевидно, и «рассогласование статусов», предложенных Л.И. Спиридоновым в качестве причины покушения индивида на существующий порядок³⁷³. Возможно также, что личностные особенности и занимаемая социальная позиция совпадают (малообразованный, малоквалифицированный, с не очень высокими интеллектуальными задатками человек работает подсобным рабочим), но сама позиция является «устаревшей», отмирающей в условиях развитого общества.

Социальная неустроенность может не осознаваться индивидом или, будучи осознана, проявляться психологически как неудовлетворенность. Индивид, находящийся в состоянии социальной неустроенности, будет стараться преодолеть ее — либо активной «позитивной» деятельностью (повышение образовательного и профессионального уровня, приобретение второй профессией, овладение иностранными языками, изобретательство, рационализаторство и т.п.), либо активной нежелательной для общества деятельностью, в частности преступной. Не сумев активно преодолеть неустроенность (мертоновская «двойная неудача»), индивид может либо смириться, либо найти утешение в алкоголе, наркотиках, либо решиться на самоубийство.

Социальная неустроенность (в случае занятия индивидом позиции выше его объективных данных), а также безграничность социальных и идеальных потребностей, их принципиальная «неутолимость» объясняют, с нашей точки зрения, и «беловоротничковую», элитарную преступность. В случае нахождения на позиции выше своих объективных возможностей чиновник высокого ранга, менеджер, иной руководитель будут предпринимать усилия, чтобы сохранить позицию, а то и подняться выше, используя все доступные, в том числе нелегальные, способы (подкуп, подлог, устранение конкурентов и т.п.). Кроме того, и среди тех, у кого «все есть», существуют непонятные для «простых людей» конкуренция, зависть, соперниче-

³⁷³ Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Л.: ЛГУ. 1973. С. 167.

ство, приводящие к «престижному», избыточному потреблению, так хорошо описанному Т. Вебленом (к его трудам мы еще вернемся)³⁷⁴. Неразумное сверхпотребительство «верхов», обеспечиваемое нелегальными, чаще всего в ущерб остальному населению, средствами, рано или поздно может обернуться против них: «Чем больше неимущие группы сомневаются в законности существующего распределения дефицитных ресурсов, тем вероятнее, что они должны будут разжечь конфликт»³⁷⁵. При этом «чем более жесткой является социальная структура, тем меньше в ней будет институционализированных средств, позволяющих гасить конфликты и напряженность, тем острее будет конфликт»³⁷⁶. Понимание этого властью и элитой способствует эволюционному развитию общества. Непонимание — приводит к социальным революциям и гражданским войнам.

В отечественной криминологической литературе нередко потребности подразделяют на нормальные или естественные и ненормальные или извращенные. После чего утверждается, что в основе криминального поведения обычно лежат извращенные потребности. Представляется, что такое деление излишне аксиологично и недостаточно корректно. Сами потребности «нейтральные», они не могут оцениваться как «хорошие» (естественные) или «плохие» (извращенные). Способы, средства их удовлетворения могут признаваться желательными, допустимыми или недопустимыми, с точки зрения общества, государства. Очевидно любая, самая «естественная» потребность может быть удовлетворена с помощью как легальных, так и нелегальных средств (продукты в случае голода можно купить, попросить или украсть; для отдыха, снятия напряжения можно пойти погулять, поплавать, почитать книгу или же выпить и учинить драку). «Не существует потребностей хороших и плохих, низших и высших, разумных и неразумных. Все основные потребности органически присущи каждому человеку: их нельзя ни уничтожить, ни искусственно насадить. Разумными и неразумными, возвышенными и низменными могут быть только формы удовлетворения этих потребностей»³⁷⁷.

Особое криминологическое значение имеют *социальные* потребности (точнее, их неудовлетворенность, нужда) — в статусе, пре-

³⁷⁴ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

³⁷⁵ Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. С. 167.

³⁷⁶ Там же. С.169.

³⁷⁷ Симонов П.В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987. С. 216.

стиже, самоутверждении. Витальные потребности, во-первых, ограничены, «конечны», имеют естественный предел (сытому человеку не надо думать о еде), во-вторых, в современных развитых странах относительно легко удовлетворяются. Социальные же и идеальные потребности безграничны, для их удовлетворения требуется больше сил, возможностей, благоприятных условий. Между тем, именно неудовлетворенные социальные потребности, в частности, в самоутверждении нередко приводят к преступному насилию (о чем подробнее пойдет речь в гл. 7) или же к ретретистским формам девиантного поведения. Несвершение, нереализованная потребность в самоутверждении приводит в конечном итоге к фрустрации³⁷⁸, кризису личности, девиантным проявлениям.

Нелишне заметить, что роль «социальных» потребностей велика и в детерминации поведения стадных животных. Так, среди них идет борьба за «статус», ранг, положение в «обществе» себе подобных. «Высокий ранг в группе обеспечивает преимущественный доступ к пище, местам отдыха и самкам»³⁷⁹ (почти как у людей...). В ряде случаев ранг определяется с момента рождения. Когда вылупляются цыплята домашней куры, они сразу же «определяют» свой ранг. Цыпленок первого (высшего) ранга впредь может клевать всех братьев и сестер, его же — никто из них. Цыпленок второго ранга может клевать всех остальных, кроме цыпленка первого ранга, и т.д. (американские исследователи используют понятие «теория клевков» — кто кого вправе «клевать» в человеческом обществе). В других случаях ранг зависит от «социального происхождения»: «У резусов (порода обезьян — Я.Г.) сыновья высокоранговых матерей имеют шанс занять более высокий ранг»³⁸⁰. Экспериментально было показано, что если в стаде обезьян самца первого ранга начать кормить после других членов семейства, пусть также обильно и вкусно, как он привык, он проявляет все признаки стресса, фрустрации, невроза вплоть до инфаркта миокарда³⁸¹.

Не меньшее значение имеет потребность в «знаниях», «информации», «самоутверждении» животных, проявляющаяся как в борь-

³⁷⁸ Фрустрация — психическое состояние тревоги, дискомфорта, напряженности в случаях, когда человек не может ни достигнуть желаемого, ни отказаться от него.

³⁷⁹ Симонов П.В. Мотивированный мозг. Указ. соч. С. 33.

³⁸⁰ Там же. С. 33.

³⁸¹ Огромный теоретический и эмпирический материал содержится в вышеназванной книге П.В. Симонова.

бе за статус (ранг), так и в повышенной поисковой активности некоторых особей («исследователей», «первопроходцев»). Так, в семье крыс, помещенных в идеальные условия с изобилием пищи, наличием тепла, света, мягкой подстилки («крысиный рай»), всегда находились особи (примерно одна треть), которые не довольствовались столь санаторно-курортными условиями и в поисках неведомого устремлялись в темные, холодные, полные опасности территории «крысиного ада» (примыкающие к «раю»), получали там удары током, повреждения острыми предметами, но, передохнув в «раю», вновь и вновь упорно отправлялись «на разведку» в «ад». Как тут ни вспомнить покорителей горных вершин, полюсов Земли, глубин океана и просто мотогонщиков.

Изложенные соображения позволяют придти к выводу о практических возможностях «канализирования» социальной активности в социально приемлемых формах (идея «баланса социальной активности» и возможности «канализирования» активности были нами высказаны еще в 1970–1980-х гг.³⁸²). Так, «в зависимости от способов и средств удовлетворения присущая подростку потребность занять определенное место в группе сверстников, утвердить себя среди других, а, следовательно, и в своих собственных глазах может трансформироваться в общественно полезную деятельность — учебу, изобретательство, спорт и т.п. или в хулиганские действия, кажущиеся «немотивированными»»³⁸³. Вот почему «первейшая задача воспитания заключается в таком канализировании потребностей, которое способствовало бы максимальному раскрытию способностей личности, ее развитию... Канализация удовлетворения потребностей в желательном для общества направлении достигается двумя путями: 1) непосредственным воздействием на сознание и подсознание субъекта с помощью имитационного воспроизведения поведенческих эталонов и 2) через вооружение субъекта социально ценными способами и средствами удовлетворения его потребностей»³⁸⁴.

³⁸² Гишинский Я.И. Социальное планирование города и проблемы отклоняющегося поведения. В: Актуальные проблемы социального планирования. Иркутск, 1975. С. 244–252; Человек как объект социологического исследования. Л.: ЛГУ, 1977. С. 103; Гишинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки. Т. 30. № 1. 1981. С. 134–143.

³⁸³ Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984. С. 66.

³⁸⁴ Симонов П.В. Мотивированный мозг. Указ. соч. С. 216.

Мы рассмотрели более или менее вероятные источники («девиантогенный комплекс») девиантности и девиантного поведения. Остается рассмотреть вопрос, почему одни и те же девиантогенные факторы оборачиваются то преступлением, то самоубийством, то уходом в алкоголь или наркотики. И здесь придется для начала от социального уровня спуститься на уровень личностный, индивидуальной психологии (не забывая и о роли Его Величества Случая).

Итальянский писатель Чезаре Павезе, покончивший жизнь самоубийством, как-то заметил: «Самоубийцы — робкие убийцы». Иначе говоря, при наличии одной и той же конфликтной ситуации «робкий» убьет себя, «храбрый» — другого. Как поведет себя тот или иной конкретный индивид под воздействием определенных обстоятельств («социальной неустроенности», например) в значительной степени зависит от комплекса личностных особенностей: характера, темперамента, интеллектуальных, волевых, эмоциональных особенностей, условий социализации, воспитания, образовательного уровня и т.п.

Сказанное относится в равной степени и к генезису позитивных девиаций, творчества. Ж.-П. Сартр писал: «Гений не дар, но выход, который придумывают в отчаянных случаях»³⁸⁵. Как поведет себя человек в «отчаянных случаях» (сделает открытие, или сопьется, или пырнет кого-нибудь ножом) — зависит от множества обстоятельств. А вот еще возможные «варианты» исхода в тяжелой жизненной ситуации: «говорят: если бог хочет сделать гения, он берет десяток талантливых и — бросает в огонь для закалки, как кувалдой, бьет их горем по голове, истязает всячески. Расчет у мудрого господина прост: трое — свихнутся, трое — сопьются, трое — удавятся, а один — авось да выдюжит, и получится из него — Достоевский!»³⁸⁶. Напомним, кстати, что Ф.М. Достоевский был приговорен к смертной казни по делу петрашевцев (1849) с последующей заменой наказания.

И все же тонкие механизмы разведения различных форм девиантности на личностном уровне, взятые в массе, позволяют находить определенные социальные закономерности. Некоторые эмпирические данные «разведения» преступлений, самоубийств, алкоголизма во времени и пространстве города были получены нами еще

³⁸⁵ Цит. по: Филиппов Л.И. Философская антропология Жан-Поля Сартра. М.: Наука, 1977. С. 258.

³⁸⁶ Бородай Ю. Психопатология и «массовое искусство». В: «Массовая культура» — иллюзии и действительность. М.: Наука, 1975. С. 181–182.

в 1970-е гг.³⁸⁷ Более поздний сравнительный анализ смертности от убийств и самоубийств в различных странах привел нас к гипотезе о зависимости соотношения уровня (в расчете на 100 тыс. жителей) убийств к уровню самоубийств от степени «цивилизованности / социальности» общества. Общий вывод — чем цивилизованнее общество, тем ниже значение этого показателя («индекса насилия»)³⁸⁸. Иначе говоря, граждане цивилизованного общества в критических ситуациях скорее убьют себя, чем другого.

Остается еще раз напомнить, что проблема генезиса преступности и иных форм девиантности чрезвычайно сложна и все высказанное в этой главе — скорее «информация для размышления», нежели ответ на вопрос.

³⁸⁷ Человек как объект социологического исследования. Указ. соч. С. 103; Эффективность действия правовых норм / Ред. А.С. Пашков и др. Л.: ЛГУ, 1977. С. 98–100.

³⁸⁸ Гилинский Я. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне российской действительности эпохи постперестройки // Мир России. 1995. Т. IV. № 2. С. 127–128; Гилинский Я.И., Юнацкевич П.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: учеб. пособие. СПб., 1999. С. 49–52.

Глава VI. Механизм индивидуального преступного поведения

*Социум выбирает
из психогенофонда.
В. Леви*

§ 1. Существует ли «личность преступника»?

В большинстве отечественных учебников имеются разделы (главы), посвященные «личности преступника». В зарубежной криминологической литературе социологического направления такой термин, насколько мне известно, отсутствует и не обсуждается. Впрочем, в современных цивилизованных странах вообще не принято употреблять такие слова как «пьяница» или «алкоголик» (говорят: «у X. есть проблемы с алкоголем»), «наркоман» («у Y. проблемы с наркотиками»), «преступник» («у Z. проблемы с законом»). Можно сколь угодно иронизировать по поводу их «политкорректности», «так называемой демократии», но уважение к любой личности «там» впитывается с молоком матери.

В отечественной криминологии существуют два основных подхода к проблеме личности преступника. Одни ученые активно отстаивают «личность преступника» как «качественно отличную от личности других граждан»³⁸⁹, и определяют ее как «совокупность социально-демографических, социально-психологических, нравственных и правовых свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, совершившее преступление, влияющих на его преступное поведение»³⁹⁰. К числу сторонников этой точки зрения принадлежат, в частности, В.Н. Бурлаков, А.И. Долгова, Н.Ф. Кузнецова, Н.С. Лейкина, Г.М. Миньковский и др.

Но ряд авторов отрицают существование особой «личности преступника» (Ю.Д. Блувштейн, Я.И. Гилинский, И.И. Карпец, А.М. Яковлев и др.). При этом они исходят из следующих соображений.

- Уголовный закон изменчив в пространстве и во времени, нет преступлений *sui generis, per se*. Что происходит с «личностью спекулянта» или с «личностью тунеядца» при декриминализации этих деяний? А откуда взяться личностям лжепредпринимателя или «фиктивного банкрота», когда до 1997 г. не было таких составов преступления?
- Следуя букве уголовного закона, как уже отмечалось выше, все (или почти все) люди в течение жизни совершают уголовные преступления. Значит все — «личности преступников»? Но тогда — в чем их *качественное* отличие от «непреступников» (не существующих в реальности)?
- Никто никогда не назвал *ни одного* личностного свойства, признака, качества присущего *только* «преступнику» (или же *только* «не преступнику»). Злость, агрессивность, ревность, злопамятность, грубость, вспыльчивость, алчность и т.д., и т.п. могут быть присущи в той или иной степени каждому человеку, в том числе, никогда не привлекавшемуся к уголовной ответственности.

Очевидно, в основе попыток найти специфические свойства преступников, присущие *только им* и отличающие *их* от законопослушных «нас», лежит древнейшее стремление людей отграничить «своих» (хороших, близких, родных) от «чужих» (плохих, подозрительных, опасных). ««Мы» это всегда «люди»,... тогда как «они» — не совсем люди»³⁹¹.

Образ преступного человека, подлежащего жесточайшим наказаниям, *конструируется* общественным сознанием и властью в назидание другим, чтобы другим не повадно было. «Идея качественного, существенного отличия преступника от остальных людей, персонификация зла, меняя свое обличье, остается одной из самых устойчивых социально-психологических категорий... Устойчивость такой тенденции заставляет предположить, что создание концепций личности преступника, их постоянная модификация, их неуклонное возрождение после очередного опровержения вызываются к жизни какими-то определенными социальными потребностями и объективно служат социальным целям»³⁹². И цитируемый автор — А.М. Яковлев — называет главные из этих потребностей и целей. «Чем больше совершенства приписывается господствующим социальным условиям, тем порочней выглядит личность преступника, свободного выбрать добро, но избирающего зло... Чем более безупречным представляется общество, тем более порицае-

³⁸⁹ Криминология М.: Юрид. лит., 1988. С. 88.

³⁹⁰ Криминология. СПб.: Изд-во СПб ГУ, 1992. С. 78.

³⁹¹ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. С. 82.

³⁹² Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. С. 27, 80.

мым и порочным выглядит преступник. В этом случае все социальные беды, несчастья и просчеты, конфликты и противоречия общества можно объяснить моральными пороками, злой волей определенной категории людей. Козел отпущения меняет свое обличье, но его функция воспроизводится вновь... И если по своей явной, открыто провозглашаемой функции он (преступник — Я.Г.) нужен для того, чтобы бороться со злом, с преступностью, то по скрытой, латентной функции он нужен для того, чтобы, заклеив тех, кто внизу социальной структуры, придать ореол непогрешимости и добродетели тем, кто наверху этой структуры»³⁹³.

Есть ли хотя бы какое-то рациональное криминологическое зерно в рассуждениях сторонников «личности преступника»? Да, есть. Но оно состоит, по моему мнению, не в том, чтобы искать свойства и признаки (либо совокупность таковых), характеризующие «личность преступника» и только преступника, а в понимании того, что различные поведенческие формы (в том числе, «негативные», отрицательно оцениваемые обществом) по-разному проявляются в зависимости от многих социально-демографических и психологических свойств. Лица определенного пола, возраста, образования, социального положения, тех или иных интеллектуальных, волевых, эмоциональных, физических качеств имеют относительно большую или меньшую *вероятность* оказаться среди совершивших те или иные преступления. Мужчины и женщины, молодые и пожилые, рабочие и служащие, семейные и одинокие, жители городов и сельской местности, мигранты и коренное население по-разному, в большей или меньшей степени, с большей или меньшей вероятностью совершают те или иные преступления (становятся лицами, имеющими проблемы с алкоголем, наркотиками, добровольно уходят из жизни). Ясно, например, что индивид с низкими интеллектуальными способностями вряд ли возглавит хитро задуманную сложную мошенническую операцию. А человек с выраженными физическими недостатками (слепой или без руки, без ноги) займется разбойными нападениями³⁹⁴.

Следует заметить, что зарубежная криминология (особенно так называемая «структурная») придает очень большое значение анализу таких факторов как «гендер (пол), возраст, раса, класс», тщательно изучая их корреляционные связи с преступными проявлениями³⁹⁵.

³⁹³ Там же. С. 35, 36, 39.

³⁹⁴ См. также: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

³⁹⁵ Forst B. (Ed.) *The Socio-Economics of Crime and Justice*. M.E. Sharpe, Inc. 1993; Grover Ch. *Crime and Inequality*. Willan Publishing, 2008; Hagan J. *Structural Criminology*. New Jersey: Rutgers, the State University, 1989; Scarpitti F, Nielsen A. (Eds.) *Crime and Criminals*:

Посмотрим, как статистически отражаются те или иные личностные характеристики на вероятности совершить то или иное преступление. Выше мы приводили некоторые социально-демографические характеристики лиц, совершивших преступления (гл. 3, § 2). Ниже мы попытаемся более основательно и под новым углом зрения рассмотреть этот вопрос.

Гендер (пол)

Эмпирически достоверным является относительно большая криминальная (вообще — девиантная: алкогольная, наркотическая, суицидальная) активность мужчин. Что стоит за этим фактом?

Порожденная общественным разделением труда *социальная* дифференциация и сопутствующее ей социально-экономическое неравенство лежат в основе противоречий интересов людей, занимающих различные позиции в социальной структуре, в основе межклассовых, межгрупповых конфликтов. Однако истоки таких противоречий и конфликтов можно найти еще в *естественном*, демографическом разделении людей — по полу, возрасту, этнической принадлежности.

Различным было положение женщины на разных этапах человеческой истории и в различных обществах. Несомненно то затухающий, то вспыхивающий «конфликт полов». Так, еще в первобытном обществе мужские тайные союзы выступали как «весьма действенное средство насильственного утверждения в обществе мужского господства и подавления женской части населения»³⁹⁶. Да и сейчас, по мнению некоторых исследователей, «взаимные обвинения полов... становятся все ожесточеннее и относятся не только к стилю одежды или внешнего поведения, они затрагивают суть личности современной женщины или мужчины»³⁹⁷.

В целом на протяжении истории положение женщины в производственной, экономической, политической и — как следствие — в семейно-бытовой сфере было, как правило, зависимым, подчиненным. Первоначальное — естественное разделение полов, вызванное их различными функциями в процессе воспроизводства челове-

Contemporary and Classic Readings in Criminology. Los Angeles: Roxbury Publishing Co., 1999; White R., Habibis D. *Crime and Society*. Oxford University Press, 2005.

³⁹⁶ История первобытного общества. Эпоха классового образования М.: Наука, 1988. С. 238.

³⁹⁷ Токарева Е.К. Узы брака и узы свободы // Социологическое исследования. 1987. № 2. С. 86. См. также: Воронина О.Ф. Женщина в «мужском обществе» // Социологическое исследования. 1988. № 2. С. 104–110; Ушакова В.К. Гинекоцентризм против андроцентризма // Социологическое исследования. 1985. № 1. С. 167–171.

ского рода, получило свое социальное «оформление» в виде многовекового подчиненного положения женщины, на долю которой выпало немецких «три К»: Kirche, Kinder, Küche (церковь, дети, кухня). Это продолжительное социальное неравенство не может не сказываться и тогда, когда во всех развитых странах победили женская эмансипация и юридическое равноправие полов (и даже *преувеличенное* подчеркивание равенства и женского равноправия, например, в США, свидетельствует о стоящем «в тени», «за спиной» не совсем равенстве...). Не может оно не сказаться и на различной интенсивности девятых проявлений мужчин и женщин.

Говоря о природных, естественных различиях между полами, значимых для поведенческих реакций, нетрудно составить некоторый перечень: например, женщины физически слабее (оставим в стороне «исключения» — сильных женщин и слабых мужчин), более эмоциональны и импульсивны, более впечатлительны, в определенные, физиологически обусловленные периоды жизни неустойчивость их психических реакций может усиливаться и т.п. Однако нам кажется, что есть более глубинные, фундаментальные биологические различия, обуславливающие принципиально различное место мужчины и женщины в обществе, в системе общественных отношений и, соответственно, существенно разную *стратегию* их жизнедеятельности (и общественно значимого поведения).

Эти фундаментальные различия были изучены и последовательно обоснованы В.А. Геодакяном в связи с более общей проблемой полового диморфизма и его роли в эволюции живых существ³⁹⁸.

Здесь я должен извиниться перед читателями за довольно продолжительный экскурс в область, казалось бы далекую от криминологии. Но изложенные выше методологические принципы *универсальности законов* мироздания и *универсальности общенаучных методов* познания действительности (гл. 1, § 4) пусть послужат мне в оправдание.

Суть концепции В.А. Геодакяна состоит в том, что в процессе биологической эволюции формируется половой диморфизм, т.е. «раздвоение» биологических видов на мужские и женские особи. При этом дифференциация полов оказывается «выгодной», *адаптивной* формой информационного контакта со средой, обеспечивающего специализацию по двум главным направлениям эволюции: *сохранения* и *изменения*.

³⁹⁸ Геодакян В.А. Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга. В: Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник 1986. М.: Наука, 1987. С. 355–376. В статье имеется библиография, включающая еще 14 работ автора, развивающих его концепцию полового диморфизма.

Существование любой системы мироздания (физической, биологической, социальной) представляет собой двуединый процесс сохранения и изменения (сохранения через изменения). Прекращение изменений системы в условиях постоянно изменяющейся среды означает в конце концов гибель системы как таковой. В едином процессе самодвижения, самоорганизации материи, мироздания совершенствуются механизмы *адаптации* (приспособляемости), «выживаемости» систем, в том числе путем повышения уровня их организованности. Биологические системы несравнимо «выше» (сложнее) по степени организованности, чем физические, а социальные — выше, сложнее, нежели биологические системы. Повышение уровня организованности (уменьшение энтропии системы, рост негэнтропии) сопровождается дифференциацией систем (живые организмы и их сообщества значительно дифференцированнее физических систем, а социальные организмы — общества — более дифференцированы, чем биологические). При этом, чем «выше», организованнее система (животное, популяция, общество), тем оно дифференцированнее. Заметим, что дифференциация полов, по В.А. Геодакяну, лишь проявление более общего «принципа сопряженности подсистем»: «любая адаптивная, следящая система, эволюционирующая в изменчивой среде, дифференцируясь на две сопряженные подсистемы, специализированные по консервативным и оперативным аспектам эволюции, повышают свою устойчивость в целом»³⁹⁹.

Применительно к рассматриваемым вопросам полового диморфизма, эволюционной роли полов это означает, что *женский* пол обеспечивает *сохранение* генофонда, потомства, популяции, отбор и *закрепление* адаптационно полезных свойств. Образ женщины как «хранительницы домашнего очага» приобретает не только историческое обоснование (женщины берегли, поддерживали огонь, когда мужчины уходили на охоту), но и биологическое, эволюционное.

Мужской же пол «отвечает» за *изменения*, эволюционные преобразования путем поиска, проб и — ошибок... Вот почему у мужчин выше поисковая активность, исследовательский инстинкт, рискованность поступков. Вот почему «все профессии, виды спорта, игры, хобби сначала осваивали мужчины, потом женщины. Даже социальные пороки (пьянство, курение, наркомания, азартные игры, преступность) были присущи вначале мужчинам, потом включались женщины»⁴⁰⁰. Вот где, наконец, выявляется криминологический

³⁹⁹ Геодакян В.А. (1987). Указ. соч. С. 361.

⁴⁰⁰ Геодакян В.А. (1987). Указ. соч. С. 369.

аспект темы! Но уж то, что оказалось полезным, адаптивным для выживания, сохранения, благополучия семьи и рода, женщины выполняют лучше, совершеннее мужчин. Кстати говоря, мужской пол расплавляется за свою роль авангарда биологической эволюции и социальных изменений... пониженной жизнеспособностью. Так что объективно «слабым» полом является мужской, а не женский. Продолжительность жизни — важнейший индикатор «качества жизни». Так вот, сегодня в мире продолжительность жизни женщин в среднем на 4 года больше, чем мужчин, в европейских странах — на 7 лет, а в России — на 14 лет (первое место в мире, на втором — Белоруссия, на третьем — Казахстан)!⁴⁰¹. И прозвучавший еще в 1976 г. призыв отечественного демографа Б.Ц. Урланиса «Берегите мужчин!» намного серьезнее, чем отношение к нему.

Итак, инновационная «миссия» мужчин (вообще — самцов; не следует забывать, что концепция В.А. Геодакяна распространяется на весь мир живого), их повышенная поисковая активность, более широкий разброс поведенческих форм, включая рискованные в самом широком смысле слова (от альпинизма и мотогонок до наркотиков и преступлений), составляют биологические предпосылки большей, по сравнению с женщинами (самками) амплитуды *девиаций* (отклонений) в поведении от признаваемой обществом «нормы». В.А. Геодакян в цитируемой работе называет это «двумя зонами патологии», «плюс и минус отклонениями от нормы». Мне представляется предпочтительным говорить о *позитивных* (научное, техническое, художественное и др. творчество) и *негативных* (пьянство, наркотизм, преступность и др.) *девиациях*⁴⁰². Как бы то ни было, но мужчины относительно активнее как в социальном творчестве, так и в социальной «патологии». Женщины же «нормальнее», гармоничнее в своей жизнедеятельности.

Выше (табл. 3.7) были приведены некоторые сведения, свидетельствующие о пониженной «криминогенности» женщин. Продолжим этот анализ. В табл. 6.1. представлены в динамике (1987–2007 гг.) доли (в % от общего числа преступлений) и коэффициенты криминальной активности мужчин и женщин по некоторым видам преступлений. С помощью коэффициента криминальной активно-

⁴⁰¹ Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека. № 93. М., 2005; Продолжительность жизни мужчин — почему она меньше, чем у женщин? // URL: <http://menquestions.ru/articles/prodolzhitelnost-zhizni-muzhchin.html> (дата обращения: 10.03.2017).

⁴⁰² Гилинский Я. Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 41–49.

сти можно нагляднее представить «вклад» каждого пола в тот или иной вид преступного поведения.

Половой диморфизм проявляется и в иных криминологически значимых фактах. Так, женщины безусловно реже совершают убийства, но уж если совершают, то чаще доводят задуманное до конца (доля покушений на убийства у женщин ниже, чем у мужчин). Очевидно, женщина способна на убийство лишь в исключительных обстоятельствах, и тогда уже более «последовательна» в осуществлении задуманного. Женщины более ригористичны по отношению к мерам наказания, они в большей степени, чем мужчины, высказываются за сохранение и широкое применение смертной казни, за применение более тяжких наказаний к преступникам. Вероятно, в них говорит инстинкт защиты детей, семьи, домашнего очага от преступных посягательств (природная функция *сохранения*).

Таблица 6.1

Доля (%) и коэффициент криминальной активности (Кка) мужчин и женщин в России (1987–2007)

	Мужчины		Женщины	
	Доля	Кка	Доля	Кка
1987	78,7	1,7	21,3	0,4
1988	83,3	1,8	16,7	0,3
1989	85,6	1,8	14,4	0,3
1990	86,3	1,8	13,7	0,3
1991	87,2	1,8	12,8	0,2
1992	88,6	1,9	11,4	0,2
1993	88,8	1,9	11,2	0,2
1994	87,0	1,8	13,0	0,2
1995	85,1	1,8	14,9	0,3
1996	84,1	1,8	15,9	0,3
1997	86,4	1,8	13,6	0,2
1998	85,3	1,8	14,7	0,3
1999	84,8	1,8	15,2	0,3
2000	83,7	1,8	16,3	0,3
2001	83,0	1,7	17,0	0,3
2002	82,2	1,7	17,8	0,3
2003	83,4	1,8	16,6	0,3
2004	86,6	1,8	13,4	0,3
2005	86,2	1,8	13,8	0,3
2006	84,9	1,8	15,1	0,3
2007	84,8	1,8	15,2	0,3

Возраст

Возраст, взятый сам по себе, отражает лишь длительность индивидуального существования. Однако все природные свойства человека (включая пол, возраст, этническую принадлежность, интеллектуальные и физические характеристики) опосредованы обществом, включенностью человека в общественные отношения. Нормативность поведения существенно зависит от степени *социализации* индивида, степени его включенности в общественные отношения.

Социализация индивида, как функция общества, состоит в том, что оно, во-первых, предоставляет своим членам определенный набор социальных позиций (в сферах экономики, труда, политики, образования, быта и досуга). Во-вторых, формирует (путем воспитания, образования) свойства, необходимые для замещения этих позиций и перемещения по ним (карьера). В-третьих, определяет механизм распределения и перераспределения индивидов по социальным позициям.

Ясно, что степень социализированности зависит, помимо иных многочисленных факторов, от *стадий* социализации, прохождения индивидом различных возрастных фаз развития⁴⁰³.

Молодость — это период бурного расцвета всех сил и способностей человека: интеллектуальных, физических, волевых, эмоциональных. «Акме» («пик» расцвета) деятелей науки и искусства приходится, как правило, на молодые годы: до 30 лет у химиков, 23 года у математиков, 32–33 года у физиков, около 30 лет у изобретателей, 20–25 лет в хореографии, около 35 лет — в области музыкального и поэтического творчества⁴⁰⁴. Еще раньше проявляются спортивные таланты.

Вместе с тем, на молодые годы приходится и «пик» негативных девиаций. Это не удивительно: не получив — в силу различных причин — возможность самоутвердиться в активной *позитивной* (творческой) деятельности, самоутверждаются в *негативной*, преступной («двойная неудача» по Р. Мертону).

Удельный вес различных возрастных групп в некоторых видах преступности представлен в табл. 6.2.

⁴⁰³ См., напр.: Гишинский Я. Стадии социализации индивида // Человек и общество. Вып. IX. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 44–55; Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.

⁴⁰⁴ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

Раса (этническая принадлежность)

В бывшем Советском Союзе идеология «дружбы и братства всех народов» (хорошая по сути, но не отражавшая реальной действительности) исключала статистические наблюдения и криминологические исследования зависимости уровня и структуры преступлений от этнической принадлежности лиц, их совершивших⁴⁰⁵. Эта традиция перешла и к современной России. Создалась довольно сложная ситуация. С одной стороны, знание этнического состава лиц, совершивших преступления, безразлично для криминологии и профилактики преступлений. С другой стороны, многочисленные этнические конфликты на территории России и бывшего СССР, сформировавшееся предубеждение по отношению к «лицам кавказской национальности» (не существующей в природе!), к «понаехавшим тут» могут лишь подогреваться публикуемыми сведениями (когда они появляются) о неодинаковой криминальной активности представителей различных этносов.

При этом вряд ли население в целом, да и некоторые представители правоохранительных органов будут разбираться в «тонкостях»: повышенная «криминальность» зависит не от расовой (этнической) принадлежности, а от того, что лица одной культуры оказались перенесенными, по разным причинам, в другую культуру; мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже адаптированы к условиям жизни «коренного населения»; мигрируют чаще всего не от хорошей жизни; мигрируют или отправляются «на заработок» в другие страны и регионы наиболее активные — молодые мужчины, чья «повышенная» криминальная активность рассмотрена выше.

В зарубежной криминологии, особенно американской, исследованиям расового (этнического) фактора уделяется значительное внимание⁴⁰⁶.

⁴⁰⁵ Одно из немногих исключений — исследования в бывшей Эстонской ССР: Лепс А. Влияние социально-демографических процессов на преступность. Таллин, 1981.

⁴⁰⁶ Grover Ch. Crime and Inequality. Ibid. Pp. 125–152; Hawkins D. Crime and Ethnicity. In: Forst B. (Ed.) (1993). Ibid. Pp. 89–120; Messner S., Golden R. Racial Inequality and Racially Disaggregated Homicide Rates: An Assessment of Alternative Theoretical Explanations. In: McShane M., Williams F. (Eds.) Criminal Justice. Contemporary Literature in Theory and Practice. NY-L.: Garland Publishing, Inc. 1997. Pp. 253–278; White R., Habibis D. Crime and Society. Oxford University Press, 2005, pp. 230–252.

Таблица 6.2
Динамика криминальной активности различных возрастных групп в России (1987–2013), в %

	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009	2013	
Убийство (с покуш.)	14–17	2,9	4,3	4,1	4,8	5,9	5,5	7,5	7,9	6,9	5,2	4,2	2,8	
	18–29	36,1	35,0	33,3	31,9	33,6	35,3	38,3	40,8	41,2	41,0	39,5	35,9	
	30 и >	61,0	60,7	62,6	63,3	60,5	59,0	56,2	51,7	49,5	51,9	53,8	56,3	61,3
Изнасилование (с покуш.)	14–17	32,6	31,7	25,4	22,6	20,8	16,0	14,3	16,6	16,5	15,9	13,5	8,3	
	18–29	53,6	53,3	55,4	55,9	55,8	56,8	56,6	58,9	58,0	59,7	58,6	53,5	
	30 и >	13,8	15,0	19,2	21,5	23,4	27,2	29,1	26,5	24,6	26,1	26,8	29,9	38,2
Кражи	14–17	36,9	42,2	30,9	24,0	19,5	18,1	16,2	17,4	20,7	18,1	16,6	12,3	12,2
	18–29	41,8	37,7	36,4	36,5	36,1	41,1	45,1	47,1	47,2	49,3	50,0	46,0	
	30 и >	21,3	20,1	32,7	39,5	44,4	40,8	38,7	35,5	32,1	32,6	33,4	37,0	41,8
Грабежи	14–17	34,4	38,7	33,6	31,4	28,2	24,4	21,9	23,6	23,8	21,4	16,7	12,6	
	18–29	47,9	45,0	43,8	46,2	47,3	50,8	53,9	57,2	58,5	58,7	59,2	54,9	
	30 и >	17,7	16,3	22,6	22,4	24,5	24,8	24,2	21,6	17,9	17,5	19,4	23,8	32,5
Разбои	14–17	20,5	21,6	19,4	21,7	19,7	16,5	14,7	17,2	18,6	17,4	16,2	11,4	8,3
	18–29	57,9	56,4	55,6	56,9	58,2	61,1	63,9	63,2	64,1	63,2	63,5	60,9	
	30 и >	21,6	22,0	25,0	21,4	22,1	22,4	21,4	19,6	17,3	19,4	20,3	25,0	30,8
Присвоение, растраты	18–29	22,6	23,6	21,7	21,7	20,9	20,9	22,8	29,4	35,0	40,8	45,0	43,7	41,4
	30 и >	77,3	76,2	78,1	77,6	79,0	78,8	76,9	70,0	64,4	59,2	55,0	56,3	58,6
	14–17	0,3	0,1	0,2	0,4	–	–	0,1	–	0,1	0,4	0,4	–	
Взяточничество	18–29	17,8	20,5	19,6	27,3	29,8	27,1	8,9	26,2	26,0	26,3	27,2	26,9	
	30 и >	81,9	79,4	80,2	72,3	70,2	72,9	91,0	72,8	73,9	73,3	72,9	73,1	

Социальное положение (социальный статус)

При рассмотрении этого важнейшего для криминологии, как и всякой другой общественной науки, понятия мы вновь вынуждены отвлечься на «некриминологические» рассуждения.

Понятия «класс», «социальная структура», «социальная стратификация», «социальный статус» — одни из основополагающих в общественных науках и — одни из наиболее дискуссионных. Это не удивительно, поскольку они отражают *фактически неравное* положение в обществе людей, «равных» по своей природе, а потому отягощены многочисленными идеологическими и политическими мифами и предрассудками.

Общепризнанно, что приоритет в разработке понятия «класс» принадлежит К. Марксу и М. Веберу. При этом К. Маркс сводил социальное неравенство к производственным отношениям, а основным критерием классовых различий у него служила *собственность* на средства производства. М. Вебер наряду с решающим значением собственности учитывал еще два критерия социального неравенства — *власть* и *престиж*.

Нельзя не назвать и классические исследования социальной структуры, социального неравенства и социальных перемещений Э. Дюркгейма⁴⁰⁷ и П. Сорокина⁴⁰⁸.

Заслуги К. Маркса в обосновании «классового подхода» неоспоримы. Именно он показал существенную зависимость всей жизнедеятельности людей, их образа жизни, основных поведенческих стратегий от занимаемой социальной позиции в структуре общественных (прежде всего, производственных) отношений, от классовой принадлежности индивидов. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает... с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»⁴⁰⁹. Общественное разделение труда приводит к закреплению социальной деятельности за определенными индивидами (их группами). Разделению труда соответствует и «разделение»

⁴⁰⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 3–390.

⁴⁰⁸ Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность. В: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295–424.

⁴⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.

распределения и потребления: «Вместе с разделением труда... дано и распределение, являющееся при том — как количественно, так и качественно — неравным распределением труда и его продуктов»⁴¹⁰. Таким образом, «разделение труда делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов»⁴¹¹. Так общественное разделение труда определяет, в конечном счете, социальную дифференциацию, деление общества на классы и социальные группы (слои, страты), социальное неравенство. С разделением общества на классы люди «находят уже заранее установленными условия своей жизни: класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем и их личную судьбу... Личность обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями»⁴¹².

К этим чрезвычайно важным положениям марксизма требуются некоторые комментарии.

Во-первых, общество было структурировано и до его разделения на классы (и не только человеческое общество: животные, живущие стадами и семьями, имеют свою иерархию и «неравенство!»).

Во-вторых, социальная дифференциация — прогрессивное явление, свидетельствующее о возрастании степени сложности, степени организованности общества как системы. Ибо всякое усложнение, повышение организованности сопровождаются все большей дифференциацией целого. Так что надежды К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей на «ликвидацию» социального неравенства — утопичны и... реакционны. Речь может идти лишь о «смягчении» социального неравенства и об определенных социальных гарантиях и компенсациях.

В-третьих, класс, классовые отношения и классовая принадлежность определяют судьбу человека не жестко, не фатально, а *вероятностно*.

В-четвертых, со временем жесткость классовой структуры ослабевает. Если социальная структура феодального общества практически не допускала перемещений из класса в класс (минимальная социальная мобильность), капиталистическая система времен К. Маркса допускала такие перемещения *de jure*, но существенно ограничивала их *de facto*, то индустриальное и постиндустриальное общества обеспечивало — до поры, до времени — сравнительно свободную вер-

тикальную мобильность. К сожалению, современное общество постмодерна вновь ограничивает *de facto* эту мобильность⁴¹³.

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку *либеральная программа улучшения мира обнаружилась своей несостоятельностью в глазах подавляющей массы населения Земли*⁴¹⁴. В другой работе он приходит к убеждению, что *капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис*⁴¹⁵.

Н. Луман называет два принципиальных следствия развития современного капитализма. Во-первых, «невозможность для мировой хозяйственной системы справиться с проблемой справедливого распределения достигнутого благосостояния»⁴¹⁶. С проблемой, когда «включенные» имеют почти всё, а «исключенные» — почти ничего. И, соответственно, во-вторых, «как индивид, использующий пустое пространство, оставляемое ему обществом, может обрести осмысленное и удовлетворяющее публично провозглашаемым запросам отношение к самому себе».

Автор «индустриального общества», Джон Гэлбрейт писал еще в 1967 г.: «Для рабочего, лишившегося заработка на джутовой фабрике в Калькутте, так же как и для американского рабочего в период великой депрессии, вероятность найти когда-нибудь другую работу очень мала... Альтернативой его существующему положению является, следовательно, медленная, но неизбежная голодная смерть»⁴¹⁷. Позднее, в 1973 г., Дж. Гэлбрейт напишет об экономических лишениях — голоде, позоре, нищете, «если человек не хочет работать по найму и тем самым принять цели работодателя»⁴¹⁸. Не выступают ли, следовательно, «цели работодателя» фактором насилия?

Экономическая теория развивалась сама по себе. Экономическое насилие и его жертвы существовали сами по себе. И «в результате эконо-

⁴¹³ Подробнее об этом: Гилинский Я. Два лица экономической свободы. В: Экономическая свобода и государство: друзья или враги. СПб.: Леонтьевский Центр, 2012. С. 58–75.

⁴¹⁴ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003.

⁴¹⁵ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000. Vol. 15. № 3.

⁴¹⁶ Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. С. 234.

⁴¹⁷ Русское издание: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. С. 180.

⁴¹⁸ Русское издание: Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979.

⁴¹⁰ Там же. С. 31.

⁴¹¹ Там же. С. 30, 31.

⁴¹² Там же. С. 54, 77.

номическая теория незаметно превратилась в ширму, прикрывающую власть корпорации». Если это было ясно для Дж. Гэлбрейта к 1973 г., то дальнейшее развитие экономики и ее главных субъектов — банков и ТНК лишь подтвердили диагноз...

В «Размышлениях в красном цвете» (явный намек на коммунистическую доктрину), С. Жижек демонстрирует фактически завершенный раскол мира на два полюса: «новый глобальный класс» — замкнутый круг «включенных», успешных, богатых, всемогущих, создающих «собственный жизненный мир для решения своей герменевтической проблемы»⁴¹⁹, и — большинство «исключенных», не имеющих никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан».

При этом оба мира неразрывно связаны между собой. Точно так же, как «пороки» капиталистических отношений с их «достоинствами»: «Парадокс капитализма заключается в том, что невозможно выплеснуть грязную воду финансовых спекуляций и при этом сохранить здорового ребенка реальной экономики: грязная вода на самом деле составляет «кровеносную систему» здорового ребенка». Поэтому (и не только) — «даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет»⁴²⁰.

В результате автором предлагается «расширенное понятие кризиса как глобального апокалиптического тупика, в который мы зашли».

Так что зависимость от «своего» класса (страты), социального положения сохраняется. Детям представителей высших страт значительно легче получить элитарное образование, престижную профессию, сделать карьеру, нежели выходцам из «низов». Многочисленные исключения лишь подтверждают статистически значимую закономерность. Более того, есть печальные основания полагать, что социальная поляризация в современном мире не сокращается, а возрастает, принимая глобальный характер. Речь идет о процессе включения / исключения (*inclusion / exclusion*), о котором говорилось в гл. 5.

События 11 сентября 2001 г. (террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне) выдвинули эту проблему на уровень реальной международной и внутренней политики государств, ибо терроризм порождается исключенностью отдельных стран, социальных групп, людей из современной жизни Западной цивилизации с ее благами (действительными или кажущимися).

⁴¹⁹ Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011. С. 6.

⁴²⁰ Там же. С. 19, 20.

Большие социальные группы людей (классы, страты), отличающиеся неравными возможностями, выстраиваются в «социальную пирамиду», верхушку которой образуют высшие слои (элита), середину занимает «средний класс», а в основании пирамиды находятся низшие классы, «андеркласс» (*underclass*). «Социальные различия становятся социальной стратификацией, когда группы людей выстраиваются иерархически вдоль некоторой шкалы неравенства, которое может выражаться в различии доходов, состояний, власти, престижа, возраста, этнической принадлежности... Представители различных страт, соответствующих различным уровням стратификационной иерархии, обычно обладают схожими *жизненными шансами* и *жизненными стилями*»⁴²¹.

Существует много классификаций современной социальной стратификации в развитых странах. Одна из распространенных — классификация Дж. Голдторпа, насчитывающая 11 страт, составляющих три класса (служебный, промежуточный, рабочий)⁴²². Широко известна у нас стратификация в виде также трех классов (высший, средний, низший), причем средний подразделяется на высокий средний, средний средний и низкий средний.

Во времена советской власти по идеологическим соображениям было принято деление общества на рабочий класс, колхозное крестьянство и «прослойку» служащих. В настоящее время, в связи со сложной переструктуризацией российского общества, нет общепринятой стратификации и отечественные авторы выделяют различное количество страт⁴²³.

Все более явным становится разделение человечества и населения каждой страны на меньшинство «включенных» в активную экономическую, социальную, политическую, культурную жизнь и большинство «исключенных».

Приводя в качестве примера распределение различных преступлений по социальным группам (табл. 6.3), мы вынуждены исходить из группировки, принятой полицейской статистикой.

⁴²¹ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Казань: Казанский ГУ, 1997. С. 322–323.

⁴²² Там же. С. 121.

⁴²³ См.: Ильин В. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1996; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.

Таблица 6.3

Доля (%) различных социальных групп в структуре преступности в России (1987–2013)

	Год	Убийства (с поку- шен.)	Изнасило- вание (с покушен.)	Кра- жи	Раз- бои	Растрата, присво- ение	Взя- точни- чество
Рабочие	1987	61,4	51,0	40,3	46,4	28,3	33,2
	1991	51,2	48,9	57,4	35,9	47,8	34,0
	1995	26,4	31,8	28,2	18,3	46,5	19,3
	1999	17,4	23,4	20,4	12,9	48,4	13,2
	2003	16,1	22,4	16,3	13,9	54,2	20,9
	2006	15,2	20,2	15,1	13,9	50,6	21,5
	2013	14,4	19,3	15,1	13,5	44,1	20,1
	Служащие	1987	3,5	1,8	2,1	1,3	67,9
1991		2,6	1,5	1,7	0,9	43,0	53,9
1995		2,1	2,1	1,0	1,1	30,0	50,9
1999		1,7	1,8	0,7	1,1	28,4	50,7
2003		1,8	1,9	0,9	1,7	22,1	39,7
2006		1,9	2,2	0,9	1,7	20,6	35,9
2013		1,4	1,0	0,7	1,1	21,3	36,4
Работники сельского хо- зяйства		1987	6,2	5,9	3,7	2,0	3,1
	1991	5,0	6,8	7,4	1,8	6,0	0,6
	1995	1,1	2,0	2,1	0,3	2,5	0,2
	1999	1,2	2,0	2,8	0,3	6,5	0,5
	2003	0,6	0,9	1,5	0,2	3,6	0,5
	2006	0,3	0,5	0,8	0,1	2,0	0,4
	2013	0,2	0,2	0,3	0,03	1,3	0,7
	Учащиеся (включая сту- дентов)	1987	2,2	25,7	29,0	15,4	0,1
1991		1,8	12,6	13,8	9,9	0,2	0,7
1995		1,8	8,5	9,2	8,5	–	0,5
1999		2,8	9,4	9,5	10,1	–	1,3
2003		3,8	9,0	12,4	11,6	–	2,3
2006		3,2	8,4	12,4	12,6	–	3,6
2013		2,0	5,6	11,3	7,6	–	2,7
Предпри- матели (без образования юридического лица)		1995	0,9	1,1	0,4	0,8	1,5
	1999	0,9	1,3	0,3	0,6	1,8	6,8
	2003	0,5	0,6	0,2	0,3	1,3	8,0
	2006	0,2	0,2	0,1	0,1	1,1	3,6
	2013	0,8	1,0	0,4	0,4	1,3	4,6
	Лица без постое- янного источ- ника дохода	1987	15,3	14,6	23,6	33,1	0,2
1991		25,5	26,1	15,9	47,3	0,5	3,9
1995		54,2	46,4	49,4	63,4	–	11,4
1999		66,0	58,5	62,5	71,2	–	9,8
2003		69,0	61,0	64,3	67,9	–	15,7
2006		72,2	63,2	66,8	67,9	–	22,2
2013		74,7	70,0	69,8	75,6	–	30,5

Таблица 6.3 (окончание)

	Год	Убийства (с поку- шен.)	Изнасило- вание (с покушен.)	Кра- жи	Раз- бои	Растрата, присво- ение	Взя- точни- чество
Безработные	1995	4,6	3,8	5,6	4,6	–	1,2
	1999	6,2	6,3	6,7	5,8	–	1,7
	2003	7,4	6,1	6,9	5,5	–	1,4
	2006	7,7	7,0	6,9	6,1	–	2,6
	2013	4,7	3,8	3,9	3,8	–	2,0

* По понятным причинам сведения о предпринимателях и безработных за 1987 и 1991 гг. отсутствуют.

Как явствует из приведенных данных, неуклонно снижается доля рабочих и работников сельского хозяйства, что объясняется, прежде всего, резким их сокращением в населении; устойчиво невелика доля служащих в «общеуголовной» преступности при ее естественном возрастании в преступлениях «беловоротничковых». Парадоксально высок удельный вес рабочих среди растратчиков при относительно низком — среди служащих. Это может быть объяснено «селективностью» деятельности милиции и уголовной юстиции, когда репрессии подвергаются «козлы отпущения», а не «белые воротнички». Удивительно высокий удельный вес рабочих и лиц без постоянного источника доходов во взяточничестве объясняется тем, что названные категории являются взяткодателями (нередко — вынужденными обстоятельствами). Но особенно знаменателен устойчивый и весьма значительный рост числа и доли лиц, не имеющих постоянного источника доходов, и безработных, т.е. — «исключенных»...

Остается добавить, что не только «криминальность», но и виктимность зависит от социально-экономического статуса, принадлежности к той или иной социальной группе⁴²⁴.

Иные факторы

По только что изложенным соображениям прослеживается связь между *социальным происхождением* и вероятностью совершения тех или иных преступлений. Это очевидно в тех случаях, когда социальное происхождение обуславливает социальное положение. Попытка выявить зависимости между социальным про-

⁴²⁴ Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимность социальных статусов в современном обществе. Краснодар: Краснодарская Академия МВД РФ, 2005.

исхождением и различными формами социально значимого поведения предпринималась нами еще в начале 70-х гг. прошлого столетия⁴²⁵.

Многочисленными отечественными и зарубежными исследователями отмечается корреляционная связь преступности с уровнем образования: чем он выше, тем меньше вероятность совершения «общеуголовных» преступлений и тем выше — «беловоротничковых». С нашей точки зрения, роль образовательного фактора опосредуется принадлежностью к тому или иному классу (страте).

Не менее известна относительно повышенная криминальная активность мигрантов, чья адаптация в среде «коренного» населения затруднена со всеми вытекающими последствиями.

В целом «антикриминогенным» фактором выступает наличие семьи, хотя для так называемого «семейного насилия» именно конфликтные семейные отношения провоцируют преступления. Можно сказать, что «хорошая семья» — антикриминогенный фактор, «плохая семья» — криминогенный.

Интенсивность тех или иных преступлений зависит от типа поселения: есть преступления преимущественно «городские» (грабежи, разбои, мошенничество, должностные преступления и др.), есть — «сельские» (в России это — тяжкие насильственные преступления, уровень которых в сельской местности в 1,5–2 раза выше, чем в городах)⁴²⁶. Некоторые данные о городской и сельской преступности в России см. табл. 6.5. Различны уровень и структура преступности в городах — мегаполисах (типа Москвы, Санкт-Петербурга), городах портовых и курортных, старинных и строящихся, крупных и малых, в рабочих поселках.

⁴²⁵ Человек как объект социологического исследования / Ред. Л.И. Спиридонов, Я.И. Гишинский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.

⁴²⁶ Габияни А.А., Гачечиладзе Р.Г., Дидебулидзе М.И. Преступность в городах и сельской местности. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985; Забрянский Г.И. Криминологические проблемы села. Ростов н/Д: Ростовский ун-т, 1990; Заварзин А.В. Предупреждение правонарушений на селе. Воронеж: Воронежский ун-т, 1983.

Таблица 6.5

Коэффициент криминальной активности* городского и сельского населения России (1984–2005)

	1987		1989		1991		1993		1995		1997		1999		2001		2003		2005	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
Убийство (с покушениями)	0,8	1,4	0,8	1,4	0,9	1,4	0,9	1,0	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2
Тяжкий вред здоровью	0,9	1,1	1,0	1,0	0,9	1,0	0,9	1,1	1,0	0,9	1,1	0,9	1,1	0,9	1,1	0,9	1,0	1,0	0,9	1,1
Изнасилование (с покушениями)	0,9	1,3	0,9	1,3	0,9	1,3	0,9	1,1	0,9	1,3	0,8	1,4	0,8	1,4	0,9	1,3	0,9	1,2	0,9	1,2
Разбой	1,1	0,6	1,2	0,5	1,2	0,5	1,2	0,4	1,1	0,6	1,1	0,7	1,1	0,7	1,1	0,6	1,2	0,5	1,2	0,4
Грабег	1,2	0,5	1,2	0,3	1,2	0,3	1,3	0,2	1,2	0,5	1,1	0,6	1,2	0,6	1,2	0,5	1,2	0,3	1,3	0,3
Кража	1,1	0,8	1,1	0,7	1,0	0,9	1,0	1,0	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2	0,9	1,2	1,0	1,0	1,0	0,9
Присвоение, растрата	0,8	1,4	0,8	1,4	0,8	1,4	0,9	1,2	0,8	1,4	0,9	1,3	0,9	1,3	0,9	1,2	1,0	0,8	1,1	0,7
Взяточничество	1,1	0,7	1,1	0,6	1,2	0,5	1,3	0,1	1,1	0,6	1,1	0,6	1,1	0,6	1,2	0,6	1,2	0,5	1,2	0,6
Всего преступлений	0,9	1,2	1,0	0,9	1,0	0,9	1,1	0,8	0,9	1,0	0,9	1,1	0,9	1,1	1,0	1,0	1,0	0,9	1,0	0,8

* Частное от деления городской (сельской) преступности (%) на долю городского (сельского) населения (%) в соответствующем году.

§ 2. Механизм индивидуального преступного поведения

Отечественные авторы под механизмом индивидуального преступного поведения (преступления) понимают либо преимущественно *психологический* механизм, этапы психической деятельности (мотивация, принятие решения, планирование, исполнение задуманного), не отрицая при этом известной роли среды, либо отдают предпочтение *социальным условиям* как формирования самой личности с ее психологическими свойствами, так и влияющим на принятие решения совершить преступление⁴²⁷. В целом сторонники обеих точек зрения отдают дань и социальным, и психологическим факторам генезиса преступления. Мне ближе второй, «социологический» подход, на котором вкратце и остановимся ниже.

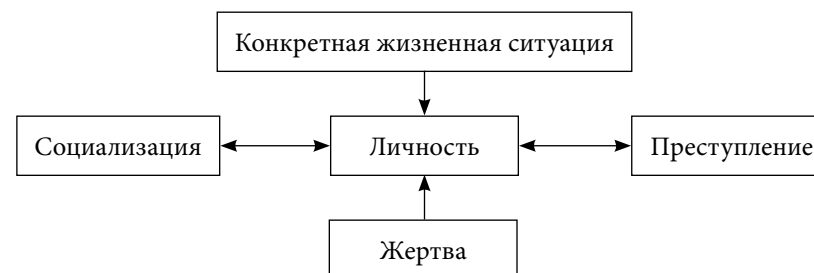
Представляется возможным выделить несколько основных *элементов* (звеньев) механизма индивидуального преступного поведения. Очевидно, центральным элементом является *личность* потенциального или реального исполнителя преступного намерения. Но личность не рождаются, ею становятся в процессе *социализации*, которая и выступает вторым звеном рассматриваемого механизма. Так или иначе социализированная личность действует (совершает преступление), находясь в *конкретной жизненной ситуации*, которая служит третьим необходимым элементом в генезисе преступления. Наконец, большую или меньшую роль в механизме преступного акта может играть поведение *жертвы* преступления.

Обозначим упомянутые элементы механизма индивидуального преступного поведения на схеме (№ 6.1), а затем рассмотрим их подробнее.

Социология и психология различают понятия «индивид» — представитель рода *Homo Sapiens*, «личность» — индивид, наделенный социальными свойствами в процессе социализации, «индивидуальность» — неповторимая, уникальная конкретная личность. Человек рождается как индивид и лишь со временем становится личностью под воздействием институтов социализации — семьи, школы, ближайшего окружения, трудового коллектива и т.п.

Механизм индивидуального преступного поведения

Схема 6.1

Личность потенциального или реального преступника, как любого лица, характеризуется совокупностью социально-демографических признаков (пол, возраст, этническая принадлежность, образование, профессиональный и социальный статус, семейное положение), психологических свойств (уровень интеллекта, характерологические особенности, интра- или экстравертированность, уровень притязаний и др.), а также некоторых социально-биографических характеристик (отличник, неуспевающий, судимый, профессионал, лауреат, рецидивист и т.п.). Ясно, что каждый из составляющих личность признаков может иметь криминологическое значение. О роли некоторых социально-демографических характеристик говорилось выше. Криминологическому значению психологических свойств посвящена обширная литература⁴²⁸.

Понятие *социализации* рассматривалось выше. Здесь отметим некоторые криминологически значимые ее аспекты. Как ни покажется удивительным, но важное криминологическое значение имеют самые ранние стадии социализации⁴²⁹. Так, отсутствие теплых эмоциональных контактов с матерью в течение первого года жизни ребенка, а также жесткий, авторитарный стиль воспитания, традиционный для России, с высокой степенью вероятности приводят к насильственным преступлениям. Ибо, как заметил еще доктор Б. Спок, «преступники вырастают из детей, страдающих не от недостатка

⁴²⁷ Криминология: учебник. СПб.: СПб ун-т МВД РФ, 1999. С. 179–197; Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: Опыт криминологического моделирования. М.: Форум, 1998; Криминология / Ред. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Указ. соч. С. 92–102; Хохряков Г.Ф. Криминология. Указ. соч. С. 178–182.

⁴²⁸ Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 1997; Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: «Ось-89», 1998; Самсонов А.П. Психология преступных групп. Пермь, 1991; и др.

⁴²⁹ Вообще о стадиях социализации см.: Гишинский Я.И. Стадии социализации индивида // Человек и общество. Вып. IX. Л.: ЛГУ, 1971. С. 44–55.

наказаний, а от недостатка любви»⁴³⁰. Многочисленные наблюдения за детьми и эксперименты с животными привели исследователей к выводу, что «наказание не только не устраняет агрессивность, но поощряет и усиливает ее»⁴³¹. Как важно это знать и учитывать в практической деятельности родителям, педагогам, работникам пенитенциарных учреждений!

По мнению психологов, основные характерологические особенности человека складываются в возрасте до пяти-шести лет. Следовательно, как будет воспитываться ребенок на этой дошкольной (семейной) стадии социализации, таков у него будет характер (конечно, не без некоторого влияния наследственного фактора), а значит и поведенческие реакции. Чем свободнее развивается дошкольник, тем полноценнее сформируется характер: свободного, самостоятельного, мыслящего человека.

Важными институтами социализации являются школа и ближайшее окружение, «значимые другие» (референтная группа). Криминологическое их значение показано в многочисленных исследованиях юристов, педагогов, социологов. А *дефекты социализации* проявляются в виде преступных и иных девиантных актов.

Конкретная жизненная ситуация нередко выступает криминогенным фактором. Бедственное материальное положение может послужить стимулом корыстного преступления, а сложная дорожная обстановка — транспортно-дорожного преступления. Поэтому «случайное стечение обстоятельств» и «стечение тяжелых жизненных обстоятельств» могут учитываться в качестве смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ). Существует определенное соотношение роли личности преступника и конкретной жизненной ситуации (КЖС) в генезисе преступления: чем «лучше» (социализированнее) личность, тем большая роль принадлежит КЖС (нужны исключительно неблагоприятные обстоятельства, чтобы законопослушная личность совершила преступление). И наоборот — чем «хуже» личность, тем безразличнее КЖС, которая будет подыскиваться или специально создаваться для «оправдания» содеянного (классический пример — просьба «закурить» и последующее избиение или ограбление «непослушного»).

Наконец, виктимологией хорошо изучена возможная роль *жертвы* в механизме индивидуального преступного поведения.

Различают три возможных варианта поведения потенциальной жертвы преступления: позитивное, негативное и нейтральное. При *позитивном* поведении возможная жертва предпринимает попытки предотвратить преступное поведение исполнителя (избежать конфликта, успокоить, убедить и т.п.). *Негативное* поведение может явиться провокационным для преступника (развязывание ссоры, скандала, выпивка с незнакомым партнером и т.п.)⁴³². При *нейтральном* — жертва ведет себя обычным образом, не предвидя возможности стать потерпевшим, ничего не предпринимая для предотвращения или же провокации преступления.

В механизм преступного поведения бесспорно включается и психологический фактор. Однако, не будучи профессиональным психологом, отсылаю заинтересованного читателя к соответствующей литературе, указанной выше, а также к книге В.Н. Кудрявцева «Генезис преступления: Опыт криминологического моделирования», содержащей и значительную библиографию.

⁴³⁰ Спок Б. Интервью // Литературная газета. 1968. № 10. С. 11.

⁴³¹ Скотт Д.П. Биология и контроль за насилием. М.: Мир, 1973.

⁴³² См.: Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

Часть III. Криминологический анализ некоторых видов преступлений

Глава VII. Криминальное насилие (преступления против личности)

В этой части монографии будут рассмотрены криминологические характеристики лишь некоторых видов преступности. Для анализа выбраны наиболее опасные или же распространенные преступления. Кроме того, в последней — 14-ой — главе этой Части будет представлена краткая характеристика некоторых из нерассмотренных видов преступности и ссылка на соответствующую литературу.

Содержание криминологического анализа различного вида преступлений в значительной степени зависит от их особенностей и не может быть одинаковым. Вместе с тем, мы постараемся максимально использовать следующую схему:

- общая характеристика (основные понятия, социальная природа и т.п.);
- уровень и динамика рассматриваемого вида преступности;
- место в общем объеме преступности;
- внутренняя структура;
- качественные особенности;
- социально-демографический состав субъектов преступлений;
- территориальное (пространственное) и временное распределение;
- особенности генезиса и профилактики.

Человек является единственным видом, в котором борьба носит уничтожающий характер.

Н. Тинберген

Насильственные преступления направлены против самого ценного для человека — его жизни, здоровья, физической целостности и неприкосновенности. Тягчайшее из насильственных преступлений — убийство — является и тягчайшим из всего арсенала преступных посягательств. Но насильственные преступления — лишь часть *насилия*, распространенного в человеческом обществе. Поэтому мы считаем необходимым предпослать общую характеристику насилия конкретному анализу насильственных преступлений против личности.

§ 1. Социальное насилие

Насилие — в различных его проявлениях — неотъемлемая составляющая (элемент) общественного бытия.

В буквальном смысле слова *жизненно* важная проблема насилия породила обширнейшую литературу и науку о нем — виолентологию (от лат. *violentia* — насилие) или вайолентологию (от англ. *violence*). В России только за последние годы издан ряд фундаментальных трудов, посвященных широко понимаемой проблеме насилия⁴³³. При этом само понятие «насилие» остается весьма многознач-

⁴³³ Антропология насилия / Ред. В. Бочаров, В. Тишков. СПб.: Наука, 2001; Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки. СПб.: Всемирное слово, 1999; Бассиюни К. Воспитание народоубийц. СПб.: Академический проект, 1999; Гилинский Я.И. Социальное насилие. 2-е изд. СПб.: Алетей, 2017; Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000; Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010; Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературно обозрение, 2000; Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М.: Водолей, 2009; Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб.: РНБ, 2000.

ным и дискуссионным (впрочем, это совершенно нормально при изучении любого сложного феномена).

Пожалуй, наиболее широким является понимание насилия как *поведения, наносящего вред другим*⁴³⁴; как *принуждение, ограничение свободы выбора, «узурпация свободной воли»*⁴³⁵. Более узкое понимание ограничивает насилие причинением *физического, психического или материального (имущественного) вреда*. Наконец, в самом узком смысле под насилием понимается причинение *физического вреда, нарушение физической неприкосновенности*.

Не меньше споров о *природе* насилия: имеет оно преимущественно животное происхождение или же — социальное.

«Какое зверское убийство!» — восклицаем мы, услышав об особо жестоком лишении жизни. «Не человек, а зверь!» — говорим о человеке жестоком, убийце, садисте. И в голову не приходит при этом, что мы клеветаем на зверей... Во-первых, внутривидовое убийство среди животных — крайняя редкость (Е. Артцт, Ш. Волин, Н. Тинберген, Р. Хартогс и др.). У животных акты внутривидовой агрессии редко заканчиваются серьезными травмами и смертельным исходом, поскольку действуют надежные механизмы, предотвращающие убийство себе подобных: сигналы «капитуляция» немедленно прекращают самую жестокую схватку. «Борьба между животными одного и того же вида не имеет своей целью смерть противника; как правило, она не сопровождается кровопролитием и прекращается при отступлении одного из конкурентов»⁴³⁶. Исследования показывают, что борьба между обезьянами — наиболее близкими к человеку по степени агрессивности — ограничивается угрозами, укусами, ранениями соответственно как 1000:50:1. Во-вторых, и это — главное, агрессия и убийство среди животных всегда *инструментальны*: из-за пищи, из-за самки, при защите детеныша, но никогда не превращаются в самоцель, не бывают, как у людей, «просто так», куражу ради, «из хулиганских побуждений». «Агрессивности ради агрессивности у животных, по-видимому, вообще не существует»⁴³⁷. Если

⁴³⁴ Tutt N. (Ed.) Violence. L.: Her Majesty's Stationary Office, 1976, p. 613; Rapp-Paglicci L., Roberts A., Wodarski J. (Eds.) Handbook of Violence. NY: John Wiley & Sons Inc., 2002.

⁴³⁵ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 36.

⁴³⁶ Симонов П. Знание — против зла. В: Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., 1979. С. 269.

⁴³⁷ Симонов П. (1979). Указ. соч. С. 269.

волк *вынужден* есть зайца, а заяц — капусту, то человек уничтожает и тех и других «ради спортивного интереса»...

Между тем, в человеческом обществе, по неполным подсчетам, с 3600 г. до н.э. по настоящее время (т.е. более чем за 5600 лет) на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тыс. войн унесло около 3,5 млрд человеческих жизней. Только за 80 лет XX в. в мире произошло 154 войны, стоивших человечеству свыше 100 млн жизней. По данным Р. Руммела, за 87 лет минувшего столетия помимо 39 млн жертв межнациональных и гражданских войн, около 151 млн чел. было убито собственными правительствами⁴³⁸. По оценке Н. Крессела, лидеры стран — «спонсоры убийств», принесли в жертву человеческие жизни: СССР (1917–1987) — 61,9 млн чел., Китай (1928–1987) — 45,2 млн, Германия (1934–1945) — 20,9 млн, Япония (1936–1945) — 5,8 млн, Камбоджа (1975–1978) — свыше 2 млн и т.д.⁴³⁹ Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?

Казалось бы, человечество, наученное страшным опытом Второй мировой войны, должно остановиться, задуматься, обрести, наконец, мир и покой. Отнюдь. «Только за 50 лет после Второй мировой войны прошло 25–30 средних и более 400 малых войн. Они охватили не меньше стран, чем это было в последней мировой войне. В них погибло свыше 40 млн и стали беженцами свыше 30 млн чел. Сегодня специалисты выделяют следующие разновидности новых войн: локальные войны, военные конфликты, партизанская война, информационная война, «консциентальная» война (война сознаний), преэмптивная война (опережающий захват или силовое действие на опережение) и террористическая война (терроризм). Одной из современных разновидностей террористических войн является кибертерроризм»⁴⁴⁰.

Очевидно, *насилие* в человеческом обществе отличается от агрессивности животных не только масштабами, но и тем, что оно сопровождается *враждебным отношением* к объекту насилия (волк вряд ли испытывает «вражду» к зайцу, а тигр — к лани). Однако *качественное* отличие насилия от агрессии проводится не всеми

⁴³⁸ См.: Аснер П. (1999). Указ. соч. С. 15.

⁴³⁹ Kressel N. Masse Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996, pp. 252–253.

⁴⁴⁰ Григорьев Н., Родюков Э. Террористические действия в виртуальном пространстве опасны // Независимая Газета. 2016. 22 июля.

авторами. Так, например, отмечают, что насилие нередко более интенсивно, чем агрессия, совершается многократно, влечет большее количество жертв⁴⁴¹.

Но «если проявление истребительной внутривидовой агрессии — это специфическая особенность человека, то разве не логично искать причины этой специфической черты в том, что *характерно* именно для человека, что его *отличает* от животных, а не в том, что его роднит с ними?... Специфические особенности агрессивности у человека есть следствие специфических же для человека условий жизни, т.е. следствия особенностей той социальной среды, которую он в процессе своего исторического развития для себя создал. При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех *социальных причин*, которые агрессивность вызывают»⁴⁴². Наш общий подход к «социальным причинам» был изложен в гл. 6, здесь же обратимся к некоторым специфическим факторам, обуславливающим перерастание животной агрессивности в социальное насилие. Но при этом нам вновь не миновать «не криминологических» общенаучных рассуждений.

Существование любой системы (в том числе, общества) есть диалектическое тождество *сохранения и изменения*. «На самых общих теоретических уровнях не существует разницы между теми процессами, которые служат сохранению системы, и теми, которые служат ее изменению»⁴⁴³. Чем выше уровень организованности системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают *изменения* как «средства» *сохранения*. Неравновесность, неустойчивость становятся источником упорядоченности (по И. Пригожину, «порядок через флуктуации»).

Важнейшим элементом механизма сохранения-изменения служит *адаптация* (как приспособление к среде и «приспособление» среды). В соответствии со вторым законом термодинамики и законом возрастания энтропии (неупорядоченности, хаоса) в системе, повышение уровня ее организованности возможно только *за счет* увеличение энтропии среды, ее дезорганизации (я это называю «принципом Расплаты»).

⁴⁴¹ Goldstein A., Segall M. (Eds.) Aggression in Global Perspective. Pergamon Press, 1983, p. 23.

⁴⁴² Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий. В: Диалоги. М., 1979. С. 51, 55.

⁴⁴³ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. В: Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94–122. С. 114.

Чем выше уровень организованности системы, тем более энергичны, активны способы ее адаптации. Возрастание организованности биологических систем происходит следующим образом: «Более активные особи, лучше использующие ресурсы внешней среды для роста, жизни и размножения, вытесняют в процессе смены поколений менее активных особей. Более устойчивые особи, т.е. лучше противостоящие различным вредным влияниям, также вытесняют путем преимущественного размножения менее устойчивых особей. В обоих случаях более упорядоченные формы организации с более низким уровнем энтропии вытесняют менее упорядоченные формы организации с более высоким уровнем энтропии»⁴⁴⁴.

«Возвышение» от физического уровня организации материи до биологического означало появление новых, более эффективных способов адаптации. (Вообще можно сказать, что эволюция Вселенной есть эволюция способов адаптации составляющих ее систем или, как говорил Т. Парсонс применительно к обществу: «Среди процессов изменения наиболее важным для эволюционной перспективы является *процесс усиления адаптивных возможностей*»⁴⁴⁵). В результате дарвиновского естественного отбора и «борьбы за существование» повышается информационное содержание, «емкость» биологических систем, степень их организованности⁴⁴⁶. Однако, *за все приходится платить!* «Сохранение вида всегда достается ценой гибели подавляющей массы его представителей... Для противодействия энтропии хищник вынужден истреблять травоядных животных... Следовательно, хищник как «самоорганизующаяся система» живет за счет дезорганизации травоядных, вызывая эту дезорганизацию в масштабе, оставляющем далеко позади масштаб собственной самоорганизации»⁴⁴⁷. Надо ли напоминать, что травоядные столь же активно дезорганизуют мир растений?

Появление в процессе эволюции общественного человека означало переход на новый, социальный уровень организации материи. Однако, эта новая система — «общество» есть результат все того же *Единого мирового процесса самоорганизации материи* (Н. Моисеев),

⁴⁴⁴ Шмальгаузен И.И. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск: Наука, 1968. С. 139.

⁴⁴⁵ Парсонс Т. (1993). Указ. соч. С. 114.

⁴⁴⁶ Современные понимания эволюции и естественного отбора см.: Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987; Чайковский Ю. К общей теории эволюции // Путь. 1993. № 4. С. 101–141.

⁴⁴⁷ Камшилов М.М. Эволюция биосферы. М.: Наука, 1979. С. 216.

его этап, *момент* эволюции Вселенной, подчиняющийся ее фундаментальным законам. «Сверхадаптация» общественного человека осуществляется путем активного *силового* изменения среды. Биологическая «борьба за существование» перерастает в социальную «сверхборьбу за лучшее существование («сверхсуществование»).

Дарвиновская триада (изменчивость — наследственность — отбор) фиксирует новый, более эффективный механизм адаптации, живых организмов по сравнению с физическим (добиологическим) уровнем организации мироздания. Род *Homo Sapiens* служит «ступенью» перехода к более высокому (более сложному) уровню организации материи — социальному. При этом человек остается биологическим существом, сохраняя выработанное в процессе эволюции «наследство», включая *агрессивность*, которая была необходима слабосильному существу в среде более сильных, вооруженных клыками, рогами, когтями. Биологическое происхождение агрессивности как эволюционно выработанного средства адаптации и выживания обосновывается современной социобиологией (А. Walsh, E. Wilson и др.⁴⁴⁸).

На начальных стадиях антропосоциогенеза «действовал обычный стадный закон: лучшие куски доставались самым сильным, самок и детенышей защищали, а старых и немощных отдавали в качестве естественной дани на съедение волкам, гиенам и всем тем, кто охотился на двуногих наземных обезьян»⁴⁴⁹. Со временем адаптация человека как биологического существа «доразвилась» до сверхадаптации социального организма — общества (которое само возникло и функционирует как механизм адаптации *Homo Sapiens*). *Агрессивность*, уходящая корнями в биологию и «подчиняющаяся» биологическим закономерностям, выступает теперь в форме *социального насилия*, обусловленного законами социального развития. Возможно, основное отличие сверхадаптации социальных систем от адаптации биологических заключается в том, что общество не столько приспосабливается к среде, сколько приспособливает ее к себе. Другое дело, что рано или поздно такое «подчинение» среды, природы оборачивается против общества и человека экологическими, техногенными катастрофами.

⁴⁴⁸ См., напр.: Walsh A. Biosociology: An Emerging Paradigm. Praeger Publishers, 1995; Walsh A. Biosocial Criminology. Introduction and Integration. Cincinnati OH: Anderson Publishing Co., 2002.

⁴⁴⁹ Моисеев Н.Н. (1987). Указ. соч. С. 110.

Выше (гл. 5) мы подробно говорили о роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности. В основе социального насилия вообще, криминального, в частности, лежат те же механизмы. При этом в детерминации различных форм социального насилия особую роль играют неудовлетворенные *социальные* потребности: в престиже, статусе, самоутверждении. Если неудовлетворенная витальная потребность (в пище, продолжении рода, защите от холода и т.п.) приводит к «борьбе за существование», то неудовлетворенная социальная потребность — к «сверхборьбе за сверхсуществование». Так, «отрицательные эмоции, возникающие на базе неудовлетворенных социальных потребностей, как правило стеничны и агрессивны»⁴⁵⁰. Насилие выступает раньше и чаще других средств и способов *самоутверждения*, когда в силу различных причин недоступны общественно полезные (или приемлемые), конструктивные, творческие способы. И тогда «как предельный случай самоутверждения — убийство»⁴⁵¹. Даже казалось бы такое «очевидное» по своей мотивации преступление как изнасилование часто служит способом самоутверждения, а не удовлетворения витальной — сексуальной потребности⁴⁵². (В свое время я был удивлен, когда это теоретическое положение нашло подтверждение в результатах эмпирического исследования изнасилований: лишь 8,5% опрошенных лиц, виновных в изнасиловании или покушении на изнасилование, указали на половое влечение как мотив преступления⁴⁵³). Вообще «насилие имеет место тогда, когда создается препятствие для полной соматической или духовной реализации потенциалов человека» (J. Galtung)⁴⁵⁴.

«Власть» вожака стаи (стада) животных трансформируется во властные структуры человеческого общества, начиная с власти родоплеменных вождей. А *власть* — всегда порождение и источник *насилия*. Исторически позже возникает еще одна форма удовлетворения потребности в самоутверждении: накопление *богатства*.

⁴⁵⁰ Симонов П.В. Детерминизм и свобода выбора. В: Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1982. С. 105.

⁴⁵¹ Туровская М. «Преступления века» и «массовая цивилизация» // Новый мир. 1968. № 7. С. 236.

⁴⁵² Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980. С. 241–242.

⁴⁵³ Гилянский Я., Позднякова М., Рыбакова Л. Криминологическая характеристика изнасилований. В: Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. М.: ИС РАН, 1988. С. 150–160.

⁴⁵⁴ Цит. по: Денисов В.В. Социология насилия. М.: Политиздат, 1975. С. 58.

Этот процесс, с интересующих нас позиций, подробно рассмотрен американским экономистом Т. Вебленом. Он, в частности, пишет: «Самыми высокими почестями, которые только можно заслужить у народа, все еще остаются почести, добытые проявлением чрезвычайных хищнических склонностей на войне или квазихищнических способностей в государственном управлении; но просто для приобретения приличного положения в обществе эти средства к достижению славы заменились приобретением и накоплением материальных ценностей»⁴⁵⁵. Итак, *Насилие* (война), *Власть* (государственное управление), *Богатство* (материальные ценности) — вот основные исторически сложившиеся распространенные «средства» самоутверждения (приобретения почестей и почета) общественно-го человека. Есть, правда, альтернатива: в терминологии Веблена — «инстинкт мастерства» (творчество!), который «рождает чувство от- вращения к бесполезному существованию или пустым расходам» и «является судом высшей инстанции». «Инстинкт мастерства», творческий талант дан каждому, но, увы, не каждым востребован.

Если насильственное разрешение конфликтов в первобытном обществе еще близко по своей природе агрессивному поведению животных, то с общественным разделением труда и сопровождающей его дифференциацией общества насилие все больше приобретает характер *социального*, как способ разрешения общественных конфликтов и антагонизмов, принуждения некоторых классов (слоев, групп) к деятельности, не соответствующей их интересам, как средство «разрешения» межкультуральных, этнических, конфессиональных, межличностных конфликтов. Социальное насилие становится средством осуществления внешней и внутренней политики государства, средством борьбы за власть. При этом государство монополизирует право на умерщвление — от смертной казни и внесудебной расправы до военных действий («Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области претендует на монополию легитимного физического насилия»⁴⁵⁶).

Насилие приобретает *системный* характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное насилие» (J. Galtung), «воспитательное насилие» (W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr), «насилие экономики» (Luhmann), «структурное насилие» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а социальный

строй, J. Galtung), «право поражено насилием» (Benjamin). Фактически «насилие встроено в систему»⁴⁵⁷.

Представляет несомненный интерес классификация видов насилия, предложенная С. Жижekom в уже упоминавшейся книге⁴⁵⁸. С. Жижек различает насилие субъективное, «символическое» и «системное». За этой классификацией скрываются немаловажные теоретические представления.

Субъективное насилие — это те проявления социального насилия, которые «лежат на поверхности», легко различимы и признаваемы большинством людей (и уголовным законом): убийства, теракты, войны и т.п. «Это лишь наиболее зримая вершина треугольника, который включает два других вида насилия» (с. 5).

Второй вид — «*символическое*» насилие, воплощенное в языке, речи. Но это не только очевидные случаи речи-ненависти (оскорбления, угрозы и т.п.), «есть еще более фундаментальная форма насилия, которая принадлежит языку как таковому, насаждаемой им определенной смысловой вселенной» (с. 6). В качестве примера С. Жижек приводит массовые вспышки насилия в мусульманском мире в связи с опубликованием в одной из датских газет карикатур на Мухаммеда. Большинство участников волнений в глаза не видели ни этой датской газеты, ни самих карикатур. Но эта публикация, ставшая в принципе известной благодаря глобализации СМИ и «всемирной паутине», затронула привычные символы, установки, враждебные мусульманскому миру: Запад, империализм, безбожие, гедонизм (с. 50).

Еще более «скрытым», незаметным, но постоянно присутствующим в человеческом обществе (и тем более опасным) является «*системное (объективное) насилие*». Это — «нередко катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических систем» (с. 6). При выявлении и анализе системного насилия, считает С. Жижек, необходимо исходить из конкретных исторических условий. Будучи явным противником капитализма, С. Жижек показывает это на его примере. Он пишет: «Маркс описывал безумное самовозрастающее обращение капитала, солипсистское самооплодотворение, которое достигает своего апогея в сегодняшних метарефлективных спекуляциях с фьючерсами... Судьба целых стран населения, а иногда и целых стран может решаться «солипсистской» спекуля-

⁴⁵⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 80.

⁴⁵⁶ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 645.

⁴⁵⁷ Бекер Д. Понятие системного насилия. В: Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 68.

⁴⁵⁸ Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010.

тивной пляской Капитала, который преследует свою цель получения прибыли, сохраняя счастливое безразличие к тому, как его действия скажутся на социальной реальности... Именно организованная без всякого внешнего принуждения метафизическая пляска всемогущего Капитала служит ключом к реальным событиям и катастрофам. В этом и заключается фундаментальное системное насилие капитализма, гораздо более жуткое, чем любое прямое докапиталистическое социально-идеологическое насилие: это насилие больше нельзя приписать конкретным людям и их «злым» намерениям; оно является чисто «объективным», системным, анонимным» (с. 14–15). Это системное насилие, «которое присуще социальным условиям глобального капитализма, и предполагает «автоматическое» создание исключенных и лишених людей — от бездомных до безработных» (с. 16).

Нравится нам это или нет, но насилие сопровождает человека всю его историю. Более того, прослеживается эскалация насилия и средств его осуществления: от войн «племени против племени» с помощью топора, копий и стрел до мировых войн XX столетия и угрозы тотального самоуничтожения человечества («омницид») в ходе применения современных средств массового уничтожения. Насилие как адаптационное средство, выйдя из-под контроля, угрожает самому существованию человечества⁴⁵⁹. Агрессивная «сверхадаптация» *Homo Sapiens* может обернуться против человечества, как в свое время «сверхадаптация» гигантских ящеров привела к их гибели.

Американские исследования 186 обществ и культур, последствий вьетнамской войны и отечественные — афганской и чеченской войн несомненно свидетельствуют о том, что *интенсивность агрессивности в обществе прямо пропорциональна его участию в войнах*. В обществе, не ведущем войны, уровень насилия в течение десяти лет падает⁴⁶⁰.

Социальное насилие многолико: от семейного до межгосударственного, от индивидуального до массового (например, геноцид), от легального (от имени государства) до криминального, от инструментального до немотивированного и т.д. Соответственно существует множество типологизаций и классификаций социального насилия. Так, различают политическое насилие государственное и негосудар-

ственное, стихийное и организованное, индивидуальное и коллективное, оборонительное и наступательное, единичное и массовое, реформистское, радикальное, реакционное, консервативное, вооруженное и невооруженное и т.п.⁴⁶¹.

Оригинальное исследование соотношения насилия и политики с гуманистических позиций (преступление и наказание есть форма гражданской войны, взаимодействие людей при демократии может служить альтернативой насилию) публикует один из основателей «криминологии миротворчества» (*criminology as peacemaking*) Х. Пепински⁴⁶².

Тщательный *социально-психологический* анализ агрессии и насилия представлен в известном труде Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности»⁴⁶³. Э. Фромм различает оборонительную, «доброкачественную» агрессию, которая служит сохранению индивида и рода, и «злокачественную» агрессию, деструктивность, жестокость, которая присуща только человеку и отсутствует у других животных. Эта агрессия не служит биологическому приспособлению и бесцельна. Приходится признать, отмечает Э. Фромм, что «человек отличается от животных именно тем, что он убийца» (с. 23). Э. Фромм подробно исследует истоки и проявления «злокачественной агрессии», такие ее разновидности как садизм и некрофилия (понимаемая в широком смысле слова; в частности, рассматривается А. Гитлер как клинический случай некрофилии). Не могу удержаться от цитирования результатов эмпирического исследования, осуществленного Э. Фроммом совместно с М. Маккоби: «Все опросы показали, что антижизненные (деструктивные) тенденции весьма примечательно коррелируют с политическими воззрениями тех лиц, которые выступают за усиление военной мощи страны... Лица с деструктивной доминантой считали приоритетными следующие ценности: более жесткий контроль над недовольными, строгое соблюдение законов против наркотиков, победное завершение войны во Вьетнаме, контроль над подрывными группами и их действиями, усиление полиции и борьба с мировым коммунизмом» (с. 293).

Достаточно подробный обзор *психологических* концепций агрессии имеется в первом томе двухтомника Х. Хекхаузена «Мотивация и деятельность»⁴⁶⁴.

⁴⁵⁹ Подробнее см.: Аснер П. Указ. соч.; Моисеев Н.Н. (1987). Указ. соч.; Моисеев Н.Н. (1998) Указ. соч.

⁴⁶⁰ См.: Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде. М., 1996. С. 57.

⁴⁶¹ Дмитриев А.В., Залысин И.Б. Указ. соч. С. 30–57.

⁴⁶² Pepinsky H. The Geometry of Violence and Democracy. Indiana University Press, 1991.

⁴⁶³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

⁴⁶⁴ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1. С. 365–405.

Из современных *криминологических* объяснений насильственной преступности можно назвать концепцию «образа повседневной жизни» (A. Havley, L. Cohen, M. Felson): изменение привычного образа жизни, повседневных практик, большая независимость членов семьи, взаимная отчужденность способствуют насильственному «решению» конфликтов. В США получила распространение и теория «субкультур насилия», основанная на исследовании насильственных преступлений в этнических сообществах (прежде всего афроамериканцев)⁴⁶⁵. И, конечно же, сохраняет свои позиции концепция социально-экономического неравенства.

§ 2. Криминологический анализ насильственных преступлений против личности

Насильственные преступления против личности — лишь одно из проявлений социального насилия. Название «насильственные преступления» или же «преступления против личности», принятые в литературе, весьма условны, поскольку *все* преступления — суть проявления насилия в широком смысле этого слова (как нанесение вреда, принуждение, ограничение свободы воли), *все* преступления так или иначе затрагивают интересы личности.

В узком смысле, принятом в данном параграфе, под насильственными преступлениями против личности понимаются *нелегитимные, запрещенные уголовным законом деяния, посягающие на жизнь, здоровье, физическую (в том числе, половую) неприкосновенность личности*. К таким деяниям относятся преступления, предусмотренные гл. 16, гл. 18 УК РФ, ст. 126–128, 205–206, 277, 317–318, 333–335, 353, 356, 357, 360 УК РФ, а также иные преступления, когда они посягают на жизнь, здоровье или физическую неприкосновенность граждан (например, хулиганство сопровождаемое насилием, грабеж с насилием или разбой, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшие вред здоровью или смерть и т.п.).

Однако в силу традиции и с учетом имеющихся статистических данных, мы вынуждены в дальнейшем анализе ограничиться теми преступлениями, *непосредственным объектом* которых является жизнь, здоровье, половая неприкосновенность и свобода (гл. 16 и 18 УК РФ). Так, с 1997 г. к преступлениям против личности уголовная

⁴⁶⁵ См.: Криминология / Ред. Дж. Шелли. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003. С. 259–266.

статистика относит и учитывает: убийство и покушение на убийство; убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; причинение смерти по неосторожности; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта; истязания; изнасилование и покушение на изнасилование⁴⁶⁶.

Динамика преступлений против личности в России была представлена в табл. 3.5, а по смертям от убийств в табл. 3.2. Кроме того, обширный материал содержится в неоднократно упоминавшейся монографии В.В. Лунева (2005)⁴⁶⁷ и в Особенной части его Курса⁴⁶⁸. Поэтому вначале мы ограничимся краткой характеристикой некоторых *качественных* изменений преступлений против личности.

Большинство исследователей отмечали: увеличение числа казных убийств по экономическим и политическим мотивам, а также вследствие «разборок» криминальных структур (по некоторым данным, значительно превосходящим официальные, ежегодно в стране совершается 500–600 убийств «по найму»⁴⁶⁹); рост количества актов и жертв терроризма; взятие заложников; вымогательство с применением изощренных методов насилия (пытки). Нередко называется рост числа серийных убийств на сексуальной почве. Однако скорее мы имеем дело с эффектом быстрого реагирования средств массовой информации. По мнению психологов и психиатров, доля лиц с патологией влечений (в том числе сексуальные перверсии), которые являются основными субъектами таких преступлений, относительно стабильна в популяции. Очень высок уровень латентных насильственных действий, включая преступные, по отношению к детям. Чрезвычайно высока и латентность жертв «дедовщины» в армии⁴⁷⁰.

⁴⁶⁶ Преступность и правонарушения 1998: Статистический сборник. М.: МВД РФ, МЮ РФ, 1999. С. 32.

⁴⁶⁷ Лунев В.В. (2005). Указ. соч. С. 397–455.

⁴⁶⁸ Лунев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Т. II. Особенная часть. М.: Юрайт, 2011.

⁴⁶⁹ Преступность и культура / Ред. А.И. Долгова. М.: Криминологическая Ассоциация, 1999. С. 146.

⁴⁷⁰ Помимо названных трудов В.В. Лунева, см.: Дедовщина в армии / ред. С.А. Белановский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования, 1991; Мацкевич И.М., Эминов В.Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М.: Юрист, 1994; Нарушения прав человека в армиях стран СНГ. М.: МОПЧ, 1992; Правозащитник. 1994. № 2. С. 62–66.

К этому следует добавить «засекреченность» статистики военной юстиции.

И еще несколько соображений по поводу «заказных» убийств. *Убийства по найму* были известны всегда. В силу разных причин лицо, задумавшее уничтожить кого-либо, действовало не само, а «поручало» это другому (другим) лицам. Чаще всего — за вознаграждение, но это могла быть и «идейная» услуга. Условно можно выделить две группы заказных убийств: бытовые (устранить ненавистного супруга, отделаться от кредитора, нежеланного ребенка, обеспечить скорейшее получение наследства и т.п.) и «элитарно-конкурентные» — «освободить» место на троне, устранить конкурента в политике, бизнесе и т.п. Кроме того, по характеру исполнения можно различать «тайные» заказные убийства (чаще всего — бытовые) и «на публику» — открытые, явные, рассчитанные на устрашение других конкурентов (дабы не повадно было!). Все эти разновидности убийств по найму сохранились по сей день. Современной новеллой является формирование института и корпуса профессиональных наемных убийц — киллеров, специально подготавливаемых, различной степени квалификации, а соответственно и таксой оплаты «труда».

Место преступлений против личности в структуре преступности

Удельный вес рассматриваемых преступлений в общем объеме преступности в России составлял: 1986 г. — 5,3%; 1987 г. — 5,4%; 1988 г. — 6,0%; 1989 г. — 5,8%; 1990 г. — 5,5%; 1991 г. — 4,6%; 1992 г. — 4,4%; 1993 г. — 5,2%; 1994 г. — 5,8%; 1995 г. — 5,2%; 1996 г. — 4,8%; 1997 г. — 4,9%; 1998 г. — 4,6%; 1999 г. — 4,1%; 2000 г. — 4,3%; 2001 г. — 4,6%; 2002 г. — 5,6%; 2003 г. — 5,2%; 2004 г. — 5,2%; 2005 г. — 4,5%; 2006 г. — 4,0%; 2007 г. — 3,8; 2009 г. — 3,9%; 2010 г. — 4,1%; 2011 г. — 4,3%; 2012 г. — 4,3%; 2013 г. — 4,3%⁴⁷¹. Это относительно невысокая доля (от 3,8% в 2007г. до 6,0% в 1988 г.) с тенденцией к сокращению. Напомним, однако, что в Японии в 1995 г. удельный вес преступлений против личности составил всего 0,7%.

Стабилен удельный вес тяжких насильственных преступлений в общем объеме преступности:

2007 г. — доля убийств составила 0,6%, причинение тяжкого вреда здоровью — 1,3%, изнасилований — 0,2%.

2010 г. — доля убийств составила 0,6%, причинение тяжкого вреда здоровью — 1,5%, изнасилований — 0,2%.

2011 г. — доля убийств составила — 0,6%, причинение тяжкого вреда здоровью — 1,6%, изнасилований — 0,2%.

2012 г. — доля убийств — 0,6%, причинение тяжкого вреда здоровью — 1,6%, изнасилований — 0,2%.

2013 г. — доля убийств — 0,6%, причинение тяжкого вреда здоровью — 1,6%, изнасилований — 0,2%.

Структура преступлений против личности

Внутреннюю структуру преступлений против личности проследим за несколько лет (табл. 7.1).

Таблица 7.1

Структура преступлений против личности в России (1987-2013), в %

	1987	1991	1992	1994*	1996	1998	2000	2004	2006	2007	2009	2013
Умышленные убийства	11,8	14,4	17,5	21,2	23,1	24,9	25,2	21,0	17,9	16,3	15,0	13,1
Покушения на убийство	2,5	1,7	1,6									
Убийства при превышении пределов необход. обороны и неосторожные убийства	2,0	1,6	1,5	1,3	1,3	1,5	0,4	0,4	0,3	0,4	0,4	0,3
Причинение тяжкого вреда здоровью	31,4	41,2	44,5	44,4	42,0	38,1	38,3	38,3	33,5	34,7	36,4	36,8
Причинение средней тяжести вреда здоровью и в состоянии аффекта	35,3	27,1	23,6	24,0	25,0	27,9	—	—	36,9	37,7	37,0	38,2
Изнасилование	13,1	11,3	9,6	9,1	8,6	7,6	5,9	5,9	5,8	5,2	4,6	4,5
Покушение на изнасилование	3,9	2,7	1,7									

⁴⁷¹ Здесь и далее основной статистической базой служат ежегодники «Преступность и правонарушения», а также ежегодники «Состояние преступности в России».

* С 1993 г. публикуются общие сведения об убийстве с покушениями и изнасиловании с покушениями.

Как видно из приведенных данных, с середины 90-х гг. минувшего века возрастает доля убийств (с покушениями) в структуре преступлений против личности и сокращается удельный вес изнасилований (с покушениями), привилегированных составов убийств при относительной стабильности иных преступлений. С 2006 г. происходит сокращение доли убийств.

Хотя убийства всегда и везде относятся к числу преступлений с наименьшей латентностью (полицейское «труп не спрячешь!»), однако за последние десятилетия в России и это тягчайшее преступление становится высоко латентным. «Прятать трупы» удается, прежде всего, за счет лиц «пропавших без вести» и не найденных. Так, в 1995 г. было объявлено в розыск лиц, без вести пропавших — 57 850, установлено (с учетом прошлых лет) — 47 863, осталось в розыске — 25 232, всего разыскивалось (с учетом прошлых лет) — 78 781, всего установлено — 57 382 (72,8%); в 1998 г. было объявлено в розыск лиц, без вести пропавших — 52 677, установлено — 46 577, осталось в розыске 25 485, всего разыскивалось ранее объявленных в розыск (прошлых лет) — 26 107, всего установлено из ранее объявленных в розыск — 4245, доля установленных в данном году — 88,4%, а установленных за прошлые годы — 16,3%; в 2003 г. всего разыскивалось 518 260 человек, из них были разысканы 318 015 (61,4%), остались в розыске 192 957 человек. Далее, среди все возрастающего числа неопознанных трупов (в 1990 г. — 2837, в 1995 г. — 18 381, в среднем за последние годы — свыше 16–18 тыс. ежегодно) по многим не удается определить причину смерти (вследствие гнилостных и иных изменений), а потому не регистрируются возможные случаи убийств. Не попадают в данные уголовной статистики и деяния (в том числе, лишение жизни), совершенные лицами, не подлежащими уголовной ответственности в связи с недостижением возраста уголовной ответственности или же невменяемостью⁴⁷².

Наконец, существует порочная практика квалификации фактических убийств по ч. 4 ст. 111 УК РФ, если смерть жертвы наступила не немедленно, а спустя непродолжительное время. В этом случае в статистику попадет не убийство (ст. 105 УК), а «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего».

⁴⁷² Гаврилов Б.Я. (2001). Указ. соч.

Приведем некоторые данные московских коллег по результатам исследования латентности различных видов преступлений⁴⁷³. Коэффициент латентности в 2002 г. составил: убийство — 1,17 (зарегистрировано преступлений — 31 579, латентная преступность — 5415,56, фактическое число преступлений — 36994,56, коэффициент латентности — 1,17); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 1,18; изнасилование — 4,08. В 2009 г. коэффициент латентности убийств — 2,3 (зарегистрировано преступлений — 17 414, латентная преступность — 21,8 тыс., фактическое число — 39,2 тыс.); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 2,2; изнасилование — 7,5. Таким образом, наблюдается рост латентности тяжких насильственных преступлений.

Велико количество *жертв* преступлений. Так, в результате различных преступлений погибло людей: 1987 г. — 25 706 человек; 1988 г. — 30 403; 1989 г. — 39 102; 1990 г. — 41 634; 1991 г. — 44 365; 1992 г. — 213 590⁴⁷⁴; 1993 г. — 75 365; 1994 г. — 75 034; 1995 г. — 75 510; 1996 г. — 65 368; 1997 г. — 62 598; 1998 г. — 64 545; 1999 г. — 65 060; 2000 г. — 76 651; 2001 г. — 78 697; 2002 г. — 76 803; 2003 г. — 76 921; 2004 г. — 72 317; 2005 г. — 68 554; 2006 г. — 61 378; 2007 г. — 53 987 чел. Всего за 1987 — 2007 гг. погибли 1 446 588 чел. Сокращение публикуемых статистических данных МВД РФ позволяет привести лишь следующие сведения о гибели людей в результате преступлений за последующие годы: 2009 г. — 46 091, 2010 г. — 41 999, 2011 г. — 40 099, 2012 г. — 38 716, 2013 г. — 36 727, 2014 г. — 35 023, 2015 г. — 32 940, 2016 г. — 29 186 чел.⁴⁷⁵. Всего за 2009–2016 гг. — 300882 чел.

Социально-демографический состав лиц, совершивших тяжкие преступления против личности, представлен в табл. 7.2.

Приведенные данные позволяют выявить некоторые тенденции. Увеличивается доля женщин, совершающих убийство и причиняющих тяжкий вред здоровью. Существенно растет удельный вес несовершеннолетних в таких преступлениях как убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при сокращении

⁴⁷³ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001–2002 гг. Указ. соч. С. 10; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / Ред. С.М. Иншаков. М.: Юнити, 2011. С.121.

⁴⁷⁴ Такой всплеск в 1992 г. вызывает сомнения, однако эта цифра повторяется во всех статистических сборниках.

⁴⁷⁵ Статистика и аналитика МВД РФ // URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 10.03.2017).

с 2005–2006 гг. Уменьшается их доля среди совершивших изнасилование. Резко сокращается (в 4 раза!) удельный вес рабочих по всем тяжким насильственным преступлениям, что, очевидно, легко объяснить уменьшением это социальной группы в населении. Наконец, значительно возрастает по всем рассматриваемым преступлениям доля лиц, не имеющих постоянного источника доходов и безработных (сведения о последних публикуются только с 1993 г.), т.е. аналога «исключенных».

Устойчиво высок удельный вес лиц, совершивших преступления в состоянии *алкогольного опьянения* (68–78% среди убийц, 75–81% причинивших тяжкий вред здоровью и 60–78% совершивших изнасилование). Доля совершивших преступления под воздействием *наркотиков* не превышает за отдельные годы 0,7–0,8% (в среднем же — 0,2–0,4%).

Неравномерно *территориальное распределение тяжких преступлений против личности* по регионам России.

Так, если средний по России уровень *убийств* (с покушениями) составлял в **1990** г. 10,5, то в Тыве он достиг 48,8; в Кемеровской области — 22,1; в республике Саха (Якутия) — 21,2; в Иркутской области — 20,1. Свыше 15 этот показатель был в Бурятии, республике Коми, Красноярском и Хабаровском краях, Томской, Тюменской, Читинской областях. С другой стороны, уровень ниже 7 был в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Мурманской области, Москве и Санкт-Петербурге. В **1998** г. при среднем по России уровне убийств 20,1, в Тыве он достиг 60,1 (в 1994 г. этот «рекордный» показатель составил в республике 82,1); в Иркутской области — 41,1; свыше 30 — в Бурятии, Хакасии, Хабаровском крае, Кемеровской и Читинской областях. Самые низкие показатели (ниже 13) оказались в Башкортостане, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Белгородской, Воронежской, Пензенской областях. В **2007** г. средне российский уровень убийств (с покушениями) составил 15,6. Максимальный уровень в этом году был в Республике Тыва — 64,6; Чукотской А.О. — 35,7; в области Читинской — 35,9; Республике Бурятии — 32,6. Минимальный уровень — в республиках Дагестан — 6,4; Адыгея — 7,7; в области Брянской — 7,9. В **2013** г. средне российский уровень — 6,8. Максимальный уровень был в Республике Тыва — 38,3 и Забайкальском крае — 30,2. Минимальный уровень — в Москве — 3,5; республиках Чечня — 4,1, Адыгея — 4,7, Кабардино-Балкария — 4,9.

Таблица 7.2
Социально-демографический состав лиц, совершивших тяжкие преступления против личности в России (1987–2013), в %

	Убийства (с покушениями)												
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009	2013
Пол:													
– муж.	89,0	90,7	89,5	88,2	86,6	87,5	87,6	87,2	87,5	86,7	85,2	84,8	85,8
– жен.	11,0	9,3	10,5	11,8	13,4	12,5	12,4	12,8	12,5	13,3	14,8	15,2	14,2
Возраст:													
– 14–17	2,9	4,3	4,1	4,8	5,9	5,7	5,5	7,5	7,9	6,9	5,2	4,2	2,8
– 18–29	36,1	35,0	33,3	31,9	33,5	35,3	38,9	40,8	42,6	41,2	41,0	39,5	35,9
– 30 и старше	61,0	60,7	62,6	63,3	60,5	59,0	56,2	51,7	49,5	51,9	53,8	56,2	61,3
Социальная принадлежность:													
– рабочие	61,4	56,1	51,2	30,5	26,4	20,4	17,4	17,3	16,1	15,2	15,8	12,8	14,4
– служащие	3,5	2,4	2,6	2,8	2,1	2,0	1,7	1,6	1,8	1,9	1,9	1,7	1,4
– работники с/хозяйства	6,2	6,0	5,0	3,8	1,1	1,9	1,2	0,8	0,6	0,4	0,3	0,2	0,2
– учащиеся (включая студентов)	2,2	2,4	1,8	1,2	1,8	2,4	2,8	3,6	3,9	3,2	2,9	2,8	2,0
– без постоянного источника доходов	15,3	21,0	25,5	39,8	25,2	61,0	66,0	66,8	69,0	71,8	71,4	75,2	74,7
– безработные	*	*	*	3,4	4,6	6,2	6,2	6,3	7,4	7,4	7,1	5,4	4,7

Таблица 7.2 (продолжение)

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью													
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009	2013
Пол:													
- муж.	93,8	94,0	92,1	89,9	87,3	87,4	87,4	87,6	87,9	86,0	83,5	82,1	82,3
- жен.	6,2	6,0	7,9	10,1	12,7	12,6	12,6	12,4	12,1	14,0	16,5	17,9	17,7
Возраст:													
- 14-17	3,3	4,0	3,8	4,8	5,4	5,7	6,0	8,4	9,7	8,2	6,8	4,6	2,7
- 18-29	36,5	35,8	31,1	29,9	32,0	33,5	35,7	39,4	42,9	43,7	43,4	41,6	37,8
- 30 и старше	60,1	60,2	65,1	65,3	62,5	60,7	58,3	52,2	47,4	48,1	49,8	53,8	59,5
Социальная принадлежность:													
- рабочие	67,7	63,7	57,9	35,5	31,4	27,1	23,9	24,0	21,8	19,6	21,1	19,6	22,2
- служащие	2,1	1,4	1,7	2,3	1,7	1,6	1,8	1,5	1,6	1,9	1,8	1,6	1,2
- работники с/хозяйства	5,6	5,6	5,3	4,0	1,2	2,5	1,8	1,3	0,9	0,6	0,4	0,4	0,3
- учащиеся (включая студентов)	2,6	2,3	1,7	1,3	1,9	2,7	3,7	5,0	5,2	4,8	4,8	3,7	2,7
- без постоянного источника доходов	14,3	19,2	22,5	36,9	53,8	55,7	59,3	60,1	63,2	66,5	65,4	68,7	67,2
- безработные	*	*	*	2,9	4,8	5,8	5,7	5,5	6,3	6,6	5,8	4,3	3,4

Таблица 7.2 (продолжение)

Изнасилования (с покушениями)													
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009	2013
Пол:													
- муж.	99,5	99,5	99,3	99,4	99,3	99,3	99,2	99,3	99,4	99,4	99,6	99,5	99,8
- жен.	0,5	0,5	0,7	0,6	0,7	0,7	0,8	0,7	0,6	0,6	0,4	0,5	0,2
Возраст:													
- 14-17	32,6	31,7	25,4	22,5	20,8	16,0	14,2	16,5	16,5	15,9	13,5	11,5	8,2
- 18-29	53,6	53,3	55,4	55,8	55,8	56,8	56,7	57,0	58,9	58,0	59,7	58,6	53,7
- 30 и старше	13,8	15,0	19,2	21,5	23,3	27,2	29,1	26,5	24,6	26,1	26,8	29,9	38,1
Социальная принадлежность:													
- рабочие	51,0	50,1	48,9	31,8	28,3	25,6	23,4	23,8	22,4	19,9	20,2	17,5	19,3
- служащие	1,8	1,4	1,5	1,9	2,1	1,9	1,8	1,7	1,9	2,1	1,9	2,1	0,9
- работники с/хозяйства	5,9	5,9	6,8	5,5	2,0	2,9	2,0	1,7	1,0	0,5	0,5	0,3	0,2
- учащиеся (включая студентов)	25,7	18,1	12,6	7,9	8,5	8,6	9,4	9,6	9,0	9,9	8,1	7,7	5,9
- без постоянного источника доходов	14,6	22,9	26,1	37,7	46,4	54,5	58,5	57,9	61,0	62,5	65,2	67,9	70,0
- безработные	*	*	*	2,6	3,8	6,4	6,3	6,1	6,1	6,5	6,9	4,4	3,8

Уровень умышленного причинения *тяжкого вреда здоровью* в 1990 г. в среднем по стране составил 27,7. В Тыве — 203,5 (в 1994 г. — 292,7); в Хабаровском крае — 59,6; в Кемеровской области — 59,0; в Иркутской области — 58,4; в Читинской области — 51,4; в Красноярском крае — 50,8; свыше 45 — в Бурятии, Свердловской, Томской областях. Минимальные показатели (ниже 12) — в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Москве. В 1998 г. при средне российском показателе 30,8 уровень этих преступлений составил в Тыве 163,0; в Иркутской области — 66,7; свыше 50 — в республике Алтай (57,5), Бурятии, республике Саха (Якутия), Хакасии, Красноярском и Хабаровском краях, Еврейской АО, Кемеровской (58,6), Пермской, Сахалинской, Читинской (59,6) областях. Самые низкие показатели в 1998 г. (ниже 15) были в Дагестане (6,5), Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Москве. В 2007 г. средне российский уровень — 33,3. Максимальный уровень — в республике Тыва — 223,3 (!); Агинско-Бурятской А.О. — 93,2; республике Бурятия — 76,9; в областях Читинской — 91,8; Иркутской — 91,6; в Чукотской А.О. — 99,0. Минимальный уровень в республиках Чечня — 3,5; Ингушетия — 3,2; Дагестан — 7,2. В 2013 г. средний уровень по России был 24,3. Максимальный уровень — в Республике Тыва — 139,5; Чукотском АО — 94,5 и Забайкальском крае — 71,3. Наименьший уровень в республиках Чечня — 1,2; Ингушетия — 2,0; Дагестан — 4,8.

Уровень *изнасилований* (с покушениями) в 1990 г. в России составил 10,1. В Тыве — 56,8; в Кемеровской области — 17,34 в Чувашии — 16,8; в Пермской области — 16,1. Низкие показатели этого вида преступлений (ниже 6) отмечались в Дагестане (2,9), а также Ивановской, Костромской, Мурманской областях, Москве и Санкт-Петербурге. В 1998 г. средне российский уровень — 6,1. В Тыве — 26,8; свыше 14 — в республиках Алтай, Коми, Удмуртия; ниже 4 — в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии, Белгородской, Владимирской, Мурманской, Пензенской областях, в Москве и Санкт-Петербурге. В 2007 г. средний уровень изнасилований — 4,9. Максимальный уровень — в республиках Тыва — 39,7; Бурятия — 27,8; в Магаданской области — 12,5. Минимальный уровень — в республиках Ингушетия — 0,2; Чеченской — 1,9; в Мурманской области — 1,3. В 2013 г. средний уровень по России составил 3,0. Наибольший уровень был в Тыве — 28,0; Чукотском АО — 23,6 и Республике Алтай — 15,7. Наименьший — в республиках Ингушетия — 0,0 (!) и Чечня — 0,8, Новгородская область — 1,0.

В целом по тяжким насильственным преступлениям отмечается высокая криминальная активность в Приморском и Хабаровском

краях, Восточной Сибири, в некоторых регионах Западной Сибири и Урала. Катастрофическими показателями характеризуется Республика Тыва. Наиболее благополучными, по данным официальной статистики, являются регионы Северного Кавказа, ряд областей Центральной России, а также оба столичных мегаполиса.

Конкретные причины существенной неравномерности территориального распределения преступлений против личности требуют специального, углубленного изучения⁴⁷⁶. В общем виде они объясняются различиями в условиях жизни, особенностями демографического состава населения. Не исключено, что низкие показатели в республиках Северного Кавказа зависят от специфических форм социального контроля, когда общинные (этнические, клановые) отношения, во-первых, удерживают от крайних проявлений насилия, а, во-вторых, неформальный контроль подменяет формальный, и случаи насилия не становятся известными правоохранительным органам. Возможно также, что вероятность кровной мести служит в данном случае антикриминогенным фактором.

Различен уровень насильственных преступлений в *городах* и *сельской* местности. Так, уровень (на 100 тыс. жителей соответствующих типов поселений) убийств в городах и поселках городского типа составил в 1990 г. — 9,0, в сельской местности — 14,6 (в 1,6 раза выше), в 1998 г. соответственно — 18,4 и 24,8 (в сельской местности выше в 1,3 раза), в 2005 г. соответственно — 14,6 и 25,3 (в сельской местности выше в 1,7 раза). Уровень причинения тяжкого вреда здоровью среди городского населения в 1990 г. составил 27,6, среди сельского населения — 27,9; в 1998 г. этот разрыв оказался более значительным: соответственно 29,0 и 35,6 (в 1,2 раза); в 2005 г. соответственно 39,2 и 42,8. Уровень изнасилований в 1990 г. в сельской местности (13,5) был в 1,5 раза выше, чем в городах и поселках городского типа (8,9), в 1998 г. — в 1,7 раза (уровни 8,8 и 5,1 соответственно), в 2005 г. — в 1,4 раза (уровни 5,8 и 8,1). Мы привели для иллюстрации данные лишь по трем годам (рассчитаны нами исходя из городского населения в 1990 г. — 109,2 млн чел., в 1998 г. — 107,3 млн чел., в 2005 г. — 105 млн чел., сельского — соответственно 38,8 млн, 39,4 млн и 38 млн чел.), однако они отражают ситуацию в целом: уровень зарегистрированного насилия в сельской местности в России

⁴⁷⁶ См., напр.: Ростов К.Т. Преступность в регионах России. СПб.: СПб Академия МВД РФ, 1998; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор Бук, 2005.

существенно выше, чем в городах (при значительно более высокой латентности преступлений на селе).

Существуют различные этому объяснения. С нашей точки зрения, во-первых, жители села традиционно решают возникшие межличностные конфликты с помощью физической силы. Во-вторых, уровень алкоголизации сельского населения выше, а, как ранее было показано, большинство тяжких насильственных преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Наконец, в-третьих, нельзя исключить обычного для сельских жителей более «простого», чтобы не сказать — пренебрежительного отношения к ценности жизни вообще («бог дал, бог и взял»; к медицинской помощи, особенно — квалифицированной, в условиях российских расстояний обращаться гораздо сложнее, чем горожанам; убийство домашних животных — на мясо — дело привычное и «наглядное» с детского возраста).

Распределение тяжких насильственных преступлений во времени также имеет свои закономерности. Они хуже изучены, чем пространственные различия. Лишь в качестве примера заметим, что по нашим данным, в Ленинграде 80-х гг. минувшего столетия *недельный* максимум тяжких телесных повреждений и изнасилований приходился на субботу (соответственно 21,5 и 20,9% недельного количества), минимум наблюдался в начале недели (понедельник, вторник). Убийства были распределены по дням недели более равномерно, но с резким сокращением в воскресенье. *Суточное* распределение всех рассматриваемых видов тяжких насильственных преступлений было примерно одинаковое: максимум с 20 до 23 часов (38,5% суточного числа убийств, около 48% тяжких телесных повреждений, 33,6% изнасилований), далее по частоте преступлений следовал интервал с 16 до 19 часов, лишь изнасилований относительно больше приходилось на ночное время — 0–3 часа, меньше всего насильственных преступлений совершалось в период с 4 до 11 часов. Что касается *сезонной* волны, то убийства имели три максимума (в порядке убывания): апрель, июль, ноябрь и три минимума — в феврале, июне, октябре. Максимум тяжких телесных повреждений также приходился на апрель, июль, ноябрь, а минимум наблюдался в декабре, феврале, сентябре. Что касается изнасилований, то их максимум располагался в августе-декабре (с «пиком» в сентябре и ноябре), а минимум в марте-мае⁴⁷⁷.

⁴⁷⁷ Аврутин Ю.Е., Гишинский Я.И. (1991). Указ. соч. С. 221–222.

Большинство тяжких насильственных преступлений совершаются в *семейной* и *бытовой* сферах⁴⁷⁸. Выше упоминалось, что распространенность и значимость насильственных преступлений в семье послужило основанием формирования и развития относительно самостоятельного направления — семейной криминологии. Женщины, как правило, чаще становятся жертвами семейного насилия. Если в США наблюдается некоторое сокращение семейных убийств⁴⁷⁹, то об этом нельзя сказать применительно к России. Но и в США женщины значительно чаще становятся жертвами семейного насилия.

Первоначально в США, а затем и в ряде других государств, включая современную Россию, серьезную опасность представляют преступления против личности с применением *огнестрельного оружия*. Региональные межэтнические конфликты, частичная дезорганизация и коммерциализация воинской службы, формирование устойчивых преступных сообществ привели в России к резкому росту преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия: 1987 г. — 2164 зарегистрированных случаев, в том числе 534 убийств или покушений на убийства, 1991 г. — 4481 случай (из них 970 убийств или покушений на убийства), 1993 г. — 19 154 случая (из них 2957 убийств с покушениями), 1997 г. — 19 650 случаев, 1999 г. — 15 591 случай, 2006 г. — 18 727 случаев, в 2009 г. — 8,7 тыс., в 2011 г. — 6,8 тыс., в 2013 г. — 7,6 тыс. случаев. В 2003 г. зарегистрировано 54 203 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2006 г. — 30 055 таких преступлений, в 2009 г. — 34,2, в 2011 г. — 28,1 тыс., в 2013 г. — 27,0 тыс. таких преступлений, в 2016 г. — 27 994 таких преступлений и 6031 преступление с использованием оружия. На 01.01.2000 г. состояло на учете 51 326 единиц утраченного огнестрельного нарезного оружия и боевой техники⁴⁸⁰.

Особого внимания заслуживает изучение *жертв* насильственных преступлений. Полицейская статистка в ряде стран (прежде всего, в Германии и Великобритании) столь же подробно учитывает сведения о жертвах, сколь и о преступниках. К сожалению, в России

⁴⁷⁸ Старков О.В. Бытовые насильственные преступления. Рязань: ВШ МВД РФ, 1992; Пестяков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Elliot D., Hamburg B., Williams K. (Eds.) Violence in American Schools. Cambridge University Press, 1998; Wallace H. Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. Allyn and Bacon, Needham Heights, 1996.

⁴⁷⁹ Sheley J. Criminology. Wadsworth, 2000, pp. 194–197.

⁴⁸⁰ Состояние преступности в России за 1999 г. М.: МВД РФ, 2000. С. 29.

представлены сведения только об общем числе жертв преступлений. Мне известна лишь одна отечественная монография, специально посвященная этой проблеме⁴⁸¹.

Самостоятельного анализа заслуживают преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности⁴⁸². Однако, статистические сведения о них (табл. 7.3) весьма скромны в силу очень высокой латентности.

Это характерно для многих стран, но, пожалуй, особенно для России: традиционная мораль нередко обрушивается на потерпевших, и те не заявляют в органы расследования об имевших место преступлениях. Кроме того, посягательства нередко исходят со стороны знакомых и родственников, что в еще большей степени ограничивает желание жертв предавать огласке случившееся.

§ 3. «Преступления ненависти»: теория и российская реальность

Ксенофобия (греч. «xenos» — чужой и «phobos» — страх, боязнь) — страх, опасение перед «чужим», «не своим». А страх порождает неприятие, враждебное отношение, ненависть.

С первых шагов человечества зародились подозрительность и нелюбовь к «чужим», не «своим», нередко переходящая в открытую вражду⁴⁸³. Это чувство формируется в филогенезе и онтогенезе. Чужих следовало опасаться, убийство чужака в первобытном обществе не считалось преступлением (филогенез). Вспомним поведение современных детей и подростков. Ребенок, только научившись опознавать родных — маму, папу, бабушку, дедушку, может заплакать при появлении «чужого», незнакомого (онтогенез). Дети постарше, видя на экране телевизора сражение, спрашивают взрослых: это наши? Белые? Красные? Фашисты?

⁴⁸¹ Вандышев В.В. Жертвы тяжкого преступного насилия. СПб.: МИЭП, 2007.

⁴⁸² Подробный криминологический анализ таких преступлений представлен в: Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. См. также: Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. М.: Спарк, 1999; Педофилия криминологический диагноз / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД РФ, 2010.

⁴⁸³ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

Таблица 7.3

Динамика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы (1995–2010)*

	1995	1996	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2010
Изнасилование	14427	13956	8346	7901	8196	8117	8085	8795	9222	8871	4907
Насильственные действия сексуального характера	-	-	6659	6301	6631	5704	5126	5690	5981	5755	4292
Понуждение к действиям сексуального характера	10	25	147	137	85	90	44	112	662	552	109
Действия сексуального характера с лицом, не достигшем 16 лет	537	447	194	160	146	175	203	751**	1632	3081	3617
Развратные действия	2458	1417	884	697	583	762	841	1397	1562	3070	2306

* УК РФ 1996 г. внес существенные изменения в квалификацию рассматриваемого вида преступлений.

** С учетом изменений (ФЗ от 08.12.2003 г.).

На биологическом уровне ксенофобия и вытекающие из нее «преступления ненависти» имеют «естественные» корни. Но человечество все же несколько отличается от других биологических видов. И одно из свойств цивилизованного общества — преодоление, самоподавление нетерпимости к *иным*, развитие *толерантности*, терпимости⁴⁸⁴.

Преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды — «преступления ненависти» (*Hate crimes*) были всегда. Достаточно вспомнить многочисленные религиозные войны, крестовые походы, межнациональные и межэтнические конфликты, погромы и преследования на почве антисемитизма.

Однако со второй половины минувшего XX столетия такого рода преступления приобрели характер острой социальной проблемы. Тому есть как минимум два объяснения. Во-первых, по мере развития цивилизации, либерализации и гуманизации межчеловеческих отношений население развитых стран стало особенно болезненно воспринимать любые проявления ксенофобии и преследования на почве национальной, расовой, религиозной вражды, а также по мотивам гомофобии, неприязни к каким бы то ни было категориям населения (нищим, бездомным, инвалидам, проституткам и т.п.). Высмеиваемая подчас «политкорректность» людей западной цивилизации, недопустимость «обзывать» кого бы то ни было алкоголиком (лучше сказать — «У Джона проблема с алкоголем»), наркоманом («У Кэтрин проблема с наркотиками»), преступником («У Смита проблема с законом»), — в действительности есть проявление подлинно человеческой толерантности, достойной уважения. По этой же причине в США не принято употреблять слово «негр», исторически носящее уничижительный характер («нигер»), а предпочтительнее — афро-американец. Во-вторых, одним из негативных последствий глобализации является усиление ксенофобии во всем мире. Глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев. Это в свою очередь приводит к взаимному непониманию, раздражению по поводу «их» нравов, обычаев, привычек, стиля жизни и т.п. Не миновала чаша сия и Россию. Между тем ксенофобия, нетерпимость во всех ее проявлениях служит реальной угрозой существованию и отдельным обществам и человечества в целом⁴⁸⁵.

⁴⁸⁴ Подробнее см.: Пределы толерантности в современном обществе. СПб ГУ, 2003; Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном обществе. СПб ГУ, 2004; Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2006; Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2008.

⁴⁸⁵ См.: Гилинский Я.И. Толерантность в России: возможность и невозможность. В: Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире. СПб ГУ,

Неслучайно поэтому в 1985 г. впервые было «слово названо»: John Coneys, Barbara Kennelly и Mario Biaggi опубликовали «Hate Crime Statistics Act». В 1989 г. была издана статья Джона Лео «The Politics of Hate». Интересно, что одна из первых работ (1991 г.) была посвящена насилию в отношении геев и лесбиянок. В начале 1990-х гг. термин «Hate crimes» приобрел легалистский (правовой) характер, включая законодательные акты⁴⁸⁶. Криминализации подверглось, прежде всего, насилие по мотивам расизма, антисемитизма, а также — гомофобии, враждебного отношения к гомосексуалистам. Прошло немного времени, и стал нарастать вал литературы, посвященной проблеме преступлений, совершаемых по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды и на почве гомофобии⁴⁸⁷. В США к группам, совершающим преступления ненависти, были отнесены нео-нацисты, скинхеды и Ку-Клус-Клан.

Основные понятия

«Преступления ненависти», во-первых, суть *социальный конструкт* (как и преступность, наркотизм, проституция и иные социальные феномены, не имеющие онтологических оснований и «естественных» границ)⁴⁸⁸. Во-вторых, и это отчасти вытекает из вышесказанного, это понятие еще не устоявшееся, по-разному понимаемое различными законодателями и учеными.

Дж. Джейкоб и К. Поттер в вышеназванной книге подчеркивают, что преступления ненависти — прежде всего преступления, порождаемые *предубеждением, предрассудком (bias, prejudice)* по отношению к лицам *другой* расы, нации, цвета кожи, религии, сексуальной ориентации и т.п. Это преступления, мотивированные предубежде-

2004. С. 53–58; Он же. Интолерантность в современной России. В: Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2005. С. 98–103.

⁴⁸⁶ Jacobs, J., Potter, K. Hate Crimes. Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998, p. 4.

⁴⁸⁷ Combating Hate Crimes in the OSCE Region: An Overview of Statistics, Legislation, and National Initiatives. Warsaw, 2005; Gerstenfeld Ph. Hate Crimes: Causes, Controls and Controversies. SAGE Publications, 2004; Gerstenfeld Ph., Grant D. (Eds.) Crime of Hate: Selected Readings. SAGE Publications, 2004; Hall N. Hate Crime. Willan Publishing, 2005; Jacobs, J., Potter, K. Ibid.; Ramberg I. Islamophobia and its consequence on Young People. Budapest, 2004.

⁴⁸⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Гилинский Я.И. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб., 2013. С. 26–27; Конструирование девиантности / Ред. Я. Гилинский. СПб.: ДЕАН, 2011; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

нием. Преступления ненависти, как социальный и правовой конструкт, не существуют как таковые в природе, *sui generis, per se*. Это «обычное» насилие, но совершаемое в силу определенных, перечисленных в законе мотивов.

По Дж. Джейкобу и К. Поттеру, ««Hate crime» есть социальный конструкт. Это новый термин, который не привычный, не самоочевидный (self-defining). Придуманый в конце 80-х гг. для выражения криминальных деяний, мотивированных предубеждением, сфокусированный скорее на психологии преступлений, чем на криминальных действиях»⁴⁸⁹.

Н. Холл также относит преступления ненависти к социальным конструктам. Он отмечает трудность всех определений преступности вообще и преступлений ненависти, в частности. В своей монографии Н. Холл приводит многочисленные определения hate crime (P. Gerstenfeld, K. Craig, L. Wolfe, L. Copeland, C. Sheffield, B. Perry и др., а также ряд нормативных определений)⁴⁹⁰. Н. Холл подробно останавливается и на анализе всех «составляющих» анализируемого понятия и его определений: «ненависть», «предубеждение», «предрассудок», «дискриминация» и др.

Приведем некоторые из рассматриваемых Н. Холлом определений. «Простейшее определение преступления ненависти: криминальный поступок, который мотивирован, по крайней мере, групповой принадлежностью жертвы»; «незаконное деяние, включающее преднамеренную селекцию (отбор) жертвы, основанную на предрассудке или предубеждении преступника против реального или предполагаемого статуса жертвы»; «насилие, направленное в отношении групп людей, которые в целом не одобряются большинством общества, которые испытывают дискриминацию в различных сферах деятельности...»; «преступление ненависти включает акты насилия и устрашения, обычно направленные в отношении уже стигматизированных и маргинализированных групп».

В российском уголовном праве мы встречаемся с такими составами преступлений, как насильственные преступления, совершенные «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды» (ст. 105 ч. 2 п. «л», 111 ч. 2 п. «е», 112 ч. 2 п. «е», 117 ч. 2 п. «з» УК РФ); «действия, направленные на возбуждение националь-

ной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности» (ст. 282 УК РФ)⁴⁹¹. Отягчающими обстоятельствами этого состава преступления является совершение их с применением насилия или с угрозой его применения, лицом с использованием служебного положения, а также совершенные организованной группой (ч. 2 ст. 282 УК).

Кроме того, согласно п. «е» ст. 63 УК к отягчающим наказанием обстоятельством относится совершение преступления «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды»; ст. 136 УК предусматривает уголовную ответственность, в частности, за «нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина в зависимости от ... расы, национальности, ... отношения к религии»; в ч. 2 п. «б» ст. 244 («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения») рассматриваются в качестве квалифицирующего признака действия «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды»; ст. 282-1 устанавливает ответственность за организацию экстремистского сообщества, в том числе «по мотивам... расовой, национальной или религиозной ненависти».

На противодействие ксенофобии и основаным на ней преступлениям направлены многочисленные международно-правовые акты: Всеобщая декларация прав человека (1948, ООН), Международная конвенция об устранении всех форм расовой дискриминации (1965, ООН), Декларация об устранении всех форм нетерпимости и дискриминации на почве религии и верований (1981, ООН), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Европейская конвенция о правовом положении рабочих-мигрантов (1983), Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств (1992) и др.

Монографическим отечественным исследованием преступлений ненависти, насколько мне известно, служит пока только диссертация К.Н. Бабиченко⁴⁹². Интересно, что в результате тщательного анализа этнографической и генетической литературы он предлага-

⁴⁸⁹ Jacobs, J., Potter, K. Ibid. P. 27. Здесь и далее, если не оговорено иное, — перевод автора (Я.Г.).

⁴⁹⁰ Hall N. Ibid. Pp. 1–9.

⁴⁹¹ Оставляю в стороне дополнения 2003 и 2007 гг., существенно (и неоправданно) расширившие понимание мотивов ненависти политическими, идеологическими «в отношении какой-либо социальной группы», что безмерно расширяет и делает неопределенными как мотивы, так и объект преступлений.

⁴⁹² Бабиченко К.Н. Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

ет отказаться от понятий «раса», «национальность» как крайне неопределенных конструкций («чистых» рас и национальностей не существует, равно как и генетически определенных признаков той или иной расы или национальности). Соответственно К.Н. Бабиченко предлагает такую формулу «преступлений ненависти»: «совершение преступления по мотивам антропологической, языковой ненависти и межгрупповой розни или отношения к религии и иным убеждениям»⁴⁹³. С научной точки зрения можно было бы согласиться с доводами К.Н. Бабиченко. Другое дело, что международное и национальное законодательство, а также правоприменительная практика прочно включают эти понятия и их отмена нуждается в серьезном международном обсуждении и принятии соответствующих нормативных решений. Кроме того, обыденное сознание постоянно исходит из понятий расы и национальности, что вероятнее всего — очень плохо, но пока неизбежно.

Международная судебная практика, включая практику Европейского суда по правам человека, в связи с дискриминацией по признаку расы и национальной принадлежности представлена в недавно опубликованном сборнике статей⁴⁹⁴.

Классификация преступлений ненависти

В зависимости от уголовно-правового закона и доктринальных суждений различаются виды преступлений ненависти: по мотивам расовой, национальной, этнической неприязни или вражды; по мотивам религиозной неприязни или вражды; в отношении сексуальных и иных меньшинств.

Следует, очевидно, отграничивать преступления ненависти от еще одного вида преступлений, почти не артикулируемого в отечественной литературе, — «стокерства» или «сталкерства» (*stalkers* — упорные преследователи, «охотники») ⁴⁹⁵. Речь идет о людях, преследующих кого-либо. Потенциальными и реальными жертвами стокеров (для россиян привычнее — сталкеров, благодаря роману братьев Стругацких и фильму А. Тарковского) могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья и т.п.), сослуживцы, коллеги по

⁴⁹³ Бабиченко К.Н. Указ. соч. С. 10.

⁴⁹⁴ Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: Судебная практика и методология доказывания / Ред. А.К. Соболева. М., 2005.

⁴⁹⁵ Mullen P., Pathé M., Purcell R. *Stalkers and their Victims*. Cambridge University Press, 2000; *Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention*. Stockholm, 2006.

профессии, соученики. Нередко «стокерство» — результат психических отклонений (суэжничество, сексуальные перверсии), но может быть и следствием ревности, зависти, мести или иной непримиримости.

Существенное отличие «стокерства» от «преступлений ненависти» состоит в том, что, во-первых, стокеры преследуют какое-либо конкретное лицо (персонально), а не неопределенный круг лиц, принадлежащих к ненавистной группе («черные», «косоглазые», «гомики» и т.п.). Во вторых, стокер преследует и может учинить насилие над преследуемым по личным мотивам, вытекающим из личных неприязненных отношений (зависть, ревность, месть и т.п.).

Hate crimes в современной России

2000-е гг. отмечены небывалым ростом преступлений ненависти в России. Газеты, специальные издания, полицейские сводки практически ежедневно сообщали о случаях нападения, избиения, убийств фактически по мотивам расовой, национальной ненависти, реже — религиозной, которую не всегда возможно отделить от национальной (нападение в московской синагоге, в ряде мечетей, осквернение еврейских и мусульманских кладбищ и т.п.). Правда, в большинстве случаев действия виновных, если их удается найти, квалифицировались как хулиганство, убийство, не связанные с ксенофобской мотивацией. Поэтому, например, по ст. 105 ч. 2 п. «л» УК РФ было зарегистрировано всего 9 случаев в 2001 г., 10 — в 2002 г., 11 — в 2003 г., 10 — в 2004 г.⁴⁹⁶ Динамика преступлений, образующих состав ст. 282 УК РФ, и выявленных лиц, их совершивших, выглядит следующим образом: 1999 г. — 25/11; 2000 г. — 17/8; 2001 г. — 32/7; 2002 г. — 74/16; 2003 г. — 72/15; 2004 г. — 59/26; 2005 г. — 80/42; 2006 г. — 173/103; 2007 г. — 170/129; 2008 г. — 182/168; 2009 г. — 223/182; 2010 г. — 272/187⁴⁹⁷.

В то же время СМИ и специальная литература называет сотни преступлений ненависти, совершаемых в стране за год⁴⁹⁸.

⁴⁹⁶ Бабиченко К.Н. Указ. соч. С. 128.

⁴⁹⁷ Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / ред. А.И. Долгова. М., 2001. С. 542; Преступности, криминология, криминологическая защита / Ред. А.И. Долгова. М., 2007. С. 355; Статистика МВД // URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/> (дата обращения: 15.03.2015).

⁴⁹⁸ Верхи и низы русского национализма / составитель А. Верховский. М.: Сова, 2007; Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия: Радикальные группы, представления лидеров, роль церкви. М., 1999; Головенков П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хелльманн У. Необыкновенный фашизм: криминологическая и уголовно-правовая характеристика. М.: Проспект, 2015; Другой — чужой — враг // Индекс. Досье на цензуру. 2005. № 22; Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002;

По данным Аналитического центра «Сова» и Московского Бюро по правам человека (МБПЧ), в 2004 г. — в результате «преступлений ненависти» в России было 267 пострадавших, 49 убитых; в 2005 г. — 464 пострадавших, 47 убитых; в 2006 г. — 552 пострадавших, 56 убитых; в 2007 г. — 317 пострадавших, 74 убитых; в 2008 г. — 486 пострадавших, 120 убитых; в 2009 г. — 333 пострадавших, 75 убитых; в 2010 г. — 368 пострадавших, 37 убитых; в 2012 г. — 191 пострадавший и 19 убитых; в 2013 г. — 178 пострадавших и 21 убитый; в 2014 г. — 133 пострадавших и 36 убитых; в 2015 г. — 68 пострадавших и 9 убитых. При этом, как подчеркивают аналитики Центра «Сова», это лишь достоверно выявленное количество подобных преступлений, их же реальное число остается неизвестным⁴⁹⁹. С 2009 г. наблюдается сокращение таких преступлений, впрочем, как и большинства других, о чем речь шла выше.

Зам. начальника департамента охраны общественного порядка МВД РФ В. Голубовский, выступая на «Круглом столе» в НИИ МВД РФ 25 октября 2007 г., заявил: «На оперативных и профилактических учетах в органах внутренних дел состоят 302 неформальных молодежных объединения экстремистской направленности общей численностью свыше десяти тысяч человек». Количество погибших от их рук за январь–сентябрь 2007 г. составило уже 46–53 чел. (по разным источникам).

Только в Санкт-Петербурге, по собираемым нами данным, преступления ненависти совершались почти еженедельно. В марте 2005 г. пятнадцать иностранных студентов покинули Санкт-Петербург, поскольку правительство города ничего не делает для обеспечения безопасности иностранных студентов. Летом 2004 г. в Петербурге был убит ученый и антифашист Николай Гиренко, выступавший экспертом по делам наших патриотов-фашистов. А спустя ровно три года — в июне 2007 г. была зверски избита Валентина Узунова, коллега Н. Гиренко, принявшая от него эстафету экспертиз по делам отечественных неофашистов. В 2013 г. на моих глазах в Санкт-Петербурге группа подростков с битами громила лотки с продуктами «лиц кавказской национальности» при молчаливом созерцании группы полицейских...

Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М., 2005; Радикальный русский национализм. Структуры, идеи, лица. М.: Сова, 2009.

⁴⁹⁹ Расизм и ксенофобия // URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/02/d29004/> (дата обращения: 20.03.2015).

Наибольшее количество преступлений ненависти совершается в Санкт-Петербурге, Москве, Воронеже, Владивостоке, Новосибирске, Краснодарском крае.

Субъектами «преступлений ненависти» в России выступают обычно подростки мужского пола в возрасте 14–21 год, безработные или школьники и студенты, нередко из «хороших семей». Обычно это скинхеды, «наци», неофашисты.

Их «идеология» — это «Россия для русских!», «Мигранты go home!», «Бей черных!».

Жертвами преступлений ненависти служат жители Китая и Индии, Египта и Камеруна, Уганды и Мали, Израиля и Ливии, Ганы и Сенегала, а также многочисленные «лица кавказской национальности» (армяне, грузины, азербайджанцы, чеченцы и др.). Чаще всего это студенты российских университетов, легальные и нелегальные мигранты.

Каковы *методы* преступлений ненависти? Чаще всего это неожиданное нападение толпы молодых людей — скинхедов, нацистов (10–15 чел.) — с ножами, металлическими прутьями, бейсбольными битами на жертву. Они стараются убить «чужого» «фирменным» ударом ножа в горло.

Ученый и поэт академик А. Городницкий с горечью отмечал: «Общая ксенофобия в России чудовищно выросла... Это внушает тревогу... за общий дух, который сегодня царит в обществе. Что же нужно нашему народу? Опять полицейское гетто? Или фашистское государство? Новый фюрер?»⁵⁰⁰. Известный психолог профессор А. Асмолов пишет: «Россия поражена тяжелейшей идеологической болезнью, которая более тяжела, чем водородная бомба XX в. Имя этой болезни — ксенофобия». И, комментируя нежелание властей и правоохранительных органов называть вещи своими именами, Асмолов продолжает: «Я считаю, что сокрытие подлинных мотивов преступления приводит к росту подобных преступлений»⁵⁰¹. Ему вторит не менее известный ученый-археолог Л. Клейн: «Народ в массе симпатизирует убийцам инородцев, жалеет не убитых и их родных, а убийц... Складывается впечатление, что народ готов к погромам инородцев... Сейчас в России социально-экономическая база нацизма уже создана»⁵⁰².

⁵⁰⁰ Новая газета. 2005. 10–13 март. С. 11.

⁵⁰¹ Новая газета. 2006. 13–16 июль. С. 18.

⁵⁰² Новая газета. 2006. 17–19. июль. С. 10.

Следует признать, что пока общество, власть, правоохранительные органы не начнут предпринимать реальные действия по воспитанию толерантности населения и жесткому преследованию субъектов ксенофобии и преступлений ненависти, разрастание последних невозможно предотвратить, и самые печальные прогнозы ученых сбудутся.

О реальной опасности правонарушений на почве ксенофобии свидетельствует и тот факт, что их число резко возрастает даже в традиционно демократических и толерантных странах. Так, по данным, приводимым Холлом в Приложении к ранее цитируемой книге, количество зарегистрированных полицией «расовых инцидентов» (не только преступлений) увеличилось с 1996/97 по 2002/03 гг. по регионам (графствам) Великобритании: Dorset — с 67 до 260, Humberside — с 55 до 350, Wiltshire — с 35 до 332. Справедливости ради, следует заметить, что в ряде графств число таких преступлений сократилось. В Лондоне инцидентов на расовой почве было зарегистрировано в 1996/97 г. — 5621, их количество возросло до 23 346 в 1999/2000 г., но затем снизилось до 15 453 в 2002/03 г. Но общий итог — тревожный.

«Кто виноват?»

Ответ на этот вопрос требует специального изучения применительно к тому или иному государству и обществу. Антисемитизм в Австрии, гитлеровской Германии, Польше, России имеет свои специфические особенности и «причины». Расовая нетерпимость по отношению к неграм в южных штатах США и нетерпимость к «черным» в современной России имеют различные корни.

Более того, отношение к тем или иным «меньшинствам» исторически меняется. Отношение к мусульманам в XX веке было терпимым или дружественным. Исламский фундаментализм конца XX — начала XXI вв., усугубленный террористической деятельностью, резко обострил взаимоотношения между миром исламским и — условно — западным.

Рассмотрим некоторые факторы, обуславливающие ксенофобию и совершаемые на ее почве преступления ненависти в России.

Объективно нетерпимость, ксенофобия, злоба, зависть есть закономерный, необходимый и неизбежный результат непомерного разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства («включенных», «*included*») и нищего и полуннищего большинства населения («исключенных», «*excluded*») ⁵⁰³. Подробнее этот вопрос был рас-

⁵⁰³ Подробнее см.: Гишинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций //

смотрен нами в гл. 5. Большинство «исключенных» — подростки и молодежь — без образования, без профессии, без работы, без легальных доходов, но окруженные «гламуром», иномарками, ресторанами, бутиками... Совершенно очевидно, что *безнадежность существования большинства россиян* не может не вызывать соответствующую реакцию. Остается только найти «козлов отпущения».

К этому следует добавить такой бесспорный объективный фактор, как приток иммигрантов, которым не так просто адаптироваться в новой среде, а «среда» не хочет адаптироваться к приезжим. Возникает взаимное недоверие и часто — неприязнь. Среди коренного населения начинают циркулировать идеи повышенной «криминальности» приезжих. Однако, во-первых, эти слухи сильно преувеличены. Так, например, в 2003 г. среди всех лиц, совершивших преступления, удельный вес иностранных граждан и лиц без гражданства составил всего 2,7%, в том числе гражданами государств СНГ — 2,5% ⁵⁰⁴. В 2006 г. 3,0% преступлений было совершено иностранными гражданами, в том числе гражданами государств СНГ — 2%; в 2008 г. — соответственно 3,1% и 2,8%; в 2009 г. — соответственно 3,5% и 3,2%; в 2013 г. — соответственно 3,8% и 3,3%; в 2016 г. — 3,7% и 3,2%.

Во-вторых, повышенная «криминальность», если она имеет место, зависит не от расовой (этнической) принадлежности, а от того, что лица одной культуры оказались перенесенными, по разным причинам, в другую культуру; мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже адаптированы к условиям жизни «коренного населения»; мигрируют чаще всего не от хорошей жизни; мигрируют или отправляются «на заработок» в другие страны и регионы наиболее активные — молодые мужчины, чья «повышенная» криминальность известна.

В зарубежной криминологии, особенно американской, исследованиям расового (этнического) фактора уделяется значительное внимание ⁵⁰⁵.

Перейдем к «*субъективным*» факторам. В 1990 г. я попытался проследить систему мифов тоталитарного общества на примере СССР ⁵⁰⁶. Основные вехи *мифологизированного сознания*, по-моему, та-

Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004. № 6. С. 69–77.

⁵⁰⁴ Здесь и далее: Состояние преступности в России...

⁵⁰⁵ См., например: Криминология / Под ред. Дж. Шели. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003. Гл. 5 «В поисках моделей: расовая и классовая принадлежность и преступность».

⁵⁰⁶ Гишинский Я. Мифологизированное сознание и тоталитаризм // Радуга. 1990. № 9. С. 29–31. Воспроизведено в: Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004. С. 43–46.

ковы: «Человек создан для счастья» — «Светлое будущее» — «Светлый путь» — знающий этот путь Вождь (Фюрер)... Но: «До «светлого будущего» было что-то далековато, а настоящее — несмотря на все «небывалые успехи», мрачновато. Значит — виноваты «враги»! Кулаки и «подкулачники», правые и левые, вредители и саботажники, «враги народа» и члены семей врагов народа, крымские татары и немцы Поволжья, космополиты и «врачи-отравители», и несть им числа... Поиск «врагов народа» (то бишь «козлов отпущения») и «борьба» с ними — самая страшная страница прошлого»⁵⁰⁷.

К сожалению, прошлое нередко оборачивается настоящим... В политике неудачливой власти искать «врагов» и натравливать на них «народ» нет ничего нового. Это старо, как мир от древнеримского «Разделяй и властвуй» до сталинских «врагов народа», «убийц в белых халатах», «безродных космополитов» и т.п.

Вот почему прав бывший депутат Госдумы и правозащитник Юлий Рыбаков: «Безнаказанность, в условиях которой действуют националисты, наталкивает на мысль, что государство взяло на вооружение эту силу и придерживает ее на случай, если в один прекрасный момент понадобится сказать «фас». Власть предержавшие (а сегодня это, если называть вещи своими именами, чекисты и чиновники) пытаются построить новую империю. Они понимают, что на этом пути их ждут сложности, а народ, который становится все беднее на фоне баснословно богатящей элиты, будет искать виноватых. Естественно, власти не хотят, чтобы люди в один прекрасный момент показали пальцем именно на них. Поэтому нужно найти «крайних», виноватых. Как правило, на эту роль лучше всего подходят инородцы — армяне, евреи, азербайджанцы, неважно кто»⁵⁰⁸. И население, увы, готово проглотить эту наживку. Так, в ответ на создаваемый Рыбаковым Санкт-Петербургский антинацистский Центр ему звонили возмущенные жители «культурной столицы»: «Спрашивают, что мы имеем против нацизма, говорят, что приезжие заполнили город, что нужно что-то с этим делать...»⁵⁰⁹. И это мнение возмущенных граждан может быть страшнее самих фашиствующих молодчиков. Так же, как результаты многочисленных опросов общественного мнения, согласно которым до 65% населения согласны с националистическим лозунгом «Россия для русских»...

⁵⁰⁷ Пилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Указ. соч. С. 46.

⁵⁰⁸ Новая газета. 2005. 21–23 март. С. 21.

⁵⁰⁹ Там же.

«Что делать?»

Знание факторов, провоцирующих ксенофобию, позволяет в принципе выстроить хорошо обоснованную систему мер противодействия ей. Но не просматриваются сегодня реальные основания для такого противодействия. Социально-экономический разрыв сверх богатого меньшинства и нищенствующего большинства не сокращается. Напротив, богатые становятся богаче, бедные беднее (если не абсолютно, то относительно). Доступ молодежи к профессиональному образованию, особенно высшему, сокращается. Недовольство взрослых и подростков увеличивается. Соответственно растет ненависть, которая так легко обращается против «иностранцев», за недоступностью собственной власти... Разрыв между властной «элитой» и «народом» достиг небывалых размеров. Более того, ксенофобия усиливается межконфессиональными распрями и религиозным мракобесием (РПЦ собирается внедрять в общество православную этику; школьница Маша затевает второй в истории человечества «обезьяний процесс», предъявив иск департаменту образования о необходимости обучения школьников «божественному сотворению» человека; фактически реализуется идея введения в школах уроков православия и т.п.).

Было бы банальностью, хотя и вполне справедливой, в очередной раз говорить о том, что семья, школа, вуз должны воспитывать *толерантность* к любым «другим» — по национальности, культуре, религии или атеизму, толерантность к инакомыслию и инакодействию.

Я убежден, что без высокого уровня толерантности само существование человечества является проблематичным, а вместо поисков в России «национальной идеи» следует обратиться к так называемым «общечеловеческим ценностям», хорошо известным цивилизованному миру. Это *либеральные, демократические ценности*. И наиболее актуальные из них сегодня:

- *ненасилие* (ибо без него — гибель, как индивидуальная, так и, в конечном итоге, человечества как рода);
- *толерантность, терпимость* — политическая, расовая, этническая, конфессиональная, идеологическая (ибо без нее невозможно ненасилие);
- *интернационализм или космополитизм* (ибо без него — нетерпимость).

Насколько воспитанная с детства толерантность помогает в экстремальной обстановке свидетельствуют осенние 2005 г. события во Франции. Неделями в Париже и в ряде других городов «иностран-

цы» — жители окраин громили автомобили, магазины центральных районов. И — ни капли пролитой крови! Ни полицией, ни белым населением французских городов!

§ 4. Террор и терроризм

*Враги теперь в смешавшейся крови
Лежат, и пыль уста их покрывает,
И мощно смерть соединила их —
Непобедившего с непобежденным.*
Эврипид

Терроризм (terror — *лат.* страх, ужас) — одна из серьезнейших современных глобальных социальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Между тем, как это часто бывает, чем серьезнее, актуальнее и «очевиднее» проблема, тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

Нет единого понимания терроризма и в общественных науках. Вот некоторые из имеющихся определений (всего их насчитывается свыше ста):

- «форма угрозы насилем или применения насилия по политическим мотивам»⁵¹⁰;
- «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей»⁵¹¹;
- «насильственные действия или угроза их применения со стороны субъектов политики и преследование ими политических целей»⁵¹²;
- «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей»⁵¹³;
- «метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении нечем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего

⁵¹⁰ Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. Band 16. S. 59–60.

⁵¹¹ Шнайдер Г. Й. Криминология. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 439.

⁵¹² Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. С.40.

⁵¹³ Laqueur W. Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977. P. 79.

целью достижение определенных результатов путем устранения политических противников»⁵¹⁴.

Из приведенных определений вырисовываются два основных признака терроризма:

- применение или угроза применения *насилия*;
- его политическая *мотивация*.

Но есть еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг непосредственных объектов* террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц ради достижения отдаленного объекта — удовлетворения политического (экономического, социального) требования. Ибо «о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика»⁵¹⁵.

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание W. Laqueur: «один — террорист, другой — борец за свободу»⁵¹⁶. Че Гевара — террорист или борец за свободу? Эта тема подробно рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму В. Ganor⁵¹⁷. Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? Многие зависит от позиции субъекта оценки тех или иных насильственных действий по политическим мотивам. Вместе с тем, В. Ganor пытается провести различия между анализируемыми феноменами. В обосновываемых им схемах вначале отграничиваются *объявленная война* — между государствами и *необъявленная война* — между организациями и государством. Последняя включает, прежде всего, *терроризм* и *партизанскую войну*. Кроме того, к необъявленной войне могут относиться деятельность анархистов, борцов за свободу, революционеров, а также действия *ad hoc* (по конкретному случаю). Важнейшее различие между терроризмом и партизанской войной состоит в том, что *партизанская война* ведется *против комбатантов*

⁵¹⁴ Дмитриев А.В., Зальсин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000. С. 53.

⁵¹⁵ Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. С. 8.

⁵¹⁶ Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co, 1987. P. 302.

⁵¹⁷ Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3. No 4. P. 287–304.

-вооруженных сил, военных и военной техники, а *терроризм* направлен *против мирного населения, «некомбатантов» (noncombatant)* при сохранении политической мотивации насильственных действий. Мне представляется это различие весьма существенным и позволяющим конкретизировать некоторые наши оценки. Другое дело, что и предлагаемое различие несколько условно (мирное население может также оказаться жертвой партизанских действий, как, впрочем, и «точечных ударов»...). Во всяком случае, Ganor называет три важнейших элемента терроризма: (1) применение или угроза применения *насилия*; (2) *политические цели (мотивы) деятельности*; (3) *реальными целями* оказывается *мирное население, граждане*⁵¹⁸.

Следует различать *терроризм* и *индивидуальный террористический акт* (против конкретного лица — государственного или общественного деятеля — ст. 277 УК РФ).

Обычно различают террор и терроризм:

1) *террор* со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам);

2) *терроризм* как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв “государственного террора”»⁵¹⁹.

Иначе говоря, «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм — это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного»⁵²⁰.

Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют — осознанно или нет — интересы массы *excluded* («исключенных») в современном мире. Поляризация на очень богатое и властное меньшинство «включенных» (*included*) и очень бедное и бесправное большинство «исключенных» (при относительном размывании «среднего класса» — гаранта устойчивости социальных систем) приводит в условиях глобализации экономики, политики, информационных процессов к опасному для всего человечества разделению стран и жителей каждой страны на *included/excluded*. Так, различаются «включенные» страны «золотого миллиарда» и «исключенные» — все остальные.

⁵¹⁸ Ganor. Л.с. Р. 294–295.

⁵¹⁹ Чаликова В. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 310; Ферро М. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 314.

⁵²⁰ Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С. 23.

Классическим примером крайне негативного поведения «исключенного» служит страшный террористический акт 14 июля 2016 г. в Ницце: «Террористом в Ницце оказался неудачник-разведка с целым букетом проблем и комплексов. Ницца, кстати, ... это солидное тихое место для солидных господ, в котором понятие «бюджетное жилье» начинается с уровня, который в любом другом месте будет считаться респектабельным и элитным. Так что если нужно, чтобы объект ненависти оказался тем, кем надо — можно ехать сквозь толпу напролом, не ошибешься... Фактически перед нами классический свихнувшийся неудачник, реализовавший свои комплексы и ненависть к окружающему богатому и равнодушному миру... К теракту в Ницце можно пристегивать кого угодно — и националистов, и ИГИЛ, и каких-нибудь леваков-марксистов. Они все про это — про несправедливость и равнодушие к маленькому человеку. Рецепты у всех свои, но среда, в которой их идеи востребованы — она одна на всех. И не бомбить далекие пески нужно, а лечить страну и общество. И это не только к Франции относится, скажем откровенно»⁵²¹. Еще об Европе: «Мигранты часто ощущают себя людьми второго сорта. Молодые и харизматичные люди — выходцы из мусульманских стран и их дети — пытаются найти какую-то новую идентичность, обращаясь к историческим корням, и в итоге часто приходят к радикальным течениям»⁵²². И еще, это уже о США: «появляется множество одиноких, отчужденных молодых людей, стремящихся к самоутверждению через насилие»⁵²³.

А вот мнение вице-президента Международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» А. Филатова: «Дело в том, что террористами люди не рождаются, а становятся по каким-то причинам. Надо искать эти причины и устранять их. Это серьезная глобальная проблема. Терроризм — это средство борьбы, как правило, слабой стороны против сильной. Если мы в разы не уменьшим угрозу, если будут условия, толкающие людей на эту сторону, террористы всё равно будут просачиваться. Если мы завтра поставим датчики, выявляющие взрывные устройства, на всю территорию страны, террористы пересядут на машины или возьмутся за ножи»⁵²⁴.

⁵²¹ Маленький человек // URL: <http://el-murid.livejournal.com/2883448.html> (дата обращения: 16.07.2016).

⁵²² Теракт в Ницце // Сноб. 2016. 15 июля.

⁵²³ Брукс Д. На пути национальной катастрофе? // The New York Times. 2016. 13 июля.

⁵²⁴ Борьба с терроризмом на входах в метро и аэропорты — неэффективно // Известия. 2017. 10 апрель.

Это глобальный процесс и его последствия недостаточно осознаются правящими элитами современного мира. Примеры тому — агрессия США против Ирака (сколь бы «плохим» ни был Саддам Хусейн) и действия России в Чечне (какими бы «плохими» ни были «боевики»). *Террор вызывает терроризм*. Или, как написал петербургский экономист Д. Травин: «*Не мочите, да не мочимы будете!*»⁵²⁵. И не важно, кто «первым начал»: за политические игры человечеству приходится расплачиваться горами трупов.

Права человека первичны и неотъемлемы (ст. 1, 2, 3 Всеобщей декларации прав человека, 1948 г.). Нарушение прав человека рождает ответную насильственную реакцию, в частности — терроризм. *Требования ограничить права человека ради «борьбы с терроризмом» абсурдны*. Во-первых, тем самым создается идеологическая база оправдания терроризма (как ответа на террор властных структур). Во-вторых, повышается риск граждан стать жертвой нарушения прав человека. Это и происходит в современной России: *мы все в большей степени заложники власти, чем террористов*.

Права человека и криминальные риски, включая терроризм, находятся в обратной, а не прямой, зависимости: *чем надежнее защита прав человека, тем ниже вероятность криминальных рисков*.

История политических репрессий (террора) и террористических актов в виде политических убийств уходит вглубь веков⁵²⁶. Однако большинство исследователей отмечают существенные отличия современного терроризма как «неотъемлемой части государственного террора — одной из форм государственной политики»⁵²⁷ и как систематического устрашения общества насилем: массовый характер (вплоть до геноцида со стороны властных структур⁵²⁸), все возрастающее количество терактов и их жертв, глобализация (интернационализация) терроризма.

Нью-Йоркская трагедия 11 сентября 2001 г. стала страшным символом новых реалий XXI в. (таким же, как Освенцим — символом бесчеловечности XX в.). Показательно и то, что в качестве объекта самого страшного террористического акта в мировой истории были

⁵²⁵ Президент России В. Путин начал свою карьеру с лозунга: «Мочить террористов в сортире». В «перевод» с тюремного жаргона это означает «Убивать террористов в туалете (WC)».

⁵²⁶ Применительно к России, «колыбели терроризма» см.: Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д: Феникс, 1996.

⁵²⁷ Ферро. Указ. соч. С. 313.

⁵²⁸ Kressel N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996.

выбраны Нью-Йорк (как тут не вспомнить «Город Желтого Дьявола» М. Горького) и Международный Торговый центр — символы стран «Золотого миллиарда» («включенных»).

Многочисленные проявления и методы терроризма: захват транспортных средств и заложников; уничтожение транспортных коммуникаций; взрывы, поджоги; военные действия, включая партизанские; отравление источников питания и водоснабжения; применение отравляющих веществ; угрозы применения этих и иных мер и др.

Не останавливаясь на юридическом (уголовно-правовом) аспекте проблемы терроризма⁵²⁹, рассмотрим некоторые социально-политические вопросы.

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимы страдания, является *преступной* деятельностью (преступлением) и заслуживает суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода, чем только юридический. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но ведь терроризм преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи — «справедливы», имеют не меньшую ценность, чем те, против которых они выступают. Поэтому вооруженная борьба с терроризмом, носящим политический (этнический, конфессиональный, идеологический) характер — малоэффективна. Об этом свидетельствуют опыт Ольстера в Ирландии, затяжной, кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с албанскими — в Сербии, с чеченскими — в России...

Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и акторов «преступлений ненависти» (*hate crimes*). Поэтому «искусство цивилизованной жизни состоит в том, чтобы не плодить недовольных, обиженных, «мучеников», а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом»⁵³⁰.

Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего *политические* (экономические,

⁵²⁹ Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Кабанов П.А. Указ. соч.; Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997; Овчинникова Г.В. Терроризм. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры, 1998.

⁵³⁰ Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М.: ЦКИ РАН, 1993. С. 171.

социальные) усилия по *предотвращению условий* для терроризма, по ненасильственному разрешению межэтнических, межконфессиональных, социальных конфликтов. Конечно, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризм решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. Но *не существует «простых решений» сложных социальных проблем.* Так называемые «простые решения» («ликвидировать», «подавить», «уничтожить»), либо неосуществимы, либо приводят к еще большему осложнению ситуации. Можно (и нужно) преследовать исполнителей терактов — угонщиков самолетов, убийц, лиц, закладывающих взрывные устройства и т.п., но нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить *причины, источники* терроризма как метода «решения» социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов.

Очевидно, не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали прежде всего в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах — Италии («Красные бригады»), Германии («Красная армия», неонацисты), Японии (Японская революционная красная армия), Испании, Югославии, России, а также в странах с тоталитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем. Из 79 известных к 1990 г. террористических организаций 37 принадлежали по своей идеологии к марксистским, ленинским, троцкистским, маоистским, 9 представляли различные направления пан-арабского и исламского фундаментализма, 7 — служили примером удивительной смеси пан-арабизма и марксизма, 4 — относились к правозэкстремистским и нео-фашистским⁵³¹. Конечно, это соотношение претерпело существенные изменения к сегодняшнему дню. Количество известных террористических организаций увеличилось, доля «левых» сократилась за счет увеличения «правых» и исламских.

Не существует универсальных рецептов предупреждения терроризма и разрешения сложных проблем, лежащих в его основе. Некоторые общие подходы предлагаются в конфликтологической, политологической литературе⁵³².

Важно понять:

- мир без насилия в обозримом будущем невозможен;

⁵³¹ Long D. The Anatomy of Terrorism. The Free Press, 1990.

⁵³² Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2000. С. 221–277; Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. С. 242–296; Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Указ. соч. С. 162–208.

- основная антитеррористическая задача — максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»);
- основной путь такого сокращения — предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, не репрессивными, политическими методами.

«Абсолютно ненасильственный мир — это нереальная перспектива. Более реальной выглядит задача сократить масштабы политического насилия, попытаться свести его минимуму. Об этом свидетельствует политическая жизнь развитых демократических государств, где насилие чаще всего второстепенное средство власти»⁵³³.

§ 5. Торговля людьми

Жизнь является высшей, абсолютной ценностью. Причем — *любая* жизнь, в том числе, животных, перед которыми мы, люди, очень виноваты. Неслучайно свой знаменитый девиз «*Veneratio vitae*» («благоговение перед жизнью») Альберт Швейцер распространял на *все* живое, включая растения и насекомых. Но для человека абсолютную ценность представляет и *Свобода*. Только Свободный Человек может наиболее полно реализовать свои способности, дарования, талант, «осуществить себя»⁵³⁴. **Жизнь** неразрывно связана со **Свободой**. Вот почему самые первые положения Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) гласят: «Все люди рождаются свободными и равными в своих достоинствах и правах» (ст. 1 Декларации); «Каждый человек должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия» (ст. 2); «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» (ст. 3).

К сожалению, современный мир полон рисков для человеческой жизни и свободы. Неудивительно, что У. Бек рассматривает современное общество как «общество риска»⁵³⁵. И проблема безопасности человека и его свободы является одной из острейших.

⁵³³ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. С. 296.

⁵³⁴ Гилинский Я. Судьбы либерализма в России: размышления профана // Индекс: Досье на цензуру. 2004. № 21. С. 137–146.

⁵³⁵ Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000. См. также: Гилинский Я.И. Криминальные риски в России // Российский криминологический взгляд. 2005. № 2. С. 51–58.

Торговля людьми («*Human trafficking*») — мировая проблема. Понятие «торговля людьми», согласно «Протоколу о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» Генеральной Ассамблеи ООН (ноябрь 2000 г.), включает три элемента: (1) вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей; (2) использование неподобающих средств (принуждение, похищение, мошенничество или обман); (3) цели эксплуатации (сексуальная эксплуатация, принудительный труд, услужение или рабство)⁵³⁶. Обычно различают следующие виды торговли людьми: торговля женщинами («белые рабыни»), детьми (для проституции, порнографии, нелегального усыновления), принудительный труд (рабство), продажа органов. Контрабанда мигрантов служит одним из средств торговли людьми.

Торговля людьми тесно связана с организованной преступностью, является частью (элементом) ее деятельности. Часто торговля людьми носит международный, транснациональный характер (хотя, конечно, возможна торговля людьми в рамках одного государства — «белое рабство», сексуальная эксплуатация детей, принудительный труд и др.).

Сведения об этом виде криминального бизнеса малодоступны. Данные официальной статистики чрезвычайно лаконичны, бедны и не отражают реальных масштабов бедствия. Лишь в ряде стран ведется более или менее подробный учет деяний, связанных с торговлей людьми (Германия⁵³⁷, Нидерланды⁵³⁸, Швеция⁵³⁹). Некоторые сравнительные данные, собранные «по каплям», опубликованы в статье Кристины Кангаспунты.

В России фактически отсутствует учет торговли людьми. Это объясняется, во-первых, высокой конспиративностью нелегальной торговли людьми преступными организациями. Во-вторых, как нелегальный вывоз «проданных» людей за границу, так и торговля людьми внутри России часто осуществляется преступными группировками при содействии коррумпированных должностных лиц

⁵³⁶ См.: Kangaspunta, K. Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3. № 1, 2. Pp. 81–103.

⁵³⁷ Lagebild Menschenhandel. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1999, 2000, 2001.

⁵³⁸ Trafficking in Human Beings: First Report of the Dutch National Rapporteur. The Hague: Bureau NRH, 2002.

⁵³⁹ Trafficking in Women: Situation Report. No 1-5. Stockholm: National Criminal Investigation Department, 1998–2002.

государства (таможенная служба, полиция, миграционная служба), которые заинтересованы в сокрытии их деятельности не меньше, чем криминалитет. В-третьих, российское государство традиционно скрывает от населения такое постыдное для цивилизованного общества явление как торговля людьми. Основными источниками информации о ситуации в России служат сообщения средств массовой информации, результаты отечественных и зарубежных исследований⁵⁴⁰.

Между тем, среди стран происхождения, транзита или назначения в мировых отчетах первые места занимают (в порядке убывания): Россия, Украина, Нигерия⁵⁴¹. Среди регионов на первом месте по «экспорту» людей находится Азия, на втором — страны СНГ, на третьем — Африка, на последнем — «развитые страны». Зато среди стран «импортеров» на первом месте — «развитые страны». Что касается жертв торговли людьми («продаваемых»), то первые места (в порядке убывания) по упоминанию занимают Украина, Россия, Нигерия, Албания, Румыния, Молдова, Болгария, Китай. По данным российских исследователей, Россия также занимает одно из первых мест в списке стран, занимающихся торговлей людьми⁵⁴².

Среди жертв сексуальной эксплуатации большинство — женщины, второе место занимают дети, ничтожное количество мужчин. Жертвами принудительного труда являются прежде всего дети, на втором месте — женщины, на третьем — мужчины. Гораздо меньше данных о правонарушителях (этот вид криминального бизнеса наиболее латентен). Однако и по этому показателю Россия занимает первое место, второе и третье делят Нигерия и Украина, далее следуют Албания, Таиланд, Турция, Китай. Итак, по совокупности ряда показателей Россия наряду с Украиной и Нигерией входят в тройку стран максимального риска порабощения.

Такая ситуация неудивительна, поскольку основной объект торговцев людьми — «исключенные» (*excluded*), лица, лишённые достат-

⁵⁴⁰ Ерохина Л.Д., Бурак М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003; Торговля людьми: Социокриминологический анализ / Ред. Е. Тюрюканова, Л. Ерохина. М., 2003; Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: Нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева, 2006.

⁵⁴¹ Kangaspunta K. Ibid. Pp. 94, 99.

⁵⁴² Ерохина Л., Бурак М. Проблема торговли людьми согласно российским экспертным оценкам (социологический подход) // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. М.: Юрист, 2003. С. 36–42.

ка, безработные, бездомные, сироты, малообеспеченные и наименее защищенные слои населения. Между тем в России по официальным данным около трети населения находятся за чертой бедности. По данным Доклада о мировом развитии 2005г. Всемирного банка, 23,8% населения России находятся за международной чертой бедности, а по российским национальным стандартам — свыше 30%⁵⁴³. Но ведь помимо *нищих*, находящихся ниже черты бедности, есть масса *бедных*, также практически «исключенных» и готовых к «продаже»... Только в Иркутской области в 2000 г. были полностью безработными 65,2% мужчин и 52,3% женщин, а у 60% населения уровень доходов был ниже прожиточного минимума⁵⁴⁴.

З. Бауман, избегая термины «включенные» / «исключенные», предпочитает говорить о «туристах» (включенные) / «бродягах» (исключенные), подчеркивая, что эти группы — «два мира, два представления о мире, две стратегии»⁵⁴⁵. Иногда «исключенных» он именуется «отбракованными» (*burned-out*).

Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О.Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала «транзитным пунктом» на пути в никуда»⁵⁴⁶.

Любая торговля людьми есть разновидность рабства.

Различные виды торговли людьми «ставят под сомнение возможность демократии в странах, где половина населения может рассматриваться как потенциальный товар, который может быть куплен, продан и поработан»⁵⁴⁷.

⁵⁴³ Доклад о мировом развитии 2005: Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005. С. 261.

⁵⁴⁴ Репецкая А.Л. Криминальная эксплуатация людей в Восточной Сибири // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический альманах. 2003. № 3. С. 31.

⁵⁴⁵ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 142.

⁵⁴⁶ Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. № 1/2. С. 205.

⁵⁴⁷ Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001. С. 81.

Основные виды торговли людьми (*Human Trafficking*)

Торговля женщинами

Следует различать *проституцию* — вступление за плату в случайные внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении⁵⁴⁸ и *торговлю женщинами* с целью их сексуальной эксплуатации (занятие проституцией). Занятие проституцией может быть относительно добровольным, торговля женщинами — никогда.

«Белые рабыни» — преобладающий «товар» на рынке людей. Объем мировой торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации оценивается от 7 до 12 млрд долл. в год, ежегодно принуждаются к работе в секс индустрии до 2 млрд женщин и детей⁵⁴⁹.

Называют четыре «волны» импорта «белых рабынь»: первая — из Таиланда и Филиппин, вторая — из Доминиканской Республики и Колумбии, третья — из Ганы и Нигерии. Четвертая волна женщин охватила страны бывшего СССР, прежде всего Россию, Украину, Белоруссию, а также Латвию⁵⁵⁰. В мировой секс-индустрии отмечается спрос на славянских женщин. В частности, для бизнесменов Японии, Китая, Таиланда они считаются «символом престижа»⁵⁵¹. Много женщин из России и стран СНГ занимаются проституцией в странах Западной Европы (автору приходилось встречать наших соотечественниц на Репербане Гамбурга, в «квартале красных фонарей» Амстердама, в портовых кварталах Антверпена) и США. Свыше 10 000 женщин были вывезены транснациональными преступными организациями из России и Украины в Израиль для занятия в сфере секс-индустрии, оборот которой вырос до 450 млн долл. в год⁵⁵². В середине 90-х гг. женщины из России появились и в Египте.

Российские проститутки экспортируются в страны Западной Европы, в США, Канаду, страны Латинской Америки, а также в Китай.

⁵⁴⁸ Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 381.

⁵⁴⁹ Репецкая А.Л. (2001). Указ. соч. С. 77.

⁵⁵⁰ The Sex Trade: Trafficking of Women and Children in Europe and the US. Testimony of Anita Botti, Deputy Director for International Women's Initiatives. Hearing before the Commission on Security and Cooperation in Europe. Washington, June, 29, 1999.

⁵⁵¹ Стоекер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. Альманах. 2000. № 1. С. 57–66.

⁵⁵² Репецкая А.Л. (2001). Указ. соч. С. 79.

Им посвящены публикации от академических изданий до массовых иллюстрированных журналов⁵⁵³. Из дальневосточного региона России (Владивосток, Хабаровск и др.) больше всего «белых рабынь» транспортируется в Китай. На втором месте — Южная Корея, на третьем — Япония. Исследования, проведенные в Германии, также свидетельствуют о преобладании (79%) среди жертв торговли людьми женщин из стран центральной и восточной Европы, включая Россию⁵⁵⁴.

В докладе корейского профессора Хана на конференции в Киото (10–11 декабря 2004 г.) говорилось о динамике миграции женщин в Корею. Если до 1993 г. абсолютно преобладали жительницы Филиппин, то с 1994 г. начался «заезд» женщин из России, а с 1996 г. и из Узбекистана. К 2000 г. число мигранток из Филиппин и России сравнялось, а с 2001 г. большинство составили последние. Так, в 2002 г. количество приезжих женщин из Филиппин достигло 1664, из России — 2290, из Узбекистана — 496, на все другие страны пришлось 835 женщин.

Поскольку условия труда в сфере сексуальных услуг рабские, некоторые женщины, спасая себя, по договоренности с «хозяевами» возвращаются на родину для вербовки новых жертв. Это приобрело название «вторая волна». При этом вербовщица получает за каждую завербованную женщину от 200 до 5000 долл. Перевозка завербованных женщин из страны-экспортера в страну-импортер производится как легально (туризм, на работу, к родственникам), так и нелегально.

По некоторым данным, насильственно вывезенные из России женщины занимаются проституцией более чем в 50 странах⁵⁵⁵. По официальным данным МВД РФ, только за три года — с 1994 по 1997 г. — были раскрыты сотни организованных преступных групп, вербующих российских женщин для занятия проституцией в странах Европы, Среднего Востока, Северной Америки и Азии. Женщины из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Екатеринбурга и других городов вывозились с помощью фальшивых паспортов, виз и приглашений. К основным формам вербовки относятся: газетные сообщения о найме на работу за границей женщин в возрасте от 18 до 30 лет с выгодными условиями «безопасной работы»; «вторая волна», о которой говорилось

⁵⁵³ Напр.: From Russia with sex // New York, August, 10, 1998.

⁵⁵⁴ Herz A. Trafficking in Human Beings: An Empirical Study on Criminal Prosecution in Germany. Freiburg in Br.: MPI, 2006, p. 14.

⁵⁵⁵ Вебстер В.Х. Российская организованная преступность — проект глобальной организованной преступности. Вашингтон: Центр стратегических и международных исследований, 1997. С. 26–32.

выше; путем конкурсов красоты; прямые объявления о работе проститутками; через «брачные агентства»⁵⁵⁶.

Активно функционирует черный (криминальный) рынок «живого товара» — *незаконная миграция, экспорт проституток*.

Вот отрывок из интервью Я. Костюковского (Центр девиантологии Социологического института РАН — СИ РАН) с представителем петербургского криминалитета:

«И.: А как дела с проституцией?»

Р.: Проституция в Санкт-Петербурге обычная индустрия. Существует не со вчерашнего дня. Имеются сотни «контор» (агентства по предоставлению сексуальных услуг — Я.Г.). Их еще больше в Москве. В нашем городе самые дорогие женщины в барах, гостиницах, казино. Есть «call girls», девочки в саунах, в «центрах досуга». Так, в массажных салонах... Уличные намного дешевле...

И.: А как с детской проституцией?»

Р.: Конечно. Есть очень много любителей. Есть также много алкоголиков, которые продают своих детей. Можно даже за бутылку водки. Если говорить о проституции в целом, есть мужская проституция и гомосексуальная проституция тоже. Мужчины более дорого стоят.

И.: Что ты можешь сказать о «бизнес-поездках?»

Р.: Да, существуют. Более того, девочки не всегда проститутки. Это могут быть приглашения для работы в стриптизе или вообще в сфере услуг. Но они экспортируются, например, в Турцию и их насильно заставляют заниматься проституцией. Это их счастье, если им удается бежать. Но обычно конец очень плохой...».

Другие источники также свидетельствуют о большом количестве вывезенных из России женщин, пропавших в различных странах. Так, С.Ю. Лукашевич называет порядка 4000 женщин, которые пропали и чья судьба не известна. По другим данным, только в Германии пропало свыше 12 000 женщин⁵⁵⁷.

Разновидностью секс-индустрии является секс-туризм. К числу стран, в котором развит секс-туризм, относятся, например, Куба, Россия, Доминиканская Республика. Российский рынок сексуальных услуг оценивается, по различным данным, от 670 до 770 млн долл.

⁵⁵⁶ Торговля людьми. (2002). Указ. соч. С. 42–44.

⁵⁵⁷ Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003. С. 206–207.

Торговля детьми

Это одна из самых страшных разновидностей *human trafficking*. Дети используются для секс-бизнеса, порнографии, нелегального усыновления (последнее — не самый худший вариант).

Методами вовлечения детей в их сексуальную эксплуатацию служат похищение, фиктивный брак «родителей», прямое принуждение и изнасилование, фиктивное усыновление / удочерение. Нередко сутенеры «покупают» детей у спившихся, опустившихся родителей — бездомных, безработных, алкоголиков.

Россия является как страной *экспортером* детей, так и *импортером* иностранных туристов, рассчитывающих на соответствующие удовольствия в стране, где множество бездомных, «уличных» детей. Социальной базой торговли детьми в России служат более чем два миллиона бездомных и сирот, дети алкоголиков, а также те из детей, которые добывают деньги для «сладкой жизни». Основными покупателями детских сексуальных услуг на Дальнем Востоке являются китайцы⁵⁵⁸.

Сотрудники Центра девиантологии СИ РАН исследовали сексуальную эксплуатацию детей в Северо-Западном регионе (Санкт-Петербург, Выборг, Петрозаводск и др.)⁵⁵⁹. Большинство клиентов детской проституции — «новые русские», городские «авторитеты» (криминальные) и иностранные гости, преимущественно из Финляндии, а также из Швеции, Германии и Великобритании. Оральный секс с детьми стоил (на момент исследования — 2000–2001 гг.) 100–150 руб. (3–5 долл.), половое сношение — 200–250 руб. (7–8 долл.), ночь с клиентом — от 500–600 до 1000 руб. (от 17–20 до 30–35 долл.). Мальчики ценятся дороже — 3–7 тыс. руб. (100–250 долл.). Но если родители детей — алкоголики, то они продавали детей за бутылку водки (около 3 долл.)...

Детская порнография — очень скрытый и весьма доходный бизнес. Уличные дети — беспризорные, бездомные, безнадзорные — охотно отвечают на предложение вербовщиков. «Уличные дети наиболее уязвимы для эксплуатации в качестве моделей порнографии — видео или иного вида. Лица, вовлеченные в производство порнографических изданий, отыскивают таких детей на улицах, рынках, около

⁵⁵⁸ Ерохина Л., Буряк Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003. С. 231.

⁵⁵⁹ Gurvich, I., Rusakova, M., Pyshkina, T., Yakovleva, A. The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Stockholm, 2002.

станций метрополитена или вокзалов и в других городских местах. Накормив их, они предлагают детям «заработать хорошие деньги». Дети, находящиеся в экстремальной экономической ситуации, надеются, что это будет простой путь заработать деньги, получить еду, одежду, иногда — наркотики, алкоголь, сигареты... Кадеты (учащиеся военных школ) Санкт-Петербурга нередко используются для получения гомосексуальных порно-материалов»⁵⁶⁰.

Назовем также в качестве примера выявленную в Москве полицией в 2000 г. подпольную домашнюю киностудию «Голубая орхидея», создающую разнообразную порнографическую продукцию с участием детей. В результате расследования были выявлены списки ее клиентов из 24 стран.

Принудительный труд или рабство

Удивительно, но принудительный труд, рабство оказались распространены в XX–XXI вв. Жертвами этого вида торговли людьми становятся мужчины, женщины, дети.

В современной России рабский труд был распространен, прежде всего, в Кавказском регионе, но в печать проникали сведения и о рабстве в центральных регионах Европейской части страны. О таком «рабовладельце» в Ленинградской области говорится в одном из очерков А. Константинова⁵⁶¹.

Как и в других случаях торговли людьми, основной причиной трудовой миграции служит экономический фактор: низкий уровень заработной платы на родине или безработица, невозможность устроиться на работу. Как сообщает пресса, в некоторых регионах Республики Молдова почти все взрослое население выезжает на заработки в Италию или Россию. В результате дети остаются безнадзорными или на попечении родственников. Вот как объясняет журналистке свой вынужденный отъезд из Молдовы на заработки в Россию одна из матерей: «Ну, вот я буду сидеть дома и плакать с детьми, что нечего есть и обувь [т.е. нет обуви — Я.Г.]. И что? Лучше я буду плакать одна, там, ночью в подушку, а у детей здесь будут деньги»⁵⁶².

В настоящее время фактически рабский труд широко распространен в России за счет легальных и — в основном — нелегальных

⁵⁶⁰ Gurvich I. et al. Ibid. P. 27.

⁵⁶¹ Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. СПб.: Библиополис, 1997. С. 251–258.

⁵⁶² Ивлева В. Страна одиноких детей // Новая газета. 2006. 6–8 ноябрь. С. 13.

мигрантов из стран СНГ, особенно Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Молдовы, а также из Китая, Вьетнама, Афганистана, Северной Кореи, отчасти — из африканских и латиноамериканских стран. Условия труда и жизни рабов XXI в. ужасны. Нередко их жизнь заканчивается самоубийством⁵⁶³.

Так, по данным одного из исследований в России, 80–90% мигрантов принуждаются «хозяевами» к работе сверх положенного времени; до 90% мигрантов не имеют оплаченных выходных, отпуска по болезни, иных социальных льгот; без оплаты труда или с неопределенными условиями и размером оплаты работают 25–47%. К элементам *рабского* труда относятся: ограничение свободы и изоляция (25–30% мигрантов); обман, угрозы, шантаж (27–35%); принуждение к секс-услугам (25–30% женщин); наличие долга работодателю (15–18%)⁵⁶⁴. Кроме того, множество трудовых мигрантов живут в ужасающих условиях, в бараках без электричества, без отопления, без канализации («удобства во дворе»⁵⁶⁵).

В связи с массовой миграцией в России начал формироваться институт «черного посредничества». Специальные агенты ездят по селам и городам стран СНГ (союз независимых государств, включающий ряд стран бывшего СССР), вербуя людей под предлогом «хорошего заработка» в России, а в действительности для занятия проституцией, тяжелым трудом в строительной отрасли с рабскими условиями труда, а иногда — и в качестве гладиатора⁵⁶⁶.

Более того, существует практика продажи в рабство в современной... российской армии! Известны многочисленные случаи продажи офицерами солдат различным бизнесменам. Один из ставших известным случаев произошел в сентябре 2006 г., когда в городе Чита (Восточная Сибирь) офицер продал солдата своей воинской части местному предпринимателю за 35 000 руб. (около 1300 долл.). В результате солдат оказался в военном госпитале без ноги и без глаза, что явилось следствием рабской эксплуатации.

⁵⁶³ Репецкая А.Л. (2003). Указ. соч. С. 34.

⁵⁶⁴ Тюрюканова Е. (2006). Указ. соч. С. XIX.

⁵⁶⁵ Отсутствие туалета в жилом помещении, приходится справлять естественную нужду в деревянных сооружениях на улице, убожество которых может представить только тот, кто это видел в России...

⁵⁶⁶ Интервью с таким современным гладиатором опубликовано в: Тюрюканова Е. 2006. Указ. соч. С. 184–186.

Торговля внутренними органами

Это одна из наиболее скрытых и быстро развивающихся отраслей криминального бизнеса. Существует международный черный рынок «изделий» для трансплантации сердца, почек и других органов человека. В российской прессе изредка проскальзывают сведения о случаях продажи органов в стране и за рубежом. Было два-три случая, когда возбуждались, расследовались и доходили до суда случаи по обвинению медицинских работников в нелегальном изъятии органов у детей в целях продажи. Однако эти дела заканчивались либо оправдательным приговором, либо прекращались производством.

Мировые и национальные проблемы предупреждения и сокращения торговли людьми чрезвычайно сложны, хотя нормативная правовая база достаточно развита⁵⁶⁷.

Во-первых, этот вид криминальной деятельности один из наиболее *скрытых, латентных*. Достаточно отметить, что при значительной распространенности торговли людьми в России были зарегистрированы соответствующие преступления в 2001–2010 гг.: принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации (ст. 120 УК РФ) — 0 преступлений, за исключением по 1 (!) преступлению в 2005 и 2006 гг.; торговля людьми (ст. 127-1 УК) — 0 преступлений в 2003 г., 17 — в 2004 г., 60 в 2005 г., 106 в 2006 г., 104 в 2007 г., 57 в 2008 г., 94 в 2009 и 103 в 2010 гг.; использование рабского труда (ст. 127-2 УК) — 0 преступлений в 2003 г., 8 — в 2004 г., 20 в 2005 г., 19 в 2006 г., 35 в 2007 г., 10 в 2008 г., 9 в 2009 и 15 в 2010 гг.; торговля несовершеннолетними (ст. 152 УК) — в 2001–2003 гг. соответственно 16, 10, 21 преступлений, затем закон утратил силу; незаконное усыновление (ст. 154 УК) — соответственно по годам 2, 3, 0, 1, 7, 9, 1, 1, 1 преступлений⁵⁶⁸.

Во-вторых, все формы торговли людьми — порождение экономических, социальных, политических процессов в условиях глобализации. *Социально-экономическое неравенство* различных стран и социальных групп — основной фактор *human trafficking* также как

⁵⁶⁷ См.: Противодействие торговле людьми: сборник нормативных правовых документов / Ред. Н.И. Абукикирова. М.: ЭКСлит, 2004.

⁵⁶⁸ Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 303–306; Преступность, криминология, криминологическая защита / Ред. А. Долгова. М., 2007. С. 337–340; Статистические данные ГИАЦ МВД РФ // URL: crimpravo.ru (дата обращения: 15.03.2014).

иных девиаций — преступности, наркотизма, алкопотребления, проституции и др. Ясно, что неимущие, «исключенные» нуждаются в средствах для выживания, другая часть населения — в деньгах для «лучшей жизни» («сладкой жизни»). Криминал пользуется этим, «обеспечивая» тех и других (и, прежде всего — себя) такими средствами.

В-третьих, торговля людьми в эпоху глобализации *относительно новая* проблема. Привычные методы выявления, регистрации, профилактики, противодействия социальному «злу» в данном случае не срабатывают. Тем более важны национальные и межгосударственные (кросс-культуральные) исследования торговли людьми и выработка методов и средств противодействия этому.

Глава VIII. Преступления против собственности (корыстные преступления)

Собственность — это кража.

П.Ж. Прудон

§ 1. К постановке проблемы

Преступления против собственности или корыстные преступления, или имущественные преступления — наиболее распространенный вид преступности в современных государствах. Однако границы, очерчивающие круг таких деяний, весьма условны. Во-первых, «*корысть*» понятие весьма широкое и «присутствует» так или иначе во всех преступных, да и многих не преступных поведенческих актах. Если исходить из известного афоризма, взятого в качестве эпиграфа к этой главе, то и с «*собственностью*» (в социально-экономическом, не юридическом смысле) все не так просто. Во-вторых, криминологическое представление об этом виде преступности не вполне совпадает с границами уголовного закона. Так, гл. 21 УК РФ («Преступления против собственности») включает разбой, который в равной степени и насильственное и корыстное преступление, а также уничтожение или повреждение имущества, которое далеко не всегда носит корыстный характер (в смысле получения имущественных выгод). С другой стороны, большинство преступлений, предусмотренных гл. 22, 23 УК РФ, а также ряд других деяний (бандитизм, незаконное занятие частной медицинской практикой, браконьерство, получение взятки и т.п.) преследуют явно корыстные цели.

Криминологически преступления против собственности включают *умышленные посягательства по корыстным мотивам на имущество, деньги или иные материальные ценности, находящиеся в чужой собственности, независимо от ее формы (личная, частная, общественная, государственная и др.) или, иначе говоря — незаконное обогащение за чужой счет.*

Существует множество утопий и иллюзий по поводу возможности установить (эволюционным или революционным путем) такой «справедливый» общественный порядок, когда одновременно каждый

сможет иметь доходы «по труду» (чем больше трудишься и производишь, тем больше имеешь) и при этом все будут достаточно обеспечены. Однако еще в конце XIX в. известный американский экономист Т. Веблен писал: «Как бы всеохватывающе, поровну или «справедливо» ни распределялся общий прирост общественного благосостояния, он несколько не приблизит насыщение той потребности, почвой для которой является стремление каждого превзойти всякого другого в накоплении материальных ценностей. Если бы, как иногда полагают, стимулом к накоплению была нужда в средствах существования или в материальных благах, тогда совокупные экономические потребности общества понятным образом могли быть удовлетворены при каком-то уровне развития производственной эффективности, но, поскольку борьба по сути является погоней за престижностью на основании завистливого сопоставления, никакое приближение к определенному уровню потребления невозможно»⁵⁶⁹. Опыт «развитого социализма», государств «всеобщего благоденствия», современного общества постмодерна — «общества потребления» — подтвердил вебленовский прогноз. На бытовом, житейском уровне безграничность «престижного потребления» и завистливости выражается в стремлении жить «не хуже других», «как люди», чтобы все было «как у людей»⁵⁷⁰. Если же «у соседа сдохла кобыла, казалось бы — какое мне дело? А все-таки приятно...».

Собственность — не естественная, природная данность, а социальный конструкт. Право собственности, полномочия собственника «определяются социально, и поэтому их характер зависит от конкретного общества, а также от стадии развития этого общества. Права собственности подразумевают социальные отношения между людьми, поскольку они определяют, кто имеет санкционированный доступ к этим объектам, а кто нет. Отношения собственности социальны, поскольку обладание собственностью может наделять человека властью над другими...»⁵⁷¹.

Социальный, а не природный характер собственности обуславливает непонимание (или недопонимание) детьми существенных различий между «мое», «наше» и «чужое», «не наше». Лишь в процессе обучения,

⁵⁶⁹ Веблен Т. Указ. соч. С. 80.

⁵⁷⁰ Подробнее о проблемах «общества потребления» см.: Девиантность в обществе потребления / Ред. Я. Гилинский и Т. Шипунова. СПб.: Алеф-Пресс, 2012; Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб ГУ, 2008.

⁵⁷¹ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Указ. соч. С. 291.

вообще — социализации ребенок начинает усваивать, осознавать эту разницу. Но не все, не всегда и не сразу. А если в семье действуют принципы «хватай, что плохо лежит», «бери чужое, но не попадайся», «тащи все в дом», то надеяться на отношение к чужой собственности, как «священной и неприкосновенной» не приходится. Но и в самых благополучных семьях дети до поры до времени не очень считаются с чужой собственностью. Вот признания ряда политических деятелей современной России: «Я украла у одноклассницы красивую тетрадку и «биковскую» ручку. Родители девочки часто ездили за границу, и у нее всегда были такие красивые вещи, что устоять не было сил... А два моих сына, когда им было 4 и 7 лет, украли у нас с мужем деньги» (быв. вице-спикер Госдумы И. Хакамада); «Я довольно часто воровал по мелочи. Иногда залезал к матери в кошелек... Но чаще я с друзьями лазил за яблоками в чужие сады» (быв. губернатор Псковской области Е. Михайлов); «Украсть у лоточницы пирожки в нашем дворе считалось спортивным достижением... Сын иногда может не отдать сдачу, «сэкономив» себе на мороженое. А однажды он поехал к репетитору, того не оказалось дома. Деньги за урок он не заплатил, но и нам их не отдал» (президент продюсерской компании В. Семаго); «Что-то воровал, но что, где и когда — не помню. Просто мне кажется, что 100% детей обязательно что-нибудь крадут у родителей. У детей нет четкого разделения — мое, наше и чужое» (лидер Российского общенародного союза С. Бабурин); «По огородам часто лазил, особенно за клубникой «Виктория» — очень крупный сорт. Еще таскали горох, огурцы, яблоки» (быв. депутат Госдумы В. Рыжков)⁵⁷².

Надеюсь, читатель понимает, что я привел эти высказывания не для того, чтобы «очернить» их авторов. Все вышесказанное не оправдывает и оправдания посягательств на чужую собственность. Важно другое — опять и опять мы сталкиваемся с тем, что за казалось бы такими простыми и ясными истинами как «не убий», «не укради» скрываются сложные социальные феномены.

С легкой руки Г. Беккера — нобелевского лауреата 1992 г. по экономике, начал развиваться экономический анализ преступной деятельности и наказания⁵⁷³. Основная идея Г. Беккера: как потенциальные преступники, так и представители правоохранительных органов действуют *рационально* — взвешивая все «за» и «против» (или, по крайней мере, пытаясь оценить «выгоду» от своих поступков и их «цену»).

⁵⁷² Власть. 2000. Июнь.

⁵⁷³ Becker G. Crime and Punishment: an Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. № 2. Pp. 169–217.

Так, «индивид совершает правонарушение, если ожидаемая для него выгода (польза) превосходит выгоду, которую он мог бы получить, используя свое время и свои ресурсы на другого рода деятельность. Некоторые лица становятся преступниками не потому, что их основные мотивации отличаются от мотиваций других лиц, но потому, что различаются их выгоды и издержки «цена»». Более подробный экономический анализ, в частности, показывает, что правонарушителями становятся в основном лица, предпочитающие риск; что их удерживает от преступления скорее большая вероятность подвергнуться наказанию, нежели его потенциальная суровость. При этом экономический расчет справедлив для корыстных преступников и не эффективен при анализе насильственных преступлений. Применительно к правоохранительной деятельности показано, что социальные издержки тюремного заключения выше издержек правонарушителя от лишения свободы, ибо потери от такого наказания несут и законопослушные налогоплательщики, оплачивая содержание заключенных. Экономический подход объясняет, почему кражи, грабежи, разбойные нападения чаще совершают представители низших страт и подростки: именно для них ограничены легальные пути хорошего заработка⁵⁷⁴. Справедливости ради следует заметить, что это экономическое направление вызывает критику других представителей современной зарубежной криминологии за гиперболизацию роли экономических отношений среди иных социальных.

Наконец, нельзя не заметить, что одной из особенностей современного общества постмодерна является *консьюмеризация* сознания и деятельности. Общество постмодерна — есть «общество потребления», отсюда стремление людей обогатиться легальным или же нелегальным путем.

§ 2. Криминологический анализ преступлений против собственности

Имеющаяся информация и прежде всего — официальные статистические данные ограничивают объем рассматриваемых преступлений кражей, грабежом, разбойным нападением, растратой и присвоением, а также мошенничеством.

⁵⁷⁴ Подробнее см.: Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности. Реферативный журнал. Вып. 1. М.: РГГУ, 1999.

Динамика преступлений против собственности в России отчасти была представлена в табл. 3.5. Здесь мы дополним ее сведениями об уровне (на 100 тыс. населения в возрасте 16 лет и старше) зарегистрированных *присвоений и растрат*: 1987 г. — 52,2; 1988 г. — 46,8; 1989 г. — 42,8; 1990 г. — 39,6; 1991 г. — 36,0; 1992 г. — 34,6; 1993 г. — 32,9; 1994 г. — 31,4; 1995 г. — 32,0; 1996 г. — 34,4; 1997 г. — 37,8; 1998 г. — 38,5; 1999 г. — 41,8; 2000 г. — 46,0; 2001 г. — 46,6; 2002 г. — 41,8; 2003 г. — 42,4; 2004 г. — 50,5; 2005 г. — 54,0; 2006 г. — 55,2; 2007 г. — 61,5; 2009 г. — 56,4; 2010 г. — 37,7; 2011 г. — 31,5; 2012 г. — 25,7; 2013 г. — 23,5. Мы видим снижение уровня этих преступлений с 1987 г. (уровень 52,2) до 1994 г. (уровень 31,4) с последующим возрастанием до 2007 г. (уровень 61,5) и снижением к 2013 г. до 23,5. В связи с известной неполнотой уголовной статистики, проследим динамику присвоений и растрат в абсолютных числах зарегистрированных преступлений: 2005 г. — 64 504, 2006 г. — 65 980, 2007 г. — 73 489, 2008 г. — 72 142, 2009 г. — 67 266, 2010 г. — 44 894, 2011 г. — 37 707, 2012 г. — 30 651, 2013 г. — 28 049, 2014 г. — 20 526, 2015 г. — 19 494, 2016 г. — 17 633⁵⁷⁵. Таким образом, наблюдается общая для преступности тенденция: рост до 2007 г. с последующим устойчивым сокращением.

Что касается *мошенничества*, то было зарегистрировано в 1993 г. 47981 преступлений, 1994 г. — 65 366, 1995 г. — 67 243, 1996 г. — 74 539, 1997 г. — 77 763, 1998 г. — 76 738, 1999 г. — 83 654, 2000 г. — 81 470, 2001 г. — 79 296, 2002 г. — 69 346, 2003 г. — 87 471, 2004 г. — 126 047, 2005 г. — 179 553, 2006 г. — 225 326, 2007 г. — 21 127, 2008 г. — 192 490, 2009 г. — 188 723, 2010 г. — 160 081, 2011 г. — 147 468, 2012 г. — 161 969, 2013 г. — 164 214, 2014 г. — 160 214, 2015 г. — 200 598, 2016 г. — 208 926. Таким образом, наблюдается рост зарегистрированных фактов мошенничества с 1993 по 2003 г. в 1,8 раза. Дальнейший «скачок» количества зарегистрированных фактов мошенничества вызван не столько их реальным ростом, сколько изменением закона (Федеральный Закон от 8.12.2003 г.) и, наконец, снижение с 2007 до 2012 г. с последующим ростом, объяснение которого может быть связано с существенным изменением уголовного законодательства и появлением шести видов мошенничества... Возможно, что мошенничество является наиболее «выгодным» и наименее опасным способом преступного обогащения в современном «обществе потребления».

⁵⁷⁵ Здесь и далее: Статистика МВД // URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/> (дата обращения: 15.03.2016).

Данные, приведенные в табл. 3.5, свидетельствуют о сокращении уровня всех видов преступлений против собственности с 1985 по 1987 г. и резком возрастании с 1987 г. до 1993 г. (краж — в 4,4 раза, грабежей — в 5,9 раза, разбойных нападений — в 6,9 раза) с последующим сокращением до 1997 г. и новым, но уже более плавном росте за 1998–1999 гг. В 2000 г. регистрируется некоторое сокращение разбойных нападений (на 4,1% по сравнению с 1999 г.), грабежей (на 4,7%), краж (на 7,3%), мошенничества (на 2,6%) при росте присвоений и растрат (на 11%). С 2001 г. наблюдается существенный рост уровня всех анализируемых преступлений против собственности: грабежей с 91,0 в 2000 г. до 250,3 в 2006 г. (в 2,7 раза за 6 лет), разбойных нападений за те же годы с 27, 1 до 41,7 (в 1,5 раза), краж с 900,0 до 1174,7 (в 1,3 раза) с последующим устойчивым сокращением. О наших сомнениях в полноте регистрации всех преступлений, особенно таких высоко латентных, как кража, говорилось выше.

Место преступлений против собственности в общем объеме преступности. Удельный вес преступлений против собственности составил: 1987 г. — 43,4%, 1988 г. — 51,5%, 1989 г. — 58,3%, 1990 г. — 60,9%, 1991 г. — 67,5%, 1992 г. — 71,7%, 1993 г. — 70,8%, 1994 г. — 63,3 %, 1995 г. — 62,2%, 1996 г. — 58,8%, 1997 г. — 59,4%, 1998 г. — 59,6%, 1999 г. — 61,6%, 2000 г. — 58,7%, 2001 г. — 58,1%, 2002 г. — 54,4%, 2003 г. — 59,7%, 2004 г. — 65,4%, 2005 г. — 66,6%, 2006 г. — 65,8%, 2007 г. — 65%, 2009 г. — 60,1%, 2010 г. — 61,0%, 2011 г. — 61,0%, 2012 г. — 60,8%, 2013 г. — 59,1%. Таким образом, мы наблюдаем значительный рост доли преступлений против собственности с 1987 по 1992 г. и почти столь же значительное сокращение с 1992 по 1998 г. Далее растет удельный вес рассматриваемых преступлений, особенно в 2004–2007 гг. с последующей относительной стабилизацией.

Если мы вспомним, что удельный вес преступлений против личности относительно стабилен, то динамика удельного веса преступлений против собственности, очевидно, зависит от изменений иных видов преступности и, вероятнее всего, экономической направленности, поскольку именно в этой сфере произошла наибольшая криминализация новых для уголовного закона деяний (гл. 22, 23 УК РФ). Кроме того, как мы помним, общемировая тенденция состоит в «гуманизации преступности», т.е. относительном сокращении удельного веса (доли) насильственных преступлений при соответствующем росте доли преступлений корыстных.

Структура преступлений против собственности отражена в табл. 8.1.

Как явствует из приведенных данных, основную массу преступлений против собственности составляют кражи. В целом отмечается тенденция постепенного роста удельного веса мошенничества.

Квартирные кражи составили от общего числа краж: 1990 г. — 22,3%, 1991 г. — 23,7%, 1992 г. — 26,5%, 1993 г. — 28,5%, 1994 г. — 29,5%, 1995 г. — 22,1%, 1996 г. — 22,2%, 1997 г. — 25,2%, 1998 г. — 25,6%, 1999 г. — 25,6%, 2000 г. — 26,6%, 2001 г. — 27,5%, 2002 г. — 27,8%, 2003 г. — 22,6%, 2004 г. — 19,9%, 2005 г. — 16,8%, 2006 г. — 14,1%, 2007 г. — 13,4%, 2009 г. — 12,8%, 2010 г. — 12,0%, 2011 г. — 10,5%, 2012 г. — 9,7%, 2013 г. — 9,3%. Сокращение доли квартирных краж может быть следствием повышения уровня охраны квартир.

Доля *карманных краж* из общего их числа составляла за последнее десятилетие порядка 2%. Это не удивительно: в отличие от советских времен в современной России редко кто носит крупные суммы денег или ценности при себе — у одних их нет, другие ездят на машинах и расплачиваются за покупки по кредитным картам.

Социально-демографический состав лиц, совершивших преступления против собственности, представлен в табл. 8.2.

Таблица 8.1

**Структура преступлений против собственности в России
(1987–2013) в %**

	1987	1991	1994	1996	1998	1999	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2013
Кражи	70,8	84,8	78,8	78,2	74,3	76,5	75,6	67,4	69,9	67,5	66,4	66,1	67,3	66,1	70,7
Грабежи	6,0	7,0	8,9	7,9	7,9	7,5	7,6	12,2	12,0	13,3	14,5	14,1	12,7	11,4	7,1
Разбои	1,1	1,3	2,3	2,2	2,5	2,2	2,3	3,4	3,0	2,9	2,7	2,4	1,9	1,7	1,3
Присвоения и растраты	11,2	2,8	2,1	2,6	2,9	2,6	3,1	3,6	3,0	3,1	2,7	2,6	3,2	3,7	2,1
Мошенничество	4,0	2,0	4,1	4,8	5,0	4,5	4,7	5,0	5,3	6,7	7,6	8,9	9,1	10,5	10,3

Таблица 8.2
Характеристика лиц, совершивших некоторые преступления против собственности, в % от общего числа (1987–2013)

	Разбои														
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006	2007	2009	2011	2013
Пол:															
- муж	95,4	96,1	95,6	94,6	93,4	94,1	94,0	94,1	94,8	95,2	95,2	95,5	95,8	96,2	96,8
- жен.	4,6	3,9	4,4	5,4	6,6	5,9	6,0	5,9	5,2	4,8	4,8	4,5	4,2	3,8	3,2
Возраст:															
- 14–17	20,5	21,6	19,4	21,7	19,7	16,5	14,7	17,3	18,6	17,4	17,1	16,2	11,4	10,7	8,3
- 18–29	57,9	56,4	55,6	57,0	58,2	61,1	63,9	63,2	64,1	63,2	63,2	63,5	63,6	61,4	60,9
- 30 и старше	21,6	22,0	25,0	21,3	22,1	22,4	21,4	19,5	17,3	19,4	19,7	20,3	25,0	27,9	30,8
Социальная принадлежность:															
- рабочие	46,4	39,2	35,9	18,9	18,3	14,4	12,9	12,9	13,9	13,8	13,9	14,3	12,1	12,5	13,5
- служащие	1,3	0,8	0,9	1,4	1,1	1,3	1,1	0,9	1,7	1,6	1,7	1,6	1,1	1,1	1,1
- работники сельского хозяйства	2,0	1,8	1,8	1,2	0,3	0,4	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1	0,03	0,08	0,08	0,03
- учащиеся (включая студентов)	15,4	11,6	9,9	9,5	8,5	9,6	10,0	10,9	11,6	11,6	12,6	12,2	9,7	9,8	7,6
- без постоянного источника доходов	33,1	44,8	47,3	7,7	63,4	68,0	71,2	70,6	67,9	69,1	67,9	68,6	74,2	74,0	75,6
- безработные*	-	-	-	3,6	4,6	5,8	5,8	5,6	5,5	6,0	6,1	5,5	4,1	4,3	3,8
В состоянии алкогольного опьянения	64,9	69,2	66,0	63,9	59,7	52,3	41,5	39,2	40,3	33,3	31,3	28,7	25,0	31,9	42,1
В состоянии наркотического возбуждения	0,4	0,3	0,2	0,8	0,6	0,8	0,7	0,9	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,5

* Сведения только с 1993 г.

Таблица 8.2 (продолжение 1)
Характеристика лиц, совершивших некоторые преступления против собственности, в % от общего числа (1987–2013)

	Грабежи														
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006	2007	2009	2011	2013
Пол:															
- муж	93,3	93,7	93,5	93,1	91,5	91,6	91,3	91,8	92,8	93,02	92,7	92,7	92,5	92,6	92,9
- жен.	6,7	6,3	6,5	6,9	8,5	8,4	8,7	8,2	7,2	7,0	7,3	7,3	7,5	7,4	7,1
Возраст:															
- 14–17	34,4	38,7	33,6	31,4	28,2	24,4	21,9	21,2	23,6	23,8	23,3	21,4	16,7	15,0	12,6
- 18–29	47,9	45,0	43,8	46,2	47,3	50,8	53,9	57,2	58,6	58,7	58,9	59,2	59,5	57,5	54,9
- 30 и старше	17,7	16,3	22,6	22,4	24,5	24,8	24,2	21,6	17,8	17,5	17,8	19,4	23,8	27,5	32,5
Социальная принадлежность:															
- рабочие	43,6	38,5	37,0	21,9	20,3	16,1	14,3	14,9	14,5	14,2	14,5	15,1	12,2	13,2	13,6
- служащие	1,1	0,7	0,8	1,1	0,9	0,9	0,8	0,7	1,5	1,6	1,7	1,4	0,9	0,7	0,7
- работники сельского хозяйства	2,7	2,1	2,4	1,9	0,7	1,3	0,9	0,6	0,4	0,2	0,2	0,1	0,1	0,06	0,07
- учащиеся (включая студентов)	27,9	24,7	20,2	16,5	14,5	14,5	14,5	13,7	16,2	17,8	18,3	17,3	14,6	14,1	11,4
- без постоянного источника доходов	24,6	33,5	37,2	43,6	54,1	60,6	64,8	65,9	63,0	62,0	61,2	62,6	69,5	69,2	71,9
- безработные*	-	-	-	3,4	5,2	5,7	5,4	5,3	5,4	5,4	5,4	5,2	3,7	3,9	3,5
В состоянии алкогольного опьянения	48,7	52,2	51,6	56,9	57,0	48,9	36,7	33,5	35,1	27,2	25,2	23,2	20,2	30,4	45,2
В состоянии наркотического возбуждения	0,2	0,2	0,2	0,6	0,4	0,8	0,6	0,6	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,4

* Сведения только с 1993 г.

Таблица 8.2 (продолжение 2)
**Характеристика лиц, совершивших некоторые преступления против собственности,
 в % от общего числа (1987–2007)**

	Крайи														
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006	2007	2009	2011	2013
Пол:															
– муж	84,4	89,1	88,8	90,2	86,9	89,6	90,1	90,7	90,5	89,6	87,8	87,1	84,5	84,7	83,5
– жен.	15,6	10,9	11,2	9,8	13,1	10,4	9,9	9,3	9,5	10,8	12,2	12,9	15,5	15,3	16,5
Возраст:															
– 14–17	36,9	42,2	37,1	23,9	19,5	18,1	16,3	17,4	20,7	18,1	17,9	16,6	12,3	11,4	12,2
– 18–29	41,8	37,7	37,5	36,5	36,2	41,1	45,1	47,1	47,2	49,3	50,0	50,0	50,7	48,8	46,0
– 30 и старше	21,3	20,1	25,4	39,6	44,3	40,8	38,6	35,5	32,1	32,6	32,1	33,4	37,0	39,8	41,8
Социальная принадлежность:															
– рабочие	40,3	37,3	36,2	27,9	28,2	22,9	20,4	19,1	16,3	14,9	15,1	15,6	13,6	14,1	15,1
– служащие	2,1	1,0	0,9	1,5	1,0	0,7	0,7	0,6	0,9	0,9	0,9	0,9	0,8	0,7	0,7
– работники сельского хозяйства	3,7	3,8	3,8	5,0	2,1	4,0	2,8	2,3	1,5	1,0	0,8	0,6	0,5	0,4	0,3
– учащиеся (включая студентов)	29,0	26,2	20,3	11,0	8,9	9,0	9,5	9,8	12,4	11,9	12,4	12,2	10,4	10,4	11,3
– без постоянного источника доходов	23,6	30,9	36,0	38,2	49,4	57,3	62,5	64,4	64,3	67,5	66,8	66,6	72,0	71,7	69,8
– безработные*	–	–	–	3,5	5,6	6,9	6,7	6,7	6,9	7,3	6,9	6,4	4,7	4,7	3,9
В состоянии алкогольного опьянения	24,9	28,3	33,0	39,7	37,7	32,1	23,9	20,6	22,8	17,7	16,7	15,2	14,8	20,9	29,3
В состоянии наркотического возбуждения	0,3	0,2	0,2	0,6	0,2	0,4	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1

* Сведения только с 1993 г.

Таблица 8.2 (окончание)
**Характеристика лиц, совершивших некоторые преступления против собственности,
 в % от общего числа (1987–2013)**

	Присвоения и растраты														
	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006	2007	2009	2011	2013
Пол:															
– муж	46,2	50,4	58,7	65,2	56,2	58,9	58,8	58,2	52,2	56,1	55,7	57,3	55,1	55,1	56,0
– жен	53,8	49,6	41,3	34,8	43,8	41,1	41,2	41,8	47,8	43,9	44,3	42,7	44,9	44,9	44,0
Возраст:															
– 14–17	0,1	0,2	0,2	0,0	0,1	0,0	0,3	0,6	0,6	–	–	–	–	–	–
– 18–29	22,6	23,6	21,7	22,4	20,9	20,9	22,8	29,4	35,0	40,8	43,1	45,0	40,4	41,8	40,4
– 30 и старше	77,3	76,2	78,1	77,6	79,0	79,1	79,6	70,0	64,4	59,2	56,9	55,0	59,6	57,2	58,7
Социальная принадлежность:															
– рабочие	28,3	42,5	47,8	35,5	46,5	45,4	48,4	57,8	54,2	53,6	50,6	51,9	44,1	44,2	44,1
– служащие	67,9	52,4	43,0	29,2	30,0	28,9	28,4	22,3	22,1	20,9	20,6	19,0	21,3	21,8	21,3
– работники сельского хозяйства	0,1	0,1	0,2	*	*	*	*	3,6	3,6	2,7	2,0	1,5	1,3	1,3	1,3
– учащиеся (включая студентов)	0,2	0,2	0,5	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*

* Не предусмотрены в данных МВД РФ

Мы видим, что грабежи и разбои — в основном «мужские» преступления, а в присвоениях и растратах женщины «догоняют» мужчин. Явно подростково-молодежные преступления — грабежи и разбои, а присвоения и растраты удел старших возрастных групп. Доля рабочих постоянно сокращается по всем рассматриваемым преступлениям, кроме присвоений и растрат. В последнем виде преступлений высока доля служащих, хотя она и сокращается. Увеличение доли рабочих и сокращение удельного веса служащих в этом явно «беловоротничковом» виде преступлений — загадка, требующая специального изучения. Пока можно лишь предположить, что и здесь действует *селективность* полиции и уголовной юстиции. По всем преступлениям, кроме присвоений и растрат, постоянно возрастает доля «исключенных» — лиц, не имеющих постоянного источника доходов.

Наблюдаются существенные *территориальные* различия рассматриваемых преступлений. Так, в **2006** г. уровень зарегистрированных *разбойных* нападений в России составил 41,9. В том же году этот показатель был в Санкт-Петербурге — 93,1, в Пермском крае — 87,8, в Иркутской области — 67,4, Ярославской области — 63,9. Ниже 10 уровень разбоев был в республиках Дагестан, Ингушетия, Чукотском АО. В **2013** г. средний уровень в России — 13,5. Максимальные показатели в Тыве — 37,7, Иркутской области — 26,6, Приморском крае — 24,4. Наименьший уровень в республиках Ингушетия — 2,8, Чечня — 2,9, Пензенская область — 3,6, Карачаево-Черкесской Республике — 3,9.

Средне российский уровень *грабежей* в **2006** г. составил 250,3. Этот показатель в том же году был в Пермском крае — 580,3, Хабаровском крае — 478,9, Приморском крае — 403,8, в Удмуртской республике — 549,5, в Иркутской области — 531,7, в Свердловской области — 433,3, в Ярославской области — 424,4, в республике Марий Эл — 404,6, а ниже 30 — в республике Ингушетия (3,7!), Дагестан. В **2013** г. средний уровень — 64,2, максимальный в Иркутской области — 175,4, Кемеровской области — 138,1, Приморском крае — 119,7 и Хабаровском крае — 118,0. Наименьшие показатели в Республике Ингушетия — 1,8, Чечня — 1,9, Дагестан — 8,1.

В **2006** г. при уровне *краж* в России — 1174,7, он оказался выше 1500 в республике в Алтайском, Приморском, Красноярском и Хабаровском краях, в республике Бурятия, Удмуртия (2039,5!), в областях Иркутской, Тюменской, а в Пермском крае — 2338,9. В тот же год этот показатель был ниже 400 в республиках Дагестан, Ингушетия,

Северная Осетия-Алания. В **2013** г. средний уровень краж — 843,6, максимальный в Забайкальском крае — 1499,5, Приморском крае — 1276,3, Иркутской области — 1105,8. Наименьший уровень в республиках Ингушетия — 38,9, Чечня — 45,4, Дагестан — 81,9.

Наиболее высокие показатели зарегистрированных *присвоений* и *растрат* (свыше 100 на 100 тыс. населения в возрасте 16 лет и старше при средне российском — 55,2) в **2006** г. были в республике Татарстан, Чувашия, Карелия, в краях Пермском, Красноярском, Хабаровском, областях Новосибирская, Калужская, Курской, Новосибирской; самые низкие (ниже 20) — в Дагестане, Ингушетии (3,3!), Амурской, Кемеровской и Тульской областях, в Санкт-Петербурге и в Москве (!). Полнота регистрации этих преступлений не может не вызывать сомнений. В **2013** г. при средне российском уровне 23,5, максимальный уровень был в Нижегородской области — 92,9, Республике Мордовия — 58,2, Челябинской области — 51,1, Республике Алтай — 46,6, а минимальный в Ингушетии — 2,0, Дагестане — 6,8, Ярославской области — 8,0, Москве — 8,1, Санкт-Петербурге — 9,3.

Зависимость интенсивности преступлений против собственности от типа поселений (город–село) была представлена в табл. 6.5.

Грабежи и разбойные нападения явно «городские» преступления. По кражам до середины 1990-х гг. лидировал город, затем коэффициент криминальной активности жителей сельской местности стал относительно выше. А вот присвоения и растраты оказались «сельскими» преступлениями. Возможно, и в этом случае наблюдается эффект «селективности» со стороны органов правопорядка, ибо трудно предположить, что в городах меньше присваивается и растрачивается...

Хорошо известны и легко объяснимы *временные* различия совершения имущественных преступлений. Так, квартирные кражи совершаются преимущественно в дневное время и в летний сезон, карманные кражи, особенно в транспорте — в часы «пик», кражи транспортных средств и из автомобилей — в ночное время, дачные домики разворовываются в зимнее время.

Глава IX. Организованная преступность

*Today, it is difficult to distinguish where
the reality ends and the fiction begins⁵⁷⁶
J. Albanese*

§ 1. К постановке проблемы

Тема преступности (вообще девиантности) издавна полна мифов. А мифы все шире используются политиками — в популистских целях, журналистами — в погоне за сенсацией, рождая «страх перед преступностью», «моральную панику»⁵⁷⁷.

В еще большей степени мифологизирована *организованная преступность* — относительно позднее явление в жизни общества⁵⁷⁸. Но если организованная преступность Италии, США, Японии и других «капиталистических» стран изучается и обсуждается с конца 20-х гг. минувшего века (одно из первых исследований — *The Illinois Crime Survey*, 1929, деятельность комиссии Kefauver в 50-е гг., труды D. Bell и D. Cressey в 50–60-е гг.), то для постсоветской России это совсем новая тема. Еще в 1986 г. шла дискуссия по вопросу: а есть ли организованная преступность в СССР?

Начиная с 1990-х гг. появился ряд серьезных отечественных работ по организованной преступности⁵⁷⁹, а также главы, посвященные

⁵⁷⁶ «Сегодня трудно различить, где заканчивается реальность и начинается вымысел».

⁵⁷⁷ Cohen, S. *Folk Devils and Moral Panics*. St. Albans, 1973.

⁵⁷⁸ Albanese, J. *Organized Crime: The Mafia Mystique*. In: Shelley, J. *Criminology. A Contemporary Handbook*. Second Ed. Wadsworth Publishing Company, 1995 (pp. 231–248); Albini, J. *The American Mafia: Genesis of a Legend*. NY, 1971; Arlacchi, P. *Mafia Business: the Mafia Ethic and Spirit of Capitalism*. Verso, 1986; Smith D. *The Mafia Mystique*. Lanham MD, 1990.

⁵⁷⁹ Гуров А.И. *Красная мафия*. М., 1995; Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Наумов А.В. *Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999)*. М., 2000; Овчинский В.С. *Стратегия борьбы с мафией*. М., 1993; *Основы борьбы с организованной преступностью* / Ред. В.С. Овчинский, В.Е. Эминов, Н.П. Яблоков. М., 1996; Топильская Е. *Криминология организованной преступности: в 2-х т.* СПб.: АЛЕФ-Пресс,

организованной преступности, в книгах В.В. Лунеева (1997, 2005), Г.Ф. Хохрякова (1999), многочисленные сборники статей и докладов под редакцией А.И. Долговой (*Организованная преступность*, 1989; *Организованная преступность* — 2, 1993; *Организованная преступность* — 3, 1996; *Организованная преступность* — 4, 1998 и др.), а также Социально-правовой альманах «Организованная преступность и коррупция: Исследования, обзоры, информация» (2000–2003 гг.). Значительный интерес представляют опубликованные в виде книг результаты журналистских расследований — прежде всего А. Константинова и М. Дикселиуса⁵⁸⁰, а также фактографический материал в ежемесячнике «Ваш тайный советник» (Санкт-Петербург), «Криминальная хроника» (Москва), «Совершенно секретно» (Москва), «Версия» (Москва). В числе зарубежных исследователей современной организованной преступности в России следует назвать Johan Backman, Stephen Handelman, Patricia Rawlinson, Louise Shelley и др.

Однако нельзя сказать, что организованная преступность в России исследована достаточно полно. Теоретические и методологические основы ее изучения не вполне четко выражены. Отечественные разработки недостаточно «прописаны» в мировой науке. Нуждается в совершенствовании методическая база исследований. Главное же — организованная преступность и деятельность представляющих ее преступных организаций *постоянно меняется*, как в целом по России, так и по ее регионам.

Можно назвать несколько *уровней* теоретического осмысления организованной преступности.

На **философском** уровне для нас не бесполезен известный гегелевский принцип «Все действительное разумно». Пока и поскольку нечто существует в мире, не элиминировано в ходе эволюции, — оно *имеет основания*, выполняет определенные *функции*, и уже в силу этого заслуживает серьезного отношения (и изучения).

На **общенаучном** уровне мы исходим, во-первых, из *системного* анализа изучаемого объекта. И само общество, и его элементы, включая экономику, преступность, организованную преступность, представляются системными объектами, состоящими из элементов, закономерным образом взаимосвязанных и взаимодействующих между собой и целым — обществом. Такой подход позволяет, в част-

2015 и др.

⁵⁸⁰ Дикселиус М., Константинов А. *Преступный мир России*. СПб., 1995; Константинов А., Дикселиус М. *Бандитская Россия*. СПб., 1997; и др.

ности, рассматривать соотношение и взаимодействие между организованной преступностью, экономикой, политикой как *элементами* общества.

Во-вторых, при исследовании преступных *организаций* применяется по понятным причинам *организационный анализ*⁵⁸¹.

В-третьих, при изучении организованной преступности с учетом специфики ее национальных особенностей и тенденции к интернационализации важны *исторический* и *сравнительный* методы анализа.

Наконец, в-четвертых, мы считаем плодотворным использование общенаучных концепций: теории катастроф, теории хаоса, идей *синергетики*, неравновесной динамики, понятий энтропии, негэнтропии, бифуркации и т.п., поскольку социальные феномены (объекты) лишь элементы метасистемы Мир (Вселенная) и подчиняются общим закономерностям ее развития. Современный постмодернизм в криминологии активно использует эти общенаучные концепции⁵⁸².

На *частнонаучном* — *криминологическом* уровне мы вновь обращаемся к относительности и конвенциональности преступности. Границы между преступным и не преступным условны, относительны, подвижны, изменчивы, конвенциональны. Но и грани между бизнесом легальным и нелегальным размыты, не всегда определимы. Это важно для наших последующих рассуждений.

Общие криминологические теории (аномии, социальной дезорганизации, дифференцированной ассоциации, стигматизации или этикетирования, радикальная и др.) применяются и при объяснении организованной преступности⁵⁸³.

На *специальном* уровне — криминологии организованной преступности — исторически возникло несколько концепций — моделей.

Одна из ранних — «*alien conspiracy model*» («модель иностранного заговора») ⁵⁸⁴. Она основана на опыте этнических преступных организаций в США (прежде всего, итальянской мафии). Возможно, эта модель легла в основу группы *local, ethnic models*, хотя нередко она рассматривается в качестве самостоятельной. Другая группа — *hierarchical models* (иерархические модели). Очевидно, к ним отно-

⁵⁸¹ Айдинян Р., Гишинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность. В: Организованная преступность в России: Теория и реальность / Ред. Я. Гишинский. СПб., 1996.

⁵⁸² Milovanovic D. Postmodern Criminology. NY-L, 1997; Panoussis Y. Theory of Chaos and Criminology // Cahiers de defence sociale. 2001, pp. 61–73.

⁵⁸³ Abadinsky, H. Organized Crime. Fourth Ed. Chicago, 1994.

⁵⁸⁴ Barkan S. Ibid, 1997: 453–456.

сятся *bureaucratic / corporate model* (бюрократически-корпоративная) и *patrimonial / patron — client model* («патримониальная» модель патрон / клиент)⁵⁸⁵. Сторонники этих моделей исходят из иерархической структуры преступных сообществ. Наконец, третьей группой моделей является рассмотрение организованной преступности как *предпринимательства — business enterprise*⁵⁸⁶.

Мне представляется, что между тремя основными группами (типами) моделей организованной преступности нет принципиальных противоречий, и они могут служить примером *дополнительности* (в понимании Нильса Бора). Главной *содержательной* характеристикой организованной преступности является *business enterprise*. *Local, ethnic u hierarchical models* отражают организационные *формы* (локальная или этническая по происхождению, иерархическая по структуре) реализации предпринимательства, бизнеса (*business enterprise*).

Перейдем к краткому описанию *методов* изучения организованной преступности. Поскольку криминология есть *социология* преступности, постольку могут применяться все известные социологические методы:

- историко-сравнительный анализ, существенный для понимания истоков, признаков, видов деятельности преступных организаций;
- анализ официальных документов и нормативных актов;
- анализ материалов уголовных дел;
- анализ официальных статистических данных;
- анализ публикаций в прессе (это важный источник информации при изучении организованной преступности с учетом ее высокой латентности и постоянной изменчивости);
- опрос (в форме интервью);
- представителей властных структур и правоохранительных органов;
- представителей отечественного бизнеса и банковских структур;
- представителей действующих преступных организаций (это один из важнейших и труднодоступных источников);
- анкетный опрос населения региона.

По понятным причинам не проводился социальный эксперимент. Весьма ограничены (и небезопасны) возможности наблюдения.

⁵⁸⁵ Abadinsky H. Ibid. Pp. 20–28

⁵⁸⁶ Albanese J. Ibid. Pp. 233–240; Kelly R., Ko-lin Chin, Schatzberg R. (Eds.) Handbook of Organized Crime. In the Unites States. Greenwood Press, 1994, pp. 78–88.

Одна из важных методических задач при исследовании организованной преступности и деятельности преступных организаций — проверка информации, получаемой из различных источников. Так, например, я весьма критически оцениваю данные официальной статистики вообще, а в части организованной преступности — в особенности⁵⁸⁷. Объективность публикаций в прессе проверялась при опросе представителей правоохранительных органов. Получение одинаковых по содержанию ответов работников полиции, бизнесменов и представителей криминалитета служит показателем высокой степени достоверности информации.

Следует заметить, что в этой главе используются материалы эмпирических исследований организованной преступности, проводимых Санкт-Петербургским Центром девиантологии (Я. Гишинский, Я. Костюковский, Э. Кочетков и др.).

§ 2. Организованная преступность как социальный феномен

*The development of organized crime
parallels early capitalist enterprise*⁵⁸⁸

G. Vold

*The first business of criminal
organizations is usually business*⁵⁸⁹

Goodson and Olson

Организованная преступность — сложный социальный феномен. Возникнув, она так прочно переплелась с другими социальными институтами и процессами, так прочно вросла в общественную ткань, что с трудом может быть из нее вырвана для изучения. Более того, вызывает все большие сомнения корректность самого понятия «орга-

⁵⁸⁷ Гишинский Я. Анализ статистических данных о состоянии и динамике организованной и экономической преступности в России и Санкт-Петербурге // Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб., 1996. С. 73–81. См. также: Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право, 2000. № 1; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / Ред. С.М. Иншаков. М.: Юнити, 2011.

⁵⁸⁸ «Развитие организованной преступности подобно раннему капиталистическому предпринимательству».

⁵⁸⁹ «Прежде всего, бизнес криминальных организаций есть обычный бизнес».

низованная преступность», ибо, во-первых, *преступность* вообще не имеет субстрата в реальной действительности, а является социальным *конструктом*. Во-вторых, с точки зрения общей теории организации, «организованность» — неотъемлемое свойство *всех* биологических и социальных систем (объектов), а потому «неорганизованной преступности» вообще не существует. В-третьих, «в современных условиях, когда деятельность любой публичной или частной институции неизбежно связана с нарушением уголовного закона, понятие «организованная преступность» оказывается синонимом понятий «общество», «государство», «социальная действительность», «социальное явление». Так что «понятие организованная преступность выполняет социальную функцию «персонификации общественного зла»⁵⁹⁰. В результате предлагается отказаться от понятия «организованная преступность» как криминологического и уголовно-правового (вообще научного), признав его бытовым понятием. Соглашаясь с этими доводами, мы не призываем к немедленному отказу от понятия «организованная преступность». Существуют научные традиции, накоплен большой эмпирический материал, осуществляется практика социального контроля над так называемой организованной преступностью. Но тема нуждается в демифологизации и корректном, не идеологизированном изучении и освещении.

Имеется множество определений организованной преступности⁵⁹¹. Некоторые из них лаконичны, но тавтологичны и малосодержательны («organized crime is crime that is organized»). Другие излишне громоздки, их авторы пытаются перечислить все возможные признаки организованной преступности (Abadinsky, 1994: 8). Более содержательно определение, предложенное J. Albanese: «The provision of illicit goods and services (conspiracy) and the infiltration of legitimate business (extortion)» — обеспечение запрещенными товарами и услугами (конспирация) и проникновение в легальный бизнес (вымогательство)⁵⁹². При всем многообразии определений, акцент делается либо на характере *деятельности* (преступный, для извлечения прибыли и т.п.), либо на *организованности* (устойчивая группа, иерархическая структура и т.п.).

⁵⁹⁰ Юстицкий В. Организованная преступность: смена парадигм. В: Преступность и криминология на рубеже веков / Ред. Я. Гишинский, Я. Костюковский. СПб., 1999. С. 46.

⁵⁹¹ Abadinsky H. Ibid. Pp. 2–8; Albanese J. Ibid. Pp. 231–232; Hagan F. Ibid. P. 36; Kelly R., Kolin Chin, Schatzberg R. Ibid. Pp. 21–31.

⁵⁹² Albanese J. Ibid. P. 323.

Если учесть, что идеальных определений не бывает, можно в качестве рабочего принять понимание организованной преступности как «*функционирование устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции*». Это определение было зафиксировано в документах Международной конференции ООН по проблемам организованной преступности в 1991 г. в Суздале (Россия).

Следует предостеречь от понимания организованной преступности как простой совокупности деятельности преступных организаций. Организованная преступность — не сумма преступных организаций и не сумма преступлений, совершаемых ими. Это качественно новая характеристика такого состояния преступности, когда она *встроена* в социальную систему, оказывая существенное влияние на другие составляющие (элементы) системы и, прежде всего — на экономику и политику. Может быть, более глубоким окажется определение организованной преступности как системы социальных связей и отношений, сложившихся по поводу извлечения незаконной прибыли⁵⁹³.

Важно не столько формальное определение организованной преступности, сколько понимание ее природы, сущности как социального феномена.

Организованная преступность выступает, прежде всего, как *предпринимательство, бизнес, индустрия*, производство и распределение товаров и/или услуг. *Organized crime as illicit business enterprise* (организованная преступность как недозволенное предпринимательство).

Ее главной *целью* является экономическая выгода, *прибыль*. И в этом отношении организованная преступность не отличается от обычного бизнеса. Различия начинаются с *методов* деятельности. Преступные организации добиваются высокой прибыли любыми методами, включая криминальные. Но и респектабельный бизнес не избегает полулегальных, а то и преступных действий для достижения выгодного результата... Становясь известными, такие случаи расцениваются как примеры «беловоротничковой» (*white-collar crime*), а не организованной преступности. Иначе говоря, преступления представителей легальных организаций — *экономическая преступность*, преступления агентов нелегальных организаций — *организованная преступность*. Конечно, в этом много условностей.

⁵⁹³ Основы борьбы с организованной преступностью. С. 155.

Криминальный бизнес возникает, существует и развивается при наличии ряда условий:

- спрос на нелегальные товары (наркотики, оружие и др.) и услуги (сексуальные и др.);
- неудовлетворенный спрос на легальные товары и услуги (например, «дефицит», присущий социалистической экономике);
- рынок труда, безработица, незанятость подростков и молодежи;
- пороки налоговой, таможенной, финансовой, вообще экономической политики государства, а также коррупция, препятствующие нормальному развитию легальной экономики.

Пока есть спрос, будут предложения. Функционирование наркобизнеса как экономической отрасли рассмотрено в книге Л. Тимофеева «Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли». В результате экономического анализа автор приходит к выводам (с которыми я полностью солидарен): «Из всех возможных способов регулирования отрасли — налогообложение, национализация, запрет — запрет как раз наименее продуктивен. Запретить рынок — не значит уничтожить его. Запретить рынок — значит отдать запрещенный, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций... Запретить рынок — значит дать криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства»⁵⁹⁴. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить последствия «сухого закона» в США — бутлегерство и зарождение мафии, а также политики «преодоления пьянства и алкоголизма» в середине 1980-х гг. в бывшем СССР — массовое самогонование, начало подпольного производства и распространения фальсифицированных алкогольных изделий, наконец, сегодняшнюю ситуацию с наркобизнесом. Легализация наркотиков означала бы конец наркобизнеса.

Формирование и развитие организованной преступности, а точнее, повышение *уровня организованности* преступности — закономерный и естественный общемировой процесс, выражение тенденции повышения уровня организованности всех социальных подсистем: экономики, политики, управления, коммуникаций и др.

Как выразился один из представителей Санкт-Петербургского преступного сообщества в интервью сотруднику Центра девиантологии Социологического института РАН Я. Костюковскому, «*время*

⁵⁹⁴ Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М., 1998. С. 107

разбойников с обрезамы прошло. Конечно, есть обычные уличные грабители, но они даже если за день ограбят тысячу человек — это ничего по сравнению с тем, что могу заработать я, нажав три клавиши на компьютере».

Организованная преступность, как элемент общества, вплетена в его ткань и переплетается с другими структурными элементами — прежде всего с экономикой, а затем и с политикой. Об организованной преступности как *социальном феномене* (а не совокупности преступных организаций, которые существуют не одно столетие, а может быть и тысячелетие) можно говорить только тогда, когда она начинает серьезно влиять на экономику и политику страны. Это присуще и современной России.

Не удивительно, что одной из современных тенденций организованной преступности является стремление к легализации своей деятельности, в частности, путем создания легальных предприятий, инвестируя в них деньги, добытые преступным путем, а затем «отмытые».

Организованная преступность институционализируется в различное время в различных странах, становясь социальным *институтом* (кстати говоря, институционализация *объекта* исследования — лишний довод в пользу институционализации *отрасли знания*, в данном случае — в виде специальной криминологической теории). Социальные институты — регулярные, долговременные социальные практики, образцы поведения, служащие удовлетворению различных потребностей людей⁵⁹⁵. Основные признаки организованной преступности как социального института: *длительность* существования; *регулярность* (постоянство) функционирования; выполнение определенных социальных *функций* (обеспечение заинтересованных групп населения товарами и услугами, предоставление рабочих мест, перераспределение средств и др.); наличие комплекса *норм* (правил поведения), «профессионального» *языка* (в России — «блатная феня») вполне определенных *ролей* (разграничение функций внутри сообществ).

Институционализация (процесс, в ходе которого социальные практики становятся регулярными, долговременными и «обрастают» всеми признаками института) организованной преступности происходит постепенно. Этот процесс начался в России (СССР) с конца 1950-х — начала 1960-х гг. и завершился в конце 1970-х — начале 1980-х гг.

⁵⁹⁵ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 106–107.

Прогнозируя развитие организованной преступности, обычно отмечают эрозию традиционных мафиозных структур. Вместе с тем указывают на расширение применения *насилия* для достижения результатов; более активное использование безопасных видов деятельности (подделка кредитных карт, авиабилетов); внедрение в *легальный* бизнес и финансовую деятельность; отмывание денег через рестораны, ночные клубы, казино и т.п.; использование новых технологий⁵⁹⁶. Все исследователи прогнозируют дальнейшую *интернационализацию, глобализацию* организованной преступности⁵⁹⁷.

§ 3. Преступная организация

Организации повсюду.

Нэйл Смелзер

Имеются *уголовно-правовое* (ст. 35 УК РФ) и *криминологическое* понимание преступной организации. В ст. 35 УК наряду с преступными группами (п. 1–3 ст. 35 УК) называется и преступное сообщество (преступная организация), под которым понимается *сплоченная организованная группа* (организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо *объединение* организованных групп/организаций (п. 4 ст. 35 УК). Это не очень четкое, с нашей точки зрения, определение (почему, например, вводится критерий тяжести преступлений?), но оно носит нормативный (обязательный для полиции и уголовной юстиции) характер.

Сложнее дать криминологическое (социологическое) определение преступной организации. Так, по приговору Нюрнбергского трибунала, преступными организациями были признаны руководящий состав национал-социалистической партии Германии, гестапо, СД, СС. С моей точки зрения, руководящий состав ВКП(б) — КПСС, НКВД — КГБ, правительство Пол Пота являлись также преступными организациями, виновными в преступлениях против мира, человечества, своего народа, однако избежали судебного преследования.

Таким образом, первое ограничение, которое надо сделать в рамках темы — нами не будут рассматриваться преступные организации *политической* направленности (включая как государственные,

⁵⁹⁶ Albanese J. (1995). Ibid. Pp. 245–247; Siegel L. (1992). Ibid. Pp. 386–387.

⁵⁹⁷ Подробнее см.: Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гилинский. СПб., 2006.

так и иные политические образования, например, фашистские или иные экстремистские).

Второе ограничение состоит в том, что нами не рассматриваются *легальные* организации, использующие в своей деятельности преступные методы (например, коммерческие организации, нарушающие антимонопольное законодательство, налоговое и др.).

Предметом нашего анализа станут те преступные организации, которые создаются для извлечения прибыли в результате производства и распределения *нелегальных* товаров и услуг. Их можно условно назвать «*организациями преступного предпринимательства*». Однако в силу традиции и для краткости будем использовать привычный термин «преступная организация». Они относятся к социальным организациям типа «трудовой коллектив» (различают несколько типов социальных организаций: семья, трудовой коллектив, общественная организация, общество, метаобщество)⁵⁹⁸.

Действительно, с экономической точки зрения, «преступная деятельность — такая же профессия, которой люди посвящают время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступником по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями, а именно потому, что они ожидают, что «прибыль» от решения стать преступником — приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так и денежными, — превосходит «прибыль» от занятия иными профессиями»⁵⁹⁹.

Как любой трудовой коллектив, преступная организация может быть малочисленной и многочисленной, рассчитанной на более или менее продолжительную деятельность, выпускающей один вид продукции или несколько, предоставляющей один вид услуг или несколько, и т.п.

Как любой трудовой коллектив, преступная организация имеет свою более или менее сложную структуру, правила работы, заботится о подготовке, подборе и расстановке кадров, поддерживает дисциплину труда, обеспечивает безопасность деятельности, стремится к высоким доходам (прибыли). Издаются пособия по руководству мафией⁶⁰⁰...

⁵⁹⁸ Подробнее см.: Айдинян Р., Гишинский Я. Указ. соч.

⁵⁹⁹ Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 33–34.

⁶⁰⁰ The Mafia Manager: A Guide to the Corporate Machiavelly. NY, 1996 (одно время в Петербургском Доме Книги продавался русский перевод).

Преступные организации высоко адаптивны и устойчивы в силу жестких требований к «подбору кадров», «дисциплине труда», рекрутированию наиболее молодых (среди руководителей петербургских преступных организаций существует «джентльменское соглашение» — не принимать на «работу» лиц, старше 30 лет, исключение делается для специалистов — юристов, финансистов, экономистов и т.п.), сильных, волевых «сотрудников», благодаря «свободе» от налогового бремени, да и от общепринятых моральных требований (своя этика существует и строго поддерживается). Так что эта разновидность трудовых коллективов отличается высокой конкурентоспособностью.

Из интервью представителя преступной группировки Санкт-Петербурга Я. Костюковскому:

«У меня бригада есть — угонами занимается. Там такие умельцы — машину с любой противоугонкой за пять минут вскрывают. Недавно купили сканирующее устройство — коды считывают. Техника... Я вообще думаю, что вся новая техника через криминал проходит. Это в государственных учреждениях сидят в тетрисы на компьютерах режут. А у меня в конторе по двенадцать часов люди работают».

Иногда различают три уровня преступных организаций: преступная группа, объединение (ассоциация), преступное сообщество.

Называются различные типы преступных организаций⁶⁰¹.

В отечественной и зарубежной литературе перечисляется множество признаков преступной организации⁶⁰². С нашей точки зрения, к числу наиболее существенных признаков организации преступного предпринимательства относятся:

- устойчивое объединение людей, рассчитанное на длительную деятельность;
- цель: извлечение максимальной прибыли (сверхприбыли);
- содержание деятельности: производство и распределение товаров и услуг;
- характер деятельности: сочетание *нелегальных* (преступных) и *легальных* видов деятельности;
- структура организации: сложная *иерархическая* с разграничением функций и ролей (руководители, исполнители, группы

⁶⁰¹ Hagan F. (1986). Ibid. Pp. 321–322.

⁶⁰² De Keseredy W., Schwartz M. (1996). Ibid. P. 384; Reid S. Crime and Criminology. Fifth Ed. Holt, Rinehart & Winston. Inc., 1988, p. 334; Лунеев В.В. (1997). Указ. соч. С. 288; Основы борьбы с организованной преступностью. С. 156–157; Топильская Е.В. Указ. соч. С. 73–79.

обеспечения и безопасности, разведка и контрразведка, эксперты и др.);

- основное средство безопасности: *коррупцирование* органов власти и управления, правоохранительных органов (полиции, уголовной юстиции)⁶⁰³;
- стремление к *монополизации* в определенной сфере деятельности или на определенной территории ради успешного достижения главной цели.

Эти признаки в большей или меньшей степени присущи всем социальным организациям типа трудового коллектива. Лишь преступный характер деятельности и коррупцирование у легальных трудовых коллективов проявляются в качестве необязательных (но вполне возможных) признаков.

§ 4. История организованной преступности в России⁶⁰⁴

Преступные организации известны в России с XVI вв., воровские традиции и сленг («*блатная феня*») — с XVIII в. История отечественных криминальных группировок описана в обширной исторической, юридической, художественной литературе⁶⁰⁵.

Первоначальной организационной формой преступных групп была *воровская артель*. Это соответствовало традиционной форме трудовых объединений в России — артели. Не случайно много веков спустя советская власть использовала название (да и некоторые организационные принципы) для трудовых объединений в различных сферах негосударственного сектора экономики: «сельскохозяйственная артель», «рыболовецкая артель», «промышленная артель».

⁶⁰³ Результаты криминологических исследований организованной преступности и коррупции в России отражены в серии публикаций: Организованная преступность и коррупция. Результаты криминологико-социологических исследований. Саратов. Вып. 1. 2005; Вып. 2. 2006; Вып. 3. 2008; Вып. 4. 2009.

⁶⁰⁴ История зарубежной организованной преступности отражена в многочисленных трудах. Достаточно полно и интересно она изложена в: Абадинский Г. Организованная преступность. СПб., 2002.

⁶⁰⁵ Подробнее см.: Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y. From Thievish Artel to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia. In: C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. Springer, 2004. Vol. 4. Pp. 181–202; Gilinskiy Y. [Organized Crime in] Russia. In: Kego W., Leijonmarck E., Molcean A. (Eds.) Organized Crime and the Financial Crisis. Recent Trends in the Baltic Sea Region. Stockholm, 2011, pp. 111–126.

Артель (в том числе, воровская) основывалась на нескольких принципах:

- добровольность объединения для определенного вида деятельности;
- равенство всех членов артели;
- солидарная ответственность, «круговая порука»;
- выборность руководителя (старшего, «атамана» и др.).

После 1917 г. преступные организации в России действовали в виде *банд*, совершавших вооруженные нападения на граждан и учреждения (например, известные в свое время в Петрограде банды Леньки Пантелеева, «черная кошка», «попрыгунчики» и др.).

С 1930-х гг. формируется криминальное сообщество «*воров в законе*», которое со значительными изменениями (менее строгий «воровской закон», утрата былых позиций вне пенитенциарных учреждений, «зоны» и др.) существует до сих пор. «Воры в законе» имели общую кассу — «*общак*», в которую отчислялся определенный процент от награбленного. Об этой уникальной форме преступной организации известно сегодня, пожалуй, не менее чем о сицилийской мафии⁶⁰⁶.

После смерти Сталина, на волне хрущевской «оттепели» появляются первые подпольные дельцы — «*цеховики*». В цехах, прежде всего системы промкооперации, наряду с легальной деятельностью нелегально изготовлялась продукция для населения — одежда, обувь и др., постоянный дефицит которой был присущ государственной экономике; позднее такие цеха или целые предприятия государственного сектора экономики все в больших масштабах производили «левую» продукцию из «сэкономленного», а точнее — похищенного сырья. Цеховики, как и представители других сфер нелегального в условиях «социализма» бизнеса, представляли теневую экономику, были «*теневиками*». Особенность советской теневой экономики состояла в том, что она удовлетворяла *вполне естественный спрос населения на вполне легальные товары* (джинсы, косметика, «импортные» изделия) и легальные — для нормального общества с нормальной экономикой — услуги (например, обмен валюты).

⁶⁰⁶ Гуров А. Профессиональная преступность: прошлое и настоящее. М., 1990; Гуров А., Рябинкин В. Исповедь вора в законе. М., 1995; Мацкевич И.М. Портреты знаменитых преступников. М., 2005; Подлесских Г., Терешенок А. Воры в законе: бросок к власти. М., 1994; Разинкин В.С. «Воры в законе» и преступные кланы. М., 1995; Сидоров А. Великие битвы уголовного мира: История профессиональной преступности Советской России: в 2-х кн. Ростов н/Д, 1999; Чалидзе В. Уголовная Россия. М., 1990; и др.

Так, в Москве, Ленинграде действовало множество «команд» спекулянтов («фарцовщиков»). Их «работой» была скупка и последующая перепродажа (спекуляция, караемая по ст. 154 УК РСФСР) товаров народного потребления, прежде всего — «импорта», недоступного советским гражданам. В условиях тотального дефицита «преступники» организовывали оптовые скупки со складов, «блокирование» магазинов, скупку у иностранных граждан, соотечественников, приезжающих из-за рубежа. В дальнейшем товары продавались на полуполюгальных вещевых рынках, вблизи крупных магазинов (ленинградцам хорошо была известна «галёра» — галерея Гостиного Двора — место торговли предметами женского туалета и такой роскошью, как джинсы) и... в общественных туалетах, где продавалась импортная парфюмерия.

Значительный объем криминальной деятельности составлял нелегальный обмен валюты (легального не было) или «валютные операции», запрещенные законом (ст. 88 УК РСФСР, отмененная лишь в 1994 г.). По печально известному делу Рокотова и Файбишенко, обвиняемых в «валютных операциях», осужденные были приговорены к смертной казни, приведенной в исполнение.

Весьма условно историю современной отечественной организованной преступности можно разделить на четыре этапа (разумеется, возможна и иная периодизация):

- конец 1970-х — конец 1980-х гг. — *становление* организованной преступности;
- конец 1980-х — конец 1990-х гг. — *активизация* деятельности преступных организаций;
- конец 1990-х — середина 2000-х гг. — дальнейшее *развитие* организованной преступности, включение в мировые криминальные сети, вхождение в легальный бизнес и властные структуры;
- с середины 2000-х гг. — современный этап.

Первый этап (конец 1970-х — конец 1980-х гг.)

В 1970-е — 1980-е гг. идет активный процесс сращивания «цеховиков», теневой экономики и сообщества «воров в законе», а также коррумпированных властных структур (вплоть до первых секретарей ЦК коммунистических партий союзных республик, ОК и ГК КПСС) и правоохранительных органов — «зонтика» (нынешняя «крыша»). Горбачевская «перестройка» с ее легализацией частной собственности, частной предпринимательской деятельности позволила вла-

дельцам подпольных капиталов, а также партийно-государственной номенклатуре первыми захватить новое экономическое поле. Сплыв старых «воров в законе», «теневиков», коррумпированных чиновников и новой генерации криминального мира — «бандитов» или «спортсменов» раздвоился: большая часть ушла со своими капиталами, криминальными и полукриминальными связями и нравами в легальный бизнес, меньшая часть образовала преступные организации с традиционными видами криминальной деятельности (продажа наркотиков и оружия, рэкет, контроль за игорным бизнесом и проституцией и т.п.).

В 1970-е гг. начинает складываться наркобизнес (система перевозок и продажи наркотиков — *drug trafficking*). Большую часть наркотических средств перевозят и продают представители «системы» (хиппи), цыгане, довольно большое число неорганизованных, курьеров. Традиционные районы, откуда привозятся наркотики — Казахстан, Средняя Азия (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), Дальний Восток, некоторые республики и области юга СССР (Украина, Краснодарский край, Ставропольский край). В Ленинграде существовала и своя система краж из аптек, больниц фармацевтических лабораторий с последующей продажей наркотических и наркосодержащих препаратов. Основные виды наркотиков в 1970-х, начале 1980-х гг. — «трава» (производные каннабиса, конопли — анаша, гашиш и др.), морфий, «черняшка» (маковые, опиные наркотики, изготавливаемые в домашних условиях), «винт» (первитин), грибы (довольно редкий вид грибов, произрастающий в окрестностях города), реже встречаются ЛСД и героин. Очевидно, что этот рынок вряд ли мог существовать без четко организованной системы. Однако сведения о сообществах этого времени практически отсутствуют.

В этот период происходит становление того, что теперь называется «организованная преступность». В Ленинграде, например, сложилась система нескольких «команд». Точки торговли были жестко поделены. Появились первые довольно широко известные преступники («авторитеты»), пользующиеся влиянием не только в преступном мире, но имеющие определенное общественное реноме, имидж. Например, Феоктистов в свое время попал в публикацию «*Der Spiegel*» (ФРГ), где его назвали «крестным отцом» всей организованной преступности СССР (что было явным преувеличением). Известную роль в развитии организованной преступности играли «цеховики».

Обратимся к воспоминаниям представителя Санкт-Петербургской преступной группировки.

«И. (интервьюер Я. Костюковский): А как вообще поменялась организованная преступность за последние 20 лет?

Р. (респондент, представитель криминального сообщества): Сильно. Начиналось все с отдельных команд, человек 10-20. И то это уже чуть не бандой выглядело. Обычно все с фарцовки начинали или то, что около нее лежит. Вообще-то тогда уже кое-какие элементы современные были.

И.: Например?

Р.: Ну, например, все барыги (лица, занимающиеся нелегальной торговлей — И.) имели своих «пап». Теперь это «крышей» называется. Потом, скажем, Фёка... (Феоктистов — Авт.). Все прекрасно знали, кто это и что. Если кто-то говорил — я, типа, там с Фёкой водку пью — все, это круто. Тебя не тронут. Он вообще на авторитете мог разобраться без мордобития. А кроме него были Слон, Маргулис, тот же Малыш (Малышев — Авт.).»

С тех пор «тенева» («неформальная», «подпольная», «серая», «вторая», «эксполярная») экономика стала неотъемлемой частью жизни общества и населения, а для значительной части населения — единственно возможным средством выживания. Другое дело, что теневая экономика существует в том или ином объеме во всех странах. Да и в России она существовала всегда: «Эксполярные структуры существуют в России столько же, сколько государство и рыночный капитализм»⁶⁰⁷. Но в период «развитого социализма» она становится едва ли не единственным средством выживания большинства. «Для России данную тему можно считать центральной, так как жизнь огромного большинства людей здесь невозможно понять, если не принимать во внимание их деятельность в неформальной экономике... Социально-экономическое выживание российского общества — это главный парадокс ее новейшей истории... Постсоветская Россия стала свидетелем массивированного развертывания неформальных отношений и эксполяризации экономики и связанных с ней социальных структур»⁶⁰⁸.

⁶⁰⁷ Шанин Т. Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России. В.: Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М., 1999. С. 28.

⁶⁰⁸ Шанин Т. Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России. С. 9, 11. См. также: Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: социологический автопортрет постсоветского общества. М., 2000; Теневая экономика — 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности / Ред. Л. Тимофеев. М.: РГГУ, 2008; Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория, анализ, модели. Учебник для вузов. М.: РГГУ, 2008.

Второй этап (конец 1980-х — конец 1990-х гг.)

Наши респонденты, представители отечественного бизнеса, рассказывали в середине 90-х гг. (интервьюер Я. Гишинский): «100% коммерческих структур подвергаются рэкету... Рэкетеры контролируют все предприятия, кроме оборонного комплекса и некоторых иностранных фирм».

Если в конце 1980-х — начале 1990-х гг. преобладал «черный рэкет»: поборы с мелких магазинов, кафе, ларьков, киосков, то в конце 1990-х гг., за исключением сохранившихся мелких рэкетиров, господствует хорошо отлаженная и вполне «легальная» система «патронажа» над крупными предприятиями и банками с заключением юридически оформленных договоров на «обеспечение безопасности», «маркетинговые услуги», «партнерство». Представители криминальных структур нередко входят в состав советов директоров предприятий, правлений банков. Наши конфидененты считали, что в банковской сфере контроль криминалитета достиг уже 90–100%, тогда как в сфере предпринимательства «ограничивается» 60–80%. Вообще легальный и нелегальный бизнес в стране тесно взаимосвязаны. Наши респонденты из числа бизнесменов утверждают: «Невозможно работать без нелегальной деятельности... Легальные и нелегальные методы взаимосвязаны». Руководители подразделений по борьбе с экономической и организованной преступностью подтверждают (интервьюер Я. Гишинский): «Средний бизнес чрезвычайно вовлечен в криминал... Взятки дают за все... Долги выбивают силой... С налоговой инспекцией нельзя иметь дело без взяток... Налоговая инспекция крайне коррумпирована... Мафиози нередко могут стать членами правления банков».

Один из респондентов, в середине 1990-х гг. активный член казанской преступной организации рассказывает (интервьюер Я. Костюковский): «...что такое организованная преступность сейчас? Так это бизнес. То есть, это даже не способ продавать наркоте, скажем, как ведение хозяйства, а бизнес, который вокруг нас. Все без исключения вовлечены в деятельность по сокрытию доходов, все работают с «черным налом», если возникают проблемы с конкуренцией, часто решают по-старому — силой. А если бизнес большой, в смысле — крупный, так убийство — нормальное решение проблемы».

Многочисленные интервью с бизнесменами, офицерами милиции и действующими представителями петербургских криминальных структур позволили нам установить типичные ситуации вынужденного вовлечения предпринимателей в криминальную деятельность:

- *дача взяток* — при регистрации, лицензировании своего бизнеса; при аренде помещения; при получении разрешения на предпринимательскую деятельность от санитарно-эпидемиологической службы, от пожарной инспекции и др.; для получения банковского кредита; при отчете налоговой службе; при взаимоотношении с таможенными органами и т.п.;
- *сокрытие доходов от налога*;
- зависимость от рэкета («крыши») и необходимость *сотрудничать с криминальными структурами* (преступными сообществами), в том числе вводя их представителей в руководство предприятия, банка, в целях личной безопасности и возможности заниматься бизнесом;
- недостатки законодательной базы, бюрократизация и коррумпированность милиции и юстиции заставляют «восполнять» государственную и судебную защиту *неправовыми методами* (в том числе, прибегая к «помощи» криминалитета: «арбитраж», «исполнительное производство» и др.).

В это время в Санкт-Петербурге действует несколько преступных сообществ (Тамбовское, Казанское, Азербайджанское и др.), десятки преступных ассоциаций или объединений (например, Комаровское, контролирующее Курортный район Петербурга и трассу Петербург — Выборг), а также сотни преступных групп. Мнения специалистов о количестве преступных группировок в городе разнятся от полутора десятков до сотен. И это не удивительно: все зависит от того, что считать «организованной преступной группировкой» (ОПГ) в криминологическом понимании (ст. 35 УК РФ здесь мало помогает, как уже отмечалось). Соответственно различны и представления о численном составе группировок: от десятков до 300–800 чел. (мнение И.И. — начальника одного из отделов УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области).

Основные виды деятельности российской организованной преступности в целом традиционны:

- *Рэкет* (вымогательство), главные особенности и трансформация которого отмечались выше.
- *Нелегальный экспорт цветных металлов*. Эта деятельность была особенно распространена в середине 90-х гг., но продолжается, может быть в меньших масштабах, и поныне.

Здесь и далее в качестве иллюстрации используются фрагменты из интервью Я. Костюковского с представителями криминалитета.

«И: (интервьюер): Какие виды криминального бизнеса наиболее популярны?»

Р: (респондент): В течение 1994 г. половина всего металла из России экспортировалась нелегально. Это был хороший бизнес! Люди за два — три месяца зарабатывали так, что до сих пор хватает. Правда, это была работа по 25 часов в сутки... Но игра стоила свеч. Разница в цене здесь и в Эстонии была безумная».

- *Торговля оружием*. Это — очень высокодоходный нелегальный бизнес. Сведения о нем скупы, поскольку связаны с деятельностью высокопоставленных представителей военного ведомства (федерального и региональных). Купить можно все. Вопрос только — по какой цене⁶⁰⁹.

«Р: Мы занимаемся мелочью по сравнению с тем, что сейчас делается в армии, в оборонке — вот там да, там целая экономика. Сейчас говорят, вот, в армии все воруют. А, по-моему, там все намного сложнее. Просто выгоднее прикинуться простыми воришками, а на самом деле там же миллионы баксов (долларов США — Авт.) крутятся. Вот там — экономика...».

- *Финансовые, банковские махинации*. Наиболее известные ранние операции — фальшивые авизо. Сейчас практикуются более «технологичные», связанные с кредитными картами и деятельностью хакеров.
- *Кража и перепродажа автомобилей*.

«И: А ты с иностранцами контактируешь?»

Р: Да, конечно. У нас есть бизнес по машинам. Обмен.

И: То есть?»

Р: Естественно. Здесь в Питере угоняется машина и идет в Голландию, а из Голландии так же сюда... Вообще это целая система в Германии, Польше, Франции, Венгрии, Голландии и России. Так что в этом смысле с организованной преступностью все хорошо — международный контакт есть».

- *Изготовление и продажа фальсифицированных товаров*, прежде всего — алкогольных изделий. Хорошо известны (и систематически публикуются в прессе) результаты проверок качества продуктов. Примерно до 50% алкогольных изделий, реализуемых в ларьках, киосках, а то и в магазинах — фальсифицированы. Вот некоторые последствия этого: уровень смертности (на 1000 жителей) от острого алкогольного от-

⁶⁰⁹ См. также: Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Ред. А. Гуров. М., 2000. С. 34–36; Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Ред. А. Долгова. М., 1999. С. 86–91.

равления вырос в Петербурге с 6,2 в 1987 г. до 49,1 в 1993 г. со снижением к 2001 г. до 20,6. В России рост с 8,0 в 1987 г. до 30,9 в 1993 г., в 1999 г. — 23,0; 2000 г. — 26,9; 2001 г. — 20,6; 2002 г. — 27,7; 2003 г. — 28,3⁶¹⁰.

- *Фальшивомонетничество.* Зарегистрировано милицией в 1993 г. — 7075 случаев, в 1994 г., всего год спустя — 14 980 таких преступлений, в 2001 г. — 15 755, в 2002 г. — 23 581, в 2003 г. — 26 033, в 2005 г. — 44 108, в 2006 г. — 59 805, в 2007 г. — 46 272, в 2008 г. — 40 672, в 2009 г. — 45 251, в 2010 г. — 38 572⁶¹¹.
- *Контроль над игорным бизнесом.*

«И: Как в отношении азартных игр?

Р: Если ты спрашиваешь о казино... Это дело подходящее. Я могу пригласить в казино интересного для меня человека и он будет выигрывать. Он сможет выиграть столько, сколько я захочу. Это ситуация простая и прекрасная: нет взятки, нет коррупции. Человек доволен, нет проблем.... Через казино можно реализовать огромные деньги без контроля. Иногда бывают полицейские налеты. Обнаружить нарушения в казино всегда можно. Но кто будет проверять, когда вице-губернатор сидит? В общем, белые начинают и выигрывают...».

- *Контроль над проституцией.* Подробнее об этом говорилось выше в связи с торговлей людьми (гл. 7, § 5).
- *Контрабанда.* В частности, количество предметов старины и искусства, изъятых при попытке вывоза, выросло с 3500 предметов в 1992 г. до 10 000 предметов в 1999 г. При этом задерживается не более 5–10% реально вывозимых ценностей⁶¹².
- *Наркобизнес.* Этот криминальный вид предпринимательства дает самую высокую прибыль и, очевидно, наиболее глобализирован. Обобщенные данные будут представлены ниже (гл. 13). Отметим, что латентность и наркомании (как заболевания), и потребления наркотиков, и преступлений, связанных с ними, — чрезвычайно высока.

⁶¹⁰ Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб., 2002. С. 33; Вопросы статистики. 2004. № 2. С. 33.

⁶¹¹ Преступность, статистика, закон / Ред. А. Долгова. М., 1997. С. 19; Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / Ред. А. Долгова. М., 2004. С. 98. Статистические данные ГИАЦ МВД России // URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/> (дата обращения: 15.03.2015).

⁶¹² Криминогенная ситуация в России... Указ. соч. С. 41.

В настоящее время наркотики, благодаря преступным организациям, поступают в Россию преимущественно из Афганистана, Азербайджана, Чечни, среднеазиатских республик, а кокаин — из латиноамериканских государств. В свою очередь, из России часть наркотиков идет в страны Балтии и Западной Европы. По некоторым данным, из Казахстана и Средней Азии поступают в Россию до 54% импортируемых наркотиков, 25% — из Беларуси, Украины, Молдовы, 15,5% — из республик Закавказья⁶¹³.

Преступные организации весьма заинтересованы в процессе *приватизации*. Как утверждают наши респонденты: «их цель — завладеть собственностью». Для этого, в частности, они получают своевременную информацию об аукционах, направляют на них своих представителей, которые нередко диктуют — под угрозой расправы — кто, что и за какую цену купит.

Третий этап (конец 1990-х — середина 2000-х гг.)

Основными тенденциями этих лет являются: переход «авторитетов» (лидеров) организованной преступности в легальный бизнес; усилившийся процесс «отмывания денег» через легальные структуры; стремление лидеров организованной преступности войти во властные структуры или обеспечить их покровительство. «Экономизация» и «политизация» организованной преступности приводит к сокращению явных кровавых разборок, отдельные убийства бывают, но автоматная стрельба на улицах городов резко сократилась; началась конкуренция между преступными организациями и... милицией по «крышеванию» (по существу, — рэкет) бизнеса.

Рассмотрим сказанное подробнее на примере интервью с нашими респондентами (декабрь 2004 — март 2005 гг.)⁶¹⁴.

Начальник отдела прокуратуры Санкт-Петербурга О. говорит: «Бандиты поумнели, стали изощреннее, их лидеры на голову выше того, что было. Они давно вошли во власть, коррумпируя ее».

Зам. начальника управления по борьбе с организованной преступностью Н. рассказывает: «Лидеры преступного мира уходят в бизнес, легализуются, открывают компании, холдинги. Они набирают не «быков» (бойцы, рядовые члены преступных организаций — Авт.), а экономистов, юристов, менеджеров. Особенно они преуспе-

⁶¹³ Там же. С. 33.

⁶¹⁴ Интервью с представителями правоохранительных органов проводил Я. Гиллинский, с членами действующих преступных групп — Я. Костюковский.

вают в таких отраслях, как энергетика, топливный комплекс (господин Барсуков, бывший Кумарин, он же «Кум»), строительство, в меньшей степени — автобизнес. Лидеры организованной преступности теперь депутаты — Монастырский, Глуценко (в розыске), Шевченко (убит). Среднее звено — бригадиры — тоже организуют свои фирмы. Занимаясь недвижимостью, вовлекают в преступную деятельность паспортно-визовую службу милиции, участковых инспекторов. Лидеры организованной преступности имеют очень сильную юридическую поддержку, забирают («легально») целые крупные предприятия. Мелкие бандиты продолжают заниматься разбоями, грабежами, угонами автомашин. Из «воров в законе» был один положенец⁶¹⁵ — Артур, но сейчас сидит».

По мнению оперативного сотрудника одного из Отделов по борьбе с организованной преступностью В.: «сегодня организованной преступности нет: ее сменили менты. Кто «крышует» ларьки, рынки, «точки»⁶¹⁶? Менты. Посмотрите: вот ларек. К нему время от времени будет подходить мент и получать деньги. А вот в том доме напротив на 4-м этаже «точка». Она под контролем X-го отдела милиции. Сегодня все мелкие торговые предприятия, мелкий и средний бизнес под ментовской «крышей». Бандиты и не сунутся. Почему выгоднее быть под ментовской крышей? А у них больше легальных возможностей. В случае чего ствол законный и стрелять может законно, а бандитские стволы незаконные. Кроме того, начальники всех охранных структур (собственная охрана предприятий, фирм — Авт.) — бывшие менты. А мент с ментом всегда договорятся. Вот я, если надо, прихожу к начальнику охраны и говорю — братишка, ты ведь тоже из наших, помоги-ка мне. И всегда поможет. Да теперь и среди бандитов менты «в почете». Мне может из «Крестов»⁶¹⁷ позвонить зэк и в присутствии других со мной разговаривать. Еще и хвастаться в камере будет: я звоню менту знакомому. Раньше за такое его сразу же замочили бы».

И: А контроль за проституцией?

Р: Это тоже под ментами

⁶¹⁵ «Положенец» — человек, обладающий статусом вора в законе, но не коронованный. По «понятиям» «положенец» — старший в преступной иерархии, пока не появился вор в законе.

⁶¹⁶ «Точка» — место сбыта наркотиков. Обычно — всем хорошо известная квартира в жилом доме.

⁶¹⁷ «Кресты» — исторически сложившееся название следственного изолятора Санкт-Петербурга.

И: А за игорным бизнесом?

Р: Это ФСБ. Игорный бизнес ментам не по зубам. Там такие деньги! Это — ФСБ крышует».

Начальник одного из отделов Управления собственной безопасности (УСБ) ГУВД А.:

«И.: Как Вы относитесь к мнению, что милицейские «крыши» сменяют криминальные?»

Р: Да, совершенно верно. Причем речь идет не только об отдельных сотрудниках или их группах. Это происходит на уровне, например, отделов милиции. Появилось на территории обслуживания кафе. Начальник отдела посылает туда участкового. Тот проводит соответствующую работу и кафе начинает ежемесячно отчислять отделу определенную сумму».

Что касается основных действующих сейчас в Санкт-Петербурге и области преступных групп и сообществ, то наши информанты, как из преступного мира, так и правоохранительных органов, не едины во взглядах. Так, по мнению О., сохранилась, хотя и утратила былое «могущество» Тамбовская группировка, из этнических преступных сообществ бесспорно сохранилась азербайджанская (контроль над рынками, наркотики), дагестанская, возможно чеченская и грузинская. Н. также говорит о сохранении Тамбовской группировки, но сильно «повыбитой» силами УБОП. Контроль над проституцией осуществляют, в частности, дагестанская и грузинская группировки, хотя есть и «славяне». Нелегальная торговля наркотиками — в руках азербайджанской и таджикской групп. Дагестанская и чеченская группировки осуществляют торговлю оружием, наравне со «славянскими» группами. Игорный бизнес по-прежнему под контролем соратников М.М. Мирилашвили, хотя сам он осужден и находится в местах заключения.

Надо заметить, что расширение влияния дагестанского сообщества произошло в последнее время, раньше оно не было так заметно на петербургском «поле».

По мнению А., последнее время силу приобрела Пермская группировка.

С точки зрения В., от былых преступных сообществ мало что осталось. Продолжают действовать этнические группировки: азербайджанская (наркотики, рынки), чеченская (оружие, наркотики), грузинская (различные виды мошенничества). Правда, остаются еще автоугонщики. А старые лидеры или на кладбище (убиты), или за бургом, или в бизнесе.

На вопрос интервьюера: «— А как же, по Вашим словам, ментовские крышки на рынках? В.: Все очень просто. Приезжает новый торговец с товаром. Обращается к азербайджанским «хозяевам» — хочу получить место на рынке. Те: только по нашей цене. Далее возможны три варианта: или торговец соглашается, получает место и платит азербайджанцам, или отдает весь товар за полцены и уезжает, или, если оказался несговорчивый торговец, азербайджанцы обращаются к «дежурному» милиционеру: вот там какой-то незнакомец странный, надо бы проверить. И мент «проверяет» документы, машину, товар... Придаться всегда можно, так что приехавший рад будет уехать, а то и откупаться от милиционера придется. Так что вроде ментовская крышка над азербайджанской получается...».

По мнению некоторых наших респондентов, в последние годы ситуация осложняется усилением противостояния этнических группировок и «славянского крыла». Напомним, что такая вражда — не новость. Внутри преступной организации, чаще всего национальная и этническая принадлежность не играет большой роли, но между организациями такого рода конфликты были всегда.

Отметим, что силовые структуры, прекрасно осведомленные о деятельности того или иного лидера группировки, деятельности организации, часто бывают заинтересованы в конфликтах в преступном мире. С одной стороны, типичным мнением правоохранителей является то, что в момент конфликтных ситуаций гибнут преступники, а значит это облегчает жизнь не-преступникам. С другой стороны, появлению новых лидеров в преступном мире никто не рад, так как обычно про уже действующих многое известно, сфера влияния определена, есть возможность предсказать, спрогнозировать же новых лидеров сложно — «темные лошади». Но есть еще и третья сторона. Нередко звучат в СМИ и во мнениях наших респондентов недвусмысленные свидетельства того, что правоохранные структуры очень часто заинтересованы в деятельности той или иной преступной организации, потому что сами вовлечены в эту преступную деятельность. Эта тенденция проявилась в полной мере на современном — четвертом — этапе развития организованной преступности.

Четвертый этап (с середины 2000-х до настоящего времени)

На всей территории России продолжают действовать разнообразные по количеству участников и направлениям деятельности преступные сообщества и организованные преступные группировки (ОПГ).

Запрет с июля 2009 г. легального игорного бизнеса привел, как и следовало ожидать, к уходу его в подполье — «катраны», хорошо известные еще со времен СССР⁶¹⁸. Увеличился, соответственно, и рынок коррупционных услуг (один из примеров — дело подмосковных нелегальных игорных заведений, «крышуемых» сотрудниками областной прокуратуры).

Активизируются международные связи наших ОПГ, включение их деятельности в систему мировой нелегальной торговли наркотиками, людьми, оружием, человеческими органами. Сегодня «русская мафия» нередко выступает пугалом для западного налогоплательщика. Мифы о российской мафии затмевают мифы об итальянской или же японской мафии. Между тем, с одной стороны, российская организованная преступность «всего лишь» элемент международной преступности. С другой стороны, нельзя недооценивать реальную активность отечественных преступных группировок на международной арене.

Так называемый «Куцевский феномен», когда преступное сообщество, которое возглавлял депутат, кандидат социологических наук (!) Сергей Цапок, в течение многих лет терроризировало население станции Куцевской (Краснодарский край) при полном попустительстве или под покровительством местных органов власти, суда, милиции, и все это стало достоянием СМИ лишь после убийства «цапки» двенадцати человек, включая трех детей, — вскрыл то, что и ранее было хорошо известно специалистам.

Давно назревало в процессе развития российской организованной преступности ее стремление к легализации криминальной деятельности, переходу к легальной и полуполюгальной деятельности, к проникновению в легальный бизнес и во властные структуры. Эмпирическими проявлениями этого могут служить хорошо известные случаи: избранный мэр города Ленинск-Кузнецк Геннадий Коняхин (местный «авторитет»); избранный губернатор Нижнего Новгорода «авторитет» Андрей Климентьев; избранный мэр Владивостока Владимир Николаев (кличка «Вини-Пух»); Владимир Кумарин, он же — «Кум», он же — один из руководителей энергетического комплекса Петербурга, он же «ночной губернатор Санкт-Петербурга» г-н Барсуков и др.

⁶¹⁸ Подробнее см.: Гилинский Я.И. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М., 2007; Tsytarev S., Gilinskiy Y. [Gambling in] Russia. In: Meyer G., Hayer T., Griffiths M (Eds.) Problem Gambling in Europe: Challenges, Prevention, and Interventions. Springer, 2008.

Интересно при этом, что население «подвластных» криминалитету регионов нередко предпочитает криминальную власть легальной (митинги и демонстрации жителей в поддержку Коныхина, Клементьева). И действительно: «Легализовавшись через тысячи фирм и компаний, «братва» создает рабочие места. Мало того, «братва» оказалась способной на решение и социальных проблем. В Москве, в крупных городах это не так заметно. Хотя в Москве есть даже театр, существующий на субсидии одной из криминальных группировок... В небольших российских городках вот уже несколько лет настоящей властью считаются местные крестные отцы... Общакоские средства идут не только на криминальные и коммерческие нужды. Строятся и содержатся спортивные комплексы, детские дома и дома престарелых, больницы, нарколечебницы, проводятся праздники города, прокладываются дороги. На эти же деньги содержится городская администрация, да и милиция тоже. Вплоть до того, что именно бандиты снабжают ее транспортом, топливом, обмундированием... С чего бы это жители Ленинск-Кузнецкого стали на защиту своего криминального мэра?»⁶¹⁹.

Наши информаторы говорят о том же:

«Р: Ты себе не представляешь, какие аферы крутятся на официальном уровне. Это не только в Петербурге. Я знаю города поменьше, где уже половину всех квартир захватили те, кто в мэрии сидят. Вот там — мафия. Там все повязаны: мэрия, милиция, исполнители, законодатели, бандиты. Все уже давно переженились, детей своих переженили — вот это мафия, настоящая семья. И весь город держит под собой».

«Кущевский феномен» лучше всего характеризуют публикации первых лиц государства.

Бывший в то время президент РФ Д. Медведев говорит в послании Федеральному Собранию: «Произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются, в том числе, и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом»⁶²⁰.

Ему вторит Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин: «С каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти

и криминала по модели, которую сейчас называют «кущевской», не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах — в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее... Всем очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное»⁶²¹.

Лишь будущее покажет, удастся ли и как скоро переломить сложившуюся в регионах России ситуацию объединения структур криминальных, властных и правоохранительных...

Для современной Российской организованной преступности характерны следующие особенности:

- Широкая распространенность и влияние на экономику и политику. Около 40–60% предприятий и 60–80% банков находятся так или иначе под контролем криминальных структур (представителями криминалитета называются и более внушительные цифры). Значительное число представителей криминалитета либо непосредственно входят во властные структуры всех уровней, либо имеют возможность лоббировать принятие тех или иных властных решений.
- Очень высокий доход (сверхприбыль) преступного бизнеса.
- Организованная преступность принимает на себя выполнение функций государства: обеспечение безопасности (как чисто криминальные «крыши», так и полукриминальные «охранные предприятия»), «арбитраж», «исполнительное производство» и т.п.
- Тотальная коррумпированность властных структур и правоохранительных органов всех уровней облегчает деятельность преступных сообществ и их лидеров.
- Широкая социальная база организованной преступности: безработица, низкая оплата труда в бюджетных организациях; незанятость подростков и молодежи; невозможность нормально развиваться легальному бизнесу («наезды» налоговых органов, коррупция, бюрократическая волокита и т.п.).
- Распространение насильственных методов «решения конфликтов» (кровавые «разборки», заказные убийства). Правда, последнее время масштабы видимого насилия сократились.
- Широкое использование преступными организациями современных технологий, компьютерной техники. Возможно, участие в качестве субъектов киберпреступности.

⁶¹⁹ Шаров Л. Оставьте преступность в покое // Общая газета. 1998. № 2. 15–21 января. С. 5.

⁶²⁰ Медведев Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская Газета. 2010. 1 декабря.

⁶²¹ Зорькин В. Конституция против криминала // Российская Газета. 2010. 10 декабря.

- «Моральное оправдание» криминальных способов обогащения. Общество, с одной стороны, выдвигает цели обогащения, успеха, «красивой жизни», а, с другой стороны, не предоставляет доступных легальных возможностей достижения этих целей. Существует огромный разрыв между доходами богатых и сверхбогатых «новых русских» и — подавляющим большинством бедняков (включая «бюджетников» — инженеров, учителей, врачей, профессоров, работников культуры).
- *Новые тенденции*: в результате конкуренции полицейские «крыши» вытесняют криминальные «крыши».
- Политизация организованной преступности и криминализация политики, экономики, общества и государства

Последний тезис, развиваемый нами с середины 90-х гг., сегодня формулируется и более жестко: «Происходит громадный шаг вперед по пути криминализации государства... То есть государство начинает функционировать не как организм, в которые проникли разные мафии, а как самая крупная мафия, которая хочет уничтожить мелкие, навести порядок и пополнить «общак»... Государство преобразуется в соответствии с суровыми законами мафии»⁶²².

Об этом же в одном из своих выступлений образно сказал профессор В.С. Овчинский — один из крупнейших отечественных исследователей организованной преступности: «Организованная преступность есть форма социальной организации нашего общества».

Какова же возможная разумная реакция общества и государства на организованную преступность вообще и в России, в частности?

- Прежде всего, требуется объективное, не идеологизированное и не политизированное изучение отечественной, зарубежной, интернациональной организованной преступности, ее генезиса, факторов, воздействующих на ее развитие. Иначе говоря, ее *демифологизация*.
- Осознание того, что повышение уровня организованности преступности — *неизбежный* глобальный процесс, который не может быть «ликвидирован» или существенно ограничен уголовно-правовыми запретами и полицейскими мерами.

⁶²² Фурман Д. Преемник начал ревизию наследства. На смену мафиозному хаосу идет мафиозный порядок // Общая газета. 2000. № 39. 28 сентября — 4 октября. С. 7. См. также: Kego W., Molcean A. Russian Speaking Organized Crime Groups in the EU. Stockholm, 2011; Kego W., Molcean A. (Eds.) Russian Organized Crime: Recent Trends in the Baltic Sea Region. Stockholm, 2012.

- Понимание *социально-экономической* природы организованной природы. Сокращение ее социальной базы и масштабов деятельности возможно лишь путем создания условий, когда:
- «нелегальные» ныне потребности будут легализованы и удовлетворяться легальными средствами (отмена «сухого закона» в 1930-е гг. в США покончила с бутлегерством; легализация наркотиков во всем мире уничтожила бы наркобизнес и наркомафию)⁶²³;
- легальный бизнес станет *выгоднее* нелегального. Уже сегодня, судя по сообщениям прессы, «экономическое чудо» Японии, повышение благосостояния ее населения, сокращение безработицы делают невыгодным участие в преступных организациях — якудзэ;
- налоговый пресс минимален и не «выдавливает» добросовестного предпринимателя в «тень» или в «криминал»;
- подросткам и молодежи будут предоставлены широкие реальные возможности легального удовлетворения своих витальных и социальных (престиж, статус, самоутверждение) потребностей.

Все большему числу профессионалов, включая юристов, становится понятна невозможность противостояния организованной преступности исключительно или преимущественно уголовно-правовыми средствами⁶²⁴.

Иными словами: (1) «в конечном счете, контроль над организованной преступностью будет иметь место только тогда, когда мы полностью поймем и сможем разрушить рыночные условия, которые ее формируют»⁶²⁵; (2) уровень организованной преступности (так же как преступности вообще и других девиантных проявлений) существенно зависит от степени *респонсивности* общества (A. Etzioni), т.е. удовлетворения потребностей населения легальными средствами.

⁶²³ См. Подробнее: Гилинский Я. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302–311.

⁶²⁴ Бойцов Л.Н., Гонтарь И.Я. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: иллюзии, реальность и возможная альтернатива // Государство и право. 2000. № 11. С. 35–43.

⁶²⁵ Albanese J. (1995). Op. cit. P. 248.

Глава X. Преступность белых воротничков

*Того, кто украл буханку хлеба,
сажают в тюрьму, того, кто
украл железную дорогу, —
избирают в сенат.*

Американская пословица

§ 1. Основные понятия

В мировой криминологии различают два типа преступности: обычную (*ordinary crime*), или «уличную» преступность (*street crime*) «опасного класса» (*dangerous class*), преступность «синих воротничков» и — «респектабельную», «беловоротничковую» (*white-collar crime*) преступность. К первому типу относятся, например, насильственная преступность, кражи, грабежи, разбой и т.п. Ко второму типу — экономическая преступность, должностные преступления, коррупционные преступления и т.п. «Цветной» критерий — *синие* и *белые* воротнички — возник благодаря тому, что служащие в США ходят обычно в белых рубашках, рабочие — преимущественно в синих рубашках или комбинезонах.

Термин «преступления белых воротничков» (*white-collar crime*), как упоминалось выше (гл. 4), был введен в научный оборот Э. Сатерлендом в 1939 г. Первоначально Э. Сатерленд понимал под беловоротничковой преступностью «преступления, совершенные лицами респектабельными и высокого социального статуса в связи с их должностным положением»⁶²⁶. Позднее этот термин распространился на преступления, совершенные по должности служащими любого ранга. Так, по определению Дж. Колемана, беловоротничковая (респектабельная) преступность есть «нарушение закона, совершенное лицом или группой лиц в процессе выполнения законной профессиональной деятельности или финансовой активности»⁶²⁷.

⁶²⁶ Sutherland E. *White Collar Crime*. NY: Dryden Press, 1949, p. 9.

⁶²⁷ Coleman J. *The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime*. NY: St. Martin's Press, 1985, p. 5.

Преступность «белых воротничков» многолика и распространена во всех странах⁶²⁸. Она не укладывается в какой-либо один раздел российского уголовного кодекса. К ней могут быть отнесены некоторые составы преступлений против личности (неоказание помощи больному — ст. 124 УК РФ, оставление в опасности — ст. 125 УК), некоторые преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19 УК), ряд экологических преступлений (гл. 26 УК) и др. Большинство типичных респектабельных преступлений относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК) — *экономические преступления* и к преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК) — *должностные преступления*.

При всех уголовно-правовых различиях этих преступлений, их объединяет *субъект* — лицо, исполняющее свои служебные, должностные обязанности (служащий, чиновник), «белый воротничок», а также то, что преступления совершаются этим субъектом *в связи с исполнением* служебных (должностных) обязанностей. Поэтому уклонение *гражданина* от уплаты налогов (ст. 198 УК) не является «беловоротничковым» преступлением. Поэтому же чиновник, убивший из ревности жену или укравший бутылку коньяка в супермаркете, совершил тем самым обычное, «уличное» преступление (напомним, что в данном случае «уличное» определяет не место совершения преступления, а его тип — «*street crime*»).

Отметим некоторые криминологически значимые особенности рассматриваемой преступности.

Во-первых, респектабельная преступность включает три больших подгруппы — экономическая, должностная и политическая преступность. Каждая из них, в свою очередь, может быть индивидуальной и корпоративной (групповой). Это схематически представлено на схеме 10.1.

Во-вторых, беловоротничковая преступность нередко посягает на интересы неопределенного круга лиц (*анонимность жертвы*). Кто, например, конкретно страдает от фальсификации избирательных документов (ст. 142 УК), от незаконного получения кредита (ст. 176 УК), от загрязнения атмосферы (ст. 251 УК), от незаконного участия должностного лица в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК)? В конечном же счете потерпевшими оказываются все налогоплательщики.

⁶²⁸ Шур Э. *Наше преступное общество: Социальные и правовые источники преступности в Америке*. М.: Прогресс, 1977 (гл. 5 «Респектабельная» преступность. С. 219–261); Coleman J. *Ibid*; *Complex White Collar Crime*. Canberra: Commonwealth of Australia, 1993.

Схема 10.1

Схема беловоротничковой (респектабельной) преступности

В-третьих, по этой причине (нет конкретного потерпевшего или он не знает о том, что подвергся преступным посягательствам, — нет и жалобы, повода для расследования), а также в силу *селективности* действий полиции и уголовной юстиции, образно сформулированной в эпиграфе к этой главе, беловоротничковая преступность характеризуется *очень высокой латентностью*. Так, в 2006 г. в России были зарегистрированы два случая монополистических действий и ограничения конкуренции — ст. 178 УК (выявлено виновных лиц — 2), 0 случаев подкупа участников и организаторов спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов — ст. 184 УК (выявлено виновных лиц — 0), 39 751 всех преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (выявлено виновных лиц — 16 381)⁶²⁹. В 2010 г. были зарегистрированы⁶³⁰: 13 случаев воспрепятствования законной предпринимательской деятельности, выявлено 10 виновных лиц (ст. 169 УК); 4 случая незаконных сделок с землей, выявлено 4 виновных лиц (ст. 170 УК); 9 случаев недопущения, ограничения или устранения конкуренции, выявлено 5 виновных лиц (ст. 178 УК); 9 случаев фиктивного банкротства, выявлено 3 виновных лица (ст. 197 УК). Не надо быть специалистом, чтобы оценить «полноту» учета такого рода преступлений. Конечно, есть и вполне «солидные» по регистрации преступления: например, в 2010 г. было зарегистрировано 3849 случаев уклонения от уплаты налогов, выявлено 3318 виновных лиц (ст. 199 УК). Но и в этом

⁶²⁹ Преступность, криминология, криминологическая защита / Ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2007. С. 342–356.

⁶³⁰ Статистические данные ГИАЦ МВД РФ // URL: <http://crimpravo.ru/page/mvd-statistic> (дата обращения: 15.03.2015).

случае вызывает большие сомнения полнота регистрации, представляя себе действительные масштабы этого деяния.

В-четвертых, беловоротничковая преступность (особенно экономические и коррупционные преступления) тесно связана с организованной преступностью. Частично это было показано при анализе организованной преступности, частично будет отмечено ниже, при рассмотрении коррупционной деятельности.

В-пятых, при «незаметности» беловоротничковой преступности, ее крайне высокой латентности, анонимности ее жертв, она — во всех трех своих разновидностях — представляет *наибольшую реальную опасность* для общества вообще, современного российского в особенности. Экономическая отсталость России, массовое недоверие населения ко всем ветвям власти, дискредитация органов власти, управления, правосудия, неисчислимые жертвы «белых воротничков» — безмерная цена, которую платит общество за «деятельность» (или бездеятельность) тех, кого оно и без того содержит...

Для современной беловоротничковой преступности, также как для организованной, характерна глобализация, международный характер.

Вот обобщенный портрет «белых воротничков», как потенциальных субъектов преступлений, по мнению американских криминологов: «Ненадежность материального положения и жестокая нужда чужды их миру и их образу жизни. Двигатели их автомобилей заводятся по команде, их холодильники и винные погреба в изобилии заполнены всем, что они пожелают, дома просторны, удобны и безопасны, а дети хорошо одеты и накормлены. Эти люди привилегированны, и это дает им не только право выбора, но и свободное время для тщательного анализа всех возможностей, чтобы сделать этот выбор»⁶³¹.

§ 2. Криминологический анализ беловоротничковой преступности

«Незаметность» респектабельной преступности, анонимность ее жертв, высокая латентность существенно затрудняют криминологический анализ. Поэтому мы вынуждены ограничиться рассмотрением лишь некоторых общих вопросов.

⁶³¹ Криминология / Ред. Дж. Шели. СПб.: Питер, 2003. С. 345.

А. Экономическая преступность

Уголовно-правовому, криминологическому, экономическому, социологическому анализу экономической преступности посвящен ряд фундаментальных трудов⁶³². Некоторые соображения автора опубликованы на английском языке⁶³³.

Для характеристики состояния и динамики экономической преступности в современной России воспользуемся обширными цитатами из официального источника — ежегодных статистических сборников «Преступность и правонарушения. Статистический сборник» (М.: МВД РФ, МЮ РФ, Межгосударственный статистический комитет СНГ).

1991 г. — «Переход к новым экономическим отношениям сопровождается целым рядом преобразований, в содержание которых включаются и факторы криминогенного характера. Форсируемая приватизация государственного имущества в условиях психологической отчужденности трудящихся от собственности оказывает влияние на рост хищений, «бюрократического» вымогательства взяток со стороны представителей госпредприятий и учреждений» (1992, с. 5).

1992 г. — «Повсеместная бесхозяйственность и бесконтрольность, снижение требовательности в обеспечении сохранности материальных ценностей создали условия для массового растаскивания имущества на объектах государственной и общественной собственности... Преступные группировки, действующие в экономике, освоили новые виды противоправной деятельности, вовлекли в незаконный бизнес значительную часть предпринимателей. Результатом массированного преступного проникновения в экономическую сферу явилась волна должностных и хозяйственных преступлений, наносящих невосполнимый ущерб экономике страны» (1993, с. 7, 9).

1993 г. — «Продолжается процесс криминализации экономики. Недостаточная урегулированность вопросов собственности, плохой

контроль за законностью происхождения капиталов, используемых в ходе приватизации, разбалансированность финансово-кредитной системы, высокая степень монополизации при относительной свободе ценообразования, инфляция, неразвитость системы налогообложения, операций с ценными бумагами и другие факторы не только осложнили экономическую ситуацию, но и стимулировали проявления экономической преступности. В 1993 г. в сфере экономики вскрыто 110,4 тыс. преступлений... Наиболее серьезные преступления все чаще фиксируются в сфере кредитно-банковских отношений... В 1992 г. по ним было возбуждено 617 уголовных дел, а в 1993 г. вскрыто уже 4,3 тыс. преступлений... Выявлено более 9 тыс. преступлений, связанных с незаконным экспортом стратегического сырья и материалов... Выявлено 27,6 тыс. преступлений, связанных с приватизацией, в основном с приватизационными чеками. Продолжается криминализация потребительского рынка» (1994, с. 9–10).

1994 г. — «Анализ криминогенных процессов свидетельствует о все большем стремлении преступных элементов влиять на ключевые позиции в экономике. Рост криминальных проявлений характерен практически для всех отраслей экономики, особенно для кредитно-финансовой и внешнеэкономической сфер, добывающей и перерабатывающей промышленности, торговли и транспорта. Все чаще фиксируются незаконные операции по переводу капиталов в теневую экономику, вывозу за пределы России валютных и стратегически важных материальных ресурсов. Высокими темпами продолжается криминализация потребительского рынка... Количество фактов завладения имуществом путем обмана либо злоупотребления доверием в сфере экономики выросло в 2,5 раза, а причиненный гражданам и юридическим лицам материальный ущерб превысил 20 трлн руб. ... В 1994 г. количество выявленных преступлений экономической направленности... составило 124,3 тыс.» (1995, с. 9–10).

1995 г. — «Наблюдается активный процесс криминализации экономики с одновременным усилением альянса экономической и общеуголовной преступности в наиболее опасных формах... Основным содержанием криминальных процессов в экономике оставалось незаконное отчуждение государственной собственности в ходе приватизации и корыстные злоупотребления при управлении ею, а также противоправное перераспределение произведенного валового внутреннего продукта в пользу криминальных слоев, главными обра-

⁶³² Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999; Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности. СПб.: Фонд «Университет», 2000; Колесников В.В. Экономическая преступность и рыночные реформы: Политико-экономические аспекты. СПб.: Ун-т экономики и финансов, 1994; Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 1997; Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988; См. также: Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Т. II Особенная часть. М.: Юрайт, 2011. Гл. 22 (с. 429–464).

⁶³³ Gilinskiy Y. Economic Crime in Contemporary Russia // European Financial Service Law. 1998. Vol. 5. № 3–4. Pp. 60–65.

зом путем преступных махинаций в кредитно-финансовой и внешнеэкономической сферах, на валютно-денежном и потребительском рынках... В 1995 г. зарегистрировано 211,8 тыс. преступлений экономической направленности... Получила развитие тенденция «сползания» некоторых секторов экономики на незаконные принципы функционирования, что вело к сокращению легальной экономики при одновременном усилении ее теневой части» (1996, с. 7–8).

1996 г. — «Отмечаемый в 1996 г. рост зарегистрированных экономических преступлений связан не только с активизацией правоохранительной деятельности, но и достаточно объективно отражает процесс криминализации хозяйственной деятельности. Продолжались масштабные действия по незаконному завладению государственной собственностью в ходе приватизации, многочисленные злоупотребления в сфере управления, уклонения от налогообложения, противозаконные вывоз сырьевых, энергетических и других невосполнимых ресурсов за рубеж, перевод экспортной валютной выручки на счета... в иностранных банках, другие виды перераспределения произведенного валового внутреннего продукта в пользу криминальных слоев, главным образом путем преступной экспансии в кредитно-финансовую и внешнеэкономическую сферы» (1997, с. 6).

1997 г. — «Опираясь на коррумпированные связи, преступные сообщества внедрились в наиболее доходные сферы коммерческой деятельности, продвигают своих ставленников в органы законодательной и исполнительной власти различного уровня, активно способствуя криминализации экономики. В текущем году выявлено около 219 тыс. преступных посягательств экономической направленности и должностных преступлений, причинивших прямой ущерб на сумму более 12 трлн руб. В общей структуре экономических преступлений более 60% составили преступления против собственности, каждое девятое — в финансово-кредитной системе, каждое двенадцатое совершено на потребительском рынке» (1998, с. 8–9).

1998 г. — «Отмечается консолидация преступных группировок как в рамках отдельных территорий, так и на межрегиональном уровне... Этот процесс сопровождается разделом территории страны и отраслей ее экономики, наиболее доходных направлений преступного бизнеса на сферы влияния... Тенденции криминализации экономики наблюдаются практически во всех ее отраслях. Наиболее уязвимой перед преступной экспансией оказалась кредитно-финансовая сфера. Здесь выявлено 34,1 тыс. преступлений, причиненный ими ущерб оценивается в 7,9 млрд руб. Более 3 тыс. преступлений

выявлено во внешнеэкономической сфере... Зарегистрировано почти 3,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным предпринимательством...» (1999, с. 8–9).

1999–2000 гг. — «В сфере экономической деятельности выявлено [в 2000 г.] 51,6 тыс. преступлений (+67,4% [здесь и далее — по сравнению с 1999 г.]). На треть возросло количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих организациях и составило 6,1 тыс. (+63,2%)... В наиболее острых формах процесс криминализации протекает в сфере внешнеэкономической деятельности, где рост зарегистрированных преступлений превысил 69%. Здесь выявлено 7,9 тыс. преступлений, причинивших материальный ущерб на сумму 4,1 млрд руб. ... На 22,8% увеличилось количество преступлений, связанных с приватизацией (3,4 тыс.). Причиненный ими материальный ущерб составил 1,7 млрд руб. ... Существенно возросло (+84,9%) в 2000 г. количество выявленных фактов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем и составило 1784» (2001, 6–7).

2001 г. — «В сфере экономической деятельности выявлено 54,2 тыс. преступлений... Возросло количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих организациях и составило 6,8 тыс.... В наиболее острых формах процесс криминализации протекает в сфере внешнеэкономической деятельности, где рост зарегистрированных преступлений превысил 20,6%. Здесь выявлено 9,6 тыс. преступлений, причинивших материальный ущерб на сумму 8,7 млрд руб. ... На 9,1% увеличилось количество преступлений, связанных с приватизацией (3,7 тыс.). Причиненный ими материальный ущерб составил 783 млн руб.» (2002, с. 6–7).

2002 г. — «В сфере экономической деятельности выявлено 46,8 тыс. преступлений. Возросло количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих организациях и составило 7,0 тыс. ... В наиболее острых формах процесс криминализации протекает в сфере финансово-кредитных отношений, где выявлено 68,6 тыс. преступлений, что составляет 18,3% от всех преступлений экономической направленности... Размер причиненного материального ущерба по этим преступлениям составил 21 млрд руб. ... В 2002 г. снизилось количество выявленных фактов легализации (отмывания) денежных средств...» (2003, с. 6).

2003 г. — «В сфере экономической деятельности выявлено 38,4 тыс. преступлений (–17,8% [по сравнению с 2002 г.]). Снизилось

количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих организациях и составило 6,0 тыс. (-13,6%)... В наиболее острых формах процесс криминализации протекает в сфере финансово-кредитных отношений, где выявлено 68,7 тыс. преступлений, что составляет 18,2% от всех преступлений экономической направленности... Размер причиненного материального ущерба по этим преступлениям составил 30,9 млрд руб.» (2004, с. 7).

2004 г. — обобщенные данные о преступлениях в сфере экономической деятельности отсутствуют (2005, с. 5–10).

2005 г. — обобщенные данные о преступлениях в сфере экономической деятельности отсутствуют (2006, с. 5–10).

.....

2013 г. — обобщенные данные о преступлениях в сфере экономической деятельности отсутствуют (2014, с. 5–10).

Итак, обобщенная характеристика преступлений в сфере экономической деятельности в наиболее полных статистических сборниках МВД РФ прекращается.

Приведенные данные свидетельствуют о нарастании криминальной ситуации в сфере экономической деятельности с начала 1990-х гг. прошлого столетия до начала текущего века, а затем снижение криминальной напряженности, сокращение некоторых видов *зарегистрированной* преступности. Причем статистические сборники 2005–2008 гг. и последующих годов вообще умалчивают о рассматриваемых нами преступлениях.

Другие источники информации также свидетельствуют о сокращении числа зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности, особенно в 2004 г. (58 759 преступлений) с некоторым возрастанием к 2006 г. (107 089 преступлений), однако показатель этого года ниже 2002–2003 гг. (12–14 тыс.)⁶³⁴. Остается вопрос: отражают ли оптимистические оценки реальную тенденцию или же возрастает латентность и без того высоко латентной экономической преступности?

Удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК) в общем объеме преступности составил: 1998 г. — 1,9%, 1999 г. — 3,9%, 2000 г. — 5,4%, 2001 г. — 5,6%, 2002 г. — 5,7%, 2003 г. — 4,4%, 2004 г. — 2,0%, 2005 г. — 2,4%, 2006 — 2,8%. Таким

⁶³⁴ Преступность, криминология, криминологическая защита. Указ. соч. С. 346.

образом, наблюдается тенденция возрастания доли экономических преступлений с 1998 до 2002 г. с последующим сокращением. Но при этом необходимо оговориться. Во-первых, данные различных источников отличаются друг от друга. Во-вторых, как много раз отмечалось, беловоротничковая преступность очень латентна. В-третьих, именно гл. 22 УК подвергалась многочисленным изменениям со дня принятия кодекса, что лишний раз свидетельствует о «конструировании» преступности и не может не влиять на ее количественные показатели.

Характеризовать *внутреннюю структуру* экономических преступлений сложно ввиду неоднократных изменений уголовного закона (криминализация одних и декриминализация других деяний). Во всяком случае можно отметить явное преобладание незаконного предпринимательства (1367–8538 зарегистрированных преступлений в течение 2000–2006 гг.), уклонения от уплаты налогов как физических лиц (1464–6789 зарегистрированных преступлений за те же годы), так и юридических лиц (2042–16 527 преступлений), контрабанды (3498–6926 преступлений) и некоторых других.

О *территориальных различиях* мы можем судить только по абсолютному количеству зарегистрированных преступлений экономической направленности, что, разумеется, не очень корректно.

Б. Должностные преступления

Определимся с предметом обсуждения. В юридическом быту *преступления по должности* именуется обычно *должностными преступлениями*. В действующем уголовном законе этот вид преступлений предусмотрен в гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». В гл. 3 УК РСФСР 1926 г. они именовались «Должностные (служебные) преступления», а в гл. 7 УК РСФСР 1960 г. — «Должностные преступления». Очевидно именно последнее из названий в силу его лаконичности и кажущейся ясности вошло в правовой быт.

В отечественных учебниках по криминологии должностным преступлениям явно не повезло. Соответствующих глав (параграфов, разделов) *нет* ни в коллективном учебнике «Криминология» юридического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета (2002 и последующие издания), ни в учебнике «Криминология» под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова (1997 и последующие издания), ни в учебнике «Криминология» Г.Ф. Хохрякова (1999 г.), ни в

учебнике «Криминология» Д.А. Шестакова (2006). Лишь одному из видов должностных преступлений — коррупции (взяточничеству) посвящен параграф (в главе «Корыстная преступность») учебника «Криминология» под редакцией Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Лунеева (2004) и аналогичная тема в учебном пособии «Криминология» под редакцией Н.Ф. Кузнецовой (2006). Аналогичная глава «Коррупционные преступления» имеется в коллективном учебнике «Криминология» Санкт-Петербургского университета МВД РФ (начиная с издания 1998 г.). В одну главу «Криминологическая характеристика преступлений против социалистической собственности, должностных и хозяйственных преступлений» объединены столь различные преступления в учебнике «Криминология» под редакцией Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского (1988). М.В. Феоктистов в методических материалах по спецкурсу говорит о *служебных* преступлениях, объединяя собственно преступления по должности и преступления лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческих и некоммерческих организациях⁶³⁵.

С нашей точки зрения, преступления *по должности* составляют разновидность преступности «белых воротничков» (*white-collar crime*), наряду с теми *экономическими* и *политическими*⁶³⁶ преступлениями, которые совершаются специальным субъектом — государственными или муниципальными служащими, представителями органов власти, правоохранительных органов — и *в связи с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей*.

Возможно есть смысл различать преступления по должности в узком смысле (гл. 30 УК РФ) и в широком смысле слова, *если они совершены соответствующим субъектом и связаны с осуществлением служебной деятельности*: преступления против личности (ст. 109 ч. 2; ст. 111 ч. 2 п. «а»; ст. 112 ч. 2 п. «б»; ст. 114 ч. 2; ст. 117 ч. 2 п. «б»; ст. 118 ч. 2; ст. 122 ч. 4; ст. 124); преступления против свободы, чести и достоинства личности (ст. 127.2 ч. 2 п. «в»; ст. 128 ч. 2); многие преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 ч. 2; ст. 137 ч. 2; ст. 138 ч. 2; ст. 139 ч. 3; ст. 140; ст. 141 ч. 2 п. «б»; ст. 144 ч. 2; ст. 146 ч. 3 п. «г»; ст. 149); преступления против

⁶³⁵ Феоктистов М.В. Экономические и служебные преступления. Методические материалы по спецкурсу. Саратов, 2003.

⁶³⁶ См.: Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань: Новое знание, 2006.

собственности (ст. 159 ч. 3); многие преступления в сфере экономической деятельности (ст. 174 ч. 3 п. «б»; ст. 174.1 ч. 3 п. «б»; ст. 175 ч. 3; ст. 188 ч. 3 п. «б»); некоторые преступления против общественной безопасности (ст. 221 ч. 2 п. «в»; ст. 226 ч. 3 п. «в») и против здоровья и общественной нравственности (ст. 228.1 ч. 3 п. «б»; ст. 229 ч. 2 п. «в»; ст. 233; ст. 237 ч. 2 — в ней прямо говорится о сокрытии информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, *если они совершены лицом, занимающим государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, а равно главой органа местного самоуправления*, т.е. это «в чистом виде» должностное преступление; ст. 241 ч. 2 п. «а»); большинство экологических преступлений; некоторые преступления против основ государственного строя и безопасности, если они совершены должностными лицами (ст. 275, 276, 283, 284); многие преступления против правосудия (ст. 294 ч. 3; ст. 299–305, 315); некоторые преступления против порядка управления, если они совершены должностными лицами, представителями власти; некоторые преступления против военной службы (например, ст. 345). Ряд *политических* преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества может быть совершен преимущественно лицами, занимающими государственные должности (ст. 353; 354 ч. 2; 355; 356; 357, 358 УК РФ).

Напомним, что речь идет о *криминологическом* понимании должностных преступлений, как (1) совершенных специальным субъектом и (2) в связи с выполнением им профессиональных (должностных) обязанностей (функций). Это понимание может не совпадать с уголовно-правовым. С другой стороны, уголовный закон устанавливает, *кто* понимается под должностным лицом, лицами, занимающими государственные должности, представителем власти (Примечания к ст. 285, 318 УК РФ).

При криминологическом анализе должностных преступлений следует иметь в виду их чрезвычайно высокую латентность. Лишь в незначительной, как мне кажется, степени об их латентности свидетельствуют данные одного из исследований⁶³⁷ (табл. 10.1).

Динамика коэффициентов латентности с начала 2000-х до 2009 гг. говорит сама за себя.

⁶³⁷ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001–2002 гг. (Статистический сборник). М., 2004; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности...

Таблица 10.1

Коэффициент латентности должностных преступлений в РФ (2001–2009)

Состав преступления	2001	2002	2009
Злоупотребление должностными полномочиями	3,38	3,39	14,0
Превышение должностных полномочий	2,76	2,71	10,5
Присвоение полномочий должностного лица	1,35	1,34	3,0
Незаконное участие в предпринимательской деятельности	4,34	4,36	25,0
Получение взятки	10,09	10,13	75,0
Дача взятки	10,54	10,68	70,0
Служебный подлог	1,86	1,86	11,0
Халатность	2,94	2,92	4,0

Даже в относительно благополучном обществе «никто не может серьезно отрицать наносимый ею («беловоротничковой» преступностью. — Авт.) тяжелый материальный и финансовый урон, который просто несравним с ущербом от уличной преступности. В некоторых случаях мы сталкиваемся здесь с тысячами потерпевших, а убытки только от нескольких ставших широко известными публических преступлений могут превзойти общий годовой ущерб от уличной преступности»⁶³⁸. Не менее опасен нематериальный ущерб от привилегированной преступности. «В тех случаях, когда государственный чиновник использует свое положение для незаконного обогащения или когда полиция, или прокуратура намеренно фабрикует улики, будет нанесен ущерб доверию общества к правительству, общественным институтам, лидерам и процессам... Буйно разросшаяся и очевидная для всех «беловоротничковая» преступность разъедает общественную мораль и приверженность общественным интересам... Доверие к экономическим институтам также может быть разрушено»⁶³⁹.

Для современной беловоротничковой преступности характерна также глобализация, международный характер.

Общая криминологическая характеристика преступлений по должности в современной России

Рассмотрим, прежде всего, динамику преступлений, отнесенных действующим УК РФ к «Преступлениям против государствен-

⁶³⁸ Криминология / Ред. Дж. Шели. Указ. соч. С. 348.

⁶³⁹ Там же. С. 349, 350.

ной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (далее — должностные преступления).

Сведения, представленные в табл. 10.2 (за 1987–2010 гг.)⁶⁴⁰ позволяют сделать ряд предварительных выводов.

- Наблюдается в целом значительный рост зарегистрированных преступлений с 1988 по 2006 г.: злоупотребление должностными полномочиями — в 2,4 раза; превышение должностных полномочий — в 19,5 раза; получение взятки — в 6,5 раза; служебный подлог — в 1,4 раза (а с 1989 по 2006 г. — в 2,4 раза).
- Лишь халатность характеризуется существенным... снижением (в 6,2 раза!). Это тот случай, когда смело можно сказать: «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Действительно, халатность, даже «причинившая крупный ущерб» — одно из наиболее распространенных в действительности должностных преступлений. Однако, латентность халатности очень велика, чем, очевидно, и объясняется такая странная динамика. Кроме того, конечно же сыграло роль и изменение диспозиции ст. 293 УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ. С 2008 г. фиксируется рост этих преступлений.
- Совершенно недействующим оказался состав преступления, предусмотренный ст. 287 УК: «0» зарегистрированных преступлений за 11 лет и 2 в 2009 г. свидетельствует лишний раз о непродуманной криминализации таких деяний, которые могут быть предусмотрены административным или гражданско-правовым законодательством, без уголовного устрашения. Аналогичные выводы можно сделать относительно деяний, предусмотренных ст. 288 и 289 УК: криминализация ради 13–67 зарегистрированных преступлений в год на всей территории России — непозволительная роскошь.
- Существенно растет число зарегистрированного служебного подлога (от 4144 в 1993 г. до 19 377 в 2009 г.).
- Лишь незначительная тенденция роста получения взятки, что явно «оптимизирует» реальность.

⁶⁴⁰ Источники статистических сведений: Преступность, статистика, закон. М., 1997. С. 202; Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001. С. 542–543; Преступность, криминология, криминологическая защита. М., 2007. С. 355–356; Статистические данные ГИАЦ МВД РФ // URL <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic> (дата обращения: 15.03.2015).

Таблица 10.2

Должностные преступления в России (1987–2010)

2006	39 751	6634	9185	1274	6546	11343	22	0	49
2005	37 621	6941	8939	1044	5720	10722	16	0	31
2004	33 810	5033	7911	1233	5273	10599	18	0	44
2003	28 580	4400	6189	2250	4425	8315	13	0	67
2002	27 381	3816	5414	2581	4553	8224	17	0	18
2001	26 463	4133	3695	2199	4797	8145	31	0	351
2000	25 272	4797	3384	2368	4281	7612	21	0	43
1999	22 908	4176	3001	2139	4211	6701	30	0	38
1996	17 393	2717	2310	2050	3223	4856			
1995	16 733	2528	2279	2752	2920	4273			
1994	19 021	3240	2182	3649	2960	5022			
1993	16 677	2794	1675	3549	2686	4144			
1992	15 707	2662	1297	4126	1960	4285			
1991	15 448	2451	1114	4631	1414	4715			
1990	17 075	2505	899	5979	1400	5001			
1989	16 785	2436	570	6865	1033	4719			
1988	18 642	2801	470	7909	998	7978			
1987	23 349	3753	666	9710	2040	5064			
Всего:									
В том числе:									
– Злоупотребление должностными полномочиями									
– Превышение должностных полномочий									
– Халатность									
– Получение взятки									
– Служебный подлог									
– Присвоение полномочий должн. лица									
– Отказ в предоставлении информации									
– Незаконное участие в предпринимат. деят-ти									

Таблица 10.2 (продолжение)

	2007	2008	2009	2010
Злоупотребление должностными полномочиями	5852	6055	6103	4687
Превышение должностных полномочий	6736	5804	5541	4795
Халатность	1210	1304	1551	1818
Получение взятки	6788	7131	7856	7747
Служебный подлог	13 386	17 475	19 377	16 917
Присвоение полномочий должностного лица	3	58	106	16
Отказ в предоставлении информации	0	0	2	0
Незаконное участие в предпринимательской деятельности	44	42	29	19

Всего было зарегистрировано должностных преступлений и выявлено лиц, виновных в их совершении: 1993 г. — 16 677/9440; 1994 г. — 19 021/18 133; 1995 г. — 16 733/8588; 1996 г. — 17 393/7881; 1999 г. — 22 908/8448; 2000 г. — 25 272/9623; 2001 г. — 26 463/9623; 2002 г. — 27 381/11 474; 2003 г. — 28 580/11 674; 2004 г. — 33 810/12 731; 2005 г. — 37 621/13 797; 2006 г. — 39 751/16 381. Таким образом, наблюдается значительный рост зарегистрированных должностных преступлений (в 2,4 раза) при относительно невысоком количестве выявленных «белых воротничков» их совершивших (в 1,7 раза).

Удельный вес должностных преступлений (гл. 30 УК) в общем объеме преступности составил: 1987 г. — 1,9%, 1988 г. — 1,5%, 1989 г. — 1,0%, 1990 г. — 0,9%, 1991 г. — 0,7%, 1992 г. — 0,6%, 1993 г. — 0,6%, 1994 г. — 0,7%, 1995 г. — 0,6%, 1996 г. — 0,7%, 1997 г. — 0,7%, 1998 г. — 0,7%, 1999 г. — 0,7%, 2000 г. — 0,8%, 2001 г. — 0,9%, 2002 г. — 1,1%, 2003 г. — 1,0%, 2004 г. — 1,2%, 2005 г. — 1,1%, 2006 г. — 1,0%. Мы видим значимое снижение доли должностных преступлений с 1987 до 1992 г. с последующей стабилизацией этого показателя и возрастанием с 2000 г.

Внутренняя структура должностных преступлений выглядит следующим образом: злоупотребление властью или служебным положением — 15–17%, превышение власти или служебных полномочий — от 2,5% в конце 80-х гг. до 13,5% к концу 90-х гг., халатность — от 41% в конце 80-х гг. до 12% к 1996 г., получение взятки — от 5–8% в конце 1980-х гг. до 18,5% в 1996 г., должностной подлог — 22–29%. Думается, что значительный рост удельного веса превышения власти или служебных полномочий и получения взятки при столь же существенном сокращении доли халатности отражает скорее право-

применительную практику, нежели реальное изменение структуры должностных преступлений.

В. Коррупция

К коррупционным преступлениям обычно относят злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, присвоение полномочий должностного лица, получение взятки. Разумеется, с одной стороны, это далеко не полный перечень возможных преступлений по должности, связанных с коррупцией. С другой стороны, не всегда перечисленные преступления (кроме получения взятки) обязательно носят коррупционный характер.

Среди всех должностных преступлений *взятничество*, как одно из проявлений *коррупции*, представляет наибольшую опасность. Вокруг коррупции, равно как в отношении организованной преступности и потребления наркотиков, сложилось множество мифов (и надежд на «ликвидацию»), заставляющих остановиться подробнее на этой проблеме.

Имеется множество *определений* коррупции. Возможно, наиболее краткое (и точное) из них предложил Joseph Senturia: «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды»⁶⁴¹. (Впрочем, древние латиняне говорили еще короче: «*Do ut facies*» — «даю, чтобы сделал»). Аналогичное определение встречается в документах ООН. Более полное определение содержится в документах 34-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979): «Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

Существует множество *форм* (проявлений) коррупции: взяточничество, фаворитизм, nepotизм (кумовство), протекционизм, лоббизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконная приватизация, незаконная поддержка и финансирование политических структур (партий и др.), вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый русский «блат» (использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам — товарам, услугам,

⁶⁴¹ Wewer G. Politische Korruption. In: Politic-Lexicon. München, Wein: Oldenborg Verlag, 1994. S. 481.

источникам дохода, привилегиям)⁶⁴² и др. Исчерпывающий перечень коррупционных видов деятельности невозможен. Хорошо известно, что в России легально существовало «кормление», переросшее позднее в мздоимство и лихоимство.

Важно понимание *социальной природы* (сущности) коррупции. Это позволит избежать излишней политизации, «юридизации» и, в конечном счете, мифологизации проблемы.

Коррупция — *социальный феномен*, порождение общества и общественных отношений. Социальный феномен *продажности* (от коррупции должностных лиц до брачных аферистов и проституции — в сферах политики, науки, искусства или же — сексуальных отношений) возможен в обществе развитых товарно-денежных отношений. Тот или иной вид продажности, осознаваемый как проблема, представляет собой *социальную конструкцию*: общество определяет, что именно, где, когда, при каких условиях и с какими последствиями (санкциями) рассматривается как коррупция, проституция и т.д. Процесс социального конструирования коррупции включает: наличие множества фактов продажности (взяточничества) различных государственных служащих и должностных лиц; осознание этих фактов как социальной проблемы; криминализацию некоторых форм коррупционной деятельности; реакцию политиков, юристов, средств массовой информации, населения на коррупцию и т.д.

В современном обществе, включая российское, коррупция — *социальный институт, элемент системы управления*, тесно взаимосвязанный с другими социальными институтами — политическими, экономическими, культурологическими. Об институционализации коррупции свидетельствуют:

- выполнение ею ряда социальных *функций* — упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др.⁶⁴³;

⁶⁴² Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе. В: Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 111–124.

⁶⁴³ Left N. Economic Development through Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist, 1964. VIII; Scott J. Comparative Political Corruption. Englewood Cliffs, 1972.

- наличие вполне определенных *субъектов* коррупционных взаимоотношений (патрон — клиент), распределение социальных *ролей* (взятокодатель, взятокополучатель, посредник);
- наличие определенных *правил игры, норм*, известных субъектам коррупционных действий («операциональный кодекс», по Г. Мюрдалю);
- сложившиеся *сленг и символика* коррупционных действий;
- установившаяся и известная заинтересованным лицам *такса* услуг. Так, еще в 1996 г. газетой «Стрела» была опубликована такса поборов работниками ГАИ; в Санкт-Петербургской ежемесячной газете «Ваш тайный советник» в 2000 г. публиковались размеры взяток за поступление в престижные вузы города. А вот примерная такса «услуг» правоохранительных органов на начало века: недопущение возбуждения уголовного дела — 1000 — 10 000 долл.; изменение меры пресечения на не связанную с лишением свободы — 20 000–25 000 долл.; смягчение меры наказания — 5000–15 000 долл.; нереагирование на таможенные нарушения — 10 000–20 000 долл. или 20–25% от суммы таможенных сборов⁶⁴⁴. И более свежие таксы: невозбуждение уголовного дела — 10 000–25 000 долл., возбуждение уголовного дела — 200 000–100 000 долл., мягкий приговор — 50 000–500 000 долл.⁶⁴⁵. Почувствуйте разницу! Конечно, инфляция... Публикуются преискурранты цен на армейские «услуги» (от 500 руб. за предоставление увольнительной на сутки военнослужащему срочной службы до 10 000–15 000 долл. за признание негодным к военной службе или получение военного билета без службы в армии. Представление к ордену Мужества стоит 3000–5000 долл.)⁶⁴⁶. Сравнительные ставки взяток за 1985–2005 и 2001–2005 гг. представлены в газетах «Комсомольская правда» от 7–14 июля 2005 г. и «Новая Газета» от 1–3 августа 2005 г. «Новая Газета» опубликовала в декабре 2002 г. (№ 93) сведения о брошюре депутата Государственной Думы профессора Г. Костина, в которой были перечислены расценки на все основные высшие должности в органах государственной власти. Так, долж-

ность председателя департамента Верховного Суда РФ стоит 400 000 долл., заместителя председателя Московского арбитражного суда — 1,3 млн долл., заместителя министра энергетики — 10 млн долл. и т.д. Газета ожидала реакции властей: опровержения, обвинения Костина в клевете или же расследования в отношении должностных лиц. Однако *никакой* реакции не последовало. Что это: молчание — знак согласия? Но «такса» растет. Так, к 2011 г. возможность попасть на прием стоит: к вице-премьеру правительства РФ — 150 000–300 000 долл., к главе силового ведомства — 250 000 долл., к федеральному министру — от 30 000 долл.⁶⁴⁷.

Институционализация коррупции в развитых странах Запада рассмотрена В. Рейсменом еще в 1979 г. (русский перевод 1988 г.⁶⁴⁸). В отечественной литературе это, прежде всего, книга Л. Тимофеева⁶⁴⁹, а также диссертационное исследование И. Кузнецова⁶⁵⁰.

Экономические, социальные, политические *последствия* коррупции хорошо известны и не нуждаются в комментариях.

Коррупция существует во всех современных государствах. Другой вопрос — масштабы коррупции.

История коррупции и взяточничества в России отражена в ряде монографий⁶⁵¹. Нам остается напомнить, что первым легальным проявлением коррупции явилось «кормление», древнерусский институт направления князем своих воевод, наместников в провинцию без денежного вознаграждения с тем, чтобы они «кормились» (содержались) населением соответствующей территории. «Кормление» было официально отменено в 1556 г., но традиция жить и богатеть за счет подданных сохранилась. Позднее стали различать *мздоимство* — выполнение услуг за взятку без нарушения действующего законодательства и *лихоимство* — получение взятки за совершение действий, нарушающих закон. Впервые уголовная ответственность за получение взятки судьями была установлена Судебником 1497 г. К XVI в. от-

⁶⁴⁴ Коррупция и борьба с ней. М.: Криминологическая Ассоциация, 2000. С. 62–63.

⁶⁴⁵ Светова З. Коррупция во спасение // The New Times (Новое время). 2011. № 5. 14 февраля. С. 18–19.

⁶⁴⁶ Новая Газета. 2006. 31 августа — 3 сентября. С. 3.

⁶⁴⁷ Барабанов И. Доступ к уху // The New Times (Новое время). 2011. № 5, 14 февраля. С. 12–13.

⁶⁴⁸ Рейсмен В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988.

⁶⁴⁹ Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки теории. М.: РГГУ, 2000.

⁶⁵⁰ Кузнецов И.Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование: дис. ... канд. социологич. наук. СПб ГУ, 2000.

⁶⁵¹ Кабанов П.А. Коррупция и взяточничество в России. Нижнекамск: Гузель, 1995; Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997.

носят появление *вымогательства*. В XVIII в. коррупция приобретает в России массовый, тотальный характер. Петр I был в ужасе от масштабов взяточничества и пытался бороться с ним привычными репрессивными мерами вплоть до смертной казни (Указы 23 августа 1713 г., 24 декабря 1714 г., 5 февраля 1724 г.), но тщетно.

Спустя два столетия советская власть применяет те же меры и столь же безрезультатно. К 70-м гг. XX в. лидеры Советского государства и КПСС, советская бюрократия были полностью коррумпированы.

Каково современное состояние проблемы в России?

По данным международной организации *Transparency International*, Россия входит в число наиболее коррумпированных стран мира. Индекс восприятия коррупции до 2011 г. исчислялся от 1 — максимально коррумпированное государство до 10 — отсутствие коррупции (что в принципе невозможно). Так, в 2002 г. с индексом **2,7** Россия входила в число таких стран, как Кот д'Ивуар, Гондурас, Индия, Танзания, Зимбабве. Минимальная коррупция была зафиксирована в Финляндии (9,7 баллов), Дании и Новой Зеландии (по 9,5 баллов), максимальная — в Бангладеш (1,2 балла). В 2006 г. Россия с баллом **2,5** (наименее коррумпированные страны — Финляндия, Исландия, Новая Зеландия — имели балл 9,6; наиболее коррумпированная — Гаити — 1,8 балла) входила в группу стран: Бенин, Гамбия, Гайана, Гондурас, Непал, Филиппины, Россия, Руанда, Свазиленд. В 2007 г. степень коррумпированности России увеличилась: с баллом **2,3** (наименее коррумпированы Дания, Финляндия. Новая Зеландия — с баллом 9,4, наиболее коррумпированы Мьянма, Сомали — с баллом 1,4) она входит в группу стран: Гамбия, Индонезия, Россия, Того. К 2008 г. индекс восприятия коррупции снижается в России до **2,1** балла (т.е. коррупция еще возрастает), и она входит в группу стран Сирия, Бангладеш, Кения (минимальная коррупция в Дании, Швеции, Новой Зеландии — индекс 9,3, максимальная — в Сомали — 1,0). В 2009 г. индекс коррупции в России — 2,2, но в 2010 г. вновь **2,1** наряду с Центрально-Африканской Республикой, Камбоджей, Папуа-Новая Гвинея, Кенией, Лаосом и Таджикистаном (наименее коррумпированы Дания, Сингапур, Новая Зеландия — 9,3 балла). В связи с изменением системы рейтингов (от 1 до 100) Россия с 28 баллами заняла в 2012 г. 133 место, а в 2013 г. — 127 наряду с Азербайджаном, Гамбией, Ливаном, Мадагаскаром, Мали, Никарагуа, Пакистаном и Коморскими островами. Наименее коррумпированные страны в 2013 г. — Дания и Новая Зеландия (91 балл), наиболее коррумпированные — Афганистан,

КНДР и Сомали (8 баллов). В 2014 г. У России 27 баллов наряду с Камеруном, Ираном, Кыргызстаном, Ливаном и Нигерией. Наименее коррумпированы Дания — 92 балла, Новая Зеландия — 91 балл, Финляндия — 89 баллов; самые коррумпированные Сомали и Северная Корея — по 8 баллов. В 2015 г. Россия набрала 29 баллов наряду с Азербайджаном, Гайаной и Сьерра-Леоне. Наименее коррумпированы Дания — 91 балл, Финляндия — 90 баллов и Швеция — 89 баллов. Наиболее коррумпированы традиционно Северная Корея и Сомали (по 8 баллов). В 2016 г. у России также 29 баллов наряду с Ираком, Казахстаном, Непалом, Украиной. Наименее коррумпированы Дания и Новая Зеландия (90 баллов), Финляндия (89 баллов). Наиболее коррумпированы Сомали (10 баллов), Южный Судан (11 баллов) и Северная Корея (12 баллов).

Ежегодный ущерб от коррупции в России оценивался экспертами в 20–25 млрд долл., экспорт капитала за границу составляет 15–20 млрд долл. в год, а всего за 1988–1999 гг. — 300–350 млрд долл.⁶⁵²

В процессе исследований, осуществляемых Центром девиантологии Санкт-Петербургского Социологического института РАН, наши респонденты из числа *предпринимателей* подробно рассказывали, за что приходится давать взятки: при регистрации предприятия; при получении лицензии; для получения от государственных органов помещения в аренду; при получении разрешения на эксплуатацию производственных помещений (при этом «тариф» пожарной инспекции выше, чем санитарной инспекции); при получении банковского льготного кредита; при сдаче отчета налоговой инспекции; при таможенных операциях. Их информацию подтверждают руководители соответствующих служб *правоохранительных органов*.

А вот что говорят члены *преступных группировок*, отвечая на вопросы интервьюера, Я. Костюковского: «Занимались недвижимостью... В нашей конторе все повязано было — эксплуатационные правления, нотариусы, парочка участковых даже прикармливались»; «Мы еще когда на рынке работали, все время за место платили. Ну, и ментам, конечно надо было отстегивать». Еще один респондент на вопрос «А как же налоговая?»: «Да ну, брось ты. Что ты думаешь, в Большом доме⁶⁵³ не знают о том, как я работаю?»

⁶⁵² Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества / Ред. М.Б. Горный. СПб.: Норма, 2000. С. 18–21, 72–73.

⁶⁵³ «Большой дом» — д. № 4 по Литейному пр. Санкт-Петербурга, где до 2001 г. располагалось Главное Управление Внутренних Дел (ГУВД), а также — до настоящего времени — региональное Управление ФСБ.

Просто со всеми надо дружить ...». Надо ли говорить, что «дружба» дорогого стоит?...

Исследование региональной элиты Северо-Запада России, осуществленное группой политической социологии Санкт-Петербургского Социологического института, затрагивало и проблему коррупции. Результаты этого эмпирического исследования показали, в частности, что «среди представителей региональной элиты Санкт-Петербурга и Ленинградской области преобладает уверенность в широком распространении коррупции и взяточничества в России. Эта уверенность коррелирует с убеждением в нечестном происхождении больших денег в стране и выраженностью негативной оценки ситуации в России»⁶⁵⁴.

О масштабах и всевластии коррупции, помимо бесчисленных фактов, свидетельствует формирование в России *коррупционных сетей*, хорошо изученных Фондом ИНДЕМ (руководитель — Г.А. Сатаров⁶⁵⁵). Позволю себе длинную цитату: «От единичных разрозненных сделок коррупционеры переходят к организованным и скоординированным действиям, объединяясь в преступные сообщества, образующие коррупционные сети... В последние годы наметился переход коррупции на более высокий уровень, когда именно коррупционные сети и являются основой и наиболее сильным инструментом коррупционных сделок. Деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления, ... а также по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и структурами. Эти взаимосвязи и взаимозависимости направлены на систематическое совершение коррупционных сделок, как правило, с целью личного обогащения, распределения бюджетных средств в пользу структур, входящих в коррупционную сеть, повышения прибылей, их максимизации, или получения конкурентных преимуществ финансово-кредитными и коммерческими структурами, входящими в коррупционную сеть»⁶⁵⁶. Средства, получаемые в результате экспорта нефти, газа, металлов, функционирования транспорта, связи, энергетики, лесного хозяйства, от оптовой торговли и финан-

⁶⁵⁴ Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Ред. А.В. Дука. СПб.: Алетей, 2001. С. 173.

⁶⁵⁵ См.: Сатаров Г.А. Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. М.: ИНДЕМ, 2002.

⁶⁵⁶ Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / Ред. А.Ю. Сунгуров. СПб.: Норма, 2000. С. 72.

сирования оборонных заказов и Вооруженных Сил и т.п., — распределяются по коррупционным сетям.

В состав коррупционных сетей входят: группы государственных чиновников, обеспечивающих соответствующие решения; коммерческие и финансовые структуры, реализующие получаемые выгоды, льготы, доходы; силовое прикрытие («крыша») со стороны представителей органов МВД, ФСБ, прокуратуры, налоговой полиции и иных «силовиков». «Руководителями коррупционных сетей часто являются самые высокопоставленные российские чиновники и политики»⁶⁵⁷.

И еще одна цитата: «Крупнейшая коррупционная сеть сформировалась в системе силовых органов, включая ФСБ, МВД и Государственный таможенный комитет. Это, по-видимому, и наиболее развитая коррупционная сеть... На высшем уровне разрабатываются схемы проведения крупных операций, для чего проводятся совместные совещания, причем как полулегальные, так и нелегальные... Все российские министерства и ведомости поражены коррупцией. Крупнейшие коррупционные сети выстроены вокруг Министерства финансов РФ, Министерства экономики РФ, Мингосимущества РФ... Очень сильно коррумпированы суды, в которых можно за взятку получить любое желательное решение или не допустить нежелательного решения. В судах всех уровней, уголовных и общей юрисдикции, действуют стандартные и всем известные расценки на выполнение тех или иных действий (некоторые из этих расценок приводились выше — авт.). Особенно коррумпированы арбитражные суды, в которые по этой причине предприниматели предпочитают не обращаться вообще... Коррупционные сети выстраиваются в России вокруг частной зарубежной финансовой и материальной помощи, строительства и реконструкции зданий и сооружений... Сети выстроены вокруг всех российских естественных монополий, таких как РАО ЕЭС и Министерство путей сообщения»⁶⁵⁸.

Коррупция, с нашей точки зрения, является в современной России проблемой № 1. *В условиях тотальной коррумпированности всех ветвей власти на всех уровнях принципиально невозможно решить ни одной социальной, экономической, политической проблемы. Ибо все сводится к вопросу: кому и сколько надо заплатить?*

Официальные статистические сведения о зарегистрированных случаях взяточничества представлены в табл. 10.3. Относительный

⁶⁵⁷ Там же. С. 72.

⁶⁵⁸ Там же. С. 76–78.

рост регистрируемых преступлений с 1992 г. не дает представлений об истинных масштабах взяточничества как разновидности коррупционной деятельности. Кроме того, даже из минимума зарегистрированных деяний выявляется лишь половина виновных лиц, а реально осуждается половина выявленных. За последние годы имеются сведения о количестве преступлений *коррупционной направленности* (что превышает число собственно взяточничества): 2014 г. — 30 113, 2015 г. — 30 143, 2016 г. — 27 050.

Некоторые *социально-демографические* характеристики лиц, виновных в получении и даче взяток, представлены в табл. 10.4. Надо полагать, что рабочие, лица без постоянного источника дохода (доля которых постоянно возрастает!), а также учащиеся — *взятодатели*, и тогда доля *взятополучателей* — становится, как ни странно, все меньше...

В интересной статье В. Лунеева⁶⁵⁹ анализируется, в частности, *география* коррупционной преступности (взяточничество, присвоения и растраты). Но приводимые данные лишней раз свидетельствуют о высокой латентности и «избирательности» учета. Достаточно сказать, что самые низкие коэффициенты коррупционной преступности... в Москве — 11,8 и Санкт-Петербурге — 11,2, тогда как в республике Коми — 78,7, в Костромской области — 70,9, в Курской области — 68,1.

Каковы причины массовой коррупции в России? Я думаю, основными из них являются:

- давняя российская традиция; не случайно, массовая коррупционная практика породила поговорки типа «Не подмажешь, не поедешь», «Сухая ложка рот дерет», «Ты — мне, я — тебе», «Руки для того, чтобы брать» и т.п.;
- бывшая советская коррумпированная «номенклатура» в значительной степени сохранила или восстановила свои позиции в «новой» системе власти;
- номенклатурная приватизация послужила экономической основой коррупции;
- организованная преступность успешно использует взятки, подкуп, обеспечивая свою безопасность;
- со времен СССР коррумпированными оказались и высшие эшелоны власти; ясно, что среднее и низшее звенья чиновничества «с чистой совестью» следуют их примеру (как гласит русская поговорка, «рыба гниет с головы»).

⁶⁵⁹ Лунеев В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997–1999) // Государство и право. 2000. № 11. С. 23–34.

Таблица 10.3

**Количество и уровень зарегистрированного взяточничества
выявленных и осужденных лиц в России (1986–2013)**

Год	Зарегистрированные преступления	Уровень (на 100000 населения в возрасте от 16 лет)	Выявлено лиц	Осуждено
1986	6562	5,9	*	*
1987	4155	3,8	2836	2008
1988	2462	2,2	1994	812
1989	2195	2,0	1306	451
1990	2691	2,4	1510	649
1991	2534	2,3	1266	612
1992	3331	2,9	1537	686
1993	4497	3,9	2279	843
1994	4921	4,3	2727	1114
1995	4889	4,3	2342	1071
1996	5453	4,8	2692	1243
1997	5608	4,9	2320	1381
1998	5804	5,0	2803	1314
1999	6871	5,9	2921	1515
2000	7047	6,0	3481	1529
2001	7909	6,8	3696	2084
2002	7311	6,2	3796	2035
2003	7346	6,3	3039	2232
2004	8928	7,5	4609	2930
2005	9821	8,2	5109	3609
2006	11063	9,3	5619	4229
2007	11616	9,7	6046	4869
2008	*	*	*	*
2009	13141	11,0	6834	5458
2010	12012	10,1	6145	5392
2011	10952	9,2	5714	4666
2012	9758	8,2	4358	3598
2013	11521	9,7	6624	4934

* Нет сведений

Социально-демографическая структура лиц, обвиняемых во взяточничестве, в % (1987–2013)

Таблица 10.4

	1987	1988	1991	1993	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2011	2013
Пол:																				
– мужской	58,7	59,7	66,3	75,2	77,5	77,4	73,7	75,4	70,1	74,1	73,4	74,0	74,7	77,2	77,8	78,3	79,5	82,7	83,5	85,5
– женский	41,3	40,3	33,7	24,8	22,5	22,6	26,3	24,6	29,9	25,9	26,6	26,0	25,3	22,8	22,2	21,7	20,5	17,3	16,5	14,5
Возраст:																				
– 16–17*	0,3	0,1	0,2	0,3	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
– 18–29	17,8	20,5	19,6	27,2	29,8	28,8	27,1	26,4	9,0	26,9	26,2	26,6	26,0	26,4	26,3	26,6	26,6	27,2	26,6	26,9
– 30 и старше	81,9	79,4	80,2	72,2	70,2	71,2	72,9	73,4	91,0	73,1	72,9	72,9	73,9	73,4	73,3	73,3	72,8	72,4	72,9	73,1
Социальный статус:																				
– рабочие	33,2	37,7	34,0	16,4	19,3	21,3	13,7	15,0	13,2	14,1	16,8	19,3	20,9	20,3	20,9	21,5	23,0	25,3	21,1	20,7
– служащие	58,3	51,2	53,9	43,9	50,9	48,8	46,3	48,6	50,7	46,8	43,2	41,5	39,8	39,4	36,9	35,9	34,6	36,7	39,0	36,4
– работники с/х	1,7	1,8	0,6	1,5	0,2	0,3	0,6	0,5	0,5	0,4	0,6	0,6	0,5	0,5	0,3	0,4	0,4	0,3	0,7	0,7
– студенты	0,7	0,6	0,7	2,2	0,5	0,6	1,7	0,8	1,3	2,7	4,0	4,2	2,0	3,6	2,5	3,1	2,5	2,6	1,6	2,7
– без постоянного источника доходов	1,7	3,1	3,9	6,8	12,6	13,1	14,2	12,9	9,9	13,9	15,1	14,0	15,7	19,1	21,8	22,2	21,6	25,3	28,8	30,5

* С 1995 г. не учитывается в связи с незначительными показателями.

Возможно ли противодействие коррупции, включая коррупционную преступность, ограничение ее масштабов? Очевидно — да. Но для этого нужны понимание социальной сущности коррупции, избавление от иллюзий относительно «искоренения», да еще уголовно-правовыми средствами. К числу иных можно отнести: максимальное ограничение полномочия чиновников, сведение их функций к формально-регистрационным; максимальное ограничение прав бюрократии по «регулированию» экономики, образования, здравоохранения, науки, культуры и т.п.; резкое сокращение бюрократического аппарата на всех уровнях; усиление независимости бизнеса и личности; обеспечение реальной независимости и престижа суда (судей); формирование гражданского общества, обеспечивающего контроль за деятельностью чиновников; существенное повышение оплаты труда чиновников (госслужащих) при одновременном повышении их ответственности; обеспечение «прозрачности» их деятельности; наличие реальной (а не демонстративно показной) политической воли по сокращению коррупции; и др. Наконец, имплементация ст. 20 («Незаконное обогащение») Конвенции ООН против коррупции, предполагающей возможность конфискации имущества чиновников, в случае когда *значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышает его законные доходы, которые оно не может разумным образом обосновать* (принцип *in rem*).

Эволюция коррупции и антикоррупционной деятельности в США, ее низкая эффективность и принципиальная невозможность полностью избавиться от коррупции основательно изложены в книге американских авторов. Один из заключительных пассажей книги: «Коррупция и контроль над ней всегда будут с нами»⁶⁶⁰.

Г. Политическая преступность

Это сложное для научного, в том числе, криминологического, исследования явление, поскольку речь идет не только об анализе действующего законодательства о государственных преступлениях (гл. 29 УК РФ), о преступлениях против мира и безопасности человечества (гл. 34 УК) и соответствующей правоприменительной практике, но и о преступлениях, которые не признаются таковыми самими режимами⁶⁶¹.

⁶⁶⁰ Anechiarico F, Jacobs J. The Pursuit of Absolute Integrity: How Corruption Control Makes Government Ineffective. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1996, p. 208.

⁶⁶¹ Дьяков С.В. Государственные преступления (против снов конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М.: Нор-

Большинство исследователей политической преступности различают преступления *населения против государства* и преступление самой *власти по отношению к народу*⁶⁶². С одной стороны, «совокупность уголовно-наказуемых деяний, избираемых в качестве средств достижения целей политического характера»⁶⁶³. С другой стороны, «некриминализованный преступность властей против своего народа»⁶⁶⁴.

Более того, преследование политической преступности в первом (уголовно-правовом) смысле слова само может быть преступным — как борьба преступного режима против политических оппонентов — реальных или же мнимых (вспомним практику гитлеровского и сталинского режимов). Поэтому, в частности, было бы неверно обращаться к анализу текущей практики. Обычно лишь *post factum* реформированное государство или международные органы в состоянии дать более или менее объективную, более или менее непредвзятую оценку действий режима и его оппонентов (например, Нюрнбергский процесс над немецко-фашистскими преступниками, в случае с Пиночетом, Полпотом и др.).

И борьба индивидов против государства (режима), и борьба режима (монархического, фашистского, советского) против оппозиции могут рассматриваться как «политическая преступность»: в первом случае, с точки зрения действующего уголовного права (*de lege lata*), во втором случае — с позиции мирового сообщества, общечеловеческой нравственности, международных правовых актов.

Каждый раз возникает проблема «точки отсчета». Если руководство гитлеровской Германии было признано преступным в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала, то аналогичная практика сталинского режима осталась без юридической оценки. Только

ма, 1999; Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000; Он же. Основы политической криминологии. В: Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 80–116; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Лунеев В.В. (2005) Указ. соч. С. 345–396, 661–704; Шнайдер Г.И. Криминология. М.: Универс, 1994. С. 433–448.

⁶⁶² Шестаков Д.А. Криминология, 2006. С. 375–401; Щедрин Н.В., Кылина О.М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск: КГУ, 2006; White R., Nabibis D. Crime and Society. Ibid. Pp. 162–184.

⁶⁶³ Горшенков Г.Н. Политическая преступность // Криминология: Словарь. СПб.: Лань, 1999. С. 125.

⁶⁶⁴ Лунеев В.В. (1997). Указ. соч. С. 168.

в наступившем XXI столетии мировое сообщество и национальные правительства и суды возвращаются к правовой оценке преступлений диктаторов прошлого века: Пиночета в Чили, Фухимори в Перу, Полпота в Камбодже⁶⁶⁵.

Исследование власти как объекта и субъекта преступных посягательств позволяет утверждать: «Власть обладает всеми признаками, позволяющими считать ее объектом особой охраны и источником повышенной опасности... Власть, которая игнорирует импульсы и потребности общества, которая переключилась на самообслуживание, которая дает неверные управленческие сигналы и ориентиры, — это источник повышенной опасности»⁶⁶⁶.

Среди преступлений *против государства* наибольшую опасность в современном мире представляет *терроризм*. Его уголовно-правовая характеристика представлена, например, в работах В. Емельянова, С. Дикаева, В. Комиссарова, Г. Овчинниковой⁶⁶⁷. Криминологический анализ был представлен выше (гл. 7, § 4).

О *преступлениях государств* (режимов) против собственных и чужих народов имеется необозримая литература. Конечно, наиболее одиозными примерами XX столетия служат фашистские Германия, Испания и Италия, советское государство, режим Полпота. Но сколько еще было режимов «хунт», «черных полковников», «военщины»... Все они в большей или меньшей степени исследовались и описывались политологами, историками, журналистами. Неизмеримо беднее их криминологический анализ. Это неудивительно в силу некриминализованности их деяний в национальных уголовных законах. Но даже при наличии формальных уголовно-правовых запретов, последние не реализуются, ибо правоприменительная практика полностью подчинена власти в тоталитарных государствах.

В соответствии с российским законодательством, к политическим преступлениям относятся различные проявления экстре-

⁶⁶⁵ Обзор см.: Ворожейкина Т. Картина мира. Без срока давности // The New Times. 2007. № 42 (2007. 3 декабря). С. 42–47.

⁶⁶⁶ Щедрин Н.В., Кылина О.М. Указ. соч. С. 40.

⁶⁶⁷ Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006; Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997; Овчинникова Г.В. Терроризм. СПб.: Юридический институт Ген. прокуратуры РФ, 1998.

мизма (ст. 282¹, 282², 283³ УК РФ). Однако, понятие «экстремизм» крайне неопределенное, позволяет безграничное расширение в «интересах» власти. Неудивительно, что состав «экстремизм» отсутствует в уголовном законодательстве всех других стран («Состав преступления с таким названием в зарубежных уголовных кодексах отсутствует»⁶⁶⁸).

⁶⁶⁸ Мартышева О.М., Мартышева Е.М. Сущность преступлений экстремистской направленности и особенности регулирования ответственности за преступления экстремистской направленности в зарубежном уголовном праве. В: Современный экстремизм: характеристика и противодействие: сборник материалов научно-практических конференций / Ред. М.П. Клейменов, М.С. Фокин. Омск: ОГУ, 2009. С. 83.

Глава XI. Профессиональная преступность

Как всякое устроенное общество, мир мошенников имеет свой приход и расход, свой актив и пассив, одним словом, свой бюджет.

Л. Моро-Кристоф

Выделение профессиональной преступности в качестве относительно самостоятельного вида произошло давно — зафиксировано в 1897 г. на Гейдельбергском съезде международного союза криминалистов. В России был хорошо известен профессиональный вор Ванька-Каин, промышлявший в середине XVIII в. Вместе с тем, это один из наименее изученных видов преступности⁶⁶⁹. Объяснений тому несколько.

Во-первых, исторически менялось само понимание профессиональной преступности. Если вначале речь шла в основном о криминальных обитателях «дна», в частности, парижского (начальник парижской тайной полиции В. Видок, отмеченный А.С. Пушкиным в одной из эпиграмм, еще в XVIII в. выделял профессиональных воров и мошенников, отмечая их ловкость и умение), то позднее под профессиональной преступностью стали понимать любые, в том числе «элитарные», виды криминального извлечения доходов, отличающиеся постоянством, специализацией, вхождением в субкультуру и т.п.

Во-вторых, деятельность профессиональных преступников многообразна, многолика и, очевидно, не поддается исчерпывающему перечню и описанию.

В-третьих, профессиональная преступность в значительной степени пересекается и с организованной, и с «беловоротничковой», и с рецидивной, так что трудно, а то и невозможно, определить ее четкие

⁶⁶⁹ Подробнее см.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: история и современность. М., 1990; Малинин В.Б. Профессиональная преступная деятельность. В: Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 428–475; Хохряков Г.Ф. Криминология. М., 1999. С. 283–294.

границы, в том числе — уголовно-правовые. Не удивительно, что она не выделяется и уголовной статистикой, а потому не поддается статистическому анализу. Не помогают и обычные методы эмпирических исследований: при виктимологических опросах потерпевшие как правило не знают, чьей жертвой они оказались, а опросы типа *self report* («самоотчет») бессильны, ибо профессиональные преступники вряд ли попадут в выборку, а если попадут — навряд ли «расколются»...

Одно из определений профессиональной преступности — «относительно самостоятельный вид преступности, включающий совокупность преступлений, совершаемых преступниками-профессионалами с целью извлечения основного или дополнительного источника доходов»⁶⁷⁰. С этим можно согласиться. Но относятся ли к преступникам-профессионалам врачи, экономисты, финансисты, юристы и прочие специалисты, использующие свои профессиональные знания в преступной деятельности для извлечения доходов? Если в широком смысле слова к профессиональной преступности можно отнести совершаемые ими преступления систематически и с использованием профессиональных знаний, то в узком смысле слова речь очевидно должна идти о «*преступных профессиях*» — вора, мошенника, фальшивомонетчика и т.п. По существу на этих позициях стоят и авторы только что цитируемого учебника, говоря о «криминальном роде занятий».

Можно назвать несколько признаков, характеризующих профессиональную преступность:

- наличие у субъекта *криминальной профессии* (вор, мошенник) и *специализации* (вор-карманник, мошенник-кукольник);
- преступная деятельность носит *устойчивый*, постоянный характер и служит *основным* или *существенным* дополнительным источником доходов;
- субъекты профессиональной преступной деятельности как правило объединяются «по профессии» и/или «специализации» в сообщества, образуя криминальную субкультуру. Правда, бывают и профессионалы-одиночки (например, «медвежатники» — взломщики сейфов, вору «тихуши», карточные шулеры — «паковщики»). Некоторые же специальности предполагают «работу» группой (карманные вору, квартирные вору, «ломщики» валюты, большинство видов мошеннической деятельности — с «зазывалами», «подсадными утками», «случайными» прохожими и т.п.);

⁶⁷⁰ Криминология / Ред. В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. М.: Юрист, 1997. С. 237–238.

- наличие «профессиональной» этики (норм, «понятий») и жаргона. Если «блатная музыка», «феня» вообще распространены в преступном и тюремном (что не одно и то же, в тюрьме находится и большое количество непрофессионалов) мире, то для криминальных «профи» жаргон инструментален, служит для быстрого и недоступного «лохам» — нам с Вами, читатель! — обмена информацией.

Существует великое множество преступных профессий и специализаций, их перечень открыт и пополняется все новыми «умельцами». Знание о воровских и мошеннических специальностях можно получить, изучая жаргон. Так, например, В. Чалидзе приводит далеко не полный список жаргонных («блатных») наименований воровской специализации: щипач — карманный вор; банщик, майданщик — вокзальный вор; домушник, домашний шнифер — квартирный вор, медвежатник — взломщик сейфов и т.п.⁶⁷¹ Со временем жаргон меняется, часть слов устаревает, появляются новые.

Воспользуемся систематизированным перечнем основных криминальных профессий и специальностей, приводимым в учебнике криминологии, подготовленном Санкт-Петербургским университетом МВД РФ⁶⁷².

1. *Профессиональные вору*

- «медвежатники» (взломщики сейфов);
- карманники (в т.ч., по месту «работы»: «рыночники», «кроты» — действующие в метрополитене; «майданщики» — на железнодорожном транспорте, «маршрутники» — на городском транспорте, «магазинщики», «театральщики», «уличные»; по способу деятельности: «технари» — с применением технических средств для разрезания сумок, портфелей, одежды, «ширмачи» — кражи под прикрытием рук различными предметами, «рыболовы» — кражи с помощью специальных крючков, «хирурги» — кражи с помощью пинцетов, «щипачи» — кражи из сумочек с разрезанием заточенной монетой, «трясуны» — вытаскивание предметов кражи точным движением, «сумочники» — без применения технических средств); карманникам помогают «пропальщики» — принимающие похищенное, и «тырщики» — отвлекающие внимание жертвы;

⁶⁷¹ Чалидзе В. Уголовная Россия. М.: ТЕРРА, 1990. С. 97. См. также: Мильяненко Л. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992; Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М. 1998. С. 195–317.

⁶⁷² Криминология. СПб.: СПб университет МВД РФ, 1999. С. 489–502. См. также: Старков О.В. Криминальная субкультура. Спецкурс. М.: Wolters Kluwer, 2010.

- «домушники» со специализацией «фомичи» (квартирные кражи с помощью инструмента — «фомки», «метелки»), «ключники» (путем подбора ключей), «взломщики» (путем взлома дверей, дверных коробок), «форточники», «балконщики», «дубило» (в открытую дверь, окно), «обходчики» (под видом техников, электриков, работников жилищных органов и т.п.); им помогают «наводчики»;
- «магазинщики» — многочисленные специализации по кражам из магазинов;
- «угонщики» автомобилей с разделением труда (угонщики, сбытчики, перегонщики и др.);
- «ключвенники» — похитители антиквариата — как одиночки, так и с разделением труда (похитители, скупщики — «купцы», эксперты — «комиссионеры», посредники, в т.ч. международные).

Кроме того, среди воров известны «товарники» — занимающиеся хищениями из товарных вагонов, «малинщики» — с помощью спаивания жертв или с использованием снотворного, «собачники» и «кошатники» — хищение животных ценных пород, «капорщики» — похитители шапок и многие другие.

2. Мошенники

- карточные шулеры, в т.ч.: «катральщики» — высшая каста, работающая в казино и других заведениях («катранах»); «гусары» — обыгрывающие граждан в общественных местах, подразделяются на «гонщиков», играющих в транспорте, «майданщиков» — в поездах и «пляжников» — на пляжах; «паковщики» — обычно одиночки;
- «наперсточники» — хорошо известная игра на улицах, работают группой, включая «пристяжного» — заманивающего «лохов» в игру, «вертящего» — ловкача, крутящего шарик, «пассажира» — якобы случайного постороннего, а также бовиков, стоящих «на стреме»;
- «кукольники» — древняя профессия, заключающаяся в подмене реальных вещей и денег их «куклами», раньше преобладали вещевые «куклы», в настоящее время — денежные (и тогда мошенники именуются «ломщиками», их легко наблюдать около каждого обменного пункта валюты — «ломают валюту»);
- «продавцы воздуха» — организаторы финансовых «пирамид».

Кроме того, в неисчерпаемой массе мошенников выделяют «разгонщиков» (обман при продаже автомобилей), «обменщиков» (при об-

мене квартир), «фармазонщиков» (продажа фальшивых и поддельных драгоценностей, картин, икон и т.п.), «женихов» (брачные аферисты), «стряпчих» (выдающих себя за знакомых следователя, прокурора).

С расцветом мошенничества в современной России, развитием новых, в том числе легальных форм (многочисленные «лотереи», наем на работу с минимальной оплатой или без таковой с «испытательным сроком», по истечении которого работника увольняют, и т.п.) появляются новые слова — «кидало-валютчик» (расплачивающийся фальшивой валютой), лохотром (место, где одурачивают доверчивых людей — «лохов»), лохотрон (определенная система мошеннического обмана) и др. Многочисленные примеры современного мошенничества можно найти в книге А. Константинова⁶⁷³.

Новые технологии, информационные технологии (ИТ), интернет наряду с колоссальными возможностями прогресса, открыли неисчислимые возможности для разнообразных мошеннических операций. Более того, возможно пора уже говорить о *переструктуризации* преступности, вытеснении (или ограничении) «обычных» видов преступности — как street crime, так и white-collar crime — *киберпреступностью*.

3. Фальшивомонетчики.

4. «Черные следопыты», выкапывающие и продающие оружие, амуницию, личные вещи погибших; различают «мародеров» (охотники за золотыми зубами и другими ценными вещами), «оружейников» и «санитаров» — берут все, что осталось.

5. *Профессиональные нищие*. Это тяжелая работа, с неплохим доходом, частью которого надо делиться с «контролером». В зависимости от способа попрошайничества различаются «сочинители» (с письменными обращениями), «мамахи», «погорельцы», «беженцы», «севастопольцы» (мнимые ветераны), «путешественники» (просят «на билет»), «железнодорожники» и др.

6. *Грабители* (нападающие на объекты финансовой системы, на граждан в жилищах, на владельцев автомашин).

7. Вымогатели (рэкетеры).

8. Профессиональные убийцы — *киллеры*. Заказные убийства были всегда. Однако появление профессиональных убийц, специально обученных, с определенным «подчерком», различных уровней профессионализма (и, соответственно, с различной оплатой «труда») — знамение нового времени.

⁶⁷³ Константинов А. Мошеннический Петербург. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2001.

Глава XII. Подростково-молодежная преступность

Трезвая оценка положения может привести к страшному подозрению — возможно, что дети и молодежь не имеют важного значения.

Н. Кристи

§ 1. Исходные представления

Как отмечалось в гл. 6, подростки и молодежь характеризуются повышенной криминальной активностью (если иметь в виду «обычную» преступность, *street crime*, а не «беловоротничковую»). Вместе с тем, как принято считать, они — будущее любой страны, от их привычного поведения, образа жизни, личностных качеств зависит и судьба общества, государства. Не удивительно поэтому, что подростково-молодежной преступности, преступности несовершеннолетних уделяется огромное внимание в отечественной и зарубежной литературе — криминологической, социологической, психологической, педагогической и др.

Хотя и важная роль подростков и молодежи для будущего страны, и их повышенная криминальная активность являются фактом, однако и эта рассматриваемая нами проблема не столь проста и однозначна.

Во-первых, относительно негативная оценка взрослыми поведения детей, подростков, молодежи наблюдается на протяжении всей истории человечества. «Конфликт поколений» присущ не только новой истории. Старшие поколения всегда не довольны младшими, а те отвечают взаимностью. Правда, в современном обществе постмодерна, характеризующемся, помимо прочего «ускорением времени», этот разрыв становится особенно велик и значим.

Во-вторых, подростково-молодежному возрасту закономерно присуща повышенная активность, проявляющаяся как в негативных (относительно высокая криминализация, наркотизация, сексуаль-

ные девиации), так и в позитивных (художественное, техническое, научное творчество) проявлениях девиантности. Дети, подростки, молодые люди обладают высокой энергетикой, стремлением «открыть» или сделать что-то новое, ранее неизвестное, *самоутвердиться в инновационной деятельности*. Но, повторимся, за все приходится платить. Поиск молодых приводит и к творческим достижениям, и к негативным девиациям, включая преступность. Да и гибнут дети, подростки, молодые люди чаще, чем им «положено» по возрасту (высокая виктимность).

В-третьих, взрослые, предъявляя повышенные требования к поведению подрастающего поколения, сами нередко ведут себя не лучшим образом по отношению к нему. И если мы справедливо осуждаем тяжкие преступления, совершаемые подростками, то как оценить детскую безнадзорность, заброшенность, а то и прямое насилие над детьми и подростками со стороны взрослых, включая их родителей, родственников, учителей?⁶⁷⁴ Никакие заклинания не сократят преступность и иные негативные девиации подростков и молодежи без изменения отношения к ним взрослых людей — родителей, учителей, работников правоохранительных органов, населения в целом. Не случайно специалисты утверждают: «Не бывает трудных детей, есть трудные взрослые».

Определимся с некоторыми понятиями.

Термин «*подростки*» нами используется инструментально, не очень строго и определяется возрастным интервалом 14–17 лет, исходя из того, что нижний возрастной порог уголовной ответственности в России — 14 лет, а с 18 лет наступает совершеннолетие. По другим источникам подростковый возраст ограничивается 12–16 годами⁶⁷⁵.

Не менее условно и понятие «*молодежь*». Для нас это возрастная группа 18–29 лет, что примерно соответствует как социологическим представлениям, так и возрастным показателям уголовной статистики.

⁶⁷⁴ Ефремов А.Н. Жертвы жестокости — дети. М.: Педагогика, 1985; Пудовочкин Ю.Е. Преступления против несовершеннолетних: криминологический анализ. Ростов н/Д, Ставрополь, 2004; Сибираков С.Л. Ребенок в опасности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Черная книга преступлений против детей в Санкт-Петербурге: Факты, документы, комментарии. СПб.: Детский фонд им. Ф.М. Достоевского, 1994.

⁶⁷⁵ Гвишиани Д.М., Лапин Н.И. (ред.) Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1989. С. 231.

Переходя к генезису подростково-молодежной преступности, заметим, прежде всего, что она подчиняется общим закономерностям. Нет каких-то особых, специфических «причин» преступности подростков и молодежи. Но социально-экономическое неравенство, неравенство возможностей, доступных людям, принадлежащим к различным группам (стратам), своеобразно проявляется применительно к подросткам и молодежи.

Во-первых, во всех обществах понятия «старший» и «младший» означают не только возрастные, но и статусные различия. «Понятие «старшинства» имеет не только описательное, но и ценностное, социально-статусное значение, обозначая некоторое неравенство или, по меньшей мере, асимметрию прав и обязанностей. Во всех языках понятие «младший» указывает не только на возраст, но и на зависимый, подчиненный статус»⁶⁷⁶. Различия возрастные оборачиваются социальным неравенством. Это, судя по высказыванию Н. Кристи, взятому в качестве эпиграфа к этой главе, характерно для всех стран. И в российском обществе дети, подростки, молодежь страдают не только от непонятости, заброшенности, репрессивных мер «воспитания», но и от неравенства положения, неравенства шансов — по сравнению со взрослыми — получить жилье, работу, вознаграждение за нее, защитить свои интересы. Подростки отличаются не только повышенной девиантностью, но и повышенной *виктимностью* (способностью стать жертвой). Так, только в 1998 г. в России были выявлены 103 360 несовершеннолетних, потерпевших от преступных на них посягательств. В результате погибли 3670 подростков, тяжкий вред здоровью причинен 6626 несовершеннолетним. 19 586 подростков были вовлечены взрослыми в совершение преступлений, зарегистрировано 44 164 факта доведения до алкогольного опьянения, 1653 случая развратных действий, 349 фактов полового сношения и иных действий сексуального характера с детьми⁶⁷⁷. По данным уголовной статистики, за период 1997–2003 гг. ежегодно число зарегистрированных преступлений против несовершеннолетних колебалось от 48 до 69 тыс. чел.⁶⁷⁸. И это — при очень высокой латентности таких деяний по отношению к подросткам.

⁶⁷⁶ Кон И. Ребенок и общество: (историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988. С. 85.

⁶⁷⁷ Забрянский Г.И., Емельянова Л.В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году: Аналитический обзор. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 45–46.

⁶⁷⁸ Пудовочкин Ю.Е. Преступления против несовершеннолетних. Указ. соч. С. 39.

Во-вторых, противоречия между наличными (и постоянно растущими) потребностями людей и неравными возможностями их удовлетворения приобретают особенно острый характер применительно к подросткам и молодежи. Бурное развитие их физических, интеллектуальных, эмоциональных сил, желание самоутвердиться в мире взрослых вступает в противоречие с недостаточной социальной зрелостью, отсутствием профессионального и жизненного опыта, невысокой квалификацией (или отсутствием таковой), а, следовательно, и невысоким (неопределенным, маргинальным) статусом. Многочисленными социологическими исследованиями выявлена неудовлетворенность подростков и молодежи условиями обучения и труда, жилищными условиями, возможностями проявить себя в творческой деятельности. Эта неудовлетворенность объясняется объективными обстоятельствами, а не «капризами» молодых.

В-третьих, применительно к подросткам остро стоит проблема «канализирования» энергии, социальной активности в общественно одобряемом или хотя бы допустимом направлении, ибо молодость особенно нуждается в социальном признании, самоутверждении опять же при недостаточных возможностях. Неудовлетворенная потребность в *самоутверждении* приводит к попыткам реализовать себя не только в творчестве (что достаточно сложно), но и в негативных формах активности («комплекс Герострата») — насилия, преступлениях (что «проще») или же приводит к ретретизму («уходу» — в алкоголь, наркотики, из жизни). Может быть раньше других это осознали писатели. «Агрессивность молодежи является своеобразной формой самозащиты», пишет Т. Хови⁶⁷⁹. «Преступления, хулиганство — все эти явления, в которых находит себе выход нерастратенная энергия молодежи», вторит ей Дж. Уэйн⁶⁸⁰. А известный петербургский писатель Д. Гранин, познакомившись еще в советские времена в Англии с миром зажиточных, благополучных и законопослушных обывателей, восклицает: «И, представив себе такую жизнь, я ощутил желание взбунтоваться... Как угодно, но я другой, я отдельно! Нацепить на себя дурацкий колпак с бубенчиками, повесить на шею череп, дохлую кошку!»⁶⁸¹.

⁶⁷⁹ Хови Т. Стремление маленькой мошки // Иностранная литература. 1968. № 7. С. 184.

⁶⁸⁰ Уэйн Дж. Зимой в горах // Иностранная литература. 1972. № 5. С. 235.

⁶⁸¹ Гранин Д. Примечание к путеводителю. Л.: Лениздат, 1967. С. 235.

Фундаментальное противоречие между потребностями и возможностями, названное выше, может быть конкретизировано применительно к несовершеннолетним в современном российском обществе, как, например, это делает Г. Забрянский⁶⁸²:

- противоречие между целями, к которым общество призывает стремиться подростков, и теми легальными возможностями, которые оно им предоставляет для их достижения;
- противоречие между расширением возможностей выбора в различных сферах жизнедеятельности и сужением легальных средств реализации этих возможностей;
- противоречие между расширением потребностей в квалифицированном, престижном и высокооплачиваемом труде и ограниченными возможностями их удовлетворения;
- противоречие между стремлением к богатству и ощущением невозможности его достижения легальными способами;
- противоречие между необходимостью усиления социальной и правовой защиты несовершеннолетних и ограниченными материальными возможностями общества.

Названные (и неназванные) противоречия обостряются в современной России, когда для большинства подростков резко сократились *реальные* возможности поступления в престижные школы, вузы, получения интересной работы, самоутверждения в самостоятельном творчестве. И опять это чутко улавливают представители творческих профессий. Режиссер В. Ахатов пишет: «Пришло поколение, у которого как будто нет будущего. Все уже распределено. И дальше у детей будет то же, что уже есть у родителей. Но огромное количество молодых людей — без перспективы жизни, возможности чего-то достичь, к чему-то приложить силы. Их много... Это страшноватое явление»⁶⁸³.

Будучи непонятыми взрослыми, подростки объединяются в группы, образуют подростковую *субкультуру* со своими ценностями, нормами, интересами, языком (сленгом), символами, которая далеко не всегда отличается законопослушностью.

Если под *культурой* понимать специфически человеческий *способ жизнедеятельности*, обеспечивающий социальное наследование, а под *образом жизни* — относительно устойчивые, типичные

⁶⁸² Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997. С. 77. См. также: Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних. М.: «Граница», 2013.

⁶⁸³ Новая газета. 2007. 20–23 декабря. С. 18.

для конкретного общества (группы, класса) формы жизнедеятельности, то сообщества с преобладанием ценностей, норм, образцов поведения, отличных от господствующих в обществе («общепринятых») образуют *ценностно-нормативные субкультуры* (богемную, наркотическую, религиозно-культурную, криминальную и др.).

Субкультура формируется в результате интеграции людей, чьи взгляды, деятельность и образ жизни противостоят (не соответствующую) господствующим в обществе или провозглашаемым и принимаемым им, а потому им отвергаются (порицаются, преследуются). *Социально-экономические* предпосылки образования субкультур — социальная неоднородность, неравенство, несправедливость, «социальная неустроенность» индивидов⁶⁸⁴. *Социально-психологические* факторы формирования субкультурных сообществ — потребность людей в объединении, психологическая защита, потребность быть «понятым», самоутверждение среди себе подобных. «Вообще они бегут не «куда», а «откуда». От нас они бегут, из нашего мира они бегут в свой мир... Мир этот не похож на наш и не может быть похож, потому что создается вопреки нашему, наоборот от нашего и в укор нашему. Мы этот их мир ненавидим и во всем виним, а винить-то надо нам самих себя»⁶⁸⁵.

Субкультурные сообщества тем более сплочены и отличны от господствующей культуры, чем более жестко и категорически ею отвергаются. Поэтому, например, группа наркоманов интегрирована больше, чем компания алкоголиков, но меньше, чем криминальная или тюремная субкультуры.

Подростковая субкультура и делинквентная или криминальная подростковая субкультуры не одно и то же. Так, например, подростковой субкультуре в целом могут быть присущи некоторые общие языковые особенности, относительно негативное или настороженное отношение ко взрослым, предпочитаемые виды досуговой деятельности (дискотеки, «тусовки» и др.), одежды, даже питания и напитков (автор хорошо помнит, как в его школьные годы сверстниками предпочитались крепленые вина, а в студенческие годы — исключительно «сухое» вино, даже если оно не нравилось по вкусу).

⁶⁸⁴ Под «социальной неустроенностью» нами понимается несоответствие между личностными свойствами, характеристиками индивида и требованиями занимаемой им социальной позиции (мещанин во дворянстве, дурак в министерском кресле, талант на должности истопника или сторожа...).

⁶⁸⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или сорок лет спустя // Юность. 1988. № 6. С. 31.

Делинквентная (или девиантная) субкультуры неоднородны. Так, Р. Клаурд и Л. Оулин различают ретретистскую (чаще всего — наркотическую), конфликтную и преступную субкультуры⁶⁸⁶. Г. Забрянский, на основе отечественного опыта, предлагает сложную классификацию подростковых групп⁶⁸⁷. По критерию «отношение группы к обществу» различаются группы позитивно направленные, нейтральные и негативные направленные («асоциальные»). Ясно, что криминологию интересуют асоциальные группы. Они различаются прежде всего по содержанию «асоциальной» деятельности: нарушающие моральные нормы; нарушающие правовые нормы, кроме уголовных; предкриминальные и совершающие преступления (криминальные или преступные). Критериями вторичной классификации служат место формирования (город или деревня, определенные районы города и т.п.) и степень открытости групп (открытые, полузакрытые, закрытые).

Конкретные условия, стадии, местные особенности формирования (от Чикаго 30-х годов до «Казанского феномена» 80-х годов минувшего столетия) и деятельности подростковых криминальных групп были предметом многочисленных исследований отечественных и зарубежных авторов⁶⁸⁸.

Определенное значение в генезисе подростковой преступности имеют и биологические факторы. Так, в период полового созревания (от 11–13 лет до 15–17 лет) «у подростков сразу появляется сильное стремление к самостоятельности, ... проявляются негативизм и упрямство. Подросток чувствует неуклонную тенденцию суверенной самостоятельности и беспощадного отрицания всего до сих пор существовавшего»⁶⁸⁹. Ясно, что это может способствовать совершению девиантных поступков.

Вообще же перечень факторов, влияющих на девиантность подростков, бесконечен и открыт для дополнений.

⁶⁸⁶ Клаурд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 334–354.

⁶⁸⁷ Забрянский Г. Социология преступности несовершеннолетних. Указ. соч. С. 119–143.

⁶⁸⁸ Салагаев А.Л., Максудов Р.Р. Подросток в городе: проблемы социализации. Казань: КГУ, 1988; Салагаев А.Л. Молодежные субкультуры. Казань: КГУ, 1997; Яблонский Л. Шайка делинквентов как промежуточная группа. В: Социология преступности. Указ. соч. С. 355–366; Thrasher F. The Gang. Chicago: University Press, 1936; White W. Street Corner Society. Chicago: University Press, 1943.

⁶⁸⁹ Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. С. 423–424.

Из сказанного следует, что проблема подростково-молодежной преступности (вообще девиантности) коренится в социально-экономических условиях бытия, что она не может «решаться» не только уголовно-правовыми мерами, но и запретительно-репрессивными методами родительского или школьного «воспитания».

§ 2. Криминологический анализ преступности несовершеннолетних

Хотя в преступности подростков и молодежи есть много общего, однако существуют и различия. Поэтому мы воспользуемся традиционным для отечественной криминологии раздельным их анализом.

Имеется обширная литература о преступности несовершеннолетних (14–17 лет) в России и ее регионах⁶⁹⁰.

Наиболее общие сведения о преступности несовершеннолетних представлены в табл. 12.1. Как явствует из приведенных данных, количество зарегистрированных в России преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием выросло с 1987 г. (наиболее «благополучного» за последние 15 лет) по 1998 г. в 1,6 раза (по 1999 г. — в 1,8 раза), уровень этих преступлений вырос в 1,3 раза, тогда как доля в общем количестве преступлений сократилась в 1,8 раза (по 1999 г. — в 2,1 раза). Последнее обстоятельство объясняется тем, что *темпы роста преступности несовершеннолетних были существенно ниже темпов роста всей преступности* (с 1987 по 1999 гг. количество и уровень всех преступлений выросли в 2,5 раза).

С 1993–1994 гг. наблюдается последовательное устойчивое сокращение объема (в 4,5 раза), уровня преступности несовершеннолетних (более, чем в 2 раза) и их доли в общей преступности (в 3,5 раза). Более подробный анализ преступности несовершеннолетних дается в вышеназванных трудах Г.И. Забрянского.

⁶⁹⁰ Забрянский Г.И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних. Краснодар: Кубанский ун-т, 1979; Забрянский Г.И. (1997) Указ. соч.; Забрянский Г.И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности: (статистико-криминологическое исследование); Забрянский Г.И. (2013) Указ. соч. М.: Рудомино, 2000; Комарницкий А.В. Проблемы преступности несовершеннолетних: история и современность. СПб.: Юридический институт, 2007; Минина С.П. Преступность несовершеннолетних. СПб.: Юридический институт Ген. прокуратуры РФ, 1998; и др.

Таблица 12.1

Основные показатели преступности несовершеннолетних (1987–2016)

	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Количество зарегистрированных преступлений	116 149	133 422	159 976	162 718	173 375	199 291	225 740	221 649	209 777	202 935
Уровень (на 100 000 жителей в возрасте 14–17 лет)	1510	1691	1965	1974,0	2079,6	2404,6	2636,6	2563,1	2402,2	2295,5
Доля (%) в общей преступности	19,9	15,4	18,0	17,2	17,0	16,4	16,2	14,0	12,0	11,0
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Количество зарегистрированных преступлений	182 798	189 293	208 313	195 426	185 379	139 681	145 368	154 414	154 734	150 264
Уровень (на 100 000 жителей в возрасте 14–17 лет)	2030,2	2029,4	2183,2	2012,1	1877,5	1416,0	1488,8	1581,9	1671,8	1761,2
Доля (%) в общей преступности	10,9	10,3	9,6	8,9	9,0	9,1	9,6	9,8	9,1	8,4

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

Таблица 12.1 (продолжение)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Количество зарегистрированных преступлений	139 099	116 090	94 720	88 548	71 910	64 270	67 225	59 549	61 833	48 589
Уровень (на 100 000 жителей в возрасте 14–17 лет)	1782,2	1651	1476,5	1314,3	1231,0	1147,3	1238,3	1124,6	1284,0	*
Доля (%) в общей преступности	7,8	6,8	5,7	5,5	5,5	5,1	5,4	5,0	4,9	4,8

Характеристика отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием представлена в табл. 12.2. Как видно из приведенных данных, с 1987 по 2003 г. *возрастает* доля несовершеннолетних в совершении таких *тяжких насильственных* преступлений как умышленное убийство (в 2,7 раза) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (в 2,9 раза) при *сокращении* доли несовершеннолетних в изнасилованиях и всех преступлениях *против собственности*. За 2004–2007 и последующие годы наблюдается сокращение удельного веса несовершеннолетних по всем исследуемым преступлениям. «Вклад» несовершеннолетних во взяточничество минимален, а в преступления, связанные с наркотиками, незначителен и существенно сокращается (от 9,8% в 1989 г. до 1,9–2,1% с 2010 г.).

Более «благоприятные» тенденции преступности несовершеннолетних по сравнению со взрослой преступностью гипотетически могут объясняться относительно лучшей адаптацией несовершеннолетних к современным условиям российского бытия. Однако, во-первых, за счет чего происходит эта «адаптация»: в результате большей наркотизации? Ухода в криминальные структуры, латентность деятельности которых очень высока? Или же — в интернет? И тогда это не так уж плохо. Во-вторых, не есть ли это последствия более высокой латентности преступлений несовершеннолетних?

Общая характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления в России, представлена в табл. 12.3. Доля девушек среди несовершеннолетних преступников в России медленно растет, что соответствует общей тенденции относительного увеличения доли женщин среди всех лиц, совершивших преступления. Доля 14–15-летних среди несовершеннолетних преступников в России колеблется от 28% до 33%. Их криминальная активность разумеется ниже, чем 16–17-летних. Доля рабочих и работников сельского хозяйства среди подростков, так же как и среди всех лиц, совершивших преступления, неуклонно снижается, что легко объяснить сокращением этих категорий в населении страны. Доля же лиц, не имеющих постоянного источника доходов, выросла с 1991 по 1999 г. с 23 до 43,3% с последующим сокращением до 19,7% в 2013 г.

Постоянно высок процент групповой преступности несовершеннолетних с некоторым снижением в конце рассматриваемого периода.

Таблица 12.2

**Доля несовершеннолетних, совершивших различные преступления
в России, в общем количестве преступлений
(1987–2013)**

Год	Умышленные убийства с покушениями	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	Изнасилование (с покушениями)	Разбой	Грабеж	Кража*	Преступления, связанные с наркотиками
1987	2,9	3,3	32,6	20,5	34,4	36,9	9,6
1989	4,3	4,0	31,7	21,6	38,7	42,2	9,8
1991	4,1	3,8	25,4	19,4	33,6	30,9	9,3
1992	4,0	3,8	23,7	20,0	32,2	26,8	8,7
1993	4,8	4,8	22,5	21,7	31,4	24,0	8,0
1994	5,4	5,4	22,4	21,0	29,8	21,0	7,1
1995	5,9	5,4	20,8	19,7	28,2	19,5	7,3
1996	5,6	5,7	20,1	18,3	26,7	18,5	7,6
1997	5,7	5,7	16,0	16,5	24,3	18,1	8,6
1998	5,2	5,7	15,1	15,3	23,6	17,4	7,2
1999	5,5	6,1	14,2	14,7	21,9	16,2	5,7
2000	6,3	6,9	15,1	16,5	21,7	16,2	5,0
2001	7,5	8,4	16,6	17,2	21,2	17,4	4,2
2003	7,9	9,7	16,5	18,5	24,0	20,7	4,6
2004	7,4	9,3	16,6	18,2	23,7	19,9	4,3
2005	6,9	8,2	15,9	17,4	23,8	18,1	3,8
2006	6,5	7,5	14,4	17,1	23,3	17,8	3,5
2007	5,2	6,8	13,5	16,2	21,4	16,6	3,2
2009	4,2	4,6	11,5	11,4	16,7	12,3	2,3
2010	3,5	4,0	8,5	11,3	16,3	11,3	2,1
2011	2,9	3,1	8,2	10,7	14,9	11,4	1,9
2012	2,8	2,7	8,1	8,4	12,8	11,2	1,9
2013	2,8	2,7	8,2	8,3	12,6	12,2	2,1

* До 1989 г. — только личного имущества граждан.

** С 1995 г. не учитывается в связи с незначительным удельным весом.

Таблица 12.3

**Характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления
в России* (1991–2013)**

Год	Всего	В том числе												
		Муж.	Жен.	14–15 лет	16–17 лет	Рабочие	Работники с/х	Учащиеся	Студенты	Без постоянного источника дохода	Безработные	Совершившие преступления в группе	В сост. наркот. опьянения	В сост. наркот. возбуждения
1991	159 461	92,7	7,3	32,8	67,2	23,9	2,1	46,5	2,9	23,0		68,4	17,1	0,2
1992	188 186	93,1	6,9	31,5	68,5	20,0	1,9	43,5	2,6	30,0		68,0	17,6	0,3
1993	203 826	92,8	7,2	32,8	67,2	13,3	1,6	39,9	2,1	29,4	2,0	64,9	25,9	0,5
1994	200 954	91,9	8,1	32,4	67,6	11,8	1,1	30,6	2,3	33,3	2,3	65,0	28,4	0,4
1995	208 096	91,4	8,6	33,2	66,8	10,8	0,5	42,0	2,2	40,4	2,9	62,0	27,8	0,4
1996	192 199	91,0	9,0	32,6	67,4	8,8	0,4	44,7	2,3	41,1	2,7	60,9	26,2	0,6
1997	161 978	92,0	8,0	28,3	71,7	6,9	0,8	46,3	2,5	41,1	3,2	64,0	23,3	0,8
1998	164 787	92,2	7,8	28,4	71,6	5,5	0,6	48,6	2,7	42,9	3,2	64,3	19,6	0,8
1999	183 447	91,8	8,2	27,9	72,1	4,5	0,4	48,1	3,0	43,3	2,1	65,8	16,9	0,6
2000	177 851	91,4	8,6	27,7	72,3	5,0	0,5	47,1	3,0	32,4	2,3	64,2	16,9	0,5
2001	172 811	91,8	8,2	30,0	70,0	5,3	0,4	46,0	3,1	33,3	2,5	63,5	18,0	0,4
2002	140 392	92,1	7,9	28,6	71,4	5,2	0,3	45,9	3,5	33,5	2,4	60,9	21,5	0,3
2003	145 599	92,3	7,7	29,7	70,3	4,7	0,3	46,9	4,0	32,7	2,4	58,5	20,1	0,3
2004	151 890	92,1	7,9	30,3	69,7	3,9	0,2	47,8	4,0	32,7	2,3	56,0	16,1	0,2
2005	149 981	91,4	8,6	29,7	70,3	3,5	0,2	48,6	4,5	32,2	2,5	53,7	14,3	0,2
2006	148 595	90,7	9,3	29,7	70,3	2,9	0,1	50,6	5,1	30,5	2,2	48,7	12,3	0,2
2007	131 965	90,3	9,7	28,9	71,1	3,0	0,1	52,7	5,5	29,7	2,0	48,1	10,6	0,3
2009	85 452	89,1	10,9	27,7	72,3	1,9	0,1	63,9*		27,2	1,4	41,7	9,2	0,4
2010	72 692	89,0	11,0	29,5	70,5	1,5	0,0	69,0		22,5	1,2	40,9	10,0	0,3
2011	65 963	89,2	10,8	31,0	69,0	1,3	0,0	69,2		21,6	1,1	42,4	10,9	0,4
2012	59 461	88,7	11,3	31,1	68,9	1,3	0,0	69,1		22,2	1,0	41,4	13,9	0,5
2013	60 761	89,0	11,0	32,5	67,5	1,1	0,0	70,8		19,7	0,5	41,8	13,9	0,8

* С 2009 г. учащиеся и студенты

Подробный анализ региональных особенностей преступности несовершеннолетних представлен в упоминавшихся трудах Г. Забрянского.

Он делит регионы Российской Федерации по коэффициенту криминальной пораженности несовершеннолетних на шесть групп (классов): *низкой* криминальной пораженности (от 481,5 до 1135,4 зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения соответствующего возраста — 14–17 лет), в которую входят пять республик Северного Кавказа, Ульяновская область и Москва; *низко-средней* криминальной пораженности (от 1266,5 до 1523,1), куда входит десять регионов; *средне-низкой* пораженности (от 1577,1 до 2195,8) — 24 региона, включая Санкт-Петербург; *средне-высокой* пораженности (от 2324,7 до 3113,3) — 22 региона; *высоко-средней* пораженности (от 3075,1 до 3525,1) — 9 регионов; *высокой* криминальной пораженности несовершеннолетних (коэффициент от 3633,5 до 4584,1) — 6 регионов (Бурятия, Томская, Новосибирская, Сахалинская области, Хабаровский край, Еврейская АО). Таким образом, наблюдается разрыв между наиболее и наименее благополучными регионами в десять раз.

Далее Г. Забрянский соотносит вышеназванные группы с экономическими районами России. Экономическими районами с низкой криминальной активностью несовершеннолетних оказались Северо-авгаский (коэффициент 1104,1), Поволжский (1473,0), Центрально-черноземный (1613,0) и Центральный (1792,1). Районы со средней криминальной пораженностью — Волго-Вятский (1991,6), Северо-Западный (2467,5), Уральский (2362,3), Западно-Сибирский (2457,5) и Северный (2630,1). К экономическим районам с высокой криминальной пораженностью подростков относятся Восточно-Сибирский (2881,2) и Дальневосточный (3396,7). Надо ли говорить, что криминальная активность несовершеннолетних достаточно точно отражает социально-экономические условия существования регионов?

Интересно, что последующий анализ региональных особенностей наказания несовершеннолетних выявил несоответствие «тяжести» криминальной пораженности и «активности» уголовной юстиции в 36,8% случаев⁶⁹¹, что лишний раз наводит на размышление о неадекватности социальной реакции на преступность и ее интенсивности. Но это уже тема IV части нашей книги.

⁶⁹¹ Забрянский Г.И. (2000). Указ. соч. С. 98.

§ 3. Криминологический анализ преступности молодежи

Выше были изложены принципиальные положения, характеризующие подростково-молодежную преступность. Поэтому в этом параграфе мы остановимся лишь на некоторых ее характеристиках⁶⁹².

В целом динамика зарегистрированных в России преступлений, совершенных лицами в возрасте 18–29 лет, выглядит следующим образом (в скобках указан удельный вес в общем числе выявленных лиц всех возрастов): 1987 г. — 373 285 человек (38,5% от общего числа), 1988 г. — 336 662 (40,3), 1989 г. — 340 944 (40,2), 1990 г. — 352 122 (39,2), 1991 г. — 366 327 (38,3), 1992 г. — 438 041 (38,1), 1993 г. — 490 062 (38,8), 1994 г. — 546 128 (37,9), 1995 г. — 595 760 (37,3), 1996 г. — 611 756 (37,8), 1997 г. — 564 308 (41,1), 1998 г. — 623 568 (42,1), 1999 г. — 742 646 (43,3), 2000 г. — 754 682 (43,3), 2001 г. — 713 313 (43,4), 2002 г. — 547 291 (43,5), 2003 г. — 558 959 (45,2), 2004 г. — 549 353 (44,9), 2005 г. — 588 061 (45,3), 2006 г. — 619 423 (45,5), 2007 г. — 600 372 (45,6), 2009 г. — 539 770 (44,3), 2010 г. — 486 371 (43,8), 2011 г. — 448 226 (43,0), 2012 г. — 425 499 (42,1), 2013 г. — 414 015 (40,9). Общий рост молодежных преступлений с 1988 по 1999 г. несколько ниже, чем темпы роста всех преступлений. Но с 1997 г. наблюдается повышение доли преступлений молодежи с последующим понижением с 2009 г.

Интенсивность преступности молодежи по отдельным видам преступлений представлена в табл. 12.4.

Как явствует из приведенных данных, наиболее «молодежными» являются изнасилования (свыше 55%), разбойные нападения (свыше 61%) и преступления, связанные с наркотиками. Однако по этому виду преступлений произошло неожиданное снижение с 61–66% в конце 1990-х — начале 200-х гг. до 43–48%, начиная с 2009 г.

Для молодежи в еще большей степени, чем для несовершеннолетних, значима потребность в самореализации, самоутверждении, карьерном росте, финансовом благополучии. При крайней ограниченности легальной «вертикальной мобильности», молодые люди нередко вынуждены искать нелегальные пути и средства удовлетворения вышеназванных социальных потребностей.

⁶⁹² Подробный анализ см.: Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М.: Юрист, 2006; Крутер М.С. Особенности детерминации преступного поведения молодежи. М., 2002.

Таблица 12.4

Удельный вес преступлений молодежи в общем числе преступности в России (1987-2013), %

	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Убийства (с покушениями)	36,1	36,4	35,0	34,1	33,3	32,2	31,9	33,2	33,5	35,2
Тяжкий вред здоровью	36,5	36,2	35,8	32,7	31,1	29,2	29,9	30,6	32,0	32,2
Изнасилование (с покушениями)	53,6	52,4	53,3	53,0	55,4	55,2	55,8	56,0	55,8	55,3
Разбой	57,9	56,4	54,6	55,8	55,6	56,4	58,9	57,8	58,2	59,9
Грабёж	47,9	44,3	45,0	45,3	43,8	44,7	46,2	47,1	47,3	48,8
Кража*	41,8	40,0	37,7	36,6	36,3	36,7	36,5	36,0	36,1	37,7
Расстраты, присвоения	22,6	22,9	23,6	22,9	21,7	21,4	21,7	19,4	20,9	21,0
Взяточничество	17,8	19,3	20,5	25,4	19,6	28,6	27,2	30,7	29,8	28,8
Преступления, связанные с наркотиками	64,2	59,9	59,1	58,1	58,8	62,5	61,3	61,4	59,8	60,6

* До 1989 г. — только кражи личного имущества граждан
 Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М., 1992.

Таблица 12.4 (продолжение)

	1997	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2010	2011	2012	2013
Убийства (с покушениями)	35,3	36,6	39,3	40,8	42,3	42,6	42,1	41,2	41,4	41,0	39,5	39,5	37,8	36,9	35,9
Тяжкий вред здоровью	33,5	34,8	35,7	37,9	39,4	41,7	43,3	43,7	44,2	43,4	41,6	40,4	40,4	38,4	37,8
Изнасилование (с покушениями)	56,8	57,3	56,6	57,4	56,9	57,8	58,9	58,0	58,8	59,7	58,6	59,0	58,3	56,1	53,7
Разбой	61,1	62,7	63,9	63,1	63,2	63,4	64,1	63,7	63,2	63,5	63,6	63,1	61,4	62,7	60,9
Грабёж	50,8	57,7	53,9	55,5	57,2	57,5	59,0	58,7	58,9	59,2	59,5	58,4	57,5	56,9	54,9
Кража*	41,1	43,3	45,1	46,1	47,1	47,0	47,2	47,8	49,3	50,0	50,0	50,7	48,8	47,5	46,0
Расстраты, присвоения	20,1	21,2	22,8	25,3	29,4	31,1	35,0	38,3	40,8	43,1	45,0	43,6	42,5	41,7	57,2
Взяточничество	27,1	26,4	8,9	29,9	26,2	21,6	26,0	26,4	26,3	26,6	27,2	25,2	26,6	26,8	26,9
Преступления, связанные с наркотиками	63,7	65,7	65,8	65,4	60,5	61,3	54,1	50,1	51,6	51,9	48,9	46,6	44,6	43,8	45,2

Глава XIII. Преступления, связанные с наркотиками

*Люби ближнего своего,
 даже если он употребляет
 эти проклятые наркотики.*

А. Требач

§ 1. Наркотизм как социальная проблема

Относительно массовое потребление наркотиков — одна из серьезных социальных проблем. В современном мире она носит глобальный характер и, как это часто бывает, окружена многочисленными мифами. Попытаемся отделить зерна от плевел и начнем с определения ряда понятий.

Наркотики — средства (вещества), оказывающие воздействие на психику и поведение человека; их неоднократное потребление способно приводить к формированию физической и/или психической зависимости (наркомании) — болезненному состоянию, при котором человек испытывает потребность в регулярном приеме таких средств. Международными и национальными органами здравоохранения устанавливается и изменяется перечень средств, признаваемых наркотическими.

Здесь я не останавливаюсь на характеристике различных наркотиков, поскольку имеется соответствующая обширная литература, включая мои публикации⁶⁹³.

⁶⁹³ Учебное пособие по основным наркотическим средствам, используемым в незаконном обороте. Выборг: ГТК РФ, СЗТУ РФ, 1995; Кесельман Л. Социальные координаты наркотизма. СПб Ф ИС РАН, 1999; Рогатых Л.Ф., Стрельченко Э.Г., Топоров С.Б. Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих средств. СПб., 2003; Боннардо Ж.-Л. Психоактивные средства и их действие // Импакт. 1985. № 1. С. 114–127; Линг Дж. Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // Импакт. 1985. № 1. С. 90–101; Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб.: Алф-Пресс. 2013. С. 322–350; Мацкевич И.М., Заринов З.С. Наркотики в России и в мире. М.: Элит, 2009; Santino U., La Fiura G. Behind Drugs: Survival economies, criminal enterprises, military operations, development projects. Torino: Edizioni Gruppo Abele, 1993, pp. 17–31.

Потребление наркотических средств может быть обусловлено заболеванием и рекомендовано врачом в качестве лечебного средства (так называемое медицинское потребление наркотических средств — болеутоляющих, психостимуляторов, снотворных и др.).

Злоупотребление или *немедицинское* потребление наркотиков — самовольное, без назначения врача или в дозах, превышающих назначенные, или продолжающееся после отмены назначения, или же прием иных средств, нежели были предписаны врачом.

Наркомания (от греч. *ναρς* — оцепенение и *μανία* безумие, страсть) — заболевание, выражающееся в физической и/или психической зависимости от наркотических средств, в непреодолимом влечении к ним, постепенно приводящем к глубокому истощению физических и психических функций организма. Невозможность принять очередную дозу наркотика вызывает тяжелые соматические расстройства — абстинентный синдром (синдром «отнятия» или, на сленге, — «ломки»).

При этом под *физической* зависимостью понимается состояние организма, характеризующееся развитием *абстинентного* синдрома при прекращении приема средства, вызвавшего зависимость. *Абстинентный синдром* — комплекс специфических для каждого наркотического (токсического) средства, включая алкоголь, болезненных симптомов: головная боль, боль в мышцах и суставах, насморк, желудочно-кишечные расстройства, бессонница, судороги и т.п. На сленге абстинентный синдром носит название «ломки» (а бытовое название при алкоголизме — «похмелье»). Не все наркотические средства приводят к физической зависимости. Так, нулевая физическая зависимость характерна для кокаина, галлюциногенов (ЛСД, мескалин, псилоцибин), производных каннабиса и некоторых других⁶⁹⁴.

Психическая зависимость — состояние организма, характеризующееся патологической потребностью в приеме какого-либо средства, вещества, с тем, чтобы избежать нарушений психики, психологического дискомфорта, вызванных прекращением приема этого средства (вещества), хотя и при отсутствии абстиненции. Таким веществом может быть не только наркотик или алкоголь, но и кофеин (кофе), теин (чай), никотин (табак), лекарства. Последнее время все чаще упоминают и исследуют психическую зависимость от компьютерных и иных игр, болезненное влечение к ним (*gam-*

*bling addiction*⁶⁹⁵), а также лекарственную зависимость (*prescribed addiction*⁶⁹⁶).

Токсикомания — аналогичное заболевание, вызванное потреблением иных, кроме признанных наркотическими, токсических («сильно действующих», психотропных) веществ. В качестве таковых могут употребляться различные лекарственные препараты, предметы бытовой химии (лаки, краски, клей, ацетон, бензин и др.).

Наркотизм — социальное явление, выражающееся в относительно распространенном, статистически устойчивом потреблении частью населения наркотических средств (или психотропных веществ), влекущем определенные медицинские (заболевание) и социальные последствия.

Наркотики сопровождают человечество всю известную историю. Еще «отец истории» Геродот описывал употребление древними египтянами производных каннабиса, а «отец медицины» Гиппократ использовал опий в своей медицинской практике, оставаясь верным своему знаменитому девизу «Не навреди!». О снотворном действии опия упоминается в Шумерских таблицах, т.е. 6 тыс. лет назад.

Долговечность наркопотребления, как и любого социального «зла», свидетельствует о том, что оно выполняет вполне определенные *социальные функции*, «имеет основания» (Гегель). Как и алкоголь, наркотики выполняют функции *анестезирующую* (снятие или уменьшение боли), *седативную* (успокаивающую, снижающую напряжение), *психостимулирующую* (наряду с чаем или кофе), *интегративную* (наряду с табаком, вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков может служить формой социального *протеста*, средством идентификации (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из них — «элитарных», «престижных» (например, кокаина) играет *престижно-статусную* роль. Другое дело, что *за все приходится платить* (принцип Расплаты), и потребители наркотиков или иных психотропных веществ расплачиваются здоровьем, потерей работы, учебы, семьи, жизнью...

Вообще *алкоголь* по своему воздействию на психику и физическое состояние человека также является одним из наркотических

⁶⁹⁵ Griffiths M. Against the Odds: An Overview of Gambling Addiction. In: Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. L.: Jessica Kingsley Publishers, 1998, pp. 49–66; Гишинский Я.И. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М.: СИ РАН, 2007. С. 81–90.

⁶⁹⁶ Fay K. Prescribed Addiction. In: Bloor M., Wood F. Ibid. Pp. 67–84.

⁶⁹⁴ Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. Torino: Edizioni Gruppo Abele, 1993, p. 36.

средств и рассматривается как наркотик во многих зарубежных источниках. *Алкоголизм* — вид наркомании с теми же медицинскими проявлениями (алкогольная зависимость, абстинентный синдром, называемый в быту «похмельем»). Различия между потреблением наркотиков и алкоголя не медицинские, а юридические — одно запрещено (хотя не всегда и не во всех странах), другое — разрешено (не всегда и не во всех странах). Таким образом, мы и о наркотизме можем говорить, как об определенном социальном *конструкте*. Тем более, что потребление веществ, обладающих наркотизирующим эффектом, известно и у животных (достаточно вспомнить кошек и валерьяну или же собак, «ловящих кайф», откопав какие-то корешки во время прогулки). Возможно, имеется некая биологически обусловленная потребность воздействия на центральную нервную систему с «целью» изменения психики. Впрочем, здесь мы выходим за пределы наших криминологических знаний.

Общие вопросы генезиса девиантности рассмотрены мною в ранее упоминавшейся «Девиантологии» (2013). Однако этиология различных видов девиантного поведения имеет свои особенности. Так, ко всем формам ретретизма, «ухода» (пьянство, наркотизм, суицид) применима объяснительная модель «двойной неудачи» Р. Мертона: первая неудача — невозможность удовлетворить потребность в самореализации, самоосуществлении в активной творческой деятельности, вторая неудача — невозможность самоутвердиться в активной девиантной — преступной деятельности. И как результат — «уход» (в алкоголь, наркотики или — из жизни).

В наркомании видят бегство не только от жестоких условий существования (Р. Мертон, Дж. Макдональд, Дж. Кеннеди и др.), но и от всеобщей стандартизации, регламентации, запрограммированности жизни в современном обществе (Ж. Бодрийяр).

«Наркотики сами по себе не составляют сущности проблемы. Злоупотребление ими — это симптом глубоких противоречий, с которыми сталкивается личность в попытках преодолеть стрессовые жизненные ситуации, в поисках положительных межличностных контактов в виде понимания, одобрения, а также эмоциональной и социальной поддержки. При их отсутствии наркотики выполняют роль своеобразных костылей, которые, к сожалению, не лечат, а калечат»⁶⁹⁷. Это высказывание лишний раз показывает, как недоста-

⁶⁹⁷ Линг Дж. Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // Импакт, 1985. № 1. С. 98.

ток «позитивных санкций» (одобрения), эмоциональной поддержки приводит к ситуации, которую привычно пытаются «исправить» негативными санкциями.

Charles Faupel, Maurice Fisher — авторы соответствующих статей «Энциклопедии криминологии и девиантного поведения» рассматривают ряд значимых факторов в генезисе наркотизма: социальное научение, включение в субкультуру, доступность, а также некоторые теории, объясняющие наркопотребление — биологические, психологические, социологические, включая теории аномии, дифференцированной ассоциации, социального контроля и теорию напряжения (*Strain Theory*)⁶⁹⁸.

Хотя все перечисленные и многие неназванные факторы действительно влияют на распространение наркотиков, однако на личностном уровне, в конечном счете, «уход» в наркотики (равно как в пьянство или тотальный уход из жизни — самоубийство) — результат, прежде всего, *социальной неустроенности, исключенности (exclusive)*, неблагоприятия, «заброшенности» в этом мире, утраты или отсутствия смысла жизни. «Мы можем утверждать следующее: если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов»⁶⁹⁹.

Государственная политика и общественное мнение по отношению к наркотикам и наркопотреблению существенно различалась и различается по странам: от терпимости и даже благожелательности до полного неприятия, запрета и преследования (прогибиционизм). В ритуальных и бытовых (в том числе, медицинских) целях потребление наркотических средств допускалось в странах мусульманского Востока, у индейцев Северной Америки, у народов стран Латинской Америки. История знала и вполне мирное сосуществование общества и наркотиков, и антагонизм вплоть до сражений («опийные войны» в Китае, военные действия США против латиноамериканских наркобаронов). Однако, «мы не выиграли ни одного сражения с наркотиками и никогда не выиграем», ибо «мы не можем изгнать наркотики и наркоманов из нашей жизни»⁷⁰⁰. Как говорил Уполно-

⁶⁹⁸ Bryant C. (Editor-in-Chief.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. IV. Self-Destructive Behavior and Devalued Identity. Brunner Routledge, Taylor and Francis Group, 2001, pp. 220–223, 297–300.

⁶⁹⁹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 30.

⁷⁰⁰ Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 145.

моченный по вопросам наркомании г. Гамбурга г-н Х. Боссонг, выступая с докладом в Санкт-Петербурге (февраль 1995 г.), «Употребление наркотиков и наркозависимость не исчезнут при системе запретов уголовного закона... Нельзя научить человека вести здоровый образ жизни под угрозой уголовного наказания». А криминолог Шончек политику «войны с наркотиками» рассматривает как результат мистификации проблемы, ложного сознания и лицемерия⁷⁰¹.

Именно поэтому в настоящее время в цивилизованном мире наблюдается постепенный переход от политики «войны с наркотиками» («*War on Drugs*») к политике «меньшего вреда» («*Harm reduction*»). Об этом говорится в Докладе Национальной Комиссии США по уголовной юстиции⁷⁰², в трудах ученых и выступлениях политиков. Наиболее последовательно по этому пути пошли Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия⁷⁰³. «Третий путь» — сочетание запрета с активной антинаркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам — избрала Швеция⁷⁰⁴. Можно соглашаться или не соглашаться с той или иной стратегией и тактикой в антинаркотической политике, но в любом случае требуется ее разумное, не мифологизированное обоснование, базирующееся на результатах исследований и дискуссий, а не истерических лозунгах («угроза нации!») и популистских призывах.

Значительное распространение получила легализация потребления производных каннабиса, прежде всего, марихуаны. Курение марихуаны давно легализовано в Нидерландах, в район Копенгагена — Христиании, в Чехии, трех штатах США, КНДР и ряде других стран. Это не удивительно: производные каннабиса не приводят к физической зависимости (психологическая может быть) в отличие от алкоголя.

К сожалению, Россия опять идет «своим путем», пренебрегая как зарубежным, так и своим собственным опытом. Усиление запрета и репрессий, подмена реальной антинаркотической деятельности (социальной, медицинской, педагогической, психологиче-

⁷⁰¹ Schoncheck J. On Criminalization: An Essay in the Philosophy of the Criminal Law. Kluwer Academic Publishers, 1994.

⁷⁰² Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publ., Inc., 1996.

⁷⁰³ Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications. 1998.

⁷⁰⁴ Антинаркотическая политика: шведские ответы на российские вопросы / Ред. Г.В. Зазулин, А.Н. Сунами. СПб ГУ, 2008.

ской) очередным приступом «усиления борьбы» лишь ухудшает ситуацию⁷⁰⁵. Закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» (1997) — резкий шаг назад, сводящий на нет первые робкие успехи по обеспечению помощи наркоманам. Тотальный набор запрещенных наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров (необходимых продуктов для изготовления некоторых наркотических средств) и аналогов (ст. 1, 2 Закона); запрет на использование наркотических средств и психотропных веществ частнопрактикующими врачами (ст. 31); запрещение немедицинского потребления наркотиков и психотропных веществ (ст. 40); резкое ограничение сведений, допустимых в антинаркотической пропаганде (ст. 46); запрещение лечения больных наркоманией частнопрактикующими врачами, а также с использованием наркотических средств (например, метадоновой терапии, существующей в большинстве стран — ст. 55); применение медицинских мер принудительного характера (ст. 54, п. 3); фактическая ликвидация анонимного лечения (ст. 56) — отбрасывают страну назад и приводят к полной беспомощности наркопотребителей перед наркобизнесом, криминализации негосударственной медицинской помощи, росту преступности наркопотребителей ради приобретения наркотиков и т.п. Я уже не говорю о том, что введение в уголовное законодательство «аналогии» в каком бы то ни было виде (ст. 228, 228¹, 229¹, 230, 232 УК РФ) есть грубейшее нарушение основ уголовного права. Создается впечатление, что закон был лоббирован отечественной и/или международной наркомафией. Преследование ветеринаров, применяющих кетамин при операциях животных («дело» А. Шпака и др.), экспертов, дающих «неудобные» заключения по делам, связанным с нелегальным оборотом наркотиков («дело» О. Зелениной), немыслимые барьеры применения наркотических обезболивающих средств для онкологических больных («дело» А. Хориняк и др.), — все это только усугубляет ситуацию в стране.

Между тем, существует разнообразная международная, а отчасти и отечественная практика антинаркотических программ, антинаркотической пропаганды, профилактической работы и помощи наркозависимым (наркоманам)⁷⁰⁶. Так, во всем мире функционируют

⁷⁰⁵ Подробнее см.: Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2001.

⁷⁰⁶ Подробнее см.: Федоров А.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ:

общества «Анонимных Наркоманов»⁷⁰⁷, польский Монар, петербургское «Возрождение». Польский опыт превенции наркотизации населения заслуживает изучения и распространения⁷⁰⁸. Концентрация усилий на профилактике наркотизации населения и оказания медико-психологической помощи больным наркоманией — основные направления антинаркотической политики⁷⁰⁹. Акцент на «силовых методах» может лишь повысить цены на черном рынке наркотиков на радость наркобизнесу...

Последнее время международные организации и их представители выражают обеспокоенность приоритетом «силовых методов» в ряде стран, включая Россию, вместо профилактики наркопотребления и оказания помощи наркоманам. Так, Франкфуртская Резолюция 1993 г. требует отмены уголовной ответственности и штрафов за потребление наркотиков, ибо «Уголовная ответственность не только является препятствием для оказания помощи наркоманам и их лечения; она также заставляет полицию и судебную систему выполнять работу, которую они не в силах выполнить». Во «Всемирном докладе о наркотиках» Управления ООН по наркотикам и преступности за 2004 г. подчеркивается необходимость «сбалансированности профилактических мер и правоохранных мероприятий». Более того, «главная цель конвенции в области контроля над наркотиками — ограничение использования... психоактивных веществ медицинскими и научными средствами... Приоритетные задачи в области контроля над наркотиками... теперь выходят на первый план в области социально-экономического развития». Неслучайно в ответ на репрессивное «Информационное письмо» Госнарконконтроля РФ, представитель Управления ООН по наркотикам и преступности Флавио Мирелла пишет: «Я хотел бы начать с категорического отрицания понятия, содержащегося в письме [Госнарконконтроля — Я.Г.] о

уголовно-политические, уголовно-правовые, криминологические, историко-правовые и международно-правовые аспекты: сб. ст. М.: Юрист, 2013; Харабет К.В. Социально-правовые и криминологические основы предупреждения наркотизма и наркопреступности среди военнослужащих. История и современность. М.: Наука, 2013.

⁷⁰⁷ См., напр.: Иванова Е. Как помочь наркоману. — СПб.: Комплект, 1997.

⁷⁰⁸ Moskalewicz J., Świątkiewicz G. (Eds.) Drug demand reduction in Poland inventory of data prepared for PHARE programme «Fight against Drugs». Warsaw, 1995; Moskalewicz J. et al. Prevention and Management of Drug Abuse in Poland. Summary of Final Report. Warsaw, 1999.

⁷⁰⁹ Подробнее см.: Менделеев В.Д. Этика современной наркологии. Казань: Медицина, 2010.

том, что программа по снижению вреда и, в особенности по обмену шприцев, противоречит основному курсу ООН... Меня еще более обеспокоило заявление Госнарконконтроля, так как оно подвергает сомнению эффективность многих программ УНП ООН предположениями о том, что только деятельность правоохранительных органов доказало свою эффективность. Это также противоречит широко признанной норме о том, что профилактика является не менее важным средством борьбы с наркоманией».

Мировое сообщество начинает осознать последствия «войны с наркотиками». В марте 2009 г. опубликован Доклад Директора-исполнителя Управления ООН по наркотикам и преступности под характерным названием: «Организованная преступность и угроза безопасности. Борьба с разрушительным последствием контроля над наркотиками». В докладе говорится: «самым серьезным разрушительным последствием стало появление весьма прибыльного черного рынка контролируемых веществ, подчиненного могущественным преступным картелям, и как следствие этого беспрецедентный рост насилия и коррупции... Наркокартели покупают не только недвижимость, банки и коммерческие структуры, они покупают выборы, кандидатов и партии. Словом, они покупают власть... Именно государства должны проявлять сдержанность, находя альтернативные пути решения проблем наркотиков и преступности. Политическую и административную некомпетентность нельзя ошибочно использовать для оправдания нарушений прав человека, и правительства, прежде всего, должны разорвать этот ужасный замкнутый круг». В США новый руководитель Управления по национальной политике в области контроля за распространением наркотиков Джил Керликовски заявил: «Независимо от того, как вы это называете — войной с наркотиками, или войной с продуктом, или как-то еще, — люди рассматривают ее как войну с ними лично. А мы не воюем с собственным народом»⁷¹⁰.

Рано или поздно мир придет к легализации наркотических средств. Ибо, потребление их — личное дело каждого; без легализации наркотиков не избавиться от наркобизнеса; в принципе ни одну социальную проблему невозможно решить путем запретов и репрессий, а лишь изменением социальных условий, порождающих ее.

⁷¹⁰ Ж. «Власть». 2009. № 22 (825).

§ 2. Наркотики в современном мире

Наркотизм, наряду с преступностью и алкоголизмом, становятся серьезной социальной проблемой после Второй мировой войны. Возможно, крах иллюзий по поводу человеческой разумности и рациональности Западной цивилизации после Освенцима, Холокоста и других трагедий-символов привел к вспышке ретретистских форм девиантности. Кроме того (а, может быть, прежде всего), наркобизнес оказался самым сверхдоходным видом преступной деятельности и «естественный» спрос на наркотизирующие средства усиливается «подогревом» со стороны наркодельцов.

Состояние наркотизма в стране или регионе характеризуется рядом показателей: смертность от причин, связанных с потреблением наркотиков; количество и уровень зарегистрированных потребителей наркотиков и наркоманов; количество и уровень преступлений, связанных с наркотиками; структура потребляемых наркотических средств и т.п. Рассмотрим динамику некоторых показателей в *Европейском регионе*⁷¹¹.

Количество выявленных противоправных действий с наркотиками, характеризуемых числом арестов (Франция), зарегистрированных случаев (Австрия), выявленных лиц (Бельгия, Дания, Италия, Испания, Швеция), правонарушений (Финляндия, Германия, Нидерланды, Португалия), выросло с 1986 по 1996 г. в Австрии с 4739 до 16 196, в Финляндии с 1194 до 6059, во Франции с 30 493 до 77 640, в Испании с 19 203 до 48 529, в Португалии с 2047 до 9054. В Бельгии названный показатель вырос с 4646 в 1986 г. до 19 482 в 1993 г. со снижением к 1995 г. до 18 376. В Дании — рост с 7862 в 1987 г. до 12 421 в 1993 г. с последующим снижением до 8678 к 1996 г. В Германии рост с 67 844 в 1986 г. до 156 117 в 1995 г. В Италии рост с 14 851 в 1986 г. до 27 677 в 1992 г. со снижением к 1996 г. до 22 020. В Швеции рост с 6426 в 1986 г. до 8604 в 1994 г. В Великобритании рост с 6200 в 1986 г. до 30 693 в 1995 г. Несколько иная ситуация в Нидерландах: в течение 1986–1995 гг. наблюдается максимум зарегистрированных правонарушений (5400–5900) в 1986, 1987, 1990 гг. со значительным снижением (3010–3470) в 1992–1995 гг. Правда, последнее обстоятельство может быть связано с изменением законодательства, идущего по пути декриминали-

⁷¹¹ Здесь и далее, если не оговорено иное, см.: Annual Report on the State of the Drugs Problem in the European Union. Lisboa: EMCDDA, 1997.

зации ряда преступлений, связанных с наркотиками, и легализации потребления «легких» наркотиков (производных каннабиса).

Вместе с тем, средний уровень правонарушений, связанных с наркотиками (на 100 тыс. населения), вырос в Европе с 1990 г. по 2000 г. в 2,6 раза⁷¹². При этом действительно отмечалось снижение этого показателя в 1998 г. и некоторая стабилизация в 1993–1994 гг.

В целом по рассмотренному показателю можно сделать вывод о преобладающей тенденции роста наркотизации населения европейских стран, начиная с 1986 г. (этот рост прослеживался и ранее, о чем частично будет сказано ниже) при наметившейся тенденции стабилизации и даже сокращения связанных с наркотиками инцидентов в ряде стран с 1991–1993 гг. (Бельгия, Италия, Нидерланды и др.).

Эта тенденция продолжилась и в 2000-е годы. Во многих странах Северной Америки и Европы наблюдается сокращение преступлений, связанных с наркотиками с 2003–2005 гг.⁷¹³. Так, например, для Германии переломным стал 2003 г., после которого количество преступлений, связанных с наркотиками, стало снижаться.

Некоторое представление о тенденциях наркотизма в Европе и о структуре потребляемых наркотиков дает динамика изъятия полицией различных их видов.

В целом по 15 исследуемым странам Западной Европы (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Испания, Швеция, Великобритания) изъятие каннабиса возросло с 1985 г. (164,5 тыс. кг) до 1995 г. (около 718 тыс. кг) при некотором снижении с 1994 г. (когда было изъято 727,3 тыс. кг) в ряде стран.

Количество изъятых героина возросло с 1985 г. (2074 кг) до 1991 г. (5634 кг) с сокращением в 1992–1993 гг. (до 4771 кг), новым всплеском в 1994 г. (5862 кг) и сокращением в 1995 г. (5189 кг).

Кокаина было изъято в 15 странах Европы в 1986 г. всего 1925 кг. К 1990 г. количество изъятых наркотиков увеличилось до 16,4 тыс. кг (в 8,5 раз за 4 года). Новый скачок в изъятии кокаина происходит с 1993 г. (16,8 тыс. кг) к 1994 г. (29,1 тыс. кг или в 1,7 раз за один год). Однако в 1995 г. наблюдается сокращение до 20,6 тыс. кг.

⁷¹² Aebi M. Crime Trends in Europe from 1990 to 2000. In: Aromaa K., Nevala S. (Eds.) Crime and Crime Control in an Integrating Europe. Helsinki: HEUNI, 2004, pp. 46–47.

⁷¹³ Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2011, pp. 49–63.

Амфетамина было изъято в 1986 г. 380,4 кг, в 1987 — 568,6 кг, за 1988–1989 гг. количество изъятого наркотика снижается до 387,1 кг, затем идет непрекращающийся рост до 1418,6 кг в 1994 г. со снижением в 1995 г. до 1228,2 кг.

Количество случаев конфискации различных наркотических средств в европейских странах: по экстази это число возросло от 0 в 1986 г. до 7963 в 1995 г. Можно проследить, с какого времени началось активное распространение экстази в различных странах: в Австрии с 1994 г., в Бельгии — с 1991 г., во Франции с 1989–1990 гг., в Швеции — с 1995 г., в Великобритании — с 1989 г.

Что касается ЛСД, то в 1986–1988 гг. во всех вышеназванных странах Европы число случаев конфискации сохранялось на уровне 701–716, затем начинается быстрый рост: 1989 г. — 1344, 1990–1991 гг. — 2100–2200, в 1993 г. — 3396 и некоторое сокращение к 1995 г. — до 2428.

Еще раз напомним, что все приведенные выше сведения свидетельствуют не только о реальной распространенности нелегального оборота наркотиков, но и об активности полиции.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные за более длительный период времени по различным странам свидетельствуют о двух основных тенденциях: возрастание наркопотребления с 50-х — 60-х до начала 90-х гг. с последующей тенденцией к сокращению. Так, в Италии уровень привлеченных к ответственности за нелегальный оборот наркотиков (на 100 тыс. населения) возрастал с 0,14 в 1967 г. до 67,5 в 1992 г. с последующим снижением. Одновременно уровень смертности от потребления наркотиков увеличился от 0,01 до 2,43 (1991 г.) с сокращением к 1994 г. до 1,52⁷¹⁴.

С 1993 г. сокращается смертность от потребления наркотиков в Германии⁷¹⁵.

Некоторое сокращение арестов и других показателей наркотизма с 1982–1984 гг. наблюдается в Японии⁷¹⁶.

Хотя считается, что в США чрезвычайно распространено потребление наркотиков, особенно среди учащихся различных типов учебных заведений, однако специальные исследования показывают, что по большинству показателей (включая сравнительное потре-

бление наркотиков, алкоголя и табачных изделий) произошло постепенное сокращение наркопотребления с 1978–1982 гг.⁷¹⁷

Вместе с тем, по ряду источников, с конца 1990-х гг. вновь возрастают показатели наркотической активности.

Приведем некоторые данные об уровне преступлений, связанных с наркотиками (на 100 тыс. населения), в ряде стран в 2006 г.⁷¹⁸: Кения — 16, Маврикий — 305, Алжир — 13, Аргентина — 63, Коста Рика — 9, Эквадор — 22, Мексика — 52, Никарагуа — 29, Панама — 96, Армения — 18, Азербайджан — 27, Грузия — 80, Казахстан — 68, Киргизия — 46, Таджикистан — 10, Туркменистан — 25, Япония — 17, Монголия — 0 (!), Сингапур — 10, ОАР — 23, Индия — 3, Белоруссия — 51, Украина — 139, Румыния — 15, Сербия — 52, Турция — 4, Австрия — 24, Чехия — 29, Дания — 374, Эстония — 73, Финляндия — 253, Германия — 310, Греция — 74, Ирландия — 85, Италия — 55, Латвия — 44, Литва — 34, Монако — 320, Нидерланды — 100, Норвегия — 622, Польша — 184, Португалия — 42, Словакия — 32, Швеция — 734, Англия с Уэльсом — 362, Шотландия — 868 (!), Новая Зеландия — 312. В 2006 г. этот показатель в России был 61. Мы наблюдаем высокий уровень рассматриваемых преступлений в странах Северной Европы (Норвегия, Швеция, Шотландия, Финляндия) и очень низкий — в странах Латинской Америки и Азии. Насколько *регистрируемая* преступность отражает *реальное* положение? Требуется специальные исследования.

Ситуация с нелегальным потреблением наркотических средств и психотропных веществ в России характеризуется, во-первых, высокой латентностью выявленных случаев (особенно после Закона РФ 1997 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах», значительно сокративших число желающих обращаться за помощью в государственные наркологические учреждения под страхом стать известными в милиции). Во-вторых, значительными региональными различиями (максимум на Дальнем Востоке, вдоль южных границ России, в крупнейших городах, минимум — в центральной Европейской части, в некоторых регионах Поволжья и Урала). В-третьих, общей тенденций роста при некотором сокращении с 2010 г. (см. табл. 13.1 и 13.2).

Абсолютное число потребителей наркотиков, стоящих на учете в органах здравоохранения, выглядит следующим образом: 1999 г. —

⁷¹⁴ Klingemann H., Hunt G. (Eds). Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE, 1998, p. 225.

⁷¹⁵ Ibid. P. 152.

⁷¹⁶ Ibid. P. 341.

⁷¹⁷ Johnston L., Malley P., Bachman J. Drug Use, Drinking, and Smoking: National Survey Results from High School, College, and Young Adults Populations. 1975–1988. Rockville, 1989.

⁷¹⁸ Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. Ibid. Pp. 61–63.

364 679, 2000 г. — 441 927, 2001 г. — 496 419, 2002 г. — 498 745, 2003 г. — 495 620, 2004 г. — 493 647, 2005 г. — 500 508, 2006 г. — 517 839, 2007 г. — 537 774, 2008 г. — 549 577, 2009 г. — 555 272, 2010 г. — 547 081, 2011 г. — 533 404⁷¹⁹. Из них состояло на учете с диагнозом «наркомания» от 224 647 человек в 1999 г. до 350 936 в 2010 г.

Мы видим, что согласно официальным данным, уровень потребителей наркотиков вырос в России с 25,7 в 1985 г. до 60,6 в 1994 г., а потребителей наркотиков и сильно действующих веществ — с 47,8 в 1991 г. до 360,8 в 2001 г. (с незначительным сокращением в 2002 г.)⁷²⁰. Уровень зарегистрированных лиц, больных наркоманией (первичное обращение в медицинское учреждение), вырос с 0,9 в 1970 г. (1,3 в 1980 г.; 2,1 в 1985 г.) до 31,0 в 1997 г.⁷²¹. Ясно, что это далеко не полные данные в силу высокой латентности наркотизма.

Таблица 13.1

**Уровень (на 100 тыс. населения)
потребителей наркотических средств (1985–1994)
и сильнодействующих веществ (1991–2002*) в России**

	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Потребители наркотиков	25,7	36,4	42,2	39,1	35,0	35,3	34,7	40,9	47,9	60,6								
Потребители наркотиков и СДВ							47,8	53,9	62,2	75,2	105,2	168,8	148,9	195,7	246,7	311,8	360,8	344,7

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЮ РФ

* В названном Ежегоднике данные не публикуются после 2002 г.

Таблица 13.2

**Уровень заболеваемости наркоманией
(первичное обращение за медицинской помощью)
в 1970–1997 гг. в России**

1970	1975	1980	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
0,9	2,3	1,3	2,1	4,3	4,4	4,4	7,2	10,4	16,9	22,7	31,0

Источник: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1999.

⁷¹⁹ Федоров А.В. Указ. соч. С. 194.

⁷²⁰ Преступность и правонарушения. М., 1990. С. 79; Преступность и правонарушения. М., 1992. С. 103; Преступность и правонарушения. М., 2006. С. 126.

⁷²¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.: UNDP, 1999. С. 69.

§ 3. Криминологический анализ преступлений, связанных с наркотиками

Обратимся к некоторым криминологически значимым аспектам наркотизма.

Сведения о зарегистрированных преступлениях, связанных с наркотиками, отражены в табл. 13.3.

Мы видим, во-первых, постоянный рост регистрируемых преступлений, начиная с 1990 по 2000 г. с последующим незначительным снижением и вновь возрастанием с 2006 г. Во-вторых, наибольшую долю составляют преступления в виде нелегального изготовления, или приобретения, или хранения, или пересылки наркотических средств или психотропных веществ. Многие, а иногда большая часть этих преступлений совершается *без цели сбыта*, т.е. потребителями наркотиков. В 1989 г. за вышеуказанные преступления *без цели сбыта* было осуждено 88,6% всех осужденных, в 1992 г. — 92,4%, в 1995 г. — 90,2%, в 1998 г. — 70,4%, в 2003 г. — 75,8%, в 2004 г. — 91,4% (54310 чел. из 59424 осужденных!). Вообще законодательство в части преступлений, связанных с наркотиками, так часто подвергалось изменениям (2003, 2006, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013 гг.), а количество зарегистрированных преступлений так зависит от степени «активности» ФСКН / полиции, что делать какие-то объективные выводы на основе официальной статистики весьма затруднительно.

Некоторые сведения о *социально-демографическом* составе лиц, совершивших преступления, связанные с наркотиками, содержатся в табл. 13.5.

С середины 1990-х гг. минувшего века постепенно увеличивается доля женщин среди лиц, совершивших этот вид преступлений (с 8–9% до 17,7% в 2001 г.) с последующими незначительными колебаниями и сокращением к 2013 г. до 10,2%. Большинство преступлений совершается молодыми людьми при сокращении удельного веса несовершеннолетних (с 9,8 до 2%). Наблюдается постоянное увеличение доли лиц без постоянного источника доходов (с 23,4% в 1987 г. до 69–73% с конца 1990-х гг.).

Рассмотрим некоторые особенности *территориального* распределения зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками. В 2006 г. при среднероссийском уровне рассматриваемых преступлений — 148,5, максимальный уровень был зарегистрирован в Магаданской области (496,6), Еврейской АО (401,0), Тюменской области (322,7). Высокие показатели (свыше 250) зафиксированы также в Тыве, Красноярском крае, Амурской, Новосибирской областях. Минимальные показатели — в

Кировской (51,4) и Липецкой (59,8) областях, республике Дагестан (60). При этом нелишне напомнить, что зарегистрированные показатели отражают не только (и может быть не столько) реальную ситуацию, но и активность правоохранительных органов. В 2013 г. среднероссийский уровень — 189,9. Максимальный уровень был в Тыве — 451,0, в областях Магаданской — 392,0 и Амурской 330,6. Наименьшие показатели были в Республиках Чечня — 71,8, Чувашия — 74,0, Мордовия — 83,5 и областях Архангельской — 86,3 и Белгородской — 86,4.

Таблица 13.3

**Зарегистрировано преступлений,
связанных с наркотиками в России (1987–2013)**

Год	Всего	Уровень на 100 тыс. насел.	В том числе			
			Кражи, вымогательство	Изготовление, приобретение, хранение, транспортировка или продажа	Притон для потребления наркотиков	Незаконный посев мака или конопли
1987	18534	12,7	832	15506	444	136
1988	12553	8,6	470	9527	252	74
1989	13446	9,1	436	10594	171	3
1990	16255	10,9	413	13646	206	72
1991	19321	13,0	433	17036	181	76
1992	29805	20,0	315	27115	324	91
1993	53152	35,8	475	49249	499	343
1994	74798	50,5	529	70420	721	593
1995	79819	54,0	691	72457	750	666
1996	96645	65,5	546	89803	909	727
1997	185832	126,3	399	175868	933	2432
1998	190127	129,3	460	181481	1030	2719
1999	216364	147,2	468	206874	1033	3630
2000	243572	167,3	336	233490	989	4409
2001	241598	166,0	554	231601	813	4017
2002	189576	125,0	303	179938	424	4095
2003	181688	127,0	202	174537	356	2393
2004	150096	104,1	*	139345	730	3042
2005	175241	122,1	*	159497	3143	3405
2006	212019	148,3	234	129911	4509	3393
2007	231218	162,6	*	210126	5098	3467
2009	238527	168,1	*	218400	6414	3415
2011	215214	151,7	*	199516	7077	987
2013	231482	161,5	*	218620	4391	1049

* Нет сведений

Источники: Ежегодники «Преступность и правонарушения: Статистический сборник». М.: МВД РФ, МЮ РФ.

Таблица 13.4

**Сведения об осужденных за преступления,
связанные с наркотиками (1989–2013)**

	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2006	2007	2009	2011	2013
Всего:	5107	9265	18836	38560	65266	108290	126858	83469	63089	78464	91565	107321	103580	109167
В том числе:														
– с целью сбыта	290	712	1448	3734	20257	27064	32154	18614	57832	73598	86226	101213	98548	104309
– без цели сбыта	4525	8310	17137	34421	43800	78798	91572	63246	41900	49348	59812	71375	72874	83101
– нелегальный посев	7	16	36	121	762	1860	2622	1371	2125	2094	2137	2136	555	568
– содержание пригона	21	22	48	116	157	294	275	93	1100	2589	3070	3870	4296	3621
Приговорено к реальному лишению свободы (% от общего числа осужденных)	45,6	42,8	36,6	43,3	32,7	36,8	37,7	33,6	50,1	57,0	49,7	49,4	44,8	39,9

Социально-демографический состав лиц, совершивших преступления, связанные с наркотиками

	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2011	2013
Всего:	15523	9036	13609	24065	52668	102172	129440	134741	89494	68852	70373	87224	96738	109915	109144	117912
В том числе (%):																
Женщин	11,4	15,4	9,5	8,8	10,6	11,7	14,2	17,7	14,1	16,4	17,4	15,9	15,1	14,2	12,6	10,2
14-17 лет	9,6	9,8	9,3	7,9	7,3	8,6	5,7	4,2	4,6	4,3	3,8	3,5	3,2	2,3	1,9	2,1
18-29 лет	64,2	59,1	58,8	61,3	59,8	63,7	65,8	63,9	61,3	54,1	50,1	51,6	51,9	48,9	44,6	45,2
Рабочих	49,9	43,5	35,6	22,2	22,2	20,3	17,7	17,2	21,8	18,9	16,7	18,3	19,6	*	*	*
Служащих	6,9	7,8	3,8	3,0	2,1	1,9	1,3	1,2	1,5	1,9	2,1	2,2	2,1	1,7	0,7	0,7
Учащихся, студентов	9,2	6,6	5,9	4,8	4,1	7,5	6,4	4,3	6,0	5,5	4,6	4,7	4,6	3,3	2,8	3,5
Без постоянно-го источника доходов	23,4	30,7	37,0	48,3	58,7	64,2	69,7	73,1	66,1	67,8	71,2	69,7	68,9	73,0	73,4	69,5
Безработных	*	*	*	4,1	4,3	4,1	3,9	4,9	5,1	7,9	9,2	8,4	7,1	5,8	5,5	4,6
Иностранцев (в т.ч. жителей СНГ)	*	*	*	13,3	11,9	3,3	3,5	3,8	4,4	4,9	4,5	3,9	3,4	3,5	3,1	3,2
Рецидив	29,5	27,4	27,2	29,3	29,8	32,2	30,5	32,9	28,6	31,1	37,5	37,6	31,7	40,0	45,3	52,0

* — нет данных

Глава XIV. Иные виды преступления

*Есть многое на небе и земле,
Что и во сне, Горацио, не снилось
Твоей учености.*

Шекспир

Деление преступности на виды по различным основаниям (по объектам посягательств, субъектам и др.) предоставляет криминологам широкое исследовательское поле, далеко не исчерпанное в предыдущих главах III части книги⁷²².

Ниже мы приведем весьма краткие характеристики лишь некоторых ранее «обойденных» нами видов преступлений.

Женская преступность

Тема женской преступности стала особенно активно разрабатываться с появлением феминистского направления в криминологии. Хотя, разумеется, не игнорировалась и ранее⁷²³. Принципиальные вопросы этой темы отражены нами в гл. 6, § 1. Поэтому здесь напомним лишь о некоторых литературных источниках (помимо учебников) специально посвященных проблемам женской преступности⁷²⁴. Отметим также, что одна из общемировых закономерностей состоит в том, что уровень женской преступности в разных государствах находится в прямой зависимости от степени экономической и политической развитости страны и, соответственно, роли женщины в экономической, социальной, политической жизни. Чем выше степень сво-

⁷²² Помимо учебников криминологии см., например: Преступность среди социальных подсистем. Указ. соч.; Частная криминология. Указ. соч.

⁷²³ См., напр.: Гернет М.Н. Женщины-убийцы // Право и жизнь, 1926. № 6–7; Зеланд Н. Женская преступность. СПб., 1899; Тарновская П.Н. Женщины-воровки. СПб., 1891, Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. СПб., 1902.

⁷²⁴ Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992; Габiani А. Преступность среди женщин. Тбилиси, 1986; Габiani А., Меликишвили Л. Социальное лицо женщины-преступниц и проституток. Тбилиси, 1993; Серебрякова В.А., Зырянов В.Н. Корыстные преступления, совершаемые женщинами. М., 1990.

боды женщины, тем выше уровень женской преступности. Известно, например, что преступность женщин в странах арабского мира минимальна. «Чем более жизнь женщины приближается по своим условиям к жизни мужчины, тем более приближается и ее преступность своими размерами к мужской»⁷²⁵.

Пожалуй, единственным «чисто женским» преступлением в настоящее время является убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ)⁷²⁶. В наступившем столетии наблюдается следующая динамика этих зарегистрированных преступлений: 2000 г. — 231; 2001 г. — 203; 2002 г. — 204; 2003 г. — 195; 2004 г. — 212; 2005 г. — 219; 2006 г. — 172; 2007 г. — 148; 2008 г. — 149; 2009 г. — 123; 2010 г. — 103.

Напомним, что в мае 1937 г. УК РСФСР 1926 г. был дополнен ст. 140-б, предусматривавшей уголовную ответственность самой женщины за производство нелегального аборта. Этот замечательный состав преступления, характеризующий сталинскую эпоху, был вполне обоснованно декриминализован лишь в августе 1954 г. Запрет на легальный аборт порождает криминальный аборт с многочисленными жертвами.

Как уже отмечалось, при пониженном, по сравнению с мужчинами, уровне криминальной активности женщин, они относительно чаще совершают ненасильственные корыстные преступления — кражи, присвоения, растраты. В качестве соучастников грабежей и разбоев женщины нередко выступают наводчицами.

Для женщин всегда небезразлично, какое впечатление они производят на окружающих. «Потребность в самоутверждении, являясь одним из самых мощных стимулов человеческих поступков, становится у преступниц навязчивой, застревающей, существенно влияя на весь образ жизни»⁷²⁷.

Проституция и преступность

Нередко проституция рассматривается наряду с женской преступностью. Не считая занятие проституцией преступным, я не могу согласиться с таким подходом. Вместе с тем, проституция имеет свои

⁷²⁵ Гернет М.Н. (1974). Указ. соч. С. 253–254.

⁷²⁶ Лукичев О.В. Детоубийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. СПб.: СПб Ун-т МВД РФ, 2000; Попов А.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК). СПб.: СПб Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2001.

⁷²⁷ Криминология / Ред. В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. М., 1999. С. 303.

криминологические аспекты. Небезынтересно, что ряд криминологов, от Коляяни до М.Н. Гернета, считали, что относительно низкий уровень преступности женщин отчасти объясняется «компенсацией» их занятостью проституцией. «При объяснении меньшей преступности женщины не следует упускать из внимания ее участия в проституции, вызываемой теми же социальными причинами, какие порождают преступность»⁷²⁸.

Но, прежде всего, определимся с понятиями.

Под *проституцией* понимается вступление за плату в случайные, внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении⁷²⁹. Такое определение позволяет отграничить проституцию от корыстных супружеских отношений, бескорыстных случайных сексуальных отношений и от внебрачных связей, основанных на личной симпатии.

Проституирование возможно как при гетеросексуальных, так и при гомосексуальных отношениях, как со стороны женщины, так и со стороны мужчины (еще в Древней Греции наряду с женскими публичными домами были мужские). Не имеет значения способ удовлетворения сексуальной потребности.

Проституция в указанном смысле лишь одно из проявлений *продажности*, наряду с возможной продажностью политиков, ученых, деятелей искусства, журналистов... Юридически значимое определение проституции — сложная задача, не нашедшая удовлетворительного решения ни за рубежом, ни у нас. Это, кстати говоря, может служить дополнительным — формальным — доводом против криминализации проституции (как одного из «преступлений без жертв» или «преступлений против нравственности» наряду с потреблением алкоголя, наркотиков, азартными играми, производством аборт⁷³⁰).

Проституция в сфере сексуальных услуг как разновидность продажности была, есть и будет в обществе с товарно-денежными отношениями. Ее функция — служить «предохранительным клапаном» моногамного брака — понималась еще в Древней Греции. Современ-

⁷²⁸ Гернет М.Н. (1974). Указ. соч. С. 140.

⁷²⁹ Подробнее наши представления о проституции см.: Гишинский Я. Проституция как она есть // Проституция и преступность. М.: Юрид. лит., 1991. С. 99–122; Гишинский Я. Девиантология (2013). Указ. соч. С. 439–449.

⁷³⁰ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965; Lesieur H., Welch M. Vice Crimes: Personal Autonomy Versus Societal Dictates. In: Sheley J. Criminology. Ibid. P. 233–264.

ник воспевал Солона, основавшего первые публичные дома (доктерионы): «Солон, слава тебе, что ты купил публичных женщин для блага города, наполненного крепкими здоровыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы предаваться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды». Это понимали и признанные столпы христианства. Так, святой Августин восклицал: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит!». Ему вторил Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность!».

«Бороться» с проституцией правовыми, в том числе — уголовно-правовыми средствами, бессмысленно. Лишь некоторые действия, связанные с проституцией, могут быть криминализованы, хотя и без особой эффективности. По действующему УК РФ 1996 г. (в редакции Федерального закона от 8.12.2003 г.) к таким составам относятся вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий (включая занятие проституцией) (ст. 151 УК), вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 240 УК), получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240¹ УК) и организация занятия проституцией (ст. 241 УК).

Статистические данные по этим составам преступлений весьма скромны. Так, по ст. 240 УК было зарегистрировано преступлений и выявлено лиц в 2002 г. — соответственно 92 и 18, 2003 г. — 96 и 17, 2004 г. — 276 и 100, 2005 г. — 390 и 100, 2006 г. — 548 и 262, 2007 г. — 575 и 273, 2008 г. — 446 и 199, 2009 г. — 487 и 257, 2010 г. — 382 и 206; по ст. 241 УК в 2002 г. — соответственно 241 и 158, 2003 г. — 356 и 247, 2004 г. — 976 и 656, 2005 г. — 1039 и 741, 2006 г. — 1376 и 967, 2007 г. — 1570 и 1049, 2008 г. — 1419 и 1051, 2009 г. — 1424 и 1166, 2010 г. — 958 и 883⁷³¹. Между тем, только в Москве и Санкт-Петербурге действуют многие сотни «контор» по предоставлению платных сексуальных услуг, тысячи женщин обманым путем рекрутируются и вывозятся за границу для занятия проституцией. В гл. 9, посвященной организованной преступности, уже приводились сведения, свидетельствующие о деятельности таких «контор», о наличии детской проституции, о вывозе молодых женщин за рубеж для сексуальной эксплуатации.

Итак, преступления совершаются ежедневно и в больших масштабах, но социальная реакция на них ничтожна. Эмпирические исследования проституции, в том числе детской, осуществляют-

ся вышеназванным Центром девиантологии не один год, и все они подтверждают и массовость криминального бизнеса в сфере сексуальных услуг, и вовлеченность в это детей, и хорошо налаженный экспорт проституции в страны Европы, Азии (в том числе, в Китай), Латинской Америки (где пару лет назад «совсем пропала» группа петербургских девушек), и необычайную трудность возвратиться назад, а вернувшись — выжить. Исследования научного сотрудника Центра девиантологии М. Русаковой показали, что из 28 обследованных женщин, вернувшихся из США, где они занимались проституцией, восемь стали активными потребителями наркотиков, одна заболела хроническим алкоголизмом, две вернулись со СПИД'ом, одна — ВИЧ-инфицированная, трое совершили суицидальные попытки, почти все страдают соматическими заболеваниями и нервно-психическими расстройствами.

Воинские преступления

Это — чрезвычайно важная криминологическая тема. Ее значение возрастает в связи с тем, что армия вооружена, а ее представители в большей или меньшей степени имеют доступ к оружию, столь необходимому сегодня и для организованной преступности, и для террористических и экстремистских организаций. Не только хищение и перепродажа оружия, но и утрата военного имущества, включая вооружение (ст. 348 УК), чреватые тяжелыми последствиями. К сожалению, закрытость военной юстиции и фактическая невозможность проведения независимых (вневедомственных) эмпирических исследований существенно затрудняет криминологический анализ этого вида преступности, равно как преступности в вооруженных силах в целом (напомним, что преступность в вооруженных силах — более широкое понятие, включающее как общеуголовные преступления, совершаемые военнослужащими, так и специальные — воинские или «преступления против военной службы», предусмотренные гл. 33 УК РФ).

Лишь с 2003 г. появилась возможность ознакомиться с открытой статистикой по преступлениям против военной службы⁷³². Общее количество зарегистрированных преступлений составило: 2003 г. — 12 857, 2004 г. — 12 670, 2005 г. — 12 664, 2006 г. — 12 494. Наибольшее количество воинских преступлений — самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК) — ежегодно от 6984 до 7650 за 2003–2006 гг. и от 7828 в 2008 г. до 2310 в 2010 г. — и нарушение

⁷³¹ Преступность, криминология, криминологическая защита. Указ. соч. С. 351.

⁷³² Преступность, криминология, криминологическая защита. Указ. соч. С. 360–361.

уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности («неуставные отношения» или «дедовщина» — ст. 335 УК) — ежегодно от 3598 до 4086 за те же годы, и от 1768 в 2008 г. до 3786 в 2005 г.

Некоторые сведения за более ранний период можно получить из ряда публикаций⁷³³.

Так, по данным, приведенным в неоднократно упоминаемой книге В. Лунеева (2005), количество всех зарегистрированных преступлений в армии и на флоте СССР выросло с 13 150 в 1965 г. до 31 260 в 1991 г., в том числе общеуголовных — с 5045 до 9424 (при максимуме в первой половине 80-х гг. — 10–15 тыс., что объяснялось отнесенностью «дедовщины» к общеуголовным преступлениям до 1984 г.), воинских — с 8013 до 21 807. При этом уровень преступности военнослужащих снижался в СССР с 957,5 в 1950 г. до 794,2 в 1990 г., при минимуме 425,6 в 1970 г. В России 1996 г. уровень преступности во всех войсках составил 1217,4 (при уровне преступности граждан — 1774,4).

В 1993 г. удельный вес преступлений военнослужащих в совокупном объеме преступлений составлял порядка 1%.

Однако при оценке даже этих весьма скромных сведений необходимо иметь в виду особенности регистрации, выявления и раскрытия преступлений, совершенных военнослужащими: в армии и на флоте последнее слово принадлежит командиру части (подразделения), для которого своеобразно понимаемая «честь» подчиненного ему подразделения нередко дороже закона и справедливости. Тем более, что преступление, совершенное подчиненным, всегда «ЧП» (чрезвычайное происшествие), грозящее не только «позором» для воинской части, но и личными неприятностями для командира («неполное соответствие», задержка в присвоении очередного воинского звания, понижение в должности и т.п.). По выражению В.В. Лунеева, «Уровень воинских преступлений особо командно управляем»⁷³⁴. Неудивительно, что искусственная латентность преступлений военнослужащих неизмеримо выше, чем в стране вообще, а «раскрываемость» преступлений органами военной юстиции стремится к 100%... (Я помню, как

несколько лет тому назад на семинаре в Военно-Морской Академии прокурор Ленинградского военного округа с гордостью докладывал о 100%-ой раскрываемости преступлений...).

Особое место среди воинских преступлений составляют «нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности» (ст. 335 УК РФ), именуемые в быту «дедовщиной». Тяжелейшие для ее жертв последствия были предметом многочисленных публикаций в прессе и специальной литературе⁷³⁵. В числе глубоких исследований проблемы дедовщины в армии и на флоте следует назвать диссертационную работу Д. Клепикова (1997)⁷³⁶.

Для общей характеристики «дедовщины» («неуставных отношений») в современной российской армии воспользуемся цитатой из неоднократно упоминавшейся книги В.В. Лунеева: «В 60-е годы (XX в. — авт.) «дедовщина» носила унижительный, но ритуальный характер: били «провинившегося» пряжкой ремня или ложкой по ягодицам. В 70–80-е гг. упомянутые деяния приобрели опасный насильственный и массовый характер с тяжкими, а нередко и смертельными последствиями... Укрывательство «дедовщины» в середине 80-х годов превысило все мыслимые пределы. Как показывали некоторые проверки, военные госпитали были переполнены солдатами с переломами челюстей, разрывами печени и селезенки и другими травмами от «неуставных отношений». Боясь расправы и старослужащих, и командования, они, как правило, утверждали, что получили повреждения от случайного падения... Реально «дедовщину» загнали в подполье воинских отношений. Правда об этом стала известна обществу лишь в 1990–1991 гг., после массового негодования родителей потерпевших от «дедовщины» военнослужащих»⁷³⁷.

Не следует думать, что ситуация с тех пор изменилась в лучшую сторону. Скорее — наоборот⁷³⁸.

⁷³³ Лунеев В.В. Криминология: Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных силах СССР: учебник. М., 1986; Лунеев В.В. Преступность XX века (1997). Указ. соч. С. 381–406; Он же. Преступность XX века (2005). С. 742–774; Мацкевич И.М., Эминов В.Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М.: Юрист, 1994; Ворошилов С., Гишинский Я. Военная девиантология. Кишинев, 1994.

⁷³⁴ Лунеев В.В. (2005). С. 763.

⁷³⁵ Дедовщина в армии: сборник социологических документов. М., 1991; Нарушения прав человека в армиях стран СНГ. Франкфурт-на-Майне: МОПЧ, 1992; Белая Книга России. Франкфурт-на-Майне: МОПЧ, 1994. С. 201–223; Беловрагин А. Черная книга. М.: Arsis-Books, 2011.

⁷³⁶ Клепиков Д.В. Дедовщина как социальный институт: дис. ... канд. соц. наук. СПб., 1997.

⁷³⁷ Лунеев В.В. (1997). Указ. соч. С. 387–389.

⁷³⁸ Помимо монографии В.В. Лунеева 2005 г., см.: Моргуленко Е.А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Экологическая преступность

Общее понятие экологического правонарушения сформулировано в ст. 81 Закона РФ «Об охране окружающей природной среды»: «виновные противоправные деяния, нарушающие природоохранительное законодательство и причиняющие вред окружающей природной среде и здоровью человека».

Опасность экологических преступлений (гл. 26 УК РФ, а также ряд иных составов — нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, нарушение санитарно-эпидемиологических норм и правил, экоцид и т.п.) очень высока (вплоть до самоуничтожения человечества), их количество огромно, но выявляемость и наказуемость ничтожны. Так, в 1993–1996 гг. ежегодно регистрировалось преступлений и выявлялось лиц, их совершивших: загрязнение водоемов и воздуха (ст. 223 УК РСФСР 1960 г.) — 57 и 28, 49 и 43, 50 и 21, 37 и 43; загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря (ст. 223-1 УК РСФСР) — 5 и 7, 1 и 1, 4 и 3, 1 и 0⁷³⁹.

Не изменилась принципиально и ситуация с принятием ныне действующего УК РФ. Правда, количество зарегистрированных преступлений возрастает. Так, если в 1997 г. было зарегистрировано *всех* экологических преступлений (гл. 26 УК РФ) — 6971 и выявлено лиц — 7374⁷⁴⁰, то в 2006 г. эти показатели выросли соответственно до 41 881 и 25 187⁷⁴¹. Однако, в своем большинстве это дела о браконьерстве (ст. 256, 258 УК РФ), незаконной порубке (ст. 260 УК), тогда как крупномасштабные и наиболее опасные виды загрязнения вод, атмосферы, порчи земли и т.п. остаются невыявленными и безнаказанными. Так, в течение 2002–2010 гг. было зарегистрировано преступлений: нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ — 9–127, (6 и 5 в 2009 и 2010 гг.); загрязнение вод — 13–28 (по 19 в 2009 и 2010 гг.); загрязнение атмосферы — 6–37 (4–9 в 2008–2010 гг.); загрязнение морской среды — 0–26; порча земли — 13–83; нарушение правил охраны рыбных запасов — 1–6. Неудивительно, что и криминологическая литература об экологических преступлениях в России не столь богата⁷⁴².

⁷³⁹ Преступность, статистика, закон. Указ. соч. С. 208.

⁷⁴⁰ Преступность и культура. Указ. соч. С. 155.

⁷⁴¹ Преступность, криминология, криминологическая защита. Указ. соч. С. 353.

⁷⁴² Дубовик О.Л., Жалинский Ф.Э. Причины экологических преступлений. М.: Наука, 1988; Жевлаков Э.Н. Экологические преступления и экологическая преступность: учеб. пособие. М., 1996; Тангиев Б.Б. Экокriminalология. Парадигма и теория. Методология и практика применения. СПб.: Юридический центр Пресс,

Экологические преступления совершаются во всем мире. К числу обстоятельств, способствующих их распространению в России, можно отнести традиционное российское «авось» и столь же традиционное пренебрежение мерами безопасности собственной и других людей, а также низкий уровень экологических знаний, да и бытовой культуры (достаточно посмотреть на «места стоянок» современных соотечественников во время и после их отдыха на природе...). Кроме того, начавшаяся в последнее десятилетие погоня за прибылью при весьма ограниченных средствах на обеспечение охраняемых мероприятий, на использование современных методов очистки производственных выбросов в атмосферу, водоемы, почву приводит к массовым экологическим преступлениям со стороны руководителей предприятий любой формы собственности.

По субъектам все экологические преступления делятся на две большие группы: совершенные специальным (должностные лица) и общим субъектом.

Неосторожные преступления

Криминологическое значение неосторожных преступлений (или преступлений по неосторожности) состоит в том, что они, во-первых, «нарушают» («возмущают») некоторые представления о «причинах» преступности или преступлений (ясно, например, что не могут быть «врожденные» преступления по неосторожности). Во-вторых, они усложняют обоснование эффективности наказания как средства самозащиты общества и предупреждения преступлений (да, всегда надо быть внимательнее, осторожнее, осмотрительнее, предусмотрительнее, но надо ли для этого сажать в тюрьму?). В-третьих, их удельный вес, равно как и тяжесть последствий, имеют тенденцию возрастания. Это связано, в частности, с прогрессом техники⁷⁴³. Достаточно напомнить, что в Японии, стране низкой и сокращающейся преступности, рост наблюдается только по неосторожным автодорожным правонарушениям. Если в 1946 г. неосторожных автотранспортных преступлений в Японии насчитывалось 2858 или всего

2005; Он же. Криминология. Контроль и противодействие экологической преступности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006; Экологическая преступность в Европе / Ред. О.Л. Дубовик. М.: Городец, 2010.

⁷⁴³ Квашис В.Е. Научно-технический прогресс и ответственность за неосторожность // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975; Шаргородский М.Д. Научный прогресс и уголовное право // Сов. государство и право. 1969. № 12.

0,2% всех преступлений, то в 1995 г. количество рассматриваемых преступлений выросло до 653 039, что составило 26,8% всех преступлений⁷⁴⁴.

Иногда различают четыре вида неосторожных преступлений: в результате ДТП, с нарушением техники безопасности, экологические, бытовые.

Динамика преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств в России — ст. 264 УК (1997 г. — 47 963, 1998 г. — 52 373, 1999 г. — 53 735, 2000 г. — 52 697, 2001 г. — 54 525, 2002 г. — 57 073, 2003 г. — 53 609, 2004 г. — 26 533, 2005 г. — 26 637, 2006 г. — 26 315, 2007 г. — 25 623, 2008 г. — 24 326, 2009 г. — 27 544, 2010 г. — 26 307) менее выразительна. «Сокращение» рассматриваемых преступлений с 2004 г. — результат не улучшения дорожной ситуации, а изменения законодательства. В частности, декриминализации ДТП, повлекших причинение вреда здоровью средней тяжести. Кроме того, и эти преступления характеризуются очень высокой латентностью. Всего же в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП) на территории России погибло людей: 1985–1991 гг. — 196 тыс. чел., 1992–1998 гг. — 228 тыс. чел., в 1999 г. — 29,7 тыс. чел., в 2003 г. — 35,6 тыс. чел., в 2004 г. — 34,5 тыс. чел., в 2005 г. — 33,9 тыс. чел., в 2006 г. — 32,7 тыс. чел., в 2007 г. — 33,3 тыс. чел.

Огромный ущерб наносит неосторожное обращение с огнем. В результате пожаров на территории России погибло людей: 1990 г. — 6888 чел., 1991 г. — 7705, 1992 г. — 10 296, 1993 г. — 13 712, 1994 г. — 15 733, 1995 г. — 14 875, 1996 г. — 15 877, 1997 г. — 13 851, 1998 г. — 13 741, в 1999 г. — 14 001, в 2000 г. — 16 298, в 2001 г. — 18 289, в 2002 г. — 19 906, в 2003 — 19 275, в 2004 г. — 18 793, в 2005 г. — 18 304, в 2006 г. — 17 065, в 2007 г. — 16 025 чел. Материальный ущерб исчисляется миллиардами рублей ежегодно (1994 г. — 330454 млн, 1996 г. — 1542100 млн, 1998 г. — 23425,1 млн, 1999 г. — 30745,5 млн, 2002 г. — 59585 млн, 2003 — 72605 млн, 2004 г. — 103106 млн, 2005 г. — 6788 млн, 2006 г. — 7902 млн, 2007 — 8633 млн руб.).

Неосторожного лишения жизни и лиц, их совершивших, было зарегистрировано: 1993 г. — 1482 и 1356, 1994 г. — 1446 и 1382, 1995 г. — 1313 и 1320, 1996 г. — 1159 и 1149, 1999 г. — 1513 и 1318, 2000 г. — 1674 и 1628, 2001 г. — 1738 и 1533, 2002 г. — 1798 и 1531, 2003 г. —

1874 и 1710, 2004 г. — 2048 и 1929, 2005 г. — 2203 и 1948, 2006 г. — 2050 и 1855, 2007 г. — 1749 и 1598, 2008 г. — 1735 и 1598, 2009 г. — 1709 и 1703, 2010 г. — 1721 и 1706. Неосторожные тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения и лица, их причинившие, соответственно составили: 1993 г. — 3879 и 3456, 1994 г. — 3798 и 3434, 1995 г. — 3504 и 3129, 1996 г. — 3234 и 2992⁷⁴⁵. Фактов причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности зарегистрировано: 2004 г. — 2000, 2005 г. — 2082, 2006 г. — 2153, 2007 г. — 2012, 2008 г. — 2185, 2009 г. — 3060, 2010 г. — 3185⁷⁴⁶. Это одно из немногих преступлений с явно выраженной тенденцией роста, вплоть до последних лет.

Криминологическая характеристика неосторожных преступлений содержится в ряде монографий⁷⁴⁷.

Компьютерные преступления

Это еще один вид быстро развивающейся и мало исследованной преступности, вызванный техническим прогрессом⁷⁴⁸. Криминализация ряда деяний, связанных с компьютерными правонарушениями, в России произошла только с принятием УК РФ 1996 г. (гл. 28). Практика применения возрастала от года к году. В 1997 г. было зарегистрировано всего 33 преступления (21 — неправомерный доступ к компьютерной информации, 1 — создание, использование и распространение вредоносных программ, 11 — нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети), выявлено 4 лица. В 1999 г. зарегистрировано уже 285 преступлений в сфере компьютерной информации, в 2000 г. — 800 преступлений, в 2001 г. — 2072, в 2002 г. — 4050, в 2003 г. — 7540, в 2004 г. — 8379, в 2005 г. — 10214, в 2006 г. — 8889. Таким образом, количество зарегистрированных преступлений выросло с 1997 г. по 2005 г. в 310 раз! Большинство компьютерных преступлений — неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК, зарегистрировано 9519 в 2009 г.), на втором месте — создание, использование и распространение вредоносных программ (ст. 273 УК, зарегистриро-

⁷⁴⁵ Преступность, статистика, закон. Указ. соч. С. 196.

⁷⁴⁶ Преступность, криминология, криминологическая защита. Указ. соч. С. 337. Нами не приводятся данные до 2004 г. в связи с несопоставимостью, обусловленной изменением уголовного закона в 2003 г.

⁷⁴⁷ Дагель П.С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977; Квашиш В.Е. Преступная неосторожность: Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986.

⁷⁴⁸ Панфилова Е.И., Попов А.Н. Компьютерные преступления. СПб.: СПб Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998.

⁷⁴⁴ Government of Japan. Summary of the White Paper on Crime. Research and Training Institute Ministry of Justice, 1996, p. 43.

вано 2112 в 2009 г.). Часть этих преступлений может быть отнесена к должностным. Бесспорный интерес представляет изучение личности субъектов компьютерных преступлений, включая «хакеров» — взломщиков сетей.

Основательный криминологический анализ киберпреступлений — дело будущего. В настоящее время из российских трудов можно назвать ряд статей и книг В.С. Овчинского или с его участием⁷⁴⁹.

Преступления, совершаемые лицами с психическими отклонениями

Конечно, практически любое преступление может быть совершено лицом, страдающим тем или иным психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости. Вместе с тем, и опасность некоторых лиц и особенности совершаемых преступлений заслуживают специального исследования⁷⁵⁰.

К числу наиболее опасных таких преступлений относятся серийные убийства на сексуальной почве (действия «сексуальных маньяков»). Эти преступления страшны как по своим непосредственным последствиям, так и внушаемым ими страхом⁷⁵¹. Неудивительно, что «страх перед преступностью», ригоризм и нетерпимость населения,

⁷⁴⁹ См., напр.: Овчинский В.С. (сост.) Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом. М.: Норма, 2017; Ларина Е. Овчинский В. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден // URL: <https://books.google.ru/books?id=IImNCwAAQBAJ&pg=PT179&lpg=PT179&dq=%D0%9E%D0%B2%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%92.%D0%A1.+%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&source=bl&ots=onfqWMVd7q&sig=bi0tNPVkr2q0QNlxLS8PkFVSnwE&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiXy-bKyUPTAhXGKJJoKHf2yCZcQ6AEITzAJ#v=onepage&q=%D0%9E%D0%B2%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%92.%D0%A1.%20%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&f=false> (дата обращения: 10.04.2017).

⁷⁵⁰ Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М.: Наука, 1987; Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991; Исаев Н.А. Аномальный субъект насильственных половых преступлений. Орел: ОГУ, 2007; Исаев Н.А. Серийные преступления на сексуальной почве. Орел: ОГУ, 2007; Старович З. Судебная сексология. М.: Юрид. лит., 1991; Харитонов К.В. Насильственная преступность женщин с психическими аномалиями. Орел: ОГУ, 2009.

⁷⁵¹ Введенский Г.Е., Исаев Н.А., Ткаченко А.А., Амбарцумян Э.С. Криминальное профилирование лиц, совершивших серийные сексуальные убийства. Орел, 2005; Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. Серийные сексуальные преступления: Криминологическое и патопсихологическое исследование / Ред. Ю.М. Антонян. М.: Щит-М, 2000.

требования применения смертной казни в значительной степени обусловлены серийными убийствами. Между тем, общество не может избавиться от такого рода преступлений именно потому, что в каждой популяции имеется относительно постоянная доля лиц, страдающих расстройством влечений сексуального характера. Некоторые надежды можно возлагать на меры раннего выявления таких лиц и применения соответствующих средств медико-психологической коррекции. Но это требует более ответственного отношения самих лиц, страдающих подобными расстройствами, их родственников, а также медицинского персонала.

Нередко обращают внимание на то, что среди контингента пенитенциарных учреждений наблюдается относительно высокий процент лиц с психопатическими чертами и олигофренией (умственной отсталостью). Признавая это как факт, следовало бы изучить ряд вопросов: насколько отличается (и отличается ли вообще) уровень психопатических расстройств (да и олигофрении) среди заключенных и населения в целом; является ли относительно бóльшая частота упомянутых расстройств среди осужденных результатом повышенной «криминогенности» этих лиц или же следствием того, что психопаты и олигофрены более уязвимы для правоохранительных органов; не является ли психопатическая реакция заключенных следствием судебного стресса и пребывания в пенитенциарном учреждении.

Рецидивная преступность

В отличие от уголовно-правового понимания рецидива — совершение *умышленного* преступления лицом, имеющим *судимость* за ранее совершенное *умышленное* преступление (ст. 18 УК РФ), под криминологическим рецидивом понимается повторное совершение лицом любого преступления, независимо от снятия или погашения судимости.

Обычно рецидивная преступность рассматривается как один из наиболее опасных видов преступности. В известном смысле это так, поскольку совершение повторного преступления может свидетельствовать о повышенной общественной опасности лица, его совершившего. Но, во-первых, как отмечалось в I Части книги, каждый взрослый гражданин совершал в своей жизни преступления (т.е. деяния, предусмотренные действующим уголовным законом) и неоднократно. В этом (криминологическом!) смысле — все мы преступники-рецидивисты... Во-вторых, разумеется, рецидив рецидиву рознь. Одно дело — неоднократное оскорбление сограждан (ст. 130 УК), другое дело — система-

Часть IV. Социальная реакция на преступность

тические грабежи и разбои. В-третьих, если бы преступления совершались только рецидивистами (в узком, уголовно-правовом смысле слова), то есть вся преступность была бы рецидивной, — появилась бы надежда на «ликвидацию» преступности. Точнее, это была бы ее «самоликвидация» — по мере естественного или искусственного (с помощью правоохранительных органов) выбытия рецидивистов из процесса воспроизводства преступности.

В действительности же регистрируемая рецидивная преступность (ее удельный вес в общем объеме преступности) характеризуется удивительным постоянством с не менее удивительным ростом с 2009 г.: 1988 г. — 25,9%, 1989 г. — 28,4%, 1990 г. — 27,2%, 1991 г. — 26,9%, 1992 г. — 26,3%, 1993 г. — 24,9%, 1994 г. — 21,8%, 1995 г. — 26,3%, 1996 г. — 26,8%, 1997 г. — 33,7%, 1998 г. — 32,9%, 1999 г. — 32,1%, 2000 г. — 29,8%, 2001 г. — 30,1%, 2002 г. — 27,2%, 2003 г. — 27,7%, 2004 г. — 27,7%, 2005 г. — 30,5%, 2006 г. — 29,8%, 2007 г. — 30,1%; 2009 г. — 32,2%, 2010 г. — 37,1%, 2011 г. — 40,7%, 2012 г. — 46,6%, 2013 г. — 49,6%. Если 21–26% рецидивной преступности — «нормально» и соответствует средним показателем европейских стран, то доля рецидива свыше 40% — свидетельство чрезмерной неэффективности репрессивных мер в России.

Напомним, что в царской России доля рецидивной преступности колебалась в период 1875–1883 гг. от 15 до 19%, а в течение 1884–1912 гг. — от 16 до 22%. Более того, относительное постоянство рецидива наблюдается и в других государствах, что послужило, в частности, основанием говорить о «кризисе наказания» (Т. Mathiesen), ибо устойчивость рецидива свидетельствует о неэффективности средств и методов социального контроля над преступностью.

Уровень зарегистрированной рецидивной преступности существенно отличается по *регионам* России. При среднем уровне (на 100 тыс. жителей) 374,3 в 2006 г. этот показатель достигал 829,0 в республике Алтай, 774,5 в Приморском крае, 772,4 в Томской области, 656,0 в Хабаровском крае 635,0 в Новосибирской области, 613,0 в Тюменской области, что объясняется, в частности, высокой долей ранее судимых лиц среди жителей большинства из этих регионов. Низкий уровень зарегистрированной рецидивной преступности (ниже 100) в том же году отмечался в Дагестане (73,50), Карачаево-Черкессии (60,3), Ингушетии (16,6).

В этой части будут рассмотрены вопросы, связанные с отношением общества к преступности и реакцией на нее. Возможно, это самая главная проблема криминологии или, по крайней мере, наиболее важная в практическом отношении: что дают наши знания о преступности для контроля над ней? Каковы возможности общества, государства, средств массовой информации по контролю над преступностью? Каковы возможности уголовного права и правоприменительной деятельности, полиции и уголовной юстиции для сокращения преступности, оптимизации ее структуры, защиты граждан и социальных институтов от преступных посягательств? И вообще, согласно традиционному российскому вопросу, — *что делать?*

Глава XV. Социальный контроль над преступностью

Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля.
Никлас Луман

§ 1. Понятие социального контроля

Социальный контроль — механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего — девиантного поведения.

Но это слишком общее определение, нуждающееся в комментариях. Тема социального контроля неразрывно связана с девиантностью, девиантным поведением и, прежде всего — с преступностью, хотя имеет более широкое, социологическое значение.

Возможно, что стремление к порядку является врожденным у человека. Во всяком случае, все научные, философские, религиозные построения направлены на раскрытие закономерностей (= порядка!) Мира или привнесение Порядка в Хаос Бытия. В широком, общенаучном смысле *порядок* есть определенность, закономерность расположения элементов системы и их взаимодействия друг с другом. Применительно к обществу под *порядком* понимается определенность, закономерность структурирования общества и взаимодействия его элементов (сообществ, классов, групп, институтов).

Один из основных вопросов социологии: как и почему возможно существование и сохранения общества? Почему оно не распадается под воздействием борьбы различных, в том числе — антагонистических, интересов классов, групп?⁷⁵² Проблема порядка и социального контроля обсуждалась всеми теоретиками социологии от О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма до П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертонса, Н. Лумана и др.

⁷⁵² Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс. 1985. С. 27, 70.

Так, О. Конт (1798–1857) полагал, что общество связывается «всеобщим согласием» (*consensus omnium*). Один из двух основных разделов социологии — социальная статика (другой — социальная динамика) — представляет собой, по О. Конту, теорию общественного порядка, гармонии. И основные социальные институты (семья, государство, религия) рассматривались ученым с точки зрения их роли в *интеграции* общества. Так, семья учит преодолевать врожденный эгоизм, а государство призвано предупреждать «коренное расхождение» людей в идеях, чувствах и интересах⁷⁵³.

Г. Спенсер (1820–1903), также стоявший у истоков социологии и придерживавшийся организмических представлений об обществе, считал, что общественному организму присущи три системы органов: поддерживающая (производство), распределительная и регулятивная. Последняя как раз и обеспечивает подчинение составных частей (элементов) общества целому, т.е. выполняет по существу функции социального контроля. Будучи эволюционистом, Г. Спенсер осуждает революцию как противоестественное нарушение порядка⁷⁵⁴.

Исходным для социологии Э. Дюркгейма (1858–1917) является понятие социальной *солидарности*. Классификация связанных с солидарностью понятий дуальна («двоична»). Существуют два типа социальности: *простая*, основанная на кровном родстве, и *сложная*, основанная на специализации функций, возникшей в процессе разделения общественного труда. Для *простой* социальности характерна *механическая солидарность* однородной группы, для *сложной* — *органическая солидарность*. Для поддержания механической солидарности достаточно *репрессивного* права, предусматривающего жестокое наказание нарушителей. Органической солидарности должно быть присуще *реститутивное* («восстановительное») право, функция которого сводится к «простому восстановлению порядка вещей»⁷⁵⁵. Забегая вперед, заметим, что эта идея «восстановительного права», «восстановительной юстиции» (*restorative justice*), как альтернативы уголовной, «возмездной» юстиции (*retributive justice*), получила широкое распространение в современной зарубежной криминологии. Чем сплоченнее общество, чем выше степень социальной интеграции ин-

⁷⁵³ Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб., 1912. Вып. 4.

⁷⁵⁴ Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1887.

⁷⁵⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. С. 109.

дивидов, тем меньше отклонений (девиаций). А неизбежные в обществе конфликты должны решаться мирным путем.

Взгляды ученого эволюционировали от примата долга и принудительности социальных норм к добровольности, личной заинтересованности индивидов в их принятии и следовании им. Истинная основа солидарности, по «позднему» Э. Дюркгейму, — не в принуждении, а в интернализированном (усвоенном индивидом) моральном долге, в чувстве уважения к общим требованиям (групповому давлению).

У. Самнер (1840–1910) уже в своих ранних работах рассматривал процессы *контроля* общества над средой и принудительного давления («коллективного давления») на членов общества, обеспечивающего его сплоченность⁷⁵⁶. У. Самнер предложил типологию источников (средств) коллективного давления: народные обычаи, включая традиции и нравы; институты; законы. Эти три социальных механизма обеспечивают конформизм, но недостаточны для солидарности, которая сама является побочным продуктом конформизма.

Как нам уже известно, ключевым в теории Г. Тарда (1843–1904) — представителя психологического направления в социологии и криминологии — служит «подражание», с помощью которого ученый объяснял основные социальные процессы, характер социальных фактов, структуру общества и механизм его сплочения⁷⁵⁷. Г. Тард уделял большое внимание исследованию различных форм девиантности, полагая, что результаты таких исследований позволяют поставить под контроль стихийные социальные процессы. Важным фактором социального контроля является социализация личности.

Для Э. Росса (1866–1951) солидарность и сплоченность вторичны по отношению к социальному контролю. Именно он связывает индивидов и группы в организованное целое. Ключевое понятие концепции Э. Росса — «повиновение»⁷⁵⁸. Оно может выступать в двух формах: лично-неофициальной и безлично-официальной. Первая основана на согласии. Вторая обеспечивается посредством контроля. Пожалуй, Россом предложена и первая классификация механизмов социального контроля: *внутренний* контроль — этический и *внешний* — политический. Для первого важны групповые цели, для второго — институционализированный аппарат средств (правовых, образовательных и др.).

⁷⁵⁶ Sumner W. Folkways. Boston, 1906.

⁷⁵⁷ Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892 (последнее издание — 1999 г.).

⁷⁵⁸ Ross E. Social Control. NY, 1901.

Подробнее Росс рассматривает семью как фактор социального контроля, формирующего и внедряющего модели поведения. Интернализация (усвоение) индивидом этих моделей в качестве личных идеалов наилучшим образом обеспечивает послушание.

Р. Парк (1864–1944) выделил три формы социального контроля: элементарные санкции, общественное мнение, социальные институты. В том или ином виде эти формы контроля рассматриваются различными авторами.

Из огромного научного наследия М. Вебера (1864–1920) непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме имеют его конструкции трех идеальных типов господства (законных порядков, легитимности): рациональный, традиционный, харизматический⁷⁵⁹. Их можно рассматривать и как типы социального контроля. Сам Вебер полагал, что «легитимность порядка может быть гарантирована только внутренне», а именно: эффективно-эмоционально — преданностью; ценностно-рационально — верой в абсолютную значимость порядка как выражения непреложных ценностей; религиозно — верой в зависимость блага и спасения от сохранения порядка. Первый тип легитимности — легальный или *формально-рациональный* основывается на интересе. Подчиняются в рациональном государстве не личностям, а установленным законам. Их реализация осуществляется бюрократией (классические примеры — современные автору буржуазные Англия, Франция, США). Второй тип — *традиционный* основывается на нравах, традициях, привычках, которым приписывается не только законность, но и *священность*. Этот тип присущ патриархальному обществу, а основные отношения — господин-слуга (классический пример — феодальные государства Западной Европы). Третий тип — *харизматический* (греч. charisma — божественный дар), основан на экстраординарных способностях личности — вождя, пророка (будь то Иисус Христос, Магомет, Будда или же Цезарь, Наполеон, наконец, — Гитлер, Сталин, Мао...). Если традиционный тип господства поддерживается *привычным* — нравами, традициями, привычками, то харизматический держится на *непривычном*, чрезвычайном, удивительном, сверхъестественном. Вебер рассматривал харизму как «великую революционную силу», прерывающую постепенность традиционного развития. Ему посчастливилось не дожидаться до харизмы Гитлера в родной стране, а также других «вождей», обладающих необычайным «даром»...

⁷⁵⁹ Weber M. Staatssoziologie. Berlin, 1966.

Творчество нашего соотечественника П. Сорокина (1889–1968), вынужденного — благодаря приходу к власти в России харизматических вождей — с 1922 г. жить и работать в эмиграции, в значительной степени посвящено теме социальной регуляции поведения людей. Название и содержание его первого крупного научного труда «Преступление и кара, подвиг и награда» посвящены механизму социального контроля⁷⁶⁰. Существуют устойчивые формы социального поведения — «должное», «рекомендуемое», «запрещенное» и формы социальной реакции на них — негативные (кара) и позитивные (награда) санкции. В целом эти формы и составляют регулятивную субструктуру. В «Системе социологии»⁷⁶¹ П. Сорокин, отдавая дань проблеме социального порядка, рассматривает механизм «организованных» форм поведения. Социальные реакции на биопсихические стимулы, многократно повторяясь, складываются в *привычку*, а будучи осознаны — в *закон*. Совокупность осознанных форм поведения в различных областях общественной жизни образует *институты*, совокупность последних составляет социальный *порядок* или организацию.

П. Сорокин придавал большое значение социальной стратификации и социальной мобильности. Отсюда — роль понятия «статус» как совокупности прав и обязанностей, привилегий и ответственности, власти и влияния. Затрудненная вертикальная мобильность в конце концов приводит к революции — «перетряхиванию» социальных страт. Неестественный и насильственный характер социальных революций обуславливает их нежелательность. А лучший способ предупреждения революций — совершенствование каналов вертикальной мобильности и социального контроля.

Проблема социального контроля существенна для функционализма и составляет значимую часть теории социального действия. По мнению ее крупнейшего представителя — Т. Парсонса (1902–1979), функции воспроизводства социальной структуры обеспечиваются системой верований, моралью, органами социализации (семья, образование и т.п.), а нормативная ориентация в теории действия играет такую же роль, как пространство в классической механике. Т. Парсонс называет многочисленные механизмы социального контроля, смысл которых — организация роли-статуса индивидов с целью уменьшения напряженности и девиаций; институционализация (обеспечение определенности ролевых ожиданий); межличностные

санкции и жесты; ритуальные действия (снятие напряженности символическим путем, укрепление господствующих культурных образцов); структуры, обеспечивающие сохранение ценностей и разграничение «нормального» и «девиантного»; структуры повторной интеграции (приведение к норме тенденций к «отклонению»); институционализация системы, способной применять насилие, принуждение. В широком смысле к механизмам социального контроля (точнее, сохранения интеграции общественной системы) относится и *социализация*, обеспечивающая интериоризацию (усвоение) ценностей, идей, символов. Т. Парсонс анализировал также три метода социального контроля по отношению к девиантам: *изоляция* от других (например, в тюрьме); *обособление* с частичным ограничением контактов (например, в психиатрической больнице); *реабилитация* — подготовка к возвращению к «нормальной» жизни (например, с помощью психотерапии, деятельности общественных организаций типа «АА» — «анонимных алкоголиков»).

Эпоха Просвещения и XIX в. были пронизаны верой и надеждой по поводу возможности успешного социального контроля и «порядка». Надо только прислушаться к советам просветителей, мнению ученых и немножко потрудиться над приведением реальности в соответствие с Разумом...

Правда, до сих пор остаются не совсем ясными несколько вопросов:

- Что такое «порядок», существуют ли объективные критерии его оценки? Для естественных наук — это, вероятно, уровень энтропии системы — ее (энтропии) уменьшение или не увеличение. А для социальных систем? Может быть, нам сможет помочь в ответе на этот вопрос синергетика?
- «Порядок» для кого? В чьих интересах? С чьей точки зрения?
- Возможно ли общество без «беспорядка»? Очевидно — нет. Организация и дезорганизация, «порядок» и «беспорядок» (хаос), «норма» и «девиации» — дополнительные (в боровском смысле). Напомним, что *девиации* — *необходимый механизм изменений, развития*.
- Как, какими средствами, какой ценой поддерживается «порядок» («новый порядок» А. Гитлера, гулаговский «порядок» И. Сталина, наведение «порядка» Америкой во Вьетнаме, Ираке, СССР — в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, Россией — в Чечне)?

Социальная практика XX в. с двумя мировыми войнами, «холодной войной», сотнями локальных войн, гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, Холокостом, геноцидом, правым и левым

⁷⁶⁰ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1913.

⁷⁶¹ Сорокин П. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1.

экстремизмом, терроризмом, фундаментализмом и т.д., и т.п. — разрушила все иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля (кто-то из современников заметил: человеческая история разделилась на «до» Освенцима и «после»). Сумма преступлений, совершенных государствами — «столпами порядка», стократ превысила преступления одиночек. При этом государства — «спонсоры убийств» (N. Kressel) — не «раскаиваются» (может быть, за исключением Германии), а отрицают, отказываются от содеянного. S. Cohen в статье «Права человека и преступления государства: Культура отказа»⁷⁶² называет три формы такого отказа (*denial*):

- отрицание прошлого (*denial of the past*). Так, на Западе появились публикации, объявляющие Холокост «мифом», отечественные сталинисты называют «мифом» ужас сталинских репрессий (впрочем, недавние думские события в годовщину памяти Холокоста, когда многие наши избранники отказались почтить память жертв, свидетельствуют о том, что в этом вопросе мы «догоняем» Запад...);
- буквальный отказ (*literal denial*) — по формуле «мы ничего не знаем»;
- причастный отказ (*implicatory denial*) — по формуле «да, но...». Так, большинство военных преступников под давлением фактов признают: «да, было». И тут же следует «но»: был приказ, военная необходимость и т.п.

Не удивительно, что постмодернизм в социологии и криминологии конца XX в., начиная с Ж.Ф. Лиотара и М. Фуко, приходит к отрицанию возможностей социального контроля над девиантными проявлениями, выраженному категорически и лаконично Н. Луманом в словах, избранных эпиграфом к этой главе. И хотя вероятно, что реалистически-скептический постмодернизм — как реакция на иллюзии прекраснородушного Просвещения — является столь же односторонним, сколь само Просвещение, однако некоторые соображения общенаучного характера (в частности, закон возрастания энтропии в системе) склоняют нас на сторону постмодернизма. «Победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной... Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»⁷⁶³.

⁷⁶² Cohen S. Human Rights and Crimes of the State: the Cultural of Denial. In: Criminological Perspectives. A Reader. SAGE, 1996, pp. 489–507.

⁷⁶³ Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 192, 193.

Это не исключает, разумеется, возможности и необходимости систем, прежде всего — биологических и социальных, противостоять дезорганизующим энтропийным процессам. Как писал отец кибернетики Н. Винер, «Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности, который, в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти... В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы... Мы должны бежать со всей быстротой, на которую только способны, чтобы остаться на том месте, где однажды остановились»⁷⁶⁴.

Большинство из нас сражается за жизнь до конца, зная его неизбежность и сохраняя мужество (или не очень...) «вопреки» неизбежному (А. Мальро), и «по ту сторону отчаянья» (Ж.-П. Сартр). Но это не отменяет конечного результата. Каждое общество также рано или поздно прекращает свое существование (часто ли мы сегодня вспоминаем Лидию и Халдею, Вавилон и Ассирию, империю шумеров и цивилизацию инков?). Это не должно служить препятствием к стараниям самосохраниться путем организации и поддержания «порядка» и сокращения хаотизирующих процессов, включая *негативное* девиантное поведение. Не надо только забывать, что организация и дезорганизация неразрывно связаны, одно не может быть без другого, а девиации не только «вредны», но и «полезны» с точки зрения выживания и развития системы.

Итак, проблема социального контроля есть в значительной степени проблема социального порядка, сохранности общества как целого.

Существует различное понимание социального контроля. В начале параграфа мы привели наиболее общее его определение. В более узком смысле слова, *социальный контроль* представляет собой *совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные (включая преступность) формы девиантного поведения, с целью их элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации*.

Социальными *регуляторами* человеческого поведения служат выработанные обществом *ценности* (как выражение отношения человека к тем или иным объектам и значимым для людей свойствам этих объектов) и соответствующие им *нормы* (правовые, моральные, обычаи, традиции, мода и др.), т.е. правила, образцы, стандарты,

⁷⁶⁴ Винер Н. Я — математик. М.: Наука, 1967. С. 311.

эталон поведения, устанавливаемые государством (право) или же формируемые в процессе совместной жизнедеятельности, а средством передачи (трансляции) тех и других — *знаки*⁷⁶⁵.

Социальный контроль не ограничивается нормативным регулированием поведения людей, но включает также *реализацию* нормативных велений и ненормативное воздействие на поведение членов общества. Иначе говоря, к социальному контролю относятся *действия* по реализации предписаний (норм), меры *ответственности* лиц, нарушающих принятые нормы, а в некоторых государствах — тоталитарного типа — и лиц, не разделяющих провозглашаемые от имени общества ценности.

Основными *методами* социального контроля являются позитивные санкции — *поощрение* и негативные санкции — *наказание* («кнул и пряник», «*bait and switch*»).

К основным механизмам социального контроля относятся *внешний*, осуществляемый извне, различными социальными институтами, организациями (семья, школа, общественная организация, полиция) и их представителями с помощью санкций — позитивных (поощрения) и негативных (наказание), и *внутренний*, основанный на интернализированных (усвоенных, воспринятых как свои собственные) ценностях и нормах и выражаемый понятиями честь, совесть, достоинство, порядочность, стыд (нельзя, потому что стыдно, совесть не позволяет). К внешнему контролю относится и *косвенный*, связанный с общественным мнением, мнением референтной группы, с которой индивид себя идентифицирует (родители, друзья, коллеги).

Различают *формальный* контроль, осуществляемый компетентными органами, организациями, учреждениями и их представителями в пределах должностных полномочий и в строго установленном порядке, и *неформальный* (например, косвенный), *карательный* (репрессивный) и *сдерживающий* (предупредительный, профилактический).

Хорошо известно, что позитивные санкции (поощрение) значительно эффективнее негативных (наказания), а внутренний контроль намного эффективнее внешнего. К сожалению, человечество, зная это, чаще прибегает к внешнему контролю и репрессивным методам. Считается, что это «проще» и «надежнее». Отрицательные последствия «простых решений» не заставляют себя долго ждать...

⁷⁶⁵ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение. 1969. С. 210.

Существуют различные модели (формы) социального контроля и их классификации⁷⁶⁶. Одна из них, предложенная Д. Блэком (в модификации Ф. Маккллинтока)⁷⁶⁷, воспроизведена в табл. 15.1. Каждая из приведенных в таблице форм социального контроля имеет свою логику, свои методы и язык, свой способ определения события и реагирования на него. В реальной действительности возможно сочетание нескольких форм.

В целом *социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и нормы; обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение, интериоризация индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; упрекает (наказывает) за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике, превенции) нежелательных форм поведения*. В гипотетически идеальном (а потому и нереальном) случае общество обеспечивает полную социализацию своих членов, и тогда не требуется ни наказаний, ни поощрений.

Обширный обзор теорий социального контроля и обоснование теории рестриктивного (ограничительного) социального контроля содержится в монографии Ю.Ю. Комлева⁷⁶⁸.

Реальное осуществление социального контроля над девиантностью существенно зависит от *власти*, формы правления, политического режима в стране. Теоретическое, основанное на огромном историческом материале, исследование роли власти и политических структур в социальном контроле над девиантным поведением было осуществлено М. Фуко (1926–1984)⁷⁶⁹. Один из его выводов — все тонкости механизма власти и социального контроля с использованием «коварной мягкости, неявных колкостей, мелких хитростей, рассчитанных методов, техник» направлены на одну цель — создание «дисциплинарного индивида»⁷⁷⁰.

⁷⁶⁶ Black D. The Behavior of Law. NY: Academic Press, 1976; Davis N., Anderson B. Social Control: The Production of Deviance in the Modern State. Irvington Publishers Inc., 1983.

⁷⁶⁷ Подробнее см. статьи Л. Хулсмана и Ф. Маккллинтока в: Планирование мер борьбы с преступностью. М.: ИГиП АН, 1982. С. 16–31, 99–105.

⁷⁶⁸ Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ, 2009.

⁷⁶⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999; Он же. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997; Он же. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум, 1996.

⁷⁷⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Указ. соч. С. 455.

Таблица 15.1

Механизмы социального контроля (по Д. Блэку)

Формы контроля	Карательный	Терапевтический (+социальная мощь)	Образовательный (+социальная мощь)	Компенсующий	Примирительный
1. Обычный уровень	Запрет	Соответствие норме	Образованность	Обязательство	Гармония
2. Проблемный	Вина	Необходимость	Незнание/некомпетентность	Долг	Конфликт
3. Инициатор действия	1. Орган общества 2. Жертва	1. Орган общества 2. Нарушитель	1. Орган общества 2. Обучающийся	1. Орган общества 2. Потерпевший	1. Орган группы 2. Спорящий
4. Личность нарушителя или «конфликтующего» лица	Нарушитель	Пациент / клиент	Невежественное, необразованное или некомпетентное лицо	Должник	Спорящий
5. Решение или цель	Наказание	Помощь / лечение	Достижение стандарта, выдача свидетельства и признательные компетентности	Оплата (деньгами или натурой)	Разрешение конфликта.

Ясно, что формирование стандартного «дисциплинарного индивида», не создающего проблем для власти — задача, прежде всего, тоталитарного режима. Эта власть проявляется не только в тюрьме, но и в казарме, психиатрической больнице, за фабричными стенами, в школьном помещении. Для дисциплинарной власти характерны иерархический надзор (системное наблюдение, постоянный контроль), позитивные и негативные санкции, испытания (экзамены, смотры, тренировки, инспекции и т.п.). Цель дисциплинарного контроля — формирование «податливых тел», а его символ — тюрьма. Но тогда все общество «начинает приобретать сильное сходство с тюрьмой, где все мы одновременно и охранники, и заключенные»⁷⁷¹.

С этим переключается труд нашего современника и соотечественника А.Н. Олейника «Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти»⁷⁷², в котором автор, в результате эмпирических исследований и кропотливого анализа, сравнивает Россию, как «маленькое общество» (в отличие от «большого общества» — цивилизованного) с тюрьмой. Не могу удержаться от обширной цитаты: «Тенденция к воспроизводству «маленького общества» и незавершенный характер модернизации — таковы основные факторы, определяющие постсоветский институциональный контекст... Государство сознательно пресекает всякие попытки оформления коллективного субъекта, способствуя, таким образом, образованию пустыни между повседневной жизнью групп «своих» и властью... И здесь не важно, какую конкретную форму принимает группа «своих»: номенклатуры, семьи президента или выходцев из КГБ... Приватизация общественного пространства группами «своих», не важно, находящихся у кормила власти или нет, означает смерть еще до рождения гражданского общества... Группа «своих» стремится приватизировать и материальные ресурсы, к которым имеют доступ ее члены... Постсоветские люди с ненавистью относятся к государству, потому что оно воспроизводит логику группы «своих» и поэтому рассматривает граждан как «чужих». Но в то же время постсоветские люди неспособны избавиться от *такого* государства, в котором материализуется их собственный образ жизни, их собственные взгляды и поведение»⁷⁷³.

⁷⁷¹ Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию. М.: Весь Мир, 1995. С. 63.

⁷⁷² Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001.

⁷⁷³ Олейник А.Н. Указ. соч. С. 364–370.

Эту тему продолжает монография еще двух российских авторов — Р. Ромашова и Е. Тонкова: «Государства начали создавать тотальные системы наблюдения за человеком и контроля всей его жизни. Для этого как нельзя лучше подходила пенитенциарная система, ее принципы были успешно экстраполированы на все общественные институты. Воров следовало поместить в тюрьмы, детей — в школы, рабочих — на фабрики и заводы, солдат — в казармы, ненормальных — в психиатрические клиники»⁷⁷⁴.

Думается, М. Фуко не случайно упоминал коварную мягкость, мелкие хитрости и т.п. Чем менее демократичен, менее либерален режим, чем он более авторитарен и тоталитарен, тем большую демагогию он использует для прикрытия своих истинных целей, намерений и действий.

Другой исследователь проблемы — И. Гоффман (1922–1982) называет учреждения, описанные Фуко (тюрьма, психиатрическая больница, школа-интернат, а также армия с ее казармами и т.п.), «тотальными институтами»⁷⁷⁵.

§ 2. Контроль над преступностью

Контроль над преступностью — один из видов социального контроля. Поскольку преступность (что бы ни вкладывалось в это понятие в различные эпохи у разных народов) издавна воспринималась как самая опасная форма «отклонений», постольку и средства воздействия на лиц, признанных преступниками, применялись самые жесткие (жестокие).

Так, в 1487 г. инквизиторами Г. Инститорисом и Я. Шпренгером был создан печально знаменитый трактат «Молот ведьм» (нем. Hexenhammer, лат. Malleus Maleficarum) — своеобразное методическое пособие по охоте за ведьмами и уничтожению несчастных. А вот рекомендации прогрессивного для своего времени (XIII в.) «Саксонского зеркала»: «Вора надо повесить... Всех тайных убийц и тех, которые ограбят плуг⁷⁷⁶, или мельницу, или церковь, или кладбище, а также изменников и тайных поджигателей, или тех, которые выполняют чужое поручение в своих корыстных целях, — их всех следует колесовать... Кто убьет кого-нибудь, или (незаконно) возьмет под стражу, или ограбит, или

подожжет... или изнасилует девушку или женщину, или нарушит мир, или будет застигнут в нарушении супружеской верности, тем следует отрубить голову... Христианина — мужчину или женщину, — если он еретик, и того, кто имеет дело с волшебством или с отравлениями... следует подвергнуть сожжению на костре»⁷⁷⁷. Печально знаменитая «Каролина» (1532) в качестве основной меры наказания предусматривает «простые» и квалифицированные виды смертной казни: утопление, повешение, отрубание головы, закапывание живым, сажание на кол, сжигание, колесование, четвертование.

История человечества знает все мыслимые и немыслимые виды пыток, квалифицированных видов смертной казни, калечения⁷⁷⁸. Но преступность не покидает общество...

Контроль над преступностью включает:

- установление того, что именно в данном обществе расценивается как преступление (*криминализация деяний*);
- установление системы санкций (наказаний) и конкретных санкций за конкретные преступления;
- формирование институтов *формального* социального контроля над преступностью (полиция, прокуратура, суд, органы исполнения наказания, включая пенитенциарную систему, и т.п.);
- определение *порядка деятельности* учреждений и должностных лиц, представляющих институты контроля над преступностью;
- *деятельность* этих учреждений и должностных лиц по выявлению и регистрации совершенных преступлений, выявлению и разоблачению лиц, их совершивших, назначению наказаний в отношении таких лиц (преступников), обеспечению исполнения назначенных наказаний;
- деятельность институтов, организаций, частных лиц по осуществлению *неформального* контроля над преступностью (от семьи и школы до общины, клана, землячества, «соседского контроля» — *neighbourhood watch*, о котором речь впереди);
- деятельность многочисленных институтов, учреждений, должностных лиц, общественных организаций по *профилактике* (предупреждению) преступлений.

⁷⁷⁴ Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». СПб.: Алетей, 2014. С. 130.

⁷⁷⁵ Goffman E. Asylums. Harmondsworth, Penguin Books, 1961.

⁷⁷⁶ Т.е. выпрягут и украдут лошадей или волов из плуга.

⁷⁷⁷ Саксонское зеркало. М., 1985. С. 54–55.

⁷⁷⁸ См. подробнее: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999; Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: ГИЮЛ, 1957.

Остановимся кратко на некоторых из перечисленных элементов социального контроля над преступностью, имея в виду, что часть из них будет подробнее рассмотрена в последующих главах (16 и 17).

Криминализация деяний (или конструирование преступности)

Государство в лице законодательных органов устанавливает, что именно, какие конкретно поведенческие формы оно считает необходимым определить как преступные. В подавляющем большинстве стран до сих пор преобладает избыточная криминализация и избыточная репрессивность.

Подробнее основания криминализации / декриминализации деяний изложены в ряде отечественных работ⁷⁷⁹. Не со всеми из них можно согласиться (так, некоторые авторы, с моей точки зрения, оказались сторонниками излишней, избыточной криминализации и репрессивности). Исторический опыт свидетельствует о том, что излишняя криминализация, в том числе «преступлений без жертв», не только не способствует укреплению порядка, но влечет ряд негативных последствий как для «виновного», так и для общества: отвлечение сил и средств на преследование малозначительных нарушений, «стигматизация» с последующей «вторичной девиантностью», усиление ригоризма и нетерпимости в общественном сознании и др.

Многочисленным сторонникам «твердой руки», «железного порядка», «непримиримой борьбы» и т.п. хотелось бы напомнить, что, во-первых, человечество перепробовало все репрессивные меры «наведения порядка», не добившись желаемого. Во-вторых, негативные санкции вообще обладают низкой эффективностью (если не нулевой, а то и отрицательной — когда негативные последствия санкций «перевешивают» положительный эффект). В-третьих, умножение запретов порождает лишь желание их нарушить («запретный плод сладок», а эмоциональные, физические, интеллектуальные потенции человека не могут оставаться все более стесненными, ограниченными, рано или поздно плотина запретов будет прорвана). Это давно усвоили в развитых странах, провозгласив кредо демократического государства: «разрешено все, что не запрещено законом». В-четвертых, излишняя криминализация неизбежно приво-

⁷⁷⁹ Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983; Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003; Миллюков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб ИВЭСЭП, 2000; Основания уголовного запрета: Криминализация и декриминализация. М.: Наука, 1982.

дит к тому, что большинство малозначительных деяний все равно не будут преследоваться реально (сил не хватит, правоохранительная система «не переварит»), а это означает, в свою очередь, «избирательный» подход правоохранительных органов (преследуем только того, «кого надо») и девальвацию принципа неотвратимости уголовной ответственности. В-пятых, уголовно-правовые санкции не единственные в правовой системе. В большинстве случаев не очень опасных правонарушений целесообразнее предусмотреть и применять меры административной, гражданско-правовой, дисциплинарной ответственности. Да, побои (ст. 116 УК РФ), отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК), многие из преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК), незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК) и ряд подобных действий причиняют определенный вред, заслуживают порицания, но так ли уж необходимо — *уголовного* преследования и наказания? Что же касается последнего из упомянутых составов — кто достоверно и обоснованно знает, что такое «порнография»?.. Вольное понимание «порнографии» приводило в свое время к запрету высокохудожественных произведений Дж. Джойса, Г. Миллера, Оскара Уайльда и др.

Система уголовно-правовых санкций

Тяжесть предусматриваемых законом наказаний, так же как масштабы криминализации, существенно зависят от степени цивилизованности общества, менталитета населения (терпимость/нетерпимость, либерализм/авторитаризм, гуманность, милосердие, ригоризм, жестокость и т.п.), политического режима. Роль последнего особенно велика⁷⁸⁰.

Понятие *политического режима* не вполне определено. Ряд американских авторов понимают под политическим режимом «совокупность явных или неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристики субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него»⁷⁸¹. В отечественной литературе под политическим режимом понимается также характер

⁷⁸⁰ Политический режим и преступность. СПб.: Юридический Центр пресс, 2001.

⁷⁸¹ O'Donnel G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

политических взаимоотношений между людьми, между людьми и государством⁷⁸².

Мы исходим из того, что в наиболее общем виде политический режим означает *реальный механизм функционирования власти*, форму государственного правления (Regierungsform⁷⁸³), его *стиль*, проявляющийся в совокупности *методов и приемов* осуществления государственной власти.

В современной отечественной государственно-правовой литературе различаются два основных вида политического режима: демократический и тоталитарный. Нередко в качестве «промежуточного», переходного называется авторитарный режим. Фашистский режим рассматривается как разновидность тоталитарного. Однако все это не охватывает возможные разновидности режимов. Неслучайно поэтому исторически, начиная с Аристотеля и Платона, выделялись также тимократия (власть благородных воинов), олигархия (правление богатых семей), тирания и деспотия (предшественницы современного тоталитаризма). Позднее появились представления об охлократии (власть толпы, плебса), меритократии (правление «лучших», элиты) и даже «серократии» — власти серой посредственности (термин, предложенный Л. Баткиным для характеристики советского режима после Н. Хрущева). Конечно, определить, *кто* стоит у власти, в чьих она руках, еще не значит охарактеризовать политический режим. Однако это определяет в какой-то степени общую его направленность.

Оригинальная классификация политических режимов предложена Г.В. Голосовым, исходя из ряда критериев: характера борьбы за лидерство (открытые и закрытые режимы), внутренней дифференциации (монолитные и дифференцированные элиты), уровня участия масс в политике (включающие и исключающие)⁷⁸⁴. В результате называются шесть политических режимов: *традиционный* (закрытый, с монолитной правящей группой, исключающий массы из политики, например, Саудовская Аравия); *авторитарно-бюрократический* (закрытый, с дифференцированной правящей группой, исключающий массы из политики, например, Португалия 1926–1974 гг.); *сореволюционная олигархия* (открытый, исключающий массы из политики, на-

пример, ряд стран Латинской Америки); *эгалитарно-авторитарный* (закрытый, с монолитной правящей группой, включающий массы в политику, например, социалистические страны); *авторитарно-инэгалитарный* (закрытый, с дифференцированной правящей группой, включающий массы в политику, например, фашистские и нацистские режимы); *либеральная демократия* (открытый, включающий массы в политику).

Для нас важно, что *политический режим, независимо от формы организации власти (республика президентская или парламентская, монархия абсолютная или ограниченная), определяет, в конечном счете, политическую жизнь страны, реальные права и свободы граждан (или же юридическое или фактическое их бесправие), терпимость или нетерпимость к различного рода «отклонениям», включая преступность и реальную политику в отношении «девиантов».*

Именно режим конструирует различные виды девиантности, включая преступность, определяет санкции в отношении девиантов (преступников), формирует отношение к ним населения. Так, проводимая тоталитарными режимами политика запрета всяческих «отклонений», криминализация большинства из них сопровождается активным пропагандистским воздействием на сознание, взгляды и представления людей. И небезуспешно. Вспомним, как взгляды и нормы цивилизованного германского общества, существовавшие до установления гитлеровского фашистского режима, были в короткие сроки трансформированы под воздействием расистских, националистических воззрений правящей верхушки и умелой пропаганды ведомства Геббельса. Да и печальный отечественный опыт дает немало примеров трансформации, перерождения и вырождения нравственных ценностей и традиций. Толерантность к инакомыслию и инакодействию, к иным культурам и этносам, уважение их, как и всякого чужого мнения, постепенно сменяются ригоризмом, нетерпимостью, требованиями «усиления борьбы», расправы над «врагами народа», «убийцами в белых халатах», «стилягами» и несть им числа (вплоть до «агентов влияния» и «лиц кавказской национальности»...).

Наши исследования показывают, что годы либерализации и демократизации постсоветского периода (горбачевская «перестройка») отмечены снижением уровня ригоризма и повышением уровня терпимости населения (во всяком случае, в Ленинграде — Санкт-Петербурге). Так, в 1989 г. по результатам выборочного репрезентативного опроса жителей города за смертную казнь высказался 51% респондентов, против смертной казни — 38%, за усиление уголовной

⁷⁸² Спиридонов Л.И. Теория государства и права. СПб.: ВШ МВД РФ, 1995. С. 49–50.

⁷⁸³ Das neue Taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. В. 13. S. 90.

⁷⁸⁴ Голосов Г.В. Сравнительная политология: учебник. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995 (гл. 3).

ответственности — 48%, за смягчение — 15%. По мере «торможения перестройки» (и авторитаризации режима) меняется настроение горожан. Уже в 1992 г. за смертную казнь высказывается 67% опрошенных, против — всего 22%, хотя количество сторонников усиления уголовной ответственности еще продолжает сокращаться — 29%, а противников увеличивается до 22%. Еще нагляднее сравнение результатов опросов 1991 и 1994 гг. Если в 1991 г. за отмену смертной казни были 22% респондентов, а за сохранение или расширение применения — 67%, то в 1994 г. соответственно 14 и 72%. В 1991 г. за уголовную ответственность потребителей наркотиков высказались 45% опрошенных, в 1994 г. — 58%, за уголовное преследование проституток в 1991 г. были 34% респондентов, в 1994 г. — 50%, уголовную ответственность за бродяжничество и попрошайничество в 1991 г. поддержали 27%, в 1994 г. — 38 %, за мужеложство соответственно 24 и 44%⁷⁸⁵. В наступившем XXI в. ригоризм и нетерпимость лишь возрастают, о чем свидетельствуют результаты опросов, проводимых ВЦИОМ, Левада-Центром и другими социологическими организациями.

Одним из наиболее значимых показателей цивилизованности / нецивилизованности современного общества, демократичности / авторитарности (тоталитарности) политического режима служит сохранение *смертной казни* в системе наказаний или же отказ от нее. Сохранение смертной казни во многих штатах США и в Японии (правда, чрезвычайно редко в ней применяемой) свидетельствует, с моей точки зрения, о недостаточной (неполной) их цивилизованности. Подробнее вопрос о смертной казни будет рассмотрен в следующей главе.

Другим важным элементом системы наказания, свидетельствующим о большей или меньшей цивилизованности общества и государства, большим или меньшим их демократизмом и либерализмом, является *лишение свободы*, точнее, его место в системе наказания, широта применения, предельные сроки, условия отбывания. И этот вопрос станет предметом более подробного анализа в следующей главе.

Порядок признания лица совершившим преступление и применения к нему уголовных санкций регулируется уголовно-процессуальным законом, а *порядок исполнения наказания* — кроме того, уголовно-исполнительным законодательством.

⁷⁸⁵ Афанасьев В., Гилянский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб.: Ф ИС РАН, 1995. С. 98–101.

Неформальному контролю над преступностью, его роли в профилактике преступлений будет уделено внимание в заключительной — 17-й главе монографии.

§ 3. Уголовная политика

На основе идеологических, политических, правовых концепций, разделяемых высшими органами государственной власти и управления, вырабатывается *уголовная политика* государства, как разновидность государственной политики (наряду с экономической, социальной, экологической и др.). Уголовная политика может быть явно выражена в конституционных, программных, правовых документах или же неявно (имплицитно) содержаться в реальной деятельности государства и его органов по противодействию преступности и ее отдельным видам.

В 1980-е гг. в бывшем СССР активно разрабатывались проблемы уголовной политики советского государства⁷⁸⁶. Результаты носили двойственный характер. С одной стороны, сама проблема и ее решение были явно отягощены советской идеологией, рассматривались с позиций интересов советского (тоталитарного) государства и КПСС. С другой стороны, в процессе обсуждения вырабатывались основные понятия, обсуждались стратегия, тактика, пути и методы уголовной политики.

Обобщающая оценка этого этапа и основные положения современной российской уголовной политики подробно изложены в книге С.С. Босколова⁷⁸⁷. Автор, совершенно верно, с нашей точки зрения, отмечает ущербность ранее широко распространенной стратегии «борьбы с преступностью». Приведем длинную, но принципиально важную цитату. «Слово «борьба» ... толкуется как схватка, сражение, поединок, главной целью которых является подавление, искоренение, уничтожение чего-нибудь или кого-нибудь. Борьба зачастую предполагает непримиримое противостояние вступивших в нее сторон с конечной целью победы, для достижения которой могут быть использованы любые средства... Увлечись борьбой (а борьба

⁷⁸⁶ Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: ЛГУ, 1986; Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: ДВГУ, 1982; Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: ДВГУ, 1985; и др.

⁷⁸⁷ Босколов С.С. Основы уголовной политики. М.: Юринформ, 1999. См. также: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Wolters Kluwer, 2009.

всегда увлекает, завораживает и даже ослепляет борющихся), те, кто призваны по долгу службы вести ее против преступности, зачастую переходят грань, которая разделяет право и произвол, законность и беззаконие... Призывы к войне с преступностью, усилению борьбы с нею, по сути дела, ставят перед органами уголовной юстиции, государством и обществом несодержательную цель. Они не только дезориентируют, но и дезорганизуют их деятельность по обеспечению безопасности и правопорядка, влекут, как правило, массовые нарушения законности, прав и свобод граждан»⁷⁸⁸.

С.С. Босхолов в конце 1990-х гг. рассматривает основные тенденции изменений российской уголовной политики: отказ от возможности разрешения социальных проблем (включая преступность) методом принуждения, подавления личности; поворот к гуманизации уголовной политики; ориентация на международные стандарты и опыт противодействия преступности; ориентация уголовной политики на пересмотр уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства под углом зрения его соответствия Конституции РФ⁷⁸⁹. Перечисленные тенденции безусловно желательны, но мне кажется, что автор был излишне оптимистичен в своих наблюдениях и оценках.

Законодательство и правоприменительная практика — особенно в 2000-е гг. — подтверждает мои опасения. Для меня очень тревожную тенденцию постперестроечного режима в области социального контроля над девиантностью вообще, преступностью в особенности, отражают новый Уголовный кодекс (1997) и Закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» (1998). Уголовный кодекс провозглашает основной целью наказания «восстановление социальной справедливости» (ст. 43 УК РФ). Это что — возврат к идее мести? Сохраняя смертную казнь (ст. 59 УК), несовместимую с цивилизованностью, УК вводит пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК), которое могло бы быть отчасти оправданным только как альтернатива отмененной раз и навсегда смертной казни. Лишение свободы предусматривается до 20 лет, по совокупности преступлений — до 25 лет, а по совокупности приговоров — до 30 лет (ст. 56 УК). Более того, в редакции 2014 г. эти и без того безумные, не обоснованные сроки были увеличены соответственно до 30 и 35 лет! О чем думали законодатели? Решаясь вновь совершить преступление, потенциальный

⁷⁸⁸ Босхолов С.С. Указ. соч. С. 38–39.

⁷⁸⁹ Там же. С. 45–48.

преступник подумает — если 25 лет, я, пожалуй, совершу преступление, а если — 30, то не буду? Ни пожизненного лишения свободы, ни 20–30-летнего срока не знало даже сталинское уголовное законодательство... Кроме того, по неизвестным причинам законодатель фактически от института отсрочки исполнения приговора (предусмотрев это в строго ограниченных случаях), который ранее широко применялся особенно в отношении несовершеннолетних (см. табл. 16.1). Что касается Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», то моя позиция была изложена выше (гл. 13).

Наконец, С.С. Босхолов формулирует основные приоритеты и направления уголовной политики: максимальное обеспечение безопасности личности, прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств; активное противодействие организованной преступности; активное противодействие коррупции; обеспечение экономической безопасности государства; защита основ конституционного строя и безопасности государства. В целом с этим можно согласиться, хотя я рассматриваю действенную реакцию на организованную преступность и коррупцию, прежде всего, как проблемы социально-экономической политики государства и лишь во вторую очередь — уголовной.

Вообще, с моей точки зрения, в России отсутствует реалистическая, научно-обоснованная уголовная политика в виде обсужденной и принятой концепции, стратегии, программы. Те документы, которые время от времени принимаются *ad hoc*, не могут ясно обозначить целостную уголовную политику государства⁷⁹⁰. Если же исходить не из провозглашаемых лозунгов, а из реальной законодательной и правоприменительной практики, то прослеживаются два направления современной уголовной политики.

Первое, господствующее — традиционное «усиление борьбы» с преступностью. Бесперспективность и зло такого подхода для многих специалистов очевидны. К сожалению, популистские призывы к «усилению» находят широкую поддержку населения, работников правоохранительных органов. Твердо сохраняется уверенность, воспитанная еще советской властью: если растет (не уменьшается) количество преступлений, то надо больше, чаще «сажать» и на более длительные сроки. А еще лучше — стрелять... Это страшный, устойчивый элемент правосознания самых широких масс, который с радо-

⁷⁹⁰ Имеющиеся правовые акты перечислены и прокомментированы в: Шестаков Д.А. Криминология: краткий курс. СПб.: Лань, 2001. С. 175–181.

стью используется властными структурами — в негодных целях и с крайне негативными последствиями.

Сегодня наблюдается бесконечная, бессмысленная, при крайне низкой юридической технике криминализация деяний, не представляющих опасности (к этому ведет деятельность Госдумы, уже удостоившейся такого определения, как «взбесившийся принтер»). Более того, такие законы и законопроекты, как уголовная или административная ответственность за «пропаганду нетрадиционной сексуальной ориентации», «оскорбление чувств верующих», «оскорбление патриотических чувств» и т.п., способны вызвать лишь негативные последствия: рост ксенофобии (включая гомофобию), преступления на почве ненависти или вражды (*hate crimes*), неосновательное осуждение граждан *de facto* по политическим мотивам.

Правоприменительная деятельность следует за законодательной. Незаконно, с моей точки зрения, осуждение девушек из Pussy Riot за «хулиганство» (ст. 213 УК РФ) при отсутствии в их действиях состава преступления. Отсутствуют необходимые признаки объективной стороны, предусмотренные ст. 213 УК: а) не было «применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия», б) не было мотивов «политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды». Был перформанс в не очень продуманном месте, что могло повлечь максимум административную ответственность за мелкое хулиганство. Еще нелепее и непрофессиональнее выглядит предъявленное участникам Greenpeace скандальное обвинение в *пиратстве* при отсутствии всех трех элементов объективной стороны (ст. 227 УК). Вот они: 1) «нападение на морское или речное судно» (платформа не является ни тем, ни другим); 2) «в целях завладения чужим имуществом» (экологические цели Greenpeace известны всему миру); 3) «совершенное с применением насилия или угрозой его применения» (не было ни того, ни другого). По иронии, все три элемента состава преступления, предусмотренного ст. 227 УК, были в действиях российских пограничников, захвативших судно Greenpeace... Кстати, состав ст. 213 УК также отсутствует в действиях гринписовцев — по ранее изложенным основаниям.

Совершенно безумен приговор суда по делу Р. Соколовского, ищущего покемона в церкви. Выражения приговора «Наделял Иисуса Христа качествами ожившего мертвеца зомби...», «Отрицает существование Иисуса и пророка Мухаммеда» (!), «Во всех роликах содержится отрицание существования бога...», «Оскорбил многочислен-

ные чувства разнообразных социальных групп не только в речевой форме, но и двигательной активностью лица...» — свидетельствуют о том самом мракобесии суда, в котором тот, в том числе, обвинил подсудимого («Формирует мнение, что в России царит мракобесие и произвол»).

Политически мотивированные процессы («болотное дело», вышеупомянутые дела Pussy Riot и Greenpeace, «лесное дело» в отношении Алексея Навального, дело Р. Соколовского и др.), зависимые судьи, выполняющие «указания свыше», — все это наносит ущерб и конкретным людям, и правовой системе, и престижу России.

Второе направление реальной политики, начиная с 1993–1994 гг. — массовое сокрытие преступлений от регистрации, о чем уже говорилось.

Солидный анализ уголовной политики представлен в монографиях В.Н. Кудрявцева⁷⁹¹, Н.А. Лопашенко⁷⁹², М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина⁷⁹³, а также в материалах Всероссийской конференции 2010 г.⁷⁹⁴

Важнейшими необходимыми направлениями современной российской уголовной политики нам представляются:

- *декриминализация* большинства малозначительных, неопасных деяний с «перемещением» части из них в разряд административных проступков или гражданско-правовых деликтов;
- реализация принципа «*минимум репрессий*»; безусловная законодательная отмена смертной казни; отношение к лишению свободы как к «высшей мере наказания», применяемой, как правило, только в отношении совершеннолетних насильственных преступников;
- на основе вышеназванного более последовательная реализация принципа *неотвратимости наказания*, независимо от социального статуса виновного;
- либерально-демократическая *реформа полиции*; главная задача полиции (кстати говоря, провозглашенная в действующем Законе о полиции) — *защита граждан* от преступных посягательств; сервисный характер деятельности полиции — оказание *услуг* (по защите, охране и т.п.) населению,

⁷⁹¹ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003.

⁷⁹² Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Wolters Kluwer, 2008.

⁷⁹³ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014.

⁷⁹⁴ Современные проблемы уголовной политики: материалы Всероссийской науч.-практ. конф.: в 2-х т. / Ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2010.

налогоплательщикам, а не «борьба с преступностью»; абсолютная недопустимость применения незаконного насилия, включая пытки, которыми «славится» полиция и сотрудники ФСИН⁷⁹⁵;

- либерально-демократическая *судебная реформа*; обеспечение подлинной независимости судей;
- разработка и реализация *действенной антикоррупционной* программы на основе экономических, политических, социальных, правовых мер противодействия массовой продажности чиновников и работников правоохранительных и судебных органов; имплементация ст. 20 («Незаконное обогащение») Конвенции ООН против коррупции (2003) и осуществление принципа *in rem*, предполагающего в данном случае конфискацию имущества, превышающего доходы чиновника, если не подтвержден легальный источник (наследство, выигрыш, подарок) его приобретения;
- приоритет *превенции* преступлений;
- формирование *альтернативной* «восстановительной» юстиции (*restorative justice*), обеспечивающей права и интересы потерпевших вне рамок уголовного правосудия;
- формирование *ювенальной* юстиции с передачей всех дел о преступлениях несовершеннолетних в их юрисдикцию;
- формирование либерально-демократического *правосознания* населения.

Без осуществления этих и некоторых других мер совершенствования уголовной политики в современной России трудно говорить о реализации идей демократического и правового государства.

Глава XVI. Наказание: криминологический подход

Всякое наказание преступно.

Л. Толстой

*Рассматривать наказание как
политическую тактику...
Надо избавиться от иллюзии,
будто уголовно-правовая система
является главным образом
средством борьбы с правонарушениями.*

Мишель Фуко

§ 1. «Кризис наказания» и его последствия

Наказание, наряду с профилактикой (превенцией), является одним из элементов социального контроля над преступностью. Уголовно-правовые и криминологические проблемы наказания активно обсуждались в годы советской власти⁷⁹⁶. Современная российская система наказания изложена во всех учебниках уголовного права и в работах С.Ф. Милюкова⁷⁹⁷.

В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля⁷⁹⁸. Благодаря переведен-

⁷⁹⁵ Помимо многочисленных публикаций в прессе см.: Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Лондон: Международная амнистия, апрель 1997; Насилие в органах внутренних дел: Иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997; Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 г.). М., 2004; Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Львова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека» о состоянии содержания заключенных в России в 2004–2005 гг. М., 2005; Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Н. Новгород, 2007.

⁷⁹⁶ Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Юрид. лит., 1983; Карпец И.И. Наказание: Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973; Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование. Изд-во Саратовского ун-та, 1973; Старков О.В., Милюков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001; Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л.: ЛГУ, 1973.

⁷⁹⁷ Милюков С.Ф. Российская система наказания. СПб.: СПб. юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998; Он же. Система наказаний по уголовному кодексу России. СПб.: Знание, 1999.

⁷⁹⁸ Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo-London, 1974; Albanese J. Myths and Realities of

ным на русский язык книгам известного норвежского криминолога Н. Кристи, мы можем подробнее ознакомиться с проблемой⁷⁹⁹.

«Кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что, как было показано выше, после Второй мировой войны во всем мире наблюдается рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции. Заметим, что одновременное снижение преступлений во всем мире в наступившем столетии — тоже вряд ли можно объяснить всемирным улучшением работы полиции... Во-вторых, как мы уже отмечали, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 5–6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека⁸⁰⁰. Впрочем, о губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М.Н. Гернет⁸⁰¹. *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.*

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, более того — негативных последствий такого распространенного вида наказания как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера.

Во-первых, при полном отказе от смертной казни (подробнее см. § 2 настоящей главы) лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении *насильственных* преступлений и толь-

Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; и др.

⁷⁹⁹ Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985 (2-е изд.: Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб.: Алетейя, 2011); Он же. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001; Он же. Приемлемое количество преступлений. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2011.

⁸⁰⁰ Пирожков В.Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С. 40–50; Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; Он же. Парадоксы тюрьмы. М.: Юрид. лит., 1991.

⁸⁰¹ Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Юр. Издат Украины, 1930.

ко в отношении взрослых (совершеннолетних) преступников. Так, в 1984–1987 гг. в Англии и Уэльсе, а также в Швеции из общего числа осужденных к лишению свободы приговаривалось около 20% (правда в Англии и Уэльсе эта доля несколько увеличилась к 1996 г.⁸⁰²), а к штрафу — почти половина осужденных. В Англии с Уэльсом в период 1995–2000 гг. к лишению свободы приговаривалось 9,2%. К штрафу — 69%, к ограничению свободы — 8%⁸⁰³. В Германии в середине 1990-х гг. доля приговоренных к реальному (безусловному) лишению свободы составила лишь 11,5% от общего числа осужденных, тогда как штраф — 83,4%⁸⁰⁴. В период 1995–2000 гг. в Германии осуждались к лишению свободы лишь 7,5%, к штрафу — 77,2%, к ограничению свободы — 15,3%⁸⁰⁵. Если в 1970 г. в Германии безусловное лишение свободы приближалось к 28%, то в 2004 г. оно составило лишь 8% (штраф — 70%)⁸⁰⁶. В Финляндии в 1995–2000 гг. к лишению свободы приговаривалось всего 7,2% осужденных, к штрафу — 75,8%, к предостережению — 13,4%⁸⁰⁷. В Японии в течение 1978–1982 гг. к лишению свободы приговаривались лишь 3,5% осужденных, к штрафу же — свыше 95%. Это вполне продуманная политика, ибо «в результате этого не происходит стигматизация лиц, совершивших преступные деяния, как преступников. Смягчаются сложности ресоциализации преступников после их чрезмерной изоляции от общества и таким образом вносится значительный вклад в предупреждение рецидива»⁸⁰⁸.

Расширяется применение иных — альтернативных лишению свободы — мер наказания (ограничение свободы, в том числе, с применением электронного слежения; общественные работы; «комбинированный приказ» в Англии и Уэльсе — сочетание общественных работ с probationей)⁸⁰⁹.

⁸⁰² Information on the criminal justice system in England and Wales. Digest. Home Office, 1999. № 4. P. 50.

⁸⁰³ Aromaa K., Heiskanen M. Crime and Criminal Justice System in Europe and North America 1995–2005. Helsinki: HEUNI, 2008. P. 115.

⁸⁰⁴ Strafrechtspflege in Deutschland: Fakten und Zahlen. Bonn: Bundesministerium für Justiz, 1996. S. 30.

⁸⁰⁵ Aromaa K., Heiskanen M. Ibid. P. 115.

⁸⁰⁶ Zweiter Periodischer Sicherheitsbericht. Kurzfassung. Berlin, 2006. S. 84.

⁸⁰⁷ Aromaa K., Heiskanen M. Ibid. P. 115.

⁸⁰⁸ Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989. С. 98, 176–177.

⁸⁰⁹ См: Стерн В. Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. Лондон-М., 1996; Clear T., Terry K. Исправление за пределами тюремных стен. В: Криминология / Ред. Д. Шелли. СПб.: Питер, 2003. С. 575–600; Electronic Monitoring: The

В России к реальному лишению свободы приговаривались в течение 1986–2013 гг. от 28% всех осужденных в 2012 г. до 37,1% в 1989 г. К реальному и условному лишению свободы — до 88% в 2001–2013 гг. (подробнее см. табл. 16.1). Поражают темпы снижения удельного веса наказаний, не связанных с лишением свободы: осуждено к исправительным работам в 1987 г. — 26,1%, в 2004 г. — 4,6%, с ростом к 2013 г. до 10,4%; к штрафу в 1987 г. — 16,8%, в 1999 г. — 5,5% (с ростом к 2013 г. до 15,9%).

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает краткосрочное лишение свободы. Во всяком случае — до 2–3 лет, т.е. до наступления необратимых изменений психики. Так, в середине 1990-х гг. в Германии осуждались на срок до 6 месяцев 21% всех осужденных к лишению свободы, на срок от 6 до 12 месяцев — еще 26% (т.е. всего на срок до 1 года — около половины всех приговоренных к тюремному заключению). На срок от 1 до 2 лет были приговорены 38,5% осужденных. Таким образом, в отношении 85,5% всех осужденных к лишению свободы срок наказания не превышал 2-х лет, на срок же свыше 5 лет были приговорены всего 1,2%⁸¹⁰. Средний срок лишения свободы в странах Европы в 2016 г. составил 1 год и 8 месяцев. В Японии в 1994 г. из общего числа приговоренных к лишению свободы на срок до 1 года — 26,5%, всего до 3 лет — 95,4%, а свыше 5 лет — 1,3%⁸¹¹.

В России в 1986 г. из общего числа осужденных к лишению свободы на срок до 1 года было 14,1%, от 1 года до 2 лет — 21,2% (всего до 2-х лет — 35,3%), свыше 5 лет — 15,4%. В 1996 г. соответственно на срок до 1 года — 16,1%, от 1 года до 2 лет — 23,1% (всего до 2-х лет — 39,2%), свыше 5 лет — 13,7%. Интересно, что в 1926 г. из общего числа осужденных к лишению свободы были осуждены на срок до 6 месяцев — 70,5%, всего до 1 года — 84,2%, а на срок свыше 5 лет — 1,8%. Это лишний раз свидетельствует о том, что в первое десятилетие советской власти она еще играла в демократию⁸¹².

В-третьих, поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от условий отбывания наказания в пе-

нитенциарных учреждениях, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается по возможности достойный уровень существования заключенных (нормальное питание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, медицинское обслуживание, возможность работать, заниматься спортом, встречаться с родственниками), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т.п.⁸¹³.

Автору этих строк довелось посещать тюрьмы и другие пениitenciарные учреждения многих зарубежных стран Азии (Южная Корея, Таиланд), Америки (США), Европы (Венгрия, Германия, Ирландия, Польша, Финляндия, Эстония) и, конечно же, бывшего СССР и России. В тюрьмах Западной Европы убеждаешься, что можно вполне сочетать надежность охраны (в основном с помощью электронной техники, без автоматчиков и собак) и режимные требования с соблюдением прав человека, уважением его личности. В одной из посещенных мною тюрем Турку (Финляндии) заключенным... выдаются ключи от камеры, чтобы человек, уходя из нее, мог закрыть дверь в «свою комнату» и открыть, возвращаясь. По мнению начальника тюрьмы, это позволяет заключенным сохранять чувство собственного достоинства. В Хельсинки (Финляндия), Фрайбурге (Германия) заключенные проживают по одному — два человека в камере и днем свободно гуляют по коридору, заходят в гости друг к другу. При мне в тюрьме Хельсинки осужденные на кухне блока готовили торт ко дню рождения одного из заключенных. В камерах находятся телевизоры, компьютеры, прохладительные напитки. А вот тюрьма в Нью-Йорке произвела на меня неприятное впечатление (заключенные сидят за стеклом и решеткой, что по неволе напоминает зоопарк...).

Trials and their Results. L., Home Office. 1990; Junger-Tas, J. Alternatives to Prison Sentences: Experiences and Developments. Amsterdam, NY, 1994.

⁸¹⁰ Strafrechtspflege in Deutschland. Ibid. S. 32.

⁸¹¹ Summary of the White Paper on Crime. Government of Japan. Research and Training Institute Ministry of Justice. 1996. P. 64.

⁸¹² Судебная статистика: Преступность и судимость (современный анализ данных уголовной судебной статистики России 1923–1997 годов). М.: Российский Юридический Издательский Дом, 1998. С. 23.

⁸¹³ Подробнее см.: Correctional Institutions in Japan. Correctional Bureau Ministry of Justice, 1985; Ingstrup O. Only those who believe can stay the Course in turbulent Times: A Value-based, strategic approach to the Management and development of Corrections. Canadian Centre for Management Development, 1995; Champion D.J. Corrections in the United States. A Contemporary Perspective. Fourth Edition. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005; King R., McDermott R. The State of our Prisons. Oxford: Clarendon Press, 1995; Seiter R. Corrections: An Introduction. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005.

Меры наказания, примененные к осужденным в России (1987–2013)

Таблица 16.1

Вид наказания	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009	2011	2013
Всего осужденных	576788	436988	593823	792410	1035807	1013431	1223255	1244211	773920	878893	916479	882291	782274	735605
Смертная казнь	120	100	147	157	143	106	19	0	0	0	0	0	0	0
% от всех осужденных	0,02	0,02	0,02	0,01	0,01	0,01	0,001	0	0	0	0	0	0	0
Лишение свободы	196640	162033	207489	292868	357765	330977	388793	367469	252041	306841	301347	289202	227050	209715
% от всех осужденных	34,1	37,1	35,0	37,0	36,4	32,8	32,9	30,9	32,8	35,1	32,9	32,5	29,1	28,7
Лишение свободы с отсрочкой исполнения	64637	56560	83270	142532	188483	-	-	-	-	-	-	-	-	-
% от всех осужденных	11,2	13,0	14,0	18,0	19,2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Условно с испытательным сроком	31285	35352	59738	124198	222340	529082	607	682930	426048	419807	419616	341514	282229	201555
% от всех осужденных	5,4	8,1	10,1	15,7	22,6	52,4	51,4	57,5	55,5	48,1	44,9	38,4	36,2	27,6
Исправительные работы	150332	103513	129209	143464	92589	69548	56859	62182	39808	42667	42763	44398	40037	75902
% от всех осужденных	26,1	23,7	21,8	18,1	9,4	6,9	4,8	5,2	5,2	4,9	4,7	5,0	5,1	10,4
Штраф	97177	51961	72292	70906	117785	79818	65138	74853	50064	90417	117299	131402	113503	116218
% от всех осужденных	16,8	11,9	12,2	8,9	12,0	7,9	5,5	6,3	6,5	10,3	12,8	14,8	14,6	15,9

В-четвертых, все решительнее звучат предложения по формированию и развитию альтернативной, не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник — жертва», по переходу от «возмездной юстиции» (*retributive justice*) к юстиции возмещающей, восстанавливающей (*restorative justice*)⁸¹⁴. Суть этой стратегии состоит в том, чтобы с помощью доброжелательного и незаинтересованного посредника (некто в роде «третьей стороны») урегулировать отношения между жертвой и преступником. Во многих случаях корыстных преступлений потерпевший больше заинтересован в реальном возмещении причиненного ему ущерба, нежели в том, чтобы «посадить» виновного (и, как правило, в течение многих лет дожидаться результатов исполнения обязательств по удовлетворенному в уголовном процессе гражданскому иску). А лицо, совершившее это преступление, скорее будет готово возместить ущерб, чем «идти в тюрьму». Опыт такого решения конфликта «преступник — жертва» фактически существует в тех странах, где еще сильны общинные связи и авторитет старейшин, и постепенно внедряется в других государствах. Отечественный опыт представлен в Вестниках восстановительной юстиции, выпускаемых Общественным центром «Судебно-правовая реформа»⁸¹⁵.

Проблема альтернативной юстиции особенно актуальна применительно к преступности несовершеннолетних.

В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» (*War on crime*) к стратегии «сокращения вреда» (*Harm reduction*). Об этом прямо говорится в 11-й Рекомендации доклада Национальной Комиссии США по уголовной юстиции: «изменить повестку дня уголовной политики от «войны» к «миру»»⁸¹⁶. «Уменьшить надежды на тюремное заключение и обратить больше внимание на общественное исправление (*community correction*)» советует S. Varcan в 14-й из 23 рекомендаций своей книги⁸¹⁷.

⁸¹⁴ Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998; Abolitionism in History: On another Way of Thinking. Warsaw, 1991; Considine J. Restorative Justice: Healing the Effects of Crime. Ploughshares Publication, 1995; Contemporary Justice Review: Issues in Criminal, Social and Restorative Justice: Special Issue on The Phenomenon of Restorative Justice, 1998. Vol. 1. № 1.

⁸¹⁵ Вестник восстановительной юстиции (перспективы для уголовной и ювенальной юстиции). М., 2000. Вып. 1; Вестник восстановительной юстиции (Россия: в начале движения). М., 2001. Вып. 2. См. также: Восстановительная ювенальная юстиция: сб. материалов. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2005.

⁸¹⁶ Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Published, Inc, 1996, p. 218.

⁸¹⁷ Barkan S. Criminology. A Sociological Understanding. Prentice Hall. Upper Saddle River, 1997, p. 542.

§ 2. Смертная казнь

*Худший вид убийства —
убийство на эшафоте.*

Б. Шоу

Жизнь человека — высшая ценность. Впрочем — как жизнь каждого живого существа (вот почему высшим проявлением гуманизма является провозглашенный А. Швейцером принцип «*Veneratio vitae*» — благоговение перед жизнью. Любой, включая животных, птиц, насекомых). Как убийство является самым тяжким преступлением, так и смертная казнь, выражаясь казенным языком советского государства, служит «высшей мерой наказания».

Смертная казнь не только «не может быть полезна, потому что она подает пример жестокости»⁸¹⁸. Она сама есть преступление, умышленное убийство, о чем говорил Б. Шоу, но и М.Н. Гернет, утверждал в работе «Смертная казнь» (М., 1913), что смертная казнь есть «институт легального убийства»⁸¹⁹. Вообще, вся дореволюционная российская профессура была категорически против смертной казни. Так, сенатор, академик Н.С. Таганцев, выступая в Государственном Совете 27 июня 1906 г. за отмену смертной казни, в частности произнес: «Я 40 лет с кафедры говорил, учил и внушал той молодежи, которая меня слушала, что смертная казнь не только нецелесообразна, но и вредна, потому что в государственной жизни все, что нецелесообразно, то вредно и при определенных условиях несправедливо. И такова смертная казнь. С теми же убеждениями являюсь я и ныне пред вами, защищая законопроект об отмене казни»⁸²⁰.

Многолетняя практика показала, что применение смертной казни не только не предупреждает тяжчайшие преступления, а, наоборот, способствует их совершению. Так, К. Маркс в статье 28.01.1853 г. приводит данные о том, что после каждой казни резко возрастает число тех преступлений, за которые казнили преступника. В Австрии, Аргентине, ряде других стран после отмены смертной казни сократилось число тех преступлений, за которые она могла быть

⁸¹⁸ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 308.

⁸¹⁹ См.: Смертная казнь: за и против / Под ред. С.Г. Келиной. М.: Юрид. лит., 1989. С. 133.

⁸²⁰ Таганцев Н.С. По законопроекту об отмене смертной казни. В: Смертная казнь: за и против / Под ред. С.Г. Келиной. М.: Юрид. лит., 1989. С. 153.

назначена. В 1965 г. в Великобритании был проведен уникальный эксперимент — наложен мораторий на смертную казнь сроком на пять лет. В результате количество тех преступлений, за которые назначалась смертная казнь до моратория, не увеличилось, и смертная казнь была отменена.

Смертная казнь является необратимым наказанием. Это означает, что в случае судебной ошибки приговор к смертной казни, приведенный в исполнение, не может быть «исправлен» при выяснении ошибки. Сторонники смертной казни в России нередко ссылаются на дело серийного убийцы А. Чикатило. Но ведь до раскрытия этого страшного дела были расстреляны двое невиновных, обвиненных в тех убийствах, которые в действительности, как выяснилось позднее, совершил Чикатило. А судебные ошибки неизбежны в любом государстве, при любой судебной системе.

Уже не раз упоминалось мною, что человечество перепробовало самые жестокие способы «законного» лишения жизни, не достигнув желаемой цели («предотвращение» преступлений). Тем не менее, и в современном мире немало государств сохраняет в арсенале уголовных наказаний смертную казнь, а многие граждане сие одобряют и надеются на то, что убийством «по закону» можно предотвратить противоправные убийства. Отношение к смертной казни служит индикатором цивилизованности / варварства, гуманности / бесчеловечности, терпимости / нетерпимости.

Мне кажется, вопрос: «за или *против* смертной казни?» исчерпал себя, во-первых, в том смысле, что за столетия дискуссии все доводы *pro et contra* давно известны и вряд ли могут появиться новые. Меняются лишь акценты в зависимости от того, политические, юридические, культурологические или иные аспекты темы преобладают в конкретной ситуации и дискуссии⁸²¹.

Во-вторых, этот вопрос давно превратился в некий символ, «метку», индикатор, разделяющий сторонников и противников смертной казни на два лагеря по мировоззренческим, идеологическим позициям. «Высказываясь за смертную казнь или против нее, мы характеризуем не столько проблему, сколько собственную личность»⁸²². И тогда с одной стороны — А. Франс, В. Гюго, Б. Шоу, А. Швейцер, М. Ганди, Ф. Достоевский, А. Кони, В. Короленко, Л. Толстой, И. Тур-

⁸²¹ См., например: Clay W. To Kill or Not to Kill: Thoughts on Capital Punishment. San Bernardino (Calif.), 1990.

⁸²² Мелихов А. Кого же мы казним? // Новое время. 2000. № 6. С. 34–35.

генов, А. Радищев, А. Герцен, А. Сахаров, лучшие представители российской уголовно-правовой мысли — М. Духовской, И. Фойницкий, Н. Таганцев, Н. Сергеевский, В. Спасович, М. Гернет и множество других славных имен. На другой стороне — Пуришкевич, Победоносцев, Блудов, кн. Щербатов...

Смертная казнь в ряду социальных институтов

Напомним, что под социальным институтом понимается тип и форма социальных практик, посредством которых организуется общественная жизнь; регулярные и долговременные социальные практики, образцы поведения, санкционируемые и поддерживаемые с помощью социальных норм. Очевидно, смертная казнь относится к числу «регулярных и долговременных социальных практик, санкционируемых и поддерживаемых с помощью социальных норм». Социальный институт охватывает и нормы, и роли. Применительно к смертной казни это роли суда, палача (стыдливее — «исполнителя»), осужденного, судебного врача и др. Смертная казнь относится к политическим институтам.

Институты возникают в процессе формирования социальных практик (их *институционализации*) и прекращают свое существование. Смертная казнь появилась не сразу (для этого нужно было формирование государства, власти, права и т.п.). В различных государствах она существовала не всегда. Когда византийская церковь рекомендовала князю Владимиру заимствовать смертную казнь, князь отвечал: «Боюсь греха!»⁸²³. Отменяла смертную казнь императрица Елизавета Петровна⁸²⁴. К 2015 г. смертная казнь отменена *de jure* или *de facto* во всех странах Европы, кроме Белоруссии, в Канаде, Австралии, в большинстве стран Латинской Америки и многих других государствах, всего свыше 140, сохраняют смертную казнь 58 стран⁸²⁵. Есть надежда, что этот позорный институт рано или поздно прекратит свое существование во всех странах.

⁸²³ Аверинцев С.С. Византия и Русь: Два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–213.

⁸²⁴ Подробнее историю этого института в России см.: Шишов О.Ф. Смертная казнь в истории России и Советского государства. В: Смертная казнь: За и против. М.: Юрид. лит., 1989. С. 10–130.

⁸²⁵ См. так же: Hood R. The Death Penalty: A World-wide Perspective. — Oxford: Clarendon Press, 1996, p. 241–246; Hood R. Capital Punishment: A Global Perspective // Punishment and Society, 2001. Vol. 3. № 3. Pp. 331–354; Квашис В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 2008. С. 697.

Каждый социальный институт осуществляет определенные *функции* — явные и латентные. Явные, прокламируемые функции смертной казни — борьба с преступностью, предупреждение тяжких преступлений, справедливое воздаяние, обеспечение защиты населения и т.п. Однако давно уже известно, что ни уголовная юстиция, ни наказание и пенитенциарные учреждения, ни, тем более, смертная казнь не в состоянии выполнить прокламируемые функции (разве что «воздаяние»). Институты уголовной юстиции и наказания существуют лишь постольку, поскольку общество не знает, что реально предпринять для сокращения или сдерживания преступности. Сторонники сохранения смертной казни в России ссылаются обычно на жестокие серийные убийства и получившие распространение заказные убийства профессиональными убийцами (киллерами). Так вот, серийные убийства на сексуальной почве совершают как правило лица с психическими отклонениями (так называемая патология влечения), определенная доля которых есть в каждой популяции. Единственная реальная возможность превенции таких преступлений — раннее выявление и медико-психологическая коррекция лиц с соответствующей патологией. Что касается заказных убийств, то киллер — это профессия, для него убийство — работа, выполняемая независимо от теоретически грядущего наказания. Работа рискованная, и основная задача наемных убийц — минимизировать саму возможность наказания, что им обычно и удается сделать... Предусмотрено ли в качестве наказания лишение свободы или смертная казнь, или нечто иное — может отразиться лишь на размере оплаты труда. И вообще «ошибочно полагать, будто все или большинство тех, кто совершает такое тяжкое преступление, как убийство, идут на него после рациональной оценки возможных последствий»⁸²⁶.

Что касается латентных, скрытых функций смертной казни, то это — месть, средство расправы и устрашения, символ всевластия власти, монополии власти на жизнь и смерть граждан (на войне, или по приговору суда, или в порядке внесудебной расправы).

Власть и смертная казнь

Власть — одна из острейших тем современности. Если явные функции власти, государства обозначены в любом учебнике политологии, а также теории государства и права, то ее латентные функ-

⁸²⁶ Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека. М.: Прогресс, 1989. С. 36.

ции (власть ради власти, власть для власти, власть как насилие и богатство для себя) активно исследуются в западной литературе последних десятилетий XX в. Еще М. Вебер понимал власть как возможность для кого-либо осуществлять свою волю в преследовании целей, не считаясь с оказываемым сопротивлением, а Т. Веблен рассматривал три основных способа самоутверждения: насилие, власть и богатство⁸²⁷. При этом власть дает и богатство, а достигается и удерживается посредством насилия.

Функции государства подвижны. К сожалению, наблюдается тенденция реального сокращения явных функций и возрастания роли латентных. Так, в статье «Метаморфозы государства» один из крупнейших социологов современности Н. Луман пишет: «В начале современной государственности главной целью ее создания был контроль за применением физического насилия на определенной территории. Насилие являлось прежде всего правовой проблемой... Вместе с тем, сегодня видно,... что эти учреждения [государственности — Я.Г.] больше не легитимируют сами себя. «Дух» покинул их»⁸²⁸.

Латентные функции власти перестали быть тайными после ленинско-сталинских и гитлеровских концлагерей, после Холокоста и Освенцима. Постмодернизм, начиная с М. Фуко, утверждает, что власть разлита по всему социальному пространству. Она осуществляется через все социальные институты — от семьи и школы до тюрем, казарм и психиатрических больниц (дисциплинарные институты, по М. Фуко, или тотальные институты, по И. Гоффману). В результате «насилие встроено в систему», «право поражено насилием, постольку его собственное обоснование можно свести не к праву, а лишь к насильственно осуществляемой несправедливости легитимируемой впоследствии в качестве права»⁸²⁹. Но если право в целом есть насильственно осуществляемая несправедливость, то что говорить о смертной казни, как крайней мере правовой несправедливости, посягающей на неотъемлемое право человека на жизнь?

Смертная казнь — символ и орудие монополии государства и власти на жизнь и смерть. Но эта монополия осуществляется и неправовым путем. Отечественная история XX столетия хорошо знакома как

⁸²⁷ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

⁸²⁸ Луман Н. Метаморфозы государства: Эссе. В: Проблемы теоретической социологии. СПб ГУ, 1996. Вып. 2. С. 116, 127.

⁸²⁹ Бекер Д. Понятие системного насилия. В: Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 60, 68.

с внесудебной расправой посредством «троек» (административные органы, имеющие право приговаривать к расстрелу при разбирательстве без свидетелей, экспертов и защиты), так и с массовыми расстрелами без какой бы то ни было правовой процедуры.

Социальные практики смертной казни

Социальный институт есть регулярные и долговременные социальные практики. Каковы социальные практики института смертной казни?

Мировая практика с явно выраженной тенденцией отказа от этого страшного института достаточно хорошо описана в литературе⁸³⁰. Поэтому ограничимся лишь некоторыми сведениями. К 1988 г. из 180 стран сохраняли смертную казнь 101 или 56% (35 государств или 19% полностью отменили смертную казнь, 26 или 14% фактически от нее отказались, в остальных смертная казнь была отменена за обычные преступления, совершаемые в мирное время). На конец 1995 г. сохраняли смертную казнь уже меньше половины (47%) всех государств — 90 из 192, полностью отменили 58 государств (30%), фактически не применяли 30 (16%), отменили за обычные преступления — 14 (7%). К концу 2000 г. смертная казнь сохранялась в 71 стране из 194 (37%), была полностью отменена в 76 (39%), фактически не применялась в 36 (19%), отменена за обычные преступления — в 11 (6%)⁸³¹. К 2016 г. число стран, применяющих смертную казнь сократилось до 58, она отменена или фактически не исполняется — в 140 странах⁸³². В 1994–1998 гг. больше всего казненных было в Китае, Иране, Саудовской Аравии, Украине, Туркмении, США, Нигерии, Сингапуре, Белоруссии, России, Казахстане, Вьетнаме, Египте, Тайване, Конго, а по уровню на миллион жителей лидерами узаконенных убийств оказались Туркменистан и Сингапур. В 1999 г. свыше 100 чел. было казнено в Китае, Конго, Иране и Саудовской Аравии. В 2012 г. большинство смертных приговоров было в Китае —

⁸³⁰ Когда убивает государство. Указ. соч.; Против смертной казни. М., 1992; Квашиш В.Е. Указ. соч., Лепешкина О.И. Смертная казнь. Опыт комплексного исследования. СПб.: Алетейя, 2010; Baird R., Rosenbaum S. (Eds.) Punishment and the Death Penalty: The Current Debate. Prometheus Book, 1995; Hood R. (1996) *ibid*; Hood R. Capital Punishment: A Global Perspective // Punishment and Society, 2001. Vol. 3. № 3. Pp. 331–354.

⁸³¹ Hood R. (2001). *Ibid*. P. 334.

⁸³² Смертная казнь в мире // URL: www.itar-tass.com/g57/3883_print.html (дата обращения: 20.01.2015); Amnesty International. Death sentences and executions. 2015, p. 38.

свыше 1000, Иране — свыше 300, Ираке 129, Саудовской Аравии — 79, США — 43, Йемене — 20, Судане — 19⁸³³.

А вот некоторые сведения по бывшему СССР и России.

По далеко не полным данным были приговорены к смертной казни (расстрелу) с 1921 по 1953 г. 826 589 чел. (или в среднем 25 830 чел. в год)⁸³⁴. Только за страшные 1937–1938 гг. были приговорены к расстрелу 681 692 чел. В это число не входят осужденные к «десяти годам лишения свободы без права переписки», что на иезуитском языке сталинской юстиции означало смертную казнь, а также огромное количество уничтоженных без суда и следствия. С 1962 по 1984 г. были приговорены к смертной казни 22 235 чел. (в среднем по 967 осужденных ежегодно). С 1985 по 1990 г. (годы горбачевской перестройки) осуждено к смертной казни 2317 чел. или 386 в год. За все названные годы доля реально казненных достигала 90% (а в годы сталинского «большого террора» — около 100%). Так, в 1985 г. было казнено 770 чел., помиловано — 20, в 1986 г. — соответственно 526 и 41, в 1987 г. — 344 и 47, в 1988 г. — 271 и 72, в 1989 г. — 276 и 23, в 1990 г. — 195 и 29⁸³⁵. По другому источнику (данные за 1985–1990 гг. отличаются от вышеприведенных), в 1992 г. был казнен 1 человек, помилованы 55, в 1993 г. — соответственно 4 и 149, в 1994 г. — 19 и 134, в 1995 г. — 86 и 5⁸³⁶.

Рассмотрим подробнее динамику приговоров к смертной казни за 1986–1998 гг.: 1986 — 225 осужденных к смертной казни, 1987 — 120 человек, 1988 — 115, 1989 — 100, 1990 — 223, 1991 — 147, 1992 — 159, 1993 — 157, 1994 — 160, 1995 — 143, 1996 — 153, 1997 — 106, 1998 — 116 чел.⁸³⁷. Всего за 1986–1998 гг. осуждены к смертной казни 1924 чел. (или 148 чел. в год). Некоторые обобщенные данные представлены в табл. 16.2.

По различным источникам (газеты «Известия», «Московские новости», журналы «Итоги» и «Terra Incognita») в 1989–1991 гг. были казнены 48,5 — 61,3% осужденных. С 1986 по 1996 г. были казнены 814 осужденных, помилованы — 427. В 1996–1997 гг. помилованных не было, в 1998 г. помиловано 149 чел.

⁸³³ Там же.

⁸³⁴ Земсков В.Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6; Лунеев В.В. (1997). Указ. соч.

⁸³⁵ Аргументы и факты. 1991. № 28.

⁸³⁶ Гессен М., Семин В. Расстрел в рассрочку: Лучше плохое пожизненное заключение, чем хорошая смертная казнь // Итоги. 3 декабря 1996. С. 46–49.

⁸³⁷ Ежегодники: Преступность и правонарушения. М.: МВД РФ, МЮ РФ.

Таблица 16.2
Смертная казнь в СССР (1921–1990) и России (1986–1998)

Периоды	Приговорено к смертной казни	В среднем за один год
1921–1953	826 589	25 830
1962–1984	22 235	964
1985–1990	2 317	386
1986–1998	1 924	148

В связи с объявленным мораторием на исполнение приговоров к смертной казни последний из них был исполнен 2 сентября 1996 г. Напомним, однако, что Государственная Дума до сих пор не приняла закон об отмене смертной казни и не ратифицировала подписанный президентом Б. Ельциным Протокол № 6 к Европейской Конвенции по правам человека, запретивший применение смертной казни в мирное время в странах, подписавших Конвенцию. Не ратифицирован Думой и Протокол № 13 к Европейской Конвенции, полностью отменивший смертную казнь (как в мирное, так и в военное время). В феврале 1999 г. Конституционный Суд РФ приостановил право всех российских судов на вынесение приговоров к смертной казни, поскольку конституционное право быть судимым судом присяжных не обеспечено фактически (такие суды действуют только в 9 субъектах федерации из 89). Однако такое решение Конституционного Суда является компромиссным. Необходимо ратифицировать Протоколы № 6 и 13 к Европейской конвенции и законодательным путем исключить наказание в виде смертной казни. В ноябре 2009 г. Конституционный Суд РФ вновь подтвердил невозможность назначения и применения смертной казни.

По моему мнению, смертная казнь давно должна быть исключена из системы наказаний в уголовном законе России (ст. 44, 59 УК РФ). А США не могут считаться вполне цивилизованной страной, пока в ряде штатов сохраняется смертная казнь.

Интересно, что в царской России за 80 лет с 1826 по 1906 г. были приговорены к смертной казни 612 чел. (около 8 в год), из них казнены в среднем 2 чел. в год⁸³⁸. Так, по делу декабристов были приговорены к квалифицированной смертной казни (отсечение головы, четвертование) 39 чел., казнены — 5 (повешены); за участие в польском восстании 1830 г. приговорены к смерти 262 чел., ни один из них не был казнен («не были разысканы»); по делу петрашевцев 1849 г. приговорены к расстрелу 21 чел., ни один не был казнен.

⁸³⁸ Шишов О.Ф. Указ. соч. С. 71–96.

Советская и постсоветская Россия в течение длительного периода времени относилась к числу стран (наряду с Китаем, Ираком, Ираном, Нигерией) с самыми высокими показателями осуждения к смертной казни и ее реального применения.

§ 3. Лишение свободы

В современном мире вторым по тяжести наказанием после смертной казни является лишение осужденного свободы. Этот вид наказания также имеет длинную историю, хотя появился значительно позже смертной казни. Так, в упоминавшихся «Саксонском зеркале» (1230) и «Каролине» (1532) предусматривались помимо смертной казни обрезание ушей, обрезание носа, выкалывание глаз, обрубание пальцев и рук, пытка раскаленными щипцами и т.п. — лишение свободы занимало третьестепенное место. Лишь с XVI в. лишение свободы получает распространение, а с XVIII в. становится наиболее распространенным видом наказания.

Многочисленные реформы тюрьмы (филадельфийская или пенсильванская система одиночного заключения, оборнская система молчания, английская и ирландская прогрессивные системы, борстальская система реформаториумов, концентрационные лагеря, современные системы «коррекции» и пробаций и др.) не изменили ее сущность: осужденный лишался свободы, находился под стражей при необходимости строго соблюдать режим, предписываемый той или иной тюремной системой. Побег из заключения сам по себе является преступлением, влекущим дополнительное наказание (чаще всего — новый «срок»).

«Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит» чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»⁸³⁹.

Итак:

- Институт тюрьмы не вечен. Он возник исторически и видоизменялся на протяжении истории.
- Тюрьма (лишение свободы) никого не исправляет; она служит школой повышения криминального мастерства, профессионализма; она калечит людей психически, а то и физически. Содержание пенитенциарной системы требует огромных фи-

нансовых затрат, ложась тяжким грузом на налогоплательщиков. *Лишение свободы — неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями.*

При этом тюрьма «незаменима» в том отношении, что человечество не придумало пока ничего лучшего (более эффективного) для защиты общества от тяжких преступников. (Напомним, впрочем, что человечество много веков не находило средств для предупреждения опасных действий со стороны душевнобольных, и тогда их приковывали цепями, содержа наравне с осужденными за преступления. Лишь развитие медицины, психиатрии позволило отказаться от варварского обращения с лицами, страдающими тяжелыми психическими расстройствами).

- Человечество потихоньку, ощупью, шаг за шагом нащупывает пути постепенной замены лишения свободы иными мерами социального контроля — штрафные санкции, ограничение свободы, общественные работы, иные альтернативные меры воздействия, альтернативная юстиция.

Пенитенциарная практика

Одним из интегральных показателей жесткости уголовной юстиции служит уровень заключенных на 100000 жителей. Сравнительные данные по ряду стран за несколько лет⁸⁴⁰ представлены в табл. 16.3.

Мы видим, во-первых, что в большинстве стран прослеживается тенденция к росту тюремного населения. Это тем более удивительно, что в большинстве стран идет снижение уровня преступности. Очевидно, это дало основание Н. Кристи задать вопрос: «Вперед к ГУЛАГ'у западного образца?». К сожалению, это реакция на популистски раздуваемый все возрастающий страх населения, прежде всего «среднего класса», перед преступностью, «мафией». Во-вторых, Россия и США упорно сражаются за 1–2 место в этом позорном списке. Кстати говоря, это вторая причина, наряду с сохранением смертной казни, по которой я не могу отнести США ко вполне цивилизованным странам...

⁸⁴⁰ Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY: Oxford University Press, 1999, pp. 318–319; Barclay G., Tavares C., Siddique A. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 1999 // Home Office Statistical Bulletin, 2001 May, Issue 6/01, p. 7; Barclay G., Tavares C. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office, 2003 October, Issue 12/03, p. 7; Aebi M., Stadnic N. Council of Europe. Space I (Council of Europe Annual Penal Statistics) Survey 2005. Strasbourg, 2007, p. 19.

⁸³⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Указ. соч. С. 339.

Таблица 16.3

**Уровень заключенных (на 100 000 населения)
в некоторых странах (1990–2012)**

	1990	1992	1994	1999	2001	2005	2007	2012
Австралия	83	88	94	108	116	–	130	129
Австрия	90	95	92	85	87	107	–	104
Англия с Уэльсом	88	89	95	125	129	143	–	152
Бельгия	59	71	74	80	83	90	–	111
Болгария	125	–	110	–	116	158	–	145
Венгрия	119	154	124	161	171	162	–	117
Германия	–	–	–	97	85	96	–	85
Дания	62	64	67	66	58	76	67	69
Испания	–	–	–	111	116	142	–	–
Италия	45	84	89	89	96	102	77	111
Канада	111	113	118	123	101	–	–	117
Колумбия	99	82	85	–	–	–	128	181
Латвия	320	–	375	–	370	313	287	313
Литва	230	–	360	–	273	233	239	334
Мексика	108	96	93	–	–	–	–	200
Нидерланды	46	49	57	84	94	134	–	68
Норвегия	–	–	–	56	58	67	73	71
Польша	120	–	160	142	207	216	230	218
Россия	470	520	580	729	673	577	613	501
США	465	519	554	682	689	–	762	730
Финляндия	68	69	62	46	60	73	67	59
Франция	–	–	–	91	77	92	–	117
Чехия	80	–	190	224	188	186	182	215
Швеция	61	63	70	111	69	78	74	68
Эстония	220	–	270	303	351	327	322	258
ЮАР	–	–	–	327	411	–	348	–
Япония	38	36	37	43	50	–	65	58

Как уже отмечалось, для оценки тяжести такого наказания, как лишение свободы, большое значение имеют *реальные условия* отбывания наказания. По этому критерию существуют огромные различия между странами. «Масштабы лишений, которым подвергает людей тюрьма, существенно разнятся. Одни заключенные живут в комнатах на одного с индивидуальным умывальником и туалетом, телевизором и персональным компьютером, возможно, проходя заочно университетский курс и раз в неделю встречаясь в приватной

обстановке с супругами или партнерами. Другие живут в спартанских хижинах в лагере и трудятся на тюремных фабриках, внося свой вклад в экономику страны. Третьим просто нечего делать — только изо всех сил стараться выжить в грязном, лишенном необходимых санитарных условий тюремном бараке, не имея никакой другой пищи и лекарств, кроме тех, о которых могут позаботиться их семьи»⁸⁴¹. Наиболее благополучное положение — в странах Западной Европы, существенно хуже — в США, самые неблагоприятные условия в пенитенциарных учреждениях ряда стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки. Массовые нарушения элементарных прав человека в пенитенциарных учреждениях многих стран противоречат таким фундаментальным международным правовым актам, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Специальным международным документом, направленным на обеспечение *минимальных* требований к условиям содержания заключенных, являются Минимальные стандартные правила ООН по обращению с заключенными⁸⁴².

Российская пенитенциарная система

О состоянии тюремных учреждений *царской* России мы можем получить достаточно полное представление из работ отечественных авторов (С. Гогель, А. Кистяковский, Д. Тальберг) и прежде всего — М. Гернета⁸⁴³, а также из обширной мемуарной и художественной литературы (например, «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского).

Что касается *советского* периода российской истории, то длительное время единственным доступным источником информации о пенитенциарных учреждениях (под страхом оказаться там же) был «самиздат» авторов — «диссидентов», начиная с «Одного дня Ивана Денисовича», «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, «Колымских рассказов» В. Шаламова.

⁸⁴¹ Стерн В. Грех против будущего: Тюремное заключение в мире. М.: Penal Reform International (PRI), 1998. С. 11–12.

⁸⁴² Подробнее см.: Как заставить стандарты работать: Практическое руководство по эффективному применению международных тюремных правил. М.: Права человека, 1998.

⁸⁴³ Гернет М.Н. В тюрьме. Указ. соч.; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Указ. соч.

Официальная и научная, «без эмоций» информация появилась первоначально с грифом «ДСП» («Для служебного пользования») ⁸⁴⁴, а затем и в открытой печати лишь в 70–80-е гг. XX столетия. Ценные материалы представлены в результатах периодических (1970, 1975, 1979, 1989, 1994, 1999 гг.) специальных переписей осужденных, проводимых НИИ МВД совместно с органами, исполняющими наказание ⁸⁴⁵.

Тюремной субкультуре и психологии заключенных посвящены работы Г. Хохрякова и В. Пирожкова ⁸⁴⁶.

Много информации, особенно ценной, поскольку учитывается передача пенитенциарных учреждений из МВД в МЮ РФ, содержится в книге А.И. Зубкова, Ю.И. Калинина, В.Д. Сысоева ⁸⁴⁷.

Обширная литература, подробно освещающая ситуацию в российских пенитенциарных учреждениях, издается Общественным Центром содействия реформе уголовного правосудия (руководитель — В. Абрамкин) ⁸⁴⁸.

Немало данных о российских «зонах» имеется в бюллетенях, книгах и иных материалах «Международной Амнистии» («Amnesty International»), «Международной тюремной реформы» («Penal Reform International»), «Международного Общества Прав Человека» («Internationale Gesellschaft für Menschenrechte»), Московской Хельсинкской Группы.

⁸⁴⁴ 11 выпусков ВНИИ МВД СССР (1972) на основе материалов специальной переписи осужденных 1970 г.: Осужденные к лишению свободы; Рецидивисты; Осужденные, отбывающие наказание в тюрьмах; Осужденные, отбывающие наказание в ВТК и др.; Михлин А.С. Роль социальных и демографических свойств личности осужденных. М.: ВНИИ МВД, 1970.

⁸⁴⁵ См. предыдущую ссылку, а также: Михлин А.С. Общая характеристика осужденных (по материалам специальной переписи 1989 г.). М.: ВНИИ МВД, 1991; Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: по материалам специальной переписи 1999 г. / Ред. А.С. Михлин. М.: Юриспруденция, 2000. Т. 1; Характеристика осужденных к лишению свободы: по материалам специальной переписи 1999 г. / Ред. А.С. Михлин. М.: Юриспруденция, 2001. Т. 2.

⁸⁴⁶ Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. Тверь, 1994; Он же. Криминальная психология. М., 1998; Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М.: ВНИИ МВД, 1985; Он же. Парадоксы тюрьмы. М.: Юрид. лит., 1991.

⁸⁴⁷ Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: История и современность. М.: Норма, 1998. См. также: Положение заключенных в современной России. М.: МХГ, 2003.

⁸⁴⁸ Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996; Тюремный мир глазами политзаключенных / Ред. В. Абрамкин М., 1993; Письма из зоны — 87 / Ред. В. Абрамкин. М., 1993; Тюрьма — не женское дело, 2000; Дети в тюрьме / Ред. В. Абрамкин. М., 2001; Осторожно, тюрьма... М., 2006 и др.

С 2004 г. выходит ежемесячный журнал «Неволя», содержащий огромный фактический материал о сегодняшнем состоянии российской пенитенциарной системы.

Отметим некоторые особенности современной российской пенитенциарной системы. При этом следует заметить, что приводимые ниже многочисленные недостатки и пороки не исключают фактов добросовестного исполнения служебного долга многими сотрудниками пенитенциарных учреждений, которые (сотрудники) сами нередко становятся заложниками системы.

Количественные показатели ⁸⁴⁹

На **1 мая 2007 г.** в пенитенциарных учреждениях России всех типов содержались свыше 888,1 тыс. чел. или около 613 на 100 тыс. населения. 90% заключенных находились в учреждениях системы ФСИН (Федеральной службы исполнения наказания). Всего на 1 мая 2007 г. в эту систему входили 766 исправительных колоний (ИК), 62 воспитательные колонии (ВК) для несовершеннолетних, 216 следственных изоляторов (СИЗО), 7 тюрем и 160 учреждений, функционирующих в режиме следственных изоляторов. Кроме того, в ведомстве Министерства обороны находятся дисциплинарные батальоны, в которых отбывают наказание военнослужащие, осужденные за совершение преступлений, а под эгидой Министерства здравоохранения — специальные психиатрические больницы (СПБ) для осужденных, признанных психически больными.

В ИК содержались 709,9 тыс. чел., в СИЗО и тюрьмах — 165,9 тыс. чел., в ВК — 12,1 тыс. чел. В пенитенциарных учреждениях находились 62,4 тыс. женщин, а в 11 домах ребенка при женских ИК — 713 детей ⁸⁵⁰.

На **1 мая 2013 г.** в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 693,4 тыс. чел., в т.ч. в 736 исправительных колониях (ИК) — 573,8 тыс. чел., в 128 колониях-поселениях — 39,4 тыс. чел., в 5 ИК для осужденных к пожизненному заключению — 1832 чел., в 7 тюрьмах — 1002 чел., в 46 воспитательных колониях — 2,2 тыс. чел.

⁸⁴⁹ Здесь и далее помимо вышеназванных источников использованы сведения, приведенные в: Человек и тюрьма: сборник информационных материалов / Ред. В. Абрамкин. М., 1998; Материалы к слушаниям «Критическая ситуация, сложившаяся в учреждениях ГУИН МЮ РФ, и меры по выходу из кризиса». М., 1999; ж. «Неволя».

⁸⁵⁰ Неволя. 2007. № 12. С. 24–35.

В 230 следственных изоляторах (СИЗО) и 165 помещениях, функционирующих в режиме СИЗО, содержалось 116,3 тыс. человек.

В пенитенциарных учреждениях на май 2013 г. было 57,2 тыс. женщин. При женских колониях имелось 13 домов ребенка, в которых находились 772 ребенка⁸⁵¹.

На 1 мая 2016 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 653 218 чел., в том числе в 720 исправительных колониях — 528 166 чел.; в 125 колониях-поселениях 32 697 осужденных; в 6 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы — 1974 чел.; в 218 СИЗО и 100 помещениях, функционирующих в режиме СИЗО — 121 633 чел.; в 8 тюрьмах отбывали наказание 1738 чел.; в 31 воспитательной колонии — 1681 несовершеннолетний. В пенитенциарных учреждениях отбывали наказание 52915 женщин. При женских колониях было 13 домов ребенка, где находились 627 детей⁸⁵².

Динамика заключенных в российских пенитенциарных учреждениях представлена в табл. 16.4.

Таким образом, мы видим максимальное количество заключенных (и их уровень в расчете на 100 тыс. населения) в период 1996–2000 гг. с последующей тенденцией сокращения. В целом это соответствует динамике уровня преступности в стране.

Для сравнения небезынтересно, что в Советском Союзе максимальное количество заключенных, по официальным, далеко не полным данным, приходится на 1939–1942 гг. (свыше 2 млн ежегодно) и... 1948–1953 гг. (свыше 2,5 млн ежегодно)⁸⁵³. Так И. Сталин отблагодарил советский народ за победу над гитлеровской Германией...

Наполняемость пенитенциарных учреждений

В 1999–2000 гг. СИЗО были переполнены в 2–2,3 раза, а в 2001 г. в 1,6 раза по сравнению с нормативами. В среднем на 1 чел. приходилось 1,73 кв. м камерной площади, а в некоторых учреждениях — 0,5 кв. м, так что заключенные вынуждены были спать по очереди. Из объяснений представителей Государственной Думы и членов международных организаций: «Заключенным приходится спать по очереди», «Не все заключенные имеют возможность присесть... Стол рас-

⁸⁵¹ Неволя. 2013. № 33. С. 4–5.

⁸⁵² Неволя. 2016. № 50. С. 4–5.

⁸⁵³ Подробнее см.: Гилинский Я.И. Исполнение наказания в системе социального контроля над преступностью // Закон. 2012. № 9. С. 117–128.

считан максимум на 10 человек. Основной массе заключенных приходится есть стоя», «Остальные стоят, как в трамвае, потому что им нет даже места, чтобы сесть на пол». ИК общего режима переполнены в 1,1 раза, учреждения для больных туберкулезом — в 1,45 раза.

Таблица 16.4
Динамика заключенных в России (1989–2016)

Годы	Общее число заключенных (в тыс. чел.)	Уровень (на 100 тыс. населения)
1989	698,9	400
1990	714,7	500
1991	770,0	459
1992	750,3	520
1993	804,8	563
1994	902,7	580
1995	964,6	655
1996	1017,0	686
1997	1009,8	700
1998	1010,0	720
1999	1014,0	729
2000	1060,0	729
2001	960,4	673
2002	965,0	675
2003	847,0	592
2004	763,1	577
2005	823,4	578
2006	871,7	609
2007	883,2	613
2008	891,7	623
2009	875,8	617
2010	819,2	577
2011	806,1	564
2012	726,9	508
2013	693,4	436
2014	676,4	471
2015	656,6	449
2016	653,2	446

В 2002–2006 гг. контингент СИЗО также превышает нормативы, но значительно меньше. Последние годы ситуация несколько улучшилась в связи с сокращением контингента заключенных.

Социально-демографический состав осужденных к лишению свободы

Благодаря вышеназванным специальным переписям заключенных и сравнительному анализу их результатов, имеются обширные данные о социально-демографическом составе лиц, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях различного вида (ИК общего, строгого, особого режимов, для отбывающих пожизненное заключение; ВК общего и усиленного режимов; тюрьма общего и строгого режимов; колонии-поселения) и на различных условиях (обычные, облегченные, строгие, льготные — в ВК). Приведем лишь некоторые обобщенные данные⁸⁵⁴. Сравнение проводится по переписям 1970, 1979, 1989, 1994, 1999 гг.

Пол

Доля *мужчин* в ИК колебалась от 82% в 1989 г. до 87,1% в 1970 г., в 1999 г. — 85,2%. Понизился удельный вес отбывающих наказание в ИК строгого режима с 44,6% в 1994 г. до 37,6% в 1999 г. и в ИК особого режима (за тот же период с 6,4% до 2,8%).

Доля *женщин* в ИК колебалась от 3,8% в 1994 г., до 6% в 1970 г., в 1999 г. — 5,5%. В 2007 г. женщины составили 7,2% заключенных⁸⁵⁵. В целом наблюдается возрастание доли женщин среди заключенных от 3,8% в 1994 г. до 9,0% в 2013 г.

Доля же женщин среди осужденных сокращалась от 6% в 1970 г. до 4% в 1994 г. с ростом до 5,9% в 1999 г. Удельный вес женщин в тюрьмах — 0,3% (1999).

Возраст

В 1999 г. осужденные к лишению свободы распределялись по возрастным группам следующим образом: 20–29 лет — 43,5%, 30–39 лет — 27,1%, 40–49 лет — 15,9%, 14–19 лет — 8,6% (14–17 лет — 3,3%), 50 лет и старше — 4,9% (60 лет и старше — 0,7%). Поскольку возрастные интервалы названных групп не равновелики, корректнее рассматривать *относительную плотность распределения*

⁸⁵⁴ См.: Характеристика осужденных к лишению свободы: по материалам специальной переписи 1999 г. / Ред. А.С. Михлин. Т. 2. М., 2001.

⁸⁵⁵ Неволя. 2007. № 13. С. 31.

осужденных по возрасту (доля, приходящаяся на величину интервала в один год). Этот показатель в том же году составил для возрастных групп: 20–29 лет — 4,4; 18–19 и 30–39 лет — по 2,7; 40–49 лет — 1,6; 16–17 лет — 1,1; 14–15 лет — 0,6; 50–59 лет — 0,4; 60 лет и старше — 0,1. Итак, наиболее представлена в местах лишения свободы группа 20–29-летних, примыкают к ней по степени «призонизации» 18–19-и и 30–39-летние, наименее «призонированы» лица старше 50 лет. Думается, что такой возрастной состав контингента пенитенциарных учреждений отражает прежде всего различия в степени латентности «уличной» преступности и «беловоротничковой» — удела старших возрастных групп, а также селективность милиции и уголовной юстиции.

Возрастная динамика заключенных представляется следующим образом. Доля 14–15-летних сокращается от 0,5% в 1970 г. до 0,2–0,3% в 1979, 1989, 1994 гг., но увеличивается до 1,1% в 1999 г. Удельный вес 16–17-летних снижается от переписи к переписи с 3,7% до 2,2%. В 2007 г. доля несовершеннолетних заключенных составила 1,3%. Если 18–19-летние в 1970 и 1979 гг. составляли соответственно 27,6 и 29,7% всех осужденных к лишению свободы, то в годы последующих переписей их доля сократилась до 5–5,3%. Удельный вес 20–29-летних возрастает от переписи к переписи с 16,7% до 43,5%. Динамика остальных возрастных групп — без выраженных тенденций: 30–39 лет — от 22,6% в 1979 г. до 33,5% в 1994 г. (1999 г. — 27,1%); 40–49 лет — от 11% в 1989 г. до 16,4% в 1994 г. (1999 г. — 15,9%); 50–54 года — от 2,4% в 1970 г. до 3,9% в 1979 г. (1999 г. — 2,6%); 55–59 лет — 1,2–2,3%, свыше 60 лет — 0,7–1,2%.

Средний возраст осужденных к лишению свободы составил: 1970 г. — 31,9; 1979 г. — 31,6; 1989 г. — 32,1; 1994 г. — 32,6; 1999 г. — 31,5.

В 1999 г. наиболее представительная группа в мужских ИК общего режима — 20–39 лет (76,9% от общего числа отбывающих наказание в ИК этого вида, средний возраст — 29,4 года), в ИК строгого режима — 25–49 лет (77,6%, средний возраст — 34,6 года), в ИК особого режима — 30–49 лет (65,7%, средний возраст — 38,7 лет). Женщины в целом старше мужчин. Наиболее представительная возрастная группа в женских ИК общего режима — 20–49 лет (88,6%, средний возраст — 34 года), в ИК строгого режима — та же группа, но 90,3% при среднем возрасте 35,5 лет.

В тюрьмах (где отбывают наказание по приговору суда наиболее опасные преступники) самая представительная группа — 25–49 лет (93,3%, средний возраст — 33,8 лет).

Семейное положение

Удельный вес не состоявших в браке вырос от переписи к переписи с 49,4% до 69,1% (для мужчин в ИК в 1999 г. — 68,6%, для женщин в ИК — 62,9%, для ВК — 88,8%, для тюрем — 59,1%). Семья распалась до осуждения у 10–12% заключенных. Из состоявших в браке семьи распались за время отбывания наказания у 23,3% осужденных в 1970 г. с последующим возрастанием до 32,4% в 1999 г. (в мужских ИК в 1999 г. — 31,5%, в женских ИК — 47,7%, в ВК — 30,4%, в тюрьмах — 39,4%). Вступили в брак за время отбывания наказания — 2,1–2,9% (только из числа ранее не состоявших в браке — 3,0–3,9%), в том числе в 1999 г. в мужских ИК — 2,7%, в женских ИК — 1,1%, в ВК — 2,2%, в тюрьмах — 2,4%. Как следует из приведенных данных, у женщин чаще распадается семья за время отбывания наказания, и они реже вступают в брак, находясь в колонии. Между тем, наличие семьи для женщин обычно важнее, чем для мужчин, так что и по этому показателю женщины теряют при осуждении к лишению свободы больше.

Образование

Образовательный уровень заключенных возрастает по мере роста уровня образования населения в целом. Поэтому неудивительно, что среди контингента пенитенциарных учреждений доля лиц с высшим образованием выросла с 1970 по 1999 гг. с 0,7 до 1,3%, со средним специальным и незаконченным высшим образованием — от 3,7 до 14,9%, со средним общим образованием — от 11,6 до 48,1%. Одновременно удельный вес лиц с неполным средним образованием сократился с 68,1 до 30,4%, а с начальным образованием и ниже — с 15,9 до 5,3%. Средний образовательный уровень (в условных годах обучения) вырос с 7,1 до 9,4.

Женщины оказались более образованными не только на воле, но и в местах лишения свободы: средний образовательный уровень в мужских ИК — 9,5, в женских — 9,6. Может показаться удивительным, что уровень образования (и по удельному весу лиц с высшим образованием — 2,2%, и по среднему образовательному уровню — 9,8) наиболее высок среди мужчин, находящихся в ИК для отбывания пожизненного заключения. Относительно высокий и средний образовательный уровень у лиц, осужденных к тюремному заключению (9,7).

Следует отметить, что образовательный уровень осужденных в целом был значительно ниже, чем в населении⁸⁵⁶. Так, в 1970 г. с выс-

шим образованием в населении РСФСР (старше 10 лет) было 4,4%, в 1979 г. — 7,1%, тогда как среди заключенных соответственно 0,7 и 0,8%; со средним специальным и незаконченным высшим образованием за те же годы в населении — 8,6 и 13,1%, среди осужденных — по 3,7%.

Социальный состав

По переписи 1999 г. род занятий осужденных до их ареста распределялся следующим образом: рабочие — 29,3%, служащие (включая работников правоохранительных органов — 0,4% и военнослужащих — 1,1%) — 3,2%, крестьян — 1,9%, предпринимателей — 1,8%, учащихся — 3,7% (в том числе ПТУ — 1,4%, средних школ — 1,5%, средних и высших профессиональных заведений — 0,6%), домохозяйки и неработающие пенсионеры — 1,4%, безработные — 1,3%, отбывали наказание в местах лишения свободы — 0,5%. Удельный вес не работавших, не учащихся, не имеющих постоянного источника доходов вырос с 10,6% в 1970 г. до 56,3% в 1999 г. Наибольшая доля последней категории (1999) среди женщин в ИК — 70,8% (а в ИК строгого режима — 75,6%). Это еще одно напоминание об «исключенных».

Трудоспособность

Трудоспособность осужденных упала с 96% в 1989 г. до 85,7% в 1999 г. При этом доля инвалидов III и II групп несколько сократилась: соответственно с 1,6 до 0,9% и с 2,3 до 1,2%. Несколько выросла доля нетрудоспособных по возрасту (до 0,9% в 1999 г.) и ограниченно годных к труду (до 11,2% в 1999 г.). Трудоспособность в мужских ИК в 1999 г. — 84,4%, в женских ИК — 90,1%, в ВК — 92,6%, в тюрьмах — 85,7%. Следует заметить, что труд в пенитенциарных учреждениях страны оплачивается крайне низко, а в женских колониях нередко носит чрезмерный, мучительный характер⁸⁵⁷.

В 1999 г. отбывали наказание с назначенным принудительным или обязательным лечением: от алкоголизма — 8,2% (в 1989 г. — 21,1%), от наркомании — 4,5% (в 1989 г. — 2,5%), от туберкулеза — 2,2% (в мужских ИК для отбывания пожизненного заключения — 6,8%), от венерических заболеваний — 0,3% (при переписях 1989 и 1994 гг. — 0,1%), от токсикомании — 0,1%. Страдали психическим расстройством — 2,1% (в ВК усиленного режима — 5,8%).

⁸⁵⁶ См.: Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Финансы и статистика, 1984. С. 27.

⁸⁵⁷ Щур Н. Рабский труд заключенных в современной России. Челябинск, 2014.

Питание

Расчетная стоимость минимальной нормы питания на одного осужденного в первом полугодии 1998 г. составляла 225 руб. в месяц, из бюджета было реально профинансировано 142 руб. в месяц, к середине года расходы сократили до 22 руб. в месяц... Из беседы с зам. Министра юстиции Ю.И. Калинин: «У нас на питание одного заключенного в сутки из бюджета всего 67 копеек выделяется». Из рассказов и писем заключенных: «Собак так не кормят, как нас», «Здесь нас морят специально — это же и есть самая главная несправедливость, что меня как животное какое-то морят голодом специально». В 2001 г. предполагалось финансирование питания на одного заключенного из расчета 22 руб., но фактически сумма не превышала 15–17 руб. на человека. В 2012 г. стоимость затрат на одного заключенного в России была в 50 раз ниже средневропейской⁸⁵⁸.

Санитарно-гигиенические условия в местах лишения свободы ниже всякой критики. Это, прежде всего, относится к следственным изоляторам (СИЗО), но в значительной степени и к колониям (ИК, ВК). В СИЗО переполненность камер, духота, недостаток кислорода и при всем этом — «питание» и «туалет» (так называемая «параша») в том же помещении. Предоставим слово сторонним наблюдателям (из отечественных правозащитных организаций и международных органов): «Открывается дверь тюремной камеры — и шибает оттуда горячим зловонием. Страшно входить в это логово, где мгла и с потолка свисает темное тряпье (это арестантское белье)», «Через сильно зарешеченное окно свет почти не поступает... Кажется, что мухи и сигаретные бычки повсюду, и нет почти никакого движения воздуха», «При входе в общую камеру в лицо ударяет волна удушливого, тяжелого и зловонного газа с запахом пота, мочи и испражнений... Кормят заключенных в камере, и в камере же они испражняются». Ежегодно летом в ряде СИЗО заключенные умирают от кислородного голодания и тепловых ударов. Из письма женщины, отбывающей наказание в одной из ИК: «Канализации здесь нет... По сути летом мы живем со всех сторон окруженные «благовониями» и мухами... Зимой постоянные перебои с ассенизаторскими машинами... Ямы [ассенизационные — Я.Г.] переполняются, закрывают баню, прачку,

⁸⁵⁸ Солопов М. Россия тратит на одного заключенного в 50 раз меньше Европы // URL: <http://www.rbc.ru/society/11/02/2015/54db24779a794752506f1ebf> (дата обращения: 21.04.2017).

умывальники и туалеты в секциях. О какой чистоте и элементарной гигиене можно вести речь?».

Объективности ради следует заметить, что к середине 2000-х гг. ситуация изменилась к лучшему, но продолжает оставаться тяжелой.

Заболеваемость

На 1.01.1999 г. в пенитенциарных учреждениях системы ГУИН МЮ находились свыше 2,3 тыс. ВИЧ-инфицированных, 92 тыс. больных активной формой туберкулеза. Туберкулез — одна из страшных проблем современной российской тюрьмы. Ежегодно около 30 тыс. туберкулезных больных поступают в СИЗО, 35–40 тыс. осужденных вновь заболевают туберкулезом. При этом отсутствуют нормальные условия содержания таких больных, необходимое питание, а потребность в лекарствах и медицинском оборудовании обеспечивается лишь на 20–25%.

По данным ФСИН, за последние годы ситуация начала улучшаться. Так, в 2006 г. по сравнению с 2001 г. количество больных активной формой туберкулеза снизилось в два раза, заболеваемость уменьшилась в 2,5 раза, смертность — в 3,8 раза⁸⁵⁹. Однако, по данным международных организаций, рост больных туберкулезом продолжался по крайней мере до 2004 г., а рост ВИЧ-инфицированных с 1998 г. по 2003 г. был более, чем в 40 раз⁸⁶⁰. На 1.01.2007 г. общее число ВИЧ-инфицированных в пенитенциарных учреждениях составило более 39 тыс. чел.⁸⁶¹ По некоторым данным, в 2006 г. было 41,5 тыс. заключенных с вирусом ВИЧ⁸⁶² к маю 2016 г.

Согласно справки начальника Медицинского управления ГУИН (март 1999), «По причине нехватки мест в специализированных противотуберкулезных учреждениях примерно 15 тыс. туберкулезных больных содержится в изолированных участках ИУ, а около 2 тыс. — среди здоровых осужденных. Практически полностью прекращено проведение плановых хирургических операций, неуклонно растут показатели заболеваемости, смертности и инвалидизации осужденных. Оснащение медицинской техникой и оборудованием не превышает 15% от необходимого».

⁸⁵⁹ Неволя. 2007. № 12. С. 30.

⁸⁶⁰ Положение заключенных... Указ. соч. С. 147.

⁸⁶¹ Неволя. 2007. № 11. С. 34.

⁸⁶² Неволя. 2011. № 24. С. 20.

В пенитенциарных учреждениях России развивается практически неизлечимая лекарственно-устойчивая форма туберкулеза (ЛУ ТБ), ею уже заражены 20 тыс. заключенных. В связи с миллионным контингентом заключенных и высочайшим уровнем их на 100 000 населения, а также быстротой распространения ЛУ ТБ, страна оказалась основным источником распространения этого заболевания в мире, что давно уже беспокоит мировую общественность⁸⁶³.

Пытки

Во-первых, сами условия нахождения в СИЗО, а то и в ИК носят пыточный характер (о чем прямо говорил начальник ГУИН МВД РФ, а затем ГУИН МЮ и ФСИН генерал Ю. Калинин: «Условия в наших следственных изоляторах по международным нормам можно квалифицировать как пытки. Это лишение сна, воздуха, пространства»).

Во-вторых, в пенитенциарных учреждениях имеют место пытки как для получения «признательных показаний» от подсудимых в СИЗО, так и для наказания «злостных нарушителей режима» в ИК. Как уже отмечалось, незаконным физическим воздействием в отношении задержанных грешат сотрудники различных служб полиции. Не представляет исключения персонал пенитенциарных учреждений. В СИЗО имеются так называемые «пресс-хаты» — камеры, в которые помещают подсудимых, не признающих свою вину, и где роль палачей выполняют другие заключенные, разумеется, за определенные льготы⁸⁶⁴. Печальную известность приобрели «Белые Лебеди» — пыточные колонии, куда направляются «злостные нарушители режима» из других ИК. Факты пыток многократно зафиксированы в прорвавшихся на волю жалобах заключенных, представителями отечественных и международных правозащитных организаций. Некоторые виды пыток распространены в различных регионах России и подробно описаны в прессе («слоник» — применение противогаза с прерыванием дыхания, «ласточка» — растяжка на веревках, «распятие Христа» — название говорит за себя, «конвертик» — пытаемого складывают как конверт для отправки, «смерть Бонивура»). Пытки стали повседневной практикой, заставившей «Общую газету» в конце 90-х гг. открыть постоянную рубрику «Пыт-

⁸⁶³ См.: Положение заключенных в современной России. Указ. соч. С. 147, 72–81; Приговоренные к смерти? Проблема туберкулеза в тюрьмах Восточной Европы и Центральной Азии. М., 2001.

⁸⁶⁴ См., например, о пыточной камере № 721 Петербургского СИЗО в: Распятие в «Крестах»–2 // Час Пик. 1998. 4 марта.

ки как будни России» (в последнее время эта рубрика исчезла, что вовсе не означает прекращения самих пыток...)⁸⁶⁵.

Надо ли напоминать, что применение пыток противоречит Всеобщей декларации прав человека (ст. 5), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Европейской конвенции о защите прав человека (ст. 3), Конституции Российской Федерации (ст. 21) и само признается уголовным преступлением (ст. 302 УК РФ)?

В результате нашего исследования применения пыток в пяти регионах России (Санкт-Петербург, Псковская, Нижегородская, Читинская области и Коми Республика) в 2004–2005 гг. было установлено, что если среди населения этих регионов подвергались пыткам со стороны сотрудников правоохранительных органов в течение года 3,4–4,6% жителей, то среди осужденных к лишению свободы еще до приговора суда пыткам подвергались 40–60% обвиняемых⁸⁶⁶.

Тюремная субкультура

Когда общество или государство в той или иной форме отвергает или дискриминирует какую-либо группу населения, та образуется субкультура со своими ценностями, нормами, языком (жаргон, сленг), традициями, образом жизни. Интеграция субкультурных групп является следствием давления социального контроля и по степени обратно пропорциональна ему. Вот почему, чем терпимее, открытее общество, тем менее «злостны» его субкультуры. Изложенные выше условия отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях не могут не стимулировать формирование тюремной субкультуры⁸⁶⁷.

За много десятилетий в отечественных пенитенциарных учреждениях сформировалась достаточно устойчивая субкультура со своей иерархией (наиболее четко выраженной в мужской «зоне»), нормами («воровской закон», современные «понятия»), языком («блатная феня»). Как любая культура, тюремная субкультура со временем

⁸⁶⁵ См. также: Мониторинг применения пыток в уголовно-исполнительной системе Челябинской области / Ред. Н. Щур. Челябинск, 2013; Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Лондон: Международная Амнистия, апрель 1997.

⁸⁶⁶ Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Н. Новгород, 2007; Гилянский Я.И. Социология о пытках в современной России // Неволя. 2006. № 10. С. 19–28.

⁸⁶⁷ Гилянский Я.И. Субкультура за решеткой // Советская этнография. 1990. № 2. С. 100–103.

изменяется. Остановимся кратко на сложившейся структуре мужского контингента заключенных.

Во-первых, это неформальные лидирующие группы («воры», «блатные», «черная масть»). По данным Г. Хохрякова, в 90-е гг. они составляли 5–18% заключенных. В этой группе (касте) есть свой лидер – «пахан», «авторитет». «Блатные — это реальная власть на некоторых зонах [«черных» — Я.Г.], власть, которая борется с властью официальной, то есть с администрацией зоны. Кроме власти, блатные имеют привилегии: право не работать, право оставлять себе из общака все, что сочтут нужным. У блатных есть и обязанности. Правильный пахан обязан следить за тем, чтобы зона «грелась», то есть получала нелегальными путями продукты, чай, табак, водку, одежду. Он обязан также решать споры, возникающие между другими заключенными, и вообще не допускать никаких стычек между ними, следить за тем, чтобы никто не был несправедливо наказан, обижен, обделен»⁸⁶⁸.

Во-вторых, осужденные, сотрудничающие с администрацией учреждения («козлы», «актив», «суки», «красная масть»). Пенитенциарные учреждения, где реальная власть у администрации, носят название «красной зоны».

В-третьих, основная масса («нейтральные», «мужики», «серая масть»), составляющая 70–75% заключенных.

Наконец, в-четвертых, «отверженные» («опущенные», «обиженные», «петухи», «голубая масть»). Они составляют 3–11% заключенных. В «отверженные» попадают за различного рода серьезные проступки, с точки зрения тюремного сообщества, «воровского закона», а также благодаря своим личным свойствам — неопрятные, опустившиеся, пассивные гомосексуалисты. «Нарушители норм сообщества в самом деле отвергаются: у них свои и, разумеется, худшие спальные места; свой стол в столовой, места в кинозале. Они моются в бане отдельно и в последнюю очередь... Они оказываются в своеобразной «двойной изоляции»: сначала их отгородило от себя общество, а затем изгнало из своих рядов собственное сообщество. Оно наказало их не только изгнанием, но и обрекло на худшие и самые тяжелые работы... Грязные, оборванные, с затравленными выражениями лиц, с глазами, в которых навечно застыл испуг... Их спасает только то, что неформальные правила поведения прецедуют общению с ними. Они неприкасаемые»⁸⁶⁹.

⁸⁶⁸ Абрамкин В., Чижов Ю. Как выжить в советской тюрьме: В помощь узнику. Красноярск, 1992. С. 98.

⁸⁶⁹ Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. Указ. соч. С. 82. Подробнее см.: Старков О.В. Криминальная субкультура. Спецкурс. М.: Wolters Kluwer, 2010.

Названная структура носит кастовый характер. Переход из касты в касту «наверх» крайне затруднен, а для «отверженных» невозможен. Перевод из трех первых каст в четвертую возможен в порядке наказания. Законы сообщества свято выполняются, особенно у «малолеток» — в ВК⁸⁷⁰. В результате именно в ВК для несовершеннолетних царит невиданная жестокость по отношению друг к другу.

Администрация пенитенциарных учреждений нередко пытается использовать противоречия «черной» и «красной» масти. Печально известная «сучья война» конца 40-х — начала 50-х гг. прошлого столетия унесла тысячи жизней, но не достигла предполагаемого тюремщиками результата — истребление тюремной субкультуры руками самих заключенных.⁸⁷¹ К сожалению, история плохо учит, и в наши дни администрация колоний пытается всех заключенных привлечь в «секции дисциплины и порядка» («красные»), прибегая к запугиванию, побоям, пыткам. Сломленные осужденные, вступая в эти секции, начинают «прессовать» других заключенных, становясь их врагами со всеми вытекающими последствиями.

В результате необоснованного, а часто и незаконного усиления режима, 2007 г. ознаменовался значительным числом массовых волнений и беспорядков в ИК и тюрьмах страны⁸⁷².

Пенитенциарная криминология исследует и преступления, совершаемые в местах лишения свободы. Здесь мы ограничимся отсылкой к соответствующей литературе⁸⁷³.

⁸⁷⁰ О страшных последствиях этого см.: Габышев Л. Однян, или Воздух свободы. М., 1990.

⁸⁷¹ Подробнее см.: Сидоров А. Великие битвы уголовного мира. Кн. 2. Ростов н/Д, 1999. С. 65–169.

⁸⁷² Подробнее см.: Неволя. 2007. № 13. С. 61–73.

⁸⁷³ Каретников И.В. Характеристика преступлений, совершенных в исправительно-трудовых колониях. М.: ВНИИ МВД СССР, 1986; Рецидивная преступность: предупреждение преступлений среди лиц, судимых к лишению свободы. Минск, 1985; Хохряков Г.Ф., Саркисов Г.С. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван: Айястан, 1988; Хохряков Г.Ф. Криминология. Указ. соч. С. 330–339.

Глава XVII. Профилактика преступлений

*Лучше предупреждать преступления,
чем наказывать.*

Монтескье

§ 1. Основные понятия

По сравнению с наказанием идея *превенции* в современной криминологии представляется несомненно более прогрессивной и перспективной.

Под предупреждением (профилактикой, превенцией) преступности и иных форм девиантности понимается такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на криминогенные (девиантогенные) факторы, которое приводит к сокращению и/или желательному изменению структуры преступности (девиантности) и к несовершению потенциальных преступных (девиантных) деяний.

Теоретически о возможностях и предпочтениях предупреждения преступлений известно с древних времен (Платон, Аристотель). В Новое время приоритет превенции был четко провозглашен Ш. Монтескье в «Духе законов»: «Хороший законодатель не столько заботится о наказании за преступление, сколько о предупреждении преступлений: он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы»⁸⁷⁴, а затем повторен и развит Ч. Беккариа («О преступлениях и наказаниях»). Комментируя идею превенции в работе Беккариа, Вольтер назвал предупреждение преступлений «истинной юриспруденцией».

В современной мировой криминологии различают три уровня превенции: *первичную (primary prevention)* — близкую по смыслу отечественной «*общесоциальной профилактике*», т.е. воздействию на среду, экологию, экономические, социальные, политические условия жизни населения в целях их улучшения, гармонизации; *вторичную (secondary prevention)* — аналог отечественной «*специальной профи-*

лактики», рассчитанной на обеспечение мер безопасности, воздействие на «группы риска», устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений; и *третичную (tertiary prevention)*, или «*индивидуальную профилактику*» в отечественной криминологии.

К направлениям *общесоциальной* профилактики относятся, например, повышение уровня жизни беднейшего населения, сокращение разрыва между наиболее и наименее обеспеченными слоями (реальное уменьшение децильного коэффициента и индекса Джини), создание условий для высокой вертикальной мобильности, формирование цивилизованного правосознания, атмосферы доброжелательности и терпимости и т.п.

Меры *специальной* профилактики (отечественные авторы выделяют в ее рамках криминологическую, уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, криминалистическую и др.) весьма разнообразны — от установки металлических дверей, решеток на окнах, охранной сигнализации, домофонов до эффективной уголовной политики, совершенствования уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, организации «соседского контроля», обеспечения «*community policing*», т.е. взаимодействия населения и полиции (милиции) и т.п. К уголовно-процессуальным мерам профилактики можно отнести и применение следствием и судом предоставленного права (обязанности) указывать должностным лицам посредством представлений и частных определений на выявленные в процессе расследования обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, с целью их устранения.

Индивидуальная профилактика предполагает работу с конкретными людьми — подростками, состоящими на учете в милиции/полиции, наркопотребителями, лицами, освобождающимися и освобожденными из мест лишения свободы и т.п.

Разумеется, идея предупреждения преступности значительно разумнее, демократичнее, либеральнее, прогрессивнее, чем «борьба» и репрессии. Но насколько она реалистична и эффективна, может ли она служить панацеей от криминальных бед⁸⁷⁵?

Во-первых, что служит *объектом* превенции, если девиантность в целом и преступность в особенности есть некий конструкт, про-

⁸⁷⁴ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 201.

⁸⁷⁵ Помимо приводимых ниже суждений, см. также: Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carroll) // Security Journal, Perpetuity Press Ltd. Vol. 12. № 3. 1999. Pp. 67–68; Welsh B., Farrington D. (Eds.) Crime Prevention. Oxford University Press, 2012.

дукт договоренности или субъективных решений (релятивность и конвенциональность преступности и девиантности). Если, как было показано выше, согласно букве уголовного закона 100% взрослого населения страны — уголовные преступники, то кто же кого будет «профилактировать»?

Во-вторых, превенция предполагает воздействие на *причины* девиантности, преступности. Но кто сегодня решится сказать, что он знает эти причины? В отечественной и зарубежной литературе называются сотни «причин» и факторов, известны десятки уважаемых концепций причин преступности и девиантности (гл. 4, 5). Какие из них «принять за основу» и применять в профилактической деятельности?

Не удивительно, поэтому, в-третьих, что до сих пор нет достаточно убедительных данных об *эффективности* той или иной превентивной деятельности. В книге Д. Грэхема и Т. Бенетта собран большой материал по наиболее перспективным программам превенции. Но их успешность и результативность чаще всего не выявлены⁸⁷⁶.

Наконец, в-четвертых, существует серьезная опасность вырождения профилактики в попрание элементарных прав человека, ибо превенция всегда есть *интервенция* в личную жизнь. Проводя связь между «инструментальной рациональностью» превенции и Аушвицем (Освенцимом), Н. Steinert говорил в 1991 г.: «Я вижу в идее превенции часть серьезнейшего заблуждения этого столетия»⁸⁷⁷.

И все же сказанное не отрицает полезности усилий по предупреждению преступлений.

Во-первых, потому, что процессы организующие, упорядочивающие столь же объективны для общества, сколь и процессы дезорганизующие, девиантные.

Во-вторых, общество так или иначе будет реагировать на конвенционально определенную и полицией выявляемую преступность (наркотизацию, коррупцию и т.п.). А превенция предпочтительнее репрессии *post factum*.

В-третьих, совокупность мер primary, secondary, tertiary prevention способны в целом улучшать социальную обстановку, социальные усло-

⁸⁷⁶ Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки: HEUNI, 1995. См. также: Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C. Thomas Publ., 1996.

⁸⁷⁷ Steinert H. The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason. In: Albrecht G., Ludwig-Mayerhofer W. (Eds.) *Version and Informal Social Control*. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995, pp. 5–16.

вия бытия, создавать более человечную атмосферу и уже тем самым, в конечном итоге, служить сокращению бесчеловечных деяний.

В-четвертых, меры secondary и tertiary prevention (специальной и индивидуальной профилактики) при их разумном применении способны защитить конкретного человека, потенциальную жертву, спасти ее от возможных посягательств, что уже есть благо.

Применение мер профилактики должно иметь ограничения, препятствующие злоупотреблениям:

- как общий принцип — «не навреди»;
- эти меры должны соответствовать действующим правовым и моральным нормам;
- применение превентивных мер должно максимально отвечать правам человека;
- разработка и применение мер профилактики должно осуществляться высококвалифицированными профессионалами (юристами, психологами, педагогами, врачами, социальными работниками), а волонтеры должны проходить предварительное обучение и стажировку.

§ 2. Практика профилактики преступлений в современном мире

*Превенция преступлений за рубежом*⁸⁷⁸

Рост преступности и «кризис наказания» заставили зарубежных криминологов и практических работников обратиться к идеям предупреждения преступлений.

Большое внимание превенции преступности уделяют *скандинавские страны*. В Швеции в 1974 г. был образован Шведский Национальный совет по предупреждению преступлений (The National Swedish Council for Crime Prevention) как государственное учреждение в системе Министерства юстиции. Советом руководит правление (коллегия) в составе 20 представителей государственных и коммунальных учреждений. Совет регулярно выпускает доклады — результаты криминологических исследований. Аналогичные Советы образованы в Норвегии и Финляндии. Совместно со Скандинавским криминологическим исследовательским советом (The Scandinavian

⁸⁷⁸ Подробнее см.: Maguire M., Morgan R., Reiner R. *The Oxford Handbook of Criminology*. Oxford University Press, 2007, pp. 866–952.

Research Council for Criminology) они выпускают с 2000 г. специализированный журнал («Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention»).

Активно развивается теория и практика профилактики преступности в *Нидерландах*. О лучших превентивных программах, заслуживших премию (Роттердам, 1987, 1990; Цволле, 1988; Еншеде, 1989; Хельдер, 1991; Амстердам, 1992, 1995; Зандвоорт, 1993; Хаарлем, 1996), рассказывается в книге, посвященной «пионерам превенции»⁸⁷⁹. Лучшие превентивные программы Великобритании, Бельгии и Нидерландов, получившие Европейскую премию 1997 г., представлены в другой книге, подготовленной также Министерством юстиции Нидерландов⁸⁸⁰.

Идеи «коммунальной превенции», профилактики преступлений на уровне города, района широко распространены в германоязычных странах — *Германии и Австрии*. «Безопасный город», роль граждан в обеспечении собственной безопасности, взаимодействие полиции и населения — основные темы, обсуждаемые и развиваемые в рамках этого подхода⁸⁸¹.

Поскольку полиция — ближайший к населению институт охраны правопорядка и защиты населения, постольку в развитых современных странах идет поиск путей совершенствования взаимодействия, партнерства между населением и полицией в целях повышения защищенности граждан, эффективности правоохранительной деятельности, минимизации незаконных действий полицейских. Одна из активно развиваемых стратегий — «*Community policing*»⁸⁸². Ее суть: формирование и развитие *партнерских* отношений между полицией и комьюнити — общиной, ее институтами; организация «соседского контроля» (*neighborhood-watch*) при консультативной помощи по-

⁸⁷⁹ The Prevention Pioneers: History of the Hein Roethof Prize 1987–1996. Information and PR Office Prevention, 1997.

⁸⁸⁰ Celebrating Prevention: European Crime Prevention Award 1997. Information and PR Office Prevention, 1997.

⁸⁸¹ Albrecht G., Ludvig-Mayerhofer (Eds.) *Diversions and Informal Social Control*. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1995; Kury H. (Hrsg.) *Konzepte Kommunaler Kriminalprävention*. Freiburg: MPI, 1997; Hammerschick W., Karazman-Morawetz I., Stangl W. (Hrsg.) *Die sichere Stadt: Prävention und kommunale Sicherheitspolitik*. Nomos Verlag, 1995.

⁸⁸² *Community Policing in Chicago, Year Seven: An interim Report*. Chicago: Illinois Criminal Justice Information Authority, November 2000; Joseph L. (Ed.) *Crime, Communities and Public Policy*. University of Chicago, 1995; Scogan W., Hartnett S. *Community Policing, Chicago Style*. Oxford University Press, 1997.

лиции. Важнейшая идеологема: *сервисное обслуживание* населения полицией. Полиция *служит* населению, обеспечивая безопасность каждого налогоплательщика. Основная функция полиции — защита населения, каждого жителя страны от преступных посягательств, защита законных прав и интересов граждан. Кстати говоря, это записано в качестве главной задачи в ст. 1 Закона РФ «О полиции».

Пожалуй, центром развития концепции «*community policing*» и ее реализации в *США* является Чикаго. Возможно, это связано с традициями Чикагской школы в криминологии. Во всяком случае, и современные разработки ориентированы на тщательный экологический анализ города. Кроме того, исследуются взаимоотношения между населением города и полицией, возможности их сотрудничества в профилактике преступлений, а также в организации «соседского контроля».

Участники Чикагской Ассамблеи «Crime, Communities and Public Policy» (1992) называют две базисные теоретические модели «community crime prevention»: неформальный социальный контроль и улучшение социальных условий.

Выше мы ссылались на обзор Д. Грэхема и Т. Бенетта лучших превентивных программ Европы и Северной Америки. Межрегиональный институт ООН по исследованию преступности и юстиции (UNICRI) в Риме в одном из своих обзоров, наряду с материалами по превенции берглэри, роли «соседского контроля» как примера партнерства в профилактике преступлений, называет семь элементов стратегии профилактики преступлений (*crime prevention*), выработанных с учетом программы профилактики Москвы⁸⁸³:

1. Содействие активной политике предупреждения преступности при участии правоохранительных органов и уголовной юстиции, основывающейся на международном опыте, получаемом через эффективные проекты, развиваемые Объединенными Нациями и другими соответствующими международными организациями.
2. Развитие долговременных планов, равно как и быстрое реагирование на преступность согласно запросам общественного мнения.
3. Улучшение координации профилактической деятельности на национальном, региональном и местном уровнях.
4. Поддержка вовлечения населения в профилактику преступлений посредством усиления доверия полиции со стороны общества.

⁸⁸³ Alvazzi del Frate A. *Preventing Crime: Citizen's Experience Across the World*. Roma: UNICRI, 1997, p. 16.

5. Содействие посредством правоохранительных органов и уголовной юстиции охране и безопасности лиц и собственности.

6. Обхождение с жертвами /преступлений/ с уважением и пониманием их нужд, и обеспечение быстрой помощи и информирования об их правах.

7. Регулярный мониторинг превентивных программ, основанный на надежной информации, анализе и публичных дискуссиях со всеми партиями.

Обобщая известные рекомендации по системе превенции⁸⁸⁴, можно назвать некоторые стратегические направления:

- Общесоциальные меры по сокращению социально-экономической дифференциации, безработицы, улучшению городской экологии и т.п.
- Программы поддержки семьи и детей.
- Создание для подростков и молодежи максимальных возможностей самоутверждения в общественно-полезной, творческой деятельности.
- Программы поддержки и помощи тем, кто злоупотребляет алкоголем и наркотиками, освобожден из мест лишения свободы, а также потерпевшим.
- Соседская взаимопомощь («соседский контроль»).
- Максимальное сокращение тюремного населения.
- Улучшение «техники безопасности» (освещение улиц, дворов, скверов, лестниц, охранная сигнализация, патрули местной полиции, электронные средства безопасности и т.п.).

Отечественная практика

Поскольку К. Маркс, а за ним В. Ленин повторили слова Монтеस्कье о приоритете предупреждения преступлений по сравнению с карой за них, постольку идея приоритета превенции вошла в идеологию марксизма-ленинизма. Другой вопрос — как эта идея реализовывалась на практике...

Как уже отмечалось, первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. новая власть еще пыталась играть в либеральные игры. Однако вскоре и надолго массовые репрессии стали основой реальной уголовной политики советского государства.

⁸⁸⁴ Грэхем Д., Бенетт Т. Указ. соч.; Barkan S. Ibid; Donziger S. Ibid; Tomasic R., Freeley M. (Eds.) *Neighborhood Justice: Assessment of an Emerging Idea*. NY and L.: Longman Inc., 1982.

Идея превенции была реанимирована Н. Хрущевым, который на XX съезде КПСС (1956) высказался за приоритет профилактики преступлений, а затем повторил это на XXI съезде КПСС (1959): «Нужно предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключили появление у отдельных лиц каких-либо поступков, наносящих вред обществу. Главное — это профилактика и воспитательная работа». На XXII съезде КПСС (1961) была принята новая Программа КПСС, согласно которой главное внимание «должно быть направлено на предотвращение преступлений». Н. Хрущев видел в профилактике панацею от «антиобщественных» проявлений, как в кукурузе — панацею от развала сельского хозяйства. Думается, он искренне верил в чудодейственную силу превенции и обещал пожать руку последнему преступнику в СССР...

При всей демагогичности и утопичности партийных заявлений эти идеологические клише позволяли ученым разрабатывать теоретические и методические основы превенции, а на практике наблюдались некоторая либерализация наказания, сокращение доли лиц, осуждаемых к реальному лишению свободы (многие обвиняемые и осужденные «отдавались на поруки и перевоспитание» трудовым и учебным коллективам), сопровождавшиеся снижением уровня регистрируемой преступности (с 1961 по 1965 г. на 19%).

Именно в эти годы и позднее возникают многочисленные общественные организации по профилактике преступлений и иных правонарушений: товарищеские суды, народные дружины, советы профилактики на предприятиях, в учреждениях и организациях, а также служба профилактики в системе МВД. В учебных заведениях системы МВД вводится объемный курс профилактики преступлений.

По окончании хрущевской «оттепели» стали возрастать и репрессивность уголовной юстиции, и уровень преступности. Однако одним из важнейших направлений деятельности криминологов в 1960–80-е гг. остается разработка теоретических и практических моделей профилактики противоправного поведения (Г.А. Аванесов, Ю.Д. Блувштейн, А.Э. Жалинский, К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский, В.С. Устинов и др.). В 1976 г. выходит учебное пособие К.Е. Игошева по профилактике преступлений⁸⁸⁵, а в 1977 г. — коллективная монография, посвященная теоретическим основам профилактики⁸⁸⁶. Затем следует

⁸⁸⁵ Игошев К.Е. Социальный контроль и профилактика преступлений: учеб. пособие. Горький: ВШ МВД СССР, 1976.

⁸⁸⁶ Теоретические основы предупреждения преступности. М.: Юрид. лит., 1977.

многочисленная литература по различным проблемам превенции: теории, методике, профилактике отдельных видов преступлений, планированию профилактики в органах МВД, регионах, в трудовых коллективах (в частности, в системе комплексного планирования социального и экономического развития) и др.⁸⁸⁷

Новые позитивные тенденции характеризуют период горбачевской «перестройки». Снижается доля лиц, приговариваемых к лишению свободы (с 45,2% в 1985 г. до 33,7% в 1987 г.); количество лиц, освобожденных от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия, увеличивается с 1985 по 1988 г. на 76%; одновременно снижается уровень преступности. Однако усложнившаяся социально-экономическая и политическая «постперестроечная» ситуация сводит на нет эти достижения.

Значительный рост преступности, неэффективность деятельности правоохранительных органов вновь выдвигает в 90-е гг. проблему предупреждения преступлений. Однако, с нашей точки зрения, вместо *развития* идей и практики превенции применительно к новым общественно-экономическим условиям, предпринимаются попытки некритического заимствования советского опыта, например, «возрождения» народных дружин. При этом совершенно не учитывается изменившаяся криминальная ситуация.

Во-первых, если в 1960–70-е гг. студенты и преподаватели, рабочие и служащие с красными повязками на руках могли в какой-то степени способствовать «наведению порядка» на улицах крупных городов, то при сегодняшнем уровне криминализации подростков и молодежи, профессионализации и организованности преступности, общественники на улицах бессильны и бессмысленны. Во-вторых, в советское время три дополнительных дня к отпуску для народных дружинников могли служить стимулом такого рода общественной активности. Сегодня, в условиях пусть дикой, но рыночной экономики «это не стимул». В-третьих, существует реальная опасность вовлечения в ряды современных «дружинников» представителей экстремистских, националистических группировок. Подобные случаи в

⁸⁸⁷ Назовем лишь некоторые из трудов: Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Академия МВД СССР, 1980; Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. Минск: Университетское, 1986; Зудин В.Ф. Социальная профилактика преступлений: Криминологические и криминалистические проблемы. Саратов: Саратовский ГУ, 1983; Игошев К.Е., Устинов В.С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький: ВШ МВД СССР, 1977; Устинов В.С. Методы предупредительного воздействия на преступность. Горький, 1989.

Московской области, Воронеже, Краснодарском крае были описаны в прессе.

Другой попыткой «задействовать общественность» служит привлечение казачьих формирований к охране правопорядка. Но казак с нагайкой — не самый лучший образ для российского населения...

Значительно плодотворнее обращение к идеям «соседского контроля» и взаимодействия населения и коммунальной милиции, но их реализация находится еще на начальном этапе.

Вместе с тем, справедливости ради, нельзя не назвать работы наступившего столетия, в которых содержится разносторонний анализ накопленного теоретического и практического опыта превенции в России и за рубежом⁸⁸⁸.

⁸⁸⁸ Иванов И.И. Предупреждение преступлений (комплексное политико-правовое исследование). СПб.: Университет МВД РФ, 2004; Качество профилактических систем и восстановительные программы: от пилотных проектов к масштабной практике. М., 2004; Старков О.В. Предупреждение преступлений. М.: Юрист, 2005.

Заклучение

Подводя итоги проделанной работы, назовем некоторые результаты, какими они представляются автору.

- Была предпринята попытка вписать криминологическую проблематику в *более широкий научный контекст*. С моей точки зрения, это имеет принципиальное значение, ибо все социальные явления, включая предмет криминологии (преступность), опосредованы социальным целым, обществом, являются его продуктом, а оно само — лишь элемент системы Мироздания, развивающейся по единым законам.
- Соответственно, по мере возможности, преступность и социальный контроль рассматриваются с учетом основных мировых особенностей и тенденций современного общества *пост-модерна* — глобализации, виртуализации, консьюмеризации, фрагментаризации, «ускорении времени» и т.п.
- Возможно, автора упрекнули в чрезмерном обращении к иноязычной литературе. Но это — результат вполне сознательной попытки ввести в научный оборот элементы мировой науки. Впрочем, «не мировой» науки не существует. Вынужденный с советских времен изоляционизм — наша национальная беда, а не достоинство.
- По мере возможности, в книге приводятся конкретные данные, характеризующие отдельные виды преступлений, преступность в целом, пенитенциарную практику, иногда — в сравнении с зарубежными государствами. К сожалению, цифровой материал быстро стареет. Но важно было показать некоторые возможности криминологического анализа имеющихся данных.
- При освещении проблем социального контроля над преступностью было уделено внимание как теоретическим вопросам, так и складывающейся мировой и отечественной практике. Пороки нашей уголовной политики и практики описывались не с целью «очернительства», а с надеждой когда-нибудь их минимизировать. Нельзя что бы то ни было улучшать, не

видя или не понимая существующих недостатков и путей их устранения.

- В книге ясно прослеживается авторская позиция по большинству излагаемых проблем. Это не очень хорошо, с точки зрения требований объективности научных знаний. Но мне не приходилось встречаться с трудами в области общественных наук, включая криминологию, свободными от авторского субъективизма (разве что, старательно маскируемого).
- Разумеется, многие темы и отдельные проблемы не получили должного, достаточно полного освещения.
- Наконец, помимо полного списка использованной литературы, предлагается «литературный минимум» для тех, кто хотел бы расширить свои знания в криминологии, прибегнув ко вполне доступной, а подчас и весьма занимательной, с моей точки зрения, литературе.

Остается представить авторский труд на критику читателя.

Библиография

1. Абадинский Г. Организованная преступность. СПб ГУ, 2002.
2. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Казань: Казанский ГУ, 1997.
3. Абрамкин В., Чижов Ю. Как выжить в советской тюрьме: В помощь узнику. Красноярск, 1992.
4. Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996.
5. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Академия МВД СССР, 1980.
6. Аверинцев С.С. Византия и Русь: Два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7.
7. Аврутин Ю.Е., Гишинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л.: ЛВШ МВД, 1991.
8. Административный вестник. 1926. № 1.
9. Айдинян Р., Гишинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб.: СПб ФИС РАН, 1996.
10. Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном обществе. СПб ГУ, 2004.
11. Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.
12. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
13. Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
14. Антинаркотическая политика: шведские ответы на российские вопросы / Ред. Г.В. Зазулин, А.Н. Сунами. СПб ГУ, 2008.
15. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969.
16. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992.
17. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998.
18. Антонян Ю.М., Блувштейн Ю.Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М.: Академия МВД СССР, 1974.
19. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М.: Наука, 1987.
20. Антонян Ю.М., Гульдман В.В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991.
21. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
22. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. М.: Спарк, 1999.
23. Антропология насилия / Ред. В. Бочаров, В. Тишков. СПб.: Наука, 2001.
24. Аргументы и факты. 1991. № 28.
25. Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
26. Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки. СПб.: Всемирное слово. 1999.
27. Афанасьев В., Гишинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб.: Ф ИС РАН, 1995.
28. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М.: Юристъ, 2006.
29. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014.
30. Бабиченко К.Н. Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
31. Бажан Т.А., Старков О.В. Религиоведение для юристов. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
32. Барабанов И. Доступ к уху // The New Times (Новое время). 2011. № 5. 14 февраля.
33. Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий. В: Диалоги. М., 1979.
34. Бассиюни К. Воспитание народоубийц. СПб.: Академический проект, 1999.
35. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.
36. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996.
37. Бахарев Д.В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности. СПб.: Юридический центр, 2016.
38. Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999.
39. Безруков С.И., Денисенко О.А., Ольков С.Г., Юзиханова Э.Г. Фундаментальное и прикладное криминологическое исследование преступности и управление органами внутренних дел. Тюмень: Вектор Бук, 2004.

40. Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
41. Бекер Д. Понятие системного насилия. В: Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994.
42. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
43. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). 1993. Т. 1. Вып. 1.
44. Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993.
45. Белая Книга России. Франкфурт-на-Майне: МОПЧ, 1994.
46. Белл Д. Преступление как американский образ жизни. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
47. Беловранин А. Черная книга. М.: Arsis-Books, 2011.
48. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: ЛГУ, 1986.
49. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
50. Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978.
51. Бессознательное. Природа, функции, методы исследования / Ред. А.С. Прангишвили и др. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
52. Бибик О.Н. Введение в культурологию уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2012.
53. Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований. М.: Юрлитинформ, 2017.
54. Бибик О.Н. Преступления, обусловленные особенностями культуры, в российском и зарубежном уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2014.
55. Библер В.С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.: Изд-во политической литературы, 1975.
56. Блувштейн Ю.Д. Криминологическая статистика. Минск: ВШ МВД, 1981.
57. Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика. М.: Юрид. лит., 1974.
58. Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск: Университетское, 1990.
59. Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. Минск: Университетское, 1986.
60. Божков О.Б. Технология социологического исследования: как это варится: курс лекций. СПб.: Эйрос, 2016.
61. Бойцов Л.Н., Гонтарь И.Я. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: иллюзии, реальность и возможная альтернатива // Государство и право, 2000. № 11.
62. Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1930.
63. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1952.
64. Бонгер. Бродяжничество и нищенство. В: Уголовное право и социализм / Ред. М. Гернет. М., 1908.
65. Боннардо Ж.-Л. Психоактивные средства и их действие // Им-пакт. 1985. № 1.
66. Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. М.: Наука, 1971.
67. Бородай Ю. Психоанализ и «массовое искусство». В: «Массовая культура» — иллюзии и действительность. М.: Наука, 1975.
68. Бороться с терроризмом на входах в метро и аэропорты — неэффективно // Известия. 2017. 10 апреля.
69. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М.: Юринформ, 1999.
70. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М.: Судебно-правовая реформа, 2002.
71. Брукс Д. На пути национальной катастрофе? // The New York Times. 2016. 13 июля.
72. Бруханский Н.П. Очерки по социальной психопатологии. М., 1928.
73. Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
74. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М.: Логос, 2003.
75. Вандышев В.В. Жертвы тяжкого преступного насилия. СПб.: МИЭП, 2007.
76. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 1997.
77. Введенский Г.Е., Исаев Н.А., Ткаченко А.А., Амбарцумян Э.С. Криминальное профилирование лиц, совершивших серийные сексуальные убийства. Орел, 2005.
78. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
79. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
80. Вебстер В.Х. Российская организованная преступность — проект глобальной организованной преступности. Вашингтон: Центр стратегических и международных исследований, 1997.
81. Верхи и низы русского национализма / Сост. А. Верховский. М.: Сова, 2007.
82. Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия: Радикальные группы, представления лидеров, роль церкви. М., 1999.

83. Вестник восстановительной юстиции (Россия: в начале движения). Вып. 2. М., 2001.
84. Вестник восстановительной юстиции (перспективы для уголовной и ювенальной юстиции). Вып. 1. М., 2000.
85. Винер Н. Я — математик. М.: Наука, 1967.
86. Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. М.: Академия МВД СССР, 1973.
87. Вицин С.Е. Системный подход и преступность. М.: Академия МВД СССР, 1980.
88. Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимность социальных статусов в современном обществе. Краснодар: Краснодарская Академия МВД РФ, 2005.
89. Власть. 2000. Июнь.
90. Власть. 2009. № 22 (825).
91. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999.
92. Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992.
93. Волошина Л.А. Тяжкие насильственные преступления: статистика и реальность // Тяжкая насильственная преступность в России начале 90-х годов. М., 1996.
94. Вопросы статистики. 2004. № 2.
95. Ворожейкина Т. Картина мира. Без срока давности // The New Times. 2007. № 42 (2007. 3 декабря).
96. Воронина О.Ф. Женщина в «мужском обществе» // Социологические исследования. № 2. 1988.
97. Ворошилов С., Гишинский Я. Военная девиантология. Кишинев, 1994.
98. Восстановительная ювенальная юстиция: сб. материалов. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2005.
99. Габиани А. Преступность среди женщин. Тбилиси, 1986.
100. Габиани А., Меликишвили Л. Социальное лицо женщин-преступниц и проституток. Тбилиси, 1993.
101. Габиани А.А., Гачечиладзе Р.Г. Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1982.
102. Габиани А.А., Гачечиладзе Р.Г., Дидебулидзе М.И. Преступность в городах и сельской местности. Тбилиси: Сабчота Сакартвело. 1985.
103. Габьшев Л. Одлян, или Воздух свободы. М., 1990.
104. Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2001. №1.
105. Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Юрид. лит., 1983.
106. Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М.: Искусство, 1981.
107. Гвишиани Д.М., Лапин Н.И. (ред.) Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1989.
108. Геодакян В.А. Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник 1986. М.: Наука. 1987.
109. Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Юр. издат Украины, 1930.
110. Гернет М.Н. Женщины-убийцы // Право и жизнь. 1926. № 6–7.
111. Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юрид. лит., 1974.
112. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Юрид. лит., 1960–1963.
113. Гернет М.Н. Моральная статистика. М.: ЦСУ, 1922.
114. Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931.
115. Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М., 1965.
116. Гессен М., Семин В. Расстрел в рассрочку: Лучше плохое пожизненное заключение, чем хорошая смертная казнь // Итоги. 1996. 3 декабря.
117. Гишинский Я. Анализ статистических данных о состоянии и динамике организованной и экономической преступности в России и Санкт-Петербурге. В: Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб.: СПб ФИС РАН, 1996.
118. Гишинский Я. Два лица экономической свободы. В: Экономическая свобода и государство: друзья или враги. СПб.: Леонтьевский Центр, 2012.
119. Гишинский Я. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне российской действительности эпохи постперестройки // Мир России. 1995. Т. IV. № 2.
120. Гишинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
121. Гишинский Я. Девиантология как социология девиантности. В: Современная девиантология: методология, теория, практика / Ред. Ю.А. Клейберг, Kwami S. Dartey. London: UK Academy of Education, 2016.
122. Гишинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.

123. Гишинский Я. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3.
124. Гишинский Я.И. Субкультура за решеткой // Советская этнография. 1990. № 2.
125. Гишинский Я. Мифологизированное сознание и тоталитаризм // Радуга. 1990. № 9.
126. Гишинский Я. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1988.
127. Гишинский Я. Некоторые тенденции мировой криминологии // Российский ежегодник уголовного права. № 6. 2012. СПб ГУ, 2013.
128. Гишинский Я. Проституция как она есть // Проституция и преступность. М.: Юрид. лит., 1991.
129. Гишинский Я. Современное состояние и перспективы российской криминологии // Российский журнал правовых исследований. № 4 (1). 2014.
130. Гишинский Я. Стадии социализации индивида // Человек и общество. Вып. IX. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
131. Гишинский Я. Судьбы либерализма в России: размышления профана // Индекс: Досье на цензуру. 2004. № 21.
132. Гишинский Я. Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2.
133. Гишинский Я., Позднякова М., Рыбакова Л. Криминологическая характеристика изнасилований. В: Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. М.: ИС РАН, 1988.
134. Гишинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки. Т. 30. № 1. 1981.
135. Гишинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: учеб. пособие. СПб.: Северо-Западный лечебно-диагностический центр, 1999.
136. Гишинский Я.И. Интолерантность в современной России. В: Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2005.
137. Гишинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004. № 6.
138. Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004.
139. Гишинский Я.И. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М.: СИ РАН, 2007.
140. Гишинский Я.И. Исполнение наказания в системе социального контроля над преступностью // Закон. 2012. № 9.
141. Гишинский Я.И. Криминальные риски в России // Российский криминологический взгляд. 2005. № 2.
142. Гишинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Питер, 2002.
143. Гишинский Я.И. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. № 5.
144. Гишинский Я.И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалистика. № 1 (18) 2016.
145. Гишинский Я.И. Социальное насилие. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2017.
146. Гишинский Я.И. Социальное планирование города и проблемы отклоняющегося поведения. В: Актуальные проблемы социального планирования. Иркутск, 1975.
147. Гишинский Я.И. Социология о пытках в современной России // Неволя. 2006. № 10.
148. Гишинский Я.И. Толерантность в России: возможность и невозможность. В: Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире. СПб ГУ, 2004.
149. Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гишинский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
150. Головненков П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хелльманн У. Необыкновенный фашизм: криминологическая и уголовно-правовая характеристика. М.: Проспект, 2015.
151. Голосов Г.В. Сравнительная политология: учебник. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.
152. Горшенков Г.Н. Политическая преступность // Криминология: Словарь. СПб.: Лань, 1999.
153. Горяинов К.К. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994.
154. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / Ред. А.Ю. Сунгуров. СПб.: Норма, 2000.
155. Гранин Д. Примечание к путеводителю. Л.: Лениздат, 1967.

156. Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки: HEUNI, 1995.
157. Гуров А. Красная мафия. М.: Самоцвет. 1995.
158. Гуров А., Рябинкин В. Исповедь вора в законе. М.: Самоцвет, 1995.
159. Гуров А.И. Профессиональная преступность: Прошлое и настоящее. М.: Юрид. лит., 1990.
160. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6.
161. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
162. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979.
163. Дагель П.С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977.
164. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: ДВГУ, 1982.
165. Данэм Б. Герои и еретики. Политическая история западной мысли. М.: Прогресс, 1967.
166. Девиантность в обществе потребления / Ред. Я. Гишинский. Т. Шипунова. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.
167. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Отв. ред. Я. Гишинский. СПб.: Алетейя, 2000.
168. Дедовщина в армии / Ред. С.А. Белановский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования, 1991.
169. Дедовщина в армии: сб. социологических документов. М., 1991.
170. Демографические ежегодники России. Вопросы статистики, 2004. № 2.
171. Денисов В.В. Социология насилия. М.: Политиздат, 1975.
172. Дети в тюрьме / Ред. В. Абрамкин. М., 2001.
173. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
174. Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: Судебная практика и методология доказывания / Ред. А.К. Соболева. М., 2005.
175. Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М.: ЦКИ РАН, 1993.
176. Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2000.
177. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000.
178. Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005.
179. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.: UNDP, 1999.
180. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003.
181. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М.: ИНФРА-М, 2009.
182. Дриль Д.А. Преступный человек. СПб., 1882.
183. Другой — чужой — враг // Индекс. Досье на цензуру. 2005. № 22.
184. Дубовик О.Л., Жалинский Ф.Э. Причины экологических преступлений. М.: Наука, 1988.
185. Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность М.: Норма, 1999.
186. Дюркгейм Э. Норма и патология. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
187. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
188. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
189. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности. СПб.: Фонд «Университет», 2000.
190. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
191. Ерохина Л., Буряк М. Проблема торговли людьми согласно российским экспертным оценкам (социологический подход) // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. М.: Юрист, 2003.
192. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003.
193. Ефремов А.Н. Жертвы жестокости — дети. М.: Педагогика, 1985.
194. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления и экологическая преступность: учеб. пособие. М., 1996.
195. Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976.
196. Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011.
197. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010.

198. Жижиленко А.А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922.
199. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературно обозрение, 2000.
200. Забрянский Г.И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних. Краснодар: Кубанский ун-т, 1979.
201. Забрянский Г.И. Криминологические проблемы села. Ростов н/Д: Ростовский ун-т, 1990.
202. Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних. М.: «Граница», 2013.
203. Забрянский Г.И. Методика статистического изучения преступности. М.: РААиН, 2010.
204. Забрянский Г.И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности: (статистико-криминологическое исследование). М.: Рудомино, 2000.
205. Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсктиппроект, 1997.
206. Забрянский Г.И., Емельянова Л.В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году: Аналитический обзор. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2000.
207. Заварзин А.В. Предупреждение правонарушений на селе. Воронеж: Воронежский ун-т, 1983.
208. Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. № 1.
209. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Ред. А.И. Долгова. М., 2001.
210. Зеланд Н. Женская преступность. СПб., 1899.
211. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков: Вища школа, 1986.
212. Земсков В.Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6.
213. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (По документации НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11.
214. Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998.
215. Золин П.М. Преступность в стране в 1909–1928 гг.: Сравнительная статистика // Советское государство и право. 1991. №5.
216. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. 2010. 10 декабря.
217. Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: История и современность. М.: Норма, 1998.
218. Зудин В.Ф. Социальная профилактика преступлений: Криминологические и криминалистические проблемы. Саратов: Саратовский ГУ, 1983.
219. Иванов И.И. Предупреждение преступлений (комплексное политико-правовое исследование). СПб.: Университет МВД РФ, 2004.
220. Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991.
221. Иванова Е. Как помочь наркоману. СПб.: Комплект, 1997.
222. Ивлева В. Страна одиноких детей // Новая газета. 2006. 6–8 ноября.
223. Игошев К.Е. Социальный контроль и профилактика преступлений: учеб. пособие. Горький: ВШ МВД СССР, 1976.
224. Игошев К.Е., Устинов В.С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький: ВШ МВД СССР, 1977.
225. Ильин В. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т. 1996.
226. Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб ГУ, 2008.
227. Исаев Н.А. Аномальный субъект насильственных половых преступлений. Орел: ОГУ, 2006
228. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.
229. Исаев Н.А. Серийные преступления на сексуальной почве. Орел: ОГУ, 2007.
230. История первобытного общества. Эпоха классового образования М.: Наука. 1988.
231. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
232. Кабанов П.А. Коррупция и взяточничество в России. Нижнекамск: Гузель, 1995.
233. Кабанов П.А. Основы политической криминологии. В: Преступность среди социальных подсистем / ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
234. Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань, 2006.
235. Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000.

236. Как заставить стандарты работать: Практическое руководство по эффективному применению международных тюремных правил. М.: Права человека, 1998.
237. Калягин Н.В. Экономический анализ криминального поведения // Экономическая школа. Аналитическое приложение 3. СПб., 2006.
238. Кампанелла. Город Солнца. М.-Л.: АН СССР, 1947.
239. Камшилов М.М. Эволюция биосферы. М.: Наука, 1979.
240. Каретников И.В. Характеристика преступлений, совершенных в исправительно-трудовых колониях. М.: ВНИИ МВД СССР, 1986.
241. Карпец И.И. Наказание: Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973.
242. Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969.
243. Касторский Г.Л. Мировые религии и общественно опасное поведение. СПб.: Университет МВД РФ, 2002.
244. Касторский Г.Л. Мировые религии и преступность. СПб.: Университет МВД РФ, 2001.
245. Касторский Г.Л. Основы криминологии: монография. СПб.: РТА, 2012.
246. Качество профилактических систем и восстановительные программы: от пилотных проектов к масштабной практике. М., 2004.
247. Квашиш В.Е. Научно-технический прогресс и ответственность за неосторожность // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975.
248. Квашиш В.Е. Основы виктимологии. М.: Nota Bene. 1999.
249. Квашиш В.Е. Преступная неосторожность: Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986.
250. Квашиш В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 2008.
251. Кесельман Л. Социальные координаты наркотизма. СПб Ф ИС РАН, 1999.
252. Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2001.
253. Кетле А. Человек, развитие его способностей или опыт социальной физики. Киев, 1965.
254. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997.
255. Клаурд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
256. Клепиков Д.В. Дедовщина как социальный институт: дис. ... канд. соц. наук. СПб.: СПб Ф ИС РАН, 1997.
257. Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М., РГГУ, 2000.
258. Коган В.М. Социальные свойства преступности. М.: Академия МВД СССР. 1977.
259. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука.1983.
260. Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека. М.: Прогресс, 1989.
261. Когнитивный подход: Философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины / Ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+», 2007.
262. Колесников В.В. Экономическая преступность и рыночные реформы: Политико-экономические аспекты. СПб.: Ун-т экономики и финансов, 1994.
263. Комарницкий А.В. Проблемы преступности несовершеннолетних: история и современность. СПб.: Юридический институт, 2007.
264. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997.
265. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: КЮИ МВД РФ, 2016.
266. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
267. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ, 2009
268. Кон И. Ребенок и общество: (историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988.
269. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат. 1967.
270. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008.
271. Константинов А. Мошеннический Петербург. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2001.
272. Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. СПб.: Библиополис, 1997.
273. Конструирование девиантности / Ред. Я. Гишинский. СПб: ДЕАН, 2011.
274. Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб. 1912. Вып. 4.
275. Конт О. Система позитивной политики. В: Родоначальники позитивизма. Вып. 2. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910.
276. Коробейников Б.В., Селиванов Н.А., Скворцов К.Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности // Советское государство и право. 1982. № 1.

277. Коррупция и борьба с ней. М.: Криминологическая Ассоциация, 2000.
278. Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества / Ред. М.Б. Горный. СПб.: Норма, 2000.
279. Коул К. Естественность принципа дополнительности // Им-пакт. Наука и общество. 1986. № 1.
280. Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
281. Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М.: Водолей, 2009.
282. Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Ред. А. Долгова. М., 1999.
283. Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Ред. А.И. Гуров. М.: ВНИИ МВД РФ, 2000.
284. Криминология / Ред. Б.В. Коробейников, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. М.: Юрид. лит., 1988.
285. Криминология / Ред. В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. М.: Юристъ, 1997.
286. Криминология / Ред. Дж. Шелли. СПб.: Питер, 2003.
287. Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000.
288. Криминология. Исправительно-трудовое право: История юридической науки. М.: Наука, 1977.
289. Криминология: учебник / Ред. Г. Касторский. СПб.: МИЭП, 2007.
290. Криминология: учебник. СПб.: СПб ун-т МВД РФ, 1999.
291. Криминология: учебник. СПб.: Изд-во СПб ГУ, 1992.
292. Криминология: учеб. пособие / Ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 2006.
293. Криминология: учеб. пособие. М.: ИНФРА. М-НОРМА, 1997.
294. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГ'у западного образца. М., 2001.
295. Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985.
296. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2011.
297. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб.: Алетейя, 2011.
298. Крутер М.С. Особенности детерминации преступного поведения молодежи. М., 2002.
299. Крэсси Д. Развитие теории. Теория дифференцированной связи. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
300. Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб.: РНБ, 2000.
301. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. М.: Форум. 1998.
302. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968.
303. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003.
304. Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Наумов А.В. Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999). М.: ИНИОН, 2000.
305. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
306. Кузнецов И.Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование: дис. ... канд. соц. наук. СПб ГУ, 2000.
307. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969.
308. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
309. Кури Х., Обергфельд-Фукс Й. Общественные изменения и развитие преступности: Сравнение в международном аспекте. В: Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000.
310. Ландер Б. Экологический анализ Балтиморы. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
311. Ларина Е. Овчинский В. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден // URL: <https://books.google.ru/books?id=IImNCwAAQBAJ&pg=PT179&lpg=PT179&dq=%D0%9E%D0%B2%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%92.%D0%A1.+%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&source=bl&ots=onfqWMVd7q&sig=bl0tNPVkr2q0QNlxLS8PkFVSnwE&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewiXy-bKyuPTAhXGKJoKhf2yCZcQ6AEITzAJ#v=onepage&q=%D0%9E%D0%B2%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%92.%D0%A1.%20%D0%9A%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&f=false> (дата обращения: 10.04.2017).
312. Латентная преступность в Российской Федерации за 2001–2002 гг. (статистический сборник). М., 2004.
313. Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия: в 2-х т. М.: Прогресс, 1992.
314. Лафарг П. Преступность во Франции в 1840–1886 гг. В: Уголовное право и социализм / Ред. М. Гернет. М., 1908.
315. Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе. В: Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999.

316. Лекторский В.А. Кант, радикальный конструктивизм и когнитивная наука. В: Когнитивный подход: Философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины / Ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+», 2007.
317. Лепешкина О.И. Смертная казнь. Опыт комплексного исследования. СПб.: Алетейя, 2010
318. Лепс А. Влияние социально-демографических процессов на преступность. Таллин. 1981.
319. Лепс А., Павельсон М., Раска Э, Ыунапуу Э. Социально-территориальные различия и преступность в условиях крупного города (на материалах г. Таллинна). Таллинн. 1981.
320. Ли Д.А. Преступность в России: Системный анализ. М.: Гелва. 1997.
321. Линг Дж. Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // Импакт. 1985. № 1.
322. Линдгрэн Свен-Оке. Мишель Фуко и история истины. В: Монсон Пер. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992.
323. Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002.
324. Ломброзо Ч. Преступление. СПб., 1900.
325. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 1997.
326. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Wolters Kluwer, 2009.
327. Лукичев О.В. Детоубийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. СПб.: СПб Ун-т МВД РФ, 2000.
328. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект. 1998.
329. Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006.
330. Луман Н. Метаморфозы государства: Эссе. В: Проблемы теоретической социологии. СПб ГУ, 1996. Вып. 2.
331. Лунеев В.В. «Политическая преступность» // Государство и право. 1994. № 7.
332. Лунеев В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997–1999) // Государство и право, 2000. № 11.
333. Лунеев В.В. Криминология: Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных силах СССР: учебник. М., 1986.
334. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Т. I. Общая часть. М.: Юрайт, 2011.
335. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Т. II. Особенная часть. М.: Юрайт, 2011
336. Лунеев В.В. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. № 5 (ч. I: 138).
337. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма. 1997.
338. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005.
339. Максимов С.В. Краткий криминологический словарь. М.: Юристъ. 1995.
340. Маленький человек // URL: <http://el-murid.livejournal.com/2883448.html> (дата обращения: 16.07.2016).
341. Малинин В.Б. Профессиональная преступная деятельность. В: Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.
342. Мануков С. Неравенство в доходах вышло из-под контроля // URL: <http://expert.ru/2015/10/14/polovina-mirovogo-bogatstva-v-rukah-odnogo-protsent-a-naseleniya-planetyi/> (дата обращения: 14.10.2016).
343. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван: АН Армянской ССР, 1969.
344. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М., 1983.
345. Маркс К. Население, преступность, пауперизация. В: Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
346. Маркс К., Энгельс Ф. Наемный труд и капитал. Соч. 2-е изд. Т. 6.
347. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3.
348. Мартышева О.М., Мартышева Е.М. Сущность преступлений экстремистской направленности и особенности регулирования ответственности за преступления экстремистской направленности в зарубежном уголовном праве. В: Современный экстремизм: характеристика и противодействие: сборник материалов научно-практических конференций / Ред. М.П. Клейменов, М.С. Фокин. Омск: ОГУ, 2009.
349. Материалы к слушаниям «Критическая ситуация, сложившаяся в учреждениях ГУИН МЮ РФ, и меры по выходу из кризиса». М., 1999.
350. Мацкевич И.М. Портреты знаменитых преступников. М., 2005.
351. Мацкевич И.М., Зарипов З.С. Наркотики в России и в мире. М.: Элит, 2009

352. Мацкевич И.М., Эминов В.Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М.: Юрист, 1994.
353. Медведев Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская Газета. 2010 1 декабря.
354. Мелихов А. Кого же мы казним? // Новое время. 2000. № 6.
355. Менделеев В.Д. Этика современной наркологии. Казань: Медицина, 2010.
356. Мертон Р. Социальная структура и аномия. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
357. Методика анализа преступности: метод. пособие. М.: ВНИИ Ген. Прокуратуры, 1986.
358. Методологические вопросы изучения социальных условий преступности: сб. науч. раб. М., 1979.
359. Методы сбора информации в социологических исследованиях. М.: Наука. В 2-х кн., 1990.
360. Мильяненко Л. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992.
361. Милуков С.Ф. Российская система наказания. СПб.: СПб юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998.
362. Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб ИВЭСЭП, 2000.
363. Милуков С.Ф. Система наказаний по уголовному кодексу России. СПб.: Знание, 1999.
364. Минина С.П. Преступность несовершеннолетних. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998.
365. Мировые тенденции в области преступности и новые проблемы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия и способы их решения. Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию ООН. Двадцать вторая сессия. Вена, 22–26 апреля 2013.
366. Михлин А.С. Общая характеристика осужденных (по материалам специальной переписи 1989 г.). М.: ВНИИ МВД СССР, 1991.
367. Михлин А.С. Роль социальных и демографических свойств личности осужденных. М.: ВНИИ МВД, 1970.
368. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука. 1987.
369. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф. 1998.
370. Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М., 2005.
371. Мониторинг применения пыток в уголовно-исполнительной системе Челябинской области / Ред. Н. Щур. Челябинск, 2013.
372. Монсон Пер. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992.
373. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
374. Мор Т. Утопия. М.-Л.: АН СССР, 1947.
375. Моргуленко Е.А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
376. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
377. Нарушения прав человека в армиях стран СНГ. М.: МОПЧ. 1992.
378. Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека. № 93. М., 2005.
379. Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. М.: Университет. 2000.
380. Насилие в органах внутренних дел: Иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997.
381. Неволя. 2007. № 11.
382. Неволя. 2007. № 12.
383. Неволя. 2007. № 13.
384. Неволя. 2011. № 24.
385. Неволя. 2013. № 33.
386. Неволя. 2016. № 50.
387. Немцов А. Алкогольная ситуация в России. М.: Фонд Здоровье и окружающая среда. 1995.
388. Немцов А. Алкогольная смертность в России, 1980–90-е годы. М., 2001.
389. Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. И. Шанин. М.: Логос, 1999
390. Новая газета. 2005. 10–13 март.
391. Новая газета. 2006. 13–16 июль.
392. Новая газета. 2006. 17–19 июль.
393. Новая газета. 2007. 20–23 декабрь.
394. Новая газета. 2005. 21–23 март.
395. Новая Газета. 2006. 31 август — 3 сентябрь.
396. Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978.
397. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.

398. Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1973.
399. Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология & Философия науки. 2009. Т. XX. № 2.
400. Овчинникова Г.В. Терроризм. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998.
401. Овчинский В.С. Стратегия борьбы с мафией. М.: СИМС. 1993.
402. Овчинский В.С. (сост.) Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом. М.: Норма, 2017.
403. Олейник А. «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5.
404. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М., 2001.
405. Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006.
406. Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8.
407. Олькова О.А. Сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский период (1960–2013 годы). М.: Юрлитинформ, 2014.
408. Организованная преступность в России: теория и реальность / Ред. Я. Гишинский. СПб.: СПб ФИС РАН, 1996.
409. Организованная преступность и коррупция. Результаты криминологического-социологического исследований. Саратов. Вып. 1. 2005; Вып. 2. 2006; Вып. 3. 2008; Вып. 4. 2009.
410. Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005.
411. Осинский И.И., Гайдай М.К. Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского общества. Социологический анализ. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006.
412. Основания уголовного запрета: Криминализация и декриминализация. М.: Наука, 1982.
413. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб.: СПб Комитет государственной статистики, 1997.
414. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб.: Петербургкомстат, 1999.
415. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб.: 2002.
416. Основы борьбы с организованной преступностью / Ред. В.С. Овчинский, В.Е. Эминов, Н.П. Яблоков. М.: ИНФРА-М, 1996.
417. Осторожно, тюрьма... М., 2006.
418. Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория общества: Фундаментальные проблемы. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999.
419. Панкратов В.В. Методология и методика криминологических исследований. М.: Юрид. лит., 1972.
420. Панфилова Е.И., Попов А.Н. Компьютерные преступления. СПб.: СПб Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998.
421. Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.
422. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. В: Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). Весна 1993. Т. 1. Вып. 2.
423. Педофилия криминологический диагноз / Под ред. Ю.М. Антоныяна. М.: ВНИИ МВД РФ, 2010.
424. Пенитенциарная криминология / Ред. Ю.М. Антоныяна, А.Я. Гришко. А.П. Фильченко. Рязань: Академия ФСИН, 2009.
425. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969.
426. Пирожков В.Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35.
427. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи: Криминальная субкультура. Тверь: Приз. 1994.
428. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: «Ось-89». 1998.
429. Письма из зоны — 87 / Ред. В. Абрамкин. М.: Общественный Центр «Содействие», 1993.
430. Планирование мер борьбы с преступностью. М.: ИГиПАН, 1982.
431. Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов: учеб. пособие. М.: Логос. 1998.
432. Побегайло Э.Ф. Криминальное насилие в России: тенденции, детерминация, предупреждение. В: Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
433. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999.

434. Подлесских Г., Терешонок А. Воры в законе: бросок к власти. — М.: Художественная литература, 1994.
435. Познышев С.В. Криминальная психология. М., 1926.
436. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
437. Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
438. Положение заключенных в современной России. М.: МХГ, 2003.
439. Попов А.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК). СПб.: СПб Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2001.
440. Попов Г.Х. Проблемы теории управления. М., 1970.
441. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс. Т. 2, 1992.
442. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.
443. Правозащитник. № 2. 1994.
444. Пределы толерантности в современном обществе / Ред. И. Первова, В. Козловский. СПб ГУ, 2003.
445. Преступность и культура / Ред. А.И. Долгова. М.: Криминологическая Ассоциация, 1999.
446. Преступность и правонарушения в СССР. 1989. М.: Юрид. лит., 1990.
447. Преступность и правонарушения. Статистический сборник. М.: МВД РФ, МЮ РФ Ежегодники.
448. Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д.А. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
449. Преступность, криминология, криминологическая защита / Ред. А.И. Долгова. М., 2007.
450. Преступность, статистика, закон/ Ред. А.И. Долгова. М.: Криминологическая Ассоциация, 1997.
451. Приговоренные к смерти? Проблема туберкулеза в тюрьмах Восточной Европы и Центральной Азии. М., 2001.
452. Проблемы глобализации // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.
453. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: ДВГУ, 1985.
454. Продолжительность жизни мужчин — почему она меньше, чем у женщин? // URL: <http://menquestions.ru/articles/prodolzhitelnost-zhizni-muzhchin.html> (дата обращения: 10.03.2017).
455. Проскурнина Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения. В: Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту. 1985.
456. Против смертной казни. М., 1992.
457. Противодействие торговле людьми: сборник нормативных правовых документов / Ред. Н.И. Абубикирова. М.: ЭКСлит, 2004.
458. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против несовершеннолетних: криминологический анализ. Ростов н/Д, Ставрополь, 2004.
459. Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Лондон: Международная амнистия, апрель 1997.
460. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.
461. Радикальный русский национализм. Структуры, идеи, лица. М.: Сова, 2009.
462. Разинкин В.С. «Воры в законе» и преступные кланы. М.: Криминологическая ассоциация, 1995.
463. Расизм и ксенофобия // URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/02/d29004/> (дата обращения: 20.03.2014).
464. Распятие в «Крестах»-2 // Час Пик, 1998, 4 марта.
465. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Ред. А.В. Дука. СПб.: Алетейя, 2001.
466. Рейсмен В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988.
467. Репецкая А.Л. Криминальная эксплуатация людей в Восточной Сибири // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический альманах. 2003. № 3.
468. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск: ИГЭА, 2001.
469. Рецидивная преступность: предупреждение преступлений среди лиц, судимых к лишению свободы. Минск, 1985.
470. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб.: Юридический Центр-пресс, 2000.
471. Рогатых Л.Ф., Стрельченко Э.Г., Топоров С.Б. Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих средств. СПб., 2003.
472. Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». СПб.: Алетейя, 2014.
473. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.
474. Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 г.). М., 2004.
475. Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Льгова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека»

- о состоянии содержания заключенных в России в 2004–2005 гг. М., 2005.
476. Российский статистический ежегодник. М.: Госкомиздат, 1995.
477. Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
478. Ростов К.Т. Преступность в регионах России (социально-криминологический анализ). СПб.: СПб Академия МВД РФ. 1998.
479. Саксонское зеркало. М., 1985.
480. Салагаев А.Л. Молодежные субкультуры. Казань: КГУ, 1997.
481. Салагаев А.Л., Максудов Р.Р. Подросток в городе: проблемы социализации. Казань: КГУ, 1988.
482. Самсонов А.П. Психология преступных групп. Пермь, 1991.
483. Сатаров Г.А. Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. М.: ИНДЕМ, 2002.
484. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.
485. Светова З. Коррупция во спасение // The New Times (Новое время). 2011. № 5. 14 февраля.
486. Селлин Т. Конфликт норм поведения. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
487. Серебрякова В.А., Зырянов В.Н. Корыстные преступления, совершаемые женщинами. М., 1990.
488. Серийные сексуальные преступления: Криминологическое и патопсихологическое исследование / Ред. Ю.М. Антонян. М.: Щит-М, 2000.
489. Сибиряков С.Л. Ребенок в опасности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
490. Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
491. Сидоров А. Великие битвы уголовного мира. Кн. 2. Ростов н/Д, 1999.
492. Симонов П. Знание — против зла. В: Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., 1979.
493. Симонов П.В. Детерминизм и свобода выбора. В: Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1982.
494. Симонов П.В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987.
495. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984.
496. Синергетика и методы науки / Ред. М.А. Басин. СПб.: Наука, 1998.
497. Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень: Вектор Бук, 2007.
498. Скифский И.С. Объяснение и прогнозирование насильственной преступности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006.
499. Скотт Д.П. Биология и контроль за насилием. М.: Мир. 1973.
500. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.
501. Смертная казнь в мире // URL: www.itar-tass.com/g57/3883_print.html (дата обращения: 20.01.2014).
502. Смертная казнь: За и против. М.: Юрид. лит., 1989.
503. Смидович С.Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. № 4.
504. Сморгунова А.Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление. СПб.: РГПУ, 2005.
505. Современные проблемы уголовной политики: материалы Всероссийской науч.-практ. конф: в 2-х т. / Ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2010.
506. Солопов М. Россия тратит на одного заключенного в 50 раз меньше Европы // URL: <http://www.rbc.ru/society/11/02/2015/54db24779a794752506f1ebf> (дата обращения: 21.04.2017).
507. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1913.
508. Сорокин П. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1.
509. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность. В: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 1992.
510. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
511. Состояние преступности в России за 1999 г. М.: МВД РФ. 2000.
512. Состояние преступности в России за 2003 г. М.: МВД РФ, 2004.
513. Состояние преступности в России за 2008 г. М.: МВД РФ, 2009.
514. Состояние преступности в России за 2009 г. М.: МВД РФ, 2010.
515. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 г. М.: МВД, 2017 // URL: <https://мвд.рф/reports/item/9338947/> (дата обращения: 20.03.2017).
516. Состояние преступности в России. Ежегодники. М.: МВД РФ.
517. Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде. М., 1996.
518. Социальная философия Александра Зиновьева // Вопросы философии. 1992. № 11.

519. Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования. М., 1979.
520. Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Н. Новгород, 2007.
521. Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
522. Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1887.
523. Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
524. Спиридонов Л.И. В русле социологического подхода. В: Отклоняющееся поведение молодежи. Таллин: Институт истории АН Эст. ССР, 1979.
525. Спиридонов Л.И. Криминологический факт и его оценка. В: Криминология и уголовная политика. М.: ИГиПАН СССР, 1985.
526. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Л.: ЛГУ, 1973.
527. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. СПб.: ВШ МВД РФ, 1995.
528. Спок Б. Интервью // Литературная газета. 1968. №10.
529. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе (Отчет-2)». СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2000.
530. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». СПб.: СПб Ф ИС РАН, 1999.
531. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе (Отчет-3)». СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2001.
532. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (Отчет-4). СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2002.
533. Старков О.В. Бытовые насильственные преступления. Рязань: ВШ МВД РФ, 1992.
534. Старков О.В. Криминальная субкультура. Спецкурс. М.: Wolters Kluwer, 2010.
535. Старков О.В. Предупреждение преступлений. М.: Юристъ, 2005.
536. Старков О.В., Милюков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
537. Старович З. Судебная сексология. М.: Юрид. лит., 1991.
538. Статистика и аналитика МВД РФ // URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 10.03.2014).
539. Статистические данные ГИАЦ МВД РФ // URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic> (дата обращения: 15.03.2014).
540. Стерн В. Альтернативы тюрьмам: Размышления и опыт. Лондон-М., 1996.
541. Стерн В. Грех против будущего: Тюремное заключение в мире. М.: Penal Reform International (PRI), 1998.
542. Стоекер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. Альманах. 2000. № 1.
543. Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или сорок лет спустя // Юность. 1988. № 6.
544. Судебная статистика: Преступность и судимость (современный анализ данных уголовной судебной статистики России 1923–1997 годов). М.: Российский Юридический Издательский Дом, 1998.
545. Тангиев Б.Б. Криминология. Контроль и противодействие экологической преступности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
546. Тангиев Б.Б. Экокриминология. Парадигма и теория. Методология и практика применения. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
547. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892 (последнее издание — 1999 г.).
548. Тард Г. Преступник и преступления. М., 1906.
549. Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907.
550. Тарновская П.Н. Женщины-воровки. СПб., 1891.
551. Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. СПб., 1902.
552. Творчество как позитивная девиантность / Под ред. Я. Гилинского и Н. Исаева. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
553. Теневая экономика — 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности / Ред. Л. Тимофеев. М.: РГГУ, 2008.
554. Теневая экономика — 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности / Ред. Л. Тимофеев. М.: РГГУ, 2008.
555. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / Ред. С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
556. Теоретические основы предупреждения преступности. М.: Юрид. лит., 1977.
557. Теракт в Ницце // Сноб. 2016. 15 июля.
558. Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985.

559. Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки теории. М.: РГГУ, 2000.
560. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М.: РГГУ, 1998.
561. Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория, анализ, модели. Учебник для вузов. М.: РГГУ, 2008.
562. Токарева Е.К. Узы брака и узы свободы // Социологические исследования. 1987. № 2.
563. Толерантность и интолерантность в современном обществе / Ред. И. Первова. СПб ГУ, 2005.
564. Толерантность и интолерантность в современном обществе / Ред. И. Первова. СПб ГУ, 2006.
565. Толерантность и интолерантность в современном обществе. СПб ГУ, 2008.
566. Топильская Е.В. Организованная преступность. СПб.: Юридический Центр-Пресс. 1999.
567. Топильская Е. Криминология организованной преступности: в 2-х т. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
568. Торговля людьми: Социокриминологический анализ / Ред. Е. Тюрюканова, Л. Ерохина. М., 200.
569. Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. № 12.
570. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984.
571. Туровская М. «Преступления века» и «массовая цивилизация» // Новый мир. 1968. № 7.
572. Тюремный мир глазами политзаключенных / Ред. В. Абрамкин. М.: Общественный Центр «Содействие», 1993.
573. Тюрьма — не женское дело / Ред. В. Абрамкин. М., 2000.
574. Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: Нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева, 2006.
575. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990.
576. Уголовное право и социализм / Ред. М.Н. Гернет. М., 1908.
577. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
578. Устинов В.С. Методы предупредительного воздействия на преступность. Горький, 1989.
579. Учебное пособие по основным наркотическим средствам, используемым в незаконном обороте. Выборг: ГТК РФ, СЗТУ РФ, 1995.
580. Ушакова В.К. Гинекоцентризм против андроцентризма // Социологические исследования. 1985. № 1.
581. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989.
582. Уэйн Дж. Зимой в горах // Иностранная литература. 1972. № 5.
583. Федоров А.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: уголовно-политические, уголовно-правовые, криминологические, историко-правовые и международно-правовые аспекты: сб. ст. М.: Юрист, 2013.
584. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
585. Феоктистов М.В. Экономические и служебные преступления. Методические материалы по спецкурсу. Саратов, 2003.
586. Ферри Э. Уголовная антропология и социализм. В: Уголовное право и социализм / Ред. М.Н. Гернет. М., 1908.
587. Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908.
588. Ферро М. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М., 1989.
589. Филиппов Л.И. Философская антропология Жан-Поля Сартра. М.: Наука, 1977.
590. Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980.
591. Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972.
592. Франк Л.В. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.
593. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
594. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. В: Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет: в 2-х кн. Кн. 2. Тбилиси: «Мирани», 1991.
595. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
596. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
597. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
598. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум, 1996.
599. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.
600. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
601. Фурман Д. Преемник начал ревизию наследства. На смену мафиозному хаосу идет мафиозный порядок // Общая газета. 2000. № 39. 28 сентября — 4 октября.

602. Харабет К.В. Социально-правовые и криминологические основы предупреждения наркотизма и наркопреступности среди военнослужащих. История и современность. М.: Наука, 2013.
603. Характеристика осужденных к лишению свободы: по материалам специальной переписи 1999 / Ред. А.С. Михлин. Т. 2. М.: Юриспруденция, 2001.
604. Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: по материалам специальной переписи 1999 г. / Ред. А.С. Михлин. Т. 1. М.: Юриспруденция, 2000.
605. Харитонов К.В. Насильственная преступность женщин с психическими аномалиями. Орел: ОГУ, 2009.
606. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М: Педагогика, 1986. Т. 1.
607. Хови Т. Стремление маленькой мошки // Иностранная литература. 1968. № 7.
608. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981
609. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс-Универс, 1993.
610. Хохряков Г.Ф. Криминология. М.: Юристъ, 1999.
611. Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юрид. лит., 1991.
612. Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985.
613. Хохряков Г.Ф., Саркисов Г.С. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван: Айястан, 1988.
614. Хулман Л., Макклиток Ф. В: Планирование мер борьбы с преступностью. М.: ИГиПАН, 1982.
615. Чайковский Ю. К общей теории эволюции // Путь. 1993. № 4.
616. Чалидзе В. Уголовная Россия. М.: ТЕРРА, 1990.
617. Чаликова В. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М., 1989.
618. Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности: (Социологическая школа в науке уголовного права). М., 1910.
619. Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
620. Человек и тюрьма: сборник информационных материалов / Ред. В. Абрамкин. М., 1998.
621. Человек как объект социологического исследования / Ред. Л.И. Спиридонов, Я.И. Гишинский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
622. Черная книга преступлений против детей в Санкт-Петербурге: Факты, документы, комментарии. СПб.: Детский фонд им. Ф.М. Достоевского, 1994.
623. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.
624. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб.: ИВЭ-СЭИП, 2002.
625. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995.
626. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984.
627. Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России. В: Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999.
628. Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: ГИЮЛ, 1957.
629. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л.: ЛГУ, 1973.
630. Шаргородский М.Д. Научный прогресс и уголовное право // Советское государство и право, 1969. № 12.
631. Шаров Л. Оставьте преступность в покое // Общая газета. 1998. № 2. 15–21 января.
632. Шедрин Н.В., Кылина О.М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск: КГУ, 2006.
633. Шедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М.: Наука, 1964.
634. Шестаков Д.А. Криминология: краткий курс. СПб.: Лань, 2001.
635. Шестаков Д.А. Криминология: учебник для вузов. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
636. Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2003.
637. Шестаков Д.А. Семейная криминология. СПб.: Изд-во СПб ун-та. 1996.
638. Шестаков Д.А., Дикаев С.У., Данилов А.П. Санкт-Петербургский Международный криминологический клуб: прошлое и настоящее. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012.
639. Шишов О.Ф. Смертная казнь в истории России и Советского государства. В: Смертная казнь: За и против. М.: Юрид. лит., 1989.
640. Шмальгаузен И.И. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск: Наука, 1968.
641. Шнайдер Г.И. Криминология. М.: Прогресс-Универс, 1994.
642. Шоу К. Техника изучения отдельных дел. Значение собственного жизнеописания подростка-делинквента. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.

643. Шоу К., Маккей Г. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
644. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.-Л., 1965.
645. Шур Э. Наше преступное общество: Социальные и правовые источники преступности в Америке. М.: Прогресс, 1977.
646. Шур Н. Рабский труд заключенных в современной России. Челябинск, 2014.
647. Экологическая преступность в Европе / Ред. О.Л. Дубовик. М.: Городец, 2010.
648. Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности / Под ред. Л. Тимофеева и Ю. Латова. М.: РГГУ, 1999.
649. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
650. Эффективность действия правовых норм / Ред. А.С. Пашков и др. Л.: ЛГУ, 1977.
651. Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор Бук, 2005.
652. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации. Тюмень: ТЮИ МВД, 2007.
653. Юстицкий В. Организованная преступность: смена парадигм. В: Преступность и криминология на рубеже веков: материалы XII Международного Балтийского криминологического семинара. СПб: СПб ФИС РАН, СПб ГУ, 1999.
654. Яблонский Л. Шайка делинквентов как промежуточная группа. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
655. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. 2-е изд. СПб.: Интерсоцис, 2009.
656. Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара: Самарский ун-т, 1995.
657. Яковлев А.М. Преступность и социальная психология: Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М.: Юрид. лит., 1971.
658. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988.
659. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985.
660. Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. № 1/2.
661. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.
662. Abadinsky H. Organized Crime. Fourth Ed. Chicago: Nelson-Hall Publishers. 1994.
663. Abolitionism in History: On another Way of Thinking. — Warsaw, 1991.
664. Aebi M. Crime Trends in Europe from 1990 to 2000. In: Aromaa K., Nevala S. (Eds.) Crime and Crime Control in an Integrating Europe. Helsinki: HEUNI, 2004.
665. Aebi M., Stadnic N. Council of Europe. Space I (Council of Europe Annual Penal Statistics) Survey 2005. Strasbourg, 2007.
666. Afanasyev V. Views on Social Problems among Influential Groups in St. Petersburg. In: Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. Helsinki: NAD Publication. 1998.
667. Afanasyev V., Gilinskij Y. Alcohol, Drugs and Crime in the St. Petersburg Press. In: Social Problems in Newspapers. Studies around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication. 1994.
668. Afanasyev V., Gilinskij Y., Golbert V. Social Changes and Crime in St. Petersburg. In: Ewald U. (Ed.) Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries. Bonn: Forum Verlag Godesberg. 1997.
669. Agnew R. Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency // Criminology, 1992. No 30.
670. Agnew R. Sources of Criminality: Strain and Subcultural Theories. In: Sheley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Wadsworth, 2000.
671. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing Co., 1990.
672. Albanese J. Organized Crime: The Mafia Mystique. In: Shelley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Second Ed. Wadsworth Publishing Co. 1995.
673. Albin J. The American Mafia: Genesis of a Legend. NY: Appleton-Century-Crofts. 1971.
674. Albrecht G., Ludvig-Mayerhofer (Eds.) Diversion and Informal Social Control. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1995.
675. Alvazzi del Frate A. Preventing Crime: Citizen's Experience Across the World. Roma: UNICRI, 1997.
676. Anechiarico F., Jacobs J. The Pursuit of Absolute Integrity: How Corruption Control Makes Government Ineffective. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1996.

677. Annual Report on the State of the Drugs Problem in the European Union. Lisboa: EMCDDA, 1997.
678. Aromaa K., Heiskanen M. (Eds.) Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004. Helsinki, HEUNI, 2008.
679. Aromaa K., Nevala S. (Eds.) Crime and Crime Control in an Integrating Europe. Helsinki: HEUNI, 2004
680. Baird R., Rosenbaum S. (Eds.) Punishment and the Death Penalty: The Current Debate. Prometheus Book, 1995.
681. Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998.
682. Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2000 // Home Office Statistical Bulletin, 2002, Issue 05/02.
683. Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin, Issue 12/03, 2003.
684. Barclay G., Tavares C., Siddique A. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 1999 // Home Office Statistical Bulletin, May 2001, Issue 6/01.
685. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River, 1997.
686. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L.: Routledge, 1992.
687. Becker G. Crime and Punishment: an Economic Approach // Journal of Political Economy, 1968. Vol. 76. No 2.
688. Becker G. Economic Analysis and Human Behavior // Advances in Behavioural Sciences. Vol. 1. NY: Ablex, Norwood. 1987.
689. Becker H. The Outsiders. The Free Press of Glencoe, 1963.
690. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.
691. Black D. The Behavior of Law. NY: Academic Press, 1976.
692. Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. L.: Jessica Kingsley Publishers, 1998.
693. Bohm R. A Primer on Crime and Delinquency. Belmont: Wadsworth, 1997.
694. Bondeson U. (Ed.) Crime and Justice in Scandinavia. Copenhagen: Forlaget Thomson A/S, 2005.
695. Bonger W. Criminality and Economic Conditions. Little, Brown, Boston, 1916.
696. Bosworth M., Hoyle C. (Eds.) What is Criminology? Oxford University Press, 2011.
697. Braithwaite J. Crime, Shame, and Reintegration. Cambridge University Press, 1989.
698. Brown S., Esbensen F-A., Geis G. Criminology: Explaining Crime and its Context. Third Edition. Anderson Publishing Co., 1998.
699. Bryant C. (Editor-in-Chief.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. IV. Self-Destructive Behavior and Devalued Identity. Brunner Routledge, Taylor and Francis Group, 2001.
700. Burke R.H. An introduction to Criminological Theory. Third Edition. Willan Publishing, 2009.
701. Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press. 1995.
702. Cassesse A. Terrorism, Politics and Law. Cambridge: Polity Press, 1989.
703. Celebrating Prevention: European Crime Prevention Award 1997. Information and PR Office Prevention, 1997.
704. Champion D. J. Corrections in the United States. A Contemporary Perspective. Fourth Edition. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005.
705. Christie N. A Suitable Amount of Crime. NY-L.: Routledge, 2004.
706. Christie N. Limits to Pain. — Oxford: Martin Robertson, 1981.
707. Clay W. To Kill or Not to Kill: Thoughts on Capital Punishment. San Bernardino (Calif.), 1990.
708. Clear T., Terry K. Correction Beyond Prison Walls. In: Sheley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Third Edition. Wadsworth, Thomson Learning, 2000.
709. Cloward R., Ohlin L. Delinquency and Opportunity. NY: Free Press, 1960.
710. Cohen A. K. Delinquent Boys. The Culture of the Gang. NY: Free Press, 1955.
711. Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans: Paladin, 1973.
712. Cohen S. Human Rights and Crimes of the State: the Cultural of Denial. In: Criminological Perspectives. A Reader. SAGE, 1996.
713. Coleman J. The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime. NY: St. Martin's Press, 1985.
714. Combating Hate Crimes in the OSCE Region: An Overview of Statistics, Legislation, and National Initiatives. Warsaw, 2005.
715. Community Policing in Chicago, Year Seven: An interim Report. Chicago: Illinois Criminal Justice Information Authority, November 2000.
716. Complex White Collar Crime. Canberra: Commonwealth of Australia, 1993.
717. Consedine J. Restorative Justice. Healing the Effects of Crime. Lyttelton (NZ): Ploughshares Publications, 1993.

718. Contemporary Justice Review: Issues in Criminal, Social and Restorative Justice: Special Issue on The Phenomenon of Restorative Justice. 1998. Vol. 1. No 1.
719. Correctional Institutions in Japan. Correctional Bureau Ministry of Justice, 1985.
720. Coser L. The Functions of Social Conflict. L.: Free Press of Glencoe, 1956.
721. Crime in United States 2000. Uniform Crime Reports. Washington, D.C.: US Department of Justice Federal Bureau of Investigation, 2001.
722. Criminological Perspectives. A Reader. SAGE, 1996.
723. Criminology in the 21st Century: a Necessary Balance between Freedom and Security. Book of Abstracts. Bilbao, 2012.
724. Das neue Taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. B. 13.
725. Das neue Taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. B. 16.
726. Davis N., Anderson B. Social Control: The Production of Deviance in the Modern State. Irvington Publishers Inc., 1983.
727. De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996.
728. De Lisi M., Vaughn M.G. (Eds.) Biosocial Criminology. Critical concepts in Criminology. Vol. I–IV. L., NY: Routledge, 2016.
729. Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publ., Inc., 1996.
730. Einstadter W., Henry S. Criminological Theory: An Analyses of Its Underlying Assumption. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1995.
731. Electronic Monitoring: The Trials and their Results. L., Home Office. 1990.
732. Elliot D., Hamburg B., Williams K. (Eds.) Violence in American Schools. Cambridge University Press, 1998.
733. Ewald U. (Ed.) Social Transformation and Crime in Metropolises of Former Eastern Bloc Countries. Bonn: Forum Verlag Godesberg. 1997.
734. Falck S., von Hofer H., Storgaard A. (Eds.). Nordic Criminal Statistics 1950–2000. Stockholm, 2003.
735. Fattah E. Towards a Critical Victimology. Macmillan Press. 1992.
736. Fay K. Prescribed Addiction. In: Bloor M., Wood F. Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. L.: Jessica Kingsley Publishers, 1998.
737. Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008.
738. Ferrell J., Sanders C. Cultural Criminology. Boston: Northeastern University Press, 1995.
739. Fijnaut C., Paoli L. (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. Vol. I–IV. Springer, 2004.
740. Finch E., Favinski S. Criminology Skills. Second Edition. Oxford University Press, 2016.
741. Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd. 1998.
742. Fishbein D. Biobehavioral Perspectives in Criminology. Wadsworth, Thomson Learning, 2001.
743. Forst B. (Ed.) The Socio-Economics of Crime and Justice. M.E. Sharpe, Inc. 1993.
744. From Russia with sex // New York, August, 10, 1998.
745. Fuller R., Myers R. Some Aspects of a Theory of Social Problems / American Sociological Review, 1941. Vol. 6, February.
746. Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's FreedomFighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3. No 4.
747. Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. — Oxford University Press, 2003.
748. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. No 3.
749. Gerstenfeld Ph. Hate Crimes: Causes, Controls and Controversies. SAGE Publications, 2004.
750. Gerstenfeld Ph., Grant D. (Eds.) Crime of Hate: Selected Readings. SAGE Publications, 2004.
751. Gilinskiy Y. [Organized Crime in] Russia. In: Kego W., Leijonmarck E., Molcean A. (Eds.) Organized Crime and the Financial Crisis. Recent Trends in the Baltic Sea Region. Stockholm, 2011.
752. Gilinskiy Y. Economic Crime in Contemporary Russia // European Financial Service Law, 1998. Vol. 5. No 3–4.
753. Gilinskiy Y. Police and the Community in Russia // Police Practice and Research. An International Journal. 2005. Vol. 6. No 4.
754. Gilinskiy Y., Ivanov L. Victimology in the USSR: Theoretical Approach and Empirical Research. In: Kaiser G., Kury H., Albrecht H.-J. (Eds.) Victims and Criminal Justice. Freiburg in Br.: Max Planck Institute. 1991.
755. Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y. From Thievish *Artel* to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia. In: C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. Vol. 4. Springer, 2004.

756. Goffman E. Asylums. Harmondsworth, Penguin Books, 1961.
757. Goldstein A., Segall M. (Eds.) Agression in Global Perspective. Pergamon Press, 1983.
758. Gondolf E. Psychiatry Response to Family Violence. D.C. Toronto, 1991.
759. Government of Japan. Summary of the White Paper on Crime. Research and Training Institute Ministry of Justice, 1996.
760. Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. Palgrave Macmillan, 2012.
761. Griffiths M. Against the Odds: An Overview of Gambling Addiction. In: Bloor M., Wood F. (Eds.) Addictions and Problem Drug Use: Issues in Behavior, Policy and Practice. L.: Jessica Kingsley Publishers, 1998.
762. Grover Ch. Crime and Inequality. Willan Publishing, 2008.
763. Grover Ch. Inequality and Crime. In: Peelo M., Soothill K. (Eds.) Questioning Crime and Criminology. Willan Publishing, 2005.
764. Gurvich, I., Rusakova, M., Pyshkina, T., Yakovleva, A. The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Stockholm, 2002.
765. Hack P., Fleck Z. Tough on crime: soft on constitutional guarantees. The case of Hungary // Criminology in Europe. ESC. 2013. No 2.
766. Hagan F. Introduction to Criminology: Theories, Methods, and Criminal Behavior. 6th Edition. SAGE, 2008.
767. Hagan J. Introduction to Criminology: Theories, Methods, and Criminal Behavior. Nelson-Hall, 1986.
768. Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. NY: McGraw-Hill. 1985.
769. Hagan J. Structural Criminology. New Jersey: Rutgers, The State University. 1989.
770. Hall N. Hate Crime. Willan Publishing, 2005.
771. Hall S. Theorizing Crime and Deviance: A New Perspective. SAGE, 2012.
772. Hall S., Winlow S., Angrum C. Criminal Identities and Consumer Culture: Crime, exclusion and the new culture of narcissism. Willan Publishing, 2008.
773. Hammerschick W., Karazman-Morawetz I., Stangl W. (Hrsg.) Die sichere Stadt: Prävention und kommunale Sicherheitspolitik. Nomos Verlag, 1995.
774. Harrendorf S., Heiskanen M, Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010.
775. Hawkins D. Crime and Ethnicity. In: Forst B. (Ed.) The Socio-Economics of Crime and Justice. M.E. Sharpe, Inc. 1993.
776. Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996.
777. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism. SAGE. 1996.
778. Herman. Recherches sur le nombre des suicides et homicides commis en Russie pendant les années 1819 et 1820 // Mémoires de l'Academie Imperiale des Sciences de S. Petersburg. 1832. Sér. 6. No 1.
779. Herz A. Trafficking in Human Beings: An Empirical Study on Criminal Prosecution in Germany. Freiburg in Br.: MPI, 2006.
780. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.
781. Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D. Beyond Criminology: Taking Harm Seriously. Pluto Press, Fernwood Publishing, 2004.
782. Hirschi T. Causes of Delinquency. Berkeley: University of California Press, 1969.
783. Homicide Trends in the United States: 1998. Update Washington: U.S. Department of Justice, 2000.
784. Hood R. Capital Punishment: A Global Perspective // Punishment and Society. 2001. Vol. 3. No 3.
785. Hood R. The Death Penalty: A World-wide Perspective. Oxford: Clarendon Press, 1996.
786. Hooton E. The American Criminal. An anthropological study. Cambridge, 1939.
787. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. No 10.
788. Humphrey J. Deviant Behavior. NJ: Prentice Hall, 2006.
789. Information on the Criminal Justice System in England and Wales. Home Office, Digest 4, October 1999.
790. Ingstrup O. Only those who believe can stay the Course in turbulent Times: A Value-based, strategic approach to the Management and development of Corrections. Canadian Centre for Management Development, 1995.
791. Irk F. (Ed.) Victims and Opinions. Vol. 1, 2. Budapest, OKRI, 2004.
792. Jacobs J., Friel C., Radick R. Gotham Unbound: How New York City was Liberated from the Grip of Organized Crime. NY-L: New York University Press, 1999.
793. Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998.
794. Jacobsen M.H., Walkate S. Liquid Criminology. L.-NY: Routledge, 2017.

795. Johnston L., Malley P., Bachman J. Drug Use, Drinking, and Smoking: National Survey Results from High School, College, and Young Adults Populations. 1975–1988. Rockville, 1989.
796. Joseph L. (Ed.) Crime, Communities and Public Policy. University of Chicago, 1995.
797. Joutsen M. Recent Trends in Crime in Western Europe // European Journal on Criminal Policy and Research, 1996.
798. Joutsen M. The Criminal Justice System in Finland: A General Introduction. Helsinki, 1990.
799. Junger-Tas, J. Alternatives to Prison Sentences: Experiences and Developments. Amsterdam, NY, 1994.
800. Kaiser G., Kury H., Albrecht H-J. (Eds.) Victims and Criminal Justice. Freiburg in Br.: Max Planck Institute. 1991.
801. Kangaspunta, K. Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3. No 1.
802. Kego W., Molcean A. (Eds.) Russian Organized Crime: Recent Trends in the Baltic Sea Region. Stockholm, 2012.
803. Kego W., Molcean A. Russian Speaking Organized Crime Groups in the EU. Stockholm, 2011.
804. Kelly R., Ko-lin Chin, Schatzberg R. (Eds.) Handbook of Organized Crime. In the United State. Greenwood Press. 1994.
805. King R., McDermott R. The State of our Prisons. Oxford: Clarendon Press, 1995.
806. Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications, 1998.
807. Kressel N. Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. Plenum Press, 1996.
808. Kury H. (Hrsg.) Konzepte Kommunaler Kriminalprävention. Freiburg: MPI, 1997.
809. Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carroll) // Security Journal, Perpetuity Press Ltd. Vol. 12. No 3. 1999.
810. Lagebild Menschenhandel. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1999, 2000, 2001.
811. Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998.
812. Lanier M., Henry S., Anastasia D. Essential Criminology. Fourth Edition. Avalon Publishing, 2014.
813. Laqueur W. Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977.
814. Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co, 1987.
815. Left N. Economic Development through Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist, 1964. VIII.
816. Lemert E. Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior. NY: McGraw-Hill, 1951.
817. Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.
818. Lesieur H., Welch M. Vice Crimes: Personal Autonomy Versus Societal Dictates. In: Sheley J. Criminology: A Contemporary Handbook. Third Edition. Wadsworth, Thomson Learning, 2000.
819. Long D. The Anatomy of Terrorism. The Free Press, 1990.
820. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007.
821. Mannheim H. Comparative Criminology. L., 1973. Vol. 2.
822. Mathiesen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory. In: Scandinavian Studies in Criminology. Oslo / London, 1974.
823. Matza D. Delinquency and Drift. NY, 1964.
824. McShane M., Williams F. (Eds.) Criminal Justice. Contemporary Literature in Theory and Practice. NY-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.
825. Messerschmidt J. Crime as Structured Action: Gender, Race, Class, and Crime in the Making. SAGE, Inc. 1997.
826. Messner S., Golden R. Racial Inequality and Racially Disaggregated Homicide Rates: An Assessment of Alternative Theoretical Explanations. In: McShane M., Williams F. (Eds.) Criminal Justice. Contemporary Literature in Theory and Practice. NY-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.
827. Milovanovic D. Postmodern Criminology. NY L.: Garland Publishing, Inc, 1997.
828. Morris R., Heffren C. Street People Speak. Mosaic Press, 1988.
829. Moskalewicz J. et all. Prevention and Management of Drug Abuse in Poland. Summary of Final Report. Warsaw, 1999.
830. Moskalewicz J., Świątkiewicz G. (Eds.) Drug demand reduction in Poland inventory of data prepared for PHARE programme «Fight against Drugs». Warsaw, 1995.
831. Mullen P., Pathé M., Purcell R. Stalkers and their Victims. Cambridge University Press, 2000.
832. Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. SAGE Publications, 1996.
833. Nelken D. (Ed.) The Futures of Criminology. SAGE Publications, 1994.
834. Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. NY.: Oxford University Press. 1999.

835. O'Donnel G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.
836. Palermo G., White M. *Letters from Prison: A Cry for Justice*. — Charles C Thomas Publisher Ltd., 1998.
837. Peelo M., Soothill K. (Eds.) *Questioning Crime and Criminology*. Wilan Publishing, 2005.
838. Pepinsky H. *The Geometry of Violence and Democracy*. Indiana University Press, 1991.
839. Pepinsky H., Jesilov P. *Myths that Cause Crime*. Seven Locks Press, 1984.
840. Pepinsky H., Quinney R. (Eds.) *Criminology as Peacemaking*. Bloomington: Indiana University Press, 1991.
841. Podgórecki A. *Patalogia życia społecznego*. Warszawa, 1969.
842. *Police Crime Statistics 2006*. Federal Republic of Germany. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 2007.
843. *Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2004*. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2005.
844. *Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2014*. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2015.
845. Presdee M. *Cultural Criminology and the Carnival of Crime*. Routledge, 2000.
846. Pro et Contra. *Проблемы глобализации*. 1999. Т. 4. No 4.
847. Quinney R. *The Social Reality of Crime*. Boston: Little, Brown & Co, 1970.
848. Quinney R. *The Social Reality of Crime*. In: Williams 111 F., McShane M. *Criminology Theory. Selected Classic Readings*. Second Ed. Cincinnati: Anderson Publishing Co., 1998.
849. Ramberg I. *Islamophobia and its consequence on Young People*. Budapest, 2004.
850. Rapp-Paglicci L., Roberts A., Wodarski J. (Eds.) *Handbook of Violence*. NY: John Wiley & Sons Inc., 2002.
851. *Recorder Crime England and Wales, 12 months // Home Office Statistical Bulletin*, 2001.
852. Reid S. *Crime and Criminology*. Fifth Ed. Holt, Rinehart & Winston, Inc. 1988.
853. Robinson M. *Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior*. NY: Pearson. Prentice Hall, 2004.
854. Ross E. *Social Control*. NY, 1901.
855. Rotwax H. *Guilty. The Collapse of Criminal Justice*. NY: Random House, 1996.
856. Sack F. *Neue Perspektiven in der Kriminologie*. In: Sack F., König R. (Hrsg.) *Kriminalsoziologie*. Wisbaden, 1968.
857. Sack F., König R. (Hrsg.) *Kriminalsoziologie*. Wisbaden, 1968.
858. Santino U., La Fiura G. *Behind Drugs: Survival economies, criminal enterprises, military operations, development projects*. Edizioni Gruppo Abele, 1993.
859. Scarpitti F., Nielsen A. (Eds.) *Crime and Criminals: Contemporary and Classic Readings in Criminology*. Los Angeles: Roxbury Publishing Co. 1999.
860. Schmallegger F. *Criminology Today*. New Jersey: Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1996.
861. Schneider H.J. *Kriminologie*. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1987.
862. Schoncheck J. *On Criminalization: An Essay in the Philosophy of the Criminal Law*. Kluwer Academic Publishers, 1994.
863. Schur E. *Crimes Without Victims*. Englewood Cliffs, 1965.
864. Scogan W., Hartnett S. *Community Policing, Chicago Style*. Oxford University Press, 1997.
865. Scott J. *Comparative Political Corruption*. Englewood Cliffs, 1972.
866. Seiter R. *Corrections: An Introduction*. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005.
867. Sgarzi J., McDevitt J. (Eds.) *Victimology: A Study of Crime Victims and Their Roles*. NJ: Prentice Hall, 2003.
868. Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. *Determining Trends in Global Crime and Justice: An Overview of Results from the United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice System // Forum on Crime and Society*. Vol. 3. No 1–2. 2003. NY, 2004.
869. Sheley J. *Criminology: A Contemporary Handbook*. Third Edition. Wadsworth, Thomson Learning, 2000.
870. Siegel L. *Criminology*. 4th Ed. West Publishing Co., 1992.
871. Smith D. *The Mafia Mystique*. Lanhamy MD: University Press of America, 1990.
872. Spector M., Kitsuse J. *Constructing Social Problems*. Menlo Park, 1977.
873. *Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention*. Stockholm, 2006.
874. *Statistics on Race and the Criminal Justice System*. Home Office, 2000.
875. *Statistics on Women and the Criminal Justice System*. Home Office, 2000.
876. Steinert H. *The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason*. In: Albrecht G., Ludwig-Mayerhofer W. (Eds.) *Version and Informal Social Control*. — Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995.

877. Strafrechtspflege in Deutschland: Fakten und Zahlen. Bonn: Bundesministerium für Justiz, 1996.
878. Summary of the White Paper on Crime. 1996 Research and Training Institute Ministry of Justice /Japan/. 1997.
879. Summary of the White Paper on Crime. Government of Japan. Research and Training Institute Ministry of Justice, 1996.
880. Sumner W. Folkways. Boston, 1906.
881. Sutherland E. The Professional Thief: By a professional thief. Chicago: University of Chicago Press, 1937.
882. Sutherland E. White-Collar Crime. NY: Holt, Rinehart & Winston, 1983 (первая публикация 1949 г.).
883. Sutherland E., Cressey D. Principles of Criminology. NY, Philadelphia, 1960.
884. Swaaningen van R. Critical Criminology. Visions from Europe. SAGE Publications Ltd, 1997.
885. Sykes G., Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review, 1957. No 22.
886. Tannenbaum F. Crime and the Community. NY: Columbia University Press, 1938.
887. Taylor I. (Ed.) The Social Effects of Free Market Policies. Harvester Wheatsheaf, 1990.
888. Taylor I. Crime, Capitalism and Community: Three essays in socialist criminology. Toronto: Butterworths, 1983.
889. Taylor I., Evans K., Fraser P. A. Tale of Two Cities: A Study in Manchester and Sheffield. Routledge, 1996.
890. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973.
891. Taylor S. Crime and Criminality. A multidisciplinary approach. L. NY: Routledge, 2016.
892. Terrorismus. In: Das neue taschen Lexikon. Band 16. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992.
893. The 2000 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin. London, 2000. 18/00.
894. The 2001 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin, 2001, Issue 18/01.
895. The Mafia Manager: A Guide to the Corporate Machiavelli. NY: St. Martin's Press, 1996.
896. The Prevention Pioneers: History of the Hein Roethof Prize 1987–1996. Information and PR Office Prevention, 1997.
897. The Sex Trade: Trafficking of Women and Children in Europe and the US. Testimony of Anita Botti, Deputy Director for International Women's Initiatives. Hearing before the Commission on Security and Cooperation in Europe. Washington, June, 29, 1999.
898. Thomas W. Das Kind in Amerika // Person und Sozialverhalten. Neuwild, 1965.
899. Thrasher F. The Gang. Chicago: University Press, 1936.
900. Thrasher F. The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 1927.
901. Tibbetts P. The Sociology of Scientific Knowledge: The Constructivism Thesis and Relativism // Philosophy of the Social Science. 1986. Vol. 16.
902. Tierney J. Criminology: Theory and Context. Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996.
903. Tittle Ch. Control Balance: Toward a General Theory of Deviance. Westview Press, 1995.
904. Tomasic R., Freeley M. (Eds.) Neighborhood Justice: Assessment of an Emerging Idea. NY L.: Longman Inc., 1982.
905. Trafficking in Human Beings: First Report of the Dutch National Rapporteur. The Hague: Bureau NRH, 2002.
906. Trafficking in Women: Situation Report. No 1–5. Stockholm: National Criminal Investigation Department, 1998–2002.
907. Tsytsarev S., Gilinskiy Y. [Gambling in] Russia. In: Meyer G., Hayer T., Griffiths M (Eds.) Problem Gambling in Europe: Challenges, Prevention, and Interventions. Springer, 2008.
908. Turk A. Criminality and Legal Order. Chicago: Rand McNally, 1969.
909. Turk A. Political Criminality. In: Williams 111 F., McShane M. (Eds.) Criminology Theory. Selected Classic Readings. Second Ed. Cincinnati: Anderson Publishing Co., 1998.
910. Tutt N. (Ed.) Violence. L.: Her Majesty's Stationary Office. 1976.
911. UNODC: Intentional homicide (1995–2011).
912. van Dijk J., van Kaam R., Wemmers J-A. (Eds.) Caring for Crime Victims: Selected Proceedings of the Ninth International Symposium on Victimology. NY.: Criminal Justice Press, Monsey. 1999.
913. Viano E. (Ed.) Crime and its Victims: International Research and Public Policy Issues. Hemisphere Publishing Co. 1989.
914. Vold G., Bernard T., Snipes J. (Eds.) Theoretical Criminology. Fourth Ed. Oxford University Press, 1998.
915. von Hentig H. The Criminal and his Victim. Studies in the Sociology of Crime. New Haven, CT. 1948.
916. Wacquant L. Deadly Symbiosis. When Ghetto and Prison meet and mesh // Punishment and Society. Vol. 3. No 1. 2001. Pp. 95-133 (ч. II: 111).

917. Wallace H. Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. Allyn & Bacon. 1996.
918. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000, Vol.15, N3.
919. Walsh A. Biosocial Criminology. Introduction and Integration. Cincinnati OH: Anderson Publishing Co., 2002.
920. Walsh A. Biosociology: An Emerging Paradigm. Praeger Publishers, 1995.
921. Walters R. Deviant Knowledge. Criminology, politics and policy. Wilan Publishing, 2003.
922. Weber M. Staatssoziologie. Berlin, 1966.
923. Welsh B., Farrington D. (Eds.) Crime Prevention. Oxford University Press, 2012.
924. Wewer G. Politische Korruption. In: Politic-Lexicon. München, Wein: Oldenborg Verlag, 1994.
925. White R., Habibis D. Crime and Society. Oxford University Press, 2005.
926. White W. Street Corner Society. Chicago: University Press, 1943.
927. Williams 111 F., McShane M. (Eds.) Criminology Theory. Selected Classic Readings. Second Ed. Cincinnati: Anderson Publishing Co., 1998.
928. Winfree L., Abadinsky H. Understanding Crime. Theory and Practice. Chicago, 1996. World Health Statistics. Annual. World Health Organizations. Geneva.
929. Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations. SAGE Publications, 1996.
930. Young J. Radical Criminology in Britain: The Emergence of a Competing Paradigm // British Journal of Criminology. 1998. Vol. 2. No 2.
931. Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications. 1999.
932. Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007.
933. Zweiter Periodischer Sicherheitsbericht. Kurzfassung. Berlin: Bundesministerium des Innern, 2006.

Рекомендуемая литература

1. Абадинский Г. Организованная преступность. СПбГУ, 2002.
2. Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996.

3. Аванесов Г.А. 10 глав о мотивации и мотивах через призму науки криминологии. М.: ЮНИТИ, 2012.
4. Аванесов Г.А. Социальные образования и преступность. Криминологические рассуждения и заметки. М.: ЮНИТИ, 2011.
5. Аврутин Ю.Е., Гишинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л.: ЛВШ МВД, 1991.
6. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М.: Юристъ, 2006.
7. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014.
8. Бибик О.Н. Преступления, обусловленные особенностями культуры, в российском и зарубежном уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2014.
9. Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований. М.: Юрлитинформ, 2017.
10. Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск: Университетское, 1990.
11. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М.: Юринформ, 1999.
12. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999.
13. Габиани А.А., Гачечиладзе Р.Г. Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1982.
14. Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юрид. лит., 1974.
15. Гишинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.
16. Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. — СПб.: Алетейя, 2017.
17. Гишинский Я.И. Социальное насилие. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2017.
18. Глобализация и девиантность / Ред. Я. Гишинский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
19. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
20. Гуров А.И. Профессиональная преступность: Прошлое и настоящее. М.: Юрид. лит., 1990.
21. Гуров А. Красная мафия. М.: Самоцвет, 1995.
22. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

23. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003.
24. Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. I. Криминология. М.: ВШЭ, 2014.
25. Жмуров Д.В. Криминология в эпоху постмодерна. В поисках новых ответов. Иркутск, 2012.
26. Забрянский Г.И. Методика статистического изучения преступности (введение в криминологическую статистику). М.: РААиН, 2010.
27. Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних. М.: РААиН, 2013.
28. Забрянский Г.И. Криминология. Избранные статьи. М.: «Граница», 2013.
29. Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр «Судебно-правовая реформа». 1998.
30. Зюков А.М. Этническая преступность: Социальный феномен и меры противодействия. Владимир: Изд-во ИП Журавлева, 2010.
31. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.
32. Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань: Новое знание, 2006.
33. Касторский Г.Л. Основы криминологии: монография. СПб.: РТА, 2012.
34. Квашиш В.Е. Основы виктимологии. М.: Nota Bene. 1999.
35. Квашиш В.Е. Смертная казнь: Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 2008.
36. Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. СПб.: СПб Ф ИС РАН, 2001.
37. Кларк Р. Преступность в США: Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля. М.: Прогресс, 1975.
38. Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека. М.: Прогресс, 1989.
39. Комарницкий А.В. Уголовный закон и несовершеннолетние: монография. СПб.: ИВСЭИП, 2012.
40. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008.
41. Конструирование девиантности / Ред. Я. Гилинский. СПб: ДЕАН, 2011.
42. Криминология / Ред. Дж. Шели. СПб.: Питер, 2003.
43. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб.: Алетейя, 2011.
44. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001.
45. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2011.
46. Кристи Н., Бруун К. Удобный враг: Наркополитика в Скандинавии. СПб; Алетейя, 2013.
47. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. М.: Форум, 1998.
48. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного периода. М.: Гардарики, 2002
49. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003.
50. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
51. Лепешкина О.И. Смертная казнь: Опыт комплексного исследования. СПб.: Алетейя, 2010.
52. Ли Д.А. Преступность в России: Системный анализ. М.: Гелва, 1997.
53. Лопашенко Н.Н. Уголовная политика. М.: Wolters Kluwer, 2009.
54. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005.
55. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2-х т. М.: Юрайт, 2011.
56. Мильяненков Л. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992.
57. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
58. Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006.
59. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: «Ось-89», 1998.
60. Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
61. Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
62. Преступность среди социальных подсистем / Ред. Д.А. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

63. Рейсмен В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988.
64. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000.
65. Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень: Вектор Бук, 2007.
66. Смертная казнь: За и против. М.: Юрид. лит., 1989.
67. Сморгунова А.Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление. СПб.: РГПУ, 2005.
68. Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
69. Старков О.В. Криминальная субкультура. Спецкурс. М.: Wolters Kluwer, 2010.
70. Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки теории. М.: РГГУ, 2000.
71. Топильская Е.В. Криминология организованной преступности: монография: в 2-х т. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
72. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989.
73. Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980.
74. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
75. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
76. Хохряков Г.Ф. Криминология. М.: Юристъ, 1999.
77. Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юрид. лит., 1991.
78. Частная криминология / Ред. Д. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.
79. Честнов И.Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2004.
80. Шнайдер Г.Й. Криминология. М.: Прогресс — Универс, 1994.
81. Шур Э. Наше преступное общество: Социальные и правовые источники преступности в Америке. М.: Прогресс, 1977.
82. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации. Тюмень: ТЮИ МВД, 2007.
83. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985.
84. Яковлев А.М. Социология преступности. М.: МНЮИ, 2001.

Напомним также, что в России выходит несколько криминологических журналов, публикующих как классические, так и самые современные труды отечественных и зарубежных авторов:

- Криминологический журнал. Москва (издается с 2001 г.)
- Криминология: Вчера, сегодня, завтра. Санкт-Петербург (издается с 2001 г.).
- Российский криминологический взгляд. Ставрополь, Москва (издается с 2005 г.).
- Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права (издается с 2007 г.).

Оглавление

Предисловие к третьему изданию	3
Введение	5

Часть I ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Глава I. Криминология как наука	9
§1. Понятие и предмет криминологии	9
§2. Криминология в системе наук	12
§3. Структура криминологических знаний	16
§4. Методология криминологии	19
§5. Эмпирические криминологические исследования	25
Глава II. Преступность	30
§1. Понятие преступности	30
§2. Основные характеристики (показатели) преступности ..	46
§3. Латентная преступность	53
Глава III. Состояние преступности в современном мире ...	57
§1. Основные мировые тенденции преступности	57
§2. Состояние преступности в России	70
2.1. Преступность в Российской Империи	71
2.2. Преступность в России после 1917 г.	75

Часть II ОБЪЯСНЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Глава IV. История криминологической мысли	93
А. История зарубежной криминологии	93
§1. Зарождение криминологических идей	93
§2. Классическая школа уголовного права и криминологии ..	95
§3. Позитивизм в философии, науке, криминологии	97
§4. Современные криминологические теории. Постмодернизм	128

Б. История Российской криминологии	149
§5. От истоков до 1917 г.	149
§6. От 1917 г. до наших дней	154

Глава V. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии	162

Глава VI. Механизм индивидуального преступного поведения	182
§1. Существует ли «личность преступника»?	182
§2. Механизм индивидуального преступного поведения	202

Часть III КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Глава VII. Криминальное насилие (преступления против личности)	207
§1. Социальное насилие	207
§2. Криминологический анализ насильственных преступлений против личности	218
§3. «Преступления ненависти»: теория и российская реальность	232
§4. Террор и терроризм	246
§5. Торговля людьми	253

Глава VIII. Преступления против собственности (корыстные преступления)	265
§1. К постановке проблемы	265
§2. Криминологический анализ преступлений против собственности	268

Глава IX. Организованная преступность	278
§1. К постановке проблемы	278
§2. Организованная преступность как социальный феномен	282
§3. Преступная организация	287
§4. История организованной преступности в России	290

Глава X. Преступность белых воротничков.....	308
§1. Основные понятия.....	308
§2. Криминологический анализ беловоротничковой преступности.....	311
Глава XI. Профессиональная преступность.....	339
Глава XII. Подростково-молодежная преступность.....	344
§1. Исходные представления.....	344
§2. Криминологический анализ преступности несовершеннолетних.....	351
§3. Криминологический анализ преступности молодежи... ..	357
Глава XIII. Преступления, связанные с наркотиками.....	359
§1. Наркотизм как социальная проблема.....	359
§2. Наркотики в современном мире.....	368
§3. Криминологический анализ преступлений, связанных с наркотиками.....	373
Глава XIV. Иные виды преступлений.....	377

Часть IV

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ПРЕСТУПНОСТЬ

Глава XV. Социальный контроль над преступностью.....	392
§1. Понятие социального контроля.....	392
§2. Контроль над преступностью.....	404
§3. Уголовная политика.....	411
Глава XVI. Наказание: криминологический подход.....	417
§1. «Кризис наказания» и его последствия.....	417
§2. Смертная казнь.....	424
§3. Лишение свободы.....	432
Глава XVII. Профилактика преступлений.....	450
§1. Основные понятия.....	450
§2. Практика профилактики преступлений в современном мире.....	453
Заключение.....	460
Библиография.....	462

Я.И. Гишинский

доктор юридических наук, профессор

КРИМИНОЛОГИЯ: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль

Авторский курс

4-е издание, переработанное и дополненное

Генеральный директор Н.А. Исаев

Подписано в печать с готового оригинал-макета 2.10.2017 г.

Формат 60x90 1/16, печать офсетная.

Усл. печ. л. 30,05. Тираж 1000 экз. Заказ № 269.

ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс».

199155, Санкт-Петербург, проспект КИМа, д. 11, к. 44.

www.alef-press.org

тел.: 89192002020

E-mail: nikolajisaev@yandex.ru